This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

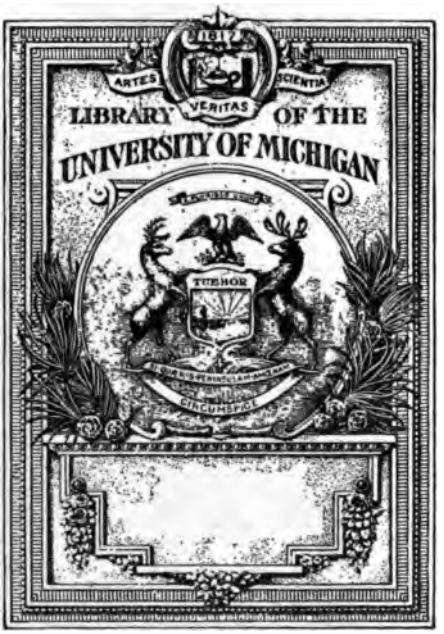
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 859,396



THE GIFT OF
Dr. J. V. Becelaere

ПОЛНАЯ

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ПОЛНАЯ

Russkaia Khristomatia

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

Составилъ

А. ГАЛАХОВЪ.

Изданіе шестое, съ перемѣнами.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ I.

КРАСНОРѢЧІЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1853.

Dr. J. V. Becelaere
gt.
5-2-1923

891.705
G146
VI

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Коми узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 года, Іюля 27-го дня.

Цензоръ, Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ЛШПБ

1952
за
2 V

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ст.

I. ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

I. Духовное Витійство.

А. Слова.

1. На погребеніе Бецкаго. — *Анастасія*. 1
2. Бесѣда о томъ, что есть воскресеніе мертвыхъ. — *Михаила*. 5
3. На текстъ: *Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* — *Леванды*. . . . 9
4. При совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ. — *Августина*. 13
5. По случаю заключеннаго мира Россіи съ Франціею и возстановленія свободы и спокойствія во всей Европѣ — 15
6. При случаѣ присяги избранныхъ по тульской губерніи судей 1815 года. — *Амвросія*. 20
7. О гласѣ вопіющаго въ пустыни, и на воспоминаніе происшествій 1812 года. — *Филарета*. 26
8. Въ Великій Пятокъ. — 34
9. По освященіи храма Явленія Божіей Матери Преподобному Сергію — 40
10. Избранныя мѣста изъ другихъ словъ Филарета 45
11. Въ Великій Пятокъ. — *Иннокентія*. 58
12. Въ Великій Пятокъ. — . . . . . —
13. На отданіе Пасхи. — 62
14. Слово, сказанное въ Тюремной Вологодской церкви. — 64
15. Слово въ 20 недѣлю по Пятидесятницѣ. Христіанское утѣшеніе при смерти любезныхъ намъ. — *Григорія* 68
16. Поученіе предъ Св. Причастіемъ. — *Родіона Путятина*. 71

Стр.

17. Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы. — 72

Б. Рѣчи.

18. Императрицѣ Екатеринѣ II — на прибытіе Ея въ Мстиславль — *Георгія*. 73
19. Императору Александру I, на коронованіе Его. — *Платона*. 74
20. На прибытіе Александра I въ Москву, въ 1812 году. — *Августина* 77
21. Императору Николаю I, на коронованіе Его. — *Филарета*. —
22. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ — на прибытіе Ея въ Москву 1826 года. — 78
23. Императору Николаю I — на прибытіе Его въ Москву, 1830 года. — . . . . . —

II. Свѣтское Витійство.

24. Похвальное слово Петру I. — *Ломоносова*. 79
25. Изъ Похвальнаго слова Екатеринѣ II. — *Карамзина*:
    а) Приступъ 96
    б) Качества Екатерины 98
26. Изъ Похвальнаго слова Императору Александру I. — *Мерзлякова* 101
27. О Гете. — *Уварова* 112
28. Рѣчь, произнесенная въ Академіи Наукъ, по случаю празднованія столѣтняго ея существованія. — 120
29. Рѣчь, произнесенная въ Академіи Наукъ, 16 ноября 1829 года. — 124
30. Рѣчь, произнесенная въ Академіи Наукъ, 20 декабря 1841 года. — 126
31. Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. — *К. П. Ширинскаго-Шихматова*. 137

423398

Стр.

32. Изъ Похвальнаго слова Александру Благословенному. — 129
33. Изъ Рѣчи о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной словесности. — *И. Давыдова*. . . 132
34. Изъ Рѣчи объ Уложеніи. — *Морошкина*. 137
35. Изъ Рѣчи при открытіи въ Казани памятника Державину— *Фойгта*. 142
36. Изъ похвальнаго слова Петру Великому.—*Никитенко*. 147

III. Манифесты, воззванія и высочайшіе рескрипты.

37. Возваніе къ Москвѣ 155
38. Манифестъ о вшествіи непріятеля въ предѣлы Россіи. . . —
39. О вступленіи непріятеля въ Москву 156
40. Приказъ арміямъ. 158
41. Объ изгнаніи непріятеля изъ Россіи. . . . . —
42. Приказъ войскамъ при выступленіи за предѣлы Россійской Имперіи. 160
43. Высочайшій рескриптъ Государя Императора Александра I Митрополиту Платону. 161
44. Фельдмаршалу Графу Салтыкову. . . . . —
45. Рескриптъ Императора Николая I Московскому Архіепископу Августину 162

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

I. Повѣствованія.

А. Собственно Исторія.

46. Рождество и первые годы земной жизни Господа Іисуса Христа. — *Филарета* 163
47. Разореніе Кіева Батыемъ. — *Карамзина*. 166
48. Битва на Куликовомъ полѣ. — 169
49. Покореніе Казани. — 171
50. Вѣнчаніе Годунова на царство. — 177

Ст

51. Блестящее властвованіе Годунова. — 1
52. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. — 1
53. Патріархъ Ермогенъ и Прокопій Ляпуновъ. — 1
54. Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ. — *Д. Давыдова*. 1
55. Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. — 1
56. Уничтоженіе мѣстничества.— *Н. Устрялова*. 1
57. Прибытіе къ арміи Кутузова, въ 1812 г. — *Бутурлина*. . 1
58. Бородинская битва. — 1
59. Разговоръ Императора Александра I съ полковникомъ Мишо. — *Михайловскаго-Данилевскаго*. 2
60. Бѣгство Французовъ отъ Березины. — 2
61. Паденіе и кончина Меншикова. — *Н. Полеваго*. 2
62. Отправленіе Бибикова противъ Пугачева. — *А. Пушкина* 2
63. Поимка Пугачева. — 2
64. Состояніе Москвы передъ вступленіемъ въ нее Французовъ. — *И. Снегирева*. . . 2
65. Кутузовъ. — *Ѳ. Глинки*. . . 2
66. Барклай-де-Толли и Багратіонъ. — 2
67. Нѣкоторыя черты изъ жизни Пресвятыя Богородицы по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа.—*А. Глинки*. 2
68. Александръ Великій.—*Грановскаго* 2
69. Объ увеселеніяхъ русскаго двора при Петрѣ I. 2

В. Біографіи и характеры.

70. Іоаннъ III. — *Карамзина*. . 2
71. Василій Іоанновичъ Шуйскій. 2
72. Чувствительный и хладнокровный. — 2
73. О характерѣ Ломоносова. — *Батюшкова* 2

тр.
4. Фонъ-Визинъ. — *Кн. Вяземскаго* 262
5. Державинъ. — 267
6. Кутузовъ. — *Михайловскаго-Данилевскаго*. 271
7. Грибоѣдовъ.— *А. Пушкина.* 280
8. Дельвигъ. — 281
9. Меншиковъ. — *Арсеньева* . . 282
0. Крыловъ. — *Плетнева*. . . . 284
1. В. А. Жуковскій. — 292
2. Скупой. — *Гоголя* 303
3. Платонъ, митрополитъ московскій. — *И. Снегирева*. . . 307
4. Іоаннъ IV. — *Соловьева* . . . 313
5. Батюшковъ. — *Никитенко.* 317
6. Встрѣча съ Карамзинымъ. — *Булгарина* 319
7. Александръ I. — *Греча* . . . 326
8. Императрица Марія.—*Ишимовой* 330
9. Петръ I. 338

II. Описанія.

А. Собственно описанія.

90. Гора Шейдекъ: — *Карамз.* 346
91. Рейнскій водопадъ. — . . . 347
92. Рейхенбахъ. — 348
93. Сокрытіе Роны. — 349
94. Рейнскій водопадъ. — *Жуковскаго* 350
95. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 г. — . —
96. До построенія Петербурга. *Батюшкова*. 354
97. Финляндія. — 356
98. Асамблея. — *А. Пушкина.* 359
99. Украинская ночь.—*Гоголя.* 360
00. Картинная лавка на Щукиномъ дворѣ. — . . . . . —
01. Дорога. — 361
02. Гудъ-гора.—*Лермонтова.* 362
03. Видъ съ горъ. — 363
04. Утро въ Пятигорскѣ. — . . —
05. Ѣзда верхомъ. — . . . . . —
06. Ночь въ Пятигорскѣ. — . . 364
07. Нескучное. — *Загоскина*. . —
08. Ѣзда зимой на долгихъ. — 365
09. Кремль при лунномъ свѣтѣ. 366
10. Деревня зимою. — 367

Стр.
111. Троицкая Лавра ночью. — *Муравьева*. 368
112. Іерусалимъ. — 369
113. Три водопада. — 370
114. Отплытіе отъ Валаама. — . 371
115. Кремль. — 372
116. Караванная торговля по Оренбургской линіи.—*Даля.* 373
117. Рѣка Красивая-Мечъ. — *Н. Павлова* 376
118. Печорскій монастырь.—*Гр. Сологуба*. 377
119. Терекъ 378
120. Кавказъ. 379
121. Какъ надобно ѣздить на Кавказѣ. 380
122. Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 7-го ноября 1824 г. — *Булгарина*. 381

Б. Путешествія.

123. Изъ Путешествія по Святой землѣ. — *Авраама Норова* 383
124. Островъ Патмосъ. — 386
125. Путешествіе къ Св. мѣстамъ. — *Муравьева* 390
126. Изъ Римскихъ писемъ.— . . 395
127. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи.—*Жуковскаго*. . 398
128. Изъ Путешествія въ Арзерумъ.—*А. Пушкина*. 400
129. Изъ записокъ флота капитана Головнина. — 404
130. Изъ Путешествія Всеволожскаго 411
131. Изъ прогулки по Бессарабіи.—*Н. Надеждина*. 415

ДИДАКТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

А. Разсужденія.

132. О любви къ отечеству и народной гордости.—*Карамзина* 418
133. О древней и новой Россіи.— 423
134. О счастливѣйшемъ времени жизни. — 429
135. Французская трагедія. — . 431

Стр.
136. О правдѣ.—*Сперанскаго*. . 432
137. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?—*Жуковскаго* 435
138. О постепенномъ развитіи образованности. (Отрывокъ письма изъ Швейцаріи.) — 439
139. О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.—*И. Давыдова*. 444
140. Петръ I и Ломоносовъ. — 451
141. Теорія, Исторія и Критика Словесности. — 454
142. О классической и романтической поэзіи. — 455
143. Жуковскій, какъ образователь художественно-поэтическаго русскаго слова и художественно - народной словесности. — 459
144. Различіе между изящными искуствами и науками. — *М. Павлова* 465
145. Періоды развитія языка. — *Срезневскаго*. 468
146. Значеніе словъ: гражданскіе законы. — Понятіе и раздѣленіе исторіи Русск. гражданскихъ законовъ. — *Неволина*. 472
147. Сужденіе о Петрѣ Великомъ.—*Н. Полеваго* 477
148. О Шекспирѣ.—*Плетнева*. . 484
149. О сценическомъ художествѣ.—*Д. Крюкова* 486
150. Польза Астрономіи. — *Д. Перевощикова* 488
151. О книгѣ Іова.—*С. Шевырева*. 492
152. О Москвѣ. — *М. Погодина*. 500

С

Б. Разборы произведеній искуствъ.

153. Рафаэлева Мадонна.—*Жуковскаго* 5
154. О Недорослѣ.—*Кн. Вяземскаго* 5
155. О Горѣ отъ ума. — 5
156. Дѣятельность Карамзина и Мерзлякова.—*И. Давыдова*. 5
157. О сочиненіяхъ А. Пушкина. *Гоголя* 5

ПРИБАВЛЕНІЕ.

(Формы сочиненій).

А. Разговоръ.

158. Вечеръ у Кантемира.—*Батюшкова* 5

Б. Письмо.

159. Митрополита Платона къ Императору Александру I. 5
160. Второе письмо къ Александру I. —. . . . . –
161. Императору Александру I.—*Карамзина*. 5
162. Къ Каподистрію. — . . . . . –
163. Изъ Писемъ русскаго путешественника — 5
164. Къ Дмитріеву. — 5
165. Отрывокъ изъ письма В. К. Маріи Николаевнѣ. — *Жуковскаго* 5
166. Къ Кутузову. — *Трощинскаго*. 5
167. О смерти Дельвига. — *А. Пушкина* 5
168. О Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки. — 5
169. Изъ Писемъ русскаго офицера. — *Ѳ. Глинки*. . . . . –

ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

I. ДУХОВНОЕ ВИТІЙСТВО.

А. СЛОВА.

Слово на погребеніе Бецкаго.

гакъ—мужъ, исполненный дол-
ю дней, скончался вмалѣ!—Ру-
приближенныхъ закрыла хлад-
и вѣждями померкшій на вѣки
ъ его.—Бездыханное тѣло его
дается благочестно гробу. —
знательность начертаетъ на ка-
и имя его. — Чувствительное
аце оросить слезою гробницу
... И симъ-ли свершилось воз-
ніе тѣмъ подвигамъ его пре-
льнымъ, извѣстнымъ престолу,
іеству, свѣту?—Потомство со-
гетъ ему вѣнецъ хвалы? Ногла-
увядшая подъ смертнымъ сер-
ь, носить его уже не можетъ.—
описанія возвѣстятъ дѣла его?
сему не внемлетъ болѣе слухъ,
легшій къ сердцу земли, ко-
іго и гласъ грома не потря-
гъ.—Воздвигнутъ въ честь его
ь или мраморъ? Но подъ тя-
гію сего изнемогаютъ кости,
природа тихимъ маніемъ пре-
нила въ мирѣ уснуть и почить.
оже Великій! для сего-ли все-
ущая благость Твоя призываетъ
овѣка во страну сію отцевъ и
ерей, дабы только родиться и
реть? — Что-жъ будетъ онъ
дъ злакомъ, гибнущимъ отъ
і на полѣ сельномъ; или предъ
віемъ, издыхающимъ подъ но-
путника скоротечнаго? Бого-
подобная добродѣтель! для сего-ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверстія гроба? — Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ; но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можетъ украсить ее нетлѣнными. Такъ! самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лицѣ ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено-ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено-ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено-ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога жи-

ваго, прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси своемъ. — Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго алтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. — Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть-ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено-ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ Божества, или вѣстниками приближенія Его по обѣщанію: *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, и аз возлюблю его, и явлюся ему Самъ*, глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ-ли добродѣтель по степенямъ счастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ: или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо переносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ, яко зеницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія свои въ людяхъ. Онъ, взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были Его праведнаго пораженія. Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ Россійстѣй Церкви, во градѣ семъ, и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души

нашн. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ: ибо принесть другой жертвы не можемъ. Такъ уже-ли мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже-ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже-ли то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего-ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего-ли хвалимся носити образъ Предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделеннѣйшею добычею все чувственное поглощающей смерти? — Гдѣ же тѣ обѣщанія евангельскія: *Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный?* (Іоан. 6. 47). Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность не по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? Что чувствовалъ тогда порфироносный Пророкъ, когда, разсматривая суетность гибнущихъ удовольствій, сказалъ: *Азъ правдою явлюся лицу Твоему, Боже! насыщуся внегда явитимися славѣ Твоей?* (Псал. 16). Какою надеждою столь живо, столь несомнительно былъ воодушевленъ Божественный Апостолъ, когда произнесъ: *Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу?* Откуда та радость, съ которою страдальцы святые послѣднее испускали дыханіе, вѣщая: *Боже! въ руцѣ Твои предаю духъ мой?* И мы, благочестивые христіане! и мы не речемъ-ли съ Апостоломъ Павломъ: *Аще въ животѣ семъ точію уповающи есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣковъ есмы?*

По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и *духъ разліется, яко мягкій воздухъ* (Прем. Сол. 2. 3); по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была-бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего и оплакивать будущее свое исчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ-ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ-ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію, Богъ нѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ вѣчность мечта: ибо всѣ удовольствія его остаются по сю сторону гроба. Онъ, восхищая иногда

временное достояніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. — Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и Его закона, остаться безъ воздаянія, есть тоже, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если-бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ нерѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на землѣ воздаяній жатву: то возмогъ-ли-бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ-же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда нерѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть яко-же судъ человѣка. *Азъ*, глаголетъ Господь, *Азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его* (Іерем. 17. 10). Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ Его. Оно столь-же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь.—Такъ мужъ, исполненный небеспыхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ, и какая къ Нему обязанность человѣка. Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ: въ имени, написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота; въ дѣлахъ, увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ, то подражаніемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не преселяется во страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ!.... И гдѣ почившаго н сего знаменитаго мужа, предле щаго въ сей гробницѣ, въ семъ х мѣ, предъ очами нашими, гдѣ д его не ознаменовала доброты ея? Священная память временъ отечества, Петра Великаго, началомъ бытія его, яко человѣ и жизни его, яко сына отечес тридесять пятый годъ благосло наго царствованія премудрыя Е терины II, матери нашея, есть дѣломъ девятидесятилѣтняго т нія дней его. Сіи едины, толь ликія, толь высокознамениты вселенной эпохи, уже дѣлаютъ ріодъ жизни его достопримѣчат нымъ. Но при благородномъ с цѣ, при нѣжномъ чувствованіи стнаго и похвальнаго, при с любомудрія божественнаго и ч вѣческаго, при мудромъ правл толь великихъ скипетровъ, стя онъ и по личнымъ достоинст право на общее отъ всѣхъ ув ніе къ особѣ своей.—Кто сидя го на престолѣ человѣколюбія полнилъ ревностно волю приз на несчастныхъ сиротъ, повер мыхъ на распутіи? — Онъ. К храмѣ художествъ, воздвигну мудростію, пекущеюся о про щеніи подчиненныхъ, поспѣш вовалъ усердно намѣреніямъ соблюлъ свято Ея уставы? — Кого Великая Монархиня, при ліяніи щедротъ своихъ на н учрежденіе и распространеніе питанія благороднаго юноше обоего пола, удостоила быть вителемъ?—Его. Кому высоч благоволила повѣрить смотр надъ сооруженіемъ безсмерт памятника Петру Первому Е рина Вторая? — Ему. Нева, дясь красотою бреговъ, свидѣт ствуетъ о тщаніи его къ испо

нію велѣній монаршихъ.—Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. — Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже Праведный! Боже Спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ.— Къ Тебѣ, яко Создателю своему, восходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. — Тебѣ любезна добродѣтель: ибо Ты святъ; упокой душу раба Твоего, болярина Іоанна, идѣже праведные водворяются.

Анастасій.

(*Поучительныя Слова Анастасія*).

---

2. Бесѣда о томъ, что есть воскресеніе мертвыхъ.

Се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся. Вскорѣ, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ; вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся (1 Кор. 15.—51, 52).

Какъ ежегодно, по окончаніи жестокія зимы и при наступленіи пріятныя весны, ежегодно при возвращеніи и приближеніи солнца къ нашея поверхности земнаго шара всегда великая бываетъ перемѣна; именно: силою сего приближившагося къ землѣ великаго свѣтила вся низшая натура воскресаетъ, всѣ земныя вещи, и растенія, и нѣкоторыя животныя какъбы полумертвыя, а иногда и мертвыя, оживаютъ и къ дѣйствованію новыя силы получаютъ, и при сихъ новыхъ силахъ новое растеніе, новое цвѣтеніе и новое плодотвореніе произносятъ: такимъ точно образомъ, и по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ Антихристовыхъ скорбей, и при вторичномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Богочеловѣка, въ міръ сей, при возвращеніи великаго духовнаго Свѣтила, Солнца Правды, въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неизреченномъ великолѣпіи и славѣ,—при возвращеніи, говорю, сего Свѣтила къ нашему земному кругу, всѣ разумныхъ тварей низшія части, всѣ человѣческія мертвыя тѣла сокровенною силою Его оживутъ, воскреснутъ, возстанутъ, новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія получатъ.

Но что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ оно состоять будетъ, сіе мы при благосклонномъ вашемъ вниманіи разсмотримъ въ настоящей бесѣдѣ.

Что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ будетъ состоять существенность его: на сіе мы не можемъ дать лучшаго разсужденія и имѣть яснѣйшаго свидѣтельства и достовѣрнѣйшаго доказательства, кромѣ примѣра Воскресенія Самого же Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ Своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе возможно, и безъ сомнѣнія будетъ; Онъ ученіемъ Своимъ изъявилъ, когда оно будетъ; Его-же Самого примѣръ можетъ научить насъ, что оно такое будетъ.

И такъ, чтобы намъ узнать, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе, то разсмотримъ, въ чемъ состояло славное воскресеніе Христово.

Въ чемъ-же оно состояло?

Воскресеніе Христово въ томъ состояло, что Онъ, яко совершенный человѣкъ, будучи преданъ отъ Іуды, мученъ и распятъ отъ Іудеевъ, умерши на крестѣ, снятъ со древа и положенъ во гробъ, — что Онъ послѣ Своей смерти, бывши по Божеству со Отцемъ на небеси, человѣческою душею во адѣ, а мертвымъ тѣломъ во гробѣ, явилъ Свою Божественную силу, — что Онъ, паки вышедши душею изъ ада и выведши съ Собою бывшихъ во адѣ и съ вѣрою ожидавшихъ Его, соединилъ душу Свою съ тѣломъ Своимъ, по трехъ днехъ оживилъ оное, возставилъ, воскресилъ силою Божества Своего, — Онъ, воскресивъ плоть Свою и соединивъ съ Божествомъ, паки явилъ Себя истиннымъ Богочеловѣкомъ.

Возставилъ-же Онъ изъ гроба плоть Свою уже не такою, какова Она была прежде, но гораздо благороднѣйшею и величественнѣйшею, возставилъ совсѣмъ въ отмѣнномъ видѣ. Плоть Его прежде, такъ какъ и прочихъ человѣковъ, была подвержена земной чувственности и земнымъ склонностямъ; хотя Онъ и не послѣдовалъ чувственности, но владѣлъ оною: послѣ-же смерти и послѣ воскресенія, чувственность сія отпала, и земныя склонности существовать въ ней престали и уничтожились. Плоть Его прежде была видима, осязаема: въ воскресеніи-же учинилась невидимою, тончайшею, изъ земной и плотской тѣломъ небеснымъ, духовнымъ; кратко, такою, что могла и видима и осязаема быть отъ учениковъ, и невидима и неосязаема, грубыми тѣлами неодержима, всюду проходна; она имѣла видъ плоти и костей, когда Ѳома осязалъ, имѣла видъ и духа, когда пришелъ *Господь ко ученикомъ дверемъ затвореннымъ* (Іоан. 20—19, 27). Плоть Его прежде была *немощна, душевна*, страданіямъ и смерти подвержена: въ воскресеніи-же возстала *нетлѣнною*, *сильною*, *безсмертною*, *славною*, *духовною* (1 Кор. 15—42, 43, 44), прославленною, въ Божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестися съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ ангельскія безплотнымъ духамъ приличныя мѣста, и сѣсть одесную Самого Небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ состояло воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа! А когда Его воскресеніе въ сихъ состояло дѣйствіяхъ: то весьма правильное можно сдѣлать изъ того заключеніе, что и наше воскресеніе будетъ состоять въ подобной перемѣнѣ и въ подобныхъ дѣйствіяхъ. И именно:

Когда паки возсіяетъ Солнце Правды на горизонтѣ сего видимаго міра; когда паки пріидетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землю сдѣлать послѣднее въ разсужденіи человѣческаго состоянія рѣшеніе, пріидетъ или наградить, или наказать каждаго по дѣламъ его, пріидетъ и повелитъ святымъ Ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ: тогда, такъ какъ при началѣ міра по произнесеніи устами Божіими вседѣйствующаго слова сего, *да будетъ*, *да будетъ свѣтъ*, и всѣ вещи, все и *бысть* (Быт. 1. 3), всѣ вещи явились, всѣ изъ небытія въ бытіе произошли и

существованіе получили,—тогда, говорю, послѣ ангельскаго трубнаго гласа силою всемогущаго Бога всѣ отъ начала міра умершихъ человѣковъ тѣла, землѣ преданныя, согнившія, на стихіи свои раздѣлившіяся, въ огонь, въ воду, въ воздухъ и въ землю преобратившіяся, тѣла въ водѣ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія, всѣ мертвыя тѣла малыя и великія, мужскія и женскія, паки составятся изъ тѣхъ частей, которыя прежде имѣли и на которыя раздѣлились; отдадутъ бо стихіи взятыя отъ нихъ части, *огонь, и море, и смерть, и адъ отдадутъ мертвецы своя*, всѣ сухія кости получатъ жилы, облекутся плотію, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвіи, и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепріемнаго Судіи, *воскреснуть, и судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ* (Апок. 20. 13).

Воскреснутъ мертвіи, возстанутъ умершихъ тѣла; но возстанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденія. Нынѣ они грубы, тверды, тяжестны, тлѣнны, немощны, смертны, видимы, земны; но возстанутъ въ общее всѣхъ воскресеніе совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ отмѣнномъ отъ сего. Они вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто твердыхъ прозрачными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ единое мгновенье ока отъ всѣхъ странъ вселенныя якоже орли соберутся предъ престолъ Божій. Онѣ вмѣсто тлѣнныхъ будутъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто смертныхъ безсмертными, вмѣсто видимыхъ тѣлеснымъ очамъ невидимыми, вмѣсто земныхъ и плотскихъ точно небесными и духовными.

Однакожъ при всей таковой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими или зракомъ, и не духами; но будутъ истинными тѣлами, виды тѣхъ-же человѣковъ имѣющими; а только будутъ они истинными тѣлами, духовными. Ибо Апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *сѣется* теперь *тѣло въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи; сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ, сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ, сѣется тѣло душевное*, плотское, *востанетъ тѣло духовное. Есть бо тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15–42, 43, 44).

Въ семъ-то будетъ состоять воскресеніе наше! Въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что тѣла наши изъ мертвыхъ воскреснутъ, оживутъ, возстанутъ изъ гробовъ, изыдутъ изъ земли; въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что они изъ грубыхъ, земныхъ, тлѣнныхъ, плотскихъ учинятся тончайшими, какъ-бы совершенно небесными, нетлѣнными, безсмертными, духовными; въ сей перемѣнѣ будетъ состоять наше изъ мертвыхъ воскресеніе.

И въ сей перемѣнѣ будутъ участвовать не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ сей послѣдній часъ, тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господень. Ибо живые, имѣющіе дожить и дождаться втораго славнаго пришествія Христова, уже не умрутъ въ то время: смерти бо наружной не будетъ къ тому. Но по-

неже не возможно имъ будетъ и съ грубою плотію своею вступить въ духовное царство; то для сего вмѣсто наружной смерти воспослѣдуетъ въ наружномъ человѣкѣ ихъ сія всеобщаго воскресенія перемѣна. То есть: когда живые также какъ и мертвые услышатъ трубный ангельскій гласъ, услышатъ громогласную послѣдняго часа вѣсть: тогда какъ мертвые яко отъ сна возстанутъ и увидятъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, во образѣ духовныхъ существъ, такъ и живые, якобы отъ малаго сна воспрянувъ, увидятъ себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другомъ положеніи и въ другихъ чувствованіяхъ. Понеже живые хотя въ то время уже и не умрутъ, однакоже измѣнятся; *вси таковые не успнутъ, вси же измѣнятся* (1 Кор. 15. 51), всѣ совершенно перемѣнятся.

Сіе грубое тѣло, яко толстая одежда, тогда какъ-бы спадетъ, и плоть сдѣлается утонченною, чувственность вся отойдетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности дѣйствовать престанутъ; и тако живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, не умерши узрятъ себя и по наружной части своей, по самому тѣлу, новыми человѣками, духовными тварями. Ибо тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, облекутся въ нетлѣніе, оставивъ мертвенность воспріимутъ безсмертіе; такъ-же какъ и мертвыхъ тѣлеса учинятся духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ царствѣ.

Въ какомъ удивленіи и изумленіи будутъ находиться тогда человѣки, увидѣвъ себя въ новомъ видѣ, въ новомъ положеніи и въ новомъ состояніи! Какимъ страхомъ объяты они тогда будутъ, ожидая себѣ послѣдняго Господня рѣшенія, ожидая опредѣлительнаго отъ Господа повелѣнія, во что еще облещися, куда идти и гдѣ пребывать — ожидая, говорю, во что Господь повелитъ еще облещися сему новому тѣлу, во свѣтъ или во тьму, въ честь или въ безчестіе, въ славу или въ поношеніе, — ожидая куда Господь повелитъ идти, въ превыспренняя небеса или въ преисподняя мѣста, въ рай или во адъ, въ Царство Божіе или во область сатаны, — ожидая, гдѣ Господь повелитъ пребывать, горѣ или долу, одесную Себя или ошую, предъ Престоломъ Своимъ въ вѣчномъ благѣ или у человѣкоубійцы и мучителя діявола въ безконечномъ злѣ!

Поистинѣ великимъ страхомъ объяты будутъ всѣ тако измѣнившіеся человѣки, ожидая сего послѣдняго отъ Господа опредѣленія. Ибо всѣ вѣрующіе человѣки и нынѣ изъ Слова Божія знаютъ, что *иные воскреснутъ въ воскресеніе живота, а другіе въ воскресеніе суда* (Іоан. 5. 29); *иные въ жизнь вѣчную, другіе же въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12. 2); *иные просвѣтятся аки свѣтлость тверди, какъ звѣзды, или яко же самое солнце на вѣки* (Матѳ. 13. 43), а другіе помрачатся, какъ самая густая, черная тьма. А тогда еще гораздо яснѣе познаютъ, живѣе почувствуютъ и сильнѣе увѣрятся, что послѣдствіе за воскресеніемъ ихъ точно двоякое будетъ, одно славное, другое безчестное, одно во свѣтъ, другое во тьму, одно въ вѣчный животъ, другое въ безконечную смерть

Всѣ, возставшіе и обновившіеся, человѣки объяты будутъ великимъ

страхомъ, безъ всякаго сомнѣнія ожидая, что Господь Богъ, праведный Судія, сказавъ послѣднее всѣмъ общее опредѣленіе, то есть праведнымъ: *пріидите ко Мнѣ благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ созданія міра;* грѣшнымъ-же: *отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его* (Матѳ. 25 — 34, 41) — сказавъ, говорю, сіе, тотчасъ силою всемогущества Своего первыхъ дѣйствительно во свѣтъ облечетъ, другихъ во тьму преобратитъ; первымъ Свой образъ сообщитъ, другимъ видъ сатаны дастъ; первыхъ съ Собою въ Царство Божіе введетъ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ благословитъ; другихъ, связавъ узами мрака, ввержетъ во адъ, и въ ономъ вѣчно мучиться назначитъ.

А наипаче страшно будетъ ожидать отъ Господа таковаго опредѣленія тѣмъ, которымъ совѣсть, внутренній судія, не будетъ подавать ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ, и посему не будетъ сообщать упованія на полученіе перваго, но станетъ только угрожать послѣднимъ. Таковые прежде еще Христова изреченія тьмою покроются и начнутъ адски мучиться. Какъ-же скоро изречетъ Господь опредѣленіе Свое, тотчасъ уже совершенно въ густѣйшій мракъ облекшися, *и идутъ сіи въ муку вѣчную; праведницы же,* одѣявшися во свѣтъ, идутъ *въ животъ вѣчный* (Матѳ. 25. 47). Аминь!

Михаилъ.

(*Бесѣды въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена говоренныя*).

---

3. Слово на текстъ:

Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?

(Матѳ. 26. 40.)

Когда сей небесный Учитель скончевалъ теченіе свое и считалъ уже жизнь свою часами: то на прощаніи съ учениками, которыхъ возлюбилъ до послѣднихъ минутъ, сдѣлавши все на сей случай потребное, сказавши имъ все грядущее на Него, поручивши ихъ Богу и Отцу, ободривши сердца ихъ надеждою, пожелалъ, чтобъ трое отъ нихъ были свидѣтелями послѣднихъ подвиговъ Его; чтобъ они поглядѣли на исходъ Его и на всю борьбу сердца Его со страхами смертными, и тамъ увидѣли бы въ Немъ истиннаго человѣка въ дѣлѣ смерти, какъ видѣли въ Немъ истиннаго Сына Божія въ дѣлахъ жизни Его. Чѣмъ-же лучше ученики могли доказать любовь, вѣрность, честь, повиновеніе, подобострастіе, скорбь и жалость свою Учителю своему, хотя-бы и не были при томъ рабы Господа своего, какъ не симъ, чтобъ въ страшномъ часѣ семъ отдали Ему очи, уши, руки, сердце свое: очи совозводя съ Нимъ на небо, ушима внимая вопіенію Его, руками подъемля падающаго на землю, сердцемъ соболѣзнуя, соприсутствуя, соучаствуя во всемъ? Симъ-бы они исполнили послѣдній долгъ свой предъ Нимъ. Но все вышло иное, все противное тому! Имъ спать хотѣлось въ часъ сей, они раздремались, они очей тереть не хотѣли, они отдыхать легли. Приходитъ нѣсколько разъ отъ молитвы своея Учитель и Господь къ сонным, пробуждаетъ, увѣщаваетъ ихъ къ молитвѣ и бдѣнію, увѣща-

ваетъ не предаваться безпечности, разслабленію, небреженію; говоритъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* Слушаютъ, но худо отвѣчаютъ, невстаютъ, спятъ и заставляютъ Господа сказать: *спите прочее и почивайте* (Матѳ. 26. 45). О страшная немощь плоти, влекущая, гдѣ позволено, духъ во угожденіе и рабство себѣ, могущая лишить духъ бодрости, возвышенія, сіянія и всего изящества его, и творящая духъ плотскимъ и подлымъ! О бремя, не дающее душѣ воззрѣть ни на какое обстоятельство и предостеречь себя ни на малый часъ! Сонному нѣтъ нужды ни до чего: все умерло ему, всему умеръ онъ. Умирай, небесный Учитель, мы спать хотимъ! Любезенъ Ты намъ, но мы любезнѣе себѣ. Спитежъ! а между тѣмъ исполнится пророческое слово о Христѣ: *ждахъ соскорбящаго и не бѣ, утѣшающаго и не обрѣтохъ.* Слушатели! бывало Іисусъ нашъ говоритъ ученикамъ: *а яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю;* то и мнѣ кажется посему, что Спаситель нашъ, видя въ сонныхъ ученикахъ насъ, а въ насъ сонныхъ учениковъ своихъ, и нынѣ говоритъ намъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* Что-бы значило сіе, я о семъ говорить хочу.

Тако ли? Вы, что нареклись именемъ Моимъ, отреклись торжественно отъ неправды, пошли по стопамъ Моимъ, клялись мнѣ вѣрностію до смерти, клялись все презрѣть для Меня — и самую смерть, клялись готовы быть и стоять противу всякой силы, которая изгнать Меня изъ вашего сердца покусилась-бы, клялися во всѣхъ дѣлахъ взирать на вѣчность и потому взиранію располагать мысли, желанія, слова, дѣла и цѣлую жизнь вашу, питомцы Мои, ученики Мои, други Мои, чада Отца Небеснаго, братія Мои, царствія вѣчнаго наслѣдники, сонаслѣдники Мои, христіане! *Тако ли* не подвизаетеся въ подвизѣхъ вѣры? Я избралъ васъ и отдѣлилъ васъ отъ міра, чтобъ вы ветхому сему обветшавающему въ злобахъ своихъ послужили ко обновленію примѣромъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5. 16). Я не скрылъ отъ васъ ничего, Я объявилъ вамъ всѣ тайны царствія, всѣ благоволенія Отца Моего о спасеніи вашемъ; Я открылъ вамъ самократчайшій путь къ милосердію Его; Я жилъ для васъ, чтобъ вамъ благотворить, чтобъ учинить васъ мудрыми, во спасеніе благомыслящими, благожелательными, искренними, святыми, счастливыми, Моими; Я умиралъ, чтобъ доказать вамъ наисильнѣйше любовь Мою; умираю, чтобъ вы жили вѣчно, познавъ истину Мою, что Я за васъ жертва. Я въ мукахъ и смерти Моей не требую у васъ ничего; не защищайте Меня ножами! *Возврати ножъ твой въ мѣсто его,* поборникъ мой! *Пріемши бо ножъ ножемъ погибнутъ* (Матѳ. 26. 52.) *Не плачите мене, дщери Іерусалимскія, плачите себе и чадъ вашихъ!* не жалѣйте крови Моей: она пролита вами, она пролита за васъ! не цѣлуйте ранъ, когда даете Мнѣ новыя: не требовалъ того у прежнихъ учениковъ Моихъ, не требую у васъ. Я требую у всѣхъ васъ той любви, чтобъ вы глядѣли на кротость Мою, съ которою умираю Я за васъ, на любовь Мою, которую, умирая, храню Я къ самимъ вра-

убійцамъ Моимъ, на слезы которыя, умирая, лью, чтобъ ить у Отца Моего все нужнимъ душамъ, на множество Моихъ, на ужасъ и свирѣперти Моей, на невинность а терпѣніе Мое, на истину орую предсказалъ Я вамъ, *сіе родихся и на сіе пріда* грѣховъ вашихъ судію о вамъ человѣколюбивымъ, да истощу Себе, ослаблю, истощу силы смерти и крѣдову, да не трепещете, умитходя въ путь вѣчности, да васъ духомъ Моимъ, да ю васъ въ безсиліи и скорей, да васъ и тмы народовъ ество вѣчное введу. Вниочію, кѣмъ доселѣ, не отъ нъ-ли распинаюсь Я? Вы тутъ себѣ; не дремлите, не йтеся унынію, не спите, вѣрны и полезны до конца Буря страшная пришла на но смотрите, чтобъ не разасъ. Страшная совершиться не вознерадите! Адъ обсилы свои на Меня: блюдине будетъ кому нападеніе. солнцѣ, земля въ камняхъ ецахъ даютъ вамъ чувствоахъ и трепетъ свой; сонмы небесныхъ мятутся; Отецъ а и вѣковъ открываетъ *преенное время*, которое и спаи погибающіе христіане злость человѣковъ хочетъ ся съ Богомъ; дѣла внимагойныя представляются вамъ: блюдите! *тако ли воз-?* Сонъ одолѣваетъ васъ; хъ, но печаль, но вѣрность, да, но должность, но соо законъ, но наказаніе, но олжны пробудить васъ. Вимощь вашу; но больше нерадѣнія вашего о напастяхъ грядущихъ на васъ вижу. Не хочете идти противу себе и противу желаній запрещенныхъ: идите вы, дремлете дважды. Дремлютъ очи ваши, когда грѣхъ окружаетъ васъ; но *воздрема и душа ваша отъ унынія*, когда наивящшему быть подобало вниманію, когда дѣло имѣете съ смертію. *Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?*

Что до Апостоловъ на сей случай относится, самое краткое время требовалось у нихъ для вниманія, осторожности, молитвы, бдѣнія при кончинѣ Христовой; а что до насъ касается, не скучно-ли, не тягостно-ли цѣлую жизнь противиться мыслямъ, сердцу, волѣ, чувствамъ, склонностямъ, страстямъ, прелестямъ, силѣ міра, силѣ смертной, силѣ адовой! Но возримъ на двѣ страшныя бездны временъ; одни времена и вѣки проходили, покуда мы не пришли на свѣтъ; другіе пройдутъ, когда мы пойдемъ съ свѣта: все прежде было, все послѣ будетъ безъ насъ. Много-ли-же мы захватили времени для себя? Много-ли точекъ пребыванія на явленіе наше въ свѣтѣ досталось? Девять темныхъ мѣсяцевъ въ утробѣ матерней жили мы; нѣсколько темныхъ лѣтъ въ дѣтствѣ; нѣсколько въ достиженіи къ уму; нѣсколько во мракѣ суетъ, обуявшихъ и сердце, новоявленный разумъ нашъ провелъ; а всѣ лѣта въ недоумѣніяхъ, сомнѣніяхъ, невѣдѣніи, ошибкахъ, грѣхахъ, заблужденіяхъ, страстяхъ, напастяхъ, печаляхъ и раскаяніи прошли, пролетѣли, исчезли. Много-же-ли мы Богу, правдѣ и себѣ по настоящему жили? Сравнивши вѣчность, бывшую прежде свѣта, вѣки, протекшіе съ свѣтомъ, но безъ насъ, и

крѣпцы (2 Кн. Царст. 1. 23). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне, и осквернилъ храмъ святый Его; но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству; и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. 76.—14 и 15).

И такъ много потеряло отечество во брани сей: но можно-ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы!—Но ахъ! нѣжная супруга, гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей бородинскихъ. Онъ тамъ — и дѣти твои сироты. Прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. Онъ тамъ—да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ перешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, Помазанникъ Господень призритъ на васъ окомъ Своея всеобъемлющія благости, и милостями своими усладитъ горести ваши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его, но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не престанетъ молить Господа какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его, да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго, и увѣнчаетъ славою у Себе Самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. — Аминь.

Августинъ.

(*Собраніе образцовыхъ сочиненій*).

4. Слово при совершении годичнаго поминовения по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру, за царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими;— и *память его во благословеніихъ* (Іисуса сына Сирах. 45. 1).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица Россійской Державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ, — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. — Но чтожъ? — Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ: *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ*. Самый врагъ, который заставляетъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіаѳа. Поля бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы-ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское Царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отцевъ нашихъ? *Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ и сокрушишася оружія бранная* (2 Кн. Царст. 1. 27).

Но ахъ! въ семъ, толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами! Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ! Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани! Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей! Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ бородинскихъ!

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? Защитники церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы и паче львовъ*

чилъ развратъ и увѣнчалъ преступленіе. Чтожъ потомъ? Народъ, столь любезный въ общежитіи, народъ, который для другихъ народовъ былъ примѣромъ и наставникомъ людскости и нѣжности, сей народъ сдѣлался лютѣе разъяреннаго тигра. Онъ дышитъ грабительствомъ и убійствомъ, очи его пылаютъ яростію и бѣшенствомъ, уста изрыгаютъ неправду и клеветы, руки исполнены крови. Прекрасныя стогны Лютеціи покрыты трупами обитателей ея, растерзанными рукою ближнихъ своихъ; цвѣтущая земля Галловъ наводнена собственною ихъ кровію, проліянною междоусобіемъ. Вотъ плоды разума, оставленнаго самому себѣ, разума, удалившагося отъ свѣта Божія! вотъ плоды душевной, земной, ложной философіи! Господи! наказуй насъ за грѣхи наши, какъ угодно оскорбленному правосудію Твоему; не попусти только намъ уклониться отъ закона Твоего, не отврати только лица Твоего отъ насъ. Ахъ! *Отвращшу Тебѣ лице, возмятутся всяческия и исчезнутъ* (Псал. 103. 29).

Наконецъ, изъ среды народа онаго, богатаго талантами ума, сильнаго могуществомъ, но надменнаго, предавшагося буйству и разврату, возникъ человѣкъ, ужасный для человѣчества;—человѣкъ, въ которомъ Вседержителю угодно было явить страшное орудіе праведнаго гнѣва Своего, наказующаго нечестіе и беззаконія. Гордый яко денница, исполненный ненасытимаго властолюбія, ослѣпленный счастливыми успѣхами во всѣхъ предпріятіяхъ, онъ возмнилъ быть подобенъ Вышнему, или паче дерзнулъ восхитить себѣ власть Его надъ подлуннымъ міромъ. Онъ рекъ во умѣ своемъ: Его небо, а моя земля; моя только рука будетъ господствовать надъ нею, я одинъ буду давать законы всѣмъ странамъ и народамъ. — Возшумѣла буря браней, загремѣли молніеносныя оружія, засверкали мечи; потряслись грады, поколебались царства; цари низвержены съ праотеческихъ престоловъ; племена и языки возстенали подъ игомъ насилія, возрыдали подъ тяжестію нищеты и всѣхъ ужасныхъ бѣдствій; рѣки крови человѣческой наводнили лице земли. Несчастные народы! вотъ плоды той философіи, которую съ надменіемъ Галлы вамъ проповѣдывали, и которою столько восхищались вы. Слѣдуя ихъ ученію и обычаямъ, вы сдѣлались плѣнниками ихъ прежде, нежели они подъяли противъ васъ оружіе. Мѣра долготерпѣнія Божія исполнилась. Они испили чашу гнѣва Божія; должно и вамъ вкусить отъ той же горькой чаши. — *Праведенъ еси Господи и прави суди твои* (Псал. 118. 137). *Но еда во вѣки забудеши люди Твоя? еда оставиши ихъ въ продолженіе дней?* (Плачъ Іереміи. 5. 20).

Россія, царство вѣры и благочестія, страна, въ ней-же положи Вышній селеніе Свое на земли! — О сколь блаженны сыны твои! — Россія! Богъ, тронутый воплями страждущаго человѣчества, тебя избралъ орудіемъ милосердія Своего; тобою явилъ чудеса всемогущества, правды и благости, тобою прекратилъ громы браней, остановилъ токи крови, возвратилъ царямъ престолы, а народамъ свободу, спокойствіе и довольство; тобою всюду водворилъ миръ и тишину.

Но ахъ, благословенная Россія!

ященные предѣлы осквер-
вавыми стопами врага всей
твоя неуязвляемая грудь
: злодѣйская стрѣла про-
самое сердце твое.—Мо-
оне Святый! гдѣ величіе
ко потемне злато, како
и сребро доброе (Плачъ
1)? Великолѣпные и гор-
і счастливыхъ обитателей
разрушены; глубокій пе-
рываетъ стогны твои; ал-
копаны, святыня поруга-
кто Богъ, развѣ Господа;
Богъ, развѣ Бога нашего
7. 1)? — Посрамленіе сей
святыни, можетъ быть, од-
вооружить раздраженное
) и подъять мстительный
) на пораженіе нечестія и
Праведники, коихъ свя-
нки почиваютъ предъ оча-
ми, предстоя въ небесахъ
Господа Саваоѳа, пали
жію Его, и гласомъ вели-
опили: *Доколѣ, Владыко*
и истинный, не судиши и
ши крови избіенныхъ на
Ісал. 77.—1, 2). Се людіе
ія *пріидоша и въ достоя-*
осквернишa храмъ Свя-
ой, положиша Іерусалимъ
ное хранилище (Апок. 6.
и праведниковъ сихъ по-
ромамъ, потрясающимъ о-
: земли, раздались въ пре-
нихъ,—и преклонили Бо-
осердіе въ помощь нашу и
ѐнію всей Европы.
я мои! велики были иску-
которыя правосудію Божію
было ниспослать на насъ;
ество грѣховъ нашихъ не-
но превосходитъ оныя. Мо-
ть, зараза тѣхъ-же безза-
ѣхъ же заблужденій, того-
стія, въ какія погрузились
обуявшіе Галлы, коснулись нѣко-
торыхъ изъ насъ. Богъ, яко Отецъ
милосердый, громомъ гнѣва Своего
восхотѣлъ не поразить насъ, а па-
че уврачевать; не погубить, но па-
че возбудить отъ пагубнаго усыпле-
нія. Мы очувствовались, и изъ
глубины души возопили: *горе намъ,*
яко согрѣшихомъ. О семъ смути-
ся с рдце наше, о семъ померкну-
ша очи наши. Обрати ны, Господи,
къ Тебѣ и обратимся, и вознови
дни наша яко же прежде.—(Плач.
Іерем. 5.—16, 17, 21). Услышанъ
гласъ моленія нашего; — и съ той
минуты обновилась вѣра въ серд-
цахъ нашихъ, воспламенилась лю-
бовь къ Богу, къ ближнему, къ оте-
честву, и сыны Россіи, возложивъ
твердое упованіе на Господа силъ,
на самихъ себе, явили міру: *яко*
не въ силѣ крестѣй восхощетъ,
ниже въ лыстѣхъ мужескихъ бла-
говолитъ; благоволитъ Господь въ
боящихся Его, и во уповающихъ
на милость Его. (Псал. 146 — 10,
11). *Слава въ вышнихъ Богу, и на*
земли миръ!

Кто исполины сіи, грядущіе отъ
запада?—Мышцы ихъ крѣпки, яко
мѣдь, ноги ихъ быстры, яко нозѣ
елени; взоры ихъ исполнены не-
устрашимости и мужества, но вмѣ-
стѣ человѣколюбія и кротости. Гла-
ва увѣнчана лаврами; на величест-
венномъ челѣ сіяетъ знаменіе свя-
таго креста, на адамантовой груди
блистаетъ достойное христіанска-
го благочестія начертаніе: *не намъ,*
не намъ, а имени Твоему (Псал.
113. 9). Шествіе ихъ сопровож-
даютъ благословенія всѣхъ наро-
довъ; всюду признательность бла-
гословляетъ знаменитые ихъ по-
двиги; — кто исполины сіи? — Се
спасители Европы, се герои, воз-
несшіе Россію на верхъ славы, со

соотчичи, братія наши! — Какое уготовимъ срѣтеніе имъ? Чѣмъ украсимъ путь ихъ? Какіе имъ сплетемъ вѣнцы? Какія воспоемъ хвалы?—Покрытый сѣдинами Авраамъ! родительская любовь да обновитъ старость твою, яко юность орлю; спѣши, лети срѣтить возлюбленнаго твоего Исаака. Ты принесъ его въ жертву отечеству, ты заклалъ его произволеніемъ; но Богъ, поборникъ правыхъ, отвратилъ отъ него убійственное оружіе, и сохранилъ его тебѣ жива во пламени браней. Спѣши, облобызай его, благослови, успокой въ отеческихъ нѣдрахъ отъ всѣхъ трудовъ и подвиговъ; излей на язвы его слезы отеческой любви. Онѣ однѣ уврачуютъ. — Нѣжная мать! возстани, иди во срѣтеніе рожденному тобою. Съ растерзаннымъ сердцемъ взирая на поруганную нечестивымъ врагомъ святыню нашу, *женское помышленіе мужескою душею воздвизающи*, ты рекла ему: *не азъ духъ и животъ дахъ тебѣ, но Творецъ, создавый родъ человѣческій* (Макк. 7. — 21, 22, 23). Иди убо и отмсти безбожію за поруганіе Бога отецъ нашихъ. —Счастливая мать! возлюбленный сынъ твой свято исполнилъ заповѣдь твою. Усугубь, ежели можно, любовь свою къ нему, заключи его въ объятія, прижми къ сердцу своему, отъ глубины души призови на него благословеніе небесное, и хвалися, что изъ чреслъ твоихъ изшелъ защитникъ церкви и отечества. — Вѣрная и добрая супруга! изыди въ срѣтеніе супругу своему. Отри прахъ и пыль съ геройскаго чела его, облобызай побѣдоносный его мечъ и храни его, яко драгоцѣнный памятникъ для чадъ своихъ, да, взирая на него, мужествомъ, любовію къ государю и отечеству будутъ подобны родителю своему.—Чада! срѣтайте родителей; падите къ ногамъ ихъ, поправшимъ нечестіе и тираннію; облобызайте десницу ихъ, охранившую наслѣдіе ваше, прославившую отечество и освободившую отъ порабощенія многіе царства и народы.

Что-же скажемъ мы, пастыри святыя церкви, что скажете вы, ликъ іереевъ, во срѣтеніе побѣдоноснымъ воинамъ нашимъ? Съ богодухновеннымъ Азаріею возглаголаемъ къ нимъ: *Господь съ вами, яко бысте съ нимъ* (Парал. 15. 2). Ополчаясь на врага, вы не рекли: *сотворимъ себѣ имя* (Быт. 11. 4): но, внемля гласу богобоязненнаго, кроткаго и праведнаго Царя своего, воскликнули съ Нимъ: ополчимся во имя Господне. Изыдемъ на брань, да прекратимъ брани; обнажимъ мечи, да мечи всѣхъ народовъ скроются во влагалищѣ своемъ; потрясемъ вселенную громами, да утвердимъ въ ней тишину и благоденствіе. Вы бысте съ Господомъ; сего ради Господь бысть съ вами. Онъ прославился въ великихъ и благотворныхъ подвигахъ вашихъ. Онъ явилъ вами чудеса всемогущества и милосердія Своего. И вы, свято проходя служеніе свое предъ Богомъ мира и любви, возвратили его *земли забвенный* (Псал. 87. 13); а чрезъ то возвратили ей и миръ. *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!*

Но ахъ! стоны, рыданія и вопли поражаютъ слухъ мой. Въ рядахъ торжествующаго воинства ищутъ родители чадъ, чада родителей, супруги супруговъ; ищутъ, но не находятъ. Гдѣжъ они? — Тамъ, тамъ! Они пали на полѣ чести, отвѣчаютъ съ сердечными вздохами храбрые сподвижники ихъ. А

я, недостойный благовѣстникъ небесной истины, я скажу вамъ, сѣтующіе родители, чада и супруги: они тамъ — въ небеси. Тамъ торжествуютъ они въ ликѣ блаженныхъ духовъ; тамъ за вѣру и вѣрность воспріемлютъ побѣдные вѣнцы отъ Царя Царствующихъ; тамъ умоляютъ Его, да изліетъ въ горестныя сердца ваши небесное утѣшеніе. Но вы скорбите, что не можете слезами своими оросить праха ихъ. Цари и народы, ими спасенные, съ благоговѣніемъ почтутъ ихъ гробы, и какъ туземецъ, такъ и пришлецъ, приближаясь къ могилѣ ихъ, съ признательностію скажетъ: «здѣсь лежитъ Россіянинъ, положившій животъ свой ради спокойствія и счастія Европы.»

Утѣшитесь убо, сѣтующіе — и раздѣлите съ нами настоящее вѣчнославное торжество; раздѣлите съ нами общую радость, восхищающую не только Россіянъ, но и всѣ народы Европы.

Но сколь ни восхитительна, сколь ни велика радость наша: при всемъ томъ она недостаточна. Недостаетъ намъ тебя, Августѣйшій Виновникъ нашихъ торжествъ и радостей; недостаетъ тебя, отецъ отечества, благодѣтель свѣта, спаситель Европы! Мы слышимъ глаголы твои, исповѣдающіе величіе Божіей къ намъ благости: слышимъ глаголы, возвѣщающіе намъ, сколь вожделѣнный, столь славный миръ. Но когда, когда узримъ мирные радостотворные взоры твои? Мы слышимъ хвалы, какія воздаешь вѣрности, любви отечественной и превосходнымъ доблестямъ счастливыхъ подданныхъ твоихъ. Но не тебѣ ли единому принадлежитъ вся хвала и слава? Не твой-ли одинъ великій, твердый духъ способенъ былъ совершить то великое дѣло, которое удивило вселенную, и заставило спасенныя десницею твоею царства прославлять имя твое паче всѣхъ царей земныхъ? Ахъ! когда, когда повергнемся къ исполинскимъ стопамъ твоимъ, уравнившимъ стропотная земли и обратившимъ въ пути гладки? Когда, когда облобызаемъ побѣдительную, миротворную и благодѣтельную десницу твою? Отецъ отечества! сыны Россіи за всѣ подвиги, какіе ни совершили въ продолженіе жестокой и кровопролитной брани, за всѣ пожертвованія, какія ни принесли отечеству, не могутъ требовать признательности твоей. Ихъ обязывала къ тому собственная польза; обязывала честь и клятва въ вѣрности къ тебѣ и отечеству, произнесенныя предъ лицемъ неба. Они тебѣ единому воспишутъ благодарственная. Побѣдитель непобѣдимыхъ! хотя и не можемъ, но мы хотимъ побѣдить тебя въ нашей къ тебѣ признательности и любви.

Небесное свѣтило! Когда въ несчастную для насъ годину ты обратило теченіе свое отъ сѣвера къ югу, тучи ужасныхъ бѣдствій покрыли любезное отечество наше, загремѣли громы браней, пламенныя молніи пожгли селенія и грады. Небесное свѣтило, ты и нынѣ уклоняешься отъ насъ. Но прекрасное свѣтило Россіи, разогнавшее тучи браней, озарившее Европу свѣтомъ своея благости, возвратившее народамъ тишину и благоденствіе, скоро, скоро возвратится къ намъ. Оно за кратковременныя печали наградитъ насъ тьмами ненарушимыхъ радостей; такъ какъ за минутное оскорбленіе, какое дерзнула нанести намъ безумная гордыня, озарило насъ вѣчною славою.

Великій славою, но большій благостію Александръ! пріиди, возсяди на престолъ отецъ твоихъ, его же Вышній сотвори *яко солнце и яко луну совершенну. Наляцы, и успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды: и наставитъ Тя дивно десница Божія.* Россіяне, подъ сѣнію благодѣтельной державы твоей, почіютъ отъ трудовъ своихъ, насладятся тишиною, обиліемъ и блаженствомъ, и, ублажая дни свои, не престанутъ возглашать сію ангельскую пѣснь: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе!*

Господи, исполни желанія сердца Царева, исполни моленія наши! Аминь.

Августинъ.

(*Изъ того-же сочиненія*).

---

6. Слово при случаѣ присяги избранныхъ по Тульской Губерніи судей 1815 года.

Болій въ васъ да будетъ вашъ слуга (Матѳ. 23. 11).

И почтожъ восходить на высоту честей въ чинѣ общества, и не желать быть у всѣхъ во уваженіи? говоритъ самолюбіе. И почтожъ превозноситься надъ другими, и не обонять ѳиміамъ почтенія, воскуряемый предъ вознесенными земли? говоритъ честолюбіе. И почтожъ искать мѣста, на которомъ разсыпаются дары счастія, и не наслаждаться ими? говоритъ любостяжаніе. И почтожъ быть вождемъ народа, и не пользоваться отъ народа? судіею, и остаться только съ одною бѣдною правдою? пастыремъ, и отъ млека стада не ясть? большимъ другихъ, и не требовать, чтобъ тысяча услужливыхъ рукъ и сердецъ раболѣпныхъ готовы были угождать воли моей?— говоритъ самоугодіе.

Но такъ говорятъ страсти, л. б. Послушаемъ, что глаголетъ Тотъ, Который *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. 20. 28). *Болій въ васъ да будетъ вашъ слуга*, вѣщаетъ Владыка міра Христосъ!

Когда мудрая десница Промысла возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, вѣнчаетъ ихъ славою и честію, препоясуетъ властію и отличаетъ именами правителей, вождей народа, повелителей, пастырей, яко отличіями благознаменитыми: то не для того-ли, да, облекшись правдою, яко бронею, препоясавшись истиною, яко мечемъ, покрывшись страхомъ Господнимъ, яко шлемомъ, облекутся они во уготованіе благотворити людямъ, и благоугодни будутъ предъ Богомъ и человѣки? — Какъ! неужели сіи свѣтила водружены на тверди нравственнаго міра, да не разливаютъ они свѣта и теплоты окрестъ себя, и да вси, приближающіеся къ нимъ, не ощутятъ благотворныхъ лучей ихъ? сіи свѣтильницы возжены на свѣщницѣ, да не свѣтятъ никому? сіи грады поставлены верху горы, да не будутъ они прибѣжищемъ утомленному путнику жизни, покровомъ обуреваемому напастей бурею, оградою гонимому звѣрями дивіими, страстями хищными, алчностію ненасытимою, корыстолюбіемъ всепожирающимъ, неправдою неистощимою во изворотахъ лукавыхъ?

Или добродѣтель должна обитать точію въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сіяніемъ от-

знаменитыхъ; быть печатію
къ состояній, а не высокихъ?
ли вознесенные предъ брати-
ею и призванные пріяти честь
вѣріемъ общимъ, или властію
жащею, должны жить уже
для самихъ себя? Нѣтъ, п. м.,
призваны на почтенное дѣло
нія общаго не для того, *да*
жать вамъ, но послужити;
даны отъ лица общества пре-
ества власти, отличія, уваже-
, да кійждо въ кругѣ своемъ
заете толико благъ, коль ве-
важность служенія вамъ ввѣ-
го, толь велики достоинства
коль велики преимущества.
змышленіе да предшествуетъ
въ поприщѣ служенія, въ ко-
вступаете нынѣ.

ть въ обществѣ отличнымъ
другими или мѣстомъ воз-
нымъ, или чиномъ знамени-
или уваженіемъ особеннымъ,
ть быть полезнымъ обществу.
кныя отличія суть или по
ей мѣрѣ быть долженствуютъ
ніемъ внутреннихъ досто-
ъ, добродѣтели, заслуги. Я
мечъ при бедрѣ твоей? Ви-
и мню, что ты или, яко воинъ,
аешь имъ полчища против-
, возстающихъ низложить
покой и благо страны твоея,
жать отъ лица ея враги ея;
яко судія, разгоняешь имъ
лукавыхъ, кои, подъ крот-
ичиною брата и гражданина,
вѣри хищные подъ одеждою
, устремляются на расхище-
ограждань твоихъ; разсѣка-
имъ сѣти коварства, которыя
вляетъ ухищренная корысть
отѣ неопытной, и сокрушаешь
й союзъ неправды. — Я вижу
ція отличія на груди твоей?
ку въ нихъ или сіяніе добро-
дѣтелей твоихъ, или блескъ талан-
товъ полезныхъ, или лучи заслугъ
знаменитыхъ. - Я зрю повелитель-
ный жезлъ въ десницѣ твоей? И ура-
замѣваю, что пасешь ты люди Бо-
жія въ преподобіи и правдѣ, смиря-
ешь вознесенный порокъ, ограждае-
шь притѣсненную добродѣтель.—
Я зрю тебя посажденна при ногу
закона во святилищѣ правосудія?
И вѣрую, что судишь людемъ въ
правду, изъемлеши обидимаго изъ
десницы сильнаго, избавляеши си-
раго отъ руки грѣшничи, спасаеши
добродушную простоту отъ сѣтей
корысти алчныя, твориши судъ ца-
ревъ, твориши судъ Божій.

На семъ залогѣ ввѣряетъ намъ
или общество, или власть предер-
жащая и силу, и могущество, и
честь, и отличія, и поставляетъ насъ
превыше другихъ.

Такъ свѣтило міра сіяетъ, яко
исполинъ, на тверди небесной среди
звѣздъ малосвѣтлыхъ, да разли-
ваетъ животворные лучи свои отъ
края небесе до края его! Такъ воз-
носятся высокіе кедры надъ быліемъ
сельнымъ, да закрываютъ оное
отъ зноя палящаго и бурь ревущихъ!
Такъ горы Божія возвышаютъ
чело свое надъ смиренными
долинами, да осѣняютъ ихъ главами
своими отъ палящаго солнца, и
напояютъ пустыни жаждущія во-
дами, на главахъ и въ нѣдрахъ ихъ
собираемыми.

Желаніе отличаться предъ дру-
гими есть желаніе всеобщее. Червь
сей грызетъ сердца и на престо-
лѣ, и въ хижинѣ. Кто не хочетъ
быть почтенъ, уваженъ? Завоеватель
опустошаетъ землю, разрушаетъ
грады и превращаетъ все въ разва-
лины безобразныя, дабы водрузить
на нихъ величіе имени своего и
трофеи побѣдъ своихъ; убійца, въ

рубищѣ своемъ, по крайней мѣрѣ ищетъ отличить себя чѣмъ либо среди собратовъ своихъ, покрытыхъ подобными рубищами. Таково стремленіе сердца восходить выше и выше! Но чтобъ оправдать стремленіе сіе предъ Богомъ и человѣки, надлежитъ исполнить обязанности, къ коимъ призываетъ насъ промыслъ Божій, польза сочеловѣковъ, братій нашихъ, власть предержащая.

Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію, тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе—мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели.

Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться! — А добродѣтель? О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О! когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанность свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О! ихъ можно утверждать именемъ власти и — не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни, или уваженія свѣта!

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія—слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только-бы намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но совѣсть, яко стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, предъ очами котораго *вся нага* и откровенна (Евр. 4. 13), Богъ, *къ которому не преселится лукавнующій* и предъ которымъ *не пребудетъ беззаконнующій* (Псал. 5. 5 и 6)! *О! не взыщетъ!* (Псал. 9. 25). Онъ милосердъ.

Согласимся, бр., что все сіе такъ будетъ, пусть *пути нечестиваго спѣются* и вкупѣ *оскверняются* во *всяко время* (Псал. 9. 26) и успѣхи вѣнчаютъ неправду; пусть все течетъ по теченію воли его, и исполняется по желанію его сердца; пусть Господь коснитъ судъ Свой, люди полагаютъ перстъ на уста: однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что, ежели возлежитъ онъ на лонѣ безпечности, упоенный чашею утѣхъ, и спитъ сномъ крѣпкимъ, а корабль

ія его влается въ волнахъ
здъ, и безпорядковъ, и не-
гвъ, и треволненій бури
ія?
елю, или *нерадиши*, *яко*
ъ? (Марк. 4. 38), вопіяли
Іисусовы, когда корабль,
ихъ по водамъ Гадарин-
погружался среди сна Его;
лны морскія, яко горы, го-
ли низринуться на нихъ;
пубина водная разверзлась
ъ ихъ.
ей-ли же упрекъ могутъ
чальнику безпечному, или
дному, сущіе подъ рукою
иставниче! или *нерадиши*,
ибаемъ? Ты утопаешь въ
— мы утопаемъ въ сле-
пресыщаешься—мы гиб-
надомъ; вѣтръ разсѣянія
етъ тебя отъ предмета къ
у, отъ забавъ къ забавамъ,
ы къ суетѣ, и—сей вѣтръ
я твоего есть для насъ бу-
ая, потопляющая насъ въ
бѣдъ и страданій! У тебя
, то собранія, то веселія,
ность: а намъ столы твои
послѣднихъ крупицъ на-
веселія твои наполняютъ
зни и плачемъ, и стенані-
празденъ, а приставни-
авленные тобою, или то-
авляемые, непраздны; они
всыпно бдятъ еще восхи-
цаго, обогатиться на счетъ
цнаго, умножить сокрови-
корыстію неправедною!
! *вскую спиши?* (Псал.
Пробудись отъ сна твоего,
стражѣ твоей, сотвори
милость, покрой щитомъ
обидимаго, разрѣши узы
сти страждущія, разсѣки
істины сѣти, поставляемыя
крамолою хитрою и ко-
рыстію ненасытимою! *Востани! вскую спиши?* Десница предержащая поставила тебя стражемъ покоя нашего, и мы мнили, что ты не даси очима своима сна и вѣждома дремания, да мы въ мирѣ уснемъ и почіемъ; власть и могущество, которое видимъ въ рукахъ твоихъ, есть покровъ твердый, подъ которымъ мы должны наслаждаться покоемъ, яко подъ покровомъ отеческимъ; сіяніе славы твоея есть тотъ благотворный свѣтъ, который долженъ согрѣвать насъ, яко лучъ солнца. *Востани! вскую спиши?* Но, ахъ! мы вопіемъ и — ты спиши. Вопли страданія не расторгаютъ глубокій сонъ, въ объятіяхъ коего покоишься ты; очи твои закрыты, и ты не видишь слезъ болѣзни, ліющихся окрестъ тебя, и неправда творится на судѣ и притѣсняется невинность, и пріемлются лица грѣшниковъ, и алчная корысть собираетъ корысти неправедныя. Ахъ! доколѣ продолжится сонъ сей? Мы полагали въ тебѣ ангела хранителя круга, ввѣреннаго промышленію твоему; мы полагали, что ты будешь *око слѣпымъ*, *нога хромымъ*, *отецъ немощнымъ* (Іов. 29. 15 и 16); *вразумиши безчинныя, утѣшиши малодушныя, заступиши немощныя* (1 Сол. 5. 14), будеши *всѣмъ вся* (1 Кор. 9. 22). Взирая на знаменія владычества, тебя окружающія, на отличія, на тебѣ сіяющія, на довѣріе царево, на уваженіе собратій твоихъ, мы вѣрили, что ты вѣстникъ мира — ангелъ, весь день ополчающійся окрестъ людей Божіихъ, посланникъ отъ престола, имѣющій изглаголать намъ судъ и правду, пастырь по сердцу Божію, по сердцу цареву: и чтожъ должны мы рещи нынѣ?

То, что нѣкогда Ааронъ о тельцѣ златомъ: *и ввергохъ злато во огнь, и изліяся телецъ* (Исход. 32. 24).

Наша любовь текла во срѣтеніе тебѣ, наша готовность раздѣлять съ тобою дѣло служенія общаго была предъ очами твоими, наша раболѣпность не коснила, наши помѣмы готовы были куриться во знаменіе благодарности предъ тобою, наши уста разверсты были, дабы вѣщати хвалы и твоему служенію, и твоей добродѣтели, и твоей ревности во благо общее; одного точію ожидали мы отъ тебя, да *будеши Божій слуга всѣхъ во благое*: и что-же видимъ?... Ахъ! съ прискорбіемъ должны рещи, яко-же и Ааронъ: *ввергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ!*

Правительство мудрое возводило тебя по степенямъ заслугъ отъ чести къ чести, отъ славы къ славѣ, отъ отличія къ отличію, отъ воздаяній къ воздаяніямъ. Оно мнило, что ты будешь приставникъ въ дому царствія его ревностный, пастырь пасущій стадо ввѣренное тебѣ, неусыпный, хранитель правды непорочный, блюститель закона неустрашимый, судія безкорыстный; что будеши ты жезлъ въ десницѣ его, наказующій неправды, уста его, глаголющія миръ людемъ, отблескъ благости его, сіяющія на благія; оно мнило, что всѣ, сущія въ предѣлахъ дѣятельности твоей, десницею скиптроносною тебѣ начертанныхъ, будутъ ублажать жребій свой, яко дѣти возсѣдящія окрестъ трапезы отеческія: и чтожъ испытываемъ мы? Ахъ! должны сознаться со Аарономъ, что всѣ надежды сіи повержены *яко злато* въ пещь, *и изліяся телецъ!*

Общее избраніе согражданъ, собратовъ твоихъ, единодушно метнуло жребій свой; и жребій паде на тебя, да будешь ты предъ лицемъ яко свѣтило озаряющее свѣтомъ закона темные и стропотные пути жизни, да совратиши съ распутій порока заблуждающаго, покажеши путь правый слѣпотствующему, отреши рукою сострадания слезу притѣсненнаго, смириши гордыню порока, вознесеши смиренную добродѣтель, разсудиши между правдою и лжею, между немощнымъ и сильнымъ, водвориши миръ и тишину въ семействахъ, спокойствіе во градѣхъ, безопасность въ смиренныхъ весяхъ. Речеши? и речеши устами закона! Повелиши? и повелиши гласомъ отчимъ, а не гласомъ властелина гордаго! Положиши дѣла ищущихъ суда на вѣсы? и вѣсы преклонятся на страну правды, и злато въ очахъ твоихъ будетъ яко перо предъ тяготою истины! Сего ожидаетъ отъ тебя сословіе собратовъ твоихъ, обувшее нозѣ твои во уготованіе благотворити людемъ, и препоясавшее тебя мечемъ правосудія. Ахъ! ежели всѣ надежды сіи исчезнутъ, яко мечта; ахъ! ежели уготованный судити людемъ въ правду самъ обрящется на странѣ неправды; ахъ! ежели свѣтъ будетъ тьма, и свѣтильникъ, поставленный свѣтити на пути добродѣтели, будетъ точію освѣщать стези неправды: не рекутъли тогда о немъ, яко-же и Ааронъ о тельцѣ своемъ: *повергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ!*

Неправда, стоящая на мѣстѣ высокомъ, мнитъ въ заблужденіи своемъ укрыть себя отъ стрѣлъ порицанія справедливаго и недреманнаго ока сужденія общаго или за щитомъ власти своя, которая возложитъ молчаніе на уста людей; или подъ великолѣпнымъ блескомъ

жности очаровательной; или
именами и титлами пышны-
ои украшаютъ великихъ; или
сѣнію роскоши и забавъ, кои
ахъ простоты недальновидной
ставляютъ его человѣкомъ,
ощимъ жить въ свѣтѣ и дру-
согражданъ его. Но какъ не-
нъ расчетъ сей! Закрывайсебя,
угодно тебѣ; но не закроешь
мъ тѣхъ пятенъ, кои омрача-
картину жизни твоей. Укра-
цвѣтами добродѣтели терніе
ковъ твоихъ: терніе навсегда
удетъ терніе и порокъ поро-
. Нарицай гордость твою бла-
дпымъ честолюбіемъ, лихоим-
благодарностію судимыхъ то-
роскошь услажденіемъ жизни,
ролюбіе бережливостію, игры
ою невинною, праздность от-
овеніемъ позволеннымъ: симъ
лѣпишь очи свѣта. Сколь серд-
еловѣческое ни преклонно къ
однакожъ есть истина, кото-
противъ воли исторгаетъ у не-
резрѣніе къ тѣмъ, кои или не-
тъ о дѣлахъ служенія своего,
употребляютъ оныя во зло, воз-
ютъ за столомъ пышнымъ, на
сти неправедныя уготован-
, хвалятъ яствы избранныя, но
аются въ душѣ домувладыки
аведнаго, ищутъ въ судѣ у
тителей законокорыстныхъ за-
блескомъ злата, но клянутъ
, пріемлющую злато. Богатый
къ искупаетъ себѣ оправданіе
ю, но смѣется издоимству, про-
цему совѣсть.

ѣтъ! нѣтъ! никогда еще отъ
да благоговѣйнаго не было
осимо кадило пороку; одна
о добродѣтель имѣетъ на него
ъемлемое право! Никогда не
ь воздвигаемъ жертвенникъ не-
дѣ отъ любви удивленной —
отъ души признательной; одной
только истинѣ воскуряются ѳиміа-
мы сердецъ! Человѣкъ! будь до-
бродѣтеленъ, и тогда точію будешь
почтенъ; се гласъ всѣхъ вѣковъ,
всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ.
Хочеши ли не боятися власти,
мнѣнія общаго, гласа народнаго,
*благое твори, и будеши имѣти по-
хвалу* (Рим. 13. 3). Се гласъ са-
мого Бога!—Вождь народа! веди
люди, ввѣренные тебѣ, во храмъ
блаженства, не уклоняясь ни на
десно, ни на шуе съ пути правды,
закона, совѣсти, чести, и благо-
словенія тобою правимыхъ пребу-
дутъ присно на главѣ твоей. Судія!
суди судъ *правый*, *оправдай сми-
ренна и нища*, *изми нища и убога
изъ руки грѣшничи* (Псал. 81. 3 и
4). Да будетъ корысть твоя правда,
воздаяніе совѣсть, мѣрило дѣлъ
твоихъ законъ; тогда любовь не-
притворная, благоговѣніе нелест-
ное благословятъ входы и исходы
твои на чредѣ служенія твоего!
Гражданинъ мирный! исходи на
дѣланія твои выну, яко предъ Бо-
гомъ, умывъ руцѣ въ неповинности
и обязавъ сердце твое союзомъ
любве братнія; тогда будеши по-
чтенъ и безъ отличій наружныхъ!
Почести на недостойномъ суть зрѣ-
лищныя украшенія: только достой-
ный украсить можетъ и самыя по-
чести; и высокій санъ для мужа
неразумнаго есть то высокое мѣ-
сто, на которое поставляется онъ,
яко истуканъ, облеченный въ ут-
варь златую для того только, дабы
свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се чело-
вѣкъ, иже очи имать, и не видитъ;
уши имать, и не слышитъ; уста
имать, и не речетъ ни суда, ни
правды! Ахъ! не сама-ли истина
должна рещи таковому вождю на-
рода: брате! добро тебѣ будетъ

отъити на село твое?... Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ....

Нѣтъ, п. м.! исходя предъ лицемъ Бога, предъ лицемъ отечества, предъ лицемъ сословія избравшаго васъ понести бремя служенія вашего, вы не попустите, да подобный упрекъ падетъ на главу вашу, и, призванные братіею вашею пріяти честь, не снидете съ безчестіемъ съ поприща чести! Мы обозрѣваемъ васъ, и — се! зримъ среди васъ мужей, обратившихъ къ себѣ во времена бурныя, постигшія насъ, и сердца и души не сословія точію вашего, но и всѣхъ и безкорыстіемъ примѣрнымъ, и ревностію къ правдѣ неукоризненною, и любовію къ собратіи своей пламенною. Мы видѣли въ нихъ, въ предшествовавшемъ сему поприщу, защиту притѣсненному, бичъ на неправду, грозу ужасную корыстолюбію; како не увѣруемъ, что и они, и всѣ избранные нынѣ, едиными усты и единымъ сердцемъ не возвѣстите судъ и милость прибѣгающимъ къ суду и защитѣ вашей? како не увѣруемъ, что будете вы слуги Божіи всѣмъ во благое, и *воздадите* яже *Кесарева Кесареви*, яже *Божія Богови* (Матѳ. 22. 21), и яже ближнихъ вашихъ ближнимъ вашимъ?

Такъ! вамъ предлежатъ подвиги многотрудные; вамъ предстоятъ искушенія обольстительныя! Тамъ хитрая корысть выставитъ предъ вами сокровища свои, дабы ослѣпить очи ваши, еже не видѣти правды; здѣсь покровительство сильныхъ будетъ преклонять васъ на *страну неправды*. Тамъ лукавая ябеда сплететъ вамъ ухищренные узлы лжи и обмана, кои только неутомимою бодростію и безпристрастіемъ нелицепріемнымъ разсѣщи возможете; здѣсь лесть воскуритъ предъ вами жертвы свои, да омрачитъ души ваши ядовитыми парами самоугодія и померкнетъ предъ вами лучъ истины. Тамъ родство, дружба, пріязнь будутъ преклонять вѣсы правды въ десницѣ вашей въ пользу свою; здѣсь разверзетъ на васъ ядовитыя уста злословіе, да поне грызеніями своими совратитъ васъ съ пути праваго. Но бодрствуйте, стойте, сражайтеся, побѣждайте! поприще ваше есть для васъ какъ бы ратное поле. Надлежитъ или побѣдить и прославиться, или быть побѣждену и снити съ него, покрывшись безславіемъ. — И вы побѣдите, если подвигомъ добрымъ подвизатися будете, вѣру, вѣрность, законъ сохраните. Да будетъ для сего присно долгъ вашъ предъ очами вашими, честь сопутницею дѣлъ вашихъ, страхъ Господень наставникъ вашъ, истина препоясаніе, совѣсть руководь, Богъ издовоздаятель, и—тогда побѣдите и прославитесь у Бога и человѣкъ! Аминь.

Амвросій.

(*Вѣстникъ Европы, 1816 г.*)

---

7. Слово о гласѣ вопіющаго въ пустыни, и на воспоминаніе происшествій 1812 года.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его. (Мар. 1. 3.)

Блаженная пустыня, въ которой слышенъ столь вожделѣнный гласъ! Вожделѣнный гласъ, которымъ воз-

вѣщается приближеніе Господа! Ибо если повелѣвается *уготовать путь Господень и правы творить стези Его въ пустынѣ*: то конечно Господь не далекъ отъ нея и желаетъ посѣтить ее. Посему-то и Пророкъ Господень привѣтствуетъ ее радостію и весеміемъ: *радуйся, пустыня жаждущая, да веселится пустыня, яко кринъ* (Ис. 35. 1).

Что предъ сею пустынею и гласомъ ея, хотя впрочемъ не столько глаголющимъ въ мірѣ, сколько *вопіющимъ* въ трепетномъ благоговѣніи, — что предъ ними молва и смятеніе человѣческихъ обществъ, что шумъ и разсѣянность города, который едва-ли гдѣ и когда бываетъ лучше, нежели какимъ видѣлъ его пустынелюбивый царь: *видѣхъ беззаконіе и пререканіе во градѣ; днемъ и нощію обыдетъ его по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда; и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. 54 10 — 12). И кто не пожелаетъ съ Давидомъ *удалиться бѣгая, и водвориться въ пустыни*, такъ чтобы тамо *чаять Бога* (8)? Кто изъ тѣхъ самыхъ, которые любятъ находить препятствія въ исканіи Бога, не возскорбитъ по крайней мѣрѣ о томъ, что не можетъ исторгнуться отъ *суеты* и *крушенія духа*, и не имѣетъ *крилъ, яко голубиныхъ, да полетитъ и почіетъ*?

О если-бы Господь даровалъ намъ нынѣ, хотя на краткое время, снити внимательною мыслію въ лежащую предъ лицемъ Его *пустыню*, пріять сердцемъ *гласъ* предваряющей благодати Его, да въ умиленіи подвигнемся на *уготовленіе пути* Его!

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его.

Когда Евангеліе, дабы обратить очи ваши на путь Господень, оглашаетъ васъ *гласомъ пустыни*: да не возмнитъ кто изъ васъ, христіане граждане, будто васъ хотятъ безъ различія похищать изъ жизни общественной и влещи къ Іоанну Крестителю въ нѣкую ненаселенную страну іорданскую. Пророкъ, издалеча слышавшій и предвозвѣстившій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, явленный во Іоаннѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, нежели одну іорданскую пустыню *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится; и будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки, и* — потомъ — *явится слава Господня* (Іса. 40. 4 — 5): такъ изображаетъ Ісаія преображеніе своей пустыни. Но пустыня Іоаннова и въ явленіе Господа Іисуса, и послѣ оставалась также дикою, какъ была прежде.

Какая-же то пустыня, въ которой Пророкъ слышалъ гласъ, возвѣщающій приближеніе Господа? — Вотще терялись бы мы въ разнообразіи временъ невозвратныхъ и мѣстъ недосягаемыхъ, для обрѣтенія оныя. Напротивъ, она не столько удалена, сколько непримѣчаема, и усматривается чрезъ восхожденіе отъ чувственнаго къ духовному, отъ человѣческаго къ божественному. Что есть пустыня въ обыкновенномъ понятіи человѣческомъ, для ока чувственнаго? — Мѣсто необитаемое и невоздѣлываемое человѣками, хотя-бы оно было исполнено звѣрей и другихъ живущихъ тварей. Отселѣ да разумѣемъ: что есть пустыня для взора духовнаго, для ока Божія? — Когда страсти, свойственныя естеству звѣрей, и пожеланія скотскія, возобладавъ человѣкомъ, удаляютъ

отъ него всякую духовную мысль, всякое чистое желаніе, всякое благое дѣло, и, такъ сказать, опустошаютъ высшую область его природы—что тогда есть душа его, какъ не пустыня дикая? Но когда число таковыхъ животныхъ человѣковъ столь велико, что весь составъ человѣчества, по слову Божію, есть *плоть* (Быт. 6. 3); совершенные-же духовные человѣки рѣже на земли, нежели класы, остающіеся на пожатой нивѣ: то что есть и цѣлый міръ предъ очами *Отца духовъ* (Евр. 12. 9), какъ не безплодная пустыня? Наконецъ, когда самый градъ Божій на земли оскудѣваетъ сынами вышняго Іерусалима и попирается язычниками; когда избранный вертоградъ Возлюбленнаго приноситъ вмѣсто гроздія терніе; когда людіе Господни *оставляютъ источника воды живыя* — Господа, чтобъ *ископати себѣ кладенцы сокрушенные* (Іер. 2. 13), возмущаютъ или преграждаютъ чистый токъ небесной истины, но потомъ истаяваютъ неутолимою жаждою надъ горькими потоками земной мудрости: что тогда самая церковь, какъ не пустыня жаждущая?

И въ сіи-ли неустроенныя, оставленныя, непроходныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы и велелѣпоты? Исходитъ отъ блаженныхъ селеній небесныхъ и грядетъ посѣтить землю, грѣхомъ и проклятіемъ опустошенную? Оставляетъ сыновъ дома своего — чистыхъ духовъ, питающихся свѣтомъ лица Его — и поспѣшаетъ обрѣсти овча своего стада, заблуждающее отъ Него въ горахъ и дебряхъ? Такъ! *Господь*, который самый *потопъ населяетъ* (Пс. 28. 10), не хощетъ предать конечному запустѣнію ни единаго угла своего безпредѣльнаго владычества; единородный Сынъ Божій единою рукою въ славномъ *дому* Отца своего уготовляетъ *обители* для упокоенія спасаемыхъ, другою зиждетъ *скинію въ пустынѣ* для спасительнаго прибѣжища погибающихъ. И здѣсь явится слава благодати Его: только всякое ниспаденіе въ чувственность да удержится; всякое возношеніе гордости да низложится; закоснѣніе въ неправдѣ собственной да не препятствуетъ открыться правдѣ Божіей; терніе и каменіе—злоба и ожесточеніе да не препинаютъ мирнаго шествія любви божественной: *всяка дебрь да наполнится, и всяка гора и холмъ смирится, и будетъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки; и — явится слава Господня.* Воздвигнитесь убо, работающіе міру неблагодарному, воздвигнитесь отъ него тайнымъ шествіемъ, подобно какъ древніе Израильтяне отъ Египта; обратитеся и воззрите очами духа на лице пустыни—въ васъ и окрестъ васъ—ожидающей своего посѣщенія и обновленія; видите ея сѣтующій образъ; провидите славу, ей обѣщаемую; и *аще услышите гласъ Господа сотрясающаго пустыню* (Псал. 28. 8), *не ожесточите сердецъ вашихъ* (Псал. 94. 8); *путе сотворите шествующему по пустынямъ* (Пс. 67. 5).

Но кто можетъ сказать, что не слышалъ сего страшнаго иногда, однако тѣмъ не менѣе милосердаго гласа?—Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію и возвѣщающій приближеніе царствія Божія, не есть единственный *гласъ вопіющаго въ пустыни,* но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гла-

совъ. Еще тогда, какъ человѣкъ, слышавъ *гласъ Господа Бога ходящаго въ раи*, сокрылся въ первый разъ отъ лица Его и такимъ образомъ открылъ первую *пустыню* въ самомъ раю, тогда-же услышался и первый *гласъ въ пустыни: гдѣ еси?* — гласъ, который оттолѣ, въ безчисленныхъ отголоскахъ, несется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ, и пронесется до самой вѣчности, взыскуя погибающихъ въ удаленіи отъ Господа. Если бы не одебелѣло сердце людей сихъ; если-бы не тяжко слышали они ушима и не смежали очей своихъ: то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ-бы гласъ благодати предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ — возглашающій въ видимой природѣ; гласъ извнутрь — исходящій изъ глубины души; гласъ свыше — висходящій въ божественномъ откровеніи; гласъ долу — отражающійся въ происшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господа и дуновеніемъ устъ Его.

Гласъ въ природѣ. Если онъ мало слышимъ, то потому самому, что непрестающъ. Привычка слышать его притупила вниманіе, его равномѣрность показалась безмолвіемъ. Безбожникъ исповѣдалъ-бы Бога, воззрѣвъ на небеса и услышавъ вѣщаніе ихъ, если-бы не родился подъ ними: каменное сердце разсѣлось-бы отъ стенаній земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка, если-бы всѣмъ бытіемъ своимъ не было погружено въ сіи стенанія прежде, нежели ощутило само себя. *Небеса*, говоритъ одинъ изъ имѣющихъ уши слышати, *небеса повѣдаютъ славу Божію* такъ, что *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. 18. 2—4), то есть, нѣтъ языка или нарѣчія, на которомъ-бы само собою не выражалось ихъ проповѣданіе. Другой, среди сихъ торжественныхъ гласовъ твари, славословящей премудраго Творца, открываетъ болѣзненныя воздыханія *твари повинувшейся суетѣ*; *вѣмы*, говоритъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже донынѣ* (Рим. 8.22). Сіи совокупные гласы и воздыханія твари: гласъ отъ источника первоначальнаго въ мірѣ блага и воздыханіе изъ бездны произникшаго зла, гласъ небеснаго порядка и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго истлѣнія,—не суть-ли, для разумѣвающихъ, нѣкій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, или вопль самой всемірной пустыни, отсюду гласящей человѣку: «кто кромѣ тебя «могъ внести зло въ творенія Все«благаго? Не ты-ли, будучи постав«ленъ ихъ владыкою, содѣлался «ихъ поработителемъ? Не ты ли «превратилъ царство благолѣпія въ «безобразную пустыню и окрестъ «плодовъ жизни насадилъ терніе и «волчцы? Доколѣ убо и страждешь «самъ, и съ собою оставляешь *всю «тварь воздыхать и соболѣзно«вать?* Доколѣ не обратишься всѣмъ «существомъ твоимъ, да съ тобою «приблизится и все владычество «твое къ единому Виновнику вся«каго блага и совершенства, отъ «Котораго ты удалился, но Кото«рый еще столь видимо къ тебѣ при«ближается отсюду и своею сла«вою и своими щедротами? Доколѣ «не *уготовляешь пути Господня*, «*и правыхъ не творишь стезей «Его?*»—Боже мой! Если-бы единый мгновенный вздохъ цѣлыя Тво-

ея твари могъ быть измѣренъ внѣшнимъ чувствомъ—сколько бурь и громовъ онъ-бы составилъ! Но вся тварь непрестанно воздыхаетъ къ нашему сердцу, неумолкно вопіетъ къ уму: и мы не слышимъ, и еще веселимся ея страданіемъ и разрушеніемъ!

Гласъ изъ глубины души. Сей, можетъ быть, еще менѣе слышенъ нежели гласъ внѣшней природы, потому что и болѣе тонкаго требуетъ чувства, и болѣе глубокаго вниманія. Хотя, безъ сомнѣнія, никто не можетъ лучше *вѣдать, яже въ человѣцѣ какъ духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. 2. 11): но духъ сей нерѣдко уподобляется такому домовладыкѣ, который проводитъ большую часть времени въ открытыхъ храминахъ своего дома, замѣчаетъ мимоходящихъ, пріемлетъ посѣщающихъ, собесѣдуетъ, пиршествуетъ, а тайную клѣть свою едва посѣщаетъ, какъ чуждую гостинницу, не знаетъ сокровищницы своей, и всѣ попеченія домостроительства возлагаетъ на рабовъ и наемниковъ. Мы живемъ, по большей части, во внѣшнихъ чувствахъ; заботимся о преходящихъ удовольствіяхъ, мудрость міра, страсти, пожеланія управляютъ нашею дѣятельностію: между тѣмъ, что происходитъ въ душѣ нашей, что скрывается въ таинственной глубинѣ ея, не вѣдаемъ, и болѣе стараемся познать другихъ, нежели самихъ себя; отверзаемъ всѣ возможные исходы изъ самихъ себя и ни единаго входа внутрь себя. Блаженъ, кто умѣетъ, по примѣру Давида, собирать всѣ свои силы въ ту невѣдомую страну природы человѣческой, которая сопредѣльна съ вышними областями духовнаго и божественнаго, тамъ *открывать ко Господу путь свой* (Псал. 36.5), и ожидать исходящей отъ лица Его судьбы своей: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ!* Съ сей непостижимою для разумѣнія высоты нисходятъ въ сердце вѣрующее и любящее живѣйшія внушенія благодатныхъ ощущеній: *яко речетъ* Господь *миръ на люди Своя и на обращающія сердца къ Нему* (Псал. 84. 9). Но и когда сей *миръ Божій превосходяй всякъ умъ* (Фил. 4. 7) еще не посѣтилъ насъ, — и тогда не также-ли удобно, или не паче-ли еще свойственно гласу Господню достигать до насъ прямымъ путемъ духа и сердца, нежели окрестною стезею чувствъ и плоти? Не испытали-ль мы уже иногда, въ минуту внутренней тишины, когда утомленныя суетою мысли возвращаются отъ своего разсѣянія, когда пресыщенныя желанія отрѣшаются отъ своихъ предметовъ и мы нечаянно начинаемъ *внимать себѣ* (1 Тим. 4. 16),—и испытали-ль мы въ такое время нѣкой пустоты въ духѣ, нѣкой тупъ въ сердцѣ, въ которыхъ таится глубокое и непрестанное воздыханіе? Наблюдайте постояннѣе за симъ скрытнымъ ощущеніемъ; заключайтеся чаще отъ мірскаго шума, оное заглушающаго, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнѣе всѣ исходы къ разсѣянію: вы узнаете во внутреннемъ воздыханіи вашемъ то самое, которому совоздыхаетъ вся тварь; мало по малу оно будетъ разрѣшаться то въ терзающее *рыканіе* (Псал. 37. 9), яко льва, то въ умягчающее стенаніе, яко горлицы; наконецъ вы услышите истинный *гласъ вопіющаго* во внутренней вашей *пустыни*, возвѣщающій вамъ что хожденіе въ стропотныхъ пу

міра и плоти только уязвляетъ
ояляетъ душу вашу; что вы
асно расширяете для нея сте-
изгнанническаго странство-
, по которымъ она только бо-
удаляется отъ отечества не-
аго; что для нея должно ис-
пути возвращенія къ Отцу
ному и спасительнаго посѣще-
ыше, *уготовлять путь Госпо-*
и правы творить стези Его.
асъ въ откровеніи. Между
, какъ большая часть человѣ-
день отъ дня тягчае слышали
а, да не услышатъ всеобщаго
іханія твари о свободѣ чадъ
ихъ, и часъ отъ часа болѣе
лѣвало ихъ сердце, да не
мѣютъ глаголовъ сего сама-
рдца, которое *взыскуетъ ли-*
воего Господи (Псал. 26. 8),
е хотяй смерти закоснѣваю-
даже грѣшника и неистощи-
въ средствахъ къ обращенію
подвизался Самъ, *да явленъ*
ми не ищущимъ Тебѣ, и обря-
ся не вопрошающимъ о Тебѣ
65. 1). Отъ времени до вре-
Ты открывалъ ухо избран-
Твоимъ, исполнялъ духъ ихъ
творящимъ словомъ Твоимъ, и
ялъ ихъ яко трубами Твоего
, и устами Твоего глаголанія
лнамъ человѣческимъ на язы-
ловъ человѣческихъ. *Много-*
чѣ и многообразнѣ глаголалъ
тцемъ во пророцѣхъ; въ по-
ѣхъ дній сихъ глаголалъ намъ
нѣ (Евр. 1. 1—2); отселѣ съ
гъ обиліемъ *изліялъ отъ Ду-*
воего на Апостоловъ, *да про-*
ѣтъ, и чрезъ нихъ донынѣ про-
лешь изливать оный *на всяку*
ь (Іоил. 2. 23). Не знаемъ,
-ли благость безпредѣльную
остижимую премудрость дол-
ны единственно прославить за
постепенное распространеніе Твоихъ видимыхъ съ нами общеній, или въ тоже время обязаны сознать умножающееся въ насъ невниманіе и ожесточеніе, востребовавшее крайнихъ усилій противоборствующихъ: только сокровище торжественныхъ Твоихъ откровеній тысящелѣтіями собираемое, никогда не являлось и толико исполненнымъ, и толико для всѣхъ открытымъ, какъ въ сію *послѣднюю годину* (1 Іоан. 2. 18). *Слово, еже заповѣдалъ еси съ нами*, отъ вѣка, и *Духъ Твой*, облеченный священнымъ письменемъ, *настоитъ посредѣ насъ* (Агг. 2. 6): оглашаетъ во храмахъ, собесѣдуетъ въ домахъ, и тогда, какъ въ служеніе слова призываются толико нищіе дарами Апостольства, Ты положилъ въ сердце любящихъ Тебя, да вновь самихъ Апостоловъ — въ ихъ писаніяхъ — сопроводятъ по градамъ и весямъ, по чертогамъ и хижинамъ, и такимъ образомъ во всемъ пространствѣ исполнится сказанное: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенѣй* (Матѳ. 24. 14). Теперь *гласъ* или, лучше, совокупность гласовъ, по временамъ, по мѣстамъ *вопіявшихъ въ пустыни*, гласъ не только возвѣщающій, но и являющій приближеніе Твое, не возбуждающій только ужасъ пустыни, но и утѣшающій благодатію ея посѣщенія, не указующій только *стропотная и острая*, но и наставляющій *уготовлять путь* Твой и *правы творити стези* Твои, поставляющій насъ *рабами ждущими Господа своего, и дѣвами* уготовляющимися *во срѣтеніе жениху*, — сей живый и животворящій гласъ уже простирается по горамъ отдаленнѣйшимъ и досягаетъ въ глубочайшія дебри. Ты вѣси, Гос-

поди, не конецъ-ли уже великой, всемірной проповѣди мы слышимъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина.* Ты единъ зриши въ сей мрачной полунощи, не время-ли уже *быти воплю: се Женихъ грядетъ, исходите во срѣтеніе Его!* (Матѳ. 25. 6).

Гласъ въ происшествіяхъ міра. Поелику всякое *слово Божіе живо и дѣйственно* (Евр. 4. 12), и все сущее и дѣйствуемое въ мірѣ *носимо глаголомъ силы* Божіей (Евр. 1. 3): то несомнительно, что во всѣхъ происшествіяхъ міра, поколику они суть дѣйствія Провидѣнія, заключенъ глаголъ Божій, и въ особенности въ происшествіяхъ, дѣйствующихъ на человѣка— глаголъ Божій, простирающійся къ человѣку. Опытъ и благоговѣйное вниманіе къ дѣламъ Промысла, или, точнѣе, самъ Промыслитель міра отечески вводитъ чадъ своихъ въ познаніе сего непреложнаго языка случайныхъ, по видимому, событій: и чада, не отвергающія наказанія Отча, разумѣваютъ, какъ благоденствіе возвѣщаетъ имъ любовь и милосердіе Божіе; искушенія и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ и призываютъ къ покаянію; лишенія временныхъ благъ и наружныхъ преимуществъ проповѣдуютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія и преткновенія въ путяхъ міра и плоти призываютъ на путь Господень. Но если кто еще не слышитъ или не узнаетъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни: да не затворитъ, по крайней мѣрѣ, слуха и сердца отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вд поражаютъ племена и народы, полняютъ вѣки, потрясаютъ бомъ и землею. *Да плачетъ ля, и да помрачится небо* (4. 28), взываетъ Богъ у Прор когда всѣ другіе гласы призыв обличенія, сѣтованія, угрож не могли остановить стремив гося къ своей погибели народа раильскаго. Такъ обыкновенно *голетъ* Богъ *суды своя* къ камъ преогорчевающимъ. Опъ велѣваетъ сему небу, которое вѣдаетъ славу Его, проповѣды Его гнѣвъ и ярость гласомъ стр ныхъ знаменій и тлетворныхъ яній; заповѣдуетъ сей землѣ, торая отъ года до года изно Его благословенія, вознести сте нія глада и шумъ нестроенія; рушиваетъ грады и царства, громомъ паденія ихъ пробу спящихъ въ безчувственномъ бвеніи о Немъ: все превращаетъ пустыню тамъ, гдѣ *мерзость пустынія* (Матѳ. 24. 15) прони до самаго святилища; но все то для того, чтобы, погубляя путь честивыхъ, расширить и очис пространство, да *уготовится п Господень, и правы сотворя стези Его!*

Гласъ Господень въ крѣпос Гласъ Господень въ великолѣп (Псал. 28. 4). Казалось-бы, х стіане, что намъ не льзя и по отъ множества силы и непрест наго взыванія гласовъ, возбужд щихъ насъ обращаться къ Б Однако въ Евангеліи назнамено но время косненія небеснаго ниха, въ которое *воздремаша и спаху* (Матѳ. 25. 5): и пусть к дый, очистивъ чувствія, испыта окомъ, и слухомъ, и сердцемъ, все-ли окрестъ насъ знамену

пасную нощь бездѣйствія и
ности.
ъ славы гремитъ (Псал. 28.
нѣ всѣми своими гласами устъ,
бъ, и громовъ. Не будемъ го-
ъ о ударахъ, которыми *со-*
етъ Онъ всю великую *пу-*
о западнаго христіанства.
ите-ли вы *гласъ*, недавно воз-
вшій и едва еще утихающій
едѣлахъ собственной земли
і, въ развалинахъ, *въ пусты-*
ада великаго! Сей болѣзнен-
і смертный гласъ толь мно-
гражданъ, гласъ разрушенія
ыхъ оградъ, гласъ поруганія
въ, есть-ли только дѣйствіе
йнаго удара?—Но рука Про-
ія не ударяетъ мимо своея
а сія мета назначается пре-
стію и правосудіемъ. Есть-ли
но пораженіе виновныхъ? —
сомнѣнія всевидящимъ су-
не наказуются невинные: но
удемъ судіями помышленій
(Іак. 2. 4), не осудимъ бра-
шихъ паче самихъ себя. Въ
ъ бѣдствіи долженствовали
и виновные, которымъ про-
ніе жизни послужило-быток-
умноженію ихъ преступле-
могли безъ неправосудія по-
ть и невинные, которыхъ-бы
ніе болѣ очистило и запе-
ло мученичествомъ, нечаян-
нчина только ускорила при-
къ блаженному концу бытія
і которые, можетъ быть, спа-
такимъ образомъ отъ прет-
ній, угрожавшихъ имъ въ
йномъ продолженіи земнаго
ствованія.—Нѣтъ! посѣщен-
ігчайшими бѣдствіями не суть
нѣйшіе насъ помилованныхъ,
ръ судебъ возгремѣлъ не на
ъ тѣхъ, на которыхъ низве-
онъ. *Ни, глаголю вамъ, но*
аще не покаетеся, вси тако же
погибнете (Лук. 13. 5). Вотъ гласъ,
который самъ Господь научалъ насъ
слышать въ каждомъ бѣдствіи об-
щественномъ. И услышали-ли, у-
разумѣли-ли, пріяли-ли мы въ
настоящихъ происшествіяхъ сіе по-
ученіе Господне?—Правда, гласъ
помилованія и благоволенія, кото-
рымъ огласилъ насъ Господь предъ
всѣми языками, свидѣтельствуетъ
о множествѣ пріявшихъ гласъ на-
казанія Его: смиреніе въ признаніи
вседѣйствующей надъ нами руки
Его и благотворительность къ бѣд-
ствующимъ ближнимъ, распростра-
няемыя посреди насъ дѣйствіемъ
сильныхъ примѣровъ, являютъ въ
насъ плодъ достойный покаянія. Но
такъ-ли сокрушилъ сердца наши
крѣпкій гласъ Господень, чтобы
всякая дебрь наполнилась, и всякая
гора и холмъ смирились? Не еще-
ли видны возношенія собственно-
сти? Не еще-ли зіяютъ ненасытимыя
земныя желанія? Подая требую-
щимъ, отказываемъ-ли мы себѣ хо-
тя въ нѣкоторыхъ излишествахъ?
Не слишкомъ-ли поспѣшаемъ за-
глушать сокрушающій, но вкупѣ и
назидающій *гласъ вопіющаго въ пу-*
стыни, шумомъ плещущихъ и ве-
селящихся? Не многое-ли, пробуж-
денное судомъ, уже вновь воздре-
мало подъ сѣнію милости? Блюдем-
ся, о чада помилованія! дабы нера-
дѣніемъ о богатствѣ благости и дол-
готерпѣнія Божія, толь многочастно
и многообразно призывающаго насъ
ко обращенію и перемѣненію житія,
вновь не собирать себѣ гнѣва Божія
и не предать себя тягчайшему и ко-
нечному суду. Помыслимъ: если
нынѣ, во время благопріятно и въ
день спасенія, не *уготоваемъ мы*
пути Господня, и не сотворимъ
правыхъ стезей Его; то когда явит-

ся Самъ Онъ, *и отъ лица Его* не токмо горы и холмы, но *побѣгутъ небо и земля*, такъ что *мѣста не обрящется имъ* (Апок. 20, 11), гдѣ мы тогда обрящемся? — Аминь.

Филаретъ.

(*Поучительныя слова*).

---

8. Слово въ Великій Пятокъ.

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? нѣтъ болѣе Слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота* (Псал. 15. 11), Слово сіе оставило небеса и облеклося плотію: но человѣки не восхотѣли внимать Слову, растерзали плоть Его, и се *взятъ отъ земли животъ Его* (Іса. 53. 8)! Кто-же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его и которая возвращаетъ Его душамъ, готовымъ принять оное. Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ипостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи умирая плотію, въ то-же время *исполняетъ всяческая* (Ефес. 42. 10) своимъ *духомъ* и силою. Посему-то, когда Іисусъ Христосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ; тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой, и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе Распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И померче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Лук.23. 45. Мат. 27. 51—52).

Христіане! Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоан. 1. 14); умираетъ, чтобы даровать намъ свое наслѣдіе. Будучи собраны церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. 4. 12) умершаго, слышите данное отъ него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаю вамъ, якоже завѣща мнѣ Отецъ мой, царство* (Лук. 22. 29)

Но дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ преднаписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни распятаго Іисуса, примѣтимъ тщательнѣе, христіане, что первые наслѣдники его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ? То, что какъ Христу, *подобаше пострадати*, дабы потомъ *внити въ славу* (Лук. 24. 26), которую *имѣлъ Онъ у Отца*, такъ христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. 14. 22), которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для

ъ, такъ крестъ христіанъ есть
ъ царствія для каждаго сына
твія. Вотъ сокращеніе вели-
слова крестнаго (1 Кор. 1. 18),
необъятнаго уму, толь удобо-
гнаго вѣрѣ, толь сильнаго Бо-
. Принесемъ оное, какъ каплю
, ко гробу Слова животворя-
.

режде нежели вочеловѣчившій-
ынъ Божій воспріялъ и понесъ
тъ свой, сей крестъ принадле-
ь человѣкамъ. Въ началѣ сво-
онъ былъ сдѣланъ *изъ древа*
анія добра и зла. Первый чело-
думалъ испытать только плодъ
но едва прикоснулся, какъ вся
сть запрещеннаго древа, со
и вѣтвями его и отраслями, об-
нлась на хребетъ нарушителя
одней заповѣди. Тьма, скорбь,
ъ, труды, болѣзни, смерть, ни-
, уничиженіе, вражда всей
оды, словомъ: всѣ разруши-
ныя силы, какъ-бы исторгшись
роковаго древа, ополчились на
;—и низринулся-бы сынъ гнѣ-
авѣки во адъ, если-бы Мило-
іе, по предвѣчному совѣту, не
терло къ нему руки своей и не
жало его въ паденіи. Сынъ
ій пренесъ на себя бремя, его
вляющее, усвоилъ себѣ крестъ
и предоставилъ ему токмо при-
каться сего креста, безъ со-
нія не для того, чтобы онъ вспо-
ествовалъ Всемогущему въ но-
іи бремени, но дабы самъ, и съ
мъ оставшимся ему крестомъ
твеннымъ, носимъ былъ силою
та великаго, подобно какъ ла-
влечется движеніемъ корабля.
крестъ гнѣва преображается
рестъ любви; крестъ, загра-
ій рай, становится лѣствицею
небесамъ; крестъ, рожденный
страшнаго *древа познанія доб-*
ра и зла, чрезъ орошеніе Боже-
ственною кровію, перераждается въ
древо жизни. Сынъ Божій пріем-
летъ естество наше, и *страданьми*
совершаетъ въ себѣ *начальника*
спасенія нашего; *искушается по*
всяческимъ и *вспомоществуетъ ис-*
кушаемымъ; шествуетъ со крес-
томъ, и *ведетъ въ славу* своихъ
послѣдователей (Евр. 2. 10—18;
4. 15).

Кто измѣритъ всемірный сей
крестъ, понесенный Начальникомъ
нашего спасенія? Кто извѣситъ его
тяжесть? Кто исчислитъ разнооб-
разное множество крестовъ, изъ ко-
торыхъ онъ, какъ изъ каплей море,
составляется?—Не отъ Іерусалима
токмо до Голгоѳы несенъ крестъ
сей, съ помощію Симона Кириней-
скаго. Несенъ онъ и отъ Геѳсима-
ніи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи
отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь
Іисуса была единый крестъ; и ни-
кто не прикасался къ бремени его,
развѣ для отягченія онаго: *Единъ*
истопталъ точило ярости Божіей,
и отъ языкъ не бѣ мужа съ Нимъ
(Иса. 43. 3).

Божество соединяется съ че-
ловѣчествомъ, вѣчное со времен-
нымъ, всесовершенное съ ограни-
ченнымъ, несозданное съ своимъ
созданіемъ, самосущее съ ничтож-
нымъ: какой необозримый и непо-
стижимый крестъ изъ сего уже сла-
гается!

Богочеловѣкъ, котораго низше-
ствіе на землю прославляютъ пе-
беса, является здѣсь въ уничижен-
нѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ
малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ
царствъ земныхъ; нѣтъ для Него
ни дома, ни колыбели; кромѣ убо-
гихъ родителей, едва нѣсколько па-
стырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному осмь

дней новаго бытія—и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.

Господь храма *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ*, и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами* (Лук. 2. 22—24).

Тогда, какъ онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго и проходитъ сердце Его матери (Лук. 2. 34—35).

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя іудейскаго; но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать* (Лук. 2. 52). Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками преклоняется подъ руку человѣка и пріемлетъ крещеніе: воистинну *крещеніе*, слушатели, то есть погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!

Испытующій сердца и утробы самъ поставляется *въ искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*. Тотъ, предъ которымъ должно *преклоняться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ себя *поклоненія* (Матѳ. 4).

Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ себя человѣкамъ; но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ (Матѳ. 9. 3), Его дѣла беззаконными (Іоан. 9. 16), Его чудеса Веельзевуловыми (Матѳ. 12. 24). Если Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу, Его называютъ нарушителемъ субботы; если обращаетъ заблуждшихъ и пріемлетъ кающихся, Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. 11. 19). Тамъ ищутъ уловить Его словомъ (Матѳ. 22. 15); здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть (Лук. 4. 29); индѣ вземлютъ на Него каменіе (Іоан. 8. 59); нигдѣ не даютъ ему главы подклонити (Матѳ. 8. 20). Онъ воскрешаетъ умершаго; завистники совѣщаются умертвить Его самого (Іоан. 11. — 43. 44. 46. 53). Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ: всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе (Матѳ. 16. 23).

Почіешь-ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ! Почіешь-ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ по-

слѣдователей?—Такъ,приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и Пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго! — Но не примѣчаете-ли вы, слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія?—Они бесѣдуютъ о его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его.* (Лук. 9. 31).

Долго носилъ Іисусъ крестъ свой, какъ-бы не чувствуя его тяжести: наконецъ *преданъ былъ* ему *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его* (Иса. 38. 13). Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сынми Зеведеовыми въ вертоградъ Геѳсиманскій, и проникнемъ бдящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи его на земли. Уже Онъ не скрываетъ креста сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа моя даже до смерти* (Матѳ. 26. 38). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не облегчаетъ Его, но токмо удерживаетъ подъ тяжестію страданія: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ мене чаша сія: обаче не яко же азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. 26. 39). *Носящій всяческая глаголомъ силы своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ Ангела* (Лук. 22. 43).

Можетъ быть смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ-ли Агнецъ, *заколенный отъ сложенія міра* (Апок. 13. 8), убѣгать своего жертвенника? Тотъ, *Его же Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. 10. 36), Тотъ, который отъ вѣка пріялъ на себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ-ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость: то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися*, говоритъ Онъ, и *како удержуся дондеже скончаются?* (Лук. 12. 50). И такъ если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; если мы видимъ Его *быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи*, то Онъ *грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. 53. 3—4); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потопила-бы весь міръ, если-бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена вопервыхъ преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра* (Быт. 6. 12; 2 Пет. 2. 5), гордостію и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима *избившаго Пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему*, злостію синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ, и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ христіанствѣ, раздѣленіями единаго стада Единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ царствѣ вѣры и любви.

возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей*: легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе Промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія — всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу,—и дивно-ли, что она была смятенна, растерзана, *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ церковію тайнодѣйствія уже преднаписали вамъ сей путь и сей послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поносѣйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребезаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ *страданія;* страдать для славы Божіей и быть оставлену Богомъ: какая неизмѣримая бездна страданій!

Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего?—Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы вовѣкъ не оставить насъ, Тебе оставившихъ. Отнынѣ Онъ *воцаряется, облекается въ лѣпоту, препоясуется силою, и утверждаетъ вселенную, да не подвижится* (Псал. 92. 1). *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю, и *вся привлекаетъ къ себѣ* на небо (Іоан. 12. 32).

Но сколь ни велика и божественна всепривлекающая сила Іисуса Христа, Онъ не иначе можетъ *влещи насъ въ слѣдъ Себѣ* (Пѣс. 1. 3), какъ чрезъ водруженіе креста Своего въ насъ, и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по мнѣ ити*, глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. 9. 23). Ибо хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра, и отверзъ намъ входъ во святая святыхъ: но поелику туда не входитъ ничто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мельхиседекову*, священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ-же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то, для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего-то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію*, столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Хрис-*

ту, распинатися міру, распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себѣ самимъ, исполнять лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти нашей (Рим. 6. 6. — Гал. 6. 14; 5. 24—Рим. 14. 7.—Кол. 1. 24).

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего, тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи, пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. 1. 5). Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего преходитъ наконецъ къ распятію себя на немъ, съ совершенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со Мною будеши въ раи.* Страданіе въ присутствіи Христа и по образу Его есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова: такъ крестъ таинственный — печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ отчій не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Псал. 2. 9; 22. 4), очистительный огнь вѣры, сопутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе ангелы, водители и хранители церкви — Іосифы, Моисеи, Даніилы, Павлы? въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся церковь возрастала, процвѣтала и приносила плодъ во святыню? Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ и напаяема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца? вопросили Іоанна въ видѣніи. *Сіи облеченніи въ ризы бѣлыя, кто суть, и откуду пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ божественной славѣ, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. 7. 13—14).

Кто-же суть тѣ, которые желаютъ *изпразднить крестъ Христовъ* (1 Кор. 1. 17), и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его* безъ *сообщенія страстей Его?* (Фил. 3. 10). Если единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоан. 14. 6) къ животу; то какъ могутъ они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ-ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *счиневаетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава?* (Ефес. 4. 15 — 16). Можно-ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными; упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ; превозноситься, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу?

О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! виждь

образъ твой въ человѣкѣ, погружающемся въ водахъ и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста, и такимъ образомъ превозмогаетъ враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ, и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.* Аминь.

Филаретъ.

(*Изъ того-же сочиненія*).

---

9. Слово по освященіи храма Явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Преподобнаго Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ 27 день сентября 1842 года.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, хотя впрочемъ и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что вся судьба ея въ продолженіи вѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно *возращать* мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталище святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ Твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже, и тѣмъ-же богата сокровищемъ, то есть Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ-бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ-бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудо-

дѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и, въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укругъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благо потребное, напримѣръ безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Иль это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія? О, если бы мы достойны были болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! — Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта, тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы не вдалекѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе должно намъ преднаписывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножительства и постоянно на него взирать и съ нимъ сообразовать житіе наше.

И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный, образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Б га спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54. 7 — 9).

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришлецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту: но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія внѣшнія такъ, и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ благочестивому отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла: такъ жизнь, сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто: дѣло недостойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ: дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? — *Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. 19. 5).

Посему кто желаетъ пустынножительствовать или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя и со благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ какъ начать сіе дѣло съ искреннимъ, духовнымъ и божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?* И когда чистое и горячее желаніе дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню, или въ обитель отшельничествующихъ: онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы онѣ имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе,—изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустынножителя или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если-бы не было нужды удаляться отъ міра: то не для чего было-бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ-ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того-ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ-ли и въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва-ли достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *недостоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. 11. 38)? Не обиталъ-ли самъ Господь во градѣ, такъ-же какъ и въ пустынѣ, и не далъ-ли граду Іерусалиму своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ свою скинію? Не на всякомъ-ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ, и поклоняться Ему духомъ и истиною? — *На всякомъ мѣстѣ владычествія Его: благослови душе моя Господа* (Пс. 102. 22).

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа неуспѣшно повторяю я къ душѣ моей отъ того, что міръ въ тоже время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей,

похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или, утомленная противоборствомъ, жаждетъ приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія?—Въ семъ случаѣ не остается инаго, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ-бы все внушало намъ, что *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13. 4).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоанна 2. 15).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, что бы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ-либо, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ египетскихъ; и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ, или даже повелѣвать, нежели покоряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приблизиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители, усвояетъ, что не благословлено, или болѣе, нежели что благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ-ли пророческаго ученика Гіезія, который, восхотѣвъ тайно и неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу?

Кто, вышедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ приснымъ, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный ею Содомъ, и, какъ говоритъ Премудрый, *стоитъ столпъ сланъ, невѣрныя души память* (Прем. Сол. 10. 7).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ-бы довольно страшенъ, еслибы столь суровая черта его, какою представляется совершенное

отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается-ли даже, что удалившіеся отъ міра съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣчаютъ для нея новыя трудности и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! Едвали не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ начальникъ нашего спасенія, и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда геѳсиманскаго?

Но если такъ: то для чего-же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ?—Отвѣтствую: для того-же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню: ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли-бы въ мерзостяхъ язычества; и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того-же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединеніе геѳсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ, не побѣжденнаго дотолѣ, врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего и крѣпкую о нашемъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣйнства* (Евр. 5. 7). Такъ и для насъ, если и трудна и не безопасна пустыня: то все-же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаяваться, но, каковобы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога, спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія: *упованіе не посрамитъ* (Рим. 5. 5), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сіе значитъ? Не толи, что поелику ея основатель и его сподвижники *чаяли Бога спасающаго*: то чаяніе ихъ оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго!

Внимайте себѣ и званію вашему, и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца небеснаго. Воскриляйте себя благочестивыми

желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню, — то есть въ духовную область *Царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. 17. 21). Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ, упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ-же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, — *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу, и почію?* Могу-ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни!* Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду?* (1 Кор. 9. 27). О, дающій иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай Самъ и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благости, и, стогнами-ли селеній, тропинками-ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

Филаретъ.

(*Слово по освященіи храма и проч*).

---

10. Избранныя мѣста изъ другихъ словъ Филарета (Митрополита Московскаго).

А) *Изъ Слова во вторую недѣлю по Пятидесятницѣ: о силѣ Божественнаго призванія.* На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ; другіе двое, въ другомъ мѣстѣ, поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу, и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною; и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, Котораго Іоаннъ Креститель указалъ имъ на Іорданѣ, и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ*, и Который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и предпарекъ ему новое имя Петра, тогда непонятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ нельзя было имъ не примѣтить и того, что призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ, почетнаго или начальственнаго. Какъ же вдругъ пойти за Нимъ? Куда идти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонить голову? Петръ и Андрей имѣли какую нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ, и отъ того пропитаніе: какъ бросить сіе, чтобъ идти за тѣмъ, который и сего не имѣетъ? — Но Онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ?* — Что это значитъ? Какъ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго искуства, посредствомъ сильныхъ, бога-

тыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ: ничего такого не имѣютъ ни призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея?—если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязанностію къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго, и между опасеніемъ потерять извѣстное малое и не пріобрѣсти ничего. И что же напротивъ оказалось?—Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову неотсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали, или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Они же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

Іисусъ идетъ далѣе по берегу, и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему, и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано и такъ благопріятно предварены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его также безпрекословно, какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобъ идти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей,—оставить отца своего: но и сила сыновней любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помышленіями естественными, не могли стоять противъ силы слова Іисусова: *они же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями, умопредставленіями?—По самому дѣйствію необходимо должно признать, что это сила вышеестественная, слѣдственно Божественная,—сила слова *Божія живаго и дѣйственнаго* (Евр. 4. 12),—глагола, который *не возвращается тощь* (Ис. IV. 11) къ изрекшему его,—Слова, которымъ *вся быша* (Іоан. 1. 3). То же Слово, соприсносущное Богу Отцу, Которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I. 3), и вообще: *рече, и быша: повелѣ, и создашася* (Іс. XXXII. 9), теперь облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устрояется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается Апостоломъ.

Б) *Изъ Слова въ недѣлю первую на десять по Пятидесятницѣ.* Царь требуетъ отчета отъ подданныхъ, у которыхъ было въ рукахъ множество богатства, ему принадлежащаго. Приводятъ одного, который долженъ ему десятью тысячами талантовъ, то есть, долгомъ, для подданнаго неоплатнымъ, и который за то, по законамъ царства, долженъ быть проданъ съ женою и дѣтьми. Несча-

тный, не зная, что дѣлать, проситъ отсроченія уплаты. Но царь сжаливается, и совсѣмъ прощаетъ долгъ.

Величественное зрѣлище милосердія! Должникъ не имѣетъ средствъ къ оправданію; законъ осуждаетъ его; царь имѣетъ всю власть исполнить осужденіе; повинный не почитаетъ возможнымъ просить, чтобы долгъ былъ прощенъ, а развѣ только отсроченъ: и внезапно — долгъ прощенъ. Это такъ прекрасно, что если бы Господь, не продолжая рѣчи, сказалъ, какъ нѣкогда въ другой притчѣ: *иди и ты твори такожде* (Лук. X. 37), сердцу исокаменѣлому надлежало бы тотчасъ отвѣчать: пойдемъ, исполнимъ.

Но Господь не благоизволилъ остановиться, показавъ, какъ прекрасна добродѣтель; Онъ провидѣлъ, что не всѣ плѣнятся ея красотою; и призналъ нужнымъ показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

Прощенный должникъ встрѣчаетъ своего должника, одного изъ своихъ клевретовъ, подданныхъ того же царя. Долгъ маловаженъ: только сто пѣнязей. Однако прощенный заимодавецъ взыскиваетъ съ своего должника строже, нежели царь заимодавецъ: *емь его даляше*. Слышитъ ту же мольбу, которую самъ приносилъ царю: *потерпи на мнѣ: и вся воздамъ ти*: но не воспоминаетъ прошедшаго, не трогается настоящимъ, и бросаетъ своего должника въ темницу.

Какая неумѣстная жестокость! Самъ прощенъ: а простить не хочетъ. Самъ просилъ отсроченія уплаты невозможной: а не хочетъ отсрочить возможной. Если предъидущая часть притчи сильно побуждаетъ къ тому, чтобы простить: то сія вторая часть еще сильнѣе отражаетъ самую мысль о томъ, чтобы не простить.

Третья часть притчи показываетъ послѣдствіе жестокости, которую оказалъ прощенный непрощающій. Царь узнаетъ объ его поступкахъ; беретъ назадъ свое великодушное прощеніе; и предаетъ его истязателямъ, *дондеже воздастъ весь долгъ свой*—неоплатный.

Нельзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ея вѣрное приложеніе.

Что значитъ иносказательное лице царя заимодавца, Господь Самъ истолковалъ въ заключеніи притчи: *тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ*. И такъ царь заимодавецъ есть Отецъ небесный. Чрезъ сіе опредѣляется значеніе всѣхъ частей притчи.

Что же далъ намъ въ долгъ Отецъ Небесный?—О, какъ много! Больше, нежели тысячи талантовъ! Далъ Онъ намъ бытіе и жизнь, тѣло и душу, разумъ, сердце и чувства; далъ землю подъ ноги наши, прекрасный шатеръ неба надъ главы наши; далъ солнце нашему зрѣнію и жизни, воздухъ нашему дыханію; далъ животныхъ во власть нашу, и многоразличныя произведенія земли для нашихъ нуждъ и удовольствій, для пищи, для одежды, для жилища, для упражненія нашей дѣятельности къ произведенію полезнаго и пріятнаго. Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо,—таковому отвѣтствую: если ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость, и думать о семъ смиренно и благодарно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто

мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истинною. Скажешь-ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ, и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ,—отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба,—и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ: а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучъ солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты берешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ,—заемъ, всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый, и слѣдственно всегда неоплатный. Но изъ однихъ ли сокровищъ творенія занимаемъ мы у Творца? Какъ щедро даруетъ намъ еще Всеблагій Промыслитель изъ сокровищъ Своего провидѣнія,—ежеминутное храненіе нашихъ силъ и способностей, помощь и содѣйствіе во всемъ благомъ, средства и пособія къ жизни благоустроенной и благополучной, добрыхъ и любящихъ родителей, благоразумныхъ воспитателей, праведнаго и благодѣтельнаго Царя, безопасность общественную, успѣхи въ начинаніяхъ, невидимо устрояемое избавленіе отъ бѣдъ, когда очевидно *суетно спасеніе человѣческо* (Псал. LIX. 14.). Что сказать о важнѣйшемъ еще, и еще болѣе неоцѣненномъ заимодательствѣ Божіемъ изъ сокровищъ благодати? Намъ грѣшникамъ, омраченнымъ, погибшимъ, даровалъ Господь свѣтъ вѣры, надежду спасенія, смертію Сына Своего Единороднаго заплатилъ за искупленіе насъ отъ вѣчной смерти, которой мы предали себя грѣхомъ; какъ залогъ, какъ начатокъ, какъ напутствіе жизни вѣчной и блаженной, далъ намъ Духа Своего Святаго, крещеніе возрожденія, нетлѣнную пищу тѣла и крови Христовой. О, если бы мы были вѣчными должниками Божіими потому только, что благодѣянія Божіи къ намъ безчисленны и вѣчны!

Но это еще не все. Есть новые долги наши предъ Богомъ, которые болѣзненно насъ тяготятъ и глубоко уничижаютъ,—долги, происходящіе и возрастающіе отъ того, что мы и заимоданное намъ во зло употребляемъ, и возможнаго съ нашей стороны Великому Заимодателю, или, по Его порученію, клевретамъ нашимъ, не воздаемъ. Всегда-ли вѣрно воздаемъ мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему любовь, бѣдствующему состраданіе, бѣдному возможную помощь? Тщательно-ли употребляемъ мы въ оборотъ заимоданные намъ таланты, — время всегда-ли на занятія полезныя, или, по крайней мѣрѣ, невинныя, разумъ всегда-ли для истины, сердце всегда-ли на движенія къ добру, чувства всегда-ли на подвиги умѣренности, воздержанія и чистоты? Можемъ-ли похвалиться, что удовлетворяемъ въ сихъ отношеніяхъ своему долгу? — *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыденіе лица.* (Дан. IX. 7.).

В) *Изъ Бесѣды о благодарности къ Богу.* Человѣкъ живетъ непрерывными благодѣяніями Божіими:

онъ весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ; онъ погруженъ въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Бытіе и жизнь человѣка, въ своемъ началѣ, есть свободное даяніе Творца,—даръ, котораго никто не могъ у Него вынудить, никто не имѣлъ права истребовать; слѣдственно и продолженіе бытія и жизни есть непрерывное продолженіе того-же даянія Божія. Безсмертіе человѣка есть безсмертное, безконечное благодѣяніе Божіе.

Разберемъ составъ нашъ. Душа, основаніе жизни, есть дыханіе Бога Творца. Тѣло, жилище и орудіе души — дѣло рукъ Божіихъ. Умъ, безъ котораго не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость,—сердце, безъ котораго не было бы для тебя ни блага, ни блаженства,—чувства, безъ которыхъ вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна,—все сіе не такъ же ли Божіе дѣло, Божіи дары тебѣ — ничтожеству? Точно, ты весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ.

Осмотрися во вселенной. Кто положилъ подъ нами землю, которая насъ держитъ надъ бездною, даетъ намъ жилище, одежду, пищу? кто пролилъ на землѣ воду, которая насъ поитъ и омываетъ? Кто засвѣтилъ въ небесахъ свѣтила, которыя даютъ намъ возможность видѣть вселенную съ ея чудесами, которыя изъ мертвой земли вызываютъ для насъ жизнь, красоту, благоуханіе, сладость, пищу, лекарство, и которыя нашу собственную земную жизнь питаютъ тонкою, но не менѣе земной существенною пищею? Чей это воздухъ, которымъ мы дышимъ? Кто учредилъ намъ день, который возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, и ночь, которая благопріятствуетъ нашему покою? Кто далъ злаку благодѣтельный для насъ законъ,—сверхъ немногаго числа сѣмянъ, нужнаго для продолженія рода, производитъ преизбыточествующее множество, на хлѣбъ намъ? Кто заповѣдалъ древу, сверхъ нужнаго ему сѣменнаго зерна, приносить плодъ, намъ, а не ему надобный? Кто велѣлъ гордому коню — смиряться подъ нашею тяжестію, и смиренной овцѣ, даже малому червю — прясть изъ своего тѣла нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовилъ намъ сокровища свѣта и огня въ кремнѣ и стали, въ деревѣ и маслѣ? Не все ли сіе и прочее неизчислимое— Божіе устроеніе, Божія собственность, и, когда предоставлено въ пользу нашу, Божіе намъ благодѣяніе? Точно, мы погружены въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Можетъ быть, невнимательный къ благодѣяніямъ Божіимъ скажетъ: я пользуюсь тѣмъ, что въ моей и въ окружающей меня природѣ, посредствомъ собственныхъ моихъ усилій, либо при содѣйствіи другихъ людей, обработалъ, изыскалъ, произвелъ, пріобрѣлъ. Таковому отвѣтствуемъ съ Апостоломъ: *ни насаждаяй есть что, ни напояяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. III. 7.). Сіе обличеніе ничтожности человѣческихъ дѣйствій, въ сравненіи съ благотворнымъ содѣйствіемъ Божіимъ, столько же справедливо буквально, въ отношеніи къ обработыванію видимой природы, сколько иносказательно—въ отношеніи къ образованію духовнаго естества въ человѣкѣ.

Ты провелъ грубую борозду или вырылъ яму, бросилъ зерно или посадилъ корень и, можетъ быть, еще брызнулъ водою, если это въ небольшомъ саду. Какія ограниченныя, мертвыя, ничтожныя дѣла! Но что дѣлаетъ между тѣмъ небесный Земледѣлецъ? Въ зернѣ или корнѣ Онъ уже приготовилъ непримѣтно, и тѣмъ болѣе удивительно, все будущее растеніе и весь плодъ, котораго ты алчешь; въ землѣ, въ которую ты бросаешь сѣмя какъ въ могилу, Онъ также приготовилъ для него матернюю утробу; далѣе, Онъ повелѣваетъ солнцу своему, сквозь темныя и холодныя глыбы, пробиваться свѣтомъ и теплотою, и извлекать изъ погребеннаго сѣмени ростокъ, изъ ростка стебель, изъ стебля цвѣтъ и плодъ; для споспѣшествованія сему Онъ опять посылаетъ поочередно теплоту и холодъ, влажность и сухость, дожди и росы, вѣтры и тишину; и конечно не насаждающій и напаяющій человѣкъ, но возращающій Богъ, изъ однихъ и тѣхъ же—земли, воды, воздуха, свѣта, производитъ въ пшеничномъ колосѣ хлѣбъ, а въ виноградной ягодѣ—вино. Мы примѣчаемъ наши ничтожныя дѣла потому самому, что они ограниченны и малы, потому что начинаемъ ихъ и оканчиваемъ, усиливаемся для нихъ и устаемъ отъ нихъ; и напротивъ не примѣчаемъ иногда благодѣяній Божіихъ по тому самому, что они велики, потому что готовы безъ усилій, повсемственны, всегдашни. Надобно иногда временное и мѣстное отъятіе благотворной руки Божіей, чтобы люди справедливѣе оцѣняли благодѣяніе Божіе, которымъ долго безъ вниманія пользовались. Голодъ изъясняетъ Божіе благодѣяніе хлѣба, тлетворное повѣтріе—благодѣяніе воздуха, засуха—благодѣяніе дождя, безведріе—благодѣяніе солнца, которое не дорого потому, что всеблагій Богъ каждый день сіяетъ имъ на злыя и благія.

Г) *Изъ Слова на освященіе храма Св. Маріи Магдалины.* Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то конечно еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ: то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго: иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ, не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, на примѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? — «Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звеномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ.» —Какъ вы думаете? Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ нельзя вырваться?—Или положимъ, что философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, ска-

кетъ: «вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною.» — Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно? — Что еще можетъ сказать страждущему философія? — «Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія.» — Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, Премудрость Божія; помоги, Божественная Религія. Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что слѣдственно бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ; и готовъ ежеминутно даровать облегченіе, по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X. 13). Если болящій отъ того боленъ, что грѣшенъ, и слѣдственно сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно, для скорби душевной — надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и покаянію; для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, въ слѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачъ душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь, какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачество души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что слѣдственно надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лекарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная Религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе: ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго, не мрачную бездну, въ которую на удачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, Религія Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, который *язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, который понесъ *наказаніе міра нашего*, котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ*. (Иса. LIII. 5). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то

слышимъ, столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. V. 3). *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24). *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. LXXXXIII. 19). *Яко же избыточествуютъ страданія Христова въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ Религіи.

Д) *Изъ Бесѣды о нашемъ житіи на небесѣхъ.* Разуму земному страннымъ показаться можетъ Апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущество называться *небесными;* мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть?* Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то какъ возможно?

Вы оправдаете меня, братія, въ томъ, что я не соглашусь поправлять, или ослаблять словъ Апостольскихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ Апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ или въ деревнѣ, спросили: гдѣ онъ живетъ? безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь на дорогѣ или вотъ здѣсь въ сельской гостинницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо: ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ Апостолу: и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Св. Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце Апостола, во время земнаго странствованія, было уже тамъ, идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители Святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная. Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*

Житіе наше на небесѣхъ есть. Въ семъ Апостольскомъ словѣ, подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго что сражается съ вами на земли.

Тяготитъ тебя печаль о добромъ

и возлюбленномъ умершемъ. Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*: неблагоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ; лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ идти туда, гдѣ житіе обоихъ.

Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія. Скажи опять: *житіе наше на небесѣхъ есть*, а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

Обижаютъ тебя, лишаютъ собственности, чести, награды. Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ; и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною.

Е) *Изъ слова въ день воскресный и Святителя Алексія.* О безсмертіи души человѣческой и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность; поелику очевидно на части дѣлится и разрушается: душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ не совмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіе жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь-ни

поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина, — та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями; поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его, и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на земли, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни; кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для такъ называемаго безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія, — отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? — Также всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что, въ настоящей жизни, добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же проис-

ходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе не убило тебя навѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его и не готовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни; говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на земли, и роднися или на небесахъ, или во адѣ; и такъ надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

Что есть начало къ небесному рожденію?—Слово, и духъ, и сила воскресшаго Христа, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Ж) *Изъ Слова въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.* Взирай, христіанская душа, на священный образъ духовнаго молчанія, представленный тебѣ Евангеліемъ, частію и въ лицѣ Іосифа, наипаче же въ лицѣ Маріамъ, и познавай сокровенную, величественную красоту души ея, о которой написалъ Пророкъ: *вся слава дщери царевы внутрь* (Псал. XLIV. 14); познавай, и возлюби сію духовную красоту; возлюби и подвизайся, чтобъ и тебѣ, хотя отчасти, облечься сею красотою дщере царевы, и по слѣдамъ ея добродѣтели достигнуть ея блаженства; ибо *приведутся царю дѣвы во слѣдъ ея.*

Встрѣчаешь ли непонятное въ вѣрѣ? Не спѣши любопытствовать или прекословить: но въ молчаніи внимай глаголу вѣры, и терпѣливо жди времени, когда глаголющій въ притчахъ удостоитъ тебя изъясненія оныхъ живымъ словомъ и опытомъ.

Примѣчаешь-ли въ словахъ или дѣлахъ ближнихъ нѣчто странное, и, какъ тебѣ кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призываетъ тебя къ сему должность отца, или пастыря, или наставника. Не будь праведенъ, какъ фарисей, который себя одного находилъ такимъ въ цѣломъ свѣтѣ: *нѣсмь, яко же прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы;* но будь праведенъ, какъ Іосифъ, *сирѣчь,*— изъясняетъ Святый Златоустъ, — *благъ и кротокъ* (на Матѳ Бесѣд. 4).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дѣло вѣры или любви подвергнется превратнымъ сужденіямъ и нареканію? Не провозглашай для сего твоей добродѣтели, чтобы, охраняя славу ея, не утратить чистоты ея. *Открый* не къ человѣкомъ прекословіемъ, но *ко Господу* молитвою *путь твой и Той сотворитъ: и изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Псал. XXXVI. 5. 6).

Посѣщаетъ ли тебя благополу-

чіе, и радость расширяетъ сердце твое? Не расширяй устъ для тщеславія; но слагай въ благодарномъ сердцѣ глаголы благодѣющаго Провидѣнія.

Постигаетъ ли тебя бѣдствіе, и скорбь наполняетъ душу твою? Не умножай воплей и стоновъ, во множествѣ которыхъ по большей части слышны бываютъ отголоски упорства и непокорности судьбамъ Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое* (Псал. XXVI. 14).

Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если словомъ Богъ сотворилъ все; а человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то какія величественныя дѣйствія надлежало бы производить слову человѣка! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огнь, останавливало солнце и луну, и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ Воплощеннаго Слова Божія, оно претворило и претворяетъ растлѣнныхъ грѣхомъ человѣковъ въ новую тварь, чистую и святую. Такъ дѣйствуетъ слово человѣческое, когда, крѣпко бывъ заключено въ горнилѣ благоговѣйнаго молчанія и разжигаемо тайною, внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго. И сіе ли могущественное, зиждительное, священное орудіе, мы обращаемъ на дѣйствія нечистыя, разрушительныя, святотатственныя, — на злорѣчіе, клевету, хуленія; или легкомысліемъ раздробляемъ оное въ легкій прахъ, и разсыпаемъ по вѣтру въ суетномъ празднословіи?

3) *Изъ Слова на обновленіе храма Успенія Пресвятыя Богородицы.* Нѣкто изъ Отцевъ вопросилъ нѣкоего великаго изъ Отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. И такъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и не стѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Иліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Иліинъ Карилъ или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста Палестинскія и Египетскія, которыя чудным образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣческихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонмы сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе: и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста, удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей чело-

вѣческихъ, чего близкій примѣръ имѣемъ въ Преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися сверху горы стоя* (Матѳ. V. 14); то высоко возрастшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей; и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію. Между тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустройственнаго пустынножительства, съ теченіемъ времени сдѣлались для него менѣе прежняго пространными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

Чего же посему ожидать? Путь Иліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Плач. Іерем. 1. 4)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою: но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ Израилевыхъ не нашелъ столько силы, — одинъ Илія въ пустынѣ нашелъ столько силы,—чтобы одному, одною силою духа, побѣдоносно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о Святомъ Антоніи можемъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя Святаго Сергія.

И такъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсанофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью обители Аввы Серида?

Пріиди, благословенная любовь къ безмолвію Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ, — твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и нещущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя; а *сподобивыйся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, *лучшій есть сподобшагося увидѣти Ангеловъ* (Исаак. Спр. сл. 41). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храми-

ны, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсѣянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину писаній и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исак. Сир. сл. 42.).

Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вожделѣнно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго внѣшняго земнаго занятія, попеченія, пристрастія, и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути мира для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитеся, и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. XLV. 11).

11. Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (*), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія, давайте плакать,» и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слово назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили-бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется-ли отъ слабаго слова человѣческаго? — На Голгоѳѣ не было проповѣди; тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ-же молиться и плакать. Аминь.

Иннокентій.

(*Страстная Седмица*).

(*) Антоніи Вел.

12. Слово въ Великій Пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16. 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть-ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго всыновленія со креста? Есть-ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? Есть-ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? Есть-ли Соломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога*, и не узрѣлъ ни единаго: *сіи уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню,*

ть до единаго (Псал. 13. 2). Те-
ь, братія, чтобы ближе видѣть,
сподь приникаетъ не съ неба,
съ престола славы, а со креста,
ь гроба; приникаетъ видѣти уже
на сыны человѣческіе, а на сы-
благодати своея: аще есть ра-
мѣваяй силу смерти Его, срас-
наяйся Ему въ духѣ. Что-же,
споди, зришь Ты теперь между
ми? Болѣе-ли, лучше-ли преж-
го? Видишь многократныя покло-
нія, слышишь многочисленныя
личанія, но и на Голгоѳѣ Ты ви-
лъ покиванія главою, и въ пре-
ріи Пилата Ты слышалъ: *радуй-*
, *царю Іудейскій!* Видишь на
ахъ нѣкоторыхъ слезы; слышишь
ъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія:
и съ Голгоѳы многіе возвраща-
ись *біюще въ перси своя* (Лук. 23.
3); и, не смотря на сіе, Твои пер-
оставались на крестѣ для уяз-
ненія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для
оспода и Спасителя нашего; не
ія поклоненія и величаній, даже
ныхъ усердныхъ, не для вздо-
овъ и слезъ, даже самыхъ горь-
ихъ, благоволитъ Онъ являться
амъ висящимъ на крестѣ и лежа-
щимъ во гробѣ. У гроба сего дол-
но быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12. 31),—судъ нашимъ мы-
лямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь,
ь настоящее время, долженъ про-
исходить расчетъ Домовладыки съ
абами, Спасителя съ душами, ис-
купленными Его кровію. *Пріиди-*
е, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ Про-
ока, *пріидите и истяжимся* (Іса. 1. 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для
асъ! — У Меня была ваша глава,
она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня
ыли ваши руки и ноги, и онѣ про-
одены; у Меня было ваше сердце,
и оно отверсто для васъ копіемъ;
у Меня была ваша плоть и кровь,
и Я отдалъ ее за всѣхъ, и доселѣ
питаю ими васъ въ причащеніи.
Единъ духъ мой Я предалъ со кре-
ста не вамъ, — ибо въ сіи минуты
вы не умѣли-бы сохранить его, —
а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ
на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа
Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ
для васъ: Я весь вашъ! Явите, что
вы сдѣлали для Меня, или паче для
себя; ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*

Можемъ-ли, братія, уклониться
отъ сего призванія? И такъ, служи-
тель алтаря, стань у гроба сего и
дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу
церковную, закрывавшую отъ тебя
святое святыхъ, и содѣлать тебѣ
свободнымъ доступъ къ престолу
благодати, Спаситель твой взошелъ
на крестъ. Какъ пользуешься ты
драгоцѣннымъ правомъ и какъ
предстоишь у престола благодати?
Низводишь-ли благословеніе на себя
и предстоящихъ? Возвѣщаешь-ли
имъ пути живота? предходишь-ли
примѣромъ благой жизни? —
Если ты право правишь слово ис-
тины и спасенія; если для тебя
нѣтъ большей радости, какъ ви-
дѣть или слышать, что духовныя
чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1. 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру велика-
го Пастыреначальника, готовъ ду-
шу свою положить за овцы своя:
то благо тебѣ; ты іерей по чину
Іисусову; приступай къ сему гробу
съ дерзновеніемъ; лобызай сіи язвы, и вдыхай изъ нихъ новый духъ
мужества и любви на новые по-
двиги. По окончаніи чреды служенія
на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча* о насъ внидѣ Іисусъ

(Евр. 6. 20). —Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу, если онміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19. 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь-ли сіе и со страхомъ-ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга Кесарева, пріязнь сильныхъ земли, Голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься-ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ, и твердо-ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ-бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его, и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ — на всемірномъ судѣ—и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего — твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи таинъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1. 18), пріиде въ міръ и *даль есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5. 20). Въ пользу-ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ-ли ты, что есть истина? Увѣрился-ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ томъ, кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь-ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4. 21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2. 4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣ-*

тлѣющаго въ похотехъ пре-
ныхъ, и блещися въ новаго
нннаго по Богу въ правдѣ и въ
подобіи истины (Еф. 4. 22—24)?
и ты право правишь слово исти-
, *не сокрывая ее въ неправдѣ*
м. 1. 18) ни своего, ни обще-
еннаго мнѣнія; если на служе-
истинѣ взираешь какъ на слу-
іе самому Богу; если слава Бо-
и благо ближнихъ, а не само-
біе и корысть, движутъ и руко-
дятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго
идѣтеля и Творца истины; ло-
зай язвы, понесенныя за истину,
почерпай мужество на новые по-
ги для истины. Любя ее здѣсь,
прінмешь за нее и отъ нее все
небѣ; будешь представленъ ту-
, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ,
на радость. Но если святая ис-
на въ занятіяхъ твоихъ служитъ
кмо средствомъ къ достиженію
угихъ, земныхъ цѣлей; если ты
равнымъ усердіемъ готовъ за-
щать ложь, для тебя выгодную;
ли плодомъ твоихъ изысканій
ли одни сомнѣнія, превращеніе
ювъ, возмущеніе совѣстей; если
готовъ издѣваться надъ исти-
ю, потому что она, какъ Іисусъ
ѣдъ Иродомъ, кажется тебѣ
ранною: то удались отъ сего гро-
—святое *буйство* (1 Кор. 1. 23)
реста не по тебѣ: твое мѣсто не
дѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно-ли глашать всѣхъ по
пени? Каждый, кто носитъ имя
ристіанина, стань у гроба сего и
ай отчетъ. Ты крестился въ смерть
ристову; ты облекся въ бѣлую
дежду заслугъ Христовыхъ; ты
ріялъ обрученіе Святаго Духа;
очетался навѣки Христу, отрек-
шись міра, діавола и всего служе-
нія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь, у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ-бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ-бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то за чѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ?—У тебя есть другія божества,—иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братія, земные Ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6. 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3. 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ-ли приблизиться ко гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ-ли новою язвою для пречистаго тѣла?—Дерзнемъ-ли, гонимые неправдами нашими,

оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6. 68)? *Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъ-же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4. 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго.—Что-же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Изшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ: и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся Апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія. Аминь. *Иннокентій.*

(*Изъ того-же сочиненія*).

---

13. Слово на отданіе пасхи.

Христосъ Воскресе!

Св. Псалмопѣвецъ, изображая въ псалмахъ различныя состоянія души благочестивой, замѣтилъ между ними одно такое, въ коемъ самый остатокъ помышленій побуждаетъ человѣка радоваться и прославлять торжественно имя Господне. *И останокъ помышленія*, говоритъ онъ, обращаясь отъ лица благочестивой души къ Богу, *празднуетъ ти* (Псал. 75. 11.). Едва-ли, братія, мы нынѣ не находимся въ подобномъ состояніи. Въ продолженіи четыредесяти дней празднества Воскресенія Христова, всякъ изъ насъ имѣлъ столько времени, побужденій и случаевъ къ размышленію о всѣхъ обстоятельствахъ сего преславнаго событія, что нынѣ у каждаго, вѣроятно, есть какой-либо останокъ благочестивыхъ помышленій и притомъ такой, что исполняетъ душу радостію и побуждаетъ снова торжествовать въ честь Воскресшаго.

Безъ сомнѣнія останокъ сей различенъ, смотря по состоянію каждаго: ибо одинъ болѣе способенъ размышлять о предметахъ духовныхъ, другой—менѣе; тотъ прилежнѣе размышлялъ въ прошедшіе дни о празднествѣ, другой проводилъ ихъ безъ особеннаго размышленія; обращавшійся съ молитвою въ духѣ къ Воскресшему принималъ отъ Него самого тайныя озаренія, а необращавшійся, потому самому, лишенъ сея благодати. Я могу сказать только о томъ, что нынѣ осталось въ умѣ моемъ отъ собственныхъ моихъ размышленій о праздникѣ. Можетъ быть, въ семъ случаѣ я сойдусь въ мысляхъ съ нѣкоторыми изъ васъ: въ такомъ случаѣ отъ общаго останка будетъ общее, и потому большее, празднество. А если и не сойдемся въ однѣхъ мысляхъ, то не будетъ вреда: ибо, во первыхъ, чувство благоговѣнія и любви къ Воскресшему останется у всѣхъ одно; а во вторыхъ, разнообразіе мыслей благочестивыхъ подастъ новую пищу душамъ благочестивымъ.

При обращеніи послѣдняго взора на празднество Воскресенія Христова, мысль моя, братія, остановилась на времени, до коего продолжается у насъ это празднованіе. Не прежде, какъ по прошествіи четыредесяти дней, мы престаемъ праздновать Воскресеніе Господне, и это потому, что Воскресшій пробылъ на землѣ, по воскресеніи, четыредесять дней. Почему-же и для чего пробылъ Онъ на земли именно столько дней,

не болѣе и не менѣе? — Въ такой жизни, какова жизнь Господа нашего, должно быть все строго расчислено и не можетъ быть ничего случайнаго. Кромѣ того, поелику земная жизнь Господа есть образецъ нашей жизни, такъ что, по Апостолу, *въ насъ тоже должно мудрствоваться* (1 Пет. 4. 1), что и во Христѣ Іисусѣ, — то причина, почему Господь оставался по воскресеніи, на землѣ, сорокъ дней, должна имѣть отношеніе и къ нашей жизни. Гдѣ-же она и въ чемъ?

Въ отвѣтъ на сіе, должно сказать, вопервыхъ, что четыредесятидневное продолженіе времени издревле было важно, и встрѣчается въ Св. Писаніи токмо при особенныхъ случаяхъ. Такъ Израильтяне, по исходѣ изъ Египта, до вступленія въ Ханаанъ, странствуютъ въ пустынѣ четыредесять лѣтъ; и Моисей пріуготовляется на Синаѣ къ принятію закона четыредесять дней; столько-же дней Илія идетъ въ Хоривъ, гдѣ ожидало его явленіе славы Божіей: столько же дней Самъ Господь проводитъ въ пустынѣ предъ вступленіемъ въ должность всемірнаго Ходатая и Учителя. Такимъ образомъ число четыредесять можно назвать числомъ пріуготовленія къ чему-либо великому.—Господу, по воскресеніи, предстояла величайшая высота — престолъ славы, сѣденіе одесную Бога Отца, управленіе церковію и всѣмъ міромъ. Посему не составляло-ли четыредесятидневное пребываніе Его по воскресеніи на землѣ и для Него, то-есть, для Его человѣчества, нѣкоего приуготовленія ко вмѣщенію полноты божественной славы?—Правда, что Божество въ Немъ соединено ипостасно съ человѣчествомъ; но оно соединено и дѣйствуетъ безъ нарушенія законовъ человѣчества; посему и обнаруживало себя на землѣ постепенно, а иногда и вовсе сокрывалось. Такъ говорится о Немъ, что Онъ возрасталъ премудростію и благодатію у Бога и человѣковъ (Лук. 2. 52); такъ Онъ самъ говорилъ во время земной жизни своей, что *о дни и часѣ* послѣднемъ *никто же вѣсть, ни Ангели, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Мар. 13. 32). Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ достоинствомъ Богочеловѣка, если Онъ, по человѣчеству своему, въ продолженіе четыредесяти дней по воскресеніи, постепенно приближался къ той высотѣ божественной славы, на которую долженъ Онъ былъ взойти, по вознесеніи Своемъ на небо.

На какое-же, спросишь, отношеніе сего событія въ жизни Господа къ нашей жизни? — Весьма немалое: вспомни о сороковомъ днѣ по смерти! Св. Церковь издревле обыкла продолжать поминовеніе усопшихъ особенно до сего дня: почему? Не потому-ли, что и съ нашими душами, въ продолженіе сего времени, происходитъ нѣчто подобное тому, что было съ Господомъ, до Его вознесенія на небо, т. е., что онѣ, хотя отрѣшенныя отъ земли, но еще не восходятъ на небо и находятся въ состояніи нѣкоего пріуготовленія? Ему, яко безгрѣшному, не отъ чего было очищаться въ продолженіе сего времени, а надлежало только, если можно такъ сказать, постепенно возвыситься человѣчествомъ до безпредѣльнаго величія Божества, въ Немъ обитающаго тѣлеснѣ; а намъ, безъ сомнѣнія, отъ многаго надобно будетъ очиститься, оставляя

міръ сей; ибо какъ-бы мы ни старались быть свободными отъ того, что въ мірѣ, но прахъ суетъ земныхъ неприметно налегаетъ здѣсь на самую чистую душу. Имѣя въ виду сей великій и трудный подвигъ, принадлежащій душѣ по смерти, и желая оказать ей помощь въ толь важное время, когда рѣшается, куда идти ей, горѣ ли, къ престолу Божію, подобно своему Спасителю, или долу, во глубины ада, подобно врагу искусителю, — Святая Церковь молится за умершихъ особенно въ продолженіе четыредесяти дней по смерти; и многія явленія изъ другаго міра свидѣтельствуютъ, какъ нужны молитвы сіи для усопшихъ, и какъ дѣйствительны онѣ, когда совершаются въ духѣ живой вѣры въ Искупителя и живой христіанской любви къ усопшимъ.

А мы, возлюбленные братія, зная сіе, должны, вопервыхъ, прилагать все стараніе о томъ, чтобы, въ продолженіе жизни, какъ можно болѣе освобождать свою душу отъ всего земнаго, нечистаго и грѣховнаго: ибо все сіе, какъ тяжесть, будетъ лежать на ней по смерти и не попускать ей возноситься горѣ. Вовторыхъ, должны, какъ можно прилежнѣе, совершать молитвы за умершихъ братій нашихъ: это самая лучшая жертва любви, какую мы можемъ приносить другъ другу.

Таковъ, братія, останокъ моихъ помышленій у гроба Спасителя. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ изъ васъ осталось болѣе: да возблагодарятъ таковые Господа и да поспѣшатъ обратить оставшееся въ назиданіе свое и другихъ! ибо мы всѣ по слову Апостола, должны н[illegible] ъ другъ друга. Съ моей стороны довольно и того, что малый останокъ мыслей, переданный мною вамъ теперь, по выраженію Псалмопѣвца, *празднуетъ*, располагаетъ душу къ радости и прославленію воскресшаго Господа. Ибо какъ не возрадоваться, представляя, что въ нашей жизни повторяются событія Его божественной жизни, и что съ нами, по смерти, бываетъ нѣчто подобное тому, что было съ Нимъ по воскресеніи? Какъ не возблагодарить нашего Спасителя и Господа, помышляя, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ оставилъ намъ *образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его!* (Іоан. 13. 15)? во всѣхъ, говорю, отношеніяхъ: ибо какъ ни велика слава, въ коей мы узримъ Его завтра на Елеонѣ, но и она принадлежитъ не Ему одному, а всѣмъ истинно любящимъ Его.

О братія, величественная, неизглаголанная участь ожидаетъ насъ! Поемъ убо и не престанемъ пѣть воскресшему Господу: *славно бо, славно прославися* (Исх. 15. 1). Аминь. *Иннокентій.*

(*Свѣтлая Седмица*).

---

14. Слово, сказанное въ тюремной вологодской церкви.

Въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ. (Матѳ. 23. 36.).

Ужели драгоцѣнныя слова сіи принадлежатъ и нашимъ темницамъ, и мы, посѣщая узниковъ, посѣщаемъ чрезъ то самого Господа и Спасителя нашего? Не должно-ли, напротивъ, относить сего изреченія къ тѣмъ исповѣдникамъ имени Христова, коими наполнены были темницы языческія во времена древнихъ гоненій на христіанство? или, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ, кои, по запутанности об-

стоятельствъ и недальновидности правосудія человѣческаго, подвергаются заключенію въ темницы невинно?

Воздадимъ каждому должное: признаемъ съ благоговѣніемъ, что св. исповѣдники вѣры особенно были достойны того, чтобы Начальникъ и Совершитель вѣры благоволилъ усвоить Себѣ самому ихъ темничное заключеніе. Не усумнимся исповѣдать и то, что подвергающіеся заключенію безъ вины имѣютъ особенное право утѣшать себя тѣмъ, что самъ Господь и Спаситель раздѣляетъ съ ними узы ихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ не обинуясь, что слова Господа относятся ко всѣмъ заключеннымъ въ темницахъ, кто бы они ни были, такъ что гдѣ темница, тамъ невидимо и Онъ, Искупитель всѣхъ грѣшныхъ. Ибо, если душа, присутствуя во всемъ тѣлѣ, не только не отсутствуетъ отъ членовъ недугующихъ, но еще наиболѣе сочувствуетъ имъ: то можетъ-ли душа таинственнаго тѣла церкви — Господь нашъ оставить недугующіе члены сего тѣла, то есть, преступниковъ закона, каковы заключенные? И что другое настоящій храмъ, какъ не опытное доказательство того, что слова Спасителя: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ*, относятся ко всѣмъ темницамъ? Вы слышали, что воспѣвалось, видѣли, что совершалось здѣсь: скажите, есть-ли какое либо различіе въ совершаемомъ среди сего храма, на семъ престолѣ, противъ другихъ мѣстъ, противъ того, что совершается въ церквахъ, находящихся среди чертоговъ царскихъ? Таже тайна и таже жертва; тоже пречистое тѣло, таже пресвятая кровь Сына Божія; тѣже Херувимы и Серафимы, предстоящіе и служащіе вмѣстѣ съ нами Царю славы!

И такъ, собравшіеся здѣсь нынѣ братія и сестры о Господѣ, если вы пришли сюда въ духѣ вѣры и любви, и отойдете отсюда въ духѣ смиренія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ; то вамъ не будетъ сказано на страшномъ судѣ: *въ темницѣ бѣхъ, и не посѣтисте Мене*. Тѣмъ паче не скажутъ сего вамъ, братія и сотрудники, кои такъ благородно удѣляете время отъ трудовъ общественныхъ на служеніе здѣсь недугующему грѣхами человѣчеству. Благословенъ Господь, вложившій вамъ мысль на сей подвигъ любви и смиренія! О, плоть и кровь не являютъ сего: это дыханіе Его всесвятаго Духа! Не ослабѣвайте-же въ вашемъ подвигѣ и самоотверженіи, *еже имать мздовоздаяніе велико*. Наступитъ день, когда, можетъ быть, вмѣсто всѣхъ прочихъ правъ и отличій нашихъ, одна сія жертва любви уцѣлѣетъ на вѣсахъ правды вѣчной.

Но если мысль о пребываніи Самого Спасителя въ темницахъ съ узниками должна располагать каждаго послѣдователя Христова смотрѣть на темницы съ нѣкіимъ особеннымъ вниманіемъ и даже уваженіемъ, и стараться оказывать посильныя услуги заключеннымъ; то заключенные, кто бы ни были, тѣмъ паче должны имѣть въ сей мысли неизсякаемый источникъ назиданія и всегдашнее побужденіе къ признанію своихъ проступковъ, къ исправленію своихъ нравовъ, къ обращенію заключенія своего въ средство измѣнить себя на лучшее. — Господь премилосердый, — такъ долженъ разсуждать съ своею совѣстію каждый узникъ, — благо-

волилъ сказать: *въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ:* и такъ Онъ преблагій не оставляетъ меня и въ темницѣ. Слава Его любви и милосердію! Доколѣ Онъ со мною, нѣтъ мѣста отчаянію; съ Нимъ всемогущимъ я могу и въ темницѣ стяжать свободу духа, получить вѣчное спасеніе. Но кто заключилъ Его въ темницу? Я, моими грѣхами и преступленіями! Какая ужасная неблагодарность! Онъ омылъ меня благодатію Духа Святаго въ крещеніи; Онъ питалъ меня тѣломъ и кровію своею въ таинствѣ причащенія; Онъ открылъ мнѣ входъ въ царство небесное: а я, неблагодарный, будучи членомъ тѣла Его, заключилъ Его, въ лицѣ своемъ, въ темницу; ради меня непотребнаго страждетъ пресвятое имя Его; ибо я христіанинъ, коему должно отличаться отъ невѣрующаго паче всего чистотою совѣсти и жизни... а я сталъ дѣлами своими хуже невѣрнаго! — Еврею, магометанину, идолопоклоннику простительнѣе грѣхъ; ибо онъ не знаетъ пути правды, не имѣетъ въ рукахъ Евангелія, не знаменуетъ себя крестомъ. Я имѣлъ все это, и впалъ въ такія преступленія? Чувствую мою вину, осуждаю свою прежнюю жизнь, даю обѣтъ жить впредь, какъ прилично христіанину. Пусть законъ караетъ меня: временное наказаніе, мною заслуженное и перенесенное, освободитъ меня отъ казни вѣчной. Лучше въ сей жизни все претерпѣть, только-бы омыть грѣхъ, нежели, укрываясь отъ правосудія здѣсь, подвергнуться вѣчному мученію тамъ. Что значатъ всѣ земныя наказанія предъ пламенемъ адскимъ? Посему, вмѣсто ропота, я благодарю Тебя, Господи, что ты запялъ стопы мои на пути беззаконія, и предалъ меня въ руки правосу
Теперь я имѣю всѣ средства
правиться и окончить жизнь въ
каяніи; а укрывшись отъ право
дія, я безъ сомнѣнія продолжал
идти далѣе во глубину золъ,
шелъ-бы въ такую пропасть, от
да нѣтъ возврата, умеръ-бы
грѣхѣ и содѣлался-бы жертвою
Благо мнѣ, яко смирилъ мя е
да научуся оправданіемъ Твои

Такъ, или подобнымъ образо
должны размышлять сами съ со
вы, кои находитесь за сими заб
лами. Не для обличенія васъ п
шли мы сюда, а чтобы препод
вамъ утѣшеніе и назиданіе. Ви
те сами, какъ святая вѣра, со в
ми таинствами своими, прибли
лась къ вамъ: не удаляйтесь-
вы отъ нея; приблизьтесь къ
вѣрою, покаяніемъ и исправле
емъ своихъ нравовъ. При вс
грѣхопаденіяхъ вашихъ, вы ни
те еще средства къ тому, чт
содѣлаться паки добрыми люд
и христіанами истинными; у в
есть умъ, чтобы познать путь пр
ды и отличать его отъ пути без
конія; есть воля, чтобы избр
доброе и избѣгать злаго; есть
вѣсть, чтобы восчувствовать с
грѣхи и возненавидѣть ихъ; е
очи, способныя плакать о содѣ
номъ; есть уста, готовыя изрек
молитву и исповѣдь. Вспомн
благоразумнаго разбойника,
крестѣ покаявшагося: онъ со кр
ста пошелъ въ рай—что мѣша
и вамъ подражать его святому пр
мѣру? Спаситель и теперь прос
раетъ со креста руки ко всѣ
кающимся: покайтеся и вы, и пре
дете отъ смерти въ животъ!

Но что слышу я? *изведи изъ те
ницы душу мою, исповѣдати
имени Твоему!*—Кто вопіетъ сто

кимъ воплемъ? Обремененный дѣяніями преступникъ?—нѣтъ! кновенный узникъ?—нѣтъ! Чеѣкъ невинно страждущій въ ницѣ?—нѣтъ! По крайней мѣрѣ ювѣкъ находящійся въ темни—нѣтъ! Кто-же это? царь и прокъ, мудрецъ и псалмопѣвецъ — Давидъ! Но, друже Божій, кто гъ заключить тебя въ темницу? гдѣ сія темница, когда ты управишь всѣмъ Израилемъ, когда дровые чертоги твои такъ пространны, что могутъ вмѣстить всѣхъ телей Іерусалима? На какое-же ключеніе жалуешься ты? Откуда чешь быть изведеннымъ?—Изъ ницы плоти моея, отвѣтствуетъ Давидъ, — той плоти, которая престанно мрачитъ, связуетъ, тѣсгъ и изнуждаетъ безсмертный хъ мой; той плоти, которая со ьми желаніями моими влечетъ ня долу, приковываетъ къ землѣ, ставляетъ работать истлѣнію, не зволяетъ даже воздыхать свободно о горнемъ Іерусалимѣ. Чего дѣлалъ я, чтобы растерзать узы ихъ грѣховныхъ навыковъ, что-возникнуть отъ рова страстей, ыйти на широту свободы чадъ жіихъ? Обращался за помощію мудрости и мудрымъ; совѣтоися съ умомъ и сердцемъ; поися и плакалъ; даже связывалъ бя клятвою не преступать закоправды: но тщетна надежда на и собственныя усилія; остается на надежда на милость и всемощество Того, Кто единъ можетъ ысоздать сердце чистое, и обноть въ утробѣ моей духъ правый. вотъ я вопію къ Нему подобно слѣднему изъ преступниковъ: *веди изъ темницы душу мою!* зьми меня изъ сего суетнаго и гежнаго міра въ свѣтлыя обители Твои,—туда, гдѣ живетъ одна чистота и правда, гдѣ нѣтъ печали, ни воздыханія. Или, по крайней мѣрѣ, облегчи благодатію Своею тяжесть плоти моей, укроти всемогущимъ словомъ Твоимъ бурю страстей, подаждь свободу сердцу и силу духу, да возмогу сразиться съ полчищемъ нечистыхъ помысловъ и страстей, и потомъ безпреткновенно до конца жизни ходить въ оправданіяхъ закона Твоего. *Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!*

Что мы должны заключить изъ сего молитвеннаго вопля Царя Израилева? То, что у всякаго изъ насъ, кто-бы онъ ни былъ, есть свое заключеніе и своя темница; что всѣмъ намъ недостаетъ свободы духа, недостаетъ и возможности освободиться отъ рабства грѣховнаго собственными силами, безъ всемогущей помощи свыше. Воспользуемся-же симъ великимъ примѣромъ; и, выходя изъ сей темницы, обратимъ испытующій взоръ на самихъ себя, низойдемъ во глубину и мракъ своего внутренняго заключенія, и, нашедъ тамъ тоящійся въ оковахъ чувственности духъ нашъ, возревнуемъ о его освобожденіи, взывая подобно Царю Израилеву къ великому Разрѣшителю всякихъ узъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему!* Аминь.

Иннокентій.

(*Слова къ паствѣ вологодской*).

15. Слово въ 20 недѣлю по Пятидесятницѣ. Христіанское утѣшеніе при смерти любезныхъ намъ.

Видѣвъ ю (матерь умерша единородна сына) Господь, милосердова о ней, и рече: не плачи. (Лук. 7. 13).

Утѣшеніе, сдѣланное Іисусомъ Христомъ Наинской женщинѣ, потерявшей единственнаго сына, нужно для весьма многихъ и изъ насъ. Многіе и изъ насъ оплакиваютъ какую-нибудь подобную потерю. Иные проводили въ могилу своего отца или мать, брата или сестру, мужа или жену, сына, дочь и т. п. Можетъ быть, у нѣкоторыхъ изъ насъ почти уже выболѣло отъ потери любезныхъ все сердце, и однако очень не мудрено, что кому-нибудь скоро придется оплакивать новыя потери.

При такомъ тяжкомъ состояніи сердца, наша Вѣра для насъ есть безцѣнный даръ. Она доставляетъ намъ, при смерти любезныхъ нашему сердцу, отрадное утѣшеніе, такъ что, ежели при этомъ утѣшеніи и не совсѣмъ осушаются наши слезы, душа наша чувствуетъ величайшее успокоеніе. На это утѣшеніе хочу обратить общее вниманіе.

Наша Вѣра говоритъ, что Самъ Богъ даетъ *всѣмъ животъ*, что о *Немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 25. 28), что Онъ *мертвитъ и живитъ* (1 Царст. 2, 6), и что *ни едина отъ птицъ падетъ на земли безъ воли Отца нашего, намъ же и власи главніи вси изочтени суть* (Матѳ. 10, 29—30). А изъ этихъ словъ можно ясно понять, что именно Богъ даетъ намъ любезныхъ нашему сердцу, когда они раждаются; что Богъ же и беретъ ихъ отъ насъ, когда они умираютъ, и что безъ Божіей воли, или безъ Божія попущенія никто изъ людей ни раждается, ни умираетъ. Но ежели даже и малая птица не падаетъ на землю, т. е. не теряетъ жизни, безъ воли небеснаго Отца; то какъ можемъ думать, что безъ Божіей воли умираетъ какой-либо человѣкъ — созданіе благороднѣйшее, одаренное безсмертною душею и назначенное для вѣчнаго блаженства? — Нѣтъ, смерть не можетъ похитить человѣка изъ жизни, ежели на него не указалъ ей Господь!

Но ежели любезныхъ нашему сердцу беретъ у насъ, какъ должно намъ твердо вѣровать, Самъ Богъ, то ихъ взиманіе, какъ бы они ни казались нужными — для насъ ли, для своего ли семейства, или для занимаемаго ими въ обществѣ мѣста и званія, — всегда должно быть слѣдствіемъ величайшей Божіей любви къ намъ и къ нимъ. Ибо можемъ ли думать, что Богъ не продлилъ бы ихъ жизни, если бы она была необходима для насъ или для нихъ? Не ужели Онъ взялъ ихъ для того, чтобы, напримѣръ, не дать имъ времени для покаянія и исправленія своей жизни? не ужели онъ взялъ ихъ для того, чтобъ изранить наше сердце и тѣшиться нашими слезами? — Безумно было бы такъ думать о Господѣ Богѣ! Господь Богъ есть Отецъ человѣковъ (Матѳ. 6, 9). Хотя мы иногда не усматриваемъ благодѣтельной и мудрой цѣли, по которой Богъ отнимаетъ у насъ любезныхъ намъ; но это никогда не должно насъ смущать, а всегда тотчасъ должно приводить намъ на

нять то, что Богъ — нашъ Отецъ, что Онъ премудръ и благъ, — благъ даже для неблагодарныхъ и злыхъ (Лук. 6, 35). Слѣдовательно Его воля, по которой Онъ дѣйствуетъ, всегда есть самая мудрая и благодѣтельная.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который былъ любезенъ намъ и котораго оплакиваемъ смерть, оставшись въ живыхъ, могъ подвергнуться какой-нибудь весьма несчастной участи, напримѣръ, весьма продолжительной тяжкой болѣзни, при которой смерть была бы и для него и для насъ величайшимъ благодѣяніемъ. И Богъ, Который видитъ въ будущемъ все такъ же ясно, какъ въ настоящемъ, не оказываетъ ли намъ еще величайшую любовь, когда заблаговременно отнимаетъ его у насъ, избавляя его отъ несчастія, которое, можетъ быть, еще ввело бы его и насъ въ какіе-либо грѣхи и лишило бы вѣчнаго блаженства?

Также не могло ли случиться, что человѣкъ, котораго оплакиваемъ смерть потому, что онъ былъ для насъ весьма любезенъ или нуженъ, впалъ бы, продолжая жить, въ безпутную жизнь и сдѣлался бы для насъ и для своего семейства соблазномъ и стыдомъ, а себѣ самому приготовилъ бы вѣчную погибель? Не могли-ли — такой-то мужъ, котораго смерть такъ горько оплакиваетъ жена, и такая-то жена, которой смерть такъ горько оплакиваетъ мужъ, оставаясь въ живыхъ, сдѣлаться почему-либо весьма порочными и потерять свою душу? Такія-то, оплакиваемыя родителями дѣти не могли ли сдѣлаться распутными? Такой-то другъ, котораго смерть оплакиваетъ любящій его, не могъ ли измѣнить ему, особенно въ какой-либо весьма важной тайнѣ? — «Это не возможно,» иной или иная скажетъ: «у него, у нея, или у нихъ «сердце было такое прекрасное! «Ихъ сердце ручалось, что съ ни«ми не случилось бы того!» — Но кто такъ говоритъ, тотъ не знаетъ слабости и непостоянства человѣческаго сердца. Безчисленные примѣры вполнѣ доказываютъ, что это, къ несчастію, весьма возможно. Соломонъ восшелъ на престолъ отца своего, Давида, съ прекраснѣйшимъ сердцемъ. Онъ живо чувствовалъ нужду въ непрестанной помощи всемогущаго Міроправителя Бога, и дабы управлять народомъ своего царства по Его святой волѣ, онъ отъ всего сердца молился Ему о дарованіи царственной мудрости. Богъ съ особеннымъ благоволеніемъ призрѣлъ на его молитву и даровалъ ему такой разумъ, какого не далъ ни одному изъ людей ни прежде, ни послѣ него (3 Царст. 3, 7 — 13). Но этотъ Соломонъ, который въ цвѣтущихъ лѣтахъ своей жизни былъ такъ мудръ, такъ любилъ Господа и такъ вѣрно ходилъ правыми стезями Давида, отца своего, въ болѣе преклонныхъ лѣтахъ впалъ сперва въ гнусное сладострастіе, а потомъ въ самое постыдное идолопоклонство (3 Царст. 11, 2 — 5). Этотъ Соломонъ, такъ усердно и съ такою любовію созидавшій въ Іерусалимѣ, въ цвѣтущія лѣта своей жизни, храмъ Господу Богу, въ преклонныя лѣта, въ самомъ виду храма Богу истинному, строилъ на горахъ идольскія капища и позволялъ приносить, ежели не самъ приносилъ, идоламъ жертвы (3 Царст. 11, 6 — 9). Такъ глубоко

могутъ падать даже лучшіе и умнѣйшіе люди!

Но что произошло съ Соломономъ, то, или нѣчто подобное, могло произойти съ тѣми или другими любезными или нужными намъ людьми, еслибы Господь Богъ заранѣе не взялъ ихъ изъ сей жизни въ жизнь другую. И ихъ впослѣдствіи могли бы увлечь съ пути добродѣтели сила худаго примѣра, или и собственное, не довольно хранимое, сердце. Посему весьма благодѣтельно, что Господь Богъ взялъ ихъ къ Себѣ, прежде чѣмъ они могли потерять свою душу и погибнуть. Намъ должно благодарить Господа Бога за то, что Онъ взялъ ихъ къ Себѣ, а не грѣшить, ропща на Его премудрое о насъ попеченіе.

Кромѣ сказанныхъ утѣшеній касательно смерти любезныхъ намъ людей, наша Вѣра доставляетъ намъ новое утѣшеніе, возвѣщая, что мы разстаемся съ ними не навсегда, что по смерти увидимся съ ними снова, и что тогда будемъ уже неразлучны. Іисусъ Христосъ ясно сказалъ: *грядетъ часъ, егда вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Настоящая жизнь вообще весьма коротка и почти всегда оканчивается гораздо прежде, нежели думаемъ. *Се пяди положилъ еси дни моя, и составъ мой яко ничтоже предъ Тобою*, сказалъ, въ глубокомъ чувствованіи своей бренности, Царь Пророкъ Богу (Псал. 38, 6). Длинна ли пядень, трудно ли разрушиться составу нашего тѣла, когда этотъ составъ предъ Господомъ *яко ничтоже*? Наша жизнь пройдетъ весьма скоро; а потомъ Тотъ же Господь, Который воскресилъ сына Наинской вдовы, воскреситъ, въ Свое второе пришествіе, и всѣхъ насъ, въ какое бы кто время ни умеръ, такъ что всѣ, какъ говоритъ Св. Апостолъ, *мертвіи о Христѣ и живущіи оставшіи, купно восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Солун. 4, 16 — 17). Въ то время, теперь безутѣшная, мать снова увидитъ свое дитя, которое родила въ такихъ жестокихъ боляхъ, которое съ такою нѣжностію питала своею грудью, и съ которымъ, при его болѣзни, провела такъ много ночей безъ сна, тщетно заботясь и молясь о его выздоровленіи. Въ то время супругъ снова увидитъ свою супругу, которую любилъ такъ нѣжно и которой потерю оплакивалъ такъ горько. Въ то время супруга снова увидитъ своего возлюбленнаго, къ которому была привязана любовію такъ крѣпко, и котораго потеряла очень рано. Они увидятъ другъ друга, будутъ вмѣстѣ и уже не подвергнутся разлукѣ, какой въ настоящей жизни подвергаетъ насъ смерть. Въ то время дѣти снова увидятъ своихъ родителей, которыхъ смерть отняла у нихъ такъ рано, и съ смертью которыхъ, казалось, исчезала для нихъ всякая надежда не только на воспитаніе, но и на продолженіе жизни. Въ то время сестра снова увидитъ своего любезнаго, похищеннаго у нея смертію брата, — братъ снова увидитъ свою любезную сестру, и уже никогда не будутъ въ разлукѣ. Въ то время другъ снова увидитъ своего нѣжнаго друга, увидитъ въ лучшей жизни, и ихъ союзъ, какъ его заключила добродѣтель и честность, уже никогда не разрушится. Словомъ: въ то

і всѣ снова увидимъ другъ
а, и — чѣмъ больше была на-
ванная любовь, чѣмъ горе-
: чувствовали мы временную
ку другъ съ другомъ, тѣмъ
ше, при новомъ свиданіи, бу-
чувствовать радости.
такъ вѣчное благодареніе не-
ому Отцу, приведшему насъ
вѣтъ святой и всеутѣшитель-
Вѣры, которая вполнѣ насъ у-
овѣряетъ, что любезныхъ на-
у сердцу беретъ у насъ Самъ
; что Онъ беретъ ихъ у насъ
о чему иному, какъ по Своей
и и премудрости, въ истинное
о имъ и намъ, и что, по про-
віи нѣкотораго, во всякомъ
аѣ очень не длиннаго времени,
видимся съ ними снова и уже
удемъ бояться никакой разлу-
Вѣчное благодареніе небесно-
тцу, такими истинами услаж-
цему для насъ горькую чашу
ти! Смерть, которой всѣ мы
ержены, сама по себѣ весьма
ка и страшна,—ибо весьма тя-
видѣть вдругъ разрушающи-
всѣ, даже самыя крѣпкія и
ныя узы! И что было бы съна-
если бъ мы ничего не знали о
емъ состояніи по смерти; или
бъ не вполнѣ были увѣрены,
съ окончаніемъ здѣшней жиз-
ачнется жизнь другая и—луч-
? Мы были бы какъ язычники,
мущіи упованія (1 Солун. 4,
во всѣхъ отношеніяхъ весьма
ластны! Вѣчное благодареніе
есному Отцу за Его утѣшеніе,
авляемое намъ нашею Вѣрою!
нь.

Григорій.

---

16. Поученіе предъ Св. Причастіемъ.

Св. Пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгарала; Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе; но вдругъ услышалъ голосъ изъ купины къ Нему говорящій: *Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо; изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3. 4—5).

Слуш. благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно была явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгарала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь Божественный — чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и ожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ св. чашѣ: не приближайся сѣмо; изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ: развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ-бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзнен-

ныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангелъ Хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ-бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинъ. *Вѣрую Господи*, — только помози моему невѣрію, — вѣрую, яко *Ты воистину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*, — и еще молю Тебя, помози моему невѣрію, — *еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя.* Не даю Тебѣ лобзанія Іудина; нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня, и сподоби неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ; онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай Господи такъ причаститься всѣмъ намъ, не только нынѣ, но и всегда. Аминь.

Родіонъ Путятинъ.

(*Краткія поученія*).

---

17. Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Извѣстно вамъ, слуш., какъ нѣкогда Израильтяне странствовали по аравійской пустынѣ: и пустыня та была непроходима, и солнце жгло тамъ пламенно, и потому Богъ далъ имъ облачный столпъ, который, носясь въ воздухѣ, показывалъ путь, куда идти, и вмѣстѣ укрывалъ отъ солнечнаго зноя. Богъ любилъ тогда свой народъ и велъ его въ землю обѣтованную; и потому далъ ему такого чуднаго руководителя и защитника.

Сл. хр.! и насъ Богъ любитъ не меньше Израильтянъ. И мы имѣемъ подобный облачный столпъ,— пречистую и преблагословенную Дѣву Марію. Она наша руководительница и заступница въ жизни, въ семъ мѣстѣ мрака и юдоли плача. Она намъ столпъ огненный, наставляющій во тьмѣ, и покровъ міру, ширшій облака. Она молнія, души просвѣщающая, и громъ, враговъ устрашающій. Она райскихъ дверей отверзеніе, и отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе. Она невидимыхъ враговъ мученіе, и обуреваемыхъ пристанище. Она человѣковъ исправленіе, и бѣсовъ ниспаденіе. Словомъ: Матерь Божія и отъ зноя несчастій насъ укрываетъ, и въ землю обѣтованную — на небо насъ вводитъ, и вѣчное спасеніе намъ доставляетъ, и отъ временныхъ скорбей насъ избавляетъ.

къ нѣкогда видѣли Ее на воз- съ омофоромъ въ рукахъ, мо- юся за весь міръ. Это было ıахернѣ, и именно въ нынѣ- день. Христіане тогда, какъ ı теперь, стояли въ церкви и лись. Между ними были Св. ѣей Христа ради юродивый ıифаній ученикъ его. Вдругъ сводами храма является Бо- ıатерь, окруженная Ангелами . мужами. Видя это и какъ- е довѣряя своимъ глазамъ, св. ѣей обращается къ Епифанію рашиваетъ его: видишь-ли , ı, Ходатайницу міра? Вижу, ѣче, отвѣчаетъ Епифаній; ви- ужасаюсь. Послѣ этого видѣ- ерковь положила праздновать овъ Пресвятыя Богородицы.

Сл. бл.! мы не видимъ Божіей Матери; мы и недостойны Ее видѣть: Она является Святымъ, а мы грѣшники. Но Ея образъ предъ нами. Итакъ къ нему нынѣ прилежно притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: о Всепѣтая Мати! Ты нѣкогда въ нынѣшній день покрыла омофоромъ христіанъ, стоявшихъ въ церкви: покрой и насъ кровомъ крилъ Твоихъ; защити отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; избави отъ временныхъ и вѣчныхъ золъ. Мы, и не видя Тебя, будемъ свѣтло праздновать Покровъ Твой Святый. Аминь.

Родіонъ Путятинъ.

(*Изъ того-же сочиненія*).

Б. РѢЧИ.

Імператрицѣ Екатеринѣ II, на рибытіе Ея въ Мстиславль.

ıсвѣтлѣйшая Императрица!

ıтавимъ астрономамъ доказы- , что земля вокругъ солнца щается: наше *солнце* вкругъ ходитъ, и ходитъ для того, ы въ благополучіи почиваемъ. одиши, милосердая Монархи- ıко женихъ отъ чертога сво- радуешися, яко исполинъ, те- путь. Отъ края моря Балтій- о до края Эвксинскаго шест- Твое, да тако ни единъ изъ анныхъ Твоихъ укрыется бла- тельныя теплоты Твоея!

отя-же мы и покоимся Твоимъ окойствіемъ, и не негорькими ценіями Твоими сидимъ слад- всякъ подъ виноградомъ сво- имъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона: однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

Тецы убо, о *солнце* наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко-же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, *солнце*, и не движись, дондеже вся, великимъ Твоимъ намѣреніямъ противныя, торжественно побѣдиши!

Георгій.

(*Образцовыя сочиненія*).

19. Императору Александру I, на коронованіе Его.

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что-же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійстіи сынове! Возблагодаримъ-ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ-ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ-ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать-ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять-ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. Пожелать-ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О, забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молиться-ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О! прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія. Пасть-ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя по истинѣ и подвигъ! Предстанетъ-бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едва-ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые возло употребленною властію, и лицепріятіемъ и издоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей

и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облегченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки, и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрій и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки-бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою издоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои.

Се подвигъ твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать, — но что-же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ царя Израилю и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: *и ношася Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ.* Сіе Духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничтожитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно мо-

жемъ мы о Тебѣ, Государь! тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: *и Давидъ красенъ, добръ очами, и благъ взоромъ Господеви.* Что само по себѣ не толико-бъ было важно, ежели-бъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнымъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се! и еще подаетъ Тебѣ Богъ своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую свою Супругу, Ея Императорское Величество, сотвориши участну своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во-едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе-же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно оправдитъ она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: *Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!*

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: аще корень святъ, то и вѣтви. Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть-ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ-ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно-ли разогнать весь мракъ сей? Итакъ видя днесь, яко матерь Соломонова, Сына своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! могущіи покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Платонъ.

(*Поучительныя слова*).

20. На прибытіе Александра I-го въ Москву, въ 1812 году.

Благочестивѣйшій Государь!

Еще курятся ѳиміамы на алтаряхъ сихъ; еще пламенѣютъ огни благодарственныхъ моленій за тѣ достославныя побѣды, которыми Всевышній увѣнчалъ оружіе Твое. И се наконецъ гордый Оттоманъ преклонилъ предъ Тобою побѣжденную главу: на югѣ, покрытомъ тучами браней, возсіялъ свѣтъ благословеннаго мира. Столица сія, подъявъ чело свое, покрытое сѣдинами, восхищается, взирая на распространеніе предѣловъ Россіи; изумляется, внемля громамъ славы Твоея. Россія готова воспѣть хвалебную пѣснь Господу силъ и Тебѣ, Христу Господню.

Но се на западѣ восшумѣли бури:—и Ты, яко исполинъ, исходишь на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы. *Отъ края небесе исходъ Твой и срѣтеніе Твое до края небесе.* Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій Своихъ, Ты мещешь перуны на дерзкаго врага; здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ Тебѣ и отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы; здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь

Государь! оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостію тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ Тебѣ не имѣетъ предѣловъ; но Твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ Тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, Ты торжествуешь и надъ своими.

Царю! Господь съ Тобою: Онъ гласомъ Твоимъ повелитъ бури, *и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя.* — Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Августинъ.

(*Очерки жизни Августина, соч. Снегирева*).

---

21. Императору Николаю I, на коронованіе Его.

Благочестивѣйшій Государь!

Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула-бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? если-бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу: потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко Царь, не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства.

Не возмущаютъ-ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея: не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: чтожъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона? Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне!*

Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующаго на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! знаменіями Величества облеки свойства истиннаго величества. *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ.

Филаретъ.

---

22. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, на прибытіе Ея въ Москву 1826 года.

Благочестивѣйшая Государыня!

Нѣкто видѣлъ, и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проницающая яко утро?* (Пѣсн. 6. 9).

Мы видимъ, и не какъ внезапно явившуюся вопрошаемъ, но, какъ всегда вожделѣнную, Тебя призываемъ: пріиди, *проницающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ, послѣ глубокой предшествовавшей нощи, — восходящая какъ тихая заря, предвѣстница новаго солнца, изъ тебя Россіи возсіявшаго, нами съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Пріиди, Матерь Царей! Отецъ свѣтовъ да благословитъ входъ Твой и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду — вскорѣ увидѣть въ полнотѣ священной славы, уже сіяющаго царскими доблестями, Николая — Твое и наше утѣшеніе.

Филаретъ.

---

23. Императору Николаю I, на прибытіе Его въ Москву, 1830 года.

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружить себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности преподѣждать (*). Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь! да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.

Филаретъ.

(*) Это относится къ мѣрамъ предосторожности противъ распространенія возникшей тогда холеры.

II. СВѢТСКОЕ ВИТІЙСТВО.

24. Слово похвальное Петру Великому, говоренное апрѣля 26-го дня 1755 года.

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на всероссійское государство Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея великія дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящая въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденства. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисавета въ общество человѣческое вступила, для возвращенія себѣ потомъ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, щедротою. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительныя лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елисаветѣ предвозвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое царство?

Въ доступленіи онаго сколь много Всемогущій Промыслъ спосѣ-

шествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо его силою и духомъ подвигшись героиня наша, всероссійскому государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію, и общему блаженству знатной части свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ, поработилъ тебя нѣкогда чужому языку; и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ великая Елисавета; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но, сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ, извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше россійскою, нежели агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время; и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются-ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій; она оставлена, не помогаютъ; она отринута, не возвращаютъ; она пренебрегаема, не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная героиня восшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило Ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, ея мужество, и нашу радость усугубить. Та-

я благодѣянія устроилъ намъ
ній вступленіемъ на отеческій
голъ великія Елисаветы! Чтожъ
ышній праздникъ? Верхъ и вѣ-
, преждереченныхъ. Вѣнчалъ
юдь ея чудное рожденіе, вѣн-
, преславное восшествіе, вѣп-
, безприкладныя добродѣтели.
чалъ благодатію, ободрилъ бла-
дежною радостію, и благосло-
, громкими побѣдами, восшест-
ея подобными. Ибо какъ внут-
іе враги побѣждены безъ про-
и крови; такъ и внѣшніе съ ма-
ь урономъ преодолѣны были.
блачается Монархиня наша въ
ыру; помазуется на царство,
ается, пріемлетъ скипетръ и
аву. Радуются Россіяне, и
ками и восклицаніями воздухъ
олняютъ; ужасаются супостаты
ѣдѣютъ; уклоняются, даютъ
ѣтъ россійскому войску, укры-
ся за рѣки, за горы, за болота;
іездѣ утѣсняетъ ихъ сильная
и вѣнчанныя Елисаветы; отъ
аго ея великодушія ослабу
чаютъ. Коль ясныя предзнаме-
нія благословеннаго ея вла-
я во всемъ вышереченномъ ви-
, и вожделѣнному событію ихъ
адостію чудимся! По примѣру
каго своего родителя даетъ
дарямъ короны, успокоиваетъ
ымъ оружіемъ Европу, утвер-
ъ россійское наслѣдство;
каетъ злато и сребро изъ нѣдръ
ыхъ къ ея и къ общему удо-
твію; избавляются подданные
тягости; земля не обагряется
ійскою кровію ни внутрь ни
государства, умножается на-
, и доходы прирастаютъ; воз-
аются великолѣпныя зданія,
авляются суды, насаждаются
и среди государства, повсюду
юбленная тишина и Монархи-

нѣ нашей подобное время господ-
ствуютъ.

И такъ когда несравненная Го-
сударыня наша предзнаменованное
въ рожденіи, полученное муже-
ствомъ, утвержденное побѣдонос-
нымъ вѣнчаніемъ, и украшенное
преславными дѣлами отеческое
царство возвысила; то по справед-
ливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ его
истинная наслѣдница. Слѣдова-
тельно, похваляя Петра, похвалимъ
Елисавету.

Давно долженствовали науки
представить славу его ясными изо-
браженіями, давно желали въ на-
рочномъ торжественномъ собраніи
превознести несравненныя дѣла
своего основателя: но вѣдая, коль
великое искуство требуется къ сло-
женію слова, ихъ достойнаго, по-
нынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ
должно предлагать, чего о другихъ
еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ
ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣ-
ровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы
мысль послѣдуя, могла безопасно
пуститься въ толикую глубину ихъ
множества и величества. Однако
наконецъ разсудилось, лучше въ
краснорѣчіи, нежели въ благодар-
ности показать недостатокъ; луч-
ше съ произносимыми отъ усердной
простоты разговорами соединить
искренностію украшенное слово,
нежели молчать между толикими
празднественными восклицаніями;
наипаче когда Всевышній Господь
всѣхъ торжествъ нашихъ красоту
усугубилъ, пославъ во младомъ
Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ
Петровичѣ всевожделѣнный залогъ
Своея къ намъ божественныя ми-
лости, которую въ продолженіи
Петрова племени почитаемъ. И такъ,
оставивъ боязливое сомнѣніе и
уступивъ ревностной смѣлости мѣ-

сто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и города, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости-ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ, если-бы только исчислить возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ; и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чем его отеческое попеченіе хотя преж де сего мною предложено, однак ежели оное описать обстоятельно то цѣлое мое слово еще къ том не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, наподобіе орла быстропарящаго, европейскія государства отчасти повелѣніемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудил великое множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество искуствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, наподобіе прилива и отлива въ пространномъ океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны россійскіе, то приходящіе съ разными искуствами, съ книгами, съ инструментами, иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровой особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ

ихъ земель, съ трудомъ и за
ую цѣну въ Россію приходи-
нѣ внутрь государства произ-
ся и не токмо насъ довольству-
но избыткомъ своимъ и дру-
ми снабдѣваютъ. Похваля-
нѣкогда окрестные сосѣди
, что Россія, государство ве-
, государство сильное, ни
аго дѣла, ни купечества безъ
спомоществованія надлежа-
образомъ производить не мо-
, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ
кмо драгихъ металловъ для
наго тисненія, но и нужнѣй-
желѣза, къ пріуготовленію
ія, съ чѣмъ бы стать противъ
теля. Исчезло сіе нареканіе
росвѣщенія Петрова: отвер-
внутренности горъ сильною и
олюбивою его рукою. Проли-
ся изъ нихъ металлы, и не
внутрь отечества обильно
остираются, но и обратнымъ
омъ, якобы заемныя, внѣшнимъ
амъ отдаются. Обращаетъ
ственное россійское воинство
въ непріятеля оружіе, пріо-
ванное изъ горъ россійскихъ,
йскими руками.
семъ для защищенія отечест-
для безопасности подданныхъ
безпрепятственнаго произве-
внутрь государства важныхъ
пріятій, о семъ нужномъ учреж-
порядочнаго войска, коль
кое имѣлъ великій Монархъ
ченіе, коль стремительное рве-
коль рачительное всѣхъ спо-
въ, всѣхъ путей изысканіе, то-
ему когда надивиться доволь-
можемъ, возможемъ-ли изо-
ить оное словомъ? Родитель
удраго нашего героя, бла-
ыя памяти великій Государь
Алексѣй Михайловичъ, меж-
ногими преславными дѣлами,
положилъ начало регулярнаго вой-
ска, котораго спомоществованіемъ
сколько на войнѣ имѣлъ успѣху,
свидѣтельствуютъ счастливые его
походы въ Польшѣ и пріобрѣтен-
ныя обратно къ Россіи провинціи.
Но все его о военномъ дѣлѣ попе-
ченіе съ жизнію пресѣклось. Воз-
вратились старинные безпорядки,
и россійское воинство больше въ
многолюдствѣ, нежели въ искуст-
вѣ показать могло свою силу, ко-
торая сколько потомъ ослабѣла яв-
ствуетъ изъ бывшихъ тогда про-
тивъ Турокъ и Татаръ безполез-
ныхъ военныхъ предпріятій; а бо-
лѣе всего изъ необузданныхъ и
пагубныхъ стрѣлецкихъ возмуще-
ній, отъ неимѣнія порядочной рас-
правы и расположенія происшед-
шихъ. Въ таковыхъ обстоятель-
ствахъ кто могъ помыслить, что
бы двѣнадцати лѣтъ отрокъ, отлу-
ченный отъ правленія государства,
и только подъ премудрымъ покро-
вительствомъ чадолюбивыя своея
родительницы отъ злобы защища-
емый, между безпрестанными стра-
хами, между копьями, между ме-
чами на его родственниковъ и доб-
рожелателей и на него самого об-
наженными, началъ учреждать но-
вое регулярное войско, котораго
могущество въ скоромъ послѣ вре-
мени почувствовали непріятели,
почувствовали и вострепетали; и
которыми нынѣ вся вселенная по
справедливости удивляется? Кто
могъ помыслить, чтобы отъ дѣтской,
какъ казалось, игры—толь важное,
толь великое могло возрасти дѣло?
Иные, видя нѣсколько молодыхъ
людей съ младымъ Государемъ об-
ращающихъ разнымъ образомъ лег-
кое оружіе разсуждали, что сіе од-
на ему только была забава, и по-
тому сіи новонабранные люди по-

тѣшными назывались. Нѣкоторые, имѣя большую прозорливость и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго героя, коль великаго монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе геометріи, механики и химіи требуется, а паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ— казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатной недостатокъ и лишеніе государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что потомъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда сенатъ римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ консуломъ для припятія отъ него консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе*! Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали, для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ римскаго консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы, мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О, какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О, какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущей славы, не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ, озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лице Его пылью и потомъ покрытое; видя, что отъ нихъ ни чѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что монархи ни чѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною шведскою, и потомъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою

сраженіе было неудачливо; по противныхъ преимущество и россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя россійское войско было по большей части двулѣтное, противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрый перемётчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторый-надесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться: однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой и докончать побѣду; такъ что оставшаяся въ цѣлости россійская лейбгвардія и не мало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ, призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распустивъ знамена и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискуства войскъ россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто и потомъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего героя, когда вы превозносимыя мною побѣды россійскаго воинства надъ вами услышите: не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго россійскаго народа, стоять противъ Петра Великаго, противъ мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ Него побѣжденнымъ есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость героя вашего Карла, и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва, когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ Его воздвигнутъ Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя россійское воинство сраженіями числить пріобыкло; не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильные имѣли успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско къ регулярству давно пріобыкшее, изъ областей непріятельскихъ дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ въ воин-

скомъ упражненіи все время положившихъ; войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется отъ сраженія съ новыми россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они, не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главный ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему государю плачевныя вѣсти, которыми хотя онъ сильно возмутился, однако, мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ воздалъ Петру совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ Его раченій, который, противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ, но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечтающейся въ мысляхъ стройной храбрости россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что Онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался! Ибо не токмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде государяхъ нерѣдко къ немалому упадку могущества и славы отечества происходило; но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное отеческое попеченіе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, что бы толь великимъ трудомъ и столь чуднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искуство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы *Императора Великаго*, *Отца Отечества*, приносились, не преминулъ подтвердить публично правительствующему сенату, что, надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что Ему сіи высокіе титулы не были пріятны, безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія и обученіе своемъ съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная россійская держава наподобіе цѣлаго свѣта едва не отвсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ мно-

жество; индѣ стопутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и наподобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искуство? откуду махины и орудія нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, еслибы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не льзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искуствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показать россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части, которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народо-множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здра-

вію Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и сокрывъ величества своея особы между простыми работниками, въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдомили, что не простой то былъ Россіянинъ; но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и Британіи достигъ совершенной теоріи, и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь, счастливые береги, освященные Петровыми стопами и потомъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены, не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, паложеніемъ руки Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! Когда неусыпный ихъ основатель и строитель мрогократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотренные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искуствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою; но и безчув-

твенному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Порываются невскія струи судами и ѣлагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ пахинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣніемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ.

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленія, уже чувствую утомленіе, слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія. И по врожденному своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ, но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердится. Ибо когда еще не было число всего россійскаго народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и городы разорялись. Превратилъ премудрый герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ и число людей въ наборахъ; умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ го-

товыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умалчиваю: упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбростію Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Что-жъ? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе правительствующаго сената, святѣйшаго синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ, для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политики, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представьте. Мнѣ только остается предложить едино краткое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы, возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искуства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новый флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудитъ иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ бывшихъ на пути исполинскаго Его теченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, изъ внутрь огорченія, отовсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдства пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть

вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы, возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ россійской надеждѣ. Чувствовали струи двинскія, и будущему своему повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ стезю открыли и преодолѣнныя имъ опасности балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ Нему, къ единому своему упованію, простерши руки, восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю; но прежде укроти свирѣпыхъ! Ты разстался со своимъ домомъ, со своими кровными, для приращенія моей славы: съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе! Оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи своего величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури. Таковыя противности воспящали герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ его предпріятіяхъ извѣстна: первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножилъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святаго и храбраго князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей

труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ; вѣры ради ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день полтавскія брани, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Нимъ, какъ нѣкогда ерихонскую, нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышащихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ; безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ: въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новый видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятелями корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались повреждения, младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами своея родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокупляясь, его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты, знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости, не предлагаются, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ его присутствіе и его предводительствомъ бывшихъ; но представляю его великодушіе великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ уча-

стіе храбрость воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана. Скажите, шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери, въ безмятежное и благословенное ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было совершенства; однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу и конечной пагубы непресѣку казнію: уже, вижу напередъ, площади наполнены труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пеплѣ. Всѣ

сіи пагубы, слезы, кровь, на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечно правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь кому потребуется. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присудствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его воспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ, и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ

небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ: такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народомножествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда: предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія; и вмѣсто тріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ землѣ пристать страшился Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пуническской войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги, названъ онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь Всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческой престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила!

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился! мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украше-

ны; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши! *Ломоносовъ.*

---

25. Изъ историческаго похвальнаго слова Екатеринѣ II.

а) Приступъ.

Дерзаю говорить о Екатеринѣ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя — и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была Она божествомъ невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Зерцало вѣковъ, исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть исторія народовъ.

Не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ маратонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ, сіяли Петръ и Екатерина! Они были наши—и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ своею печатію! Они другъ другу, на величественномъ ѳеатрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку! Такъ, Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ Ея рукѣ снова разцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священая тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума и характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастія народа россійскаго! Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовать Екатерина; чтобы предуготовить славу крот-

гвительны къ дѣламъ Монархини; стощенная благодарность наша подобляласьнеблагодарности! Ваше сердце разумѣетъ меня, я не юрицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виноватъ-ли смертный, если Небо, открывая для монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу нашей любви, признательности, самому удивленію; если, даруя своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ тѣсномъ кругу человѣчества?

Сія геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ проницаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе на самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ, и потому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ самое пламенное желаніе осчастливить народъ можетъ родить бѣдствія, если оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія. Я напомню вамъ монарха, ревностнаго, къ общему благу дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалъ страстію человѣколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, но который ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестію, что онъ государство свое не приблизилъ къ цѣли политическаго совершенства, а удалилъ отъ нея: ибо преемнику, для возстановленія порядка, надлежало всѣ новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Іосифа — сего несчастнаго государя, достойнаго, по его благимъ намѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служитъ тѣнію, отъ которой мудрость Екатерины тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она во всемъ счастлива; онъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, отступалъ назадъ: Она безпрерывными шагами текла къ своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во-время, и потому для вѣчности, и потому никогда дѣлъ своихъ не передѣлывала — и потому народъ россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непремѣнныхъ подобно законамъ міра. Европа удивлялась счастію Екатерины: Европа справедлива, ибо мудрость есть рѣдкое счастіе. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшитъ судьбу государствъ, а не разумная или безразсудная система правленія, тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ монархини, которыя всѣ войны были завоеваніями и всѣ уставы счастіемъ имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ-бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души своей: такъ искус-

ный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ московскихъ, и скоро послѣ безумный, яростный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники Екатерины, сильные цари радовались нашему бѣдствію и грозили Ей новою войною.... тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ вождю своего отдаленнаго воинства: иди далѣе и побѣждай! Она какъ солнце взираетъ съ трона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣтствуетъ на угрозы дворовъ: Я отражу нападеніе! И мы удивляемся Риму, который, видя у вратъ своихъ непріятеля, повелѣваетъ консулу идти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ!.... Я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархиня въ увеселительномъ Дворѣ своемъ спокойно исчисляла выстрѣлы кораблей шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества: Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ; но Екатерина непоколебимая даровала оный Густаву, а Питтъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смириться.—Сія-то рѣшительная твердость принудила всѣ кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависѣть отъ нашей Монархини, и всѣ трактаты Ея съ державами были славны для Россіи.

Но великая въ герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность своего пола, которая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ виновныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и государи милосердія! О божественная кротость сердца! украшая человѣчество во всякомъ состояніи, ты торжествуешь на престолѣ! Каждое движеніе твое есть тамъ спасеніе людей—и зрѣлище виновнаго, тобою сохраненнаго и помилованіемъ исправленнаго, есть прелестный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ, человѣческое правосудіе не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; не преступала ея, и царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было-ли что-нибудь оскорбительное для человѣческой гордости, что-нибудь тягостное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось-ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и, повинуясь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души своей украшала власть державную. Благоговѣя предъ обладательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали Екатерину, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнитель-

ой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ и приготовить натуру къ теплому вѣянію зефировъ.

Чудесный промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто-бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ княжескихъ дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ ангальтъ-цербсткаго Дома—кто-бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа россійскаго? Какой Улиссъ могъ-бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ-бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельною супругою какого-нибудь счастливаго нѣмецкаго князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе монархи умѣютъ на тронѣ наслаждаться), Она съ ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейственной жизни. Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать...» Провидѣніе! Такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками.

Екатерина была извѣстна въ Германіи своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ россійскій. Вы, которые имѣли счастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искуство плѣнять душу людей единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ ея проницательный взоръ открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности царей и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ патріотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха. Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать его полубога Рос-

сіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные авторы и философы, подобно благодѣтельнымъ геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ искала Она правилъ мудрой политики, и часто, облокотясь священною рукою на безсмертныя страницы Духа законовъ, раскрывала въ умѣ своемъ идеи о народномъ счастіи, предчувствуя, что Она сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!.... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собой юнаго Алкида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпріять геройскіе подвиги.... Ахъ! подвигъ мудраго царя есть самый труднѣйшій въ мірѣ.

И Екатерина на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи; удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе.... Красота въ образѣ воинственной Паллады!.... вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!.... предъ Нею священный ужасъ и геній Россіи!.... Опираясь на мужество, богиня шествуетъ—и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!....

Съ Екатериною возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами матери отечества. Сей обѣтъ произнесла Монархиня въ глубинѣ души своей, и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для исполненія.

б) Качества Екатерины.

Екатерина, возведенная самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели, но почувствовала вдохновеніе геройскаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должности раждало въ Ней стремленіе и силу исполнить ее, и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ театромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для Екатерины истиннымъ отечествомъ, нѣжно любимымъ; ибо отечество для душъ великихъ есть та страна, гдѣ онѣ могутъ дѣйствовать; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ могутъ онѣ творить счастливыми. Чѣмъ болѣе Монархиня трудилась для Россіи, чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою, тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ своихъ благодѣяній: и каждое благодѣяніе было для насъ залогомъ новаго. Я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое могло наконецъ удивить насъ въ дѣлахъ Екатерины? Не все-ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естественнымъ, даже необходимымъ? Пріученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ-бы нечув-

та же мудрость, въ самое нужное время, пріобрѣла въ Швеціи друга, отдавшаго намъ родное свое море съ неодолимыми крѣпостями, озерами лѣсистой Финляндіи; полудикая Персія оставляетъ въ покоѣ усыновленныхъ нами чадъ Грузіи, и великая рать противъ единаго общаго врага собравшаяся, никогда имъ неодоленная, спокойно и величественно отступаетъ... О слѣпота! о неистовство во алчности и гордости! Влекутся безчисленныя орды Наполеоновы въ пространныя области россійскія, уже безъ хлѣба, запасовъ, безъ сраженія, сами собою побѣжденныя. Почто не возсталъ ты отъ гроба дерзновенный герой свейскій, чтобы вразумить своего послѣдователя! почто безмолвны вы были, Лѣсное и Полтава, дабы заранѣе предвозвѣстить гибель новому Карлу! Богъ, опредѣлившій его конецъ, запечаталъ уста ваши, отъялъ умъ гордаго, да погрузитъ его въ посрамленіе. Отступаютъ Россіяне и стѣсняются ближе и ближе, какъ облака, лѣтнимъ жаромъ стѣсненныя, сливаются въ одну громовую тучу. Не видите ли, п. с., не видите ли перста небесной мудрости, явно во всемъ дѣйствующей? Храбрость россійская конечно могла бы долго останавливать неистовство врага на границахъ; но продолжительная война сія, не отдѣлявшая его отъ своихъ земель и богатая способами къ продовольствію, надолго бы сохранила его силы; пріобрѣтенъ бы былъ миръ, но не наказанъ тиранъ; не свергнуто бы было иго Европы, но паче на ней отяготѣло, и не совершился бъ судъ Божій. Должно было вовлещи кровожаднаго тигра въ мѣсто ловитвы его; должно было отсѣчь всѣ главы у дракона многозѣвнаго; должно было драгоцѣннѣйшимъ пожертвовать пользѣ всего человѣчества: ибо инаго спасенія для него не обрѣталось. Отступающій Россъ былъ грозенъ, ужасенъ и гибеленъ врагамъ, какъ утекающая буря, знаменующая слѣды свои опустошеніемъ. Наполеонъ токмо притворно предъ обольщенными Французами гордился занятіемъ областей и градовъ; но въ сердцѣ своемъ трепеталъ и мучился неожидаемою для него войною. Уже родственныя арміи соединились; мстительные когти орла начали сжиматься для растерзанія добычи надъ дымящимися утесами Смоленска, надъ сими холмами, учинившимися первымъ жертвенникомъ всесожженія отечеству и отцу его. Отъ Нѣмана до Смоленска, отъ Смоленска до гремящихъ холмовъ Бородинскихъ — единая рука, единый умъ постоянный, непостижимый для самаго прозорливаго непріятеля дѣйствовалъ! Тогда разразилась туча и грянула, гибель его могла быть неизбѣжна; но она была бы тогда не рѣшительна для цѣлой Европы. Не здѣсь опредѣлено мѣсто торжеству любви отечественной. Я, кажется, вижу ее, кажется, слышу божественный гласъ ея: не здѣсь, не здѣсь совершится мое мщеніе; сими потоками крови не потушенъ еще всеобщій пожаръ раздоровъ, не отмщена еще моя честь, не обезпечено мое спокойствіе. Тамъ, возлюбленные Россы, гдѣ воспиталась и возрасла я, гдѣ почіютъ тѣни моихъ избранныхъ, тѣни Великихъ Князей, Царей моихъ, гдѣ Вѣра основала свою обитель, гдѣ моя вѣчная капитолія, гдѣ прославились мои Пожарскіе и Минины:

тамъ послѣднее мщеніе тирану! тамъ моя слава! тамъ, какъ фениксъ изъ священнаго пепла, снова возрожусь я къ безсмертію. Такъ судьбѣ угодно! Рекла и дрожащимъ перстомъ указала на златыя главы Москвы бѣлокаменной. Свитокъ тайны чертежа великаго развился совершенно на поляхъ тарутинскихъ. Изъ облака, облегшаго священную Ниневію, непроницаемаго для взора враговъ обезумѣвшихъ, грянулъ архистратигъ, стражъ новаго капуанскаго Ганнибала, и содрогнулся онъ въ плѣну своемъ. Гладный, безсильный, изможденный, посрамленный, уже слышитъ онъ мечъ окрестъ ребръ своихъ, уже обоняетъ онъ хладное дыханіе невидимыя смерти, къ нему прикасающейся, бѣжитъ и обращаетъ слезящіе отъ злобы взоры свои на сіи стѣны, на сіи кучи камней, во слѣдъ его вопіющія. Не бѣгутъ ли они? не гонятъ ли они его? Не разятъ ли сего святотатца и зажигателя?... Такъ ему кажется.... Нѣтъ! онъ тогда уже видѣлъ гораздо болѣе.... онъ видѣлъ п. с., изъ священнаго пепла, на гласъ Александровъ, воздымающуюся Москву, въ лѣпотѣ жены божественной, гнѣвную, окруженную бурями, хладомъ и зимою лютою.... Онъ видѣлъ, какъ она, подъятая божествомъ мщенія, не обративъ и взгляда на бѣглеца ничтожнаго, изрекла во услышаніе міра: воскресни Европа униженная! и грозную руку свою положила на темя Парижа! И подъ сею рукою пролилась огненная, гибельная для Наполеона лава, воспламенившая утесы Малоярославца, волшебные лѣса Краснаго, храбрыя души Боруссовъ, поля люценскія; растопившая стѣны Дрездена, граниты кульмскіе и несогласія Австріи; разлившаяся наконецъ во всей своей силѣ на поляхъ лейпцигскихъ, гдѣ сожжены во тлѣнъ оковы Германіи, рабство и крамолы, возращено древо всемірной свободы, и прозябли паки лиліи Франціи. Тако совершился великій, единый планъ, предначертанный горнимъ духомъ, вѣщавшимъ пророчески: дотолѣ не положу оружія, доколѣ не истреблю врага всемірнаго. Краткость времени, вмѣстившая сіи вѣковыя происшествія, дивный ходъ ихъ, осторожность и искуство обращенія съ разнородными, развращенными уже племенами, отъ заблужденія столь чудесно къ благоразумію, къ чести своей возвращенными, наконецъ не столько дивныя побѣды, сколько быстрое соединеніе цѣлой Европы на защиту общаго дѣла, единымъ умомъ произведенное, есть безъ сомнѣнія чудо мудрости, которому едва ли будетъ вѣрить наше позднѣйшее потомство.

Великъ безъ сомнѣнія, п. с., мужъ, творческою мудростію исполненный, который начертываетъ во благо и назиданіе человѣчества обширные и промыслительные планы, но гораздо болѣе конечно тотъ, который умѣетъ совершить предположенное съ вожделеннымъ успѣхомъ. Рѣдко, весьма рѣдко сіи два свойства безцѣнныя вмѣщаются въ единомъ человѣкѣ. Кажется, они исключительно принадлежатъ Богу предвѣчному, который помыслилъ, и создашеся Его помышленіе. Смертный во всѣхъ дѣлахъ своихъ окруженъ врагами непримиримыми, и вопервыхъ своими слабостями и страстями, то удерживающими, то извращающими истинные пути его; люди, завистію или собственными

ною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которыя изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Екатерину! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная своими полководцами и министрами, окруженная славою дѣлъ своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось-ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ счастіемъ видѣть и слышать Ее, когда Она отъ величія снисходила къ любезности и, какъ-бы преставая быть Монархинею, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для насъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе входить не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякій для себя могъ заниматься удовольствіями общества, — вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, которые вамъ казались минутами и въ которые ласковыя слова Ея, простое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присутствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заставляли васъ позабывать Самодержицу и восхищаться одною неизъяснимою прелестію ума Екатерины.

Сія трогательная любезная мысль уступаетъ мѣсто еще любезнѣйшей: мать отечества была и самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можетъ представить себѣ Монархиню, которая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія отрасли Императорскаго Дома, и которая, прерывая нить великихъ политическихъ мыслей, оставляя на минуту заботы правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семейственныхъ радостяхъ и, такъ сказать, дополняетъ ими счастіе добродѣтельной Монархини? Если обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизъяснимое счастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ удовольствіе нѣжной праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ нею; когда Она видѣла предъ собою и совершенство ангельской красоты и нравственное совершенство, и надежду любви своей и надежду Россіи. *Карамзинъ.*

(*Сочиненія Карамзина*).

---

26. Изъ Похвальнаго Слова Императору Александру 1.

Изображеніе вѣнценосныхъ добродѣтелей Александра 1.

Позвольте, п. с., представить сіи высокія вѣнценосныя добродѣтели, сіе свыше данное оружіе, имъ же Царь славы сломилъ рогъ врага гордаго, и сокрушилъ врата мѣдныя, въ нѣкоторыхъ событіяхъ, извѣстныхъ цѣлому міру.

Прежде всѣхъ являешься ты, всемогущее изліяніе неба, животворящее свойство Божества неисповѣдимаго, сила и величіе престоловъ; ты камень незыблемый, на немъ же утверждается знамя міра и знамя брани; ты божественная мудрость, даруемая единственно царямъ благочестивымъ, избраннымъ отъ Бога. Небеса идутъ и прейдутъ: слово твое и дѣйствія не мимоидутъ. Возсѣдящая превыше сей, бѣдствующей юдоли испытанія, надъ симъ моремъ непостоянства, безпрерывно бурями страстей возмущаемымъ, неподвижная, какъ вѣч-

ность посредѣ вѣковъ другъ друга смѣняющихъ, неистощаемая, какъ природа, и въ тлѣніи своемъ обогощающаяся, ты единымъ взоромъ спокойнымъ и важнымъ соединяешь начало и конецъ, бытія и причины; и смертные сами не понимаютъ, какъ повинуются таинственному, путеводящему мановенію Твоего перста. Ты, оставивъ небо, въ смутныя времена сіи для Россіи, низошла и обрѣла чертогъ свой въ сердцѣ Александра. Богъ невидимый открывается въ видимыхъ явленіяхъ природы или въ послѣдствіяхъ и концѣ происшествія, которое сначала кажется простослучаемъ, или сцѣпленіемъ обстоятельствъ; тако чертежъ сея войны безпримѣрныя, составленный съ величайшимъ искуствомъ, и до конца сохраненный, прежде, можетъ быть, являлся для многихъ непостижимымъ, но послѣ оправдалъ себя совершенно блистательными успѣхами, которые предусматривала единая прозорливость Великаго Отца Отечества.

Въ чемъ состоитъ совершенство чертежа? Въ важности цѣли высокой и благотворной, въ единствѣ и выборѣ способовъ надежнѣйшихъ и легчайшихъ. Для сего потребно предварительно строжайшее обозрѣніе обстоятельствъ, мѣстъ и времени, точное и ясное знаніе силъ непріятеля и силъ своихъ собственныхъ. Успѣхъ предпріятія зависитъ сверхъ того отъ характеровъ лицъ дѣйствующихъ, отъ образа ихъ мыслей, намѣреній, отъ образа дѣйствія. Переговоры Тильзита и Эрфурта могли обольщать надеждами Европу, работой египетской новаго Фараона уже изнуренную; но таинственный въ поведеніи своемъ Александръ взиралъ на нихъ иначе; это видно изъ того, что Онъ съ сего самаго времени занимался уже единственно пріуготовленіемъ и устроеніемъ своего воинства, и среди міра дѣйствовалъ уже какъ среди брани. Арміи россійскія двигнуты къ границамъ и расположены по необъятному ихъ пространству на западѣ, не съ видами непріязненными, не для занятія градовъ чуждыхъ, не для распространенія предѣловъ: нѣтъ! единственно для подкрѣпленія договоровъ, еще продолжающихся, токмо для наблюденія за воинствомъ коварнаго врага, которое безпрестанно возрастало и двигалось, какъ нѣкій огромный змій, въ оборотахъ сомнительныхъ. И такъ планъ войны оборонительной, предпринятый Россіею, былъ планъ высокой мудрости и совершенно соотвѣтствовалъ характеру Великаго, котораго нѣжное сердце до послѣдней необходимости мечтало о мирѣ, и изрекло наконецъ въ крушеніи своемъ: на нападающаго Богъ! Ожесточился надмевающійся безумецъ, и вторгнулся въ Россію. Мыслилъ онъ, что силы наши, съ одной стороны по обширности границъ растянутыя, съ другой бранію противу Турціи и Персіи раздѣленныя, изнемогутъ и падутъ предъ лицемъ его. Ты праведное небо, ты вселенная, были негодующими свидѣтелями его презорства и наглости, нашей справедливости и кротости... Но чтожъ содѣлала предусмотрительная мудрость царя россійскаго? Агаряне, коварствомъ тирана воспламененные, судьбою брани наказанные, просятъ мира на брегахъ Дуная, даровавшаго нѣкогда славное имя Задунайскимъ и безсмертія Репнинымъ, Суворовымъ и Смоленскимъ;

ами увлеченныя, земля, море, тихіи съ нимъ воюютъ, все ему воборствуетъ; и для того часто жденъ онъ бываетъ отъ возпной меты своей отдѣляться иною неба и болѣе нежели поою своей жизни, безпрерывтрудами изнуренной, и тольдеждою будущаго исполненія ной. Увы! сколь много и таъ, которые, не достигнувъ своли, пресѣкали свое путешенеожиданною смертію! Какія ойства духа укрѣпляютъ раго на океанѣ сей жизни тренной и превратной? Мужеся твердость духа и трудолютерпѣніе, они суть исполниблагихъ намѣреній мудрости; ихъ мертво благочестіе, шатки вѣры, безплодно благоразуравота ненадежна, храбрость етчива и гибельна; въ ихъ ъ вѣнецъ побѣды, во времени ности, между человѣками и Богомъ, на земли и на небеони суть преимущественно тельныя отличія Великаго аря Императора. Предстабы я здѣсь каждый день, кажасъ славнаго Его царствовать счастливѣйшаго для насъ енія, въ которое украсилъ онъ престолъ всероссійскій до ѣчнопамятнаго времени, даказать вамъ, что всѣ дѣла еннія и внѣшнія, всѣ учреж, указы Его Императорскаго ества, по всѣмъ частямъ пра ознаменованы печатію едиума, твердо правиламъ, еди избраннымъ повинующагосвѣ препоны терпѣливо и муенно побѣждающаго; описалъ вамъ примѣрную, снисходиую даже вѣрность Его къ выъ союзникамъ, толико кратъ не возмогшимъ исполнить обѣтовъ, предъ священнымъ алтаремъ правоты изреченныхъ; описалъ бы вамъ всѣ козни, коварства, притязанія врага лютаго, явно дружественнаго, тайно враждующаго, желающаго вызвать Его на брань со всею Европою; но тѣсны предѣлы слова моего для вмѣщенія безчисленныхъ дѣйствій, твердаго, мужественнаго, терпѣливаго его духа! Возвращаюсь къ одной настоящей брани. Въ грозные часы опасности всеобщей сталъ онъ посредѣ возлюбленнаго, вѣрнаго града своего, или паче сокрылся въ сердцѣ своего отечества, готовый на всѣ труды и пожертвованія. Уже всѣ державы Европы, измѣнивъ святой правдѣ, въ безмолвіи, ожидаютъ минуты, въ которую должна погибнуть Россія: Онъ токмо сожалѣетъ объ ихъ заблужденіи и пребываетъ вѣренъ Самому Себѣ; всѣ окружающіе его въ смущеніи, печали, нерѣшимости: онъ проповѣдуетъ имъ о славѣ отечества. Уже разлившееся море геенны поглощаетъ обильныя области его владычества: поселяне и граждане бѣгутъ, грады, веси пылаютъ, житницы и нивы, потовой трудъ года, разорены и потоптаны конями чуждыми; вопли несчастныхъ доходятъ до слуха его: онъ скрываетъ болѣзнь въ своемъ сердцѣ, и ободряетъ сѣтующихъ. Уже враги въ Смоленскѣ; величественный, не мысля о продерзкихъ, подъемлетъ руку даже до неба, и простираетъ ее въ знакъ мира, чрезъ всю униженную Европу, на брега древней Атлантиды, къ народамъ твердымъ и мужественнымъ, все принесшимъ на алтарь своего отечества, симъ первымъ карателямъ алчности супостатовъ. Наполеонъ, приближа-

ясь къ древней столицѣ, уже мечтаетъ завоевать вмѣстѣ съ нею цѣлую Россію. Государь россійскій въ Великихъ Лукахъ спокойно заключаетъ трактатъ съ Фердинандомъ VII, заточеннымъ въ парижскихъ темницахъ, и означаетъ время, въ которое изведетъ онъ его изъ мрака неволи.... О чудо промысла, мужества и терпѣнія! Ты наконецъ будь вѣчнымъ проповѣдателемъ сихъ великихъ доблестей Государевыхъ, ты, великая жертва отечества, Москва знаменитая!... Ты, священнымъ пламенемъ любви къ нему истлѣвшая, и нынѣ паки, подобно безсмертному фениксу, изъ пепла своего въ новой лѣпотѣ возникающая! Ты оправданіе и крѣпость наша, Москва благословенная! Присно-памятно будетъ время сіе для сыновъ россійскихъ, не горесть, но сладостное благоговѣйное умиленіе возбуждающее! Уже непостижимый Богъ въ пожарахъ Бородинскихъ изрекъ жребій священной столицы. Храбрые сыны россійскіе, порывавшіеся лечь костьми подъ ея развалинами, но укрѣпленные гласомъ опыта, покорные необходимости, въ мрачномъ безмолвіи, въ оцѣпенѣломъ недоумѣніи протекаютъ по любезнымъ стогнамъ; исходятъ изъ вратъ ея, и въ послѣдній разъ обращаютъ взоръ свой на любезное вмѣстилище младенческихъ своихъ колыбелей, на обитель своего воспитанія, своихъ удовольствій, на мѣсто гробовъ родительскихъ. Уже гладныя, дрожащія, неистовыя стаи Гарпій вторгаются по слѣдамъ ихъ во градъ опустѣлый. Тогда-то, въ сію минуту испытанія, является въ лучезарномъ блескѣ все величіе души Александровой. Какъ нѣжный родитель, которому грозная судьба положила на выборъ или потерять покой и свободу возлюбленнаго семейства своего, или, за сохраненіе всѣхъ, пожертвовать любезнѣйшимъ для него чадомъ, красотою дома его, веселіемъ сердца его, вѣрнѣйшею опорою его старости; услышавъ строгій приговоръ сей, пронзается горестію: онъ не можетъ рѣшиться, колеблется въ первый разъ, безмолвствуетъ, единыя слезы составляютъ отвѣтъ его: всѣ чада милы, всѣ чада его сердца! Но жертва! Ахъ! Онъ охотно предлагаетъ самого себя за все безцѣнное семейство свое; но судьбы не соизволяютъ; но кровные требуютъ еще его управы, оплота, руководства. Что сотворитъ онъ? Рѣшился! Слезящій и безмолвный, исполненный Бога, онъ отвращаетъ лице, и дрожащимъ перстомъ указуетъ злодѣямъ обреченную, милую жертву. Таковы были чувствованія великаго, нѣжнѣйшаго, благотворительнаго Отца Отечества, по услышаніи вѣсти о преднамѣреваемомъ уступленіи первопрестольнаго града Его. Поколебался Онъ, но не изнемогъ духомъ. Ангелъ мудрости сталъ окрестъ престола Его, укрѣпляяй. Минута дивная, божественная! Одна минута сія, въ которую Онъ лишеніемъ Москвы не отчаялся объ отечествѣ, одна минута сія — говорю, вмѣщаетъ въ себѣ безсмертіе! Приближаются послы иноплеменные съ предложеніемъ мира: «да не падетъ на главу Москвы сіе безчестіе!» изрекъ Онъ, и отвергнулъ его.... Воспылали пожары, разлились хищенія, убійства; Онъ утѣшаетъ слабыхъ, и собираетъ новыя войска для брани, какъ бы вновь начинающейся! Дерзновенный супостатъ, упоенный своимъ счастіемъ, исполненный

гордыни, забываетъ себя, и слабѣетъ. Онъ, равный въ счастіи и несчастіи, надежный на Бога и любовь своего народа, безтрепетно и неутомимо дѣйствуетъ, какъ-бы брань была внѣ отечества. Безпримѣрное мужество, безпримѣрное терпѣніе! Но скажутъ: сія чудесная сверхъ-естественная сила духа подкрѣпляема была твердостію духа народнаго; на ней опершись, Александръ дѣйствовалъ. Несправедливые! но развѣ не могъ Онъ заключить мира въ Москвѣ, болѣзнуя о страждущемъ народѣ? Но кто подкрѣплялъ Его, руководствовалъ имъ за предѣлами отечества? Ослѣпился ли Онъ счастіемъ своего оружія послѣ сраженій при Красномъ и при Березинѣ? по изгнаніи врага, изнемогъ ли Онъ сердцемъ, и отложилъ ли мечъ Свой, не достигнувъ великой цѣли избавленія вселенной? Кто удержалъ Его твердость противъ шатающейся политики австрійской,—противъ краснолъ союзниковъ европейскихъ, которыхъ преодолѣлъ Онъ не воинствами, не искуствомъ полководцевъ, но личнымъ своимъ мужествомъ, терпѣніемъ, умѣренностію! Оскорбилъ бы я славу Государя Императора, еслибы дерзнулъ изрещи, что Онъ имѣлъ въ Наполеонѣ соперника на поприщѣ брани: это было бы хуленіе противъ священнаго и великаго имени. Нѣтъ! онъ былъ не завоеватель, но врачъ, исцѣляющій ужаснымъ недугомъ пораженную Европу... и сіе спасительное, небесное врачеваніе были личныя Его добродѣтели, уснувшихъ пробудившія, буйихъ вразумившія, укрѣпившія слабыхъ, просвѣтившія заблудшихъ, и предходящія мужественнымъ и сильнымъ. Какое величественное зрѣлище представляли вы, безсмертныя поля лейпцигскія, рѣшившія судьбу вселенной, поля суда, казни и мира прочнаго! поля свободы и славы, поля царственныя, поля Іосафатовы! Перенеситесь, перенеситесь со мною, п. с., на крылахъ мыслей вашихъ въ сіи грозныя долины, въ сіи рѣшительныя минуты! Или паче, представьте имѣющійся нѣкогда пріити судъ Божій, склубившіяся въ дымъ и пламень небеса, горящую огнями внутренними землю, ревущія стихіи, кипящій хаосъ, подъ стопами нисходящаго Судіи неумытнаго, окруженнаго ликами избранныхъ своихъ, одѣяннаго среди мрака свѣтомъ неприступнымъ, немерцающимъ! Вотъ изображеніе страшной битвы и грознаго величія Александрова. Лейпцигскія долины! вы вмѣщали въ себѣ не 500 тысячъ воиновъ, всю Европу, всю вселенную, сдвигнувшуюся, стѣснившуюся въ кругъ единый, на судъ послѣдній, предъ Вождемъ Царей, разрѣшающимъ прю народовъ, низлагающимъ ихъ оковы... Тысячи мѣдныхъ жерлъ громовыхъ, потрясавшихъ цѣлые три дни глубоко, глубоко сердце земное, будутъ гремѣть отзывами свободы въ безпредѣльную вѣчность! Безчисленные легіоны, на васъ подвизавшіеся за святое дѣло — лики Ангеловъ, велѣніемъ Всевышняго, низвергшіе гордаго Денницу. Тріумфы на васъ пріобрѣтенные суть тріумфы Бога и правоты безсмертной. Воззрите, воззрите, с. п., истинные сыны россійскіе: кто сей посреди холма возвышеннаго на быстромъ конѣ, прекрасный, величественный, благодушный; кто сей, изшедый изъ ужасовъ сѣчи убійственной, по манію коего двигался сей міръ

ратующихъ крестоносцевъ, раздѣляющій съ послѣднимъ воиномъ опасности, труды и нужды; кто сей болѣе смертнаго, неустрашимый, въ облежаніяхъ смерти хладный и ненавѣтный, какъ богъ, управляющій доселѣ бурями брани; кто сей, предъ коимъ теперь осклабляющаяся побѣда ведетъ въ оставленный робкимъ супостатомъ градъ десять народовъ, подъ его предводительствомъ увѣнчанныхъ лаврами? Чудесное зрѣлище! Царіе земли дружественные и освобожденные окружаютъ его! Вѣнценосный сонмъ безмолвствуетъ, какъ сонмъ архистратиговъ въ присутствіи Божества своего! Единый отверзъ уста и гласъ его: творите побѣжденнымъ правду и милосердіе!... Восхищенные цари, первые съ непокровенными главами возносятъ гласъ хваленія; безчисленныя воинства принимаютъ его; на трехъ языкахъ гремятъ клики: хвала Великому! Вселенная не вмѣщаетъ воскликновеній! Съ очами, исполненными слезъ умилительныхъ, со взоромъ кроткимъ и величественнымъ, подъемлетъ онъ перстъ свой на небо, и безмолвствуетъ. Кто сей толико освящающій побѣду? Кто сей, не враговъ, но и себя толико препобѣдившій?.. Россія! это Царь твой. Почтенные сыны отечества! это Отецъ вашъ! Возлюбленныя науки! это покровитель вашъ! Вѣра, законы, свобода! это вашъ защитникъ и возстановитель!—Что чувствовали мы въ сію минуту, восхищенные вѣстію толико сладостною? Восторгъ небесный упоялъ сердца наши; но онъ преогорчался нѣсколько какою-то благоговѣйною томностію. Въ пирахъ и торжествахъ бесѣдующіе сыны россійскіе, воспѣвающіе безсмертные подвиги великаго своего Государя, содрогались однако-жъ сердцемъ о томъ, коликимъ онъ подвергаетъ себя опасностямъ. Спасенная, торжествующая, возвеличенная имъ Россія, какъ нѣжная матерь, простирая къ нему длани, взывала на западъ: ты совершаешь великое дѣло въ обезпеченіе моего благоденствія и славы: чувствую, благодарности безконечныя исполненная; но мнѣ всего драгоцѣннѣе собственные дни твои; нуженъ примѣръ неустрашимости и мужества, дабы произвесть неустрашимыхъ и мужественныхъ: признаю сердечно; будь первымъ изъ героевъ, но вспомни меня оставленную. Ты вездѣ торжествуешь, осѣняемый адамантовымъ щитомъ Всевышняго: радуюсь; но радость моя растворяется боязливою, заботливою любовію нѣжнѣйшей матери. Давно ли еще потряслись ужасомъ гранитные утесы кульмскіе, когда роковое ядро сразило предстоявшаго Тебѣ мужа опыта и мудрости, мужа, правотою Твоею на защиту его отечества воззваннаго съ бреговъ американскихъ, и падшаго въ первой битвѣ предъ очами обожаемаго имъ монарха? Страшный ударъ сей, столь близко пролетѣвшій мимо вѣнчанныя главы Твоей, глубоко, глубоко раздался въ моей груди, и обложилъ сердце мое хладомъ трепета. Сколько другихъ случаевъ, гдѣ подвергалъ Ты подъ косу смерти драгоцѣнную жизнь свою ради моего спасенія! Ты часто посредѣ чуждыхъ и коварныхъ, Ты не на лонѣ моемъ матернемъ: храни себя, избавитель мой! Даруй мнѣ болѣе нежели слава, чрезъ Тебя меня возвеличившая, болѣе нежели покой, мнѣ Тобою возвращенный, болѣе нежели санъ, пріобрѣтенный мною

чрезъ Тебя въ совѣтѣ царей Европы, даруй мнѣ самого себя здрава и благоденственна въ несчетные вѣки! Кромѣ сего не имѣю молитвъ ко Всевышнему. — Такъ чувствовала Россія, такъ чувствовали всѣ мы, провождая мужественнаго, твердаго, неустрашимаго героя нашего въ безмѣрномъ Его поприщѣ, слѣдуя каждое мгновеніе за Нимъ нашими мыслями, желаніями, молитвами, восхищенными и умиленными сердцами нашими.

Гармонія, животворное слово, душа и жизнь міра вещественнаго и нравственнаго, есть то всесильное средство Бога, которымъ привелъ Онъ небытіе въ бытіе, и которымъ сохраняетъ его существованіе. Она основывается на точномъ и вѣрномъ соблюденіи взаимныхъ правъ и отношеній каждой вещи, одушевленной и неодушевленной. Въ вещественномъ мірѣ нарицается она—устройство, порядокъ; въ духовномъ—правота. Какъ Всевышній Творецъ міра единымъ словомъ ниспослалъ порядокъ и устройство въ ничтожество и—оживилъ его; тако Александръ, днешній творецъ политическаго міра, облекшись правотою, ангелъ ношашеся верху бездны, надъ хаосомъ треволненной Европы, раздѣлилъ стихіи, свѣтъ борящійся со тьмою, развратъ съ добродѣтелію, вражду съ согласіемъ, безпорядокъ съ гармоніею, и рече: да будетъ міръ—и бысть! Въ самомъ дѣлѣ, почтеннѣйшіе слушатели! Правота есть основа, сила, мѣра и царица, какъ гласили древніе, всѣхъ вѣнценосныхъ добродѣтелей и, ею—то сопровождаемый, изшелъ нашъ Благословенный витязь на поприще, яко лучезарное солнце, изъ вратъ востока своего исходящее въ путь небесный.—Правота Его была всесожигающимъ, укорительнымъ зерцаломъ для коварства, лести и притворства врага злобнаго; правота Его была щитомъ алмазнымъ противъ меча открытой брани; правота Его была послѣднею, единственною надеждою и утѣхою царей, еще дышащихъ благородною свободою, еще не склонившихъ выи своихъ подъ иго рабственное; правота Его утѣшала еще свободу при послѣднемъ ея издыханіи, укрѣпляла права собственности, уже полуокованныя, одушевляла вѣру, законы, науки, уже почти изгнанныя: правота Его, такъ сказать, стояла, какъ послѣдній врачъ у возглавія Европы. Разберите ходъ происшествій прежде бывшихъ. Первые четыре союза противъ врага, безпрестанно возраставшаго, начинаемы были не въ нашемъ кабинетѣ. Токмо по связи и отношеніямъ нашимъ съ державами европейскими, принимали мы въ нихъ участіе и, къ сожалѣнію, не всегда были достойно вознаграждаемы. Кровь лилась отъ одного конца Европы до другаго; коварное перо ратовало, и вожделѣнный конецъ брани, свобода и спокойствіе, удалялись болѣе и болѣе отъ предѣловъ просвѣщеннѣйшей части свѣта. Злоухищренный непріятель столько посѣялъ вражды и междоусобія въ державахъ европейскихъ, что не было ни одного союза, который-бы начавшись кончился успѣшно, или къ общей пользѣ; не было ни одного уже правительства, которое обладало бы довѣренностію союзниковъ. Корысть царствовала и раздѣляла тайнымъ служителямъ своимъ награбленныя сокровища, раздоры умерщвляли въ зачатіи всякую добрую мысль и

доброе чувство; свинцовый покровъ тиранніи подавлялъ послѣдніе остатки благородства, просвѣщенія и чести, распростершись отъ Гибралтара до краевъ Калабріи. Уже гордая нѣкогда Европа не видѣла столпа, на который-бы могла она опереться; не видѣла руки, которая воздвигнула бы ее отъ униженія; не видѣла друга, съ которымъ могла бы сѣтовать о своихъ бѣдствіяхъ откровенно и дружественно. Неблагодарная, обольщенная, несчастная! Но кто укротилъ онаго страшнаго свейскаго льва, риставшаго по полямъ твоимъ? Кто связалъ крыла быстраго, неустрашимаго Фридерика II, парившаго съ побѣдою отъ предѣловъ Рейна до Венгріи? Кто удерживалъ ярость дикихъ сыновъ Магомета, преобладающихъ лучшимъ краемъ просвѣщенной Европы, дерзающихъ, въ невѣжественномъ своемъ ничтожествѣ, стоять на ряду съ образованными народами и дѣйствовать? Кто воспящалъ, и теперь останавливаетъ сіе злочестія море, могущее разлиться на пагубу всего христіанства? Петръ, Елисавета, Екатерина, Александръ! Се твои судіи и примирители чрезъ цѣлое столѣтіе! Не вознестись бы страшному, лютому тирану твоему до сей высоты и силы столь могущественной, если-бы прежде искренно и рѣшительно обратилась ты къ правотѣ Государей Россійскихъ! Богъ восхотѣлъ милосердовать о тебѣ, и ослѣпилъ злодѣя, и обратилъ его на домъ свой, на домъ правды. Александръ побѣдилъ, и призвалъ тебя къ союзу, и невозможное содѣлалось возможнымъ! Недовѣрчивость исчезла; частныя выгоды умолкли; завѣса заблужденія ниспала съ очей: толико сильна правота Е[illegible] и передъ очами развращенных[illegible] уже народовъ! Всѣ, даже ненавидящіе, познали въ Немъ Судію неумытнаго, защитника неизмѣннаго друга искренняго, единаго во спасеніе оставшагося! Передъ очами Александра сотлѣли мрежи злочестиваго коварства; слабые и сильные, малые и великіе къ нему обратились: на его рамена отеческія возложили судьбу свою, на его нѣжное сердце горесть, ихъ убивающую; его мечу справедливому ввѣрили пресѣченіе своего плѣна, и не обманулись въ сладостныхъ своихъ надеждахъ; ибо довольно было единой вѣры въ безкорыстіе Александра, чтобы сокрушить лукъ непобѣдимаго и отдалить землю и преисподнюю. Вѣщаютъ опыты, что гораздо труднѣе сохранить непоколебимо правоту въ счастіи, нежели въ несчастіи; труднѣе съ друзьями, нежели съ непріятелями; труднѣе въ силѣ, нежели въ слабости: ибо какъ счастіе и сила увлекаютъ насъ къ преобладанію и покорству страстямъ, такъ несчастія и собственное чувствованіе слабостей возвращаютъ насъ паки въ самихъ себя, на путь истины; къ друзьямъ мы слѣпы; на враговъ нашихъ всегда обращены зоркія очи; къ первымъ любовь, противу другихъ мщеніе, часто преклоняютъ вѣсы правосудія. Превыше сихъ, столько смертному свойственныхъ, измѣненій душа Александрова! Каковъ являлся онъ до вторженія Наполеона въ Москву, таковъ послѣ изгнанія его до стѣнъ Парижскихъ: вездѣ равенъ себѣ единому, вездѣ превосходенъ! По заключеніи Тильзитскаго мира, не взирая на безпрерывныя нарушенія договоровъ со стороны французскаго прави-

а, не измѣнилъ Онъ ни одтѣ трактата съ своей сто-
будучи въ силахъ и въ пра-
ребить огромные магазины
еля, въ Польшѣ заготовлен-
ı чрезъ то самое остановить
емленіе, тогда, когда уже
кены были его намѣренія
' Россіи, не позволилъ Онъ
его поступка, оправданія
еннаго, дабы сохранить до
ней минуты святость дого-
и не начать первому брани.
самое мирное между первы-
жавами время, когда оба
тора, какъ судіи міра, со-
ісь, по видимому, тѣснѣй-
узами дружбы и согласія,
ю дышущее сердце Его не
ютерпѣть подлаго убійства,
вшаго Наполеона въ вен-
ихъ темницахъ. Онъ первый
адыкъ Европы возгремѣлъ
ышаніе противъ ужаснаго
ства; Онъ первый возсталъ
ога ольденбургскаго, за вы-
рманіи, Пруссіи, и за всѣхъ
іенныхъ. Вѣнценосная пра-
Неподвижный камень, на
утверждается наше благо-
, сила и твердыня наша!
по изгнаніи врага лютаго
едѣловъ возлюбленныя сво-
сіи, не обольщаешься бли-
ными, чудесными успѣхами,
ними тебѣ могущество об-
ішее, нежели какимъ На-
ь обладалъ. Нѣтъ! Ты пер-
іоняешься на миръ еще до
къ битвъ Люцена и Бауце-
колѣ въ заревахъ брани и
вознесся на небо духъ сѣ-
ıго героя Твоего. Удивились
ожиданнымъ чувствованіямъ
и земные, удивились и, поз-
ликія Твои намѣренія, ко бла-
собственному обращенныя,
соединили свои знамена съ Твоими.
Ты уже всесиленъ, но хочешь
быть справедливымъ. На берегахъ
Рейна, въ Шатильонѣ, наконецъ
подлѣ самыхъ высотъ Монмартра,
ты еще простираешь руку къ ко-
варному тирану. Какое первое
Твое дѣйствіе по вшествіи во градъ
завоеванный? «Я не вступаюсь въ
дѣло Франціи, изрекъ Ты, я не
съ нею воюю; но съ тѣмъ, ко-
торой былъ врагомъ для нея и
для всѣхъ!» Какая основа глав-
ныхъ Твоихъ требованій, какая
награда за безпримѣрные Твои по-
двиги, за избавленіе Твое вселенной!
Одна: да получитъ каждый народъ
свое собственное. Какое мщеніе вра-
гамъ Твоимъ и Твоей Россіи? Отече-
ское охраненіе! Городъ чуждый пріе-
млешь Ты подъ свое покровитель-
ство, какъ свой собственный. Спра-
ведливость Государя заставила еще
подъ Краснымъ восклицать храбрѣй-
шихъ военачальниковъ непріятель-
скихъ: «Нѣтъ болѣе чести какъ слу-
жить подъ знаменами Императора
Всероссійскаго!» Сія правота въ же-
сточайшую бурю лейпцигской битвы
побудила цѣлые легіоны баварскіе,
польскіе и саксонскіе стать въ
ряды союзниковъ и ратовать про-
тиву того, за котораго ратовали
минутою прежде! Огни измѣняютъ
свое направленіе, и рабское оружіе
варвара, по гласу Праведнаго, чу-
деснымъ нѣкіимъ образомъ вонзает-
ся въ собственныя его ребра. Пре-
клони съ высотъ небесныхъ пресвѣт-
лыя очи Твои, Великій Петръ, образо-
ватель и устроитель Россіи! Преклони
и воззри на великаго правнука
своего, великія намѣренія твои со-
вершившаго, святыя мечтанія твои
превысившаго! Какъ нѣкогда Ты
принималъ побѣжденныхъ полко-
водцевъ шведскихъ къ торжествен-

нымъ своимъ пиршествамъ, и, возвративъ имъ почести, признавалъ ихъ храбрость, благоразуміе и мужество; такъ нынѣ Мудрый Александръ твой въ побѣжденномъ градѣ бесѣдуетъ милостиво съ полководцами страшнѣйшаго врага своего, и отдаетъ имъ должную справедливость; какъ судія и благотворитель выслушиваетъ и разрѣшаетъ просьбы; какъ частный гражданинъ, обозрѣваетъ знаменитыя святилища наукъ и искуствъ, утѣшаетъ несчастныхъ, укрѣпляетъ ослабѣвшую надежду на потерянное счастіе, щадитъ терзаемый угрызеніями совѣсти развратъ и порокъ, и наконецъ даруетъ Франціи то, что всего болѣе, законнаго короля ея. Но почто приводить еще доказательства правоты Государя Императора? Вся Европа побѣждена ею въ спасеніе; Россія благоденствуетъ ею. Ни богатый великими именами Римъ, ни Греція, толико знаменитая блистательными качествами духа и сердца, ни древній, ни новый міръ не представляютъ столь многихъ высокихъ добродѣтелей, соединенныхъ и управляемыхъ божественною правотою и умѣренностію.

Мерзляковъ.

---

28. О Гете. Въ торжественномъ собраніи Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ читано Президентомъ Академіи, 22-го марта 1833 года.

Истекшій годъ ознаменованъ многими горестными утратами для наукъ и Академіи. Изъ числа иностранныхъ сочленовъ лишились мы Кювье, Гете, Сестини, Ремюза, Шамполліона, Цаха, Шапталя, Лодера. Смерть, сугубыми ударами поразивъ избранныхъ, истинно европейскихъ ученыхъ, по видимому уровняла въ бѣдствіяхъ міръ умственный съ міромъ гражданскимъ; ея уровень прошелъ по возвышенностямъ ума, между тѣмъ какъ другая власть, столько-же роковая и могущественная, собирала десятину свою съ возвышенностей гражданственныхъ. Не смотря на это, за успѣхи всемірнаго просвѣщенія страшиться не должно: законъ совершенствованія есть всегдашнее, необходимое условіе жизни...

Простите, мм. гг., что я, при самомъ началѣ слова моего, удалился отъ рѣчи, обычной сему роду сочиненій. Согласитесь, что въ нашъ вѣкъ не льзя не искать пріюта въ сферѣ общихъ идей, началъ единства, когда внѣшній порядокъ, связывающій событія, явно нарушается въ ихъ странной нестройности.

Одному изъ знаменитыхъ мужей, похищенныхъ смертью изъ среды наукъ и Академіи, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ академика, принести нынѣ послѣднюю дань признательности и уваженія я разумѣю Гете. Пусть другіе члены сего сословія представятъ сильное вліяніе Кювье на науки естественныя; изслѣдуютъ обширную ученость Шамполліона, Ремюза, Сестини: себѣ предоставляю я бесѣдовать съ вами, мм. гг., о Гете. коего изученіе составляло мои любимыя и при всемъ томъ чуждыя предразсудковъ занятія; котораго позналъ я изъ долговременныхъ и частныхъ сношеній; о томъ, котораго разбирать можно, какъ разбираютъ древнихъ, требующихъ одной истины, спокойствіемъ и безмолвіемъ, своимъ внушающихъ благоговѣніе, безъ ненависти и пристрастія.

Не ожидайте отъ меня, мм. гг., подробностей касательно сего, по-

стинѣ великаго, мужа; время рожденія его и кончины, главнѣйшія происшествія въ жизни спокойной и вмѣстѣ многообъемлющей извѣстны всѣмъ; нѣтъ никого изъ присутствующихъ здѣсь, кто-бы не вкушалъ сладости блистательныхъ и творческихъ созданій, отражающихъ разнообразный и, смѣю сказать, причудливый геній Гете, то проникающій во глубину сердца, то очаровывающій своенравною игрою воображенія, то убѣдительный прозорливостью философической.

Со вниманіемъ читалъ я большую часть жизнеописаній Гете: вообще сужденія о немъ нахожу я недостаточными и невѣрными. Многіе страстные почитатели возвеличиваютъ его и возносятъ до идеальной высоты, гдѣ физіономія писателя уже исчезаетъ отъ взоровъ критика; иные, напротивъ, умаляютъ его и ставятъ въ такія тѣсныя рамы, въ какихъ едва можно поместить и рядоваго грамотѣя. Одни сравниваютъ его съ Шекспиромъ, другіе съ Вольтеромъ: помнится, даже находили сходство Гете съ Магометомъ или Наполеономъ. Вы сами, мм. гг., можете изъ сего заключить о степени справедливости подобныхъ изображеній, обличающихъ недостатокъ наблюдательности.

Дабы основательно судить о вліяніи Гете на страну его и вѣкъ, должно мысленно перенестись въ то время, когда явился онъ на поприщѣ словесности. Франція, гибнувшая въ неистовыхъ сатурналіяхъ 18 вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порываемая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію зарейнскимъ образцамъ, подвергалась двоякой невыгодѣ враждебныхъ крайностей. Школа Бодмера, называемая въ Германіи швейцарскою, силилась воскресить подъ кровомъ патріархальнымъ древнюю эпопею. Школа лейпцигская требовала народной драмы, и между тѣмъ ковала прозу, которой нескончаемыя причастія утомляли самый грубый слухъ и самый снисходительный вкусъ. Отличнѣйшіе умы, особенно Галлеръ и Клопштокъ, повѣдая мысли возвышенныя, настроивали лиру на ладъ невѣрный и нетвердый въ основаніи; тогда хотѣлось создать піитику съ тѣмъ-же предубѣжденіемъ, съ какимъ искали народности въ баснословныхъ Тацитовыхъ преданіяхъ о Германцахъ. Лессингъ первый прокладывалъ надежный путь; но его критическій талантъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды сего литературнаго безначалія возвысился талантъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу — и увлекъ послѣдователей своихъ къ подражанію Французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противоположныя стихіи; въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность даже не приправлялась вкусомъ, а природныя свойства отечественнаго генія приносились въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.

Замѣтимъ, мм. гг., что въ то время дѣятельность духа устремлена была на совершенствованіе стороны умственной; тогда пыпѣшнія думы еще не волновали страстей общественныхъ. Перевороты, вскорѣ разразившіеся, конечно зарож-

дались въ безмолвіи; но, какъ чада времени, обстоятельствъ и идей, а не произведеніе человѣка или междоусобій, они созрѣвали вдали, подобно непримѣтнымъ на облакахъ пятнамъ, зародышамъ бури. Тогда книга почиталась важнымъ событіемъ, новая мысль явленіемъ, философская система эпохой, въ произведеніи искуства выражалась школа; тогда законъ драматическихъ единствъ опровергался или былъ утверждаемъ, какъ законъ государственный; Глюкъ казался нововводителемъ; на Шекспира смотрѣли, какъ на варвара, угрожавшаго ниспроверженіемъ общественнаго порядка; энциклопедистовъ принимали за новыхъ вѣроучителей. Германія представляла единственное зрѣлище быстраго и непрерывнаго развитія мысли, замѣнявшаго всѣ прочіе признаки жизни—мышленія зрѣлаго, углублявшагося во внутреннее самосозерцаніе: тамъ отъ Рейна до Спрее, иногда одинъ силлогизмъ изъ метафизики тревожилъ умы; неожиданный какой-либо выводъ, новая категорія раздѣляли общество, и даже состоянія народныя различались не по важности ихъ гражданственной, но по степени образованія, до какой онѣ достигали, и по дѣйствію ума, какое производили на остальную часть народа.

Въ это время явился Гете. Одаренный всѣми необыкновенными силами духа, соединявшій качества противоположныя, окриляемый вѣкомъ и самымъ обществомъ, онъ рано прозрѣвалъ мѣсто, какое призванъ былъ занимать. Долго, казалось, колебался онъ въ выборѣ пути, который-бы привелъ его къ сему мѣсту; однако недоумѣніе не только не отдалило его отъ меты, но еще послужило къ раскр всѣхъ сокровищъ дивнаго его подъ вліяніемъ частію обс тельствъ времени, частію личі его характера. Предъ соот ственниками пламенными и до душными, съ чистосердечною у ренностію ожидавшими законс теля языка и вкуса, предсталъ те, безъ предубѣжденій литера ныхъ, безъ вѣрованія въ филос скія ученія, неустановившійся идеяхъ своихъ, безъ восторі народности. Такими противопол ностями, которыхъ впрочемъ никогда не таилъ, распростра лось его владычество, возрасло объятное умственное могущест и скипетръ литературный остав ся въ его рукахъ до послѣдн дней жизни. Гете никогда не уг далъ требованіямъ общаго м нія; чародѣйственною властію ланта своего онъ увлекалъ нар ное мнѣніе за собою, и послѣ талкивалъ его отъ себя въ прот ную сторону. Иногда утомлен продолжительнымъ влеченіемъ, кало оно отдыха; хотѣло оста виться на данныхъ самого Ге прихотливый геній немедленно треблялъ свое произведеніе. Т Аравитянинъ, среди пустыни, т четъ шатеръ, защиту каравана зноя — и терпѣливый, послуш караванъ тянется въ путь дальн Лишь только разгадывали наст щее направленіе любимаго пис теля: онъ уклонялся неожиданно и уже находили его тамъ, откол по видимому, навсегда онъ уд лялся. Это истинный Протей, Протей самоуправный и упрямь подобно Аріелю и Мефистофел всегда опережавшій современн ковъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ и и куснѣйшій, неподражаемый, н

тѣмъ не жертвовавшій народности, и при всемъ томъ постоянный ея блюститель.

Когда духъ германскій, въ сущности мечтательный и страстный, въ припадкахъ отвращенія отъ людей и всего въ мірѣ, возносился въ идеальную область любви, искушаемой дѣйствительностью жизни: тогда Гете издалъ *Вертера*, величайшую драму своего времени, и на этомъ остановился. Совершенство творенія уничтожило подражателей; творецъ, довольный тѣмъ, что этотъ родъ сталъ для другихъ невозможнымъ, обращался къ нему только для того, чтобъ издѣваться надъ собственными своими мушеніями. Соотечественники его пустились въ вѣка рыцарства; на театрахъ и въ романахъ громоздились готическія башни, герои покрывались желѣзными латами, вооружались копьями; не видно было ни искуства, ни истины: Гете вознегодовалъ—и поставилъ на сценѣ германской *Гетца фонъ Берлихингенъ*, полное выраженіе природы, сильное, цвѣтъ родной земли; всѣ разлюбили въ другихъ то, что прежде нравилось. Но поэтъ, совершивъ превосходное созданіе, никогда не принимался за другое подобное. Стали восхищаться красотою греческой, любоваться утонченнымъ чувствомъ, врожденнымъ, нѣжнымъ вкусомъ, потребностью греческихъ драматическихъ образцовъ: и Гете сбросилъ съ себя нарядъ среднихъ временъ—написалъ *Ифигенію*, изящную и прелестную, подобную греческому изваянію, столь-же благозвучную, сколь благозвучна пѣснь Сафы,—чистую и непорочную, какъ чистъ бѣлый свитокъ, вырытый изъ подъ пепла геркуланскаго. Онъ тогда-же подарилъ читателямъ *Римскія Элегіи*, дышащія отравляющею нѣгою Тибулла и Проперція. Пристрастилась Германія къ богатой италіянской поэзіи; очаровалась прелестію ея гармоніи, неистощимой, какъ неистощима въ обиліи ея родина, великолѣпной, какъ великолѣпно ея солнце, нѣжной и сладострастной, какъ человѣкъ въ этой странѣ: обновился и Гете — въ его *Торквато Тассѣ* отгласилась природа музыкальная, истинная, полуденная; раздался языкъ сладкій, благозвучный. До сихъ поръ никто изъ его подражателей даже не приближался къ этой усладительной игрѣ фантазіи.

Перейдемъ въ другую область идей: Гете и тамъ шелъ разными путями. Въ *Эгмонтѣ* представилъ онъ пророческую картину освобожденія народнаго, предвозвѣщеннаго утратою одного человѣка. Но послѣ, когда все восколебалось отъ бурныхъ переворотовъ; когда этимъ чадомъ отуманились и умозрительныя головы Германцевъ: Гете не только не увлекся общимъ потокомъ, но даже пребылъ въ величественномъ безмолвіи. Онъ постоянно оставался аристократомъ въ правилахъ своихъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ, явно обнаруживалъ гордое презрѣніе къ торжествующимъ мнѣніямъ черни. Такъ и въ то время, когда безвѣріе проникло въ Германію; когда страсть къ отвлеченностямъ поколебала основанія нравственныхъ знаній: Гете сжалился надъ необузданною охотою соотечественниковъ къ метафизическимъ мечтаніямъ—и преслѣдовалъ грозными сарказмами ихъ суесловіе и пытливость. Среди порывовъ кантизма, онъ мало заботился о непроницаемыхъ, темныхъ

произведеніяхъ кенигсбергскаго мыслителя (*), въ тогдашнее время превознесенныхъ общимъ восторгомъ, а нынѣ едва извѣстныхъ по заглавіямъ.

Въ столь тѣсной рамѣ не льзя помѣстить многочисленныхъ твореній Гете; останавливаюсь только на нѣкоторыхъ для того, чтобъ представить различное направленіе его генія, показать пути, по которымъ шествовалъ онъ къ литературному диктаторству въ странѣ своей, пути новые, причудливые, затѣйливые, по которымъ онъ одинъ могъ проходить, и доказать, что сравненіе Гете съ Вольтеромъ и его братіею погрѣшительно. Умы своего вѣка покорилъ онъ не угодливостью, но открытымъ и постояннымъ противоборствомъ. Можетъ быть, дѣйствія его были напередъ расчитаны, и глубокою проницательностію разгадалъ онъ собственный характеръ народа своего, характеръ важный, созерцательный, страстный, искренній; можетъ быть, соотечественникамъ его нуженъ былъ живой порадоксъ для полнаго развитія умственнаго: при всемъ этомъ Гете, не заботившійся о любви народной, былъ сорокъ лѣтъ идоломъ народа и баловнемъ; суровый и надменный, онъ безпрестанно вооружался противъ мимолетныхъ страстей и скоропреходящаго вкуса; въ противность Вольтеру, безъ обиняковъ объявлялъ, что рукоплесканія черни ему приторны и оледеняли его — что чернь и въ словесности, равно какъ въ политикѣ, не способна управлять сама собою. *Фаустъ*, одно изъ дивныхъ произведеній его фантазіи, дѣйствительно представляетъ грозную и ѣдкую иронію в родѣ Рабеле и Шекспира, возвы шенную сатиру на страсть нѣм цевъ копаться въ глубинахъ и про пастяхъ таинственности, разобла чать ея покровы—страсть, безум но воспитанную трансцендентальною философіею, разрушительное развитіе которой ускорили позднѣйшія мудрованія. Трудно изобразить впечатлѣніе отъ этого творенія—впечатлѣніе восторга и негодованія; соотечественники его, осмѣянные въ любимыхъ мечтахъ своихъ, глубоко уязвленные и со всѣхъ сторонъ низложенные, сознавались, что пророкъ ихъ (такъ называли тогда Гете) никогда не повѣдывалъ столь высокихъ тайнъ и вдохновеній, что они никогда не видывали столь проницательныхъ взглядовъ. Дѣйствительно, до Фауста никогда не объявлялъ Гете лютѣйшей вражды духу времени никогда не нападалъ онъ на труды вѣка съ насмѣшкою столь язвительною. Никто изъ современниковъ Гете, при такихъ успѣхахъ Фауста, не дерзалъ вооружаться противъ него, противъ произведенія творческаго, противъ этой чудной фантастической прихоти; терпѣли бичеваніе, только приговаривая: «такъ сказалъ учитель.»

Особенныя отношенія Гете к публикѣ служили поводомъ ко множеству недоразумѣній, которым забавлялся великій художникъ предоставляя пытливымъ и добродушнымъ умамъ удовольствіе толковать таинственный смыслъ слов его и разгадывать сокровенны причины его образа мыслей. Се способъ дѣйствованія и принуж денное положеніе обратились в привычку; не смотря на это, при родныя свойства его всегда выка

(*) См. Briefwechsel mit Schiller.

ывались изъ-за приличій. Шлегель старшій разсказывалъ мнѣ, что однажды, переписывая стихотворный отрывокъ въ присутствіи самого Гете, остановился онъ, и скромно, почтительно осмѣлился спросить поэта о точномъ смыслѣ стиховъ, на которые въ Германіи вышло множество противорѣчій. Гете разсмѣялся и сказалъ: «оставьте эти загадки; когда писалъ я, мнѣ казалось, въ нихъ былъ смыслъ; вотъ все, что могу я вамъ сказать.»

Гете во всѣхъ предметахъ, даже въ грамматикѣ, показывалъ совершенное пренебреженіе положительными правилами и рѣшительными теоріями. Въ томъ періодѣ жизни, когда трудности возбуждаютъ къ большей дѣятельности, я пытался писать по-нѣмецки. Книга моя (*), о которой, можетъ быть, еще помнятъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ слушателей, напечатана и издана подъ охраненіемъ Гете: онъ подстрекнулъ сочинителя. Въ посвященіи я говорилъ ему, что чудные плоды его генія, которые вкушалъ я въ Германіи, въ пылу юности, питали меня и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, были отрадою и наслажденіемъ; что я представляю сочиненіе свое великому художнику и знатоку нѣмецкаго языка, надѣясь получить нѣкогда изъ его рукъ право гражданства въ его отечественной словесности. Это послужило мнѣ темою продолжительной переписки съ Гете. Посылая къ нему книгу, я писалъ въ особомъ письмѣ, что онъ вѣрно найдетъ въ ней выраженія иностранца, руссизмы, даже нѣсколько солецизмовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія, присоединивъ, что я тщетно искалъ ученаго нѣмца, который-бы принялъ на себя трудъ пересмотрѣть мою рукопись. На это Гете отвѣчалъ мнѣ: «Настоятельно прошу васъ, даже требую отъ васъ обѣщанія, никогда не повѣрять никому изъ нѣмцевъ такъ называемаго вами пересмотра рукописей вашихъ. Навѣрно слогъ вашъ отъ этого потеряетъ все, что въ моихъ глазахъ драгоцѣнно, а въ замѣну пріобрѣтетъ прикрасы, о которыхъ я нимало не забочусь. Пользуйтесь тою важной выгодой, что вы не знаете нѣмецкой грамматики; лѣтъ тридцать стараюсь я забыть ее.» Не смотря на вниманіе великаго писателя, можно-бъ принять эти строки за легкую иронію, если-бъ въ тоже самое время не повторилъ онъ тѣхъ-же похвалъ, и не объявилъ-бы того-же мнѣнія въ изданномъ тогда сочиненіи: Kunst und Alterthum.

Возобновляя воспоминанія о продолжительной перепискѣ моей съ великимъ человѣкомъ, о которомъ имѣю честь бесѣдовать съ вами, мм. гг., я могъ-бы распространиться и разсказать вамъ еще нѣсколько замѣчательныхъ изреченій его; но тогда надлежало-бъ преступить предѣлы настоящаго слова. Не употребляя во зло снисхожденія вашего, ограничусь краткимъ исчисленіемъ трудовъ Гете, имѣющихъ тѣсную связь съ науками, коими Академія преимущественно занимается.

Чѣмъ болѣе чуждался вкусъ Гете искуственнаго синтезиса и въ умозрѣніи, и въ поступкахъ; тѣмъ болѣе прилѣплялся онъ къ естественнымъ наукамъ съ самыми мельчайшими подробностями, занимаясь ими страстно. Но и тутъ

(*) Nonnos von Ponopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der Griechischen Poesie. St. Petersburg. 1816.

не преклонялъ онъ главы ни предъ одною системой, не покорялся ни одной теоріи: шелъ какъ наблюдатель, любилъ размышлять самъ съ собою и на просторѣ.

Такъ въ Физикѣ, теорія свѣта, или, лучше сказать, теорія цвѣтовъ была однимъ изъ любимыхъ предметовъ его изученія. Гете не довольствовался ни однимъ изъ извѣстныхъ объясненій: теорія *истеченія* казалась ему слабою и даже странною; теорія *сотрясенія*, которую принималъ онъ въ значеніи динамическомъ, также его не удовлетворяла. По его мнѣнію, цвѣты рождаются въ парообразной средѣ, чрезъ которую проходитъ къ намъ свѣтъ. Явленія призмы представлялись ему въ формѣ болѣе піитической, нежели дидактической; по соображеніямъ поэта, кои можно извлечь изъ его сочиненій, а трудно изложить въ немногихъ словахъ ясно и опредѣленно, цвѣты не иное что, какъ встрѣча свѣта съ тьмою, родъ покрова, навѣваемаго мракомъ на свѣтъ. Не вступаясь за это мнѣніе, которое можетъ казаться болѣе замысловатымъ, нежели сколько основательнымъ, заключу тѣмъ, что конечно теорія Гете не принята; однако прекрасныя, многочисленныя наблюденія его надъ цвѣтами заслужили уваженіе людей просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ.

Перенеситесь мысленно, мм. гг. въ то время, когда въ первый разъ появилось геогностическое ученіе Вернера: и вы согласитесь, какимъ любопытствомъ, какимъ чувствомъ долженъ былъ воодушевяться такой умъ, каковъ умъ Гете, при воззрѣніи на теоріи новыя и привлекательныя. И дѣйствительно, онѣ ставляли одно изъ самыхъ постоянныхъ занятій въ продолженіи всей его жизни. Онъ пріобрѣталъ огромныя собранія геогностическихъ рѣдкостей, особенно когда требовалъ самъ отъ себя отчета въ двухъ явленіяхъ, сильно его поражавшихъ: въ происхожденіи металловъ и дѣйствіи огня на внѣшнюю оболочку земнаго шара. Касательно перваго предмета, замѣчанія его можно назвать предчувствіями, предвидѣніемъ; тогда еще не извѣстны были славныя открытія Деви, и, вѣроятно, не обнималъ онъ сцѣпленія всѣхъ явленій, служащихъ наукѣ основаніемъ. Что касается до другаго вопроса, изслѣдованія Гете волканическихъ остатковъ, найденныхъ въ Богеміи, заимствованныя изъ того круга понятій, кои не подвержены противорѣчіямъ, свидѣтельствуютъ о силѣ ума и рѣдкой проницательности, особенно если вспомнимъ, что онъ такъ мыслилъ въ то время, когда въ геологіи господствовало ученіе Нептунистовъ.

Гете, въ Морфологіи своей, говоритъ, что необыкновенное дѣйствіе, произведенное на него безсмертнымъ шведскимъ естествоиспытателемъ, состояло между прочимъ въ потребности совокупить въ одно цѣлое то, что у Линнея было столь тщательно раздѣлено— отыскать единство и сходство тамъ, гдѣ Линней находилъ множество и разнообразіе. Таково направленіе изученія его ботаники; всѣ изслѣдованія имѣли цѣлію открыть первоначальную пластическую форму въ безконечномъ разнообразіи растительнаго царства. По мнѣнію Гете, листъ представляетъ первообразъ, который развивается и получаетъ преобразованіе или восходящее или нисходящее. Въ на-

ремя эта теорія имѣетъ послѣ-
елей; ее принимаютъ славнѣй-
отаники (*). Замѣтимъ мимо-
гъ, что Гете первый отдалъ
едливость одному изъ вели-
хъ физіологовъ своего вре-
, Гаспару Фридриху Вольфу,
нашей Академіи. Вамъ, мм.
звѣстны огромные труды его;
аете имъ цѣну, но также вѣ-
, что скромный и сознатель-
олосъ сего ученаго заглуша-
лъ громкою знаменитостью:
признаръ его достоинства.
логія не осталась чуждою
нной его любви къ естест-
мъ наукамъ: и въ ней пока-
нъ духъ наблюдательный и
цательный. Гете изучалъ всѣ
животнаго организма съ та-
же любопытствомъ, съ ка-
изслѣдовалъ всѣ подробно-
изни растеній. Здѣсь, также
вывести первоначальную,
ческую форму, онъ рѣши-
сказалъ, что для сего не-
ма помощь сравнительной
іи: и это указаніе нынѣ за-
свѣточъ науки. Въ особен-
Гете занимался остеологіей;
ежде всѣхъ почиталъ черепъ
еніемъ позвонковъ: это мнѣ-
пѣ общепринятое. Не оста-
езъ вниманія новаго наблю-
если не открытія, коимъ ана-
должена Гете. Долго пола-
то органическое отличіе че-
отъ животныхъ состоитъ въ
челюстной кости, въ кото-
животныхъ сидятъ рѣзцы
й челюсти, и которая при-
выдается у обезьянъ. Гете
ольствовался симъ призна-
многими опытами и изыска-

(*) Профессоръ Эрнестъ Мейеръ, въ Кенигсбергѣ.

ніями онъ доказалъ существованіе сей кости и въ челюсти человѣка. Не показываетъ-ли это изслѣдованіе особенныхъ видовъ, кромѣ простаго любопытства? Или я ошибаюся, мм. гг., или было какое-либо невѣдомое внушеніе Мефистофеля къ уничтоженію мнимаго вещественнаго отличія, которое гордость человѣческая хотѣла присвоить себѣ въ добавокъ къ духовному превосходству: такой умъ, каковъ умъ Гете, не останавливается долго на какомъ-либо изысканіи, если оно не содержитъ въ себѣ важной мысли.

Впрочемъ, мм. гг., было-бъ несправедливо разсматривать Гете въ одной какой либо отрасли знаній, или въ одномъ какомъ-либо временномъ направленіи отдѣльно; сей дивный умъ, сія необыкновенная способность къ знаніямъ, совершенно между собою различнымъ, должны быть наблюдаемы въ цѣлости и совокупности всѣхъ силъ душевныхъ, столь обширныхъ и блистательныхъ — въ ихъ дѣйствіяхъ общественныхъ; всему сословію просвѣщенныхъ мужей, каково сословіе академиковъ, прилично воздать послѣднюю почесть памяти того, чье вліяніе на свою страну и на всю Европу было столь велико, что его гробница, поставленная между гробницами Шиллера и Гердера, заключаетъ цѣлую эпоху, цѣлое столѣтіе. Вѣнецъ наукъ сплетается славою всѣхъ талантовъ; высочайшее ихъ торжество состоитъ въ изгнаніи изъ своей области частностей, всякой личности, всякаго пристрастія. Міръ умственный, подобно елисейскимъ полямъ древнихъ, долженъ отдѣляться отъ міра дѣйствительнаго рѣкою забвенія.

Заключу слова мои еще однимъ замѣчаніемъ. Сравнивая міръ политическій съ умственнымъ, какое поразительное сходство въ нихъ открываемъ! Вездѣ почти и всегда по одному изъ нихъ можно судить о другомъ. Въ большей части Европы, кажется, вѣкъ аристократіи литературной уже проходитъ; въ словесности власть единаго таланта или немногихъ слабѣетъ: наступаетъ эпоха, которую одинъ умный писатель вѣрно изобразилъ названіемъ *эпохи безъименной*. Равнодушіе, замѣченное въ послѣднее время къ твореніямъ Гете и даже лично къ нему, происходитъ изъ сего-же начала: это умственный взрывъ, грохотавшій у вратъ храма, въ которомъ столь долго приносились жертвы. Германія въ семъ знаменитомъ мужѣ утратила единственнаго и послѣдняго изъ своихъ повелителей въ области словесности — повелителя, надъ всѣми превознесеннаго на щитахъ законнымъ правомъ генія и единодушіемъ соотечественниковъ.

Уваровъ.

(*Ученыя Записки Московскаго Университета. Годъ первый*).

---

28. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, по случаю празднованія столѣтняго ея существованія, 29-го декабря 1826 года.

Празднуемое нынѣ столѣтіе Санктпетербургской Академіи Наукъ представляетъ не только торжество перваго хранилища отечественнаго просвѣщенія, но возобновляетъ еще въ одно время всѣ великія воспоминанія истекшаго столѣтія. Академія Наукъ — послѣдняя мысль, послѣднее твореніе неутомимаго генія Петра Великаго, коей онъ умирающей рукою черталъ завѣтъ своихъ высо предназначеній, взяла, такъ зать, свое начало на смертномъ рѣ мудраго преобразователя сіи. Сія мысль даетъ сегодни му празднеству нашему каку особую черту умиленія, и с жаетъ насъ мгновенно съ соб ми, наполняющими лѣтописи знаменитаго столѣтія. Въ гл кихъ размышленіяхъ своихъ о вѣ и благоденствіи Россіи, I I увидѣлъ, какое мѣсто иск и науки занимаютъ въ бытіи рода могущественнаго. Си десница, пріобыкшая поперем владѣть мечемъ и трезубцемъ, жать бразды правленія и разс по обширной имперіи сѣмена дущаго ея величія, десниц бразовавшая всѣ части госу ственнаго состава, озарила н нецъ факеломъ наукъ и просв нія величественное твореніе Петръ, странствуя по Европѣ, дѣлъ вліяніе наукъ и худож на судьбу государствъ; пос что безъ сильнаго ихъ содѣ не довершился-бы исполинскі трудъ; онъ видѣлъ, что просв ніе, сліявшись съ жизнію евр скихъ народовъ, составляет но изъ необходимыхъ начал ществъ образованныхъ и д вѣчныхъ. Онъ рѣшился пох для насъ искру дивнаго огня имъ давно гордились цвѣт страны Европы, и на берегах вы воздвигнуть святилище на долженствующее распростр до отдаленныхъ предѣловъ Р знанія общеполезныя и возр въ умахъ стремленіе къ мир подвигамъ на поприщѣ граж скаго достоинства—онъ осн Академію Наукъ.

Но Монархъ, похищенный внезапно посреди мудрыхъ его начинаній и безсмертныхъ трудовъ, хотѣлъ и положилъ основаніе Академіи въ 1724 году, но не успѣлъ самъ довершить любимую мысль, занимавшую его и въ послѣднія минуты жизни. Супругѣ—преемницѣ его, предназначено было исполнить сіе столь важное порученіе: въ концѣ декабря 1725 года Екатерина I повелѣла открыть Академію Наукъ. Ею были призваны Эйлеръ, братья Бернулли, Делиль и Байеръ. Попеченіе ея объ Академіи было достойно великаго ея супруга.

Слѣды генія неизгладимы; поколѣніе, образованное подъ глазами Петра I, знаменитые сподвижники его въ дѣлахъ мира и войны остались вѣрными его завѣту, и долго еще налагали на государственное управленіе особенную печать силы и устройства, печать Петра и его ума всезрящаго. Подъ ними благотворными признаками, Академія, не взирая на кратковременныя препятствія, начала укрѣпляться и процвѣтать; составленная изъ членовъ избранныхъ Петромъ, руководствуясь правилами, имъ начертанными, стремясь къ цѣли, которую онъ предназначилъ, Академія, лишенная безсмертнаго своего основателя, не преставала находиться подъ его вліяніемъ; и когда на тронъ Россіи возсѣла Императрица Елисавета, то попеченіе Монархини обратилось на Академію съ особою дѣятельностію; Академія почувствовала, что на тронѣ дочь Петра I.

Въ царствованіе Елисаветы, Россія, ограждаемая снаружи подвигами нашихъ войскъ, внутри охраняемая общею безопасностію и повсемѣстнымъ обиліемъ, наслаждалась первыми плодами образованности и утвердилась на степени государствъ независимыхъ и сильныхъ. Таковое положеніе благопріятствовало развитію умовъ и страсти къ благороднымъ занятіямъ просвѣщенія и общежитія. Науки приняли новую жизнь подъ сѣнію трона великолѣпнаго и твердаго. Академія, обезпеченная въ своемъ существованіи регламентомъ 1747 года, распространила кругъ своей дѣятельности; естественныя науки представляли новое, неизмѣримое поле, тѣмъ болѣе любопытное и важное, что основательное познаніе обширнѣйшей имперіи въ свѣтѣ въ физическихъ разнообразныхъ ея видахъ было сопряжено съ ихъ успѣхами. Одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ геніевъ, коихъ лучъ наукъ озаряетъ внезапно среди мрачной и низкой доли, Ломоносовъ, создавшій и языкъ поэзіи и словарь физическихъ наукъ, употребилъ тогда дѣятельное усердіе къ распространенію славы и трудовъ Академіи. Поощренные прекраснымъ его примѣромъ, многіе изъ соотечественниковъ нашихъ прославились на поприщѣ наукъ; и Академія, воздвигнувъ ему памятникъ, ознаменовала свою признательность къ его заслугамъ.

Но всѣ сіи полезныя предпріятія служили нѣкоторымъ образомъ только пріуготовленіемъ къ трудамъ, подъятымъ Академіею въ славный вѣкъ Екатерины II. Сія великая монархиня, возсѣвши на тронъ Россіи, распространила вокругъ онаго неизвѣстный дотолѣ блескъ; силою генія быстраго, проницательнаго, глубокаго знанія людей, необыкновеннаго искус-

ства ими управлять, даже чародѣйствомъ ума тонкаго, гибкаго, плѣнительнаго, свойственнаго ея полу, Екатерина II присвоила себѣ первое мѣсто между государями, а счастливой Россіи первое мѣсто между государствами Европы. Она на тронѣ покровительствовала наукамъ; въ тишинѣ кабинета ими утѣшалась; въ ихъ бесѣдѣ отдыхала она отъ бремени державы; и доселѣ Академія хранитъ съ благоговѣніемъ опыты глубокихъ ея размышленій о законодательствѣ и многократныхъ наблюденій человѣческаго ума въ отношеніи къ наукѣ государственнаго управленія.

Подъ руководствомъ Великой Екатерины путешествія академиковъ по Россіи, начавшіяся уже въ 1733 году отправленіемъ Крашенинникова въ Камчатку (*), возобновлены были, при новыхъ соображеніяхъ, съ вящшею дѣятельностію. Тогда прославились: Палласъ, Фалкъ, Георги, Гильденштетъ, Рычковъ, Румовскій, Гмелинъ, Лепехинъ и многіе другіе, коихъ имена останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Академіи и въ памяти Россіи. Иные, занимаясь астрономическими и географическими наблюденіями, странствовали по отдаленнѣйшимъ краямъ имперіи и возвращались, повѣривъ положеніе главнѣйшихъ мѣстъ Россіи и обогативъ астрономію
ными открытіями. Другіе, п
тивъ себя наукамъ естествен
дѣлили между собою обширн
ле, предъ ними лежавшее и д
неприкосновенное; нѣкоторы
глубляясь въ нѣдра земли,
крывали богатѣйшіе источни
царствѣ минералогіи; бота
узнавали и приводили въ сист
тическую связь красивую ф
сибирскихъ странъ; зоологи
пространяли науку свою обил
ми изслѣдованіями и разнооб
ными наблюденіями; вмѣстѣ съ
собирались въ первый разъ вѣ
свѣдѣнія о народонаселеніи, о
матахъ, о теченіи рѣкъ, о зе
дѣліи, о природной промыш
ности той или другой отда
ной области имперіи; открыва
средства къ лучшему устро
торговыхъ сношеній и мѣст
управленія; ближе знакомилис
духомъ и съ обычаями народ
соединенныхъ подъ однимъ
петромъ, но тогда еще болѣе,
жели теперь, различествовав
между собою степенями обр
ванія и даже признаками ра
роднаго происхожденія своего.
ографическія карты, исполне
дотолѣ ошибками, мало по
исправились; памятники ист
и языковъ, поясненные тру
Байера, Миллера, Шлецера,
будили общее вниманіе; слово
науки, выходя изъ тѣсныхъ
дѣловъ ученаго кабинета и ос
ляя характеръ мечтательныхъ у
зрѣній, поступили на попр
гражданской дѣятельности, и А
демія, какъ животворимая дух
Великаго Петра, продолжала
лѣе и болѣе сближаться съ цѣ
ей предназначенною.

Къ картинѣ сихъ полезн

(*) Отправлены были тогда во вторую камчатскую экспедицію профессоры: Іоганнъ Георгъ, Гмелинъ, Миллеръ и Делиль де ла Кройеръ, къ коимъ между прочими былъ приданъ Крашенинниковъ. Академики не доѣхали до Камчатки, почему и весь трудъ палъ на Крашенинникова, возвратившагося въ С. Петербургъ 1743 года.

въ Академіи можно присо-
ить, что отличнѣйшіе изъ
танниковъ тогда существо-
й академической гимназіи
по волѣ Императрицы отправ-
ı въ чужіе края для усовер-
гвованія своихъ познаній. Без-
ный Эйлеръ, который, вы-
ь изъ Россіи, поселился въ
инѣ, былъ опять призванъ и на-
ıся особеннымъ покровитель-
ъ и личнымъ уваженіемъ во-
Імонархини: равномѣрно былъ
гоенъ онаго и почтенный Пал-
и нѣсколько современниковъ
Сіе самое зданіе, въ коемъ
ıемія имѣетъ нынѣ счастіе ви-
столь знаменитое собраніе,
тогда воздвигнуто; Герше-
телескопъ и рукописи Кеп-
, купленныя въ Англіи и
кфуртѣ, ею подарены Ака-
ı; всѣ коллекціи, составляю-
ıузей оной, были оживлены ея
ыми дарами, изъ коихъ дра-
инѣйшій есть, безъ сомнѣнія,
зъ Коммиссіи Законовъ, соб-
ною рукою начертанный.
кровительство, оказываемое
кими государями Академіи
ъ, осталось въ своей силѣ
рствованіе Императора Пав-
Сей монархъ, просвѣщен-
цѣнитель трудовъ ума, обо-
шій Европу въ прежнемъ ея
сѣ, и въ такое время, въ ко-
успѣхи просвѣщенія и обще-
ı были предметомъ общаго къ
стремленія, — монархъ удо-
шій Академію Наукъ при-
, вмѣстѣ съ Фридрихомъ II,
е почетнаго ея члена, удер-
Академію на степени, до ко-
остигла она прежними свои-
удами, и безпрерывно оказы-
ей благодѣтельное свое вни-
. Августѣйшая супруга его,
украсивъ нѣкогда своимъ присут-
ствіемъ пятидесятилѣтнее празд-
нество Академіи, и на которую мы
нынѣ обращаемъ взоры съ особен-
нымъ, глубокимъ чувствомъ уми-
лительнаго благоговѣнія, подра-
жала супругу въ любви къ на-
укамъ и въ уваженіи къ цѣли и
трудамъ Академіи.

Новый регламентъ, 25 іюля
1803 года, былъ первымъ опытомъ
безсмертныхъ щедротъ Императо-
ра Александра. Симъ уставомъ
удвоены доходы Академіи, умно-
жены ея права, расширенъ кругъ
ея дѣйствій. Александръ безпре-
рывно благодѣтельствовалъ Ака-
деміи и 25-ти лѣтнее, благополуч-
ное его царствованіе останется па-
всегда эпохою достопамятною въ
ея лѣтописяхъ. Кто изъ Русскихъ
не вспомнитъ съ восторгомъ о тѣхъ
годинахъ испытанія, въ коихъ оте-
чество наше, спасенное Алекса-
дромъ, вмѣстѣ съ нимъ вознеслось
до высшей степени чудесной, не-
подражаемой славы? но кто не
вспомнитъ также съ чувствомъ уми-
ленія и признательности о тѣхъ
годахъ мира и тишины, въ коихъ
съ довѣренностію, съ жаромъ, съ
исполинскою силою души благо-
родной, Александръ ознаменовалъ
уже свою державу порывомъ ко
всему высокому и прекрасному: то
обращая вниманіе на устройство
обширной имперіи, то бесѣдуя о
законодательствѣ, то воздвигая па-
мятники наукамъ и просвѣщенію,
и твердою рукою сближая свой
вѣкъ съ вѣками Перикла и Авгу-
ста. Но Александра не стало, и
сія потеря слишкомъ близка, чув-
ство сердецъ слишкомъ глубоко,
чтобы нынѣ исчислить достойно
всѣ благодѣянія, проліянныя имъ
на твореніе Петра, на первое хра-

нилище наукъ въ Россіи. Если не разрывается смертію все, связующее тлѣнное съ безсмертнымъ, — бѣдную, мимотекущую жизнь съ жилищемъ безконечнаго, совершеннѣйшаго бытія; если чувства сердецъ высокихъ и чистыхъ, горящихъ святымъ огнемъ любви къ своему народу, обращаясь къ источнику вѣчной любви, тамъ не вовсе исчезаютъ: то духъ Петра, духъ Екатерины и Александра паритъ конечно въ сей часъ надъ симъ святилищемъ наукъ, ими воздвигнутымъ, ими хранимымъ; кажется, будто сей храмъ просвѣщенія наполняется мгновенно всѣми отличными мужами, которые въ теченіи достопамятнѣйшаго столѣтія нашей исторіи были орудіями великихъ монарховъ и украсили отечество неувядаемымъ лавромъ любви къ наукамъ и доблести гражданской. Вліяніе ихъ невидимаго присутствія даетъ моему слабому голосу силу изобразить еще разъ предъ нами Петра I, пораженнаго посреди блистательнаго поприща, и на смертномъ одрѣ, орошаемомъ слезами Россіи, поручающаго Академію Наукъ попеченію его преемниковъ, а усердію Академіи успѣхи просвѣщенія въ Россіи. Исторія ея трудовъ, начертанная предъ вами, покажетъ, въ какой мѣрѣ исполнено завѣщаніе Великаго Петра. *Уваровъ.*

---

29. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, 16 ноября 1829 года.

Милостивые Государи!

Что можетъ быть отраднѣе и величественнѣе мысли, представляющій намъ въ области высшаго образованія общее средоточіе, къ которому стремятся столько людей, разсѣянныхъ по лицу земному! Отличаясь безчисленными оттѣнками, слѣдуя столь многоразличнымъ видамъ, они съ единодушіемъ встрѣчаются въ сей высокой сферѣ, гдѣ благороднѣйшіе ихъ труды и усилія устремлены къ единой цѣли: распространенію области наукъ, составляющей удѣлъ всѣхъ народовъ и обогащаемой сокровищами всѣхъ столѣтій.

Сія-то цѣль есть могущественная пружина, побуждающая отличныхъ мужей съ благороднымъ самоотверженіемъ посягать на отдаленныя предпріятія и многотрудные подвиги, коихъ плоды соберетъ лишь позднее потомство. Смотрите, съ какимъ рвеніемъ, съ какою твердостію духа сіи Аргонавты просвѣщенія, смѣлые сподвижники наукъ, подвергаются всѣмъ опасностямъ. Гдѣ тотъ безплодный край, гдѣ та необитаемая пустыня, которая-бы не была ознаменована подвигами или гибелью нѣкоторыхъ изъ нихъ! Гдѣ то мѣсто земнаго шара, куда-бы не стремилось ихъ благородно пылкое нетерпѣніе! Сіи мирныя, но тѣмъ не менѣе многотрудныя добычи были наградою непоколебимаго постоянства, и нѣтъ ни одного умственнаго трофея, который-бы не былъ, такъ сказать, купленъ кровью сихъ неутомимыхъ поборниковъ истины.

Болѣе благопріятствуемаго счастіемъ мы видимъ неустрашимаго странствователя, презиравшаго знойный климатъ тропиковъ и проникавшаго въ самую глубину Сибири. Озаривъ для насъ новымъ свѣтомъ богато надѣленныя отъ природы страны Америки, онъ проложилъ стезю, которою никто не шествовалъ съ столь блиста-

льнымъ успѣхомъ. Презрѣвъ съ юной юности призракъ обольщенія, ослѣпляющій людей обыкновенныхъ, онъ посвятилъ себя усовершенствованію наукъ естественныхъ, которыя каждому изъ его трудовъ обязаны какимъ-либо новымъ, важныхъ успѣхомъ. Нѣтъ ни одной отрасли сихъ познаній, которой-бы онъ не напечатлѣлъ своего имени. Одно изслѣдованіе Америки было-бы достаточно утвердить его знаменитость, но сколько слава сія, родившаяся на вершинахъ Андовъ, сдѣлалась для насъ, я смѣю сказать, драгоцѣннѣйшею, обновясь передъ нашими взорами при подножіи Алтая и Урала, когда, не довольствуясь изысканіемъ странъ новаго міра, сей великій знатокъ природы устремилъ рѣдкую свою прозорливость, всеобъемлющій взглядъ и неутомимую дѣятельность на тотъ край, который составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ частей россійской имперіи.

Если мы, отложивъ въ сторону всю важность сего предпріятія въ ученомъ отношеніи, разсмотримъ его только какъ новое средство ближе ознакомиться съ обширнымъ нашимъ отечествомъ: то не обязаны-ли сугубою благодарностію знаменитому мужу, который даетъ намъ новый поводъ возгордиться страною, гдѣ мы родились, измѣрить всю обширность ея средствъ, достойно оцѣнить естественныя ея силы, и наконецъ ближе извѣдать ее въ столь важныхъ и многоразличныхъ отношеніяхъ.

Путешествіе совершенное г-мъ Гумбольдтомъ, и самое присутствіе его между нами, не явственно-ли доказываютъ, милостивые государи, что любовь къ наукамъ сближаетъ, связываетъ между собою ревностныхъ чтителей просвѣщенія! Въ какомъ мѣстѣ приличнѣе было изъявить знаменитому путешественнику чувства совершенной нашей признательности, какъ не въ семъ святилищѣ, основанномъ Петромъ Великимъ, покровительствованномъ Екатериною, уважаемомъ и любимомъ Александромъ, въ семъ святилищѣ, гдѣ мы недавно зрѣли достойнаго Ихъ Преемника, надписавшаго имя свое на ряду съ именами Эйлера, Бернуллія, Палласа? Такъ, милостивые государи, въ сей храминѣ наукъ и въ нашемъ присутствіи всего приличнѣе было показать г. Гумбольдту, что мы, преисполненные уваженія къ его заслугамъ, и усердствуя ко всему, что можетъ способствовать распространенію полезныхъ наукъ, гордимся принять его въ нашей средѣ и привѣтствовать словами одного изъ мудрецовъ древности: «гряди, и здѣсь обитаютъ науки!»

Такъ, милостивые государи, онѣ повсюду воцаряются — сіи таинственныя силы ума и размышленія,—повсюду, гдѣ только убѣждены въ необходимости ихъ присутствія, повсюду, гдѣ ихъ призываютъ въ часы мирной бесѣды. По существу своему граждане всего міра, науки не суть, подобно искуствамъ воображенія, исключительное достояніе одной какой-нибудь страны, одного какого-либо народа. Онѣ доступны всякому; всякій можетъ участвовать въ ихъ торжествѣ, содѣйствовать къ ихъ прославленію. Не подъ благотворнымъ-ли вліяніемъ просвѣщенія и наукъ отечество наше, прошедъ въ одно столѣтіе всѣ медлительныя степени образованія прочихъ евро-

пейскихъ государствъ, величественно разлилось отъ береговъ Балтійскихъ до береговъ Аракса? И кто не сознается, что сія постоянная умѣренность, сіе спокойное размышленіе среди громкихъ побѣдъ, сіе возвышеніе духа въ страшныхъ годинахъ искушенія, сіе постоянное и безпрерывное развитіе всѣхъ началъ гражданской жизни, есть вѣрнѣйшій знакъ, необходимое слѣдствіе просвѣщенія?

Итакъ возрадуемся, милостивые государи, стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, приведшему къ намъ въ самую блистательную эпоху нашей исторіи мужа, наиболѣе достойнаго оцѣнить ея преимущества. Кто возмогъ-бы лучше его дать себѣ отчетъ въ семъ согласіи физической и нравственной силы, созидающей и упрочивающей благосостояніе большихъ государствъ? Да не изгладятся изъ его памяти разнообразныя зрѣлища, представлявшіяся его взорамъ; да воспоминаетъ онъ еще долго тотъ край, гдѣ принесена была столь искренняя дань уваженія высокимъ его заслугамъ, дарованіямъ и свойствамъ душевнымъ. Да возвѣститъ онъ своимъ соотечественникамъ и цѣлой Европѣ, что онъ видѣлъ Россію бодро шествующую впередъ на поприщѣ, имъ самимъ ознаменованномъ, Россію, могущественную извнѣ и внутри безмятежную,—единодушную въ своихъ обѣтахъ, единодушную въ любви къ Августѣйшему Монарху, — встревоженную при малѣйшей опасности, угрожавшей столь драгоцѣнной главѣ, — безтрепетно сподвизающуюся на Ея защиту. Да скажетъ онъ наконецъ великодушному своему государю, тѣсно связанному съ судьбою нашей узами родства и дружбы, что Россія обязана ему благомъ, которое для нея драгоцѣннѣе самой славы, литымъ счастіемъ доблестнаго своего Монарха и трогательнымъ зрѣлищемъ семейственныхъ добродѣтелей въ чертогахъ царей.

Уваровъ.

---

30. Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи Академіи Наукъ, по случаю присоединенія къ оной Россійской Академіи, 20 декабря 1841 года.

Милостивые Государи!

Державною волею Государя Императора Россійская Академія присоединена къ Императорской Академіи Наукъ. Учрежденная въ царствованіе Екатерины, при начальномъ развитіи нашей словесности, сія блюстительница русскаго слова постоянно стремилась къ осуществленію намѣреній Великой Учредительницы своей, — и представила отечественнымъ авторамъ пособія важныя и полезныя для основательнаго познанія роднаго слова.

Но область русскаго слова расширилась постепенно до нынѣшняго нашего словеснаго образованія; литература наша для дальнѣйшихъ успѣховъ требуетъ притока отъ всѣхъ наукъ и знаній человѣческихъ — и Государь Императоръ, въ заботливой внимательности къ отечественной словесности, соединяетъ нынѣ два высшія ученыя учрежденія для трудовъ совокупныхъ. Отнынѣ кругъ дѣятельности Академіи на пользу русскаго языка расширяется и получаетъ направленіе соотвѣтственное настоящей литературной эпохѣ. Отдѣленію рус-

аго языка и словесности предоятъ занятія важныя. Обращаясь ь онымъ, я не могу не упомянуть мходомъ о главнѣйшемъ изъ ихъ трудовъ, о Словарѣ отечественнаго языка—Словарѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ, времени степени образованія, связующемъ былое съ настоящимъ и полагающемъ твердое основаніе дальнѣйшему усовершенствованію одного изъ богатѣйшихъ орудій человѣческаго мышленія. Истинные ексикографы не имѣютъ въ предметѣ составленія новыхъ словъ: го предпріятіе не только безуцѣшно и тщетно — оно пагубно. Іожно-ли думать, что въ нашемъ рекрасномъ, звучномъ, могучемъ ыкѣ недостаетъ словъ для выраенія мысли! Оставимъ эту малоушную мечту тѣмъ, которые не ають неисчерпаемыхъ богатствъ, крытыхъ въ нѣдрахъ нашего церовнаго, историческаго, юридиескаго языка. Цѣль Словаря, по оему мнѣнію, состоитъ въ томъ, тобы привести сіи богатства въ звѣстность и въ синтетическій ежду собою порядокъ. Людовикъ IV, поручая словесность своего рода попеченію преобразованной ъ Академіи Французской, предсалъ ей «хранить и утверждать ыкъ.» — Это выраженіе содержитъ въ себѣ самое точное, самое огическое опредѣленіе обязанноей каждаго подобнаго учрежде-я. *Хранить и утверждать* — тъ заключается и уваженіе къ ошедшему, и критическое изѣдованіе источниковъ древнихъ, близкое знакомство съ историчеими судьбами языка, и этотъ глукій смыслъ, это живое сочувсте, которое сообщаетъ памятникъ письменности нѣчто изъ вдохновенія и достоинства историческихъ преданій. *Хранить и утверждать*—но хранить съ разборчивостію, утверждать со вкусомъ, избѣгать педантической привязанности къ неподвижности формъ языка, существенно подвижныхъ и измѣняющихся по временамъ — вмѣстѣ съ тѣмъ опасаться *неологизма*, столько-же вреднаго для словесности, сколько смѣшнаго въ притязаніяхъ на мнимую силу своихъ опредѣленій. При такихъ пособіяхъ, многостороннихъ и обширныхъ, разномыслія грамматическія могутъ быть разрѣшены по указаніямъ законовъ философской грамматики и особенно при помощи славянской лингвистики; тогда можетъ появиться грамматика, достойная русскаго языка, составленная на основѣ самороднаго его развитія — полное уложеніе для нашего словеснаго царства. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на васъ, мм. гг., Августѣйшимъ Покровителемъ Академіи. Въ вашемъ кругу считалъ-бы я излишнимъ упоминать о сихъ началахъ, столь вамъ знакомыхъ, если-бъ не хотѣлъ при семъ случаѣ увѣрить каждаго изъ почтенныхъ членовъ 2-го отдѣленія въ чистосердечномъ участіи, съ коимъ буду считать удовольствіемъ безпрерывно слѣдить усердные и полезные труды, вполнѣ мною цѣнимые и уважаемые.

Уваровъ.

---

31. Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Великодушіе и состраданіе Маріи.

Мы удивляемся великодушію Благословеннаго Александра, который, покоривъ столицу враждебнаго, причинившаго намъ только

золъ народа, возвратилъ ему двѣсти тысячъ плѣнныхъ воиновъ: отдадимъ-же справедливость болѣе скромному, но не менѣе великому подвигу Императрицѣ Маріи, которая толикое-же число соотечественниковъ нашихъ, въ безпомощномъ состояніи младенчества, вырываетъ изъ челюстей смерти, прилагаетъ неутомимое стараніе о воспитаніи ихъ, терпѣливо ожидаетъ развитія способностей и силъ ихъ, и, когда они могутъ уже быть полезными гражданами, приноситъ ихъ въ даръ отечеству. Все сіе не выражаетъ однако вполнѣ высокихъ чувствъ Ея состраданія: Она, о безпримѣрное великодушіе! удостоиваетъ называться матерью сихъ несчастныхъ, отчужденныхъ отъ сердца родительскаго; и, по обязанности матери, не прекращаетъ попеченій и не престаетъ изливать на нихъ милости свои даже и по выходѣ изъ Ея заведеній.

Слѣпцы, обреченные отъ самаго рожденія невѣжеству, бѣдности, отчужденію отъ смертныхъ и одиночеству даже посреди многолюдства, пріобрѣтаютъ, подъ покровомъ Маріи, нужныя для благосостоянія ихъ свѣдѣнія, возрастаютъ въ довольствѣ, живутъ въ сообществѣ, наслаждаются пріятностями супружеской жизни, познаютъ сладость чувствованій родительскихъ, безбѣдно достигаютъ старости и склоняются тихо къ западу дней своихъ, снабжаемые всѣми пособіями до гроба. Глухіе и нѣмые, заключенные навсегда столь важнымъ недостаткомъ въ тѣсные предѣлы посредственности, разрушая преграды, поставляемыя уму и способностямъ ихъ, являются свѣдущими чиновниками, отличными художниками, искусны[illegible] ремесленниками, опытными наст[illegible] никами подобныхъ себѣ, и, [illegible] шенные слова, смѣло входятъ [illegible] ряды твореній словесныхъ,—дѣл[illegible] ются причастными гражданск[illegible] жизни, пользуются выгодами и уд[illegible] вольствіями общества.

Если-бъ возможно было наш[illegible] почтеннѣйшіе слушатели, прони[illegible] нутымъ признательностію къ по[illegible] чивающей въ Бозѣ Императри[illegible] Маріи Ѳеодоровнѣ, удостоить[illegible] увидѣть нынѣ сію Монархиню по[illegible] среди насъ, и призвать всѣх[illegible] облагодѣтельствованныхъ Ею д[illegible] принесенія Ей справедливой жерт[illegible] вы благодаренія: сколь восхити[illegible] тельная картина, сколь величест[illegible] венное зрѣлище, сколь многолюд[illegible] ное и торжественное собраніе пред[illegible] ставилось бы изумленному взору на[illegible] шему! Стѣны Петрополя не вмѣсти[illegible] ли-бы собравшихся множества. М[illegible] увидѣли-бы людей разнаго званія [illegible] состоянія, пола и возраста, отъ ни[illegible] щихъ, носящихъ рубище, до вель[illegible] можъ, блистающихъ златыми одеж[illegible] дами,—отъ неизвѣстнаго воина д[illegible] вождя знаменитаго, отъ оратая д[illegible] царедворца, отъ простаго граждан[illegible] нина до совѣтника Думы царской, [illegible] отъ дочери ратника до супруги [illegible] полководца, отъ младенца въ ко[illegible] лыбели до пригвожденной къ одру [illegible] старости; мы увидѣли-бы ихъ, за[illegible] бывающихъ различіе достоинствъ, [illegible] заслугъ, породы, сана и достоянія, [illegible] наперерывъ одинъ передъ другимъ [illegible] стремящихся изъявить августѣй[illegible] шей благодѣтельницѣ сердечную [illegible] свою признательность; мы увидѣ[illegible] ли-бы ихъ всѣхъ, съ свободными [illegible] отъ заботъ и горестей челами, и, [illegible] такъ сказать, дышащихъ однимъ [illegible] только благодареніемъ. Здѣсь за-

ритникъ отечества, поставлявшій грудь свою цѣлію непріятелю, чтобъ удары его не разразились на насъ, приближившись на костыляхъ, простосердечно сказалъ-бы Маріи: «Ты упокоила израненнаго и уже безполезнаго для государства воина.» Тамъ красота, цвѣтущая здравіемъ и юностію, указывая на счастливаго супруга и веселыхъ дѣтей, воскликнула-бы: «Тебѣ обязана я семейственнымъ благополучіемъ; Ты призрѣла меня, сироту, и воспитала подъ материнскимъ кровомъ Твоимъ.» Индѣ украшенный почестями сановникъ, преклонивъ главу, возвѣстилъ-бы, что онъ не престанетъ быть признательнымъ вѣнчанной благодѣтельницѣ своей за ту пользу, которую успѣлъ принести государю и отечеству: онъ былъ взысканъ Ея благостію; Она открыла обширное поле усердію и способностямъ его. Далѣе маститый старецъ, бросясь на колѣна, сказалъ-бы Монархинѣ: «Ты въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ замѣнила мнѣ кровныхъ и друзей; десять лѣтъ провелъ я въ открытомъ Тобою убѣжищѣ, и въ минуту разлученія съ жизнію Провидѣніе привело Тебя еще, чтобъ утѣшить меня на краю гроба.» Здѣсь слѣпцы, никогда не видавшіе свѣта солнечнаго, единодушно возгласили-бы: «Ты была намъ свѣтильникомъ во тьмѣ и звѣздою утѣшенія на скорбномъ пути жизни.» Тамъ лишенные слова, простирая длани и вознося къ Ней слезные взоры, самымъ молчаніемъ своимъ громко и краснорѣчиво выражали-бы избытокъ чувствованій, волнующихся въ груди ихъ.

К. П. Ширинскій-Шихматовъ.
(Слово Похвальное Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ).

---

32. Изъ Похвальнаго слова Александру Благословенному.

Благочестіе Александра.

Императоръ Александръ глубоко проникнутъ былъ высокими истинами Откровенія, и, не взирая на многочисленныя упражненія свои, постоянно посвящалъ нѣкоторое время на чтеніе Боговдохновенныхъ Писаній. Изъ сего-то невозмущеннаго источника премудрости вѣчной почерпалъ Онъ истинное понятіе о верховной власти; въ немъ-то, какъ въ чистѣйшемъ зерцалѣ, усматривалъ, что цари, хотя и превознесенные превыше человѣковъ, суть не что иное, какъ приставники и служители Божіи; изъ сей-то сокровищницы небесныхъ знаній извлекалъ Онъ убѣжденіе, что тщетны всѣ напряженія разума, ничтожны всѣ усилія земнаго могущества безъ благословенія свыше; въ сей-то нетлѣнной оружехранительницѣ находилъ Онъ щитъ и стрѣлы противъ обольщеній величія мірскаго и обаяній лести окружавшихъ Его царедворцевъ. Возношеніе мысли и сердца къ Богу и благочестивыя размышленія составляли также одно изъ пріятнѣйшихъ и необходимѣйшихъ занятій Благословеннаго. Съ какимъ благоговѣніемъ предстоялъ Онъ во храмахъ Божіихъ, возсылая, подобно Соломону, усердныя молитвы, да ниспошлется ему помощь для управленія безчисленнымъ народомъ! Съ какимъ страхомъ, съ какою вѣрою приступалъ къ алтарю для вкушенія отъ Божественной трапезы! Постигало-ли Россію или Царственный Домъ Его бѣдствіе? Онъ смирялся предъ судьбами Вышняго, прибѣгалъ всенародно къ престолу Божію, изли-

валъ печаль свою предъ Сердцевѣдцемъ, возлагалъ на Него все упованіе свое, и—благодушествовалъ. Совершалось-ли какое радостное для государства событіе? Онъ со всѣмъ народомъ приносилъ Отцу щедротъ благодарственное моленіе, воздавалъ славу Подателю благъ, признавалъ себя недостойнымъ изліянной на Него и на царство Его милости, и — не возносился. Въ частыхъ путешествіяхъ по Россіи не всегда-ли съ новымъ удовольствіемъ посѣщалъ Онъ мирныя обители самовольныхъ тружениковъ, вмѣнившихъ ни во что славу и богатство, да пріобрящутъ благодать Божію? Не слагалъ-ли съ себя, въ сихъ убѣжищахъ покаянія, царскаго величія, и посреди немощныхъ міра являлся самъ яко немощенъ, раздѣляя съ ними подвиги спасенія, участвуя во бдѣніяхъ и молитвахъ? Сколько разъ, уединяясь изъ сихъ уединенныхъ обителей, искалъ назидательныхъ бесѣдъ съ отшельниками, слушалъ внимательно ихъ простыя не растворенныя мірскою мудростію наставленія, и смиренно умолялъ о ходатайствѣ у царя Небеснаго тотъ, къ которому обращалися земныя ходатайства?

Милосердіе.

Право миловать, сіе драгоцѣннѣйшее достояніе величія царскаго, было любимѣйшею принадлежностію Александра. Но разсудительное милосердіе Его никогда не имѣло вида слабости. Твердо увѣренный, что не отъ умѣренности наказаній, а отъ ненаказанности возрастаютъ пороки и усиливаются преступленія, Онъ облегчалъ участь злодѣевъ изъ человѣколюбія; прощалъ или не[illegible] леннымъ нарушителей закон[illegible] тѣхъ, кои хотя и не безъ у[illegible] впали въ преступленіе, но в[illegible] ствахъ глубочайшаго раск[illegible] прежде произнесенія надъ [illegible] суда человѣческаго, убоялис[illegible] Божія и сами произнесли на[illegible] бою строгій судъ совѣсти. На[illegible] нія во всякомъ благоустрое[illegible] гражданскомъ обществѣ необ[illegible] мы; они подобны благотво[illegible] вѣтрамъ, отрывающимъ изс[illegible] вѣтви отъ древесъ,—отъ чег[illegible] большая сообщается имъ кр[illegible] и сила. Но наказанія, налаг[illegible] безчувственнымъ письмомъ и[illegible] копами, дабы въ полной мѣр[illegible] стигнуть благодѣтельной цѣл[illegible] ей, должны быть смягчаемы по[illegible] рѣ того, какъ обстоятельства [illegible] болѣе или менѣе служатъ къ [illegible] ненію преступниковъ. На сей [illegible] основаніи Александръ, вынуж[illegible] ный къ мѣрамъ строгости, вон[illegible] чувствованіямъ сердца своего [illegible] ною только необходимостію, [illegible] ко давалъ приговорамъ судеб[illegible] полную силу. Прилагая еще б[illegible] попеченія объ огражденіи добр[illegible] нежели о наказаніи злыхъ, [illegible] подтвердилъ, чтобы безъ суда [illegible] кто не наказывался, и всенар[illegible] изрекъ сіи достопамятныя сл[illegible] «Если я хочу, чтобъ преступл[illegible] было обнаружено и получило д[illegible] ное возмездіе; то еще болѣе [illegible] лаю, чтобы невинность нахо[illegible] въ судѣ и законѣ всѣ средств[illegible] своему оправданію.» И хотя мы [illegible] дѣли, что въ тѣхъ немногихъ [illegible] чаяхъ, когда продолжающееся [illegible] казаніе долженствовало не то[illegible] служить удовлетвореніемъ за[illegible] намъ, но и назидать общество [illegible] зительнымъ примѣромъ,—хотя [illegible] видѣли, говорю я, сего Госу[illegible]

нѣкоторое время непреклонными самыя сильныя ходатайства безрдными: по тысячи спасенныхъ погибели семействъ, тысячи вращенныхъ изъ заточенія гражъ, тысячи несчастныхъ, накшихъ на себя преслѣдованіе восудія и обязанныхъ Алекдру облегченіемъ жребія сво, благословляли имя сего Моха; слухъ о Его милосердіи олнялъ обширные предѣлы имiи, и увѣренность въ благости ударя оживляла сердца подныхъ въ самыхъ отдаленныхъ яхъ Россіи.

Политика.

Если отъ внутренняго управлеобратимся къ сношеніямъ Росъ другими государствами въ ствованіе Благословеннаго, — увидимъ цѣль благодѣтельную, дства открытыя, миролюбіе чужсвоекорыстія. Напрасно утверли, что политика несовмѣстна правилами христіанской вѣры. ь сомнѣнія, если подъ полити- разумѣть хитрость, обманъ, рство и насиліе, она совер- но противна ученію евангельу. Но если здравая политика не что иное, какъ предусмоельность, какъ благоразуміе, ь строгое соблюденіе правъ наыхъ, какъ всемѣрное стараніе храненіи равновѣсія въ отноьныхъ силахъ разныхъ госуствъ: то какимъ образомъ отъ тики думаютъ отдѣлить осноe и вѣнецъ всѣхъ добродѣте—вѣру христіанскую? Кто увѣ- насъ, что Всевышній предоилъ жребій народовъ замыъ и ухищреніямъ человѣчеъ? Кто увѣрутъ насъ, что монархи, только окруживъ намѣренія свои непроницаемою завѣсою, только отвѣтствуя на искреннія обращенія къ нимъ чуждыхъ державъ неопредѣлительными выраженіями и двусмысліемъ, только разсѣвая вокругъ себя недовѣрчивость и опасенія, — однимъ словомъ, только двоедушіемъ и кознями могутъ возвыситься надъ другими царями, пріобрѣсть рѣшительный въ дѣлахъ съ ними перевѣсъ, и чрезъ то умножить славу и величіе своихъ государствъ? Конечно, Провидѣніе во гнѣвѣ послабляетъ иногда бразды коварству и даетъ торжествовать насилію. Но для чего? Не для того-ли, чтобъ разрушить внезапно самонадѣянность сильныхъ земли, ниспровергнуть однимъ ударомъ многолѣтнія зданія ихъ высокомѣрія, явить ничтожность могущества нечестивыхъ и, шумомъ паденія ихъ, возвѣстить въ концахъ вселенной, что одна только добродѣтель утверждаетъ благосостояніе государствъ? Такъ, милостивые государи! если при испытаніи дѣлъ Божіихъ въ природѣ и должны мы по необходимости останавливать вниманіе на вторыхъ или посредственныхъ причинахъ, въ вѣчномъ невѣдѣніи о первыхъ побужденіяхъ и начальныхъ силахъ, скрывающихся отъ ограниченности нашей во всемогуществѣ Творческомъ: то не должны и, безъ самовольнаго ослѣпленія, не можемъ руководствоваться тѣмъ-же правиломъ въ отношеніи къ перемѣнамъ, постигающимъ царства и народы. Здѣсь небесный промыслъ свѣтлѣе солнца является въ событіяхъ, обращаетъ въ ничто предначертанія гордыни и посрамляетъ прозорливость и расчеты человѣческіе. Чтобъ убѣдиться

въ томъ, довольно обозрѣть важнѣйшія изъ предшествовавшихъ воцаренію Императора Александра происшествій и главнѣйшія политическія перемѣны въ Его царствованіе.

Твердость въ напастяхъ.

Немногіе монархи суждены были перенесть столько бѣдствій, сколько опредѣлено было Благословенному; по присовокупимъ къ утѣшенію нашему, что ни одинъ вѣнценосецъ не переносилъ ихъ съ такимъ великодушіемъ и съ такимъ упованіемъ на благость Божію. Не буду говорить здѣсь о великихъ потеряхъ Царственнаго Дома, о двукратномъ торжествѣ неумолимой смерти надъ единственными плодами брачнаго союза Императора Александра съ Принцессою Баденскою, которой скроипыя добродѣтели въ теченіе тридцати лѣтъ украшали Дворъ и назидали столицу. Усердный и покорный сынъ! нѣжный братъ! чадолюбивый отецъ! сколь много стрѣлъ мучительной горести изощрялъ на Тебя гнѣвный рокъ, и какъ часто поражалъ чувствительное сердце твое въ священныхъ отношеніяхъ родства и дружества! Не стану говорить о многихъ, неразлучныхъ съ ношеніемъ вѣнца царскаго, скорбяхъ, о войнахъ, въ которыя невольно вовлекаемъ былъ тотъ, кто никогда не выпускалъ изъ памяти, что долженъ дать отчетъ въ жизни каждаго изъ подвизающихся въ Его ополченіяхъ ратниковъ. Вы лучше меня можете судить, милостивые государи, сколь тяжки долженствовали быть ему жертвы, такимъ образомъ для блага нашего принесенныя, особливо если по стеченію непредвидимыхъ обс тельствъ не усматривалось от го никакой существенной по

К. П. Ширинскій-Шихмат

(*Слово похвальное Императору Але дру Благословенному*).

---

33. Изъ Рѣчи о содѣйствіи Мос скаго Университета успѣ отечественной словесности

Вѣкъ Петра Великаго.

Наблюдая судьбу государ то слабѣющихъ и падающих возникающихъ и возвышающ при безчисленныхъ измѣне ума, воли и чувства, видим стоянное стремленіе человѣч къ совершенствованію. Один родъ, завѣщавая другому сво сли, дѣянія и чувствованія, в открываетъ какую-либо ст основныхъ нашихъ идей, зна человѣческаго достоинства. духовная жизнь человѣчества ражающаяся въ наукѣ и иск никогда не гибнущая, вѣчно какъ огнь священный, сохра ся посредствомъ слова, перед маго изъ страны въ страну рода въ родъ. Въ древнемъ могущественное слово хр мудрецы; въ мірѣ новомъ его нятъ цѣлыя сословія ученых мірѣ древнемъ мудрецъ пов науку и искуство своимъ у камъ — послѣдователямъ; в новомъ ученый передаетъ щанное сокровище мысли а міи и университету. Обозри кругъ себя улучшеніе горо образованіе общежитія, твор произведенія слова: вы убѣд что все это истекаетъ изъ храмовъ наукъ, которымъ у всю жизнь свою посвящают сюда въ чародѣйственномъ

вается свѣтъ истины, блага
цества. Академія и универ-
, въ исторіи человѣчества
авляютъ торжественное зрѣ-
силы мысли, повелѣвающей
ми, укрощающей страсти,
ющей холстъ и мраморъ. Для
йшихъ успѣховъ, академики
ессоры издавна раздѣлили
собою ученые труды: одни
тривають отдѣльно Творца
ичныя стороны природы и
ка; другіе наблюдаютъ всю
дѣльную природу, всю глу-
человѣка въ совокупности.
міи разработываютъ науку
кусство, и взаимно сообща-
уды свои не рѣдко на языкѣ
мъ; университеты, храня и
ая ввѣренное имъ умствен-
гатство, дѣлятся имъ съ дру-
ъ живомъ словѣ. Общее до-
е человѣчества — знанія пе-
, въ слово того или другаго
а и содѣйствовать его обра-
ности: таково назначеніе уни-
етовъ. Этою истиною глубо-
никнутый божественный Пре-
тель нашъ, желая возжечь
нный огнь науки въ возлю-
ой для него Россіи, совѣщал-
Лейбницемъ, представите-
современныхъ ученыхъ: и
ая мысль Петра осуществи-
олею Августѣйшей Его Су-
и Августѣйшей Его Дщери.
наша умственная жизнь воз-
ась въ С.-Петербургской Ака-
и въ Московскомъ Универ-
ъ.

бы видѣть высокое назначе-
осковскаго Университета не
для отечественнаго слова,
вообще для отечественнаго
ѣщенія, надобно вспомнить,
комъ состояніи находилась
а, когда Россія выведена би-
ла Петромъ Первымъ изъ азіатска-
го покоя на поприще европейской
дѣятельности, и съ какими ум-
ственными силами выступила она
на новый подвигъ. Въ исторіи сло-
весности, равно какъ и въ исторіи
судебъ человѣчества, каждый на-
родъ выполняетъ назначеніе свое,
стремится къ осуществленію мы-
сли, по волѣ всемогущаго Проми-
сла, въ духѣ его таящейся. Раз-
личныя эпохи словесности каждаго
народа представляютъ различныя
формы тѣхъ идей, къ развитію ко-
торыхъ онъ призванъ. Орудіемъ къ
этому осуществленію идей слу-
житъ слово, которое совершен-
ствуется вмѣстѣ съ успѣхами на-
роднаго образованія; самопознаніе
въ народѣ, выраженное словомъ,
заключается въ народной словес-
ности. Въ ней его и умъ, и воля,
и чувство; въ ней всѣ стороны вѣч-
ной мысли, открытыя народомъ.
Слѣдовать за теченіемъ какой-ли-
бо словесности, значитъ наблюдать
развитіе всѣхъ элементовъ ум-
ственной дѣятельности, согласно
съ духомъ времени и подъ вліяні-
емъ извѣстныхъ народовъ и лицъ,
представителей человѣчества. Такъ
и намъ различныя эпохи отече-
ственной словесности можетъ объ-
яснить единственно состояніе ум-
ственной жизни европейской и оте-
чественной, зрѣвшей вмѣстѣ съ
умственной жизнью народовъ, пре-
имущественно дѣйствовавшихъ на
наше образованіе.

Вѣкъ Петра Великаго, разсматри-
ваемый въ отношеніи религіозномъ,
гражданскомъ и ученомъ, пред-
ставляется замѣчательнѣйшимъ вѣ-
комъ: имъ, говоритъ одинъ совре-
менный писатель, рѣшена послѣд-
няя тяжба новаго времени съ предъ-
идущими вѣками.—Въ этомъ вѣкѣ,

на западѣ, во всѣхъ состояніяхъ разительно измѣнился прежній порядокъ дѣлъ, измѣнились прежніе нравы, оставили землю прежнія доблести, начали появляться совершенно новыя идеи. Тогда вышли на позорище міра сильные народы, прежде неизвѣстные, и слабый, одряхлѣвшій югъ преклонилъ главу предъ бодрымъ и свѣжимъ сѣверомъ. Свѣтъ науки, нѣкогда озарявшій востокъ и югъ, долго блиставшій на западѣ, загарался утреннею зарею въ странѣ полночной. Гордый разумъ человѣка, неруководимый свѣтомъ божественнаго откровенія, своимъ только опытомъ проникалъ существо вещей, созидалъ новыя значенія, искалъ простѣйшихъ основаній — и, слѣпо очарованный собою, падалъ подъ бременемъ предразсудковъ, опутывалъ себя заблужденіями. Допытываясь сокровенныхъ таинъ природы, въ забвеніи высокаго назначенія своего, человѣкъ, омрачивъ свой образъ и подобіе Божества, воскурялъ жертвы чувственности, отказался отъ души своей, возносящей его надъ всѣмъ твореніемъ Божіимъ. Въ умственномъ наслѣдіи, которое завѣщали осмнадцатому вѣку предшествовавшіе вѣка, шестнадцатый и семнадцатый, видимъ одно смѣлое общеніе знаній. Вѣкъ разрушенія не питалъ жизни искуства, въ особенности поэзіи, этого крина, цвѣтущаго въ обществѣ благоустроенномъ и счастливомъ, и вянущаго отъ тлетворнаго дыханія умовъ и пыла кипящихъ страстей. Человѣкъ, подчинивъ духъ свой чувственности, и въ искуствѣ подражалъ внѣшней природѣ: въ ней хотѣлъ возсоздать міръ изящнаго, похоронилъ въ себѣ самомъ небесный идеалъ. И умолкла гармонія неба и земли, выражающаяся въ искуствѣ. Одна Германія давала пріютъ поэзіи; она только извлекала пѣсни изъ священной лиры, завѣщанной ей реформаціей; она переселила въ свои старые замки доблести среднихъ вѣковъ. Характеръ осмнадцатаго вѣка выразился преимущественно въ томъ народѣ, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемірности языка, былъ точнымъ его исполнителемъ: ему вполнѣ соотвѣтствовалъ характеръ Французовъ. Изъ Франціи исходили ученія, занимавшія Европу; во Франціи совершались новые ученые труды, узаконялись старые, и оттолѣ повсюду распространялись. Прочія страны, какъ покорныя данницы, въ покоѣ безмолствовали, и подносили наставницѣ своей дары всѣхъ царствъ природы и всѣ пріобрѣтенія ума.

Что-жъ въ это время происходитъ у насъ? Въ Россіи начинается новая жизнь, наступаетъ новый возрастъ народнаго самопознанія. Всѣ силы могущаго исполина, какимъ явилось отечество наше во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, возбуждаетъ великій нашъ Преобразитель. Его зиждительнымъ словомъ возникло благоустроенное войско на сушѣ и на морѣ, пробудилась народная промышленность и торговля, заведены училища для образованія благороднаго юношества, собраны ученыя сокровища, учреждены типографіи, которыми самъ монархъ начерталъ новыя письмена гражданскія: и мы возчувствовали себя самихъ, стали участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, познали, что мы, остава-

Русскими, можемъ пользовать-
лагодатными плодами просвѣ-
я. Въ открытый Петромъ но-
міръ, въ міръ знаній, устре-
сь всѣ силы духа; въ знаніи
едоточилась вся жизнь ум-
ная; творческое искуство,
кринъ быта общественнаго,
исцвѣтало среди этой умствен-
работы, во время ученыхъ пріі-
геній изъ новаго міра знаній,
не образовавшихъ стройнаго
го. Сподвижники Петра на по-
тѣ просвѣщенія согрѣвая на-
теплотою вѣры и преданности
голу, главныхъ стихій народ-
характера, славили спаси-
ое дѣйствіе преобразованій
овыхъ. Въ училищахъ, учреж-
ыхъ для дворянства, воспиты-
сь способные люди для служ-
осударевой. Московская и Кі-
ая Академіи, наперерывъ одна
ой, образовали правителей
вы; но въ половинѣ осмнадца-
столѣтія, питомцы Москов-
Славяно-Греко-Латинской
демін проповѣдью на велико-
йскомъ нарѣчіи начинали опе-
ть ученыхъ Малороссіянъ.
демія Наукъ въ новомъ градѣ
а представлялась чужеземною
віею на русской почвѣ: знаме-
е ученостью иностранцы, при-
ленные въ Академію, продол-
разработывать науку, понят-
для немногихъ, посвященныхъ
ся таинства, и разумѣвшихъ
странные языки; а благодат-
, живительный свѣтъ ея рас-
траняется только посредствомъ
аго слова. Въ дѣловыхъ и госу-
гвенныхъ бумагахъ, изъ смѣ-
я разныхъ иностранныхъ ре-
ь, водворившихся у насъ вмѣ-
съ новыми понятіями, образо-
л новый языкъ.

Такъ протекла первая половина осмнадцатаго столѣтія. Сосредоточивая духовную дѣятельность въ силѣ познавательной, мысъ жадностію завоевывали новый міръ знаній, стремились къ совершенствованію по разнымъ направленіямъ; радовались, когда умѣли пересказывать выученное у чужеземцевъ, учителей нашихъ, хвалились лепетомъ на иностранныхъ языкахъ, и не стыдились забывать свой отечественный. Мы еще не заглядывали въ сокровищницу духа своего, не созерцали самихъ себя, не пересматривали чуждыхъ присвоеній, и безусловно вѣрили ихъ необходимости. И отъ того мы не въ состояніи были постигнуть простой истины, что умственное развитіе въ народахъ тогда только возможно, когда наука и искуство становятся общимъ достояніемъ, проливаясь въ жизнь общественную потокомъ народной рѣчи; что тогда и *Словесность, или умъ, воля и чувство народа въ словѣ*, изображаетъ духъ народный.

На первое призваніе времени явился Ломоносовъ, писатель съ умомъ всеобъемлющимъ, съ разнообразными знаніями, согрѣтый чувствомъ любви къ русскому просвѣщенію. Вънемъ проявилась воля могучаго Преобразователя — Петра. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился и поэтомъ, и витіею, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый міръ вѣдѣнія, до него невыраженный. Превосходство его и недостатки носятъ на себѣ знаменіе возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. Чуждый народности, по духу тогдашней учености, онъ ищетъ сокровищъ въ языкѣ славяно-церковномъ; про-

славляя подвиги Великаго, онъ облекаетъ русскую рѣчь въ римскую тогу; приходя въ восторгъ поэтическій, при созерцаніи мудрости Елисаветы, онъ размѣряетъ стихъ нѣмецкими стопами. Не создавъ языка истинно русскаго, Ломоносовъ согласилъ враждебныя чужеземныя стихіи, долго искажавшія русское слово, привелъ его въ стройное единство, придалъ ему правильную форму. Но эта искуственная, книжная рѣчь не походила еще на рѣчь живую, творимую народнымъ самопознаніемъ; она еще не выражала русской физіогноміи. Отъ того какіе плоды трудовъ Ломоносова? Ему подражаютъ одни только ученые; свѣтскіе люди, слѣдуя направленію вѣка, ищутъ образцовъ словесности во Франціи; южные цвѣты ея, не самородные, а пересаженные изъ Греціи и Рима, стараются усвоить угрюмому сѣверу. Отечественная поэзія, нѣкогда сроднившаяся съ роскошною фантазіею востока и съ религіозными легендами Греціи, воспѣвавшая князей и богатырей, была забыта. Пѣсня и сказка не смѣли являться въ палаты знатности и богатства; тамъ ими только убаюкивали дѣтей. Народъ оберегалъ эту поэзію и отъ схоластики, и отъ западной подражательной словесности. Не было средоточія народному самопознанію, въ которомъ-бы чужеземныя приобрѣтенія превращались въ живительную кровь, и, подъ вдохновеніемъ отечественной вѣры, закона, исторіи, изливались-бы въ живомъ русскомъ словѣ. Уже не одинъ преобразитель слова, но многіе ученые русскіе нужны были, по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ; потребенъ былъ оплотъ противъ ученій безполезныхъ, и такой храмъ наукъ, гдѣ умственныя сокровища, приносимыя на жертвенникъ отечественнаго просвѣщенія, повѣрялись-бы русскимъ духомъ, русскою любовью къ вѣрѣ и престолу.

Вотъ, м. г., на какой степени образованности находились мы въ то время, когда Елисавета изрекла всемощное «да будетъ», когда, по творческому слову Ея, явился Московскій Университетъ, и началъ великое дѣло народнаго образованія, какъ потребность духа времени. Въ сердцѣ Россіи, подъ сѣнію Кремля, свидѣтеля нашихъ бѣдствій и торжествъ, хранящаго въ стѣнахъ своихъ безцѣнные для насъ и священные останки угодниковъ Божіихъ и гробы Государей — въ Москвѣ, гдѣ срослись прежде разрозненные члены могучаго исполина, откуда растекался животворный духъ русскій на защиту церкви и престола — гдѣ утвердилось спасительное самодержавіе—здѣсь Елисавета учреждаетъ Университетъ. Хранить небесный огонь науки и проливать благотворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ—таково призваніе профессоровъ, жрецовъ новаго храма. На какой славный подвигъ призываетъ Университетъ Государыня, отечество! Какіе славные труды ожидаютъ великаго дѣлателя! Съ какимъ самоотверженіемъ Университетъ-первенецъ подвизается на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, распространяетъ науки на отечественномъ языкѣ! Да будетъ свѣтъ отъ тебя, нашъ благотворный вертоградъ русскаго просвѣщенія и русскаго слова!

И. Давыдовъ.

(*Рѣчь о содѣйствіи, и проч.*).

34. Изъ рѣчи объ Уложеніи.

Причины Уложенія.

Для всѣхъ событій исторіи есть причины отдаленныя и есть причины близкія. Уложеніе имѣетъ свои причины *отдаленныя*. Начало и конецъ всего творенія есть единство. Все исходитъ изъ единства и стремится къ единству. Это законъ природы и всемірной исторіи. Чѣмъ совершеннѣе физіологическое образованіе народныхъ племенъ, чѣмъ правильнѣе раскрываются въ нихъ естественныя силы, тѣмъ дѣятельнѣе въ нихъ стремленіе къ единству. Великіе народы, какъ великіе умы, всегда отличались непобѣдимымъ стремленіемъ къ единству; народы малые всегда противились сему закону,—и всемірная исторія осудила ихъ работать чуждому началу и чуждымъ властямъ. Конечно, все великое въ народахъ требуетъ не маловажныхъ усилій и не безкровныхъ жертвъ;—слезы и скорбный плѣнъ послѣдуютъ ему; но когда падутъ преграды, на семъ пути встрѣчаемыя, когда умолкнутъ вопли побѣжденныхъ: тогда Провидѣніе вводитъ побѣдителя на поприще всемірной исторіи и вручаетъ ему жезлъ власти надъ народами. Исторія чтитъ его именемъ классическаго народа. Народы Азіи не выходили никогда изъ первобытнаго единства, совмѣщая въ себѣ начало и конецъ своей исторіи, а обитатели Африки не хотѣли никогда разстаться съ языческимъ разнообразіемъ; за то исторія осудила ихъ на вѣчное порабощеніе природѣ или служеніе народамъ достойнѣйшимъ. Но Греки и Римляне, возбуждаемые началомъ движенія, благородными усиліями и трудами, изъ малыхъ племенъ сдѣлались великими народами, наставниками и повелителями цѣлаго міра. Они стремились къ единству, и достигли своей цѣли. Греческая душа выразилась въ пропорціяхъ общественнаго быта, въ гармоніи ума, воли и чувства, и даровала всемірной исторіи великихъ законодателей для сего нравственнаго благоустройства. Иная цѣль была стремленію Рима. Это народъ внѣшняго порядка. Великій, могущественный Римъ неуклонно стремился къ единству власти, и побѣда его совершилась; онъ сложился изъ всѣхъ земнородныхъ, изъ всѣхъ формъ религіи, изъ всѣхъ земныхъ властей. Это *Orbis terrarum*—Великая Имперія, вѣнчанная Сводомъ Юстиніана, съ царственнымъ священіемъ правды на челѣ своемъ.

Примѣняя бытіе нашего отечества къ всемірному закону единства, мы находимъ, что и оно получило отъ природы сіе живое стремленіе, и воля Провидѣнія чудесно ведетъ его къ сему великому назначенію. Россіи дано внѣшнее единство, мужественное племя Славянъ, нераздѣленное никакими мѣстными преградами, никакими сильными разнородцами; Россіи дано внутреннее единство—христіанская вѣра, начало вѣчнаго обновленія и усовершенія народовъ. Утвержденная насихъ единствахъ, не смотря на всѣ препятствія, встрѣчаемыя ею, не смотря на разрушительное дѣйствіе системы удѣловъ, татарскаго ига, недоброхотства сосѣдей, Россія бодро идетъ къ предназначенной цѣли. Терзаемая удѣльными князьями, она воздвигала пастырей церкви умолять враждующихъ о мирѣ православнаго

міра именемъ вѣры и отечества. Потомъ татары терзали ее своими нашествіями и наѣздами; но и здѣсь сознаніе единства духа и крови отстояло бытіе царства противъ имперіи, невѣдущей единства. Наконецъ во время междуцарствія недоброхотство сосѣдей и честолюбіе римскаго двора, подстрекаемыя раздорами безгосударнаго правленія, мечтали погубить Россію, — и встрѣтили страшное пробужденіе народнаго сознанія о единствѣ. Россіяне возстали на защиту отечества «яко мужъ единъ,» и сокрушили силу своихъ враговъ. Это сознаніе было только въ духѣ народныхъ племенъ и духовенства; оно могло спасать Россію отъ распаденія и порабощенія; но безсильно было вести ее къ дальнѣйшему назначенію, къ высшему благоденствію. Стремленіе къ единству осуществилось гораздо внутреннѣе, дѣйственнѣе въ лицѣ государей: къ племенному и духовному единству пріобщается единство политическое. Іоаннъ III и Іоаннъ IV и мыслятъ и хотятъ исполнить святое желаніе церкви и влеченіе племенъ. Россія неудержимо стремится къ единству царства и народа! Московское самодержавіе запахиваетъ рубежи, срубаетъ грани областей; географическое пространство стянулось въ Кремлѣ, и побѣждающее единство открыло свои дѣйствія на всѣхъ пунктахъ разобщенной Россіи. Псковская правда взлетѣла на воздухъ; новогородская предана на потокъ и разграбленіе; Рязань и Тверь увлечены всеобщимъ тяготѣніемъ событій; сила центральнаго влеченія заставила ихъ вращаться въ сферѣ московскаго владычества. Все *потянуло къ Москвѣ*! Померкли свѣтл князья русскихъ градовъ пре величествомъ царя московскаго всея Россіи! — два образа едина могущества! Удѣльныя силы ихъ родословными князьями с дятся вкругъ священнаго Крем Здѣсь Новгородъ и Волга въ го тяхъ и черныхъ тяглецахъ; здѣ изстаринная храбрость рязанск и бѣлозерская, и книжная мудрос Кіева, и работящій смыслъ Вл диміра, и художный умъ Суздал Все священное и земное сосред точилось въ Москвѣ; здѣсь еди ство Россіи въ ея безконечно разнообразіи; здѣсь соборное цар ство, соборный народъ, соборн законодательство! Пали средостѣ нія русскихъ племенъ, и царь по велѣлъ: «чтобъ вездѣ было все е великаго государя государство, опричь-бы его государя (торгов и промышленные люди) - *ничьи именемъ не называлися*. По цар ственному слову, князья исчез въ имени царя!

Это общій законъ единства, ко торому подчинены всѣ народы в ихъ историческомъ движеніи. Рос сія исполнила его бытіемъ цар ства московскаго и всея Росси Но, кромѣ сего всемірнаго закон есть законъ мѣста и времени, со здавшій единство царства и зако нодательства. Если мы вникне глубже въ историческія тайны Рос сіи и въ самое сознаніе русска народа, въ которомъ онъ всѣ сла ныя дѣла свои, всю сущность зем наго бытія полагаетъ въ имени ца ря; то мы должны убѣдиться, чт искони темная идея восточнаго са модержавія, можетъ быть, совре меннаго Городоту и Солону, пр осѣняла нашу землю и жила в воспоминаніи волжскихъ племен

—можетъ быть, это была цар-
ая земля храбрыхъ Хаза-
которые исчезли изъ міра и
тописей, въ темномъ преда-
гавивъ намъ идею своего ца-
-то идея блуждала, упразд-
на берегахъ Волги и Дона,
съ поръ, пока татарскіе по-
ли вновь не воплотили ее въ
пустынномъ величествѣ.
поклонилась недостойному
азу! Наконецъ воспрянула
ая земля, отрясла съ себя
ія орды и достояніе соплем-
хъ Хазаръ обновилось въ сво-
ъ величествѣ Іоанна Грозн-
Такъ, идеи никогда не уми-
! Сбрасывая бренныя тѣла
ъ земныхъ, онѣ скитаются по
ной исторіи, доколѣ не вой-
ъ новыя, мужественныя тѣла
въ и царствъ. Есть госте-
ые климаты, есть небеса,
зываютъ къ себѣ этихъ все-
ъ посѣтителей, и предаютъ
власть племена и царства.
ая земля создана для монар-
Но восточная идея самодер-
стремящаяся все превратить
тынное единство, встрѣтила
ное вліяніе на сѣверъ хрис-
ой Византіи, гдѣ восточная
арства живетъ органическою
запада, безконечнымъ раз-
зіемъ частныхъ жизней, кои,
ивъ свои временные круги,
щаются въ лоно единой го-
ственной жизни. Такъ рус-
ерковь, основанная на іерар-
комъ единствѣ Византіи, въ
время выражаетъ періоди-
начало древней Греціи. Ви-
вручила намъ вѣру, клиръ
ный и церковные законы —
приняли ихъ, какъ залогъ
ывнаго движенія и усовер-
ованія духа.

Въ то время, какъ Россія отъ механическихъ потрясеній сильно наклонилась къ востоку, отдаленная Европа, какъ-бы провидя въ ней будущую опору своего бытія, поддерживала ее вѣяніемъ классическихъ идей! Россія не имѣла для себя образца въ великомъ законодательствѣ Юстиніана; нобла-госклонная Европа удѣлила ей часть сего общаго европейскаго наслѣдія. Единоплеменная Польша передавала намъ классическія идеи въ Кіевъ; наемные капитаны и генералы заносили ихъ въ самую Москву. Москва слышала отголоски великой законодательной работы на западѣ; она сочувствовала всѣмъ земнымъ властямъ, сокрушающимъ престолы невѣнчанныхъ царей. Все, что поборало по единствѣ народовъ, прельщало ея духъ. Литва издала Статутъ; Москва — Уложеніе!

Наконецъ намъ извѣстны и *ближайшія побужденія* къ изданію Уложенія. Не задолго до сего изданія, прекращеніе царствующаго Дома Рюрикова произвело *безгосударное состояніе*. Россія разрѣшилась на области, Москва на партіи; не стало власти и закона: все было испровергнуто, все истреблено; уцѣлѣло одно неподвижное основаніе — вѣра отцовъ; она-то возстала противъ анархіи и спасла отечество отъ гибели. На престолъ восходитъ Домъ Романовыхъ; явился царь, явилось царство. Надлежало дать законную форму обновленному обществу, и вотъ является Уложеніе! Уложеніе утвердило царскую власть, единство государства, безопасность личности и святость собственности каждаго.

Итакъ Уложеніе въ исторіи рус-

скаго законодательства имѣетъ высокое значеніе. Оно есть произведеніе всемірнаго стремленія народовъ къ единству, въ немъ исчезаютъ уставы древнихъ областей Россіи. Оно есть плодъ вліянія византійскаго законодательства и литовскаго Статута; оно есть настоятельная потребность времени.

Переворотъ законодательства.

Я сказалъ все, что было достопримѣчательнаго въ періодѣ Уложенія. Безъ сомнѣнія, умы глубокіе настоящаго времени увидятъ въ немъ гораздо болѣе, нежели мы, а потомки наши и еще болѣе: ибо каждый вѣкъ приноситъ съ собою новый взглядъ на человѣка и государство. Но то, что мы видѣли, какія судьбы приготовляло въ будущемъ? Какія надежды подавало Россіи Уложеніе? Ничего печальнаго, ничего безнадежнаго. Законы были не многочисленны, но тверды въ основаніяхъ: ибо въ нихъ выразилась древняя русская душа, древняя русская правда. Доброта ихъ слишкомъ извѣдана на дѣлѣ, она испытана въ тяжкихъ переворотахъ исторіи. Каждое удержанное начало проведено невредимо чрезъ всѣ событія, очищено вѣковымъ бореніемъ всѣхъ стихій русскаго государства. Все случайное, всѣ тлѣнное извержено, упразднено. Все священное, все завѣтное Россіи осталось неприкосновеннымъ. Такъ неограниченная власть царя была чаяніемъ всей нашей исторіи, жизненнымъ духомъ русскаго народа. — Одна минута ея отсутствія повергла въ ничтожество дѣло вѣковъ, племена и царство,—и безпредѣльная преданность Россіи оправдалась. Царская власть забросила въ пустыни Азіи имперію Монголовъ, создала правительство, начертала законы, утвердила на вѣчныхъ основаніяхъ самобытность и благоденствіе Россіи. Таковы и всѣ другія уложенія! Оно очистило русскую землю отъ душегубства, разбоевъ и грабежей, оградило собственность гражданина, и вызвало къ жизни трудъ, ремесла и торговлю. Внѣшняя одежда законовъ могла ветшать; но духъ жизни, который проникалъ ихъ существо, обѣщалъ имъ безконечное обновленіе и усовершенствованіе. Чего-жъ еще желать отъ Уложенія и его потомства? Иль остались позорные слѣды нашихъ бѣдствій въ нравахъ народа? Иль недоставало христіанскаго просвѣщенія, истиннаго благочестія, любви къ ближнему? Но еще царь Алексѣй Михайловичъ позналъ цѣну истиннаго просвѣщенія, вкусилъ его съ благородными сынами своего царственнаго дома, и предъ лицемъ церкви и вселенскихъ патріарховъ отрекся отъ древняго невѣжества и всѣхъ дѣлъ его — отрекся за себя и за Россію; а юная, благородная рука Ѳеодора насадила первый вертоградъ нашего просвѣщенія. Чего-жъ недоставало русскому народу?

Преобразованія! — Его недоставало для семнадцатаго вѣка! Явился Царь съ горящей мыслію въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоноснымъ словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго — и двинулъ царство отъ него. — Чтожъ не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ? Что возмутило духъ Петра въ твореніи его от-

цовъ? — Но это тайна души великой, глубокая тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозовое облако, прошелъ надъ русскою землею. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришелье, какъ не терпѣлъ византійскаго двора, его роскошества и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Такое грозное соединеніе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознаніе собственныхъ силъ.... Посланникъ Неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ какомъ-бы онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ-бы народѣ ни воспитался, Онъ всегда и вездѣ былъ-бы преобразователемъ. Это его природа! Если-бъ онъ былъ современникомъ древнему Язону: его постигла-бъ участь божественнаго Иракла. Онъ былъ-бы слишкомъ тяжелъ для легкой греческой армады. Но Провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только русскій корабль могъ сдержать такого страшнаго пасажира! Только русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ этого духа, который напрягалъ ее, чтобъ уровнять ея силы съ своею исполинскою мощію! Дивное явленіе! Отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорятъ, что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія: но, Боже мой! какая наука могла ограпить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то что-жъ могла сдѣлать изъ него наука? Какой нѣмецъ могъ быть ему дѣтоводцемъ, какой французъ учителемъ? И природа и наука отступились, когда этотъ великій духъ помчалъ русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи! Петръ Великій не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы; только на смертномъ одрѣ почувствовалъ, что и онъ смертный: *«изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ,»* произнесъ онъ въ смертныхъ страданіяхъ! Таковъ былъ Петръ Великій! Ему нужно было совершить преобразованіе. И какое преобразованіе! Отъ конечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли! Онъ бритвой брѣетъ бороды, и топоромъ рубитъ невѣжество. Тысячи стрѣлецкихъ головъ падаютъ на преображенскомъ полѣ! Ни даже крестный ходъ царствующаго града не могъ смягчить его правосудія!

Преобразователь въ теченіе всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознаніе, что не одно рожденіе возвело его на престолъ, но Сила Высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ долженъ ему преемствовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ *достойнѣйшаго*. Но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ; а мы родились и малы и худы — намъ нужны были общіе уставы человѣчества! Петру Великому не нравилось наше древнее

государственное устройство. Государева Боярская Дума должна была уступить мѣсто Сенату; областные приказы ландратамъ и ландрихтерамъ. Ему не нравились и наши цѣловальники, наши дьяки и подъячіе. Онъ желалъ-бы посадить на ихъ мѣсто плѣнныхъ шведовъ, секретарей и шрейберовъ цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто въ сравненіи съ преобразованіемъ государственной службы. Самъ, начавъ ее съ солдата гвардіи, онъ прошелъ медленно по лѣстницѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что кормленье древнее, что царскій хлѣбъ и соль? Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ противъ даромъѣдовъ, мірскихъ съѣдухъ и казнокрадовъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копѣйку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную коммиссіонеромъ торгашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго.

Петръ Великій ничего не хотѣлъ *немножко*; онъ требовалъ отъ науки всѣхъ ея стяжаній, всѣхъ ея таинствъ и всѣхъ ея заслугъ. Всенародное, твердое просвѣщеніе — вотъ что завѣщалъ намъ духъ Петра Великаго. «Любезные товарищи, говоритъ онъ своимъ подданнымъ,— теперь пришла и наша череда, если только вы захотите искренно и безпрекословно вспомоществовать намѣреніямъ моимъ.... я предчувствую, что россіяне когда-нибудь, а можетъ быть и при жизни моей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и гро[illegible] славы.»

Великая душа! ты предчувс[illegible] вала твердую и громкую с[illegible] Россіи. Вотъ она... ожидаетъ [illegible] при вратахъ безсмертія! Она [illegible] това вѣнчать созданную тобою [illegible] перію. Всѣ славы древнія м[illegible] нутъ предъ ней....

Морошкин

(*Рѣчь объ Уложеніи*).

---

35. Изъ Рѣчи при открытіи въ Ка[illegible] памятника Державину.

Въ какомъ родѣ поэзіи пре[illegible] щественно выказалъ себя геній [illegible] та, какое направленіе избралъ [illegible] Державинъ былъ лирикъ по [illegible] восходству. Время эпопеи, по [illegible] щимъ законамъ духовнаго ра[illegible] тія народа, миновалось для Ро[illegible] вмѣстѣ съ ея юностью. Эпоха [illegible] мана, условливаемая много [illegible] вистыми формами обществе[illegible] жизни, едва только подгото[illegible] лась. Объ драмѣ, какъ явл[illegible] позднѣйшемъ романа, какъ о[illegible] зультатѣ той же общественной [illegible] зни, съ еще большими сплете[illegible] ми, съ новыми столкновенія[illegible] борьбами,—объ драмѣ нечего [illegible] еще и думать. Вотъ рѣшеніе [illegible] проса, почему эпическій элем[illegible] входитъ только косвенно въ [illegible] изведенія Державина, почему [illegible] тральные опыты рѣшительно н[illegible] дались ему; вотъ причина, по[illegible] Державинъ, будучи отъ природы [illegible] этомъ,—по времени своего поя[illegible] нія, долженъ былъ быть лирик[illegible] Но лирика чрезвычайно ра[illegible] образна: какъ выраженіе личн[illegible] ощущеній, или воспроизвед[illegible] внѣшняго міра согласно съ вп[illegible] тлѣніемъ его на личность по[illegible]

ша принимаетъ всѣ тоны, всѣ настроенія, которымъ только доступна душа человѣка. То веселая (въ пѣснѣ), или грустная (въ элегіи), то недовольная (въ сатирѣ), или поучающая (въ дидадтикѣ), то торжественная (въ одѣ), или благоговѣйная (въ гимнѣ),—она служитъ вѣрнымъ оттискомъ тѣхъ безконечныхъ внутреннихъ движеній, которыя волнуютъ духъ поэта, или тѣхъ,—то благотворныхъ, то враждебныхъ вліяній, которыя извнѣ на него обращаются.

Какой же тонъ избралъ для себя нашъ поэтъ, какому преимущественно настроенію подчинилась его душа?—Отвѣтъ мы извлекаемъ изъ русской жизни. Безграничное разнообразіе природы, истекающее изъ географическаго положенія Россіи, тысячи племенъ, соединившихся подъ одинъ скипетръ, но еще не слившихся тогда въ одно гармоническое цѣлое, разностороннее знакомство съ міромъ древнимъ и новымъ, западнымъ и восточнымъ, наконецъ дивныя судьбы отечества, явно отмѣченныя печатью перста Божія,—всѣ эти данныя должны были найти для себя полное сосредоточенное выраженіе, и нашли его—въ Державинѣ. И дѣйствительно: поэтъ Державинъ, будучи лирикомъ по законамъ историческимъ, по условіямъ народнаго характера, является лирикомъ самымъ разнообразнымъ, многообъемлющимъ, воспріимчивымъ. Вся русская натура, со всѣми слившимися въ ней элементами, какъ въ зеркалѣ, отсвѣчиваетъ въ объемистой натурѣ Державина; всѣ фазы и оттѣнки русскаго духа, какъ на мягкомъ воскѣ, оставляютъ въ духѣ поэта самые вѣрные, глубокіе отпечатки; всѣ переливы русскаго голоса, переливы смѣха и плача, укора и наставленій, восторга и набожности, однимъ словомъ всѣ тоны лирики, находятъ звучный откликъ въ голосѣ русскаго пѣвца, съ замѣтнымъ однакожъ преобладаніемъ торжественнаго настроенія. Но какъ располагаетъ нашъ лирикъ этими огромными матеріалами, какъ приводитъ ихъ во взаимную связь и порядокъ, что помѣщаетъ на первомъ планѣ, что оставляетъ въ тѣни, и какою силою онъ преимущественно дѣйствуетъ? Дерзко, и тѣмъ не менѣе интересно и поучительно попытаться проникнуть въ тайники души поэта, заглянуть въ ту уединенную лабораторію, гдѣ происходятъ эти процессы, гдѣ химически сплавляются великія созданія его генія. Чаще всего, и мы убѣждаемся въ этомъ обратнымъ путемъ разложенія, — чаще всего внѣшній предметъ или событіе поражаютъ поэта; мгновенно воспринимаетъ онъ впечатлѣніе; богатое соображеніе приводитъ съ нимъ въ соотношеніе самые отдаленные предметы; творческая фантазія изобрѣтаетъ образы и краски; языкъ со всѣми его сокровищами готовъ къ услугамъ поэта, — и весь этотъ разнородный матеріалъ умъ сплачиваетъ путемъ синтеза въ одну твердую массу; вкусъ и чувство—только еще подчиненныя орудія. И таковъ долженствовалъ быть этотъ процессъ, судя по духу времени и народа, среди которыхъ дѣйствовалъ Державинъ. Русская жизнь тогда преимущественно обращалась во внѣшностяхъ, и извнѣ извлекала для себя пищу для внутренней дѣятельности; широкое раздолье этой жизни не останавливалось промежуточными преградами; яркій блескъ ея невольно пи-

талъ воображеніе и непритворный восторгъ вполнѣ и безъ утайки просился наружу. Тутъ не было еще поводовъ къ подробнымъ отвлеченнымъ анализамъ; поверхностное образованіе общества не было слишкомъ взыскательно къ произведеніямъ искуства, и болѣе глубокое чувство, плодъ утонченности нравовъ, еще дремало. Составьте себѣ сжатую картину русскаго быта въ концѣ прошлаго столѣтія, и вглядитесь въ большую часть сочиненій Державина: между ними полная гармонія. Взвѣшивая духовныя силы, которыя выказываются наиболѣе дѣятельными въ жизни народа и въ душѣ поэта, мы убѣждаемся, что Державинъ, по закону отраженія, является преимущественно — не поэтомъ мысли, не поэтомъ чувства, но поэтомъ фантазіи. За то эта фантазія, какъ бы усердствуя за прочія способности, не знаетъ никакихъ преградъ, никакихъ предѣловъ: всѣ вѣка и пространства, міръ древній и новый, историческій и баснословный, свой и чужой, всѣ сокровища знаній и опытовъ, прошедшее и настоящее,— все ей доступно, вездѣ ей привольно, вездѣ она хозяйка.—И если, по русской природѣ, начавъ съ-горяча, она повременамъ утомляется въ своемъ пареніи; если иногда, не соразмѣривъ разстояній, она въ полетѣ своемъ опускаетъ крылья поэзіи и прибѣгаетъ къ искуственнымъ подмосткамъ реторики: за то какъ нерѣдко опять, полная отваги, на лучѣ вдохновенія, перелетаетъ она за заповѣдныя врата будущности, похищаетъ оттуда завѣтную тайну и пророческими устами возвѣщаетъ объ ней смертному, оставшемуся долу.

Какимъ же путемъ идетъ фантазія поэта, какому направленію вообще слѣдуетъ его поэзія, руководимая этой фантазіей?

Многоразличны пути, которыми Провидѣніе ведетъ духъ человѣчества къ дальней мѣтѣ совершенства, и два пѣстуна постоянно сопровождаютъ его—наука и искуство. Въ этомъ странствованіи встрѣчаются уклоненія то въ ту, то въ другую сторону, но всѣ они разумны. На востокѣ, въ дремучихъ, мрачныхъ лѣсахъ, или въ безбрежныхъ степяхъ, заросшихъ быліемъ, исполинскіе призраки заслоняютъ дорогу; въ счастливой Элладѣ, среди роскошныхъ горъ и долинъ, среди зеркальныхъ водъ, свободно разгуливаетъ геній человѣчества, населяя свѣтлыми образами прекрасную природу; на сѣверѣ средневѣковой Европы, онъ снова вступаетъ въ угрюмыя чащи пирамидальныхъ сосенъ, и звѣзда откровенія, бросая радужные лучи сквозь густую зелень, обольщаетъ его фантастическою игрою цвѣтовъ и красокъ. Такими, въ общихъ чертахъ, представляются три направленія литературу, извѣстныя подъ именемъ символизма, классицизма и романтизма. И прошедши послѣднюю ступень развитія, неудовлетворенный, духъ человѣчества хотѣлъ было повѣрить свое шествіе, исправить свои уклоненія и обратился къ минувшему; но новыя заблужденія ожидали его на пути. Символизмъ преобразился въ мистицизмъ и бездушную аллегорію; классицизмъ облекся въ вычурное убранство, а романтизмъ растерялся въ странныхъ неясныхъ грезахъ. Слава Богу! заблужденіе понято, и замѣтно вырабатывается уже новая эпоха, которой имя и характеръ —впереди.

ьшей или меньшей за-
і отъ этихъ общихъ на-
, каждый народъ имѣ-
періоды развитія. Такъ
шла отдѣльною доро-
авши своимъ появленіемъ
всемірнаго дѣйствованія,
нилась общимъ вліяніямъ,
рикосновенія къ тому или
Сначала коренный, мо-
ерный духъ ея пришелъ
овеніе съ громадными и
вымыслыми азіатскихъ
откая вѣра утишила за
е порывы; двух-вѣковое
авѣяло чувство унынія;
олодный схоластицизмъ
е въ свои мертвящія объ-
конецъ, въ XVIII столѣтіи,
ассицизмъ вытянулъ ее
еземную мѣрку. Неспор-
е вліяніе принесло съ со-
болѣе или менѣе значи-
кладъ въ исторію духов-
итія; но общій итогъ за-
въ себѣ мало отраднаго.
ило труда страдальчес-
, чтобъ, сплотивъ разно-
плывы въ одно органи-
ло, наконецъ явиться опять
и пріобрѣтеніями обнов-
родности. И въ этой важ-
тѣ однимъ изъ первыхъ
иковъ явился Державинъ;
рожденію, этой выработкѣ
ъ стихій, неоспоримо
содѣйствіе оказалъ онъ,
учій геній. Посмотримъ,
достигъ этого?
ренныя стихіи слились въ
ой природѣ Державина:
очная, какъ длинная тѣнь
прародительскаго проис-
, другая-сѣверная, плодъ
коваго русскаго пере-
Первая принесла съ со-
дность вымысловъ и яр-
кость чудныхъ образовъ; другая-мрачность, суровость и глубину воспринимаемыхъ ощущеній. Ни той ни другой не было суждено скоро проявиться въ первобытномъ видѣ. Воспитаніе и воспитатели, по вытверженной методѣ, противъ собственной воли и безъ дурнаго умысла, на-долго совратили природныя наклонности Державина. Еще на лонѣ матери, чтеніе церковно-славянскихъ книгъ настраиваетъ воображеніе ребенка къ духу и способу выраженія библейскому; въ отрочествѣ строгій чопорный классицизмъ, всею педантическою тяжестью и съ порядочнымъ остаткомъ схоластики, ложится на мягкій, податливый умъ будущаго поэта. И долго, долго господствовало его тиранническое вліяніе. Все что приходило въ голову молодому гимназисту, все что въ казармѣ занимало ночныя грезы солдата, все чѣмъ тревожилась душа пылкаго офицера, однимъ словомъ все до 1779 г. и даже многое натяжное послѣ этой эпохи, носило неизбѣжный глубокій отпечатокъ школьныхъ уроковъ. Но вотъ изъ устъ Батте доходитъ до него глухой совѣтъ: подражай природѣ, и чуткая поэтическая натура тотчасъ дополняетъ, исправляетъ его, и говоритъ себѣ: возсоздавай дѣйствительную природу. И вотъ тяжелыя вериги разбиты, и узкая, сжимающая одежда ложнаго классицизма сброшена съ широкихъ плечъ поэта. Мало того: недовольный блѣдными мнимыми образцами этой школы, умъ его обращается къ изученію древнихъ подлинниковъ, хотя и посредствомъ переводовъ, и приходитъ къ новымъ и утѣшительнымъ результатамъ для своего генія. Чтожъ вышло?—Биб-

лейское начало, запечатлѣнное вѣчной истиной, осталось въ безпримѣсной чистотѣ; древніе образы классическаго міра, опошленные жалкими подражаніями, получили первобытный блескъ, прежнее самородное изящество и даже новыя красоты; восточно-сѣверная фантазія, вступивъ въ наслѣдственныя права свои, пошла самобытною вольною походкой;—и въ чудномъ разнообразіи, въ истинно-русской многосторонности явился преображенный геній Державина. Выражусь иначе, въ примѣненіи къ вышеприведеннымъ общимъ направленіямъ духа человѣческаго: Державинъ слилъ въ себѣ и символизмъ востока въ его очищенномъ видѣ-христіанствѣ, и классицизмъ въ его благороднѣйшемъ значеніи, и романтизмъ въ его первоначальномъ характерѣ — соединеніи сѣверной мрачности съ восточною роскошью красокъ; однимъ словомъ, онъ выразилъ собою руссизмъ.

Но неужели, спросятъ меня, Державинъ не поддался и тѣмъ ошибочнымъ направленіямъ, которыя были общими всему человѣчеству? Неужели всеобъемлющій руссизмъ его болѣе или менѣе не включилъ и ихъ въ свою область? Отвѣчаю: очень мало. Непродолжительный европейскій символизмъ среднихъ вѣковъ проскользнулъ мимо его, или только слабо коснулся его во временной болѣзненной вспышкѣ своей въ началѣ настоящаго столѣтія; новый классицизмъ трехъ послѣднихъ столѣтій, сброшенный съ своего трона и на самомъ западѣ, былъ отвергнутъ нашимъ поэтомъ ровно на половинѣ его земнаго поприща и потомъ повторился только въ произведеніяхъ старческихъ и заказныхъ; новый романтизмъ отозвался въ очень немногихъ собственныхъ стихотвореніяхъ и нѣкоторыхъ подражаніяхъ Петраркѣ и Шиллеру. Напротивъ того, въ зрѣлыхъ созданіяхъ его, вы нигдѣ не найдете ни туманной мистики съ мертвыми аллегоріями, ни отжившей древней миѳологіи съ опошленными воззваніями, ни сладкихъ загадочныхъ тайнъ съ мечтаніями объ идеальныхъ дѣвахъ и вздохами о воображаемыхъ несчастіяхъ. Инстинктивное поэтическое чутье — постоянно у него на стражѣ; мѣткій русскій тактъ—его геній хранитель. Вѣрность и сила идей, величавость и яркость образовъ, блескъ языка и пылкій всеобъятный лиризмъ со всѣми его настроеніями,— вотъ тѣ безгранично-высокія достоинства, тѣ неотъемлемыя права, которыя дѣлаютъ его поэтомъ чисто-русскимъ и въ то же время поэтомъ вѣковымъ и міровымъ. Этимъ твердымъ, алмазнымъ началамъ, такъ плотно, непоколебимо лежащимъ въ глубинѣ его духа, должно приписать и то многозначительное явленіе, что Державинъ, безъ всякаго дѣятельнаго участія, только съ улыбкой снисхожденія, смотрѣлъ на временныя, переходныя направленія, которыя вводимы были въ нашу литературу юными дѣятелями и которыя не могли и не должны были въ ней упрочиться. За то тѣмъ съ большимъ удивленіемъ мы слѣдимъ за его Эродіемъ, тогда какъ новое высказанное имъ сочувствіе повсюду еще дремало въ колыбели; тѣмъ съ большимъ восторгомъ мы встрѣчаемъ его въ кругу подрастающаго поколѣнія, когда въ какомъ-то вдохновенномъ предвѣдѣніи, потухающимъ взо-

ь, онъ привѣтствовалъ раждаіся талантъ юнаго Пушкина, щаго своего преемника въ дѣародной поэзіи. *Фойтъ.*

Изъ Похвальнаго слова Петру Великому.

Петръ, какъ творецъ добра общаго.

сторія назвала Петра величайь изъ людей, коихъ имена когибо она принимала на свои ницы; она тѣмъ воздала тольостойную честь себѣ и челоству: просвѣтитель народа ѣнъ стоять предъ судомъ ихъ завоевателя, выше всякаго тителя и вождя умовъ. Какое чественное, утѣшительное зрѣпредъ вами! Вотъ мужъ, соающій дѣло божественное, ь — зиждитель нравственнаорядка, мужъ, повелѣвающій на землѣ новымъ доблестямъ, мъ славамъ, новымъ успѣхамъ и гражданственности. Изъ ъ человѣческихъ могуществъ ите то, которое было-бы доѣй человѣческаго рода по і славѣ и благотворнѣе для по своимъ слѣдствіямъ. Это не присоединеніе какой-нибудь къ силамъ, движущимъ обво; это не обогащеніе жизни ю отраслію добра: это цѣлое, ое міротвореніе! Изъ того, Онъ создалъ, ничего не сувовало, и что Онъ создалъ, ено вѣчному существованію. змѣряйте однимъ царствованіпребыванія его на земли: въ іографіи преднаписана истомногихъ царствованій. Онъ ко-же геній нашей будущносколько геній настоящаго; скорѣе не станетъ вѣковъ для совершенія Его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ. Каждая мысль, исторгшаяся изъ глубины Его зиждительнаго ума, является въ потомствѣ, какъ предметъ для бытописанія и какъ зародышъ бытописаній грядущихъ; она вмѣстѣ и урокъ и потребность. Подобно всеобщей жизненной силѣ въ природѣ, Онъ есть невидимое тайное начало всякаго отправленія въ нравственной нашей жизни; вотъ цвѣтъ и плодъ ея, — загляните въ глубину ихъ первоначальнаго образованія — тамъ лежитъ сѣмя: это мысль Петра. — Ни границы времени, ни назначеніе настоящей бесѣды не допускаютъ меня представить вамъ, мм. гг., этой истины въ самыхъ фактахъ. По крайней мѣрѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на механическіе, такъ сказать, пріемы, какими началъ Онъ неслыханный трудъ перерожденія народнаго. Здѣсь, какъ и на высотѣ общихъ видовъ, является тотъ-же Петръ — просвѣтитель, съ тѣмъ-же принятымъ Имъ отъ неба полномочіемъ вливать духъ и жизнь въ неподвижную плоть, съ тѣмъ же дивнымъ знаніемъ вещей и средствъ. Наука торжествуетъ повсюду; ея животворное дыханіе объемлетъ и проникаетъ весь составъ государства. Безопасность, богатство народа, всѣ отрасли дѣятельности, честь народнаго имени, — все утверждено на вѣчныхъ основаніяхъ истины и обезпечено развитіемъ народнаго ума и самопознанія. Мы радуемся счастливому у насъ направленію науки, радуемся, что она подвизается для общества, а не для школы, что она есть дѣятель, сила государственная, а не пустая сла-

столюбивая игра праздныхъ умовъ: но это направленіе дано ей Петромъ. Оно угадано Его всепроницающею мыслію во глубинѣ народнаго духа, среди его дремоты, когда никто не смѣлъ еще подозрѣвать его силъ и читать ихъ тайны, кромѣ Петра. Въ самомъ дѣлѣ, на что обращено вниманіе Монарха, среди заботъ о просвѣщеніи отечества? Онъ учреждаетъ Морскую Академію, даетъ въ Россіи бытіе наукамъ инженерной и артиллерійской; Русскіе, по Его волѣ, учатся медицинѣ; свѣтъ раціональныхъ началъ озаряетъ торговлю и мануфактуры. Петръ самъ установляетъ новыя формы письменности; въ своихъ безчисленныхъ письмахъ, резолюціяхъ и уставахъ, прежде Ломоносова, даетъ первые образцы языка полнаго силы, простоты и точности, повелѣваетъ учиться иноземнымъ языкамъ—языкамъ Европы и востока; умственныя произведенія народовъ, опередившихъ насъ въ наукѣ и искуствѣ, усвояются нашей рождающейся образованности; Петръ самъ перечитываетъ ихъ, исправляетъ и даетъ совѣты о лучшемъ выраженіи новыхъ идей на языкѣ отечественномъ. Учреждаются школы для дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ, начинаютъ зарождаться школы народныя; Государь посылаетъ наставниковъ въ провинціи для обученія дворянскихъ дѣтей математикѣ; лучшихъ молодыхъ людей отправляетъ за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія, пишетъ имъ своеручно наставленія, какъ опытный и просвѣщенный руководитель, и самъ, по возвращеніи, ихъ экзаменуетъ. Излагаетъ превосходныя начала для учрежденія семинарій и духовныхъ академій, и даетъ правила, основанныя на глубокихъ соображеніяхъ, о сочиненіи книгъ для распространенія нравственно-религіознаго образованія въ народѣ. Наконецъ, мм. гг., вы знаете, что и Академія Наукъ Ему обязана своимъ существованіемъ, а въ планѣ, начертанномъ по этому случаю, соединены съ нею основанія Университета: первый Русскій Университетъ существовалъ уже въ умѣ Петра. До времени Онъ слилъ двѣ формы высшаго образованія въ одну, потому что того требовали современныя Ему нужды государственныя. Вы видите, мм. гг., что обширная и мудрая система распредѣленія образованности, между всѣми классами народа въ той мѣрѣ, какая нужна каждому изъ нихъ, для собственнаго и государственнаго блага,—что эта система, которая нынѣ съ такою твердостію развивается и законодательными и административными мѣрами, была уже Петромъ Великимъ понята и предопредѣлена. Его только всеобъемлющему духу возможно было расшириться на такое огромное пространство вещей и дѣлъ, и оживить однимъ собою все-отъ перевода на русскій языкъ иностранной книги до Академіи Наукъ, до Университета.

Петръ, какъ творецъ добра частнаго.

Это добро общее, добро цѣлаго вѣковъ и потомства. Но если-бы самый утонченный, расчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что каждый изъ насъ почерпнулъ въ свою долю въ новомъ порядкѣ вещей,—мы отвѣчали-бы: честь существовать почеловѣчески и правовозвышать и облаготворять сво

ествованіе всѣми нашими си-
і матеріальными и нравствен-
ı. Развѣ дѣятельность, ука-
ая Петромъ духу русскаго на-
ı, не служитъ уже для каждаго
зъ насъ источникомъ разно-
знѣйшихъ благъ, точно такъ,
ь она служитъ опорою нашей
ıбытности и прочнымъ зало-
ı нашей вѣчной славы? Иску-
, науки, новыя вѣтви промыш-
ıости, ихъ совершенствованіе,
приложеніе — какой неизся-
ıый источнихъ всевозможныхъ
ѣховъ жизни! Какія средства,
ы возвысить въ насъ достоин-
человѣка и сдѣлать отраднымъ
ıываніе наше на земли! Сколь-
ıрекраснаго сопряжено съ су-
твованіемъ генія, таланта, до-
ıтной воли — а имъ открыты
ıища, цѣли и пути. Совершен-
ı счастія нѣтъ ни въ какомъ
ѣ вещей на земли; но есть мно-
блага, которыя вкушать мо-
ъ только умъ образованный, и
ь многія злополучія, которыя
ратить можетъ одна образован-
ть. Все, что наполняетъ сердце
ıе сладкимъ сознаніемъ его оби-
и силы; все, что каждый изъ
ъ называетъ своею славою, чѣмъ
ıе каждый изъ насъ наслаждает-
въ безпечности покоя, — все
ъ просвѣтителя народа! Но мо-
ъ спросить: не надлежало-ли
ть идти медленнѣе по новому
и? Нѣтъ, мм. гг.! Это значило-
отваживать будущность новаго
ıядка вещей и самую будущ-
ть государства на невѣрное по-
вительство удачи и случая. Сія-
быстрота, какъ и всеобщность
образованія, есть одна изъ ве-
айшихъ заслугъ генія нашей
ой исторіи. Событія оправдали
ı твердую и рѣшительную волю.
Умъ столь обширный и проница-
тельный, какъ умъ Петра, не могъ
медлить, видя быстрое возрастаніе
державъ образованныхъ; скоро воз-
лѣ нихъ не было-бы мѣста другимъ
стихіямъ общества. Въ состояніи-
ли мы представить себѣ, какимъ
ужасомъ должно быть поражено
сердце великаго Монарха, когда
Онъ, обозрѣвъ состояніе вещей въ
Европѣ, увидѣлъ свою возлюблен-
ную Россію во всей крѣпости при-
родныхъ силъ ея, со всѣми пра-
вами на великое существованіе и
почти безъ всѣхъ пособій, какими
сопредѣльные ей народы, съ каж-
дымъ часомъ своей политической
жизни, пріобрѣтали новые успѣхи!
Что сдѣлалось-бы съ Россіею, ког-
да отважный солдатъ, сжавшій судь-
бу сѣвера въ желѣзной рукѣ своей,
этотъ Карлъ XII, низложенный
юнымъ нашимъ просвѣщеніемъ,
бросилъ-бы свой побѣдоносный
мечъ на вѣсы съ древними нашими
предразсудками? Что сталось-бы съ
нами, когда другой воинъ болѣе
счастливый и болѣе великій, пере-
строивая ветхую Европу по сво-
имъ исполинскимъ замысламъ и
простирая свой окровавленный ски-
петръ на Россію, встрѣтилъ-бы въ
насъ одно только мужество—и ни-
чего или мало отъ спасительнаго
могущества науки и искуства? —
Нѣтъ! Петръ Великій не только
просвѣтилъ Россію, но спасъ ее,—
спасъ, потому что просвѣтилъ!

Петръ — дѣятель всемірный.

Станемъ, мм. гг., на другую точ-
ку зрѣнія: посмотримъ на Петра,
какъ на дѣятеля всемірнаго. На-
родъ, занимающій необъятное про-
странство земнаго шара, печаль-
ными судьбами былъ надолго от-

торгнутъ отъ участія въ общихъ дѣлахъ міроустройства и міроправленія. Другіе народы, пріявъ въ руки свои Европу изъ кровавой купели перерожденія, уже давали ей законъ, гражданственность, науку и искуство; каждый изъ нихъ спѣшилъ приложить свою мысль и свой трудъ къ этому новому зданію исторіи,—и человѣчество скоро увидѣло предъ собою въ числѣ даровъ, ими принесенныхъ, компасъ, порохъ, Америку, книгопечатаніе, Дантову Божественную Комедію, Беконовъ новый Органонъ, Рафаэлево Преображеніе. Между тѣмъ Россія, проникнутая ужасомъ претерпѣнныхъ ею золъ, стояла въ хладномъ и уединенномъ величіи, какъ-бы боясь подать содѣйствующую и дружелюбную руку чуждымъ людямъ, отъ коихъ понесла она на сердцѣ своемъ столько скорбей. Но такое отчужденіе не могло быть ея удѣломъ. Петръ принялъ ее въ свои мощныя объятія и, оживотворивъ своимъ дыханіемъ, возвратилъ ее человѣческому роду. Свѣжія, энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы — и міръ получилъ новаго двигателя образованности, еще не утомленнаго и не пресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, — все человѣческое, кромѣ обольщеній ложной истины. Изъ глубины забвенія и мрака, двинутые рукою величайшаго генія земли, мы пришли въ Европу не съ мечемъ, чтобы сокрушить твореніе умственныхъ силъ ея,—мы пришли съ благороднымъ желаніемъ принять отъ ней науку и искуство. Мы пришли, чтобы у стараго и опытнаго рыцаря человѣчества заслужить посвященіе въ высокій санъ сподвижниковъ всемірнаго дѣла. Стыдиться-ли намъ, мм. гг., что мы должны были сперва сдѣлаться учениками людей, опередившихъ насъ на пути усовершенствованія? Петръ не стыдился учиться корабельному искуству у голландскихъ матросовъ и тайнѣ побѣждать у своихъ враговъ; но онъ построилъ флоты и торжествовалъ побѣды надъ своими военными учителями. Не стыдно такъ учиться. Мы не хотимъ однакожъ быть никому обязанными; Россія такъ богата, что не принимаетъ даровъ. Мы заплатили и платимъ Европѣ съ избыткомъ за ея услуги. Мы вырвали ее изъ кровавыхъ рукъ мужа судьбы, когда онъ осмѣлился свою желѣзную волю противопоставить строгимъ и праведно чтимымъ законамъ общаго порядка. Наслѣдникъ Петра, путемъ побѣдъ, ввелъ насъ въ самыя нѣдра народа враждебнаго, угрожавшаго стереть имя наше со страницъ исторіи: во имя человѣчества, мы, въ отмщеніе, поднесли ему оливу мира и спасли для образованности вѣковыя пріобрѣтенія ума, искуства и науки. Кромѣ дѣлъ, мы дали два великіе урока народамъ: какъ сражаться за свою независимость и какъ благотворить побѣдою. И такъ воздвиглось могущество новое, едва-ли не первое въ лѣтописяхъ міра, — могущество, предписавшее себѣ законъ — не разрушать, но спасать и хранить. Ринулись на Европу другіе, опаснѣйшіе враги — политическія страсти, грозившія подавить образованность развалинами порядка и закона. Крѣпкая издревле въ соблюденіи обѣтовъ, на коихъ основаны бытіе и прочность гражданскихъ обществъ, монархическая по

природѣ, потребностямъ и
, Россія пріосѣнила мощною
нительною рукою троны и со-
общественные, и люди избав-
отъ стыда видѣть себя жер-
своихъ собственныхъ успѣ-
Вотъ плоды, принесенные
ею человѣчеству отъ сѣмянъ,
ныхъ рукою Петра. Намъ
ѣ теперь объясняется мысль,
нно наполнявшая великую
Его,—мысль ввести Россію
истему европейскихъ госу-
въ. То было не одно патріо-
кое желаніе доставить ей по-
мѣсто въ кругу народовъ
ованныхъ, хотя и это одно
бы упрочить славу монарха
ого. Нѣтъ! это было предчув-
генія, котораго промыслъ из-
ъ орудіемъ для выполненія
общихъ, міродержавныхъ.
ыло непреодолимое, тайное
ніе къ тому необъятному
ренію нравственныхъ силъ,
начало лежитъ глубоко въ
ѣ и судьбахъ русскаго на-
Итакъ, мм. гг., Россія тор-
ежно слагаетъ съ себя вину
человѣчествомъ, что она не
мала участія въ судьбѣ его;
зомъ заплатила ему всѣ свои
—она принесла ему въ даръ

Качества Петра.

ово, мм. гг., значеніе Петра
ношеніи къ Россіи и въ отно-
къ человѣчеству. Кто-жъ
амъ въ себѣ, этотъ мужъ—
гель, этотъ податель свѣта и
Россіи, слившій ее съ собою,
сдѣлать ее геніемъ народовъ
?—Виновникъ событій столь
найныхъ долженъ быть ода-
качествами необычайными.
моемъ дѣлѣ, характеръ Петра
не имѣетъ ничего общаго съ вели-
кими характерами, какіе представ-
ляются намъ въ древнемъ и новѣй-
шемъ мірѣ. Величіе Его можетъ
быть сравниваемо только съ вели-
чіемъ державы, которую Онъ при-
званъ былъ пересоздать. Идеи Его
были выше понятій Его народа; но
подобно Небу, котораго предѣлы
кажутся отвсюду слитыми съ пре-
дѣлами земли, эти идеи всею вну-
треннею силою своею опирались
на народныхъ нравахъ и судьбѣ.
Куда бы вы ни пошли по путямъ
народной нашей дѣятельности, вы
вездѣ будете подъ этимъ небомъ;
васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ
этого дивнаго ума, — и между
тѣмъ вы будете чувствовать, что
надъ вами горитъ солнце и бле-
стятъ звѣзды вашей святой отчиз-
ны. Онъ есть въ высочайшей сте-
пени представитель своего народа.
Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ
исполинскою силою всю его жизнь
и, переработавъ ее въ нѣдрахъ
своей души, возвратилъ ее тому-
же народу въ лучезарныхъ пото-
кахъ свѣта и славы. Что дѣлаетъ
Онъ, чтобы усвоить ему разныя вы-
годы усовершеннаго обществен-
наго быта,—выгоды, какими преж-
де онъ не наслаждался? вмѣсто то-
го, чтобы только повелѣвать само-
державно и бодро блюсти за ис-
полненіемъ своей воли, Онъ при-
нимаетъ мѣры проще и дѣйстви-
тельнѣе,—но мѣры такія, какихъ
еще въ исторіи людей не доста-
вало ни для полнаго психологиче-
скаго изъясненія человѣка, ни для
урока ему. Онъ становится самъ
плотникомъ, рѣщикомъ, кузнецомъ,
солдатомъ, лекаремъ. «Смотри» го-
воритъ онъ своему народу, «вотъ
мозоли отъ топора на моихъ скип-
тродержавныхъ рукахъ: это для

тебя и за тебя—теперь дѣлай самъ: это и легко и благородно». И народъ, изумленный этимъ неслыханнымъ способомъ самодержавнаго законодательства, устремляется бодро на новый путь и, какъ-бы пробудясь отъ долгаго сна, видитъ, что нѣтъ успѣха гражданственности, нѣтъ такого усовершенствованія, какіе не были-бы ему суждены. Онъ принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки.—«Пишутъ ученики Твои «(такъ изъясняется съ Государемъ «въ письмѣ русскій корабельный «плотникъ), — пишутъ ученики «Твои корабельнаго дѣла, мостильщики, щегольнаго дѣла мастера «Якимко Воронинъ съ товарищи «16, челомъ бьютъ за Твое мастерское ученье» — и «корабль взнималъ я съ учениками своими по-Твоему учительскому приказу и по Твоему ученью» — О, если-бы можно было изъ исторіи человѣческаго рода вырвать многія, такъ называемыя блистательныя страницы, гдѣ кровію народовъ вписано, за цѣну всеобщаго мира и блага, нѣсколько превознесенныхъ именъ, и если-бы, вмѣсто этихъ страницъ, можно было болѣе написать подобныхъ строкъ, — мм. гг., мы не были-бы въ опасности, читая исторію, терять иногда уваженіе къ человѣческому достоинству. Можете-ли вы представить себѣ зрѣлище умилительнѣе и торжественнѣе того, когда угнетенный невѣжественный сынъ природы, припадая къ стопамъ генія, надѣленнаго всѣми умственными дарами, исповѣдуетъ предъ нимъ въ простотѣ сердца свою духовную нищету, и какъ этотъ геній, подъемля его изъ праха, благословляетъ его братскимъ благословеніемъ и говоритъ ему: «будь человѣкомъ — я научу тебя быть имъ.» — Между тѣмъ этотъ геній, которому люди давали титло своего учителя, въ то-же время сражался за нихъ, побѣждалъ враговъ, законодательствовалъ, царствовалъ. Хотите-ли вы, мм. гг., войти съ другой стороны во святилище этого необъятнаго ума — войдите, чтобъ снова благоговѣть. У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ-бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ понятій своего вѣка, какой-нибудь школы, и даже подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра напротивъ нѣтъ никакой наклонности къ утвердившимся понятіямъ или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими, — умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста, для него существуетъ одна форма—истина и ясность. Казалось, отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія лѣстницы, по коимъ мы медленно и ощупью подвигаемся къ истинѣ; однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность ве-

і, — и вещи послушно преда-
і ему глубочайшія свои тайны,
хъ тщетно домогались другіе.
одно и тоже время необъятный,
ъ Россія, и удобовмѣстимый въ
ой мелкой подробности, этотъ
ный умъ равно изумителенъ въ
ѣ своего расширенія и въ силѣ
тости своей. Это дѣйствитель-
ии. гг., умъ по превосходству,
горяю, чистый умъ, который на-
ают здравымъ, не подозрѣвая,
кетъ быть, что тѣмъ самымъ воз-
щаютъ ему его божественное
тоинство, — умъ, который, по
аженію одного изъ знаменитѣй-
къ современныхъ писателей,
ь — геній человѣчества. Удиви-
ьно-ли, что Петръ Великій былъ
гомъ всѣхъ хитросплетенныхъ,
полезныхъ умствованій, что онъ
ъ быть удовлетворенъ только
нною, а не прикрасами ея? Зиж-
ель повсюду, куда влекли Его
собственное стремленіе или
ды, Онъ презиралъ всѣ окольцы,
, ни къ чему не ведущіе пути,
коихъ мелкіе умы любятъ за-
ять чернь діалектическими
вками; — Онъ уважалъ въ мысли
у производительную и требо-
ь отъ нея — дѣлъ. Иноземцы,
ходившіе въ Россію съ надеж-
и, иногда слишкомъ нескром-
ы, изумлялись, видя, съ ка-
проницательностію Государь
ылъ отличать въ нихъ людей
инно достойныхъ и полезныхъ
ничтожныхъ искателей при-
ченій. Одинъ изъ такихъ лю-
представилъ Ему планъ учреж-
ія Морскаго Корпуса: въ немъ
го было говорено, какъ обыкно-
но, объ общественной пользѣ;
дѣло шло о собственныхъ вы-
ахъ сочинителя. Петръ Вели-
написалъ противъ одного пунк-
ма I.

та, который казался благовиднѣе прочихъ: «этого не должно: ибо болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ,» а въ заключеніе велѣлъ объявить велерѣчивому предлагателю услугъ, чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ-ли онъ свое дѣло дѣлать безъ прихотливыхъ запросовъ, и если хочетъ, то-бъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли.

Образованіе Петра.

Мы никогда не кончили-бы, мм. гг., если-бы захотѣли исчерпать все великое, которое оратору и историку представляетъ характеръ Петра. Но вотъ новая необычайность и задача для наблюдателя человѣческой природы: откуда возникъ этотъ характеръ и какъ онъ образовался? Мы привыкли думать, что человѣкъ, коему Провидѣніе ввѣрило власть надъ умами и судьбою вѣка, приготовляется предшествующими событіями, что онъ, большею частію, призванъ только сосредоточить и выразить въ себѣ общія нужды и идеи эпохи. Такъ-ли было съ Петромъ? Было-ли до Него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей? Ожидали-ли Его сердца, чтобы принять съ восторгомъ и облегчить Ему бремя Его подвига? Гдѣ Его предтеча? Онъ пришелъ къ своимъ — и свои Его не познали. Не было ни одного стремленія въ Его пользу, ни одного начатка, чтобы дѣло творчества замѣнить для Его ума и воли, хотя великимъ, но въ половину легчайшимъ дѣломъ довершенія? Все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей — самого

себя. Вы знаете, мм. гг., получилъ-ли Петръ воспитаніе, не скажу сообразное съ его нравственными потребностями, но съ Его политическимъ жребіемъ? Общество ничего Ему не дало, ни для Его намѣреній, ни для генія; оно не лелѣяло первыхъ Его начинаній; своимъ одобреніемъ оно не укрѣпляло Его великихъ надеждъ и довѣрія къ своимъ силамъ. Или равнодушно, или съ тайнымъ отвращеніемъ, оно смотрѣло на эти юношескіе порывы, предвозвѣщавшіе истребителя закоснѣлыхъ предразсудковъ. Нашлись даже люди,—и ихъ было не мало,—которые дерзнули простерть свою святотатственную руку на сію вдвойнѣ освященную главу,—освященную помазаніемъ на царство и помазаніемъ на великое назначеніе въ исторіи. Петръ все получилъ или отъ Неба, или отъ себя самого; земля дала Ему только поприще для труда—и безсмертіе за трудъ. Его умъ и воля — дары Провидѣнія; знаніе Онъ исторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы. Не легко, мм. гг., при всевозможныхъ пособіяхъ, изучить и одну науку, особенно если она есть наука царствовать. Петръ изучалъ все, что должно было сдѣлать подданныхъ Его людьми, — изучалъ не подъ руководствомъ избранныхъ наставниковъ, при помощи приготовленныхъ средствъ; нѣтъ! Онъ изучалъ это подъ руководствомъ собственнаго ума, въ убогой школѣ нужды и терпѣнія, правосудно свое достославное назначеніе: Онъ сдѣлался самъ просвѣщеннѣйшимъ мужемъ своего вѣка. Это уже не монархъ — повелитель: это Божій посланникъ, принесшій милліонамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія. Въ этомъ-то дивномъ самообразованіи лежатъ первое начало и опора той несокрушимой силы воли, которою замыслы, казавшіеся несбыточными мечтами, Онъ превращалъ въ дѣла и вещи. Петръ не могъ и не долженъ былъ получить образованія другаго. Поставленный заранѣе въ необходимости черпать все изъ собственныхъ силъ, Онъ сталъ столько-же самодержавнымъ по своему духу, сколько былъ самодержавнымъ по сану. Не получивъ никакого направленія, Онъ сохранилъ ту независимость, чистоту и ясность ума, которыя необходимы были Ему для нравственнаго законодательства въ своемъ народѣ еще болѣе, чѣмъ для политическаго. Неподвластный никакому чуждому внушенію, Онъ наконецъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ надлежало быть Ему—сдѣлался Петромъ Великимъ.

Никитенко.

(*Похвальное слово Петру Великому*).

I. МАНИФЕСТЫ, ВОЗЗВАНІЯ И ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

. Воззваніе къ первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими лами въ предѣлы Россіи. Онъ етъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествъ, ополченное россійское воинзо готово встрѣтить и низлотъ дерзость его и зломысліе; накожъ, по отеческому сердобо-о и попеченію Нашему о всѣхъ рныхъ Нашихъ подданныхъ, не жемъ Мы оставить безъ предренія ихъ о сей утрожающей имъ асности: да не возникнетъ изъ осторожности Нашей преимущезо врагу. Того ради имѣя въ нареніи, для надежнѣйшей оборо-, собрать новыя внутреннія си-, наипервѣе обращаемся Мы къ евней столицѣ предковъ Нашихъ, осквѣ. Она всегда была главою ючихъ городовъ россійскихъ; она зливала всегда изъ нѣдръ своихъ мертоносную на враговъ силу; по ринѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ крестностей текли къ ней, на пообіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никога не настояло въ томъ вящшей адобности, какъ нынѣ. Спасеніе ры, престола, царства, того треютъ. И такъ да распространится сердцахъ знаменитаго дворянза Нашего и во всѣхъ прочихъ словіяхъ духъ той праведной бра-, какую благословляетъ Богъ и вославная наша церковь; да совитъ и нынѣ сіе общее рвеніе сердіе новыя силы, и да умногся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Іюля 6-го дня 1812. Въ главной квартирѣ близь Полоцка.

---

38. Манифестъ о вшествіи непріятеля въ предѣлы Россіи и о всеобщемъ противу него ополченіи.

Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войски Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ

Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли-бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель.

На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ главной квартирѣ близь Полоцка, 1812 года Іюля 6-го дня.

---

39. Во всенародное извѣстіе, по Высочайшему повелѣнію.

Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель сентября 3 числа (*) вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій. Напротивъ да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ преодолѣлъ силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій по совѣту съ первенствующими генералами нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый за-

(*) Онъ вошелъ сентября 2, но въѣздъ Наполеона былъ сентября 3.

ператель надѣялся, вошедъ въ ее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши вокрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ нея силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ (*), изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія смѣлое или лучше сказать дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ да не унываетъ никто, и въ такое-ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе изчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? когда большая часть изнуренной и расхищенней отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую-бы могла вырваться изъ подъ власти его тяжкой и нестерпимой? когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови?—При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится-ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ

(*) Извѣстно, что сіе число въ послѣдствіи времени оказалось гораздо превосходнѣйшимъ.

себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ?—Пріятно и свойственно доброму народу врагамъ своимъ за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ россійскую церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ.

Сентября 8 дня 1812 года.

40. Приказъ нашимъ арміямъ.

Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оное. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войски Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войски наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и защитника *правды*, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!

Въ Вильнѣ. Іюня 13-го 1812.
На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

41. Манифестъ объ изгнаніи непріятеля изъ Россіи.

Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ почти со всѣхъ европейскихъ державъ страшныя силы, и подвизаемый алчностію завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой нашей имперіи, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій его пріуготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростію вступившаго въ Наши предѣлы, принуждены Мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ свой и обѣщать царству Нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ зем-

Нашей. Мы сіе обѣщаніе поло-
и твердо въ сердцѣ своемъ, на-
сь на крѣпкую доблесть Богомъ
реннаго намъ народа, въ чемъ
е обманулись. Каковой примѣръ
брости, мужества, благочестія,
тѣнія и твердости показала
сія! Вломившійся въ грудь ея
гъ всѣми неслыханными сред-
ами лютостей и неистовствъ не
ь достигнуть до того, чтобы она
я единожды о нанесенныхъ ей
него глубокихъ ранахъ вздох-
а. Казалось, съ пролитіемъ кро-
ея умножался въ ней духъ му-
тва, съ пожарами градовъ ея
залялась любовь къ отечеству,
разрушеніемъ и поруганіемъ
мовъ Божіихъ утверждалась въ
вѣра и возникало непримири-
мщеніе. Войско, вельможи, дво-
ство, духовенство, купечество,
одъ, словомъ всѣ государствен-
чины и состоянія, не щадя ни
ществъ своихъ, ни жизни, со-
вили единую душу, душу вмѣ-
мужественную и благочести-
, толико-же пылающую любо-
къ отечеству, колико любовію
Богу. Отъ сего всеобщаго со-
сія и усердія вскорѣ произошли
дствія едва-ли имовѣрныя, едва-
когда слыханныя. Да предста-
ь себѣ собранныя съ двадцати
ствъ и народовъ, подъ едино
ія соединенныя, ужасныя силы,
какими властолюбивый, над-
ный побѣдами, свирѣпый непрі-
ль вошелъ въ нашу землю. Пол-
ліона пѣшихъ и конныхъ вои-
ъ и около полуторы тысячи пу-
къ слѣдовало за нимъ. Съ симъ
ико огромнымъ ополченіемъ
ницаетъ онъ въ самую средину
сіи, распространяется и начи-
гъ повсюду разливать огнь и
стошеніе. Но едва проходитъ
шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его
въ наши предѣлы, и гдѣ онъ? Здѣсь
прилично сказать слова священ-
наго Пѣснопѣвца: «видѣхъ нечес-
тиваго, превозносящася и выся-
щася, яко кедры ливанскіе, и мимо
идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его,
и не обрѣтеся мѣсто его.» По исти-
нѣ сіе высокое изреченіе соверши-
лося во всей силѣ смысла своего
надъ гордымъ и нечестивымъ На-
шимъ непріятелемъ. Гдѣ войска
его, подобныя тучѣ нагнанныхъ
вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсы-
пались какъ дождь. Великая часть
ихъ, напоивъ кровію землю, ле-
житъ, покрывая пространство мо-
сковскихъ, калужскихъ, смолен-
скихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ
полей. Другая великая часть въ
разныхъ и частыхъ битвахъ взя-
та со многими военачальниками и
полководцами въ плѣнъ, и такимъ
образомъ, что послѣ многократ-
ныхъ и сильныхъ пораженій, на-
послѣдокъ цѣлые полки ихъ, при-
бѣгая къ великодушію побѣдите-
лей, оружіе свое предъ ними пре-
клоняли. Остальная, столь-же ве-
ликая часть, въ стремительномъ
бѣгствѣ своемъ гонимая побѣдо-
носными нашими войсками и встрѣ-
чаемая мразами и гладомъ, устла-
ла путь отъ самой Москвы до пре-
дѣловъ Россіи, трупами, пушка-
ми, обозами, снарядами, такъ что
оставшаяся отъ всей ихъ многочи-
сленной силы самомалѣйшая, ни-
чтожная часть изнуренныхъ и без-
оружныхъ воиновъ, едва-ли полу-
мертвая можетъ придти въ страну
свою, дабы къ вѣчному ужасу и
трепету единоземцевъ своихъ воз-
вѣстить имъ, коль страшная казнь
постигаетъ дерзающихъ съ бран-
ными намѣреніями вступать въ нѣд-
ра могущественной Россіи. Нынѣ

съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію объявляемъ мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались; но какъ? мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ Нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками Нашими знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя отечеству заслуги, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. Итакъ да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій. Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ, и видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и кичения о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ *вѣры осквернителей* храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ своемъ! Пойдемъ благостію дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, единственнымъ ведущимъ къ Нему путемъ, въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты, и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою надъ нами, и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду, желанный миръ и тишину.

Данъ въ Вильнѣ въ 25 день мѣсяца декабря въ лѣто отъ Рождества Христова 1812, царствованія же нашего во второенадесять.

На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

---

42. Приказъ войскамъ при выступленіи за предѣлы Россійской Имперіи.

Воины! храбрость и терпѣніе ваше вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ преходить изъ устъ въ уста отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами, и насъ не оставитъ. Уже нѣтъ ни единаго непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи. Остается еще вамъ прейти за оные, не для завоеванія или внесенія войны въ земли сосѣдей Нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ свободу и независимость.

будутъ они друзья наши! Отъ
денія вашего зависѣть будетъ
реніе мира. Вы Русскіе! Вы
стіане! Нужно-ли при сихъ
нахъ напоминать вамъ, что
кность воина есть быть храбру
бояхъ и кротку во время пере-
овъ и пребыванія въ мирныхъ
яхъ. Я не угрожаю вамъ на-
ніями; ибо знаю, что никто
васъ не подвергнется онымъ.
видѣли въ землѣ нашей грабі-
ій, расхищавшихъ домы неван-
ъ поселянъ. Вы праведно ки-
и на нихъ гнѣвомъ и наказали
дѣевъ. Ктожъ захочетъ имъ
добиться? Если кто паче чаянія
вой сыщется, да не будетъ онъ
скій! да исторгнется изъ среды
! Воины! сего требуютъ и ожи-
гъ отъ васъ ваша православная
и, ваше отечество и Царь вашъ.
ьна. Декабря 25 дня 1812 г.

На подлинномъ подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

манифесты и воззванія взяты изъ *Со-
я Высочайшихъ Манифестовъ, Гра-
мотъ*, и проч.).

Высочайшій рескриптъ Госу-
Императора Александра I.

Преосвященнѣйшій Платонъ!

получилъ отъ васъ письмо, и
немъ образъ Преподобнаго
ія. Первое принялъ съ удо-
ствіемъ, какъ отъ знаменита-
Мною столь уважаемаго На-
я Церкви, второе съ благого-
емъ. Образъ Святаго Побор-
Россійскихъ военныхъ силъ
лъ Я отдать составляющему-
ія защиты Отечества Москов-
у Ополченію: да сохранитъ
его своимъ предстательствомъ
у Престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенные честію и славою дни ваши. Препоручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

1812 года, Іюля 19.
Тверь.

---

44. Фельдмаршалу Графу Салтыкову.

Графъ Николай Ивановичъ! Французскія войска вошли въ предѣлы Нашей Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою Моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные Мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное Наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ

царствѣ Моемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный. Вильна. Іюня 13-го дня 1812 года.

На подлинномъ подписано:

Александръ.

(*Собраніе Манифестовъ*).

---

45. Рескриптъ Императора Николая I къ Московскому Архіепископу Августину.

Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ Я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило Мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, Я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей.

Ему угодно было благословить Меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца; изъявленіе благодарности не нужно Тому, кто читаетъ въ глубинѣ души, но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе Мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима: это — смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо — участь жены и сына.

Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть Мнѣ помощникомъ и руководцемъ во исполненіи сего обѣта, священнаго Моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу Отечеству!

Прося благословенія вашего и имъ и себѣ, пребываю и пр.

1818 г.

(*Жизнь Августина, соч. И. М. Снегирева*).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

I. ПОВѢСТВОВАНІЯ.

А. СОБСТВЕННО ИСТОРІЯ.

46. Рождество и первые годы земной жизни Господа Іисуса Христа.

Іисусъ Христосъ, мнимый сынъ тектона земнаго, истинный сынъ Архитектона небеснаго, для созданія церкви новозавѣтной явился тогда, какъ скинія церкви ветхозавѣтной и народа іудейскаго была готова превратиться въ развалины.

Иродъ, великій только по злодѣяніямъ, иноплеменникъ воцаренный Римлянами, истребилъ владѣтельное племя Маккавеевъ; раздражилъ Іудеевъ войнами, жестокостію и недовѣрчивостію; изнурилъ своею пышностію и чрезмѣрными Римлянамъ подарками, и довершилъ ихъ развращеніе обычаями языческими.

Послѣ него правленіе Іудеи съ Идумеею и Самаріею наслѣдовалъ сынъ его Архелай, котораго впрочемъ Кесарь не удостоилъ имени царя, но токмо эѳнарха или народоначальника. Правивъ около десяти лѣтъ, въ слѣдствіе жалобы, принесенной Августу на его жестокость, онъ заточенъ въ Галлію. Его владѣнія, по желанію народа, присоединены къ Сиріи, подъ начальствомъ особыхъ прокураторовъ, или блюстителей, уполномоченныхъ правомъ жизни и смерти, каковыми, въ продолженіе земной жизни Іисусъ-Христовой, были: Кононій, Маркъ Амбиній, Анній Руфъ, Валерій Гратъ и Понтій Пилатъ. Послѣдній неоднократно былъ виною мятежей, то внесеніемъ въ Іерусалимъ кесаревыхъ изображеній, составлявшихъ знамена римскаго войска; то посвященіемъ Тиверію золотыхъ щитовъ во дворцѣ Ирода; то похищеніемъ изъ храма сокровищъ подъ видомъ преднамѣреваемаго строенія водовода. Наконецъ, бывъ призванъ въ Римъ къ суду, погибъ самоубійствомъ.

Другой сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, въ званіи тетрарха, или четверовластника, обладалъ Галилеею и за-іорданскою областью, доколѣ, обладаемый беззаконною женою своею Иродіадою, не сталъ домогаться царскаго достоинства. Калигула обоихъ послалъ въ заточеніе въ Ліонъ.

Филиппъ, третій сынъ Ирода Великаго, былъ тетрархомъ Итуреи, Трахонитиды, Ватанеи и Панеады.

Но перемѣны и замѣшательства

гражданскія суть ничто въ сравненіи съ плачевнымъ послѣднимъ состояніемъ іудейской церкви. Духовное ученіе о Мессіи превращено въ плотское понятіе о царѣ и завоевателѣ; обряды поставлены выше нравственности; владычество закона Божія ограничено внѣшними дѣйствіями; право на оправданіе заключено въ наслѣдственномъ преимуществѣ чадъ Авраамовыхъ. Въ храмѣ былъ родъ торга, производившагося вещами принадлежащими къ священнодѣйствіямъ. Первосвященники, коихъ достоинство пріобрѣталось деньгами, а иногда и кровопролитіемъ, и весьма часто переходило отъ одного лица къ другому, не имѣя въ своей власти даже одежды, принадлежащей своему сану, которая хранилась въ крѣпости Антонія, раболѣпствовали язычникамъ, и за сіе униженіе вознаградили себя лихоимствомъ и пышностію. Учители были слѣпые вожди слѣпыхъ: народъ уподоблялся овцамъ разсѣяннымъ. Ученіе фарисейское обременяло его человѣческими преданіями, а саддукейское усиливало пороки. Секта Галванитянъ, или Галилеянъ, основанная нѣкіимъ Іудою, и усилившаяся подъ именемъ Зилотовъ, или ревнителей, проповѣдуя, что народъ Божій не долженъ работать Кесарю, безразсуднымъ упорствомъ своимъ не только не могла поддержать церкви, но ускорила совершенное паденіе народа.

Явленіе Іисуса Христа, преобразователя міра, долженствовало послѣдовать во время крайнѣйшей нужды и наибольшей готовности міра къ сему преобразованію. Таковое исполненіе предопредѣленнаго времени показываютъ:

1. Крайность заблужденія въ язычествѣ. Идолопоклонство, украшенное остроуміемъ, поддерживаемое развратомъ, сдѣлалось всеобщею религіею, и въ себѣ освятило всѣ пороки.

2. Напряженнѣйшее усиліе разума въ изслѣдованіи Божества и природы. Въ Грекахъ и Римлянахъ онъ показалъ такіе опыты своей дѣятельности, послѣ которыхъ или ничего не надлежало ждать лучшаго, или ждать чрезвычайной вышней помощи.

3. Высочайшій степень человѣческаго могущества въ Римской Монархіи. Римъ, представляя въ себѣ міръ съ его величіемъ, бѣдствіями, пороками, суетою, давалъ особенно чувствовать нужду въ лучшемъ, духовномъ владычествѣ, и способствовалъ къ его распространенію единствомъ владычества внѣшняго.

4. Всеобщее ожиданіе. Іудеи ожидали явленія царя Мессіи, а язычники возвращенія золотаго вѣка. Славныя пророчества объ искупленіи князя и вождя отъ Іуды, о седмидесяти седминахъ обновленнаго Іерусалима, и о четвертомъ царствѣ желѣзномъ очевидно исполнялись.

Дабы Сыну Божію содѣлаться Сыномъ человѣческимъ, предварительно избрано было извѣстное племя, коему и дано было Божественное обѣтованіе о его рожденіи. Евангелистъ Матѳей показываетъ исполненіе сего обѣтованія въ родословіи по нисходящей линіи, которую отъ Авраама, чрезъ Давида и Соломона, продолжаетъ онъ до Іосифа, удостоившагося быть хотя не родителемъ Іисуса Христа по естеству, но отцемъ по закону брака и по усыновленію.

Евангелистъ Лука представляетъ таковое-же родословіе въ восходящей линіи отъ Іисуса до Адама и Бога, изображая въ ономъ какъ-бы лѣствицу соединенія человѣчества съ Божествомъ.

Разность, примѣчаемая въ сихъ двухъ родословіяхъ, изъясняется: 1) разностію именъ, принадлежавшихъ однимъ и тѣмъ-же лицамъ; 2) соединеніемъ естественнаго рожденія съ усыновленіемъ по закону ужичества, которое могло дать одному лицу двоякое происхожденіе; но съ наибольшею вѣроятностію 3) предположеніемъ, что Св. Лука, послѣ Іосифа, исчисляетъ предковъ Маріи Богоматери.

Плотскому рожденію Іисуса Христа предшествовало рожденіе Предтечи, которымъ заключаются пророчества Ветхаго Завѣта и начинаются откровенія Новаго. Ангелъ Гавріилъ, который вразумилъ Даніила о временахъ Мессіи, во время священнослуженія, предсказалъ благочестивому священнику Захаріи рожденіе сына, не смотря на его старость и неплодство его супруги, и, до сего событія, заключилъ уста его, въ наказаніе за недовѣріе и, можетъ быть, въ предвѣстіе молчанія, которое имѣли наложить на весь сонмъ левитскій глаголы воплощеннаго Слова. Рожденный къ необыкновенному служенію своему напутствованъ благодатнымъ именемъ Іоанна, пророчествомъ отца и пребываніемъ въ пустыняхъ.

Рожденіе самого Іисуса Христа ознаменовано рядомъ происшествій, въ которыхъ вмѣстѣ съ глубочайшимъ уничтоженіемъ открывается Его Божественная слава. Они суть: Благовѣстіе о Его пресестественномъ зачатіи, принесенное Ангеломъ Дѣвѣ Маріи между временемъ ея обрученія и окончательнаго заключенія брака со Іосифомъ; Ея свиданіе съ Елисаветою, при которомъ Іоаннъ, будучи еще во чревѣ, исповѣдалъ Мессію, и обѣ матери о Немъ пророчествовали; открытіе тайны воплощенія Іосифу во снѣ; путешествіе обрученниковъ изъ Назарета, мѣста ихъ пребыванія, въ отечественный городъ Виѳлеемъ, по случаю народной переписи; положеніе рожденнаго младенца въ ясляхъ; славословіе Ангеловъ; проповѣданіе пастырей; законное обрѣзаніе; чудесная звѣзда, поклоненіе и дары волхвовъ, или мудрецовъ восточныхъ, которые, вѣроятно, были останокъ церкви Даніиловой, и, безъ сомнѣнія, начатокъ церкви языческой; препесеніе Іисуса въ храмъ, по исполненіи времени очищенія матерняго; пророчества о Немъ Симеона и Анны.

За славою, которую волхвы въ Виѳлеемѣ и Симеонъ въ Іерусалимѣ воздали младенчествующему Мессіи, вскорѣ слѣдовало гоненіе Ирода, который, страшась въ Немъ своего соперника, но не зная его лица, излилъ свою ярость на Его возрастъ и мѣсто рожденія. Отъ сей опасности, по наставленію Ангела, Онъ сохраненъ былъ путешествіемъ въ Египетъ, гдѣ Его присутствіе ознаменовано было, по увѣренію Аѳанасія Александрійскаго, паденіемъ идоловъ. По возвращеніи оттолѣ, Онъ жилъ до тридцатилѣтняго возраста въ Назаретѣ, пребывая въ послушаніи родителей, и, вѣроятно раздѣляя со Іосифомъ труды древодѣланія. Между тѣмъ, безъ помощи наставленія человѣческаго, возросъ Онъ въ премудрости такъ, что, будучи

двадесяти лѣтъ, въ праздникъ Пасхи состязался въ іерусалимскомъ храмѣ съ учителями закона, и привелъ ихъ въ изумленіе.

Предъ вступленіемъ Іисуса въ великое служеніе роду человѣческому посланъ былъ уготовать путь Его Іоаннъ. Явясь въ пустынѣ іудейской, и проходя всю страну іорданскую, онъ проповѣдывалъ покаяніе и приближеніе царствія небеснаго: принималъ исповѣданіе грѣховъ и крестилъ въ Іорданѣ. Онъ не дѣлалъ чудесъ: но удивительная и строгая жизнь дѣлала Его самого чудомъ. Его проповѣдь обличена была такою силою, что привлекла къ нему самихъ Фарисеевъ и Саддукеевъ. Между множествомъ народа предсталъ Ему Іисусъ, и, принудивъ его крестить Себя, освятилъ Собою таинство крещенія, и открылъ Свое служеніе искупленія. Въ сіе время, послѣ тайнаго откровенія, торжественно явленъ Сынъ Божій, указанъ Онъ Іоанну и народу свидѣтельствующимъ гласомъ Бога Отца и явленіемъ Святаго Духа въ видѣ голубиномъ. Непосредственно за симъ въ пустынѣ Онъ выдержалъ вторую Адамъ, искушаемый подвигомъ плоти и крови, которую предлагъ четыредесятидневному вышеніи, и противу діавола, съ которымъ сражался мечемъ слова Божія, а послѣ побѣды утѣшенъ и возвеселенъ явленіемъ служащихъ Ему Ангеловъ.

Предначаніе служенія Іисуса Христова, предѣлами коего полагается крещеніе и вознесеніе Его, таинственно показывается въ пророчествѣ Даніила, гдѣ, для утвержденія Новаго Завѣта, назначается седмина лѣтъ, и полусѣдмина для отъятія жертвы кровожертвенной посредствомъ вы дѣйствительной. Гадан объясняется и подтверждает вѣствованіемъ Евангелиста І въ которомъ между крещен воззесеніемъ Іисуса находи тыре пасхи: первая, въ к Онъ очистилъ храмъ отъ т ковъ; вторая, во время к исцѣлилъ тридесяти-осмил недужнаго: третія, предъ к напиталъ пять тысячъ народ хлѣбами: четвертая, въ к пострадалъ. Итакъ время сл Іисусъ Христова должно п между тридцатью и тридца тырьмя годами Его земной

Фила

Библіотека: Церковно-Библ Вып. III.

---

47. Разореніе Кіева Бат

Уже Батый давно слыша лей древней столицѣ днѣпр ея церковныхъ сокровища гатствѣ людей торговыхъ. О являясь не только въ Визан Имперіи и въ Германіи, но ихъ отдаленныхъ страна гомыхъ: но арабскіе ист говорятъ говорить объ нем ихъ тверёзыхъ. Бухъ Чи за, посланъ Мангу, былъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣл лѣвой стороны Днѣпра, и лянъ дѣтоносцевъ, не мог вѣтся красотѣ онаго. Жи положеніе города на круг реку величественной рѣк тыя главы многихъ хра пустой жилищъ сидѣлъ — дѣлы стѣны съ ея гордыл ли и бѣлыми, воздви украшенными художеств зантійскимъ въ свѣтлы лику Ярослава. Дѣйс воля удивить степных

ь. Мангу не отважился идти за пръ; сталъ на Трубежѣ, у го-ка Песочнаго (нынѣ селенія ковъ), и хотѣлъ лестію скло-ь жителей столицы къ подда-у. Битва на Калкѣ, на Сити,— елъ Рязани, Владиміра, Черни-и и столь многихъ иныхъ горо-ь свидѣтельствовали грозную у Моголовъ; дальнѣйшее упор-о казалось безполезнымъ; но ъ народная и великодушіе не дуютъ внушеніямъ боязливаго судка. Кіевляне все еще съ гор-гію именовали себя старшими лагороднѣйшими сынами Рос-имъ-ли было смиренно пре-нить выю и требовать цѣпей, да другіе Россіяне, гнушаясь чиженіемъ, охотно гибли въ ахъ? Кіевляне умертвили по-въ Мангу-хана и кровію ихъ ечатлѣли свой обѣтъ не прини-ь мира постыднаго. Народъ былъ лѣе князя: Михаилъ Всеволо-ичъ, предвидя месть Татаръ, калъ въ Венгрію, въ слѣдъ за ю своимъ. Внукъ Давида Смо-ескаго, Ростиславъ Мстисла-ъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ вскимъ: но знаменитый Дані-ь Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣ-ъ въ Кіевъ и задержалъ Рости-ва какъ плѣнника. Даніилъ уже ъ Моголовъ: видѣлъ, что храб-ть малочисленныхъ войскъ не лѣетъ столь великой силы, и шился, подобно Михаилу, ѣхать королю венгерскому, тогда слав-у богатствомъ и могуществомъ, надеждѣ склонить его къ рев-тному содѣйствію противъ сихъ стокихъ варваровъ. Надлежало авить въ столицѣ вождя искус-о и мужественнаго: князь не ібся въ выборѣ, поручивъ оную рину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенеціе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о перего-

ворахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины: въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, как бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества в Россіи, храмъ Десятинный был сокрушенъ до основанія: послѣ изъ развалинъ онаго, воздвигл новый, и на стѣнахъ его видн отрывокъ надписи древняго.—Лавра Печерская имѣла туже участь Благочестивые иноки и граждане усердные къ святынѣ сего мѣста не хотѣли впустить непріятелей в ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытно строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторы иноки печерскіе укрылись отъ меч Батыева и жили въ лѣсахъ; чт среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куд сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылым и протяжнымъ звономъ колокола.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣр

пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ.... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

---

48. Битва на Куликовомъ полѣ.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ-ли ожидать Моголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился — и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда-же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкія наши отряды встрѣчались съ татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ, и, сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ!» 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ,—слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, *милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ, и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ

часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя» — «говорили они—смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь «любимый, живи, и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ «тебя нѣтъ побѣды.» Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. «Скрываясь назади, могу-ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою «голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Ка[illegible] князь Владиміръ Андреевичъ, [illegible]ходясь въ засадѣ, былъ толь[illegible] зрителемъ битвы, и скучалъ см[illegible] имъ бездѣйствіемъ, удерживаем[illegible] опытнымъ Димитріемъ Волынским[illegible] Насталъ девятый часъ дня: см[illegible] Димитрій, съ величайшимъ вним[illegible]ніемъ примѣчая всѣ движенія обе[illegible] ихъ ратей, вдругъ извлекъ меч[illegible] и сказалъ Владиміру: «теперь на[illegible]ше время!» Тогда засадный полк[illegible] выступилъ изъ дубравы, скрыва[illegible]шей его отъ глазъ непріятеля, [illegible] быстро устремился на Моголов[illegible] Сей внезапный ударъ рѣшилъ судь[illegible]бу битвы: враги, изумленные, рассѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ*, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живаго или

о; долго не находили; на-
два воина увидѣли вели-
язя, лежащаго подъ сруб-
ь деревомъ. Оглушенный
ѣ сильнымъ ударомъ, онъ
ъ коня, обезпамятѣлъ и ка-
ертвымъ; но скоро открылъ
Тогда Владиміръ, князья,
ки, преклонивъ колѣна,
нули единогласно: «Госу-
ы побѣдилъ враговъ!« Ди-
всталъ: видя брата, видя
ыя лица окружающихъ его
на христіанскія надъ тру-
оголовъ, въ восторгѣ серд-
вилъ благодарность Небу;
Владиміра, чиновниковъ;
ъ самыхъ простыхъ вои-
сѣлъ на коня, здравый ве-
духа, и не чувствуя из-
силъ.—Шлемъ и латы его
сѣчены, но обагрены един-
кровію невѣрныхъ: Богъ
имъ образомъ спасъ сего
реди безчисленныхъ опас-
, коимъ онъ съ излишнею
ію подвергался, сражаясь
ѣ непріятелей, и часто
и за собою дружину свою.
й, провождаемый князья-
ами, объѣхалъ поле Ку-
гдѣ легло множество Рос-
ю въ-четверо болѣе непрі-
такъ что, по сказанію нѣ-
ъ историковъ, число всѣхъ
, простиралось до двухъ
сячъ. Князья бѣлозерскіе,
и сынъ его Іоаннъ, та-
Ѳедоръ и Мстиславъ, до-
скій Димитрій Монасты-
рвостепенные бояре Суме-
айловичъ, сынъ тысячскаго
Васильевичъ, внукъ Акин-
ихаилъ, Андрей Серкизъ,
ренко, Левъ Морозовъ и
ругіе положили головы за
о, а въ числѣ ихъ и Сер-
гіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близь монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

---

49. Покореніе Казани.

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искуствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ въ

пылу геройства не чувствовалъ своей слабости; и какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшные приступы наши къ его столицѣ и говорилъ; не въ первый разъ увидимъ Московитянъ подъ стѣнами, не въ первый разъ побѣгутъ во свояси, и будемъ смѣяться надъ ними! Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

19 августа, государь съ 150,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги. Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова: и 23 августа въ часъ разсвѣта войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ.

Россіяне обступали Казань. 7000 стрѣльцовъ и пѣшихъ козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15,000 Татаръ конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ; они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры; потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; не было пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снаряд огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше в теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать, и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Японча, опасный татарскій наѣздникъ стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ, выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаж

ющихъ. Сей опасный наѣздникъ ержалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; оложилъ раздѣлить войско на двѣ асти: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, водъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япончи.

Александръ имѣлъ 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ: однимъ словомъ, истребили Япончу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію, хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ, изъявилъ благодарность и радовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они уговаривали Казанцевъ сдаться. Въ тоже время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему.» Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, то есть инженеру, дѣлать подкопъ. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа, близь рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его.

Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ и трескомъ разорвало землю; тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6 сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япончина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бо-

яре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе къ арскому городу мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ — куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана, и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню вышиною въ шесть сажень; ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, пищалей *затинныхъ*, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ куда имъ угодно, съ своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ

имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли на стѣнахъ, Россіяне предъ ними. Звучали только бубны и трубы — непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ Пастырь,» грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась.... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма, и падали на городъ; священное служеніе прервалося въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «съ нами Богъ!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости; а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла, Алла!» призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ.... но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ.... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ свою литургію, причастясь святыхъ таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ. Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки; и самые чиновники, коимъ приказалъ государь идти съ обнаженными мечами за воинами, что-бы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть.

Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ-бы мертвые или раненые; и изъ обо-

зовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. «Съ нимъ были,» пишетъ Курбскій, «ве«ликіе синклиты, мужи вѣка от«цовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ до«бродѣтеляхъ и въ ратномъ ис«кусствѣ.»

Государь взялъ святую хоругвь и сталъ предъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря, грянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные абызы, септы, молны и первосвященникъ Кульшерифъ, встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ, и сражался около часа. Россіяне отбили ворота.... тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья еще бились усиль конецъ вышли, числомъ 1(заднія ворота къ нижней ч рода. Гонимые, тѣснимые по трупамъ своихъ лѣзли нѣ, взвели Едигера на (кричали, что хотятъ вст переговоры. Ближайшій воевода, князь Дмитрій И остановилъ сѣчу. «Слушай зали Казанцы: «доколѣ у « «ло царство, мы умирали «и отечество. Теперь Казан «отдаемъ вамъ и царя, жив «уязвленнаго: ведите его « «ну; а мы идемъ на широ «испить съ вами послѣдню

Вмѣстѣ съ Едигеромъ о ли Палецкому главнаго п лаго вельможу или карач немъ Запіеша, и двухъ или совоспитанниковъ ца и начали снова стрѣлять. было еще 5,000, и самых рѣйшихъ; они стояли, ибо шились смерти; спѣшили тому, темному лѣсу: оста лый, но своимъ великод остервененіемъ еще опас Россіянъ! Государь посла Симеона Микулинскаго, Васильевича Глинскаго и метева съ конною дружи Казанку въ объѣздъ, что зать бѣгущихъ Татаръ от воеводы настигли и поби Никто не сдался живой; немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пы разныхъ мѣстахъ; сѣча пе но кровь лилась; раздр воины рѣзали всѣхъ, кого ли въ мечетяхъ, въ дома ямахъ; брали въ плѣнъ же тей, или чиновниковъ. Дво скій, улицы, стѣны, глуб были завалены мертвыми (

до Казанки; далѣе на лугахъ
ѣсу еще лежали тѣла и по-
по рѣкѣ. Пальба умолкла;
у города раздавались толь-
ры мечей, стонъ убиваемыхъ,
побѣдителей.

нчаніе Годунова на царство.

онецъ Борисъ вѣнчался на
о, еще пышнѣе и торже-
ѣе Ѳеодора, ибо пріялъ у-
Мономахову изъ рукъ все-
го патріарха. Народъ бла-
лъ въ безмолвіи; но когда
осѣненный десницею перво-
ля, въ порывѣ живаго чув-
ікъ-бы забывъ уставъ цер-
, среди литургіи воззвалъ
ласно: «Отче великій патрі-
Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель,
в моемъ царствѣ не будетъ
ваго, ни бѣднаго»—и, тряся
своей рубашки, примолвилъ:
ь и сію послѣднюю народу:»
динодушный восторгъ пре-
священнодѣйствіе: слышны
лько клики умиленія и бла-
ости въ храмѣ; бояре сла-
ли монарха, народъ пла-
вѣряютъ, что новый вѣнце-
, тронутый знаками общей
у любви, тогда-же произ-
другой важный обѣтъ: ща-
изнь и кровь самыхъ пре-
ковъ и единственно удалять
пустыни сибирскія. Однимъ
ь, никакое царское вѣнча-
Россіи не дѣйствовало силь-
орисова на воображеніе и
людей. — Осыпанный въ
ь церковныхъ золотомъ изъ
Истиславскаго, Борисъ въ
, съ державою и скиптромъ
ъ въ царскую палату за-
істо варяжскихъ князей на
Россіи, чтобы милостями,
щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

---

51. Блестящее властвованіе Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался-ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался-ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и

совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея, какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, любила своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей—какъ-бы для того, чтобы лицемъ монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова-онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или мысляхъ, и, недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за часами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «слуги Божія, царя Всевышнимъ избраннаго и превозне-«сеннаго, самодержца всей восточ-«ной страны и сѣверной; о царицѣ «и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и «тишинѣ отечества и церкви подъ «скиптромъ единаго христіанскаго «вѣнценосца въ мирѣ, чтобы и «иные властители предъ нимъ ук«нялись и рабски служили ей «величая имя его отъ моря до м«ря и до конца вселенныя; что «Россіяне всегда съ умиленіе«славили Бога за такого монарх«коего умъ есть пучина мудрос«а сердце исполнено любви и до«готерпѣнія; чтобы всѣ земли пр«петали меча нашего, а земля Ру«ская непрестанно высилась и ра«ширялась; чтобы юныя, цвѣтущ«вѣтви Борисова дому возрас«благословеніемъ небеснымъ и п«прерывно осѣняли оную до ско«чанія вѣковъ!» То есть, святое дѣ ствіе души человѣческой, ея таи ственное сношеніе съ небомъ, Б рисъ дерзнулъ осквернить свои тщеславіемъ и лицемѣріемъ, з ставивъ народъ свидѣтельствова предъ окомъ Всевидящимъ о д бродѣтеляхъ убійцы, губителя хищника!.... Но Годуновъ, как бы не страшась Бога, тѣмъ бол страшился людей, и еще до уд ровъ судьбы, до измѣнъ счаст и подданныхъ, еще спокойный престолѣ, искренно славимый, и кренно любимый, уже не зналъ м ра душевнаго; уже чувствовал что если путемъ беззаконія мо но достигнуть величія, то велич и блаженство, самое земное, одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство ду ши, неизбѣжное для преступник обнаружилось въ царѣ несчастны ми дѣйствіями подозрѣнія, кото рое, тревожа его, скоро встрево жило и Россію. Мы видѣли, чт онъ, касаясь рукою вѣнца Моно махова, уже мечталъ о тайных оковахъ противъ себя, ядѣ, чаро дѣйствѣ: ибо естественно думал что и другіе, подобно ему, мог

мѣть жажду къ верховной власти, нцемѣріе и дерзость. Нескромно ткрывъ боязнь свою, и взявъ съ 'оссіянъ клятву постыдную, Бо-ісъ столь-же естественно не до-ѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ еусыпной, все видѣть и слышать; тобы предупредить злые умыслы, озстановилъ для того бѣдствен-ую Іоаннову систему доносовъ и вѣрилъ судьбу гражданъ, дво-янства, вельможъ сонму гнусныхъ звѣтниковъ.

52. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

Все благопріятствовало юному ерою: довѣренность царя и союз-иковъ, усердіе и единодушіе сво-хъ, смятеніе и раздоръ непріяте-ей. Наконецъ Россіяне видѣли, его уже давно не видали: умъ, ужество, добродѣтель и счастіе ь одномъ лицѣ; видѣли мужа ве-ікаго въ прекрасномъ юношѣ, и лавили его съ любовію, которая голь долго была жаждою, потреб-остію неудовлетворяемою ихъ ердца, и нашла предметъ столь істый. Но сія любовь, способствуя спѣху великаго дѣла, избавле-ію отечества, имѣла и несчастное ѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ царю царству по закону и совѣсти, ѣзъ всякихъ намѣреній властолю-я, въ невинной, смиренной душѣ ва ли плѣняясь и славою: не ікъ мыслили за него другіе, уже ь бѣдственнымъ навыкомъ къ пе-ѣнамъ, низверженіямъ и без-коніямъ. Многимъ казалось, что ели Богъ возстановитъ Россію, ' она въ награду за свои вели-одушныя усилія должна имѣть аря лучшаго, не Василія, кото-рый предалъ государство разбой-никамъ, сравнялъ Москву съ Ту-шинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію; а мысль о новомъ царѣ была мыслію о князѣ Михаилѣ — и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъ-явить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перва-го бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова, измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — думный дворянинъ Ля-пуновъ вдругъ, и торжествен-но, именемъ Россіи, предложилъ царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достой-нымъ вѣнца, а Василія осыпая уко-ризнами. Сію грамоту вручили кня-зю Михаилу послы рязанскіе; не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще бо-лѣе милосердый, нежели строгій, князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, на-дѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для оте-чества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: ска-зали Василію, что Скопинъ съ уди-вительнымъ великодушіемъ ми-луетъ злодѣевъ, которые предла-гаютъ ему измѣну и царство. По-дозрѣніе гибельное уязвило Васи-ліево сердце; но еще имѣли нужду въ героѣ, и злоба таилась.

Въ то время, когда всякій часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ—когда всѣ друзья отечества изъявляли князю Михаилу живѣйшую ревность, а князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе царю идти въ поле — минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано,—что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный князь Михаилъ для него опасенъ, любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе царя и явно въ цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя героя, многіе дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею; многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ вѣнценосецъ именемъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою умирить государство: «чрезъ «два года благодатное воцареніе «Филаретова сына оправдало гадателей,» пишетъ историкъ чужеземный; но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Димитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить державство: ибо шестидесятилѣтній царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери, Анастасіи. Князь Димитрій, духомъ слабый, сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, что хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа государева. Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату, — даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ героя — но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія, ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и думнымъ боярамъ условиться съ генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ выборгскій и калязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга: дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали идти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ московскихъ. 23 апрѣля князь Димитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Димитріева, княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!.... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду, и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому князя Димитрія Шуйскаго: дружина царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напоминавшей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутѣшно, какъ царя Ѳеодора Іоанновича: любивъ Ѳеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи государства; а кончина Михаилова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ россійскимъ, лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и милость

безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца. Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

53. Патріархъ Ермогенъ и Прокопій Ляпуновъ.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія (*), чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло.... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ церкви и государства—патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія—Ляпуновъ рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель: второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ царствѣ. Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый—извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ вельможными панами, грубо смѣялся надъ послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ, но обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, вывѣдывалъ и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія. Такъ и нѣкоторые изъ пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Васильевъ, архимандритъ Евфимій и келарь Авраамій; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство гетманово или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже знавъ, вѣроятно, о гибели самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто

(*) Овладѣніе Калугою и взятіе Марины *подъ стражу*.

и для его истребленія—писалъ отъ 13 декабря) къ боярамъ, что Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско королевское идетъ противъ калужскаго злодѣя:» Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожъ скорости и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы*; но патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ державы Московской. Ермогенъ сказалъ, толпа и государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ другу словесно, что пришло время стать за вѣру и государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ *Уѣздныхъ* Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: «Обольщенные королемъ, мы ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ или въ узахъ. Хотите-ли такой-же доли? Вы ждете Владислава, и служите Ляхамъ, угождая извергамъ, Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго вѣнценосца вамъ, ославленнымъ измѣнами. Нѣтъ, король и сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять Россію безъ «условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ ней надъ «развалинами. Возстаньте, доколѣ «вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; «поднимите и другія области, да «спасутся души и царство! Знаете, «что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ «горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и «разитъ сонмы иноплеменниковъ!» Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города: «не слухомъ слышимъ, «а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ «именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень царства, здѣсь «знамя отечества, здѣсь Богоматерь «изображенная Евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители церкви, митрополиты Петръ, «Алексій, Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные: «къ счастію, ихъ мало; не многіе «идутъ во слѣдъ Салтыкову и Андронову — а за насъ Богъ, и всѣ «добрые съ нами, хотя и не явно «до времени: святѣйшій патріархъ «Ермогенъ, прямый учитель, прямый наставникъ, и всѣ христіане «истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ «и въ латинство!» — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, *по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена.*

Что же сдѣлало такъ называемое правительство, боярская дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ государствѣ истерзанномъ?.... Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи;

велѣло посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота боярская не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться; дали тайно знать и смоленскому воеводѣ, что-бы онъ не исполнялъ указа думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ королевскимъ панамъ: «исполните прежде «договоръ гетмановъ;» длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близь Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ вельможъ синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному западу, не пастырями, а губителями христіанскаго стада.* Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили гетману, вѣрили Сигизмунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей думныхъ, князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ.

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый, какъ было предъ гибелію разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глупости выбрали «Ляха въ цари, однакожъ не съ «тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ «Ляхамъ; время раздѣлаться съ «ними!» Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе. Высылали конныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что патріархъ есть глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ

ко избавителей подъ своими ами. Не взирая на то, Госѣв- еще не смѣлъ употребить ствъ жестокихъ, ни обезору- ь стрѣльцевъ и гражданъ, ни гнуть патріарха; довольство- я угрозами, сказавъ Ермоге- что святость сана не есть пра- ыть возмутителемъ. Болѣе наг- ги оказали злодѣи россійскіе. айло Салтыковъ требовалъ, бы Ермогенъ не велѣлъ опол- ся Ляпунову. «Не велю» — ѣтствовалъ патріархъ — «если жу крещеннаго Владислава въ скве и Ляховъ выходящихъ ь Россіи; велю, если не бу- ъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ ной королевичу присяги.» Сал- овъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ъ: Ермогенъ осѣнилъ его крест- ъ знаменіемъ и сказалъ гро- ласно: «Сіе знаменіе противъ ка твоего, да взыдетъ вѣчная ятва на главу измѣнника!» И, янувъ на печальнаго Мсти- вскаго, промолвилъ тихо: «Твое чало: ты долженъ первый уме- ть за вѣру и государство; а ли плѣнишься козпями сата- нскими, то Богъ истребитъ ко- нь твой на землѣ живыхъ — самъ умрешь какою смертію?» *едсказаніе исполнилось*, гово- ъ лѣтописецъ: ибо Мстислав- й никакъ не хотѣлъ одобрить юднаго возстанія, и писалъ отъ ни синклита грамоту за гра- ою къ королю, что обстоятель- а ужасны и время дорого; что а столица еще не измѣняетъ адиславу, а держава въ без- ліи готова раздѣлиться; что нъ-городъ и Псковъ, оболь- нные генераломъ Делагарди, ают имѣть царемъ шведскаго ица; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Ма- гометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области низо- выя, степныя, восточныя и сѣвер- ныя до пустынь сибирскихъ воз- мущены Ляпуновымъ; но что не- медленное прибытіе королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь королевскую. Из- мѣнники-же, Салтыковъ и Андро- новъ, звали въ Москву не Влади- слава, а самого короля съ вой- скомъ, отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Битвы начались. Дѣлая вылаз- ки, осажденные дивились несмѣт- ности Россіянъ и еще бодѣе ум- нымъ распоряженіямъ ихъ вож- дей — то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* стратига: его звуч- нымъ голосомъ и примѣромъ оду- шевляемые, Россіяне кидались пѣ- шіе на всадниковъ, рѣзались чело- вѣкъ съ человѣкомъ, и, втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью за- няли берегъ Москвы-рѣки и Нег- линной. Ляхи тщетно хотѣли вы- гнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но ви- дѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ не замѣтенъ. Россіяне надѣялись на время: Ляхи стра- шились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ пре- кратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спа- сенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни; сражался и для того, что- бы имѣть плѣнниковъ для размѣ- на. Извѣстивъ короля о сожженіи

Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «пусть удалятся Ляхи!» Грозили ему злою смертію: старецъ указалъ имъ на небо: «боюся Единаго, тамъ живущаго!» Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ.

Но станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну *себѣ и другимъ; снисходилъ* рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы царскаго. Хищники, имъ унижаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу. 20 козаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало; слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ коза-

овъ въ одинъ день и часъ. Сію одложную, будто бы отнятую у онца бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и ечать казались несомнительными. Вали Ляпунова на сходъ: онъ медилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи,» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ изверовъ: жертва единственная, но драоцѣнная въ честь герою своего ремени, главѣ возстанія, живоворцу государственному, коего еликая тѣнь, уже примиренная съ аконом, является лучезарно въ реданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго поребенія, и служило пищею врагамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ ащитить мужа силы, достойнаго тратига и властителя, войско пришло въ неописанное сиятеніе; надежда, довѣренность, мужество, стройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые козаки, насхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами.... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переяславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Карамзинъ.

(*Ист. Гос. Рос.*)

---

54. Встрѣча съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Въ 1806 году, 4-го іюля, я былъ переведенъ изъ ротмистровъ бѣлорусскаго гусарскаго полка, что нынѣ полкъ принца оранскаго, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ поручикомъ. Въ концѣ сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно переѣхалъ въ Павловскъ, гдѣ квартировалъ эскадронъ, въ который я былъ назначенъ. Эскадронный командиръ былъ давній мой другъ и одинъ изъ виновниковъ перевода моего въ гвардію. Во всемъ полку нашемъ было бо-

лѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали.... Всегда веселы и всегда на-веселѣ!

Можетъ быть, въ настоящихъ лѣтахъ моихъ я благословилъ-бы участь мою и не желалъ болѣе; но мнѣ тогда было двадцать два года отъ роду: я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни.

Сверхъ того, положеніе мое относительно къ товарищамъ было истинно нестерпимое. Оставя гвардію, не слыхавшую еще боеваго выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ. Я говорилъ о рвеніи моемъ, — мнѣ показывали раны, всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. Не разъ вздохъ ропота на судьбу мою заструивалъ чашу радости.

Наконецъ пришла вѣсть о разбитіи прусской арміи подъ Іеной. Заговорили о движеніи войскъ нашихъ на помощь пораженнымъ союзникамъ, и фельдмаршалъ графъ Каменскій вызванъ былъ изъ деревни для начальствованія арміею. Я ожилъ. Какъ бѣшеный пустился я въ столицу, чтобы развѣдать о средствахъ втереться къ нему въ адъютанты, или быть приписаннымъ къ какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу. Тщетны были старанія мои: я не могъ найти не только ходатая, но даже человѣка, въ которомъ бы хотя ма[illegible]льскиотоз[illegible] ніе [illegible] моихъ. [illegible] чал[illegible]вѣтъ на [illegible] пѣ[illegible]чѣ,

и въ с[illegible] говорилъ о тебѣ, кое [illegible]ъ! Просилъ течесть! [illegible] къ себѣ въ нѣ-похва[illegible], но мнѣ отказа-не да[illegible]ъ, что тебѣ на-*пь* [illegible] служить во фронтѣ. чисты[illegible], что по всему [illegible] те, что [illegible]ость выпросить тѣ-мію во[illegible] тебѣ быть хотѣ-лись в[illegible] собою средства, [illegible] гучихъ[illegible]ніе бы ты ни нашелъ

Меж[illegible]ого бы ты ни достигъ и бабу[illegible] я всегда съ радостію шекъ, [illegible] доставлю тебѣ слу-лежавш[illegible]. Съ этимъ словомъ приступ[illegible] я остался какъ вко-гостиц[illegible] когда вслѣдъ за нимъ фельдма[illegible]тянулась процессія о своем[illegible] я взглянулъ на нее, были уд[illegible] и улыбнулся.

Д. Давыдовъ.

[illegible]ніе о сраженіи при [illegible]нъ-Эйлау.

Прейсишъ-Эйлау [illegible] памяти современ-пріѣхалъ [illegible] Бородинскаго сра-маршалу. [illegible]ногіе даютъ пре-для того, [illegible]нему надъ пер-вую коло[illegible], предметъ товившую[illegible]нымъ былъ воз-му присту[illegible]ственнѣе, болѣ-чудакъ л[illegible] сердце, чѣм[illegible] среди ноч[illegible] Бородинымъ дѣ-жившаго [illegible] или не быть на прест[illegible]ниже соб-живаго, [illegible] сраженіе такъ-то б[illegible]лотерею м-веннымъ [illegible] нераздѣль-даже благ[illegible]скимъ су-дворѣ и в[illegible]ницей про-9-й, къ ко[illegible]щей на-[illegible]ная и едв[illegible] [illegible]ходи[illegible] [illegible]ородости [illegible]ого на [illegible]мені

наръ. Погода была холодная. Пришедъ къ дверямъ нумера, я завернулся въ шинель и прислонился къ стѣнѣ, въ ожиданіи какого-нибудь выходца изъ горницъ, чтобы войти съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю, оглашаемую сиповатымъ храпомъ какого-то дюжаго деньщика фельдмаршала.

Однако первый пылъ рѣшимости моей убавился, когда я, осмотрѣвъ себя, взглянулъ на коридоръ, едва освѣщенный гаснувшимъ уже фонаремъ, и сообразилъ съ сими очевидными предметами часъ, избранный мною на торжественное представленіе себя высокой особѣ, и младенческое своенравіе всѣхъ почти стариковъ съ просонковъ, приправленное необузданными порывами гнѣва, принадлежавшими лично фельдмаршалу графу Каменскому. Подумавъ немного, я сбросилъ съ себя шинель, дававшую мнѣ видъ Абеллино или Фра-діаволо, и рѣшился дожидаться развязки сего игрища въ одномъ мундирѣ. Слышу, отворяется дверь, и маленькій старичекъ, свѣжій и бодрый, является передо мною въ халатѣ; голова его повязана была бѣлою тряпицею и въ рукѣ не зажженный восковой огарокъ. Это былъ фельдмаршалъ. Увидя меня, онъ остановился. «Кто вы таковы?» спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя. «Къ кому пришли?»— «Къ вашему сіятельству.» Онъ взглянулъ мнѣ быстро въ глаза, пошелъ вдоль коридора къ фонарю, зажегъ свой огарокъ, и, на обратномъ пути, поравнявшись со мною, сказалъ мнѣ: «пожалуйте сюда.» Я пошелъ за нимъ; онъ молчалъ и шелъ съ огаркомъ впереди меня. Передъ входомъ въ спальню, я, изъ уваженія, хотѣлъ было остановиться, пока удостоюсь особаго зова. Примѣтя это, онъ сказалъ довольно сердито: «Нѣтъ, пожалуйте сюда.» Я вошелъ въ спальню. Тогда онъ, воткнувъ огарокъ въ подсвѣчникъ, стоявшій на столикѣ подлѣ кровати, спросилъ меня: «Что вамъ надо?» Я объявилъ желаніе мое служить на войнѣ. Онъ вспыхнулъ, началъ ходить скорыми шагами взадъ и впередъ по горницѣ и почти въ изступленіи говоритъ: «Да что это за мученье! Всякій молокососъ лѣзетъ въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту! Замучили меня просьбами!... Да кто вы таковы?» Я повторилъ мое имя. «Какой Давыдовъ?» Я сказалъ имя отца моего. Тутъ онъ смягчился, вспомнилъ о своей пріязни съ нимъ и даже съ дѣдомъ моимъ, началъ поименно называть моихъ родственниковъ, такъ что едва не добрался до выходца изъ Золотой Орды Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовыхъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, съ видомъ однако добродушія сказалъ: «Помнится мнѣ, что ты противъ воли долженъ былъ однажды выйти изъ гвардіи. За что? Скажи мнѣ всю правду, какъ-бы ты сказалъ покойному отцу своему.» Я разсказалъ приключеніе это со всею откровенностію лѣтъ и характера моего. Онъ слушалъ со вниманіемъ, иногда улыбался, иногда хмурился, и я какъ ястребъ взмывалъ надъ мѣстами, отъ которыхъ примѣчалъ, что брови его начинаютъ смыкаться, падалъ стремглавъ и уцѣплялся за тѣ, отъ коихъ предчувствовалъ улыбку. Когда я кончилъ, онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ну, хорошо, любезный Давыдовъ; нынче же буду просить тебя съ собою,

разскажу все, какъ ты ночью — слыхано-ли это! — ночью ворвался ко мнѣ въ горницу; какъ я тебя принялъ — прости меня! — за неблагонамѣреннаго человѣка.... Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боялся, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ея; но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу. Признайся!» Я извинился, что осмѣлился обезпокоить его въ такой необыкновенный часъ. «Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ,» возразилъ онъ съ пылкостью: «это мнѣ пріятно, это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая; тутъ душа, тутъ сердце.... я это знаю, я чувствую.»

И такъ, распростясь съ фельдмаршаломъ, я возвратился домой съ надеждою на успѣхъ. Сердце мое обливалось радостью, чадъ бродилъ въ головѣ моей — уже я командовалъ эскадрономъ, полкомъ.... уже я рѣшалъ важное сраженіе.... и едва-ли не побѣдителемъ Наполеона бросился на постель, на которой не могъ сомкнуть глазъ отъ душевнаго волненія. Надежда въ эти лѣта такъ похожа на подлинность!

По утру заговорили въ гвардіи и въ городѣ о моемъ наѣздническомъ наскокѣ на фельдмаршала, но отъ него я ничего не получалъ. На завтра я пріѣхалъ къ нему въ девятомъ часу утра, чтобъ узнать о моей участи. Улица была заперта дрожками и каретами. Я вошелъ въ комнаты, полныя чиновниками, и остановился у притолки. Ударилъ часъ развода. Фельдмаршалъ, выходя садиться въ карету, увидѣлъ меня, бросился ко мнѣ, обнялъ меня и, взявъ въ сторону, сказалъ мнѣ: «Я говорилъ о тебѣ, любезный Давыдовъ! Просилъ тебя въ адъютанты къ себѣ въ нѣсколько пріемовъ, но мнѣ отказано подъ предлогомъ, что тебѣ надобно еще послужить во фронтѣ. Признаюсь тебѣ, что по всему я вижу невозможность выпросить тебя туда, гдѣ бы тебѣ быть хотѣлось. Ищи самъ собою средства, и повѣрь, что какіе бы ты ни нашелъ пути, чрезъ кого бы ты ни достигъ своей цѣли, я всегда съ радостію приму тебя и доставлю тебѣ случай отличиться.» Съ этимъ словомъ онъ исчезъ, а я остался какъ вкопаный!.... Но когда вслѣдъ за нимъ и мимо меня потянулась процессія избранныхъ, я взглянулъ на нее, пожалъ плечами и улыбнулся.

Д. Давыдовъ.

---

55. Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау почти свѣяно съ памяти современниковъ бурею Бородинскаго сраженія, и потому многіе даютъ преимущество послѣднему надъ первымъ. Дѣйствительно, предметъ спора подъ Бородинымъ былъ возвышеннѣе, величественнѣе, болѣе хватался за русское сердце, чѣмъ подъ Эйлау: подъ Бородинымъ дѣло шло о томъ—«быть или не быть» Россіи? Это сраженіе—наше собственное, наше родное сраженіе. Въ эту священную лотерею мы были вкладчиками всего нераздѣльнаго съ нашимъ политическимъ существованіемъ,—всей нашей прошедшей славы, всей настоящей народной чести, народной гордости, величія имени русскаго, всего нашего будущаго предназначенія. Предметъ спора подъ Эйлау пред-

ставлялся съ иной точки зрѣнія. Правда, онъ былъ кровавымъ предшествователемъ вторженія Наполеонова въ Россію; но кто тогда это видѣлъ? нѣсколько избранныхъ природою, одаренныхъ проницательностью болѣе другихъ. Большей части изъ насъ онъ казался усиліемъ, не касающимся существенныхъ пользъ Россіи, простымъ соперничествомъ въ щегольствѣ военною славою двухъ сражавшихся армій, окончательнымъ закладомъ въ томъ, чья возьметъ, понтировкою на удальство въ надеждѣ на рукоплесканіе зрителей, и понтировкою съ полнымъ еще бумажникомъ, съ полнымъ кошелькомъ въ карманѣ, а не игрою на послѣдній пріютъ, на послѣдній кусокъ хлѣба и «на пулю въ лобъ» при проигрышѣ, какъ то было подъ Бородинымъ.

Неоспоривая священнаго мѣста, которое въ душахъ нашихъ должна занимать Бородинская битва, нельзя однако не сознаться въ гибельномъ превосходствѣ предъ нею эйлауской, относительно кровопролитія, потому что первая, превышая послѣднюю восьмьюдесятью тысячами человѣкъ и слишкомъ шестью стами жерлъ артиллеріи, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесеннаго сражавшимися. Причиною этому родъ оружія, который употребленъ былъ подъ Эйлау болѣе всякаго другаго. Въ Бородинской битвѣ главнымъ дѣйствовавшимъ оружіемъ было огнестрѣльное, въ эйлауской—рукопашное: штыкъ и сабля гуляли, роскошествовали и упитывались въ ней до сыта. Ни въ какомъ сраженіи не видно было подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собою, и эти свалки не мѣшали ружейной и пушечной грозѣ гремѣть съ обѣихъ сторонъ и заглушать въ самой чуткой душѣ увлекательныхъ призывовъ славы и честолюбія.

Я тогда былъ въ самомъ разгарѣ жизни — слѣдственно и любви къ случайностямъ. Къ тому-жъ, жребій мой былъ брошенъ, предметъ указанъ и моимъ солдатскимъ воспитаніемъ и непреклонною волею идти боевою стезей, и душей неугомонною, страстною ко всякаго рода отваги, порывавшеюся на всякія опасности; но, право, не разъ въ этотъ двухсуточномъ боѣ проклятая Тибуллова элегія о блаженствѣ домосѣда приходила мнѣ въ голову. Чортъ знаетъ, какія тучи ядръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ моею головою и подъ ногами моими! то былъ широкій ураганъ смерти, ломавшій все въ дребезги, стиравшій съ лица земли все, что ни попадало подъ его сокрушительное дыханіе, которое продолжалось отъ полудня 26 января 1807, до одинадцати часовъ вечера 27 числа, и пресѣклось только штилемъ ночи, раздѣлившей его свирѣпствованіе на два возстанія.

Съ утреннимъ полусвѣтомъ (28 янв.) армія поднялась и стала въ ружье. Еще костры курились на мѣстѣ ночлега между войсками, которыя черными полосами разсѣкали бѣлое, назапятнанное поле будущаго сраженія; еще нигдѣ изнутри ихъ не сверкнуло ни одного выстрѣла; только видно было нѣкоторое волненіе въ линіяхъ и колоннахъ,

приходившихъ въ окончательный порядокъ; 4-я пѣхотная дивизія возвратилась на свое мѣсто, въ составъ главнаго резерва арміи и архангелогородскій полкъ примкнулъ къ своей дивизіи. Ободняло, и со свѣтомъ грянула шестидесяти-пушечная батарея нашего праваго фланга. Часть непріятельской артиллеріи, ночевавшей подъ прикрытіемъ переднихъ строеній города, выдвинулась изъ-за нихъ и отвѣчала на вызовъ. Наполеонъ увидѣлъ собственными глазами, что дѣло идетъ о битвѣ уже не съ арріергардомъ, какъ онъ думалъ, а со всею нашею арміей. Не можетъ быть, чтобы въ эту минуту великій полководецъ не упрекнулъ себя въ удаленіи корпусовъ Нея и Даву на такое разстояніе отъ арміи, въ какомъ они тогда находились, и не подосадовалъ на судьбу, которая, въ такой рѣшительный день, лишила его корпуса Бернадота. Обстоятельство это не прошло бы ему даромъ за семь лѣтъ прежде, когда Суворовъ былъ еще на конѣ передъ русскими знаменами. Но отъ того, что уже не было Суворова, ему нельзя было пренебрегать Беннигсена, полководца не безъ высокихъ достоинствъ, по многимъ отношеніямъ, — и потому гонцы летѣли къ Даву и къ Нею съ приказаніями немедленно обратиться къ Эйлау.

Между тѣмъ жестокая канонада гремѣла вокругъ города, и главныя силы французской арміи начали размѣщаться. Легкія кавалерійскія бригады Дюронеля, Брюера, Гюо и Кольберта остались влѣвѣ отъ Эйлау. Пѣхотная дивизія Леваля, соединивъ всѣ три свои бригады, расположилась лѣвымъ флангомъ къ симъ легкоконнымъ бригадамъ, а правымъ къ городу. Пѣхотная дивизія выдвинулась впередъ города и примкнула къ правому флангу Леваля. Корпусъ Ожеро построился въ двѣ линіи: дивизія Дежардена составила первую, а дивизія Гюдле вторую линію. Обѣ тѣ дивизіи примкнули лѣвые свои фланги къ церкви, лежащей у оконечности города, гдѣ находился Наполеонъ во все время сраженія.

За Ожеро расположилась кирасирская дивизія Гопульта, примыкая съ-лѣва къ пѣшей гвардіи, стоявшей позади церкви за возвышеніемъ. За Гопультомъ стала конная гвардія, а вправо, на одной съ нимъ линіи, драгунская дивизія Груши. Дивизія Сентъ-Илера, отъ корпуса Сульта, примкнула къ правому флангу первой линіи Ожеро, заслоняя собою драгунскую дивизію Клейна; драгунская дивизія Мило — къ правому флангу Клейна, и составляла оконечность всей арміи.

Канонада съ обѣихъ сторонъ загоралась по мѣрѣ развитія французской арміи параллельно нашей. Она сдѣлалась общею: но все гремѣла съ большею силою около города, нежели на другихъ пунктахъ,—съ нашей стороны, потому что мы посредствомъ ея старались воспретить дивизіямъ Леграна и Леваля нападеніе на нашъ правый флангъ, а съ непріятельской—для привлеченія нашего вниманія болѣе на нашъ правый флангъ, чѣмъ на лѣвый, чтобы тѣмъ облегчить усилія Даву, котораго прибытіе на оконечность нашего лѣваго фланга долженствовало рѣшить участь сраженія.

Уже огонь изъ нѣсколькихъ сотъ орудій продолжался около трехъ

часовъ сряду, и ничего замѣчательнаго не происходило ни съ непріятельской, ни съ нашей стороны.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи корпуса Даву (ему велѣно было, направляясь къ арміи, взять вправо отъ батерштейнской дороги, на которую онъ перешелъ съ гейльсбергской), Наполеонъ приказалъ всей главной арміи двинуться также вправо, для связи своего дѣйствія съ дѣйствіемъ Даву. Армія двинулась, но въ самую эту минуту закрутилась мятель съ густымъ снѣгомъ, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Корпусъ Ожеро потерялъ дирекцію, и, отдѣлясь отъ дивизіи Сентъ-Илера и всей кавалеріи, предсталъ неожиданно, и для насъ и для себя, передъ центральною батареею въ самый моментъ прояснения погоды. Семьдесятъ жерлъ рыгнули адомъ, и градъ картечей зазвенѣлъ по желѣзу ружей, и застучалъ по живой громадѣ костей и мяса. Въ одно мгновеніе полки, московскій гренадерскій и шлиссельбургскій пѣхотный, и пѣхотная бригада генерала Сомова, ринулись на нее жадно съ наклоненными штыками. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, подставили штыки штыкамъ и стали грудью. Произошла схватка, дотолѣ невиданная. Болѣе двадцати тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ вонзали трехгранное остріе другъ въ друга. Толпы валились. Я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого гомерическаго побоища, и скажу поистинѣ, что, въ четырнадцать кампаній моей службы, во всю эпоху войнъ Наполеоновскихъ, справедливо названную эпопеей нашего вѣка, я подобнаго побоища не видывалъ. Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни вокругъ его: слышенъ былъ только невыразимый гулъ перемѣшавшихся тысячъ храбрыхъ и рѣзавшихся безъ пощады. Груды мертвыхъ тѣлъ осыпались свѣжими грудами, люди падали одни на другихъ сотнями, такъ что вся эта часть поля сраженія вскорѣ уподобилась высокому парапету вдругъ воздвигнутаго укрѣпленія. Наконецъ—наша взяла! Корпусъ Ожеро былъ опрокинутъ и жарко преслѣдованъ нашею пѣхотою и генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ, прискакавшимъ съ центральною конницею на подпору пѣхоты. Задоръ достигъ до невѣроятія: одинъ изъ нашихъ баталіоновъ въ пылу погони занесся за непріятельскую позицію и явился у церкви, во ста шагахъ отъ самого Наполеона; объ этомъ упоминаютъ сами Французы во всѣхъ описаніяхъ войнъ того времени. Минута была критическая. Наполеонъ, котораго рѣшительность умножалась по мѣрѣ усиленія опасности, приказалъ Мюрату и Бессіеру ударить съ тремя дивизіями Гопульта, Клейна и Груши и съ конною гвардіею на наши войска, гнавшіяся за Ожеро, при крикахъ ура!—движеніе, необходимое для спасенія хоть части его корпуса, и для предупрежденія общаго съ нашей стороны натиска, въ случаѣ, если бъ Беннигсенъ на это отважился. Болѣе шестидесяти эскадроновъ обскакало справа бѣжавшій корпусъ и понеслось на насъ, махая палашами. Загудѣло поле, и снѣгъ, взрываемый двѣнадцатью тысячами сплоченныхъ всадниковъ, поднялся и завился изъ-подъ нихъ, какъ вихрь изъ-подъ громовой тучи. Блистательный Мюратъ, въ

театральномъ костюмѣ своемъ, сопровождаемый многочисленною свитою, горѣлъ впереди бури, съ саблею на-голо, и летѣлъ какъ на пиръ, въ средину сѣчи. Пушечный, ружейный огонь и рогатки штыковъ, поставленныхъ нашею пѣхотою, не преградили гибельному приливу. Французская кавалерія все смяла, все затоптала, прорвала обѣ линіи арміи, и, въ бурномъ порывѣ, достигла до резерва. Тутъ разразился о скалу напоръ волнъ ея. Резервъ устоялъ, не поколебавшись, и густымъ ружейнымъ и батарейнымъ огнемъ обратилъ вспять нахлынувшую громаду. Тогда кавалерія эта, въ свою очередь преслѣдуемая нашею конницею сквозь строй пѣхоты, ею же прежде смятой и затоптанной, а теперь снова поднявшейся на ноги и стрѣлявшей по ней въ догонку, отхлынула даже за черту, которую она занимала въ началѣ дѣла. Погоня конницы нашей была удальски запальчива и, какъ говорится, до дна, à fond. Оставленныя на этой чертѣ непріятельскія батареи были взяты нѣсколькими нашими эскадронами, которые до нихъ достигли; капонеры и у многихъ орудій колеса изрублены всадниками, но самыя орудія остались на мѣстѣ за неимѣніемъ передковъ и упряжей, ускакавшихъ отъ страха изъ виду. Въ этой рукопашной свалкѣ въ приливѣ и отливѣ кавалеріи, дивизіонные генералы: кавалерійскій Гопультъ, гвардейскій Далманъ и пѣхотный Дежарденъ, легли на мѣстѣ битвы. Самъ маршалъ Ожеро, дивизіонный генералъ Гюдле и бригадные генералы и множество штабъ-офицеровъ потерпѣли подобную же участь. Два эскадрона гвардейскихъ конныхъ гренадеръ, которые составляли хвостъ уходившей непріятельской кавалеріи, были отхвачены нашею конницею и положили жизнь между второю линіею и резервомъ. 14-й линейный полкъ лишился всѣхъ офицеровъ, а въ 24-мъ линейномъ осталось въ живыхъ только пять. Весь корпусъ Ожеро, три кавалерійскія дивизіи и конная гвардія представляли одни обломки. Шесть орловъ было взято нашими.

Д. Давыдовъ.

---

56. Уничтоженіе мѣстничества.

Важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣяній Ѳеодора Алексѣевича было уничтоженіе мѣстничества — права людей родословныхъ считаться заслугами предковъ, при занятіи должностныхъ мѣстъ. По общему господствовавшему мнѣнію, два лица не могли служить въ равныхъ званіяхъ, если предки одного стояли хотя одною степенью выше предковъ другаго въ ряду государственныхъ сановниковъ; тѣмъ менѣе считалось приличнымъ сыну или внуку боярина быть подъ начальствомъ сына или внука окольничаго: въ противномъ случаѣ онъ навлекалъ безчестіе себѣ и своему дому. Для разбора родословныхъ отношеній съ давнихъ временъ существовало въ Москвѣ особенное вѣдомство, подъ именемъ *Разряда;* главною обязанностію его было вести разрядныя книги или списки, въ коихъ записывались царскіе указы о назначеніи къ должностямъ сановниковъ, придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Какъ скоро государь объявлялъ походъ, пріемъ посла, торжественный выходъ, пиръ и т. п., каждый, до кого только относился царскій указъ, не-

медленно справлялся по разряднымъ книгамъ, не занимали-ль его предки — отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ — высшихъ мѣстъ въ сравненіи съ предками его сверстника, назначеннаго въ равную, тѣмъ болѣе въ высшую должность, и если находилъ, что за 10, за 20, даже за 100 и болѣе лѣтъ, прародители его дѣйствительно стояли выше, а прародители сверстника ниже, онъ билъ государю челомъ, что ему служить *невмѣстно*, и высчитывалъ всю свою родословную; тотъ, на кого жаловался недовольный, считалъ притязанія его обидою для себя, и съ своей стороны билъ челомъ *о безчестіи и оборонѣ*. Дѣла подобнаго рода казались такъ важными, что обыкновенно самъ государь съ боярами принималъ на себя трудъ справляться по разряднымъ книгамъ, чья просьба справедливѣе, и, смотря по обстоятельствамъ, рѣшалъ споръ указомъ: правыхъ оправдывалъ, виновныхъ въ неумѣстномъ притязаніи наказывалъ строгимъ выговоромъ, заключеніемъ въ тюрьму, денежною пенею, батогами, кнутомъ; нерѣдко повелѣвалъ выдавать спорщика обиженному головою, т. е. заставлялъ просить у него прощенія съ унизительными обрядами.

Первые признаки мѣстничества замѣтны при Іоаннѣ III, который, установивъ разрядъ для записки службъ своихъ сановниковъ, положилъ законное основаніе родословнымъ расчетамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальновидная политика руководила имъ въ семъ случаѣ: стремясь къ самодержавію, отнимая у князей всѣ права владѣтельныя, жалуя ихъ въ сановники московскіе, онъ хотѣлъ внушить имъ мысль, что право на милость государя, на высшій почетъ, принадлежало не тому, кто былъ потомкомъ Владиміра Св., а тому, кто могъ похвалиться усердіемъ предковъ къ московскому престолу; слѣдовательно князья уравнивались съ простыми подданными, и занимали мѣста иногда выше ихъ, иногда ниже, смотря по фамильнымъ заслугамъ. Той-же политикѣ слѣдовалъ внукъ его, Іоаннъ Грозный, казнившій смертію за самый легкій проступокъ, и терпѣливо разбиравшій споръ воеводъ о мѣстахъ по службѣ предковъ! Такимъ образомъ мѣстничество принесло въ началѣ ту пользу, что ослабило княжескія поколѣнія и усилило власть верховную. Имѣя законное основаніе, оно такъ глубоко вкоренилось въ общественное мнѣніе, такъ тѣсно слилось съ нимъ, что послѣ Іоанна Грознаго считалось уже неприкосновеннымъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло власть самодержавную: воля государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ *отечествѣ*; подданные безпрекословно исполняли всѣ велѣнія Его, не роптали на самыя тяжкія опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь, но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности, и часто охотнѣе подвергался ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, коего прапрадѣдъ былъ въ низшемъ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить, до какой степени озабочивали государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія,

порождаемаго мѣстничествомъ. Наиболѣе терпѣло отъ него государство въ военное время, во 1-хъ потому, что правительство, при выборѣ воеводъ, должно было руководствоваться не личными достоинствами, а родословными правами,— слѣдовательно выборъ падалъ не рѣдко на людей неспособныхъ; во 2-хъ потому, что при всей заботливости государя о равновѣсіи правъ, не льзя было избѣжать ихъ столкновенія. Въ такомъ случаѣ самая очевидная опасность не могла образумить людей упорныхъ: воеводы отказывались отъ мѣстъ и не хотѣли вести войско, когда непріятель былъ уже въ предѣлахъ государства. Этого мало: распредѣленіе мѣстъ не по *отечеству* нерѣдко обнаруживалось на полѣ брани; воеводы считались службою своихъ предковъ, и выдавали другъ друга. Счеты ихъ погубили Шеина подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ, Хованскаго въ Литвѣ, и пр.

Мѣстничество тѣмъ болѣе приносило вреда, что равно опасно было и обуздывать его, и поддерживать. Борисъ Годуновъ хотѣлъ искоренить зло явнымъ пренебреженіемъ родословныхъ счетовъ, строгимъ наказаніемъ ослушниковъ, и вооружалъ противъ себя общественное мнѣніе. Михаилъ Ѳеодоровичъ не рѣшился идти на перекоръ вѣку, разсматривалъ жалобы недовольныхъ, и до того уважалъ общій предразсудокъ, что велѣлъ спасителя Россіи, князя Пожарскаго, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ, выдать головою Салтыкову за неправое мѣстничество. Слѣдствія были не менѣе пагубны: ни одна война не проходила безъ споровъ, и каждая оканчивалась пораженіемъ нашихъ войскъ. Алексѣй Михайловичъ вполнѣ понималъ весь вредъ и всю нелѣпость предразсудка, но, считая невозможнымъ искоренить его, облегчалъ зло мудрою мѣрою: при началѣ почти каждаго похода объявлялъ строгое повелѣніе быть воеводамъ безъ мѣстъ, и не считаться родословными правами, съ тѣмъ, что назначеніе ихъ не будетъ принимаемо въ расчетъ въ послѣдствіи и не должно служить имъ укоризною. Правда, эта мѣра не всегда имѣла успѣхъ, и не разъ упорство сановниковъ разрушало лучшіе планы Алексѣя, но печальные опыты уже доказывали необходимость искоренить зло.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился уничтожить мѣстничество. Поводомъ къ тому послужила признанная всѣми необходимость лучшаго устройства для отпора новому опасному врагу, Туркамъ. Государь немедленно, по заключеніи договора съ Оттоманскою Портою, повелѣлъ составить Думу изъ выборныхъ чиновъ средняго сословія, подъ предсѣдательствомъ умнаго, образованнаго вельможи, князя В. Голицына, съ тѣмъ, чтобы она разсмотрѣла, какія нужно принять мѣры для обороны государства отъ враговъ, обнаружившихъ въ дѣлѣ ратномъ много искуства и новыя хитрости. Дума признала необходимымъ дать новое устройство войску, установить единство въ дѣйствіяхъ, раздѣлить полки на роты вмѣсто степенныхъ головъ назначить ротмистровъ и поручиковъ безъ всякаго отношенія къ правам родословнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, по волѣ государя, она представила примѣрный списокъ ротмистровъ

», по какъ въ этомъ спи-
и показаны, за малолѣт-
ти Трубецкихъ, Одоев-
уракиныхъ, Ромоданов-
ругихъ вельможъ,—слѣ-
надлежало опасаться
гоненій, всеобщаго не-
ь государствѣ,—то, для
го устроенія, Дума про-
пускать на будущее вре-
овныхъ расчетовъ ни въ
учаяхъ, ни въ военныхъ,
льскихъ, ни при дворѣ,
иказахъ. Ѳеодоръ того
здалъ. 12-го января 1682
лъ торжественный со-
верховныхъ сановниковъ
и духовныхъ, предло-
мнѣніе выборныхъ лю-
салъ самыми мрачными
весь вредъ, всю нелѣ-
гничества, и требовалъ
оборъ единогласно гово-
время уничтожить столь
предразсудокъ. Госу-
лилъ воспользоваться сча-
пнутою; и зная, что од-
новленія недостаточно,
и возобновятся, если бу-
тому поводъ, повелѣлъ
разрядныя книги, и въ
іи собора предать ихъ
утѣшеніе-же столбовыхъ
дозволилъ составить *ро-*
книгу: единственно съ
», чтобы память предковъ
ла. Соборъ постановилъ
ъ чинамъ безъ мѣстъ, и
амъ, гдѣ государь ука-
одъ опасеніемъ строгаго
въ случаѣ прекословія.

Н. Устряловъ.

ытіе къ арміи Кутузова,
въ 1812 году.

ніе къ арміи генерала кня-
ищева-Кутузова сдѣлало
тѣмъ благопріятнѣйшее впечатлѣ-
ніе на духъ войскъ россійскихъ,
что безпрерывныя отступленія, до-
селѣ производимыя, отчасти умень-
шили довѣренность арміи къ ея на-
чальникамъ. Одно имя Кутузова
казалось уже вѣрнымъ залогомъ
побѣды. Знаменитый старецъ сей,
коего вся жизнь, посвященная на
служеніе отечеству, была порукою
за сію довѣренность, по справед-
ливости соединялъ въ себѣ всѣ ка-
чества, потребныя для противувѣсія
счастію Наполеона. Къ уму, сколь
обширному, столько-же и проница-
тельному, присовокуплялъ онъ по-
знанія, собственною опытностію и
опытомъ великихъ мужей, предше-
ственниковъ его, пріобрѣтенныя;
ибо глубокое изслѣдованіе привело
его въ состояніе цѣнить великіе ихъ
подвиги. Кутузовъ, мудрый, какъ
Фабій, проницательный, какъ пер-
вый Филиппъ Македонскій, въ со-
стояніи былъ предузнавать и уни-
чтожать предпріятія новаго Анни-
бала, доселѣ весьма часто торже-
ствовавшаго счастливымъ соедине-
ніемъ хитрости съ быстротою, —
оружій, безъ сомнѣнія опасныхъ
для противниковъ съ посредствен-
нымъ геніемъ, но которыя неми-
нуемо долженствовала сокрушить
благоразумная осторожность рос-
сійскаго полководца. Новыя пра-
ва, недавно пріобрѣтенныя Кату-
зовымъ на общественную призна-
тельность, взятіемъ въ плѣнъ ту-
рецкой арміи въ 1811 году, и ми-
ромъ, который успѣлъ онъ заклю-
чить съ Портою Оттоманскою 16
мая 1812 года, — миромъ, полез-
нѣйшимъ для Россіи, нежели вы-
игранныя сраженія, сдѣлали его
предметомъ любви и надежды со-
гражданъ. Войска имѣли причину
обожать его; ибо, не ослабляя ни-

когда необходимыхъ узъ воинской дисциплины, онъ старался не обременять ихъ чрезмѣрною строгостію, или стѣснять безполезными взысканіями. Истинно отеческое попеченіе его о подчиненныхъ привязывало къ нему сердца всѣхъ. Однимъ словомъ, назначеніе Кутузова въ главнокомандующіе одобряемо было всѣми благомыслящими Россіянами, а малое число тѣхъ, которые по личной враждѣ были противники великаго мужа, не осмѣлились обнаружить своего мнѣнія въ сей торжественный часъ, когда, облеченный несомнѣнными знаками довѣренности отечества, онъ готовился вступить на безсмертное поприще, для его старости Провидѣніемъ предназначенное. Подвигъ, предстоявшій Кузузову, былъ труденъ. Армія находилась уже только во 170 верстахъ отъ Москвы. Въ такой близости отъ столицы, нельзя было надѣяться спасти оную иначе, какъ побѣдою; но не легко было одержать сію побѣду, по причинѣ выгодъ, которыя великое превосходство силъ доставляло непріятелю. При всемъ томъ сраженіе сдѣлалось уже необходимымъ: потеря Смоленска распространила страхъ внутри государства; если-бъ къ тому еще непріятельскій корпусъ успѣлъ достигнуть Москвы, прежде нежели россійская армія вступила съ нимъ въ генеральное сраженіе, то сіе довершило-бы ужасъ, и народъ, приведенный въ уныніе, можетъ быть, пожалѣлъ-бы о великихъ пожертвованіяхъ, имъ содѣланныхъ, которыя, по мнѣнію его, достались-бы въ руки предателей, или людей неспособныхъ; самыя войска твердо увѣрены были въ томъ, что сохраненіе Москвы есть первѣйшій долгъ и и не согласились-бы безъ ро на новыя отступательныя дви нія, слѣдствіемъ коихъ было оставленіе столицы. Такимъ о зомъ угасло-бы и потерялось, гоцѣнное чувство восторга, к рое прибытіе новаго главнокоі дующаго воспламенило во вс сердцахъ. Впрочемъ надлеж еще принять въ уваженіе и то, если армія была не столь мн численна, чтобы могла надѣя на вѣрную побѣду, то была статочна къ тому, чтобы сил оспориватъ оную и причинить пріятелю значительный уронъ, т для него чувствительнѣйшій, бывъ удаленъ отъ средоточія гущества своего, онъ не им средства замѣнить потерь, имъ несенныхъ, между тѣмъ какъ Р сіяне, окруженные всѣми спосо ми своими, безъ затрудненія мо выставить въ полѣ новыя силы.

Столь важныя причины побу ли Кутузова привесть въ дѣйс намѣреніе генерала Барклая Толли, состоявшее въ томъ, чт безъ отлагательства вступить генеральное сраженіе; однак онъ удержался произвесть сіе открытой позиціи при Царево Займищѣ, а разсудилъ за б. отыскать другую, крѣпчайш гдѣ выгоды мѣстоположенія мо бы хотя нѣсколько замѣнить достатокъ числа войскъ, въ ср неніи съ непріятелемъ.

---

58. Бородинская битва.

Предстоящее сраженіе было п исшествіе столь важное, что ге ралъ Кутузовъ счелъ за долгъ п готовить войска къ оному, воз дивъ въ нихъ самонадѣяніе вс

возможными способами. Для сего, 25-го числа по полудни, приказалъ онъ носить по всей арміи чудотворную икону Богоматери, взятую изъ Смоленска при оставленіи сего города. Воины россійскіе, столь страшные въ день сраженія, но теперь со смиреніемъ преклонившіе колѣна предъ божественною иконою и присоединившіе къ священному пѣнію духовенства усердныя молитвы о спасеніи отечества, за которое готовились пролить кровь свою, представляли зрѣлище, вмѣстѣ величественное и трогательное: зрѣлище, исполнившее сердца всѣхъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія. Каждый солдатъ считалъ себя призваннымъ или отмстить за отечество, одержавъ побѣду, или сподобиться мученическаго вѣнца, погибнувъ за правое дѣло.

Обѣ арміи провели ночь въ томъ расположеніи духа, которое внушаетъ ожиданіе происшествія, долженствующаго или исполнить всѣ желанія, или испровергнуть всѣ надежды. Одни полководцы, спокойные, но углубившіеся въ помышленія, обдумывали средства помощію искусныхъ распоряженій уменьшить вліяніе, которое случайность неминуемо должна была имѣть на послѣдствія встрѣчи двухъ столь сильныхъ громадъ.

Трудно было предвидѣть, которая изъ двухъ противныхъ армій одержитъ поверхность. Со стороны Французовъ было превосходство числа, самонадѣяніе, внушаемое и оправдываемое частыми успѣхами, и особенно увѣренность, что одна только побѣда можетъ положить конецъ бѣдствіямъ, которыя они ощущать уже начинали. Но симъ побудительнымъ средствамъ къ успѣху перевѣсомъ служили со стороны Россіянъ: истинная любовь къ отечеству, народное самолюбіе, оскорбленное дерзкимъ нашествіемъ непріятеля, и пламенное желаніе защитить древнюю священную столицу государства. Окончательное послѣдствіе сихъ противуположныхъ выгодъ долженствовало ускользнуть отъ всѣхъ расчетовъ и могло оказаться только на самомъ дѣлѣ.

26-го августа, въ два часа по полуночи, Наполеонъ, прибывъ на высоты при селѣ Шевардинѣ, сообщилъ маршаламъ своимъ послѣднія приготовительныя распоряженія къ сраженію. Въ ночи, непріятель поставилъ позади и влѣво отъ Шевардина двѣ батареи, каждую о 60-ти орудіяхъ, дабы дѣйствіемъ оныхъ способствовать наступательному движенію атакующихъ колоннъ своихъ.

Въ пять часовъ съ половиною, солнце, вышедъ изъ густаго тумана, поднявшагося на разсвѣтѣ, показалось на небосклонѣ и освѣтило поля, на коихъ, можетъ быть, долженствовала рѣшиться участь прекраснѣйшей части міра: тогда, по сигналу, данному барабаннымъ боемъ, вся французская армія вступила въ ружье; полковники, ставъ передъ полками своими, приказываютъ бить объявленіе (ban), и каждый капитанъ читаетъ ротѣ своей слѣдующій дневной приказъ:

»Воины! Вамъ предстоитъ сраженіе, котораго вы столько ожидали! Теперь побѣда зависитъ отъ васъ; она намъ нужна; она доставитъ намъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество! Поступайте, какъ поступали вы при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ,

и позднѣйшее потомство съ гордостію упомянетъ о подвигахъ вашихъ въ семъ сраженіи; да скажутъ о васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!

Въ императорскомъ лагерѣ на высотахъ Бородинскихъ, 7-го сентября, въ два часа по полуночи.»

Вопли, тысячекратно повторяемые: да здравствуетъ императоръ! служили отвѣтомъ на сіе сильное воззваніе.

Битва продолжалась уже близь шести часовъ. Непріятель сдѣлалъ уже великія пожертвованія, и при всемъ томъ не успѣлъ еще выиграть ни одного шага земли отъ настоящей позиціи россійской арміи. Наполеонъ, приведенный въ нетерпѣніе, повелѣлъ новыя усилія.—Огонь непріятельскій, ослабѣвшій около полудня, снова загорѣлся сильнѣе прежняго. Французы собрали болѣе 400 орудій противъ лѣваго крыла Россіянъ, и, подъ покровительствомъ сихъ ужасныхъ батарей, сильныя колонны опять появились на равнинѣ, впереди флешей. Россіяне, видя, что непріятель намѣревается произвесть рѣшительный ударъ, сблизили свои резервы и умножили до 300 число орудій на батареяхъ лѣваго крыла. Князь Кутузовъ приказалъ даже генералу Милорадовичу потянуться влѣво съ 4-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами, дабы оные могли служить резервомъ въ центрѣ арміи. Кромѣ сего приказано было генералу Платову съ его козаками и генералъ-адъютанту Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, дабы, перешедъ рѣчку Колочу, въ бродъ, ниже села Бородина, атаковали лѣвый флангъ вице-короля италіянскаго. Цѣль сего движенія состояла въ томъ, чтобы, угрожая нападеніемъ лѣвому крылу непріятеля, отвлечь его вниманіе отъ праваго крыла.

Сраженіе при деревнѣ Семеновской опять возобновилось съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. 700 огнедышащихъ жерлъ, на пространствѣ не болѣе одной квадратной версты собранныхъ, обстрѣливали во всѣхъ направленіяхъ небольшую равнину, находящуюся впереди Семеновской, и изрыгали смерть въ громады обороняющихся и нападающихъ. Въ сей страшный часъ, многочисленныя колонны непріятельской пѣхоты и кавалеріи съ твердостію двинулись на сію роковную равнину, на которую, казалось, адъ изрыгалъ всѣ ужасы свои. Тщетно надѣялись Россіяне остановить нападающихъ, обративъ на нихъ жесточайшій огонь. Непріятельскія колонны, жестоко поражаемыя картечью, стѣсняли ряды свои, убавляющіеся отъ истребленія, производимаго въ нихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ Россіянъ, и продолжали наступать съ удивительнымъ постоянствомъ. Увеличеніе опасности только что усугубляло жаръ и храбрость французскихъ солдатъ, которые съ бѣшенствомъ бросились на флеши, попирая ногами трупы товарищей своихъ, предшествовавшихъ имъ на пути славы! Князь Багратіонъ, видя, что непріятель выигрываетъ мѣсто, приказалъ войскамъ своимъ выступить къ нему на встрѣчу. Вся линія колоннъ лѣваго крыла Россіянъ, двинувшись впередъ скорымъ шагомъ, ударила въ штыки на линію непріятельскую. Натискъ былъ ужасенъ: ни одна изъ противныхъ сторонъ не хотѣл

ступить побѣды, которая, казалось, зависѣла отъ сей минуты: отъ того воспослѣдовала ужасная сѣча, въ коей и съ той и другой стороны истощены были чудеса почти сверхъ-естественной храбрости. Пѣшіе, конные и артиллеристы обѣихъ сторонъ, вмѣстѣ перемѣшавшись, представляли ужасное зрѣлище неправильной громады воиновъ, препирающихся одинъ на одинъ съ бѣшенствомъ отчаянія. Резервы, кипящіе храбростію, но удерживаемые дисциплиною, одни только соблюдали ряды свои и стояли неподвижно. Хотя непріятель былъ въ превосходномъ числѣ, однакожъ Россіяне съ выгодою держались, доколѣ несчастія, случайно приключившіяся, не перемѣнили всего положенія дѣлъ. Князь Багратіонъ, начальникъ его штаба генералъ-маіоръ графъ Сентъ-При и многіе другіе генералы, бывъ ранены, нашлись принужденными оставить мѣсто сраженія. Войска, не управляемыя болѣе начальниками, начали отступать. Сей оборотъ счастія могъ-бы имѣть самыя пагубныя слѣдствія, если-бъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ не принялъ тотчасъ начальства, упраздненнаго отсутствіемъ князя Багратіона. Онъ отвелъ всѣ войска, въ дѣлѣ находившіяся, за оврагъ Семеновской, занялъ высоты при сей деревнѣ и, съ неимовѣрною скоростію поставивъ на оныхъ сильныя батареи, чрезъ то самое удержалъ непріятеля.

Бутурлинъ.

(*Исторія нашествія Наполеона на Россію*).

---

59. Разговоръ Императора Александра I съ полковникомъ Мишо.

На другой день послѣ отъѣзда князя Волконскаго, 9-го сентября, въ 9 часовъ вечера, прибылъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, отправленный княземъ Кутузовымъ съ давноожиданнымъ донесеніемъ (*). Онъ ѣхалъ на Владиміръ и Ярославль, посреди многихъ тысячъ жителей, спасавшихся изъ Москвы и ея окрестностей. «На семъ пространствѣ,» говоритъ Мишо, родомъ иностранецъ, но по чувствамъ Русскій, «всѣ были одушевлены мыслію, что отечество не останется безъ отмщенія, всѣ были исполнены безпредѣльной преданности къ престолу. Попеременно предавался я то горести, при видѣ зрѣлища, представлявшагося моимъ глазамъ, то радости, замѣчая всеобщій энтузіасмъ, и все то, что я слышалъ на каждомъ шагу.» Мишо немедленно былъ представленъ Государю, на Каменномъ Островѣ. По грустному виду посланнаго, заключилъ Императоръ, что привезенное имъ донесеніе было не радостное. — «Конечно, вы присланы съ печальными вѣстями?» были первыя слова Монарха. — «По несчастію, весьма печальными. Москва нами оставлена...» «Какъ!» прервалъ Императоръ, «развѣ мы проиграли сраженіе, или Мою древнюю столицу отдали безъ боя?» — «Къ сожалѣнію,» отвѣчалъ посланный, «окрестности Москвы не представили выгоднаго мѣстоположенія для сраженія съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, а потому главнокомандующій увѣренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армію. Погибель войскъ не могла спасти Москвы, и должна была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь армія, получа

(*) О вступленіи Французовъ въ Москву.

всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ подкрѣпленія, встрѣченныя мною повсюду на дорогѣ, гдѣ я проѣзжалъ, въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія, и заставить непріятеля раскаяться, что онъ дерзнулъ проникнуть въ сердце Вашей имперіи.» — «Вошелъ-ли непріятель въ Москву?» — «Вошелъ, Государь, и въ эту минуту она превращена уже въ пепелъ; я оставилъ ее объятую пламенемъ.» Слезы полились изъ глазъ Монарха и затмили ихъ: «Боже мой! сказалъ Онъ, что за несчастія!»—«Не огорчайтесь, Государь! Ваша армія ежедневно усиливается...» – Прервавъ слова Мишо, Императоръ сказалъ: «Изъ всего, что съ нами сбывается, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, особенно отъ Меня. Я готовъ покориться волѣ Его, но скажите: что говорили войска, когда древнюю столицу Мою оставили безъ выстрѣла? Не подѣйствовало-ли это на нравственность солдатъ! Не замѣтили-ль вы упадка въ духѣ?»—«Позволите-ли мнѣ, Ваше Величество, говорить Вамъ откровенно, какъ солдату?» — «Я этого всегда требую, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ Меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно все, что знаете.» — «Государь! я долженъ вамъ признаться, что оставилъ армію, отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ.» — «Что вы говорите? Отъ чего происходитъ страхъ? Ужели Мои Русскіе сокрушены несчастіемъ». — «Нѣтъ, Ваше Величество, они только боятся, чтобъ Вы по добротѣ Вашего сердца не заключили мира: они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ, храбростію своею и пожертвованіемъ жизни, сколь они вамъ преданы!»

Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ: «вы облегчили Мое сердце; вы Меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите Моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать, что если у Меня не останется ни одного солдата, то я созову Мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду Самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства Моей имперіи. Россія представляетъ Мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою), и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего отечества и добрыхъ Моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ.» При сихъ словахъ Императоръ началъ ходить по комнатѣ: лице Его пламенѣло. Возвращаясь скорыми шагами, онъ крѣпко сжалъ руку посланнаго и продолжалъ: «не забудьте, что Я вамъ теперь говорю; можетъ быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или Я, Я или онъ; но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ Меня.»— «Государь! отвѣчалъ Мишо, Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы.» — «Да исполнится предсказаніе ваше, сказалъ Александръ; подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію.»

Какъ въ зеркалѣ, выражаются въ ихъ словахъ чувствованія Монарха, коему отечество обязано избавленіемъ. Велико было несчастіе Александра, но онъ былъ выше злополучія. Объ Его твердость, какъ волны моря о гранитную скалу, разбились надежды завоевателя, мечтавшаго покореніемъ Москвы поколебать Россійскаго Монарха. Безъ желѣзной воли Александра: не вступать ни въ какое соглашеніе съ Наполеономъ и биться съ нимъ до крайности, тщетны были-бы храбрость войскъ, самоотверженіе народа. Въ исполинскомъ подвигѣ, предпринятомъ Александромъ, судьба готовила ему тяжкія испытанія, но тѣмъ болѣе подобаетъ ему вѣчное благодареніе Россіи, что на пути къ великой цѣли Онъ мужественно и твердо боролся съ превратностями счастія.

Выборъ офицера, съ кѣмъ отправить въ Петербургъ донесеніе о побѣдѣ (*), былъ уже за нѣсколько недѣль указанъ князю Кутузову самимъ Императоромъ, въ слѣдующемъ рескриптѣ: «Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишо былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера — быть вручителемъ подобнаго донесенія — была очевидна. И нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему, предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ его пріѣзда послѣдующимъ.» Этотъ рескриптъ проливаетъ новый лучъ свѣта на благость Императора Александра. Видимъ Монарха, въ тяжкій часъ своего державства, при вторженіи непріятелей въ столицу, помышляющаго даже о томъ, какъ усладить участь офицера, на котораго палъ жребій возвѣстить ему, что Москва, вѣнецъ царства Русскаго, опозорена присутствіемъ иноплеменныхъ.

Изобразивъ Государю подробности Тарутинскаго сраженія, Мишо просилъ позволенія доложить Его Величеству о желаніи арміи. «Что такое?» спросилъ Государь. — «Одержанная нами побѣда,» отвѣчалъ Мишо, «прекрасное состояніе войскъ, оживляющій ихъ духъ, преданность ихъ къ особѣ Вашей, отвсюду прибывающія къ арміи подкрѣпленія, бѣдственное положеніе Наполеона, присланныя Вашимъ Величествомъ повелѣнія затруднить ему отступленіе, словомъ, все подаетъ несомнѣнную надежду, что Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска увѣрены, что настаетъ самый счастливый походъ, но знаютъ также, что всѣмъ обязаны усиліямъ Вашего Величества. Имъ извѣстно, сколь много до сихъ поръ претерпѣла душа Ваша, и теперь просятъ единственной милости, чтобы Ваше Величество лично приняли начальство надъ арміею: присутствіе Ваше содѣлаетъ ее непобѣдимою.» — Съ примѣтнымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Государь: »Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и Я не менѣе другихъ, и если-бы теперь внялъ только этому одному чувству, то сѣлъ-бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію. Разсматривая невыгодное положеніе, въ которое мы вовлели непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемые источники им-

---

(*) При Тарутинѣ.

періи, приготовленныя Мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія посланныя Мною въ дунайскую армію, Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема, и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если Я буду при арміи, то вся слава отнесется ко Мнѣ, и что Я займу мѣсто въ исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ Я въ военномъ искуствѣ въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, не взирая на добрую волю Мою, Я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь моихъ дѣтей, то, не взирая на Мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе Меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою, и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятелей изъ Россіи.»—Государь наградилъ князя Кутузова золотою шпагою съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и удостоилъ его слѣдующимъ собственноручнымъ рескриптомъ: «Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы.»

60. Бѣгство Французовъ отъ Березины.

Разстройство непріятельской арміи, въ послѣднюю недѣлю бѣгства отъ Березины до Молодечно, достигло до невѣроятной степени отъ наступившей вдругъ жестокой стужи; съ 16-го ноября постоянно было больше 20-ти градусовъ мороза. 22-го ноября едва можно было говорить; отъ холода спиралось дыханіе. Стиснувъ зубы, враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяніи; ноги обвертывали попонами, ранцами, старыми шляпами, окутывали голову, лице и плеча мѣшками, рогожами, окладывались сѣномъ и соломою; добыть лошадиную шкуру почиталось за счастье. На дорогѣ находилось немного уцѣлѣвшихъ селеній: всѣ они при шествіи непріятеля внутрь Россіи, а послѣ мародерами, были болѣе или менѣе ограблены, розорены, выжжены. Когда Французамъ пришлось бѣжать назадъ по дорогѣ, ими опустошенной, то, завидя какое-нибудь строеніе, они спѣшили къ нему; но домы были пусты, и въ нихъ раздавался лишь свистъ порывистыхъ вѣтровъ. Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ домы, клѣти, хлѣва, заборы, для того только, чтобы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ: приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Намъ случалось заглядывать и въ полусгорѣвшія корчмы: по средині обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились, а прочіе въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали как окаменѣлые. У многихъ вмѣст слезъ выступала кровь изъ глазъ а потому безъ преувеличенія можно сказать, что враги проливал кровавыя слезы. Подобно тѣням бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на деревья или сучья, шатались они

лишенные всякихъ посо-
облегченію страданій, въ
борьбѣ съ смертію, пада-
чувствъ на безлюдныхъ,
ь поляхъ. Сами не зная
цились иные по дорогамъ,
ізшею къ ногамъ соломою,
лѣвшими отъ грязи ступ-
крытыми ледяною корою,
ыми антоновымъ огнемъ.
оженными по колѣни но-
утанные въ отвратитель-
ики, съ закоптѣлыми отъ
цами, небритыми борода-
ми глазами, иные не могли
ползали на рукахъ. Мно-
одили въ безчувственность,
ъ слуха, языка и ума; какъ
выпуча глаза, смотрѣли
войска, и ничего не по-
Въ безпамятствѣ ложились
ціе угли и погибали въ ог-
і себѣ руки, пожирая стер-
овѣческое мясо. Вмѣсто
іго прощальнаго вздоха
ью, испускали изъ устъ
іе замерзавшей пѣны. Би-
ки также пагубны, какъ и
дневные марши. Приходя
гу, изнеможенные, полуза-
бросались вокругъ огней;
сонъ одолѣвалъ ихъ, и
асала прежде, нежели по-
огни. Не всегда и на би-
аходили непріятели успо-
потому что ихъ тревожили
При одномъ имени: «ко-
давались Французы, или
дальше искать другаго
другаго уголка оледенѣв-
ли, гдѣ усыпленіе превра-
въ сонъ вѣчный. Плѣнными
вно пренебрегали; часто
авали толпами отъ непрі-
іго аріергарда, шли на
нашимъ войскамъ, отъ ко-
цѣлымъ тысячамъ плѣн-
ныхъ давали иногда не болѣе двухъ, трехъ козаковъ, башкирцевъ или поселянъ. Нерѣдко бабы, одна впереди, другая назади, гнали дубинками стада Европейцевъ. Даже съ ружьями шатались Французы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги, но никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и бивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучелы, слабымъ голосомъ вымаливая кусокъ хлѣба.

Михайловскій-Данилевскій.

---

61. Паденіе и кончина Меншикова.

Не во дворецъ, гдѣ на парадномъ одрѣ лежало бездыханное тѣло супруги Петра Великаго, но въ чертоги Меншикова спѣшили явиться царедворцы и вельможи, военные и духовные чиновники, мая 7-го 1727 года. Меншикову не спалось. Онъ всталъ въ пять часовъ утра, надѣлъ свой великолѣпный мундиръ, всѣ ордена и безпокойно смотрѣлъ на съѣздъ поклонниковъ въ его переднюю. Явясь среди нихъ, какъ верховный властитель, онъ велѣлъ имъ ѣхать во дворецъ и тамъ ожидать его прибытія. Въ дворцовой залѣ собрались герцогъ голштинскій, супруга его, великія княжны Елисавета и Наталія, женихъ Елисаветы, епископъ любскій, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, Д. М. Голицынъ, Остерманъ, Сапѣга, Минихъ, А. Г. Долгорукій, Юсуповъ, С. А. Салтыковъ, три архіепископа, невскій архимандритъ и 24 военные и гражданскіе чиновники. Дворецъ окружали гвардія и народъ, сошедшійся толпами. Послѣ всѣхъ пріѣхалъ Меншиковъ, ввелъ съ собою великаго князя

Петра Алексѣевича, показалъ присутствовавшимъ запечатанное завѣщаніе Императрицы, распечаталъ его, и велѣлъ совѣтнику Степанову читать вслухъ. Безмолвно выслушали всѣ волю Императрицы. Она передавала престолъ внуку супруга своего; хотя по материнской любви и желала бы отдать его дочерямъ своимъ, но «видитъ, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тяжесть правленія.» Императоръ долженъ былъ до шестнадцати лѣтъ находиться подъ опекою герцогини Анны и великой княжны Елисаветы, супруговъ ихъ и тайнаго совѣта, членами коего назначены были, кромѣ герцога голштинскаго, епископа любскаго, Анны и Елисаветы, Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Остерманъ, Д. М. Голицынъ и В. Л. Долгорукій. Въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ должны были рѣшаться всѣ государственныя дѣла. Въ случаѣ смерти Императора до совершеннолѣтія и безъ наслѣдниковъ, престолъ переходилъ герцогинѣ Аннѣ и ея наслѣдникамъ; въ случаѣ кончины ея безъ наслѣдниковъ великой княжнѣ Елисаветѣ; при ея бездѣтной кончинѣ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, и уже послѣ нея переходилъ въ родъ Царя Іоанна. За уступленіе правъ на престолъ племяннику, обѣ принцессы награждались выдачею на приданое каждой по 300,000 рублей, по милліону рублей кромѣ того, и, пока будутъ жить въ Россіи, получая ежегодно по 100,000 рублей. Императрица подтверждала правителямъ Россіи стараться о доставленіи герцогу голштинскому его роднаго наслѣдія и наслѣдства шведскаго престола. Самою замѣчательною статьею была слѣдующая: «За отличныя услуги, оказанныя покойному супругу нашему и намъ самимъ княземъ Меншиковымъ, мы не можемъ явить большаго доказательства нашей къ нему милости, какъ возводя на престолъ россійскій одну изъ его дочерей, и потому приказываемъ, какъ дочерямъ нашимъ, такъ и главнѣйшимъ нашимъ вельможамъ, содѣйствовать къ обрученію Императора съ одной изъ дочерей князя Меншикова, и, коль скоро достигнутъ они совершеннолѣтія, къ сочетанію ихъ бракомъ.

«Желаю,» говорила Императрица, «чтобы всегда было согласіе въ семействѣ нашемъ, и надѣюсь, что наслѣдникъ нашъ употребитъ на то все свое стараніе. Въ противномъ случаѣ, лишаемъ мы его нашего благословенія.»

Съ притворною покорностью выслушали всѣ завѣщаніе, и, послѣ поздравленія Императора, онъ самъ, принцессы Анна, Елисавета, Наталія, герцогъ голштинскій, Меншиковъ и всѣ присутствовавшіе подписали слѣдующій протоколъ: «1727 года, мая 7-го дня, Ея Императорскаго Величества блаженной и высокодостойной памяти тестаментъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, при присутствіи Е. И. В., и какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, слушанъ и во всемъ по тому исполнять должны и повинны.» Объявили народу о восшествіи на престолъ Императора, и, при шумныхъ восклицаніяхъ народа и войска, велѣно всѣхъ приводить къ присягѣ. Въ манифестѣ, немедленно обнародованномъ, сказано, что Императоръ принимаетъ престолъ по *уставу* и *тестаменту* бабки своей. Народъ радовался, надѣясь, что юный Государь оправдаетъ

авное имя, имъ носимое; говоили о красотѣ, объ умѣ его.

Милостей объявлено не было, отя первымъ дѣломъ Императора ыли награды Меншикову: въ день осшествія на престолъ онъ былъ ожалованъ адмираломъ, а черезъ ять дней генералиссимусомъ сѣхъ сухопутныхъ и морскихъ илъ. Сыну его дано званіе оберъ-аммергера и пожалованъ андреевскій орденъ. Будущему тестю Императора казалось уже неприличнымъ исправлять должность петербургскаго генералъ-губернатора. Онъ передалъ ее Миниху. Мая 16-го происходило погребеніе Императрицы Екатерины, и Меншиковъ перевезъ въ свои великолѣпные чертоги Императора. Невъ опустѣлыхъ императорскихъ дворцахъ, но въ домѣ Меншикова находился дворъ, толпились сановники. Меншиковъ спѣшилъ исполненіемъ воли Императрицы, и мая 25-го, при многочисленномъ съѣздѣ гостей, громѣ пушекъ и роскошномъ пирѣ, совершенно было обрученіе Императора съ дочерью Меншикова, княжною Маріею. Она считалась первою красавицею при дворѣ. Шестнадцати лѣтъ, Марія была высока ростомъ, стройна, съ черными огненными глазами, необыкновенно бѣла, и яркій румянецъ игралъ на щекахъ ея. Женихъ и невѣста казались грустными во время священнаго обряда. Замѣтили, что Императоръ даже ни однажды не взглянулъ на свою невѣсту. Сердце Маріи было растерзано. Она не могла забыть своего прежняго жениха, юнаго Саѣгу, съ которымъ разлучило ее честолюбіе отца. Ѳеофанъ обрулилъ Императора и княжну Меншикову драгоцѣнными перстнями, которые цѣнили, каждый въ 20,000 рублей. На эктеніи провозгласили невѣсту: «*Благочестивѣйшею Государынею Маріею Александровною.*» При звукахъ музыки всѣ присутствовавшіе цѣловали руку будущей Императрицы. Велѣно было возглашать имя ея на эктеніяхъ, вмѣстѣ съ именемъ Императора.

Мая 27-го, преслѣдуя своихъ низверженныхъ враговъ, Меншиковъ объявилъ народу о винахъ и наказаніяхъ Дивіера и Толстаго, съ нхъ «сообщниками,» называя ихъ «мятежниками и общаго мира и тишины ненавистниками, подлежавшими смертной казни и помилованными не по винѣ ихъ.» Строго запрещалось о наслѣдствѣ престола *разсуждать* и *толковать*, и въ *разсужденія объ императорской фамиліи входить*. На высотѣ почестей былъ Меншиковъ, и думалъ уже не о противникахъ, а объ умноженіи богатствъ, власти, титуловъ и почестей. Въ день именинъ Императора, іюня 29-го, невѣста его, сестра ея и тетка получили орденъ Св. Екатерины. Ингерманландскій, любимый Меншикова полкъ, былъ переведенъ на житье къ чертогамъ правителя, на Васильевскій Островъ, который велѣно именовать *Преображенскимъ*.

Невѣстѣ Императора составленъ штатъ. Онъ былъ многочисленъ, состоя изъ оберъ-гофмейстерины, двухъ статсъ-фрейлинъ, двухъ каммеръ-фрейлинъ, двухъ гофъ-фрейлинъ, гофмейстера 4-го класса, двухъ каммергеровъ 6-го, четырехъ каммеръ-юнкеровъ 8-го класса, четырехъ гофъ-юнкеровъ, каммеръ-пажа, трехъ пажей, гофъ-хирурга, лѣкаря, мундшенка, священника, шести пѣвчихъ и восьмидесяти трехъ служителей обо-

его пола. Отпускать на жалованье имъ и содержаніе двора императорской невѣсты велѣно по 34,000 рублей ежегодно. На конюшнѣ ея опредѣлено содержать 24 цуговыхъ и 25 верховыхъ лошадей и для прогулокъ по водѣ назначены штраххоутъ, баржа и верейка. Штатъ самого Меншикова составлялъ болѣе 200 человѣкъ чиновниковъ и служителей. Тщеславіе правителя Россіи было столь велико, что онъ велѣлъ внести въ календарь на 1728 годъ дни рожденія его самого, жены и дѣтей его, въ одну роспись со днями рожденія особъ императорскаго семейства. Онъ могъ гордиться и считать себя всесильнымъ, ибо воля его была единственнымъ закономъ. Вопреки завѣщанію Императрицы, опекуномъ Императора, удаленнаго отъ всѣхъ въ домъ Меншикова, былъ одинъ Меншиковъ. Тайный Совѣтъ, собираясь въ назначенные дни, слышалъ только приказанія Меншикова, и скоро совсѣмъ пересталъ собираться. Меншиковъ самовластно объявлялъ указы, именемъ Императора. Разсердясь на Ягушинскаго, Меншиковъ безъ суда выслалъ его изъ столицы. Тесть Ягушинскаго, канцлеръ Головкинъ, осмѣлился просить за него. «Не хочешь ли, я и тебя пошлю къ зятю?» вспыльчиво отвѣчалъ Меншиковъ. Апраксинъ посланъ былъ въ Архангельскъ строить корабли. «Я уничтожу тебя!» вскричалъ Меншиковъ, когда однажды Остерманъ вздумалъ противорѣчить ему. Только герцогъ голштинскій и епископъ любскій осмѣливались возвышать голосъ, и не скрывали негодованія, видя нестерпимую надменность любимца счастія. Судьба вскорѣ избавила Меншикова отъ одного изъ нихъ, жениха великой княжны Елисаветы: онъ заболѣлъ и скончался іюня 20-го. Поступки Меншикова съ супругомъ великой княгини Анны Петровны сдѣлались между тѣмъ столь высокомѣрны, что герцогъ началъ опасаться своеволія гордаго вельможи, и рѣшился оставить Россію. Меншиковъ даже не выдавалъ денегъ, назначенныхъ герцогу на содержаніе, и отнялъ у него владѣніе островомъ Эзелемъ, подареннымъ ему Императрицею Екатериною. Раздоръ кончился отъѣздомъ герцога и супруги его изъ Петербурга, іюля 25-го. Они рѣшились удалиться въ Голштинію, и основали тамъ до времени пребываніе въ Килѣ. Съ ними отправился Бассевичъ, предвидѣвшій гибель безразсуднаго любимца счастія. Меншиковъ не предвидѣлъ ничего. Уже не только прежніе товарищи, ему льстили европейскіе государи.

Стараясь укрѣпить союзъ съ Россіею, императоръ Карлъ VI пожаловалъ Меншикову княжество Козельское въ Силезіи, и предложилъ младшей дочери его супружество съ принцемъ ангальтъ-дессаускимъ, называя Меншикова в письмѣ своемъ «Высокорожденнымъ, любезнымъ дядею.» Ищ дружбы Меншикова, и также льст его честолюбію и удовлетворя корыстолюбіе, король прусскій подарилъ ему помѣстье Рюгенъ в Пруссіи, и прислалъ сыну его ор денъ Чернаго Орла и патентъ н чинъ капитана прусской гвардіи Французское правительство обѣ щало Меншикову орденъ Св. Дух Меншиковъ не оставлялъ видо на Курляндію, и король польск уже не смѣлъ спорить. Правите

ссіи (ибо полновластнымъ правителемъ ея сдѣлался Меншиковъ удаленіи герцога голштинскаго, и безмолвіи Тайнаго Совѣта) дтвердилъ союзъ съ Австріею, говоромъ іюля 30-го, гдѣ назначено было содержаніе войскъ, кія обѣщала Россія присылать помощь императору. Съ герцомъ голштинскимъ также подердили, наканунѣ отъѣзда его оля 24-го), договоръ, обѣщая у помощь для возвращенія голтинскаго наслѣдства и удержаі за нимъ шведскаго престола. то герцогъ принужденъ былъ гласиться на полученіе въ годъ держанія только по 100 тысячъ льденовъ, съ полученіемъ примъ милліона рублей въ восемь тъ. Двѣсти тысячъ обѣщали ему платить немедленно, но Меншивъ медлилъ платежемъ, пока оцогъ не подарилъ ему 60,000 блей, и не заплатилъ еще 25,000 блей какого-то стараго долга. афъ Мавриціи саксонскій все е не хотѣлъ уступать Меншиву Курляндію, не смотря на отзъ короля польскаго. «Я занио столь почетное мѣсто въ войахъ короля французскаго, говоіъ онъ, что не могу прикрывать гсости ни изъясненіями, ни лончивостью!» Раздраженный ншиковъ велѣлъ Ласси идти изъ ги съ пятью полками, и изгнать ь Митавы дерзкаго противника. іврицій объявилъ Ласси, что бутъ защищаться à la Charles XII *ікъ Карлъ XII въ Бендерахъ*), въ ѣ, гдѣ онъ жилъ въ Митавѣ аждапина Вилльмица, нынѣ баіа Вольфа). Ласси окружилъ ъ. Будущій герой Фонтенуа дѣлъ безполезность сопротивле, бѣжалъ и укрылся на острові Устмайтенскаго озера, близь Голдингена (островъ названъ былъ послѣ того *Мавриціевымъ*, Moritzholm). Полковникъ Функъ осадилъ его тамъ. Мавриціи все еще не хотѣлъ уступать, и предлагалъ Меншикову ежегодный платежъ съ Курляндіи по 40,000 ефимковъ. Меншиковъ ничего не слушалъ. Оставалось приняться за оружіе. Всѣ сопровождавшіе Мавриція отказались, и самъ онъ едва спасся переодѣтый, пѣшкомъ достигъ Виндавы, и отсюда въ лодкѣ переплылъ въ Данцигъ. Имѣніе его было захвачено. Выборъ Мавриція въ герцоги былъ уничтоженъ Курляндцами, и герцогская корона готовилась Меншикову. Возводя на россійскій престолъ старшую дочь, отдавая другую за владѣтельнаго государя, онъ хотѣлъ также пріискать невѣсту сыну, и выбралъ сестру Императора, в. к. Наталію Алексѣевну. Пора была положить предѣлъ властолюбцу. Но кто могъ осмѣлиться?

Меншиковъ видѣлъ окрестъ себя совершенное, безмолвное повиновеніе. Не щадили ни поклоновъ, ни лести. «Въ *Александрѣ* видимъ мы возрожденнаго *Петра!*» восклицалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ торжественномъ привѣтствіи Меншикову. Самыя тайныя развѣдыванія не открывали слѣда ни заговора, ни злоумышленія. Меншиковъ удалилъ отъ Императора всѣхъ прежде бывшихъ при немъ людей. Старый дядька, Семенъ Мавринъ, находившійся при Императорѣ съ 1719 года, возбудилъ особенно гнѣвъ правителя, и былъ сосланъ въ Сибирь. Окруживъ Императора своими преданными людьми и заботясь пригомъ о воспитаніи его, Меншиковъ опредѣлилъ

къ нему наставникомъ академика Гольдбаха, поручивъ надзоръ за ученіемъ Остерману. Вѣроятно, онъ боялся хитраго дипломата, и потому придалъ ему въ товарищи отъявленнаго врага его, князя А. Г. Долгорукаго, который казался до того преданнымъ, что Меншиковъ позволилъ даже находиться при Императорѣ сыну князя, И. А. Долгорукому, замѣшанному въ дѣлѣ Дивіера. Получивъ прощеніе Меншикова, И. А. Долгорукій былъ опредѣленъ въ штатъ невѣсты Императора, но находился при особѣ императорской вмѣстѣ съ оберъ-каммергеромъ, сыномъ Меншикова. Меншикову доносили о каждомъ словѣ, каждомъ движеніи Императора, обо всѣхъ, кто съ нимъ разговаривалъ, и даже о предметѣ каждаго разговора. Только при самомъ Меншиковѣ, или при довѣренныхъ людяхъ его, позволяли Императору видаться съ теткою, великою княжною Елисаветою, и съ сестрою, великою княжною Наталіею. Три полка готовы были взяться за оружіе по знаку Меншикова, когда за одно неосторожное слово виновному грозила участь Дивіера и Толстаго. Меншиковъ, конечно, помнилъ о ненависти къ нему всѣхъ, но онъ не опасался безсильныхъ враговъ. Правило невѣрное, и невѣрность его доказалъ примѣръ Меншикова. Казалось, всѣ предосторожности были имъ приняты, но всевластный правитель Россіи палъ, когда почиталъ счастіе свое прочнымъ и нерушимымъ. Заговора противъ него не было, но ненависть соединяла всѣхъ въ одинъ тайный и общій заговоръ. Врагъ не только не измѣнялъ врагу своему, но готовъ былъ помогать ему, если только дѣло шло о гибели Меншикова. Остерманъ тайно сблизился съ А. Г. Долгорукимъ, и Голицынъ сдружился съ Минихомъ. Но первымъ и самымъ опаснымъ непріятелемъ Меншикова былъ юный Императоръ.

Императору Петру II, при вступленіи его на престолъ, было только двѣнадцать лѣтъ, но, прекрасный и величественный, онъ былъ необыкновенно высокаго роста, мужественъ не по лѣтамъ, и казался юношею пятнадцатилѣтнимъ. Въ разговорѣ показывалъ онъ большое остроуміе, былъ добръ и уменъ, хотя воспитаніе его было пренебрежено. Онъ хорошо, однакожъ, говорилъ по-нѣмецки, и былъ ловокъ въ танцахъ, верховой ѣздѣ и другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Не видимъ особенной любви къ нему великаго дѣда его. Съ началомъ царствованія Екатерины, казалось, совершенно забыли его. При небрежномъ воспитаніи, страсти юнаго Монарха развивались рано, когда жизнь и отношенія его при дворѣ пріучили его къ робости, усиливая желаніе жить на своей волѣ. Воцареніе ввергло его только въ большую зависимость. Онъ видѣлъ себя окруженнымъ прислужниками Меншикова, не смѣя даже видѣться съ тѣми, кого любилъ. Вмѣсто забавъ, его заставляли учиться. Планъ ученія его составленъ былъ Остерманомъ. Ѳеофанъ написалъ особенное наставленіе объ ученіи Императора Закону Божію. Каждый день будили его въ шесть часовъ утра. Кромѣ среды и пятницы, когда положено было ему присутствовать въ Тайномъ Совѣтѣ, онъ занимался по четыре и по пяти часовъ, учась Закону Божію, Исто-

ріи, Географіи, Математикѣ, музыкѣ, танцамъ; отдыхъ, гулянье, игра въ воланъ и на биліардѣ, стрѣлянье въ цѣль и травля зайцевъ опредѣлялись въ положенные дни и часы. Въ полдень Императоръ обѣдалъ, въ семъ часовъ ужиналъ, въ восемь ложился спать. День начинался молитвою и оканчивался чтеніемъ Священнаго Писанія. Шумные пиры и забавы были удалены. Императоръ безпрерывно видѣлъ окрестъ себя угрюмыя лица учителей и приставниковъ. Невѣсту свою, не любившую его, онъ не терпѣлъ уже за то одно, что она была *дочь Меншикова*, и прежде него обручена другому. Онъ не могъ не знать и о тайной любви ея къ Сапѣгѣ. Наканунѣ обрученія, улучивъ минуту, со слезами бросился юный Петръ на колѣни передъ сестрою и теткою, просилъ ихъ избавить его отъ ненавистнаго брака. Скучая всегда, за учебнымъ столомъ, при условныхъ забавахъ, среди дѣлъ Совѣта, гдѣ сидѣлъ безмолвнымъ слушателемъ приказовъ Меншикова, онъ былъ лишенъ средствъ показать даже свѣтлыя стороны своего характера. Потомство не должно забыть письма, писаннаго имъ въ день восшествія на престолъ къ сестрѣ его: «Если Богу угодно было назначить меня Государемъ,» говорилъ онъ, «долгомъ моимъ поставляю я быть государемъ добрымъ, и управлять справедливо и богобоязненно, помогать несчастнымъ и бѣднымъ, слушать голоса невинно угнетаемыхъ и, какъ императоръ Веспасіанъ, никого не отпускать отъ себя печальнымъ.»

По крайней мѣрѣ хоть изъ корыстныхъ видовъ, Меншиковъ заботился о его образованіи, но другіе, не думая обращать ко благу добрыя наклонности юнаго Петра, видѣли въ немъ только орудіе мести Меншикову, и средство возвыситься послѣ его паденія. Начали тѣмъ, что стали усиливать отвращеніе Императора къ Меншикову и его семейству тайными наговорами. За дѣло усердно взялся И. А. Долгорукій, о которомъ мы уже говорили, другъ Императора, юноша старше его только тремя годами, но испытанный въ свѣтскомъ разгульѣ, прекрасный собою, остроумный, кипѣвшій пылкими страстями, жадный наслажденій и отважный до безразсудства. Онъ находилъ время передавать своему державному другу опыты жизни, обольщать его воображеніе, и представлять Меншикова препятствіемъ всему. Указывая на гордость правителя Россіи, Долгорукій изъявлялъ Императору опасеніе, что злой и угрюмый опекунъ мыслитъ даже о престолѣ, но, прибавлялъ онъ, найдутся люди, готовые защитить своего Монарха. Тщательно просилъ онъ, паче всего, хранить тайну. Слова молодаго царедворца не погибали втунѣ. Императоръ жадно слушалъ его. Главное орудіе гибели Меншикова было готово—остальное рѣшилъ нечаянный случай, коимъ поспѣшили воспользоваться.

Ослѣпленный гордостью и обремененный дѣлами, не замѣчая тайныхъ происковъ, Меншиковъ изумился рѣшимости Императора при одномъ маловажномъ событіи. Купцы петербургскіе поднесли Императору 1,000 червонцевъ, въ подарокъ, въ день какого-то праздника. Императоръ велѣлъ отнести блюдо съ червонцами къ сестрѣ. Меншиковъ встрѣтилъ посланнаго,

услышалъ о распоряженіи Императора, гнѣвно упрекалъ, что не спросили его, и говоря, что Императоръ еще слишкомъ молодъ для такихъ распоряженій, велѣлъ отнести деньги къ себѣ. На другой день, при свиданіи съ сестрою, видя, что она ничего не говоритъ, Императоръ сказалъ ей шутя, что за вчерашній подарокъ можно бы поблагодарить его. «Я никакого подарка не получала,» отвѣчала она. Дѣло объяснилось. Императоръ оскорбился. Меншиковъ явился самъ, и на вопросъ: какъ смѣлъ онъ запретить исполненіе приказа императорскаго, началъ отвѣчать горделивыми упреками, говоря, что деньги должно беречь и употреблять на полезное. Петръ молчалъ, скрывая гнѣвъ. «Я не себѣ ихъ взялъ, и, если угодно, дамъ вамъ милліонъ отъ себя!» сказалъ ему Меншиковъ. Тогда Императоръ потерялъ терпѣніе, топнулъ ногою и вскричалъ: *«Я покажу тебѣ, что я твой Императоръ, и ты долженъ мнѣ повиноваться!»* Онъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта Меншикова, изумленнаго необыкновенною смѣлостью державнаго воспитанника; *въ первый разъ* по кончинѣ Петра Великаго, Меншиковъ услышалъ голосъ Государя. Но опасеніе Меншикова не продолжалось. Юный Императоръ снова безпрекословно повиновался ему. Враги правителя спѣшили успокоить его подозрѣнія, представляли ему этотъ поступокъ Петра лишь дѣтскою прихотью. Меншиковъ всему повѣрилъ.—Чрезъ нѣсколько дней, Императоръ отправился, съ своимъ дворомъ, въ Петергофъ на лѣтнее житье. Здѣсь спѣшили окружить его забавами, увеселяли охотою, назначали пиры, балы, концерты. Ученіе было брошено. Что жъ дѣлалъ между тѣмъ Меншиковъ? Онъ хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за Императоромъ, но внезапно заболѣлъ. Болѣзнь его оказалась столь опасною, что врачи даже отчаялись въ его жизни. Забывая суету міра, Меншиковъ помышлялъ только о смерти, и даже составилъ два завѣщанія. Въ одномъ, *семейномъ*, поучалъ онъ благонравію своихъ домашнихъ, приказывалъ сыну учиться, быть вѣрнымъ Государю, и просилъ прощенія у всѣхъ, кого обидѣлъ. Въ другомъ, *государственномъ*, онъ просилъ Императора слушаться Остермана и правителей государства, беречься наушниковъ, хранить свое здоровье, и не предаваться излишнимъ забавамъ, поступая какъ прилично царю, чего достигнуть можно только ученіемъ и добрыми совѣтами людей опытныхъ. Напоминая объ услугахъ своихъ, попеченіяхъ о немъ, Меншиковъ просилъ милости своему сиротѣющему семейству и обрученной невѣстѣ Императора. Особенными письмами просилъ онъ также Остермана, Апраксина, Головкина и Голицына о милости и покровительствѣ вдовѣ и сиротамъ своимъ.

Въ часы смертной болѣзни правитель Россіи сознавалъ ничтожность величія и суетность гордости, но сознаніе продолжалось только до выздоровленія. Меншиковъ началъ оправляться, и забылъ всѣ благія помышленія. Какъ ни скрывали отъ него образъ жизни Императора въ Петергофѣ, онъ узналъ, встревожился, не предполагая, однакожъ, никакой опасности. При Императорѣ были приверженцы и сынъ Меншикова, юноша благонравный, умный, хорошо

вшійся. Отецъ упрекалъ его
жды за неохоту къ танцова-
. «Еще успѣю узнать науку
мороха,» отвѣчалъ онъ, «а сперва
надобно научиться полезному.»
могъ-ли тринадцатилѣтній маль-
ъ видѣть и понять тайныя коз-
людей, окружавшихъ Импера-
а! Слыша о выздоровленіи Мен-
кова, враги его спѣшили дѣломъ,
бирались, совѣтовались, продол-
ли внушеніе Императору объ
сности отъ честолюбія Мен-
кова. Душею всѣхъ замысловъ
ялся Остерманъ, и дѣятель-
ъ помощникомъ его былъ И. А.
лгорукій. Слушая совѣты ихъ,
еще болѣе увлекаясь забавами,
ператоръ со страхомъ помыш-
ъ о возвращеніи въ неволю, и
мился, когда Остерманъ и князь
Г. Долгорукій согласно пред-
кили ему избавить себя и оте-
ство отъ опаснаго гордеца. Еще
ахъ и опасеніе тревожили вра-
ъ Меншикова. Они не смѣли
йствовать явно. Менщиковъ ка-
ся столь могущественнымъ, и
что не могъ онъ отважиться,
да увидѣлъ-бы власть, истор-
ую изъ рукъ его! Не опытомъ
борьбы съ нимъ былъ указъ,
именИмператора (іюля 26-го),
имъ предписано было отобрать
всюду списки съ указовъ и ма-
фестовъ, изданныхъ по дѣлу ца-
вича Алексѣя Петровича? Мен-
ковъ не спорилъ, какъ, за нѣ-
олько времени прежде (іюня
го), онъ не спорилъ противъ
вобожденія и объявленія цари-
ю бабушки Императора, Евдокіи
пухиной. Но, опасаясь Евдокіи,
ь не допустилъ ее въ Петер-
ргъ. Съ почестью перевезли Ев-
кію изъ Шлиссельбурга въ Мос-
у, гдѣ отвели для жительства ея
кремлевскій дворецъ, и составили
ей штатъ, съ выдачею на содер-
жаніе двора ея по 60,000 рублей.
Гофмейстеромъ двора Царицы Ев-
докіи назначенъ былъ генералъ-
маіоръ Измайловъ. Но враги Мен-
шикова напрасно боялись, что пра-
витель Россіи приметъ немедлен-
но строгія мѣры, стараясь обезопа-
сить себя. Ослѣпленіе Меншикова
предало его въ руки враговъ без-
защитнымъ. До того считалъ онъ
себя недоступнымъ на высотѣ ве-
личія, что, оправясь отъ болѣзни,
поѣхалъ не въ Петергофъ, а прямо
въ свой загородный дворецъ, Ора-
ніенбаумъ, пригласивъ на освяще-
ніе церкви, вновь построенной
тамъ, во имя св. Пантелеймона, Им-
ператора и его приближенныхъ.
Приглашеніе представили *прика-
зомъ:* юный Петръ рѣшился не по-
слушаться повелѣнія. Множество
гостей съѣхалось въ Ораніенбаумъ
сентября 3-го; Апраксинъ, Голов-
кинъ, Голицынъ, Нарышкинъ и
всѣ знатнѣйшіе люди были въ чи-
слѣ ихъ, но Императоръ не явился.
Меншиковъ скрылъ досаду, вели-
колѣпно отправилъ свой празд-
никъ, и забылся до того, что въ
церкви сталъ на мѣсто, приготов-
ленное Императору. Весь день
палили изъ пушекъ, и, повидимо-
му, безпечно и весело пировали
всѣ на *послѣднемъ* праздникѣ пра-
вителя.....

Пиръ смолкъ. Гости разъѣха-
лись. На другой день, утромъ,
Меншиковъ спѣшилъ въ Петер-
гофъ, и изъявилъ сильный гнѣвъ,
услыша, что Императора нѣтъ въ
Петергофѣ, и что онъ отправился на
отдаленную охоту. Меншиковъ
оставался въ Петергофѣ цѣлый день,
ночевалъ тамъ, но Императора не
было. На другой день явился Остер-

манъ. Меншиковъ вспыльчиво началъ выговаривать ему, что за Императоромъ не смотрятъ, губятъ его здоровье и, удивленный, услышалъ угрюмые и твердые отвѣты Остермана, дотолѣ раболѣпнаго. Раздраженный противорѣчіемъ, онъ осыпалъ Остермана упреками, и самъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ явился еще повелителемъ, былъ въ Сенатѣ и Совѣтѣ, запретилъ казначею Совѣта Кайсарову выдавать деньги безъ его приказа, но не посмѣлъ ничего возразить, когда съ удивленіемъ узналъ, что Минихъ перевелъ Ингерманландскій полкъ съ Васильевскаго острова въ казармы на адмиралтейскую сторону. Не было болѣе стражи у правителя. Онъ показался смущеннымъ, и съ недоумѣніемъ услышалъ, сентября 6-го, приказъ, коимъ велѣно было приготовить Императору комнаты въ лѣтнемъ дворцѣ, приставить тамъ караулъ гвардейцевъ, и Совѣту собираться со дня пріѣзда императорскаго, во дворцѣ, а не въ домѣ Меншикова. Недоумѣніе не продолжилось, ибо къ Меншикову явился С. А. Салтыковъ; забралъ мебель и вещи Императора, и привезъ вещи сына Меншикова. Не зная, что думать и дѣлать, Меншиковъ явился въ Совѣтъ, засталъ тамъ только Д. М. Голицына и Степанова, и, ничего не говоря имъ, уѣхалъ домой. Вечеромъ пушечная пальба возвѣстила Петербургу о прибытіи Императора. На другой день, 8-го сентября, повелѣно исполнять указы Совѣта только за *собственноручнымъ* подписаніемъ Императора, и «никакихъ указовъ, или писемъ, о какихъ дѣлахъ они ни были бы, отъ князя Меншикова или кого либо другаго не слушать и не испо
нять.» Салтыковъ еще разъ явн
ся къ Меншикову, уже съ запр
щеніемъ выѣзжать изъ дома. Ме
шиковъ былъ до того пораженн
что казался безчувственнымъ ни
чего не понимающимъ. Принужд
ны были пустить ему кровь. Че
тоги его опустѣли. Только д
любимца его, Волковъ и Фами
цынъ, остались ему вѣрны, и пр
были съ нимъ весь день. Менш
ковъ совершенно упалъ духом
отправилъ жену и дочь, невѣст
Императора, во дворецъ, и велѣл
имъ «упасть въ ноги Император
и молить о помилованіи.» Ихъ н
допустили къ Императору, и с
слезами воротились онѣ домой. -
Меншиковъ рѣшился писать. «Мн
сказанъ арестъ,» говорилъ онъ в
своемъ письмѣ Императору, и хо
тя никакого умышленнаго погрѣ
шенія въ совѣсти моей передъ В
И. В. не нахожу, понеже все чи
нилъ ради лучшей пользы В. В
В., въ чемъ свидѣтельствуюсь не
лицемѣрнымъ судомъ Божіимъ, н
можетъ быть, В. И. В., или сестри
цѣ вашей, учинилъ что забвеніем
или невѣдѣніемъ, или въ моих
В. И. В. представленіяхъ для поль
зы вашей. Въ таковомъ моемъ не
вѣдѣніи и недоумѣніи всенижайш
прошу, за вѣрныя мои, В. И. В
извѣстныя службы, всемилости
вѣйшаго прощенія, и дабы В. И. В
изволили повелѣть меня отъ арес
та освободить, памятуя речені
Спасителя: *да не зайдетъ солн
во гнѣвѣ вашемъ.* Предаю все в
всемилостивѣйшее В. И. В. ра
сужденіе, и обѣщаю мою В. И. В
вѣрность даже до гроба моег
Сказанъ мнѣ также указъ ни в
какія дѣла не вступаться, почем
всенижайше прошу В. И. В. пом

для моей старости и болѣзни, отъ всѣхъ дѣлъ уволить во- Оправдываясь въ повелѣніи ь Кайсарову о невыдачѣ де- безъ его приказа, тѣмъ, что лъ то, дабы напрасныхъ рас- ъ не было, «если В. И. В. ите о томъ въ другую силу кдать,» прибавлялъ Менши- «и въ томъ моемъ недоумѣ- ошу милостиваго прощенія.» е письмо послано было къ ъ Императора. Оба возвраще- распечатанныя. Изумитель- перемѣну увидѣли въ над- правителѣ Россіи. Дотолѣ сный, отчаянный, вдругъ явил- ъ тихимъ, кроткимъ, молил- же казался спокойнымъ, и съ анскимъ терпѣніемъ, безъ ь и тщетныхъ усилій, рѣ- испить чашу бѣдствій: онъ дѣлъ, что глубока и горька ъ она. Не тогда ли въ пер- ізъ сказалъ онъ слова, кото- потомъ часто повторялъ среди ихъ тундръ сибирскихъ: *мирилъ меня*!—Сентября 9-го інъ былъ къ Меншикову гвар- й офицеръ, съ указомъ Им- ора въ слѣдующихъ словахъ: *ли мы князя Меншикова по- въ Раненбургъ, и велѣть ему жить безвыѣздно, и послать ъ офицера и капральство ъ отъ гвардіи, которымъ и при немъ; чиновъ его всѣхъ ъ и кавалеріи взять, а имѣ- ъ быть при немъ.*« Менши- выслушалъ приговоръ, и былъ інъ. «Я ожидалъ, что у меня тъ знаки отличій, и нарочно ъ ихъ всѣ въ этотъ ящикъ, ъ, отдавая ордена свои офи- «вотъ они—возьми ихъ! мо- быть, и ты будешь нѣкогда нъ ими. Научись изъ моего примѣра, какъ мало служатъ они къ нашему счастью!» У дочери его взяли обручальный перстень Императора. Пользуясь дозволеніемъ сохранить имѣніе свое, хотя выѣхать изъ Петербурга велѣно было немедленно, Меншиковъ наскоро собрался и на другой день поѣхалъ изъ столицы, съ большою свитою, днемъ. Онъ сидѣлъ въ богатой каретѣ, весело кланяясь народу, собравшемуся толпами по тѣмъ улицамъ, гдѣ ѣхалъ Меншиковъ. Поѣздъ его составляло множество каретъ и повозокъ, и прислуга его была столь многочисленна, что изгнаніе Меншикова болѣе походило на отъѣздъ знатнаго вельможи въ свои помѣстья, нежели на ссылку человѣка, уже лишеннаго чиновъ.

Не знаемъ, чего хотѣли враги его, допуская такой выѣздъ? боялись ли они сильнаго впечатлѣнія, или нарочно расположили постепенное мщеніе Меншикову, дабы тѣмъ мучительнѣе была расплата съ ними! Предполагать, что великодушно хотѣли они дозволить ему дожить вѣкъ въ изгнаніи, невозможно. Кажется, что многое можно было приписать даже тому, что партіи, согласныя только на гибель Меншикова, тѣмъ упорнѣе возобновляли вражду между собою; едва упалъ онъ, надзирали онѣ другъ за другомъ, противорѣчили одна другой, не смѣли дѣйствовать рѣшительно. Заключаемъ такъ изъ немногихъ наградъ, какія получили тогда Долгорукіе: только отцу любимца Государева данъ былъ Андреевскій орденъ (12-го октября). Минихъ былъ даже удаленъ отъ званія петербургскаго генералъ-губернатора, и вмѣсто него опредѣлили стараго

фельдмаршала Сапѣгу, пріѣхавшаго изъ Варшавы: едва только узналъ онъ объ удаленіи Меншикова — ему надобно было оправдаться въ прежней дружбѣ съ падшимъ временщикомъ. Опалъ и казней не было. Пострадали только два любимца Меншикова, Волковъ и Фаминцынъ: перваго лишили Александровскаго ордена, другаго чиновъ. Люди, погубленные Меншиковымъ, не были возвращены; П. А. Толстой оставался въ Соловецкомъ монастырѣ; И. И. Бутурлинъ не былъ возвращенъ изъ его деревеньки; Дивіеръ и Писаревъ томились въ Сибири; вызвали только Нарышкина. Не боялись-ли умножить число людей, жадно стремившихся дѣлить власть, вырванную у Меншикова? охотниковъ явилось довольно.

Когда Меншиковъ былъ низложенъ, лишенъ чиновъ и орденовъ и изгнанъ изъ столицы, предположенный союзъ дочери его съ Императоромъ разрушился самъ собою, хотя ничего не было о томъ объявлено; но и самое осужденіе правителя Россіи совершилось безъ изслѣдованія и суда. Не болѣе соблюдали формы, когда положили лишить его богатства. Около Твери догналъ Меншикова офицеръ, которому велѣно было отобрать все находившееся при Меншиковѣ имѣніе, служителей и экипажи, пересадить Меншикова и семейство его въ рогожныя кибитки, и везти подъ стражею, не позволяя дорогою говорить ни съ кѣмъ, даже съ женою и дѣтьми. Горестно улыбнулся Меншиковъ, услышавъ приказъ. Исполняй что тебѣ велѣно,» сказалъ онъ посланному: «чѣмъ болѣе у меня отнимутъ, тѣмъ менѣе будетъ мнѣ заботъ. Скажи тѣмъ, которые возмутъ отнятое у : что они болѣе меня сожалѣні стойны!» Когда посадили его в возку, онъ засмѣялся и ска «Здѣсь еще мягче сидѣть, н въ каретѣ.» По прибытіи въ Р бургъ, городъ рязанской губ выстроенный Меншиковымъ ключили его въ тамошнемъ цѣ его, и прислужникъ Дол кихъ, дѣйствительный статскі вѣтникъ Плещеевъ, явился д шивать преступника. Менш оставался подъ крѣпкою стр Имѣніе его было всюду опис забрано. Многое тайно захв себѣ Долгорукіе, но за всѣмъ оказалось у Меншикова до д милліоновъ рублей билетами донскаго и амстердамскаго ковъ, до четырехъ милліонов личными деньгами, болѣе ми на въ брилліантахъ, пудъ з въ слиткахъ, полтора пуда се въ разныхъ вещахъ, кромѣ серебряныхъ сервизовъ, кажд 24 дюжины тарелокъ, и мн ство мебели, экипажей и дор утварей.

Народъ радовался паденію шикова. «Прешла и погибла ная слава гордаго Голіаѳа,» рили при дворѣ. «Сокрушил сильная Божія десница, и в теперь ничего не боимся!» Н не зналъ народъ, при дворѣ и видѣли, что Меншикова уж мѣнили другіе....

Надъ Меншиковымъ учр судъ. Смѣло отвѣчалъ онъ н виненіе въ томъ, что его ум ми судимъ былъ отецъ Импе ра, царевичъ Алексѣй, и чт дерзалъ думать о родствеі союзѣ съ императорскимъ до «Въ первомъ,» говорилъ Ме ковъ, «была воля Император

кого, и царевичъ Алек-
, осужденъ не мною, но
и государственнымъ су-
на второе была воля им-
ы Екатерины и согласіе
шаго жениха. Обвиняли
гибели многихъ знатныхъ
хотя не думали возвратить
олько почестей, но даже
ы), въ присвоеніи казен-
негъ, оскорбленіи голш-
герцога, даже небываломъ
возмутить войско и завла-
естоломъ. Доказательствъ
о не предъявляли, но судъ
24-го марта, когда Им-
ь, съ дворомъ, прибылъ
новнія въ Москву, под-
было къ Спасскимъ во-
письмо, самое плутовское,
ное лживыми внушеніями,
гствуя князю Меншикову,
за многія важнѣйшія къ
ю, государству и народу
ленія смертной казни до-
былъ, однакожъ по мило-
олько посланъ въ ссылку.»
ъявляли о письмѣ, обѣщая
тому, кто откроетъ сочи-
его. Виновнаго искали стро-
бвиненіе пало на духовни-
кіи. Несчастный былъ же-
аказанъ. Видя, что у Мен-
находятся еще защитни-
спѣшили безъ отсрочекъ
ь судъ.
дѣлено было сослать Мен-
и семейство его въ Сибирь.
ширныхъ областей сибир-
ыбрали такую, гдѣ жизнь
пью лишеній и страданій—
, остяцкое селеніе, забро-
въ глубину сѣверныхъ
, близь устья Оби, на рѣкѣ
въ тысячѣ верстахъ къ сѣ-
Тобольскомъ. Свояченицу
кова постригли и отправи-
ли въ монастырь, и 2-го іюля по Окѣ повезли Меншикова, жену его, сына и двухъ дочерей въ мѣсто ссылки. Всѣ они были одѣты въ убогія платья, сѣрые зипуны ссыльныхъ. Поручикъ Крюковъ и двадцать Преображенцевъ провожали ихъ. Меншикову позволили взять съ собою десять человѣкъ служителей, и опредѣлили ему на содержаніе по пяти рублей въ день. Жена Меншикова не перенесла невыносимаго горя: она *выплакала* глаза, ослѣпла, дорогою умерла на Волгѣ, и была похоронена въ селеніи Услонѣ, близь Казани. Современники согласно говорятъ о добродѣтеляхъ подруги Меншикова, которую любили Петръ Великій и Екатерина, называли «любезною невѣстушкою,» и, препоручая въ свое отсутствіе дѣтей своихъ, просили «не оставлять ихъ попеченіемъ.» Изъ Казани повезли Меншиковыхъ въ телѣгахъ, а далѣе въ лубочныхъ пошевняхъ. На одной станціи съѣхался съ ними офицеръ, возвращавшійся изъ путешествія, которое совершилъ онъ съ Берингомъ. Меншиковъ, въ величіи временщика, отправлялъ Беринга изъ Петербурга въ 1725 году. Какъ изумился путешественникъ, увидя въ старикѣ, обросшемъ бородою, одѣтомъ въ сѣрый зипунъ—*Меншикова*, узнавъ въ молодой дѣвушкѣ, прикрытой овчиннымъ тулупомъ, дочь его, невѣсту Императора. Меншиковъ долго и хладнокровно разговаривалъ съ офицеромъ; разсказывалъ о своемъ паденіи, и тогда только заплакалъ, когда вспомнилъ объ участи, ожидавшей дѣтей его.

Съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствіе постигло его, Меншиковъ вполнѣ оправдывалъ девизъ свой: Virtute

duce, comite fortuna (*добродѣтель вождь, счастіе спутникъ*). Христіанское смиреніе и великодушное терпѣніе его не гибли ни подъ какими ударами рока. Когда въѣзжалъ онъ въ Тобольскъ, его встрѣтилъ узникъ, одинъ изъ сосланныхъ имъ въ Сибирь чиновниковъ, и началъ бранить. «Если брань приноситъ тебѣ удовольствіе — брани меня, другъ мой!» кротко отвѣчалъ ему Меншиковъ. Другой ссыльный бросилъ грязью въ дѣтей его. «Въ меня бросай,» сказалъ ему Меншиковъ, «я могъ быть передъ тобою виноватъ, а не они!» Мѣстомъ ссылки Меншикова была дикая пустыня, гдѣ земля оттаиваетъ лѣтомъ только на четверть аршина, и морозы зимою доходятъ до 40°; весны нѣтъ, лѣто продолжается мѣсяцъ, и ночь въ теченіе семи мѣсяцевъ тянется по девятнадцати часовъ, замѣняя солнце сѣверными сіяніями. По прибытіи на мѣсто, Меншиковъ, съ вѣрными спутниками, которые рѣшились раздѣлить несчастную участь своего боярина, срубилъ себѣ домикъ, и при немъ построилъ часовню, самъ работая топоромъ. Пока онъ занимался устройствомъ жилища, одна изъ дочерей его взяла на себя занятія по кухнѣ, другая мыла бѣлье. Каждое утро начиналось и каждый вечеръ оканчивался молитвою. Меншиковъ былъ необыкновенно бодръ и здоровъ, но судьба готовила ему послѣдній ударъ: старшая дочь его занемогла, и умерла на рукахъ его. Онъ утѣшалъ ее въ минуту кончины, говорилъ ей о жизни за гробомъ, но, когда скончалась она, преклонился на трупъ ея и зарыдалъ горько. Черезъ минуту былъ онъ снова бодръ, сталъ на колѣни и громко запѣлъ: *со Святыми упокой!* онъ сколотилъ гробъ дочери кедроваго дерева, вырубил могилу въ мерзлой землѣ, и ими руками предалъ общей м несчастную невѣсту Импера Болѣзнь другихъ дѣтей, при коихъ сидѣлъ онъ день и н быстро разрушила его здоров не силы души, великой въ ствіи. Въ памяти умиралъ онъ ворилъ съ дѣтьми, просилъ щенія въ томъ, что увлекъ их бѣдствіе, умолялъ ихъ всегда нить добродѣтель, и скон 22-го октября 1729 года. Онъ казалъ похоронить себя подлѣ черп. Могилы ихъ донынѣ пок ваютъ въ Березовѣ немно странникамъ, навѣщающимъ гостепріимные берега Ледови моря. Жилища Меншикова слѣдовъ. Часовня, имъ постр ная, сгорѣла въ 1808 году.

Истребляя повсюду память шикова, велѣно было вездѣ с гербы его—случайно уцѣлѣлъ нынѣ одинъ изъ нихъ на его тербургскихъ палатахъ (гдѣ мѣщается нынѣ 1-й Кадетскій пусъ). Бастіонъ петербург крѣпости, называвшійся «Мен ковскимъ,» велѣно именовать стіономъ Императора Петра По мелкой зависти враговъ не требить памяти человѣка нео новеннаго, товарища и друга П Великаго, съ нимъ бывшаго Саардамѣ и подъ Полтавою, п дителя при Калишѣ и Тонинг полководца мужественнаго и нистра умнаго. Прощая слаб Меншикова, потомство пом только заслуги его, и—какой ный урокъ могила его и мо дочери его въ мерзлыхъ тунд Березова!

Не внимали уроку современники, и когда въ Березовѣ умиралъ Меншиковъ, дерзкою рукою возводилъ на престолъ царскій дочь свою честолюбецъ, смѣнившій Меншикова въ преступныхъ замыслахъ, не помышляя, что ему суждена участь горше участи врага его: хоть умереть спокойно позволили Меншикову, а Долгорукіе лишены были отрады даже и въ часъ смерти, погибая подъ топоромъ палача.... *Н. Полевой.*

---

62. Отправленіе Бибикова противъ Пугачева.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника, и выбрала генералъ-аншефа Бибикова. Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности.

Онъ служилъ съ честію въ семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы. Въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась коммиссія новаго уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ, а потомъ назначенъ въ предводители всего собранія. Въ 1771 году, онъ назначенъ былъ, на мѣсто генералъ-поручика Веймарна, главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ устроить не только упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею генералъ-поручику Романіусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, дотолѣ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душею преданный государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежней ласковой улыбкой, и, милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ-же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ-ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься:
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой
лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9 декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ

и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ, или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская черпь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывавшимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25-го декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжала въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1 Января 1774-го года, послѣ молебствія и слова, говореннаго казанскимъ архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое, вмѣстѣ съ правительствомъ, обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъже положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона. Дворянство симбирское, свіяжское и пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству маіоровъ Гладкова и Чемесова, и капитана Матюнина. Казанскій магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя себя казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью, сочиненною гвардіи подпоручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при главнокомандующемъ.

---

63. Поимка Пугачева.

Положеніе дѣлъ было ужасно Общее возмущеніе Башкирцевъ Калмыковъ и другихъ народовъ разсѣянныхъ по тамошнему краю отвсюду пресѣкало сообщеніе Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ, или заводскаго мужика съ дубиной. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ. Не возможно было двинуться впередъ не запасшись не только хлѣбомъ но и дровами. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ заводы разграблены и выжжены

здѣ волновалась и злодѣй-
. Войска, посланныя изъ
онцовъ государства, по-
ь медленно. Зло, ничѣмъ
гражденное, разливалось
і широко. Отъ Илецкаго
до Гурьева, яицкіе коза-
вали. Губерніи: казан-
нижегородская и астрахан-
и наполнены шайками раз-
ъ; пламя могло ворваться
о Сибирь; въ Перми начи-
безпокойства; Екатерин-
лъ въ опасности. Киргизъ-
, пользуясь отсутствіемъ
начали переходить черезъ
о границу, грабить ху-
гонять скотъ, захваты-
елей. Закубанскіе наро-
лись, возбуждаемые Тур-
же нѣкоторыя изъ евро-
державъ думали вос-
ться затруднительнымъ по-
ъ, въ коемъ находилась
ссія.

инъ Пугачевъ, Зимовей-
ницы служилый козакъ,
ъ Ивана Михайлова, умер-
давнихъ годахъ. Онъ былъ
ѣтъ отъ роду, роста сред-
углъ и худощавъ; волосы
мнорусые, бороду черную,
ую и клиномъ. Верхній
ъ вышибенъ еще въ ре-
въ кулачномъ бою. На
вискѣ имѣлъ онъ бѣлое
на обѣихъ грудяхъ знаки,
ся послѣ болѣзни, назы-
мерной немочью. Онъ не
рамотѣ, и крестился по
ичьи. Лѣтъ тому десять,
онъ на козачкѣ Софьѣ Не-
і, отъ которой имѣлъ пяте-
тей. Въ 1770 году былъ
службѣ во второй арміи.,
ся при взятіи Бендеръ, и
одъ отпущенъ на Донъ,
по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкаскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но козаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили, и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ козаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ въ великомъ посту, однажды вечеромъ, пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ козакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, старшинѣ Макарову, въ нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкаскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года, приведеннаго въ канцелярію дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей, въ раскольничьей слободѣ Вѣткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней. — Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ правительство запретило народу говорить о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь.

Сія временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

Пугачевъ хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ киргизъ-кайсацкія степи. Козаки на то притворно согласились; но, сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября, они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Козаки, не согласившіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ козаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Козаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. Что-же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему государю?—Что дѣлать! отвѣчали козаки, и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну*, сказалъ Пуга и, подозвавъ своего любимца, к каго козака Творогова, протя ему свои руки и сказалъ: *в* Твороговъ хотѣлъ ему скр локти назадъ. Пугачевъ не д *Развѣ я разбойникъ?* говорил гнѣвно. Козаки посадили его хомъ и повезли къ Яицкому родку. Во всю дорогу Пуг имъ угрожалъ местью вел князя. Однажды нашелъ онъ собъ высвободить руки, выхв саблю и пистолетъ, ранилъ вы ломъ одного изъ козаковъ, кричалъ, чтобъ вязали изм ковъ. Но никто уже не слу Козаки, подъѣхавъ къ Яицкоі родку, послали увѣдомить о коменданта. Козакъ Харче сержантъ Бардовскій выслан хи къ нимъ на встрѣчу, пр Пугачева, посадили его въ к ку и привезли въ городъ, къ гвардіи капитанъ-пору Маврину, члену слѣдственной миссіи.

Мавринъ допросилъ самоца. Пугачевъ съ перваго открылся ему. *Богу было у* сказалъ онъ, *наказать Росс резъ мое окаянство.* — Велѣн ло жителямъ собраться на г скую площадь; туда прив были и бунтовщики, содерж ся въ оковахъ. Мавринъ в Пугачева, и показалъ его на Всѣ узнали его; бунтовщик тупили голову. Пугачевъ г сталъ ихъ уличать, и сказал *погубили меня; вы нѣсколько сряду меня упрашивали пр на себя имя покойнаго велик сударя; я долго отрицался, а и согласился, то все, что ни д было съ вашей воли и согласі же поступали часто безъ в*

и даже вопреки моей воли. вщики не отвѣчали ни слова. воровъ между тѣмъ прибылъ ени, и узналъ отъ пустынъ, что Пугачевъ былъ свя- его сообщиками и что они и его къ Яицкому городку. ювъ поспѣшилъ туда-же. Но- бился онъ съ дороги, и на- на огни, раскладенные въ ворующими Киргизами. Су- ь на нихъ напалъ и прогналъ, ивъ нѣсколько человѣкъ и ними своего адъютанта мовича. Черезъ нѣсколько прибылъ онъ въ Яицкой го- ъ. Симоновъ сдалъ ему Пу- а. Суворовъ съ любопытствомъ ашивалъ плѣннаго мятежни- его военныхъ дѣйствіяхъ и еніяхъ, и повезъ его въ Сим- ь, куда долженъ былъ пріѣ- и графъ Панинъ.

гачевъ сидѣлъ въ деревян- лѣткѣ на двуколесной телѣгѣ. ый отрядъ, при двухъ пуш- окружалъ его. Суворовъ отъ е отлучался. Въ деревнѣ Мо- (во ста сорока верстахъ отъ ы) случился пожаръ близь гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его ли изъ клѣтки, привязали лѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, нъ и смѣлымъ мальчикомъ, и ночь Суворовъ самъ ихъ лилъ. Въ Коспорьѣ, противъ ы, ночью, въ волновую по- Суворовъ переправился че- Волгу и пришелъ въ Сим- ь въ началѣ октября.

гачева привезли прямо на къ графу Панину, который гилъ его на крыльцѣ, окру- й своимъ штабомъ. — Кто ты ? спросилъ онъ у самозван- *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ,* лъ тотъ. — Какъ-же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ? продолжалъ Панинъ. — *Я не воронъ,* (возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно), *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ.* — Надобно знать, что яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? — Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины.* Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ: гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ

и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиреннымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный Дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора.

А. Пушкинъ.

(*Исторія Пугачевскаго бунта*).

---

64. Состояніе Москвы передъ вступленіемъ въ нее Французовъ.

Давно Наполеонъ, мечтавшій о всемірной монархіи, простиралъ властолюбивые свои виды на Россію, которая одна въ Европѣ оставалась непобѣдимою и непреклонною ему. Зная, что вѣра составляетъ главную опору Россіи, онъ не задолго предъ 1812 г. сдѣлалъ предложеніе митрополиту Платону, чрезъ своего повѣреннаго, епископа блуаскаго Грегоара, о соединеніи Восточной Церкви съ Западною, которое предполагалъ началомъ покоренія Россіи; но мудрый іерархъ, отвергнувъ этотъ коварный замыселъ, отвѣчалъ, что «мысль о сближеніи двухъ церквей совершенно противна духу Русскаго народа, который столько привязанъ къ своей вѣрѣ, столько проникнутъ обязанностію сохранять ее во всей цѣлости, что всякая перемѣна можетъ сдѣлаться для Русскихъ оскорбительною и пагубною.» Но это покушеніе Наполеона тѣмъ не кончилось, какъ увидимъ далѣе.

Среди благотворной тишины, какою наслаждались Россія и Церковь московская подъ кроткимъ правленіемъ Александра I, вспыхнула жестокая брань, какъ сильный пожаръ среди безмолвія ночнаго, и возмутила сердца. Козни, въ тайнѣ устроенныя Наполеономъ, вполнѣ открылись; онъ вооружилъ противъ Россіи всю Европу отъ Мадрита до Варшавы. Подъ его предводительствомъ, воинство изъ двадцати народовъ вторглось въ предѣлы нашего отечества, 12-го іюня, 1812 года, съ тѣмъ, чтобы страхомъ, силою и соблазномъ потрясти спокойствіе и разрушить его благоденствіе. Въ молвѣ народной онъ слылъ антихристомъ, апокалипсическимъ Аполліономъ. Александръ I, еще занятый войною съ Турціей и Персіей, выступилъ одинъ, безъ союзниковъ, съ войскомъ, которое вдвое было меньше непріятельскаго.—Предстояла война народная: должно было къ ней приготовить и одушевить народъ мужествомъ во имя святой вѣры и любви къ отечеству. Царь, возвѣстивъ всѣмъ сословіямъ о грозящей царству его опасности, призывалъ ихъ на защиту вѣры, отечества, престола и свободы. «Я съ вами,» сказалъ онъ, «на начинающаго Богъ! Я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго

о воина не останется въ царствѣ своемъ.»

Отъ Нѣмана до Западной Двины и Днѣпра, Русскіе, отстаивая грудью отечественную землю, отступали, то раздѣляемые, то подавляемые многочисленнѣйшимъ войскомъ Наполеона. Одна битва смѣняла другую; нерѣдко и пастыри церкви съ крестомъ въ рукѣ водили полки въ бой. Но храбрость Русскихъ уступала громадной силѣ непріятеля, который изъ Бѣлой Россіи уже вторгался въ нѣдра Великой. Подъ Смоленскомъ соединились обѣ раздѣленныя русскія арміи съ тѣмъ, чтобы отразить нечаянный напоръ врага, который пробивался впередъ, все ближе къ предѣлу своихъ желаній и надеждъ, къ завѣтной Москвѣ, которая, по словамъ Екатерины Великой, «есть не городъ, а цѣлый міръ.» Но этотъ русскій міръ еще не предвидѣлъ своего жребія, хотя обозы раненыхъ наполняли его улицы и хотя войска наши отступали ближе къ столицѣ.

Тогда въ Москвѣ главнокомандующимъ былъ графъ Растопчинъ, любимецъ Императора Павла I, другъ Суворова, по душѣ и сердцу Русскій, хотя и питомецъ французской школы, по характеру сходный съ преосвященнымъ Августиномъ, искусный дипломатъ, ревностный патріотъ, остроумный писатель. Ему суждено было тогда дѣйствовать, писать и говорить вмѣстѣ съ архипастыремъ московскимъ. Какъ цѣли и средства религіи и дипломатики различны: то они нерѣдко одинъ другому противорѣчили, защищая всякій свое право и свою сторону; соглашала же ихъ сродная обоимъ любовь къ отечеству, общее благо и взаимное уваженіе одного къ другому.

Въ такое смутное для Москвы время, въ роковыя минуты общаго страха и надежды, Государь прибылъ въ нее изъ Смоленска, въ полночь, 11-го іюля, исполнить царское слово: онъ обѣщалъ стать посреди жителей московскихъ—и сталъ для воззванія ко всѣмъ сословіямъ объ опасности и защитѣ отечества. На другой день онъ идетъ въ первопрестольную церковь россійскую для испрошенія помощи и благословенія небеснаго; на прагѣ ея въ южныхъ дверяхъ встрѣчаетъ его Августинъ съ животворящимъ знаменіемъ побѣды и привѣтствуетъ слѣдующею достопамятною рѣчью:

«Еще курятся ѳиміамы на алтаряхъ сихъ; еще пламенѣютъ огни благодарственныхъ моленій за тѣ достославныя побѣды, которыми Всевышній увѣнчалъ оружіе Твое.— И се, наконецъ гордый Оттоманъ преклонилъ предъ Тобою побѣжденную главу: на югѣ, покрытомъ тучами браней, возсіялъ свѣтъ благословеннаго мира. Столица сія, подъявъ чело свое, покрытое сѣдинами, восхищается, взирая на распространеніе предѣловъ Россіи; изумляется, внемля громамъ славы Твоея. Россія готова воспѣть хвалебную пѣснь Господу Силъ — и Тебѣ, Христу Господню.»

«Но се, на западѣ, восшумѣли бури: и Ты, яко исполинъ, исходишь на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы. *Отъ края небесе исходъ Твой и срѣтеніе Твое до края небесе.* Тамъ среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій Своихъ, Ты мещешь перуны на дерзкаго врага; здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ Тебѣ и отечеству.

Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы; здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной Тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь; тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь.»

«Государь! оружіемъ Ты побѣдилъ тысячи, а благостію тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ Тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но Твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ Тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, Ты торжествуешь и надъ своими.

«Царю! Господь съ Тобою: Онъ гласомъ твоимъ повелитъ бури, *и станетъ въ тишину, и умолкнутъ волны воды потопныя.* Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

И Царь и архипастырь проливали слезы; чувства сіи тотчасъ сообщились толпамъ народа, которыя наполняли Кремль, ожидая мановенія отъ возлюбленнаго монарха своего и въ глазахъ его читая свою участь.—При вступленіи Государя въ храмъ, пѣвчіе, по приказанію преосвященнаго, воспѣли: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!* Сердца всѣхъ присутствующихъ исполнились умиленіемъ, оживотворились надеждою. Объявлено было о мирѣ съ Оттоманскою Портою, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ весьма важномъ для Россіи, и принесено торжественное Богу благодареніе: праздновали миръ среди войны, напоминавшей грозныя нашествія на Москву Монголовъ, Литовцевъ и Поляковъ. Государь Императоръ чрезъ графа Растопчина повелѣлъ Августину сочинить молитву объ изгнаніи враговъ, которая была имъ одобрена, тогда же напечатана и читана во всѣхъ церквахъ московскихъ съ колѣнопреклоненіемъ. Въ Слободскомъ дворцѣ, 15-го іюля, созвано было все московское дворянство и купечество. По совершеніи молебна съ колѣнопреклоненіемъ во дворцовой церкви, они собрались въ залахъ дворца. Государь, явившись туда, сказалъ: «Никогда не настояло такой надобности къ спасенію отечества, какъ въ нынѣшнее время.» Тогда всѣ единодушно показали готовность свою жертвовать для него не только имуществомъ, но и жизнію своею: одна московская губернія вызвалась поставить восемьдесятъ тысячъ воиновъ, а купечество ея принесло милліоны на вооруженіе и продовольствіе войскъ. Въ это время Платонъ, дожившій до лѣтъ *труда* и *болѣзни*, отправилъ изъ Троицкой Лавры къ своему Монарху посланіе, прорекавшее успѣхъ россійскому оружію, и съ нимъ вмѣстѣ св. просфору и икону преподобнаго Сергія, который нѣкогда благословилъ Димитрія Донскаго на битву съ Мамаемъ. Св. икона принята была Государемъ съ благоговѣніемъ и отдана московскому ополченію, «да оградится оно заступленіемъ угодника Божія.»

Въ награду за труды и рвеніе Августина, Государь, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы, пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго.

По гласу своего Царя, московскіе жители, одушевляемые также живымъ и дѣйственнымъ словомъ архипастыря своего, приносили пожертвованія изъ своихъ имуществъ. Ожили Минины, Пожарскіе и Палицыны въ своихъ потомкахъ; изъ всѣхъ сословій воору-

жились противъ сильнаго и самонадѣяннаго врага, который пепломъ и кровью прокладывалъ себѣ слѣдъ къ самому сердцу отечества. Среди напасти, обращающей сердца къ Богу, архипастырь является органомъ церкви и отечества: его увѣщанія, его молитвы, самое присутствіе оживляютъ и крѣпятъ сердца, убитыя горестью и волнуемыя сомнѣніемъ. Когда пришло извѣстіе, что враги уже подъ стѣнами Смоленска, преосвященный Августинъ, 28 іюля 1812 года, произнесъ въ московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ *пастырское наставленіе*.

«Храбрый Россійскій народъ!— между прочимъ воззвалъ онъ: — воззри на святые гробы опочивающихъ здѣсь угодниковъ Божіихъ. Нетлѣнныя тѣлеса ихъ, сіи залоги любви и чудодѣйствія Божія, ввѣрены благочестію твоему. Возстани, возстани на охраненіе святыни, благоговѣйно тобою чтимыя; возстани на защищеніе алтарей Бога твоего! Поборай по Господѣ — и Господь поборетъ по тебѣ. — Вооружись на спасеніе достоянія своего, женъ и дѣтей своихъ; пріими щитъ вѣры и упованія на Бога спасающаго; облецыся въ броню правды и мужества. Не предаждь законовъ отеческихъ; вѣрностію къ Царю посрами лесть врага, мужествомъ сокруши силы его! — Россіяне! аще будете съ Господомъ: дерзайте, стойте и зрите спасеніе, еже отъ Господа: Господь бо поборетъ по васъ!»

Когда-жъ приносимо было 30 іюля въ Успенскомъ Соборѣ благодарственное молебствіе за побѣды надъ французскими войсками: тогда, по окончаніи благодарственной молитвы, Августинъ произнесъ отъ себя слѣдующія слова: «Господи силъ! порази дерзкаго и лютаго врага, возставшаго на святое достояніе Твое: злый совѣтъ, его же совѣща на ны, обрати на главу его; улови его коварствомъ его, и предъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства разсыпли его, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра; яви намъ милость Твою, да сподобиши насъ всегда благодареніе Тебѣ приносити, и во гласѣ радости воспѣти!» Но мѣра испытанія Россіи еще не исполнилась. Наполеонъ перенесъ дѣйствія на лѣвую сторону Днѣпра и двинулся къ Смоленску, послѣднему оплоту Москвы. Два дни отчаянной битвы — и древнія стѣны Смоленска не удержали сильнаго врага, который занялъ городъ, обхваченный пламенемъ и оставленный жителями: это случилось въ самый праздникъ Преображенія Господня.

Мирная Москва сдѣлалась тогда сборнымъ мѣстомъ военныхъ силъ: еще 14 іюля въ ней составился комитетъ для вооруженія земскаго ополченія, подъ названіемъ *московской военной силы;* это былъ русскій крестовый походъ противъ враговъ отечества и вѣры. Московское ополченіе, готовое выступить въ походъ, 14 августа собралось на Земляномъ-валу Москвы, противъ Спасскихъ казармъ, между Сухаревою башнею и Красными воротами; туда является и преосвященный Августинъ благословить крестоносныхъ ратниковъ на святую брань за Вѣру и Царя: послѣ молебнаго пѣнія и водосвятія, совершеннаго имъ при стеченіи многочисленнаго народа, ополченіе проходило рядами мимо пастыря; кропя ихъ святою водою, онъ возглашалъ имъ: Господь силъ

съ вами, Господь поборетъ по васъ! — Сіи слова, придавая имъ новыя силы, одушевляли мужествомъ новобранныхъ ратниковъ. Но еще не было у ополченія знаменъ; преосвященный беретъ изъ приходской церкви Спаса во спасской хоругви, одну съ изображеніемъ св. Николая Чудотворца и Успенія Богоматери, а другую съ изображеніемъ Успенія Божія Матери и Воскресенія Христова и вручаетъ ополченію сіи святые залоги церкви.

Предъ Бородинскою битвой принесена была изъ Смоленска въ Москву чудотворная икона Смоленской Богородицы, стоявшая тамъ въ соборѣ; ее сопровождалъ преосвященный Ириней и многіе изъ жителей смоленскихъ, которые, оставивъ родной свой городъ сожженный и полуразрушенный въ рукахъ непріятеля, съ пастыремъ своимъ и отечественною святыней надѣялись найти себѣ убѣжище въ древней столицѣ; они поставили ее въ церкви св. Василія Неокесарійскаго на тверской ямской улицѣ. Преосвященный Августинъ отправилъ въ сію церковь двухъ архимандритовъ съ крестнымъ ходомъ для торжественной встрѣчи и принятія сего образа, который, черезъ четыре вѣка, снова посѣтилъ Москву, и поставилъ его въ Успенскомъ Соборѣ на поклоненіе народу. Толпы жителей московскихъ, собравшіяся на улицахъ, начиная отъ священнаго пристанища Богоматери до Кремля, при видѣ ея, мгновенно падали на колѣни, со слезами восклицая: «Мати Божія, спаси насъ!»

Въ самый же день Бородинской битвы (это было 26 августа), въ праздникъ срѣтенія Владимірскія Богоматери, Августинъ съ грузинскими архіереями, Іоною Паенутіемъ, обносилъ въ крестном ходѣ св. иконы Смоленскія, Иве скія и Владимірскія Богомате вокругъ Бѣлаго города, Китая стѣнъ кремлевскихъ: это напом нило грозное нашествіе Темиръ Аксака на Москву въ 1395 году когда Владимірская икона приве сена была изъ Владиміра въ сто лицу и когда Тамерланъ, преслѣ довавшій Тохтамыша, бѣжалъ из Россіи, ни кѣмъ не гонимый. От Срѣтенскихъ воротъ до Арбат скихъ, крестный ходъ шелъ межд двумя рядами обозовъ съ воинам ранеными и умирающими, кото рые съ умиленіемъ крестились н отрадныя для страдальцевъ знаме нія вѣры и благочестія, съ жадн стію принимали кропленіе св. в дою. Зрители плакали. Среди сто необыкновеннаго, трогательна шествія св. вѣра являлась жив посредницей и утѣшительницею страданіяхъ человѣческихъ. Ме ду тѣмъ, на поляхъ Бородинск принялъ начальство надъ войско маститый Кутузовъ, которому от чество ввѣряло судьбу свою; августа прошло въ приготовле яхъ къ рѣшительной битвѣ; на нунѣ ея, по всей линіи арміи п несли другую путеводитель икону Смоленской Богомате взятую съ днѣпровскихъ вор города, и отпѣли ей молебе Кончилась и роковая Бородинс битва, упитавшая кровью поля жайскія: она ослабила, но не уд жала стремленія многочислен врага, была не концемъ, а на ломъ новой войны. Промыслъ в дѣла человѣческія своимъ пут къ своимъ цѣлямъ.

Лефортовскій дворецъ въ Мос служилъ пристанищемъ для ра

,гдѣ они перевязывали свѣжія рапы, стирали съ себя кровь ь: вздохи тамъ мѣшались съ ми тяжело уязвленныхъ, то-ихся въ предсмертныхъ страхъ. Для услажденія ихъ скор-едоставало еще утѣшенія свя-ѣры: къ нимъ преосвящен-Августинъ 31-го августа от-іяетъ съ духовенствомъ чу-рныя иконы Иверской и Смо-кой Богоматери. Не льзя изо-ть тѣхъ чувствованій, какія выражались на лицахъ вои-когда они встрѣчали священ-ужителей, притекшихъ къ со святынею: они забыли язвы, прекратили стоны, ис-ємые мучительною болью, съ еніемъ и слезами радости взи-на св. иконы. Среди стра-цевъ совершено было молеб-пѣніе и водосвятіе. Они съ іемъ оставляли скорбное ло-вое и лишенные ногъ ползли, тащились на костыляхъ, что-риложиться къ Подательни-отрады и окропиться св. во-, какъ бы предчувствуя, что благодатное посѣщеніе и кро-іе служило для многихъ изъ напутствіемъ къ смерти, ка-ожидала раненыхъ со вступле-ь враговъ въ Москву. Стече-і усердіе бородинскихъ вои-при семъ священномъ дѣйст-было таково, что св. иконы ратились на свои мѣста уже въ ю полночь.

И. Снегиревъ.

(*Очерки жизни Августина*).

---

65. Кутузовъ.

ередъ центромъ праваго кры-ольшой русской линіи, у под-ія вооруженныхъ высотъ, не-много влѣвѣ (если смотрѣть отъ Москвы) отъ села Бородина, разъ-ѣзжалъ кто-то на маленькой бод-рой лошадкѣ (небольшомъ гнѣдомъ клеперѣ); изъ-подъ фуражки его, сплюснутой на головѣ, выливались пряди бѣлыхъ волосъ. Шарфъ по-вѣшенъ по старинному, чрезъ пле-чо, на мундирномъ сюртукѣ. Ѣз-докъ былъ средняго роста, по-строеніе тѣла имѣлъ коренное рус-ское: онъ былъ дюжъ, широкъ въ плечахъ и въ это время довольно дороденъ, особливо въ ногахъ за-мѣтенъ былъ какой-то отекъ. За нимъ ѣздили два Донца, изъ ко-торыхъ одинъ возилъ скамеечку. Прибѣжавъ дробною рысью на то мѣсто, которое мы указали, гене-ралъ (это показывали его эполеты), вѣроятно только что окончившій объѣздъ линій, потому что кле-перъ его еще дымился, этотъ ге-ералъ началъ сходить съ лошади. Съ какимъ-то болѣзненнымъ уси-ліемъ ступилъ онъ сперва на ска-мееечку, которую проворно подста-вилъ ему Донецъ, потомъ на ней-же усѣлся лицемъ къ Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидѣлъ Михаила Ла-ріоновича Кутузова, нашего нова-го главнокомандующаго. Правый глазъ его былъ нѣсколько прищу-ренъ. Всматриваясь внимательнѣе, вы-бы легко замѣтили, что въ немъ уже погасла живая точка свѣта. Это слѣдствіе раны ужасной, не-слыханной, о которой, въ свое вре-мя, говорили всѣ врачи Европы. Турецкая пуля, ударивъ близь ви-ска, искосила ось глазную и оста-вила генерала (одного изъ прозор-ливѣйшихъ полководцевъ) полу-зрячимъ. Далѣе, въ чертахъ лица его, овально-продолговатаго, особ-

ливо если разсматривать его въ профиль, и преимущественно въ подбородкѣ, значительно округленномъ, находили сходство съ очеркомъ лицъ фамиліи Бурбоновъ: странное стеченіе сходствъ! Говоря о нравственныхъ его свойствахъ, должно сознаться, что онъ имѣлъ обширный умъ и отличное образованіе. Будучи, въ одно время, директоромъ 1-го кадетскаго корпуса и присутствуя на экзаменѣ, онъ развилъ такое богатство разнообразныхъ познаній, что всѣ профессора и учители пришли въ изумленіе. Въ кругу своихъ онъ былъ веселонравенъ, шутливъ, даже при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Къ числу прочихъ талантовъ его неоспоримо принадлежало искуство говорить. Онъ разсказывалъ съ такимъ плѣнительнымъ мастерствомъ, особливо оживленный присутствіемъ прекраснаго пола, что слушатели всякій разъ между собою говорили: «можно-ли быть любезнѣе его?» Зная это, я часто всматривался въ лице его, отыскивая, которая-бы изъ чертъ этого лица могла оправдывать всеобщую молву (распущенную великимъ Суворовымъ), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотримъ теперь на него, сидящаго на полѣ Бородинскомъ. Онъ все еще сидѣлъ на своей скамеечкѣ съ нагайкою въ правой рукѣ, то помахивая ею, то концемъ ея чертя что-то на пескѣ, а между тѣмъ дума полная, высокая сіяла на лицѣ его. Если-бъ не легкое, механическое движеніе правой руки, его можно-бы почесть за изваяніе изъ бронзы: такъ былъ онъ неподвиженъ, такъ углубленъ въ свои мысли, лучше сказать, въ одну мысль. Бой, начатый передовыми стрѣ ми лѣваго крыла, притихъ. Съ нуту продолжалось молчаніе всей линіи. Вдругъ вздохі опять, на лѣвомъ крылѣ, и э вздохъ огласилъ окрестности. І еще.... и все зарокотало.... началася тяжба за редутъ ше динскій; адвокаты съ обѣихъ ронъ говорили свои гремящія и мѣнялись доказательствами. тузовъ сдѣлался весь внимані видѣлъ, какъ онъ протягивалъ редъ голову и вслушивался, в шивался иногда наклоняя л ухо къ землѣ, какъ будто ж угадать – подается пальба или ступаетъ. Но вотъ, во всю конс прыть, прискакалъ адъютантъ, залъ слово о Багратіонѣ, друг Французахъ, и Михаилъ Лар вичъ, вспрыгнувъ съ мѣста съ костію молодаго человѣка, за чалъ: «лошадь!» сѣлъ почти опираясь на скамеечку и, подбиралъ поводья, уже мч вдоль по линіи на лѣвое кр Скоро огромный клубъ свивш ся надъ окрестностію дыма по тилъ главнокомандующаго съ великою думою, въ которой ра вались уже сѣмена предстоя сраженія. Солдаты-зрители, явшіе труппами на скатѣ верш говорили: «вотъ самъ Кутузовъ ѣхалъ на лѣвое крыло!»

---

66. Барклай-де-Толли Багратіонъ.

Михайло Богдановичъ Барк. де-Толли, главнокомандующій западною арміею и военный нистръ въ то время, человѣкъ торическій, дѣйствовалъ въ бородинской битвы съ необы веннымъ самоотверженіемъ.

ıдлежало одержать двѣ побѣды , кажется, онъ одержалъ ихъ! ослѣдняя надъ самимъ собою — ажнѣйшая! Нельзя было смотрѣть ezъ особеннаго чувства уваженія, akъ этотъ человѣкъ, силою воли нравственныхъ правилъ, ставилъ ebя выше природы человѣческой! ъ ледянымъ хладнокровіемъ, коораго не могъ растопить и зной итвы бородинской, втѣснялся онъ ь самыя опасныя мѣста. Бѣлый онь полководца отличался издаека подъ черными клубами дыма. а его челѣ, обнаженномъ отъ вооосъ, на его лицѣ честномъ, спооойномъ, отличавшемся неподвижостію чертъ, и въ глазахъ, полыхъ разсудительности, выражаись присутствіе духа, стойкость епоколебимая и дума важная. Напасно искали въ немъ игры страгей, искажающихъ лице, выскаıвающихъ тревогу души! Онъ ое затаилъ въ себѣ, кромѣ любı къ общему дѣлу. Вездѣ являлı онъ подчиненнымъ покорнымъ, ренначальникомъ опытнымъ. Множество офицеровъ переранено, пебито около него: онъ сохраненъ акою-то высшею десницею. Я самъ ышалъ, какъ офицеры и даже олдаты говорили, указывая на очтеннаго своего вождя: «Онъ цетъ смерти!» Но смерть бѣжитъ корѣе за тѣми, которые отъ нея бѣгаютъ. 16 ранъ, въ разное времı имъ полученныхъ, весь ходъ ıужбы и благородное самоотвереніе привлекали невольное уваеніе къ Михаилу Богдановичу. нъ могъ ошибаться, но не обманывать. Въ этомъ былъ всякій увѣенъ; даже и въ ту эпоху, когда нъ велъ отступательную, или, akъ нѣкто хорошо сказалъ: войу «завлекательную!» никто не думалъ, чтобы онъ заводилъ наши арміи къ цѣли погибельной. Только русскому сердцу не терпѣлось; только оно, слыша вопли отечества, просилось, рвалось на битву. Но предводитель отступленія имѣлъ одну цѣль: вести войну Скиѳовъ и заводить какъ можно далѣе предводителя нашествія. Въ другой сторонѣ былъ другой человѣкъ, котораго усвоила себѣ исторія, который, безъ связей и отношеній въ Россіи, однимъ личнымъ достоинствомъ, вынудилъ всеобщее уваженіе у современниковъ; я не говорю уже о потомствѣ: оно не смотритъ на отношенія и цѣнитъ одни дѣла. Не спрашивая, можно было догадаться, при первомъ взглядѣ на его физіономію, чисто-восточную, что родъ его происходитъ изъ какой-нибудь области Грузіи, и этотъ родъ былъ изъ самыхъ знаменитыхъ по ту сторону Кавказа. Это былъ одинъ изъ родовъ царственныхъ. Но время и обстоятельства взяли у него все, кромѣ символическаго герба наслѣдственнаго. Одному изъ потомковъ предоставлено было, въ незабвенную эпоху побѣдъ Суворовскихъ, освѣжить свое родословное древо прекраснымъ солнцемъ и воздухомъ Италіи, и скропить для безсмертія корни его своею благородною кровію въ день борьбы безпримѣрной, за жизнь и бытіе Россіи. Этотъ человѣкъ и былъ и теперь знакомъ всякому по своимъ портретамъ, на него схожимъ. При ростѣ нѣсколько выше средняго, онъ былъ сухощавъ и сложенъ крѣпко, хотя несвязно. Въ его лицѣ были двѣ особенныя примѣты: носъ, выходящій изъ мѣры обыкновенныхъ, и глаза. Еслибъ разговоръ его и не показался вамъ усѣяннымъ при-

мѣтами ума, то все, разставшись съ нимъ, вы считали-бы его за человѣка очень умнаго, потому что умъ, когда онъ говорилъ и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, свѣтился въ глазахъ его, гдѣ привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновенія, и это случалось именно въ минуты опасностей; казалось, что огонь сраженія зажигалъ что-то въ душѣ его, — и тогда черты лица вытянутыя, глубокія, вспрыснутыя рябинами, и бакенбарды небрежно отпущенныя и другія мелочныя особенности приходили въ какое-то общее согласіе: изъ мущины невзрачнаго онъ становился генераломъ красивымъ. Глаза его сіяли; онъ командовалъ и, въ буркѣ, съ нагайкою, на простомъ Донцѣ, несся, опережая колонны, чтобъ изъ начальствующаго генерала стать простымъ передовымъ воиномъ. Это былъ нашъ князь Багратіонъ.

Ѳ. Глинка.

(*Очерки Бородинскаго сраженія*).

---

67. Нѣкоторыя черты изъ жизни Пресвятыя Богородицы по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа.

Пречистая Дѣва, посѣтивъ вышеозначенныя страны (*), опять поселилась въ Іерусалимѣ и пребывала въ домѣ Іоанна Богослова на Сіонѣ. Всесильная десница Божія осѣняла и хранила ее отъ завистливой и богоубійственной синагоги жидовской, которая все не преставала враждовать противъ Сына Божія и вѣрующихъ въ Него. Озлобленные Іудеи никакъ не терпѣли бы, чтобы Матерь Іи оставалась въ живыхъ, и скорс били-бы Ее, если-бъ не сохра Пречистую особенное смотр Самого Бога, чтобъ рука не ныхъ не коснулась сего од вленнаго Кивота Божія. Такъ и съ сыномъ Ея Христомъ, Го домъ нашимъ, въ Назаретѣ, отечествѣ, когда всѣ бывш синагогѣ Іудеи разъярились вели было Его на вершину чтобы оттуда свергнуть, но пройдя посреди ихъ, удалил ненавистники не могли тогда ложить на него мучительс рукъ своихъ, ни даже прикос ся къ Нему, потому что сила невидимо Его охраняла и ихъ у живала, ибо часъ Его еще не шелъ. Подобнымъ образомъ з щалъ Господь и Пречистую терь Свою, удерживая злыя Іудеевъ противъ Нея, и ра много разъ нечестивые ихъ ты на погубленіе Пресвятой Итакъ она жила въ Іерусал какъ овца посреди волковъ, лилія средь терновъ, и тѣмъ о дывала глаголы праотца Да часто Ею повторяемые: «Го просвѣщеніе мое и Спаситель кого убоюся? Господь защит живота моего, отъ кого устра аще ополчится на мя полкъ убоится сердце мое; аще во нетъ на мя брань, на Нег уповаю. Аще пойду посредѣ смертныя, не убоюся зла, як Сыне и Боже мой, со мною е

По прошествіи тринадцати послѣ вознесенія Христова, ходилъ посѣтить Пречистую и поклониться Ей Св. Діо Ареопагитъ, обращенный Св. ломъ въ Аѳинахъ. Сильно ж

(*) Кипръ, Эфесъ, Антіохію, Аѳонскую гору.

мъ увидѣть Матерь Божію и, послѣ трехлѣтняго неразлучнаго пребыванія со своимъ учителемъ, Св. Апостоломъ Павломъ, съ его благословенія, нарочно отправился въ Іерусалимъ, гдѣ, увидѣвъ давно желаемую, исполнился духовнаго утѣшенія, и вотъ что писалъ къ Апостолу Павлу:

«Признаюсь и исповѣдую предъ Богомъ, о славный учитель и путеводитель нашъ, что мнѣ невѣроятнымъ казалось, чтобы могло быть еще существо, такъ обильно исполненное Божественной силы и дивной благодати, кромѣ самого вышняго Бога. Никакой человѣкъ умомъ своимъ того постигнуть не можетъ, что я видѣлъ не только душевными, но и тѣлесными очами. Да! я видѣлъ собственными очами Богообразную, и выше всѣхъ Духовъ небесныхъ святѣйшую, Матерь Христа Іисуса, Господа нашего. Я удостоился этого по особенной благодати Божіей, по благоволенію высшаго изъ Апостоловъ и по неисповѣдимой благости и милосердію самой Пресвятой Дѣвы. Еще и еще исповѣдую предъ всемогуществомъ Божіимъ, предъ благодатію Спасителя и предъ преславнымъ совершенствомъ Дѣвы Матери Его то, что когда Іоаннъ, верховный Апостолъ и высшій Пророковъ, сіяющій въ земной жизни своей, какъ солнце на небеси, ввелъ меня предъ лице Богообразной и Пресвятой Дѣвы, то меня озарилъ не только извнѣ, но и изнутри столь великій и безмѣрный свѣтъ Божественный, и кругомъ разлились столь дивные ароматы и благоуханія, что ни тѣло мое немощное, ни даже духъ мой не могли вынести столь чудныхъ знаменій и начатковъ вѣчнаго блаженства. Изнемогло сердце мое, изнемогъ духъ мой во мнѣ отъ Ея славы и Божественной благодати. Свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ, рожденнымъ отъ Ея дѣвической утробы, что если-бъ не были твои Божественныя наставленія и законы еще такъ свѣжи въ моей памяти и новопросвѣщенномъ умѣ, то я почелъ-бы Ее истиннымъ Богомъ и почтилъ-бы Ее поклоненіемъ, какое должно воздавать одному истинному Богу. Человѣкъ не можетъ постигнуть блаженства, чести и славы выше того блаженства, котораго я удостоился, увидя Пресвятую. Я былъ тогда совершенно счастливъ! Благодарю Всевышняго, милосердаго Бога, Божественную Дѣву и преславнаго Апостола Іоанна и тебя, верховнаго предстоятеля и начальника церкви, за то, что ты явилъ мнѣ высочайшее изъ благодѣяній.» Такъ пишетъ въ своемъ посланіи Св. Діонисій. Изъ сего посланія можно видѣть и понять, какую Божественную благодать имѣла въ лицѣ Своемъ Пресвятая Владычица, живши на землѣ; какъ просвѣщала Она души и какою духовною радостью услаждала сердца тѣхъ, которые удостоивались увидѣть Ее еще во плоти. Множество новопросвѣщенныхъ обоего пола стекались къ Ней отовсюду. Какъ истинная Мать, Она всѣхъ равно принимала, радовала и надѣляла Своею благодатію. Больныхъ исцѣляла, немощнымъ возвращала здравіе, печальнымъ подавала утѣшеніе, грѣшниковъ исправляла и всѣхъ утверждала въ вѣрѣ, укрѣпляла въ надеждѣ и проливала въ сердце сладость любви Божественной.

Св. Амвросій изобразилъ свойства Пресвятыя Дѣвы во время

земной Ея жизни слѣдующими чертами: «Она была дѣвою не только по плоти, но и по духу. Сердце Ея было полно смиренія, въ словахъ была Она Богомудренна, въ разговорахъ не скора; всегда занята чтеніемъ; въ трудахъ бодра; въ бесѣдѣ цѣломудренна, какъ-бы всегда бесѣдовала съ Богомъ, а не съ людьми. Она никого не обижала, напротивъ желала всѣмъ добра; никого не презирала, даже и самаго убогаго человѣка; ни надъ кѣмъ не смѣялась; во всемъ видѣла только добро. Изъ устъ Ея излетали только слова благодати, а въ дѣлахъ видѣлись скромность и дѣвственность. Ея наружный образъ показывалъ внутреннее совершенство, выражая незлобіе и милосердіе.»—У Епифанія и Никифора также есть описаніе Его красоты душевной и тѣлесной. Вотъ какъ они Ее описываютъ: «Въ каждомъ дѣлѣ Она была исполнена кроткой важности и постоянна. Говорила очень мало, только о нужномъ, и слова Ея были сладостны; охотно выслушивала другихъ и отдавала всякому должное почтеніе. Въ своихъ бесѣдахъ Она сохраняла всегда благоприличіе, никогда не смѣялась и не приходила въ возмущеніе. Обхожденіе Ея было кроткое и безъ гнѣва. Ростъ Ея былъ средній, цвѣтъ лица, какъ цвѣтъ зерна пшеничнаго; волосы свѣтлорусые, очи ясныя, взоръ острый, зѣницы подобны плоду масличному; брови немного наклоненныя и темныя; носъ не короткій; уста подобныя цвѣту розы и сладкословесныя; лице продолговатое, также и пальцы продолговатые. Въ Ней не было никакой гордости, а простота безъ малѣйшаго притворства; не было никакой изнѣженности, а во всемъ совершенное смиреніе. Ея одежды были простыя и невыкрашенныя, чему доказательствомъ служитъ Ея покрывало, которое и донынѣ сохраняется. Однимъ словомъ, во всѣхъ дѣлахъ Ея божественно сіяла преизобильная благодать.» — Так Епифаній и Никифоръ описали Ее тѣлесный образъ и духовныя свойства, коими Она облечена была на землѣ.

Живя въ домѣ Іоанна Богослова, Пречистая Дѣва часто посѣщала мѣста, освященныя стопами и кровію Ея любезнѣйшаго Сына. Часто ходила и въ Виѳлеемъ, гдѣ Онъ неизреченно родился отъ Нея, сохранивъ Ея дѣвство невредимо. А всего болѣе любила уединяться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ претерпѣлъ вольную страсть, и обливала ихъ слезами материнской любви, говоря: «Здѣсь любезнѣйшій Сынъ мой былъ мучимъ; здѣсь вѣнчали Его вѣнцемъ терновымъ; здѣсь изнемогъ Онъ подъ крестомъ, а здѣсь былъ распятъ.» Но при гробѣ Его сердце Ея исполнялось несказаннымъ веселіемъ, и Она со слезами радостными говорила: «Здѣсь Его погребли, и въ третій день Онъ воскресъ!» Пишутъ также, что нѣкоторые изъ ненавистниковъ іудейскихъ донесли архіереямъ и книжникамъ, что Марія, Матерь Іисуса, ходитъ каждый день на Голгоѳу, и предъ гробомъ, въ которомъ положенъ былъ Іисусъ, преклоняетъ колѣна, плачетъ и воскуряетъ благовонный ѳиміамъ. Архіереи и книжники тотчасъ приставили стражу, чтобъ никто изъ христіанъ не смѣлъ подходить къ Святому гробу. Изъ этого можно видѣть, что еще въ то время началось у христіанъ благочестивое

быкновеніе посѣщать святыя мѣста и поклоняться на нихъ Христу, острадавшему за насъ вольною трастію. Путь и примѣръ этого бычая показала намъ, первая, Богородица, которой послѣдовали и другіе святые мужи и жены. Арсіереи и книжники, дышавшіе ненавистью и убійствомъ, приставили, какъ сказано выше, стражу ко гробу, чтобъ никого туда не пускать, а самую Матерь Христа убить. Но Богъ ослѣпилъ очи стражей: они не видали ни Пресвятой Дѣвы, которая, по своему обыкновенію, все продолжала приходить ко гробу, ни тѣхъ женъ, которыя приходивали съ Нею. Долго стоявшіе у гроба стражи донесли наконецъ архіереямъ и книжникамъ, и даже клятвою подтвердили, что они никого приходящаго ко гробу не видали. Часто также приходила Владычица на гору Елеонскую, съ которой Христосъ вознесся, и, преклоняя тамъ колѣна, лобызала стопы Христовы, отъ которыхъ слѣдъ остался выпечатаннымъ на камнѣ. Съ какимъ плачемъ молила Она Сына и Бога Своего, чтобъ Онъ взялъ Ее къ Себѣ! Пламеннѣе Св. Павла желала Она отрѣшиться отъ тѣла и жить со Христомъ. Какъ часто Она повторяла слова Давида: Когда пріиду, и явлюся лицу Божію! Была слезы моя мнѣ хлѣбъ день и нощь!» Какъ часто взывала: «Когда узрю прелюбезнаго моего Сына, когда пріиду къ Нему, сидящему одесную Бога Отца? Когда предстану престолу славы Его? Когда насыщуся Его лицезрѣніемъ? О, пресладкій Мой Сыне и Боже! Время ущедрити Сіона, время помиловати мя, Матерь Твою, въ плачевной пра сего юдоли, доселѣ безъ зрѣнія пресвятаго Твоего лица сѣтующую: изведи уже, аки изъ темницы, отъ тѣла душу мою! Иже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже, да насыщуся, внегда явитмися слава Твоя!»

Пресвятая Дѣва иногда долго оставалась на горѣ Елеонской, за тѣмъ, что на ней находилось селеніе Геѳсиманія и тутъ-же на подгорьѣ небольшой участокъ Зеведеевъ съ садами, составлявшій наслѣдство Іоанна Богослова. Въ этомъ-то самомъ вертоградѣ Господь нашъ, прежде вольной Своей страсти, падая на колѣни предъ Отцемъ Своимъ, молился, и кровавый потъ капалъ съ чела Его. Послѣ, въ этомъ-же самомъ вертоградѣ, Его Пречистая Матерь, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и Онъ, проливала теплыя молитвы на колѣняхъ со слезами и была утѣшена Богомъ чрезъ извѣщеніе Ангела о Ея скоромъ преставленіи. По свидѣтельству греческаго историка Георгія Кедрина, Ангелъ являлся къ Ней два раза: въ первый разъ за пятнадцать дней, въ другой за три дня до Ея успенія, и, въ этотъ разъ, принесъ Ей финиковую вѣтвь изъ рая, которую послѣ несъ передъ гробомъ Богородицы Іоаннъ Богословъ. Нѣкоторые (какъ-то: Мелитонъ, епископъ сардійскій) пишутъ, что и Св. Іоаннъ Богословъ прежде успенія Богородицы отлучался въ Ефесъ, и оттуда, также какъ прочіе Апостолы, только прежде другихъ, былъ восхищенъ облакомъ и принесенъ въ домъ свой. Но другіе, какъ Метафрастъ и Софроній, разсказываютъ, что Св. Іоаннъ, усыновленный Пречистою, не отлучался никогда отъ Нея и служилъ Ей, какъ почтительный сынъ своей матери, имѣя Ее въ

своемъ дому до самой Ея блаженной кончины. Только на очень короткое время отлучался онъ въ окрестные города, какъ о томъ упоминается и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, что онъ былъ съ Петромъ въ Самаріи; впрочемъ онъ оставлялъ Пречистую не иначе, какъ съ Ея благословенія, и возвращался къ Ней немедленно опять въ Іерусалимъ. Во время его отсутствія заступалъ мѣсто его служенія при Пречистой Дѣвѣ Св. Іаковъ, братъ Божій, который пребывалъ всегда въ Іерусалимѣ на своемъ святительскомъ престолѣ. Вотъ все, что собрано и написано о жизни Пречистой Дѣвы по вознесеніи Іисуса Христа до самаго Ея ѹспенія.

Авдотья Глинка.

(*Житіе Пресв. Богородицы*).

---

68. Александръ Великій.

Въ исторіи немного именъ, съ которыми связано столько славы и столько упрековъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ состояніи находилась Греція въ эпоху, когда выступилъ Александръ на поприще исторіи. То была пора разложенія греческой городовой жизни, пора перехода отъ республиканскихъ формъ къ монархическимъ. На какую бы часть Греціи мы ни взглянули, вездѣ видимъ подъ пестротою разнообразныхъ явленій одинъ и тотъ же упадокъ коренныхъ основъ греческой цивилизаціи. Пелопонесская война положила конецъ блестящему, не повторенному болѣе исторіею, развитію греческой жизни. Въ борьбѣ Доризма и Іонизма рушилось прекрасное равновѣсіе стихій, изъ которыхъ слагалась эта жизнь, и сокрушились силы, сгладились лучшія особенности тѣхъ республикъ, которыя дотолѣ стояли по праву во главѣ остальной Греціи. Спарта заплатила за свою побѣду утратою внутреннихъ условій своего могущества. За нею осталась слава военныхъ доблестей, но простота древняго быта исчезла невозвратно. Корыстолюбіе и лицемѣріе, прикрывавшія наружною грубостію внутреннюю порчу, стали отличительными чертами ея гражданъ, нагло торговавшихъ выгодами и честію цѣлой Греціи. Въ болѣе привлекательномъ видѣ являются Аѳины; но отъ Аѳинянъ IV вѣка не должно также требовать строгихъ доблестей Марѳонскаго поколѣнія или изящныхъ свойствъ демоса современнаго Периклу. Нужно ли говорить о Ѳивахъ, которыхъ мимолетное величіе было дѣломъ двухъ великихъ мужей, унесшихъ съ собою въ могилу недоконченныя начинанія свои? Едва ли могло удаться Эпаминонду задуманное имъ политическое преобразованіе Греціи; но онъ, противъ воли и вѣдома, окончательно поколебалъ и безъ того шаткія основы древняго гражданскаго и религіознаго быта. Словомъ, распаденіе городовой жизни и республиканскихъ формъ очевидно. Но какія же формы замѣнятъ ихъ? Какая другая жизнь загорится на этихъ еще сохранившихъ часть первобытной красоты развалинахъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовилось дать новое государство, лежавшее внѣ предѣловъ настоящей Греціи, на сѣверъ отъ нея, но тѣсно съ нею связанное племенными узами и образованностію, которую высшія сословія македонскаго народа черпали изъ Греціи. Давно уже македонскіе государи

принимали участіе въ дѣлахъ греческихъ республикъ, но участіе это опредѣлялось не столько честолюбивыми замыслами и надеждами этихъ государей, сколько желаніемъ ихъ найти себѣ опору противъ враговъ въ союзѣ съ Аѳинами, Спартою или наконецъ Ѳивами. Такое отношеніе между Греками и Македонцами продолжалось до Филиппа. Священная война дала ему возможность вмѣшаться въ распри греческихъ республикъ, не второстепеннымъ союзникомъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, а рѣшителемъ спора. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Херонейская битва уничтожила послѣднія надежды людей, вѣрившихъ въ возможность возстановленія прежняго порядка вещей. Филиппъ былъ признанъ главою соединенныхъ греческихъ силъ. Для какой же цѣли?

Я сказалъ выше о всестороннемъ разложеніи греческой жизни. Оно обнаруживалось не только въ сферѣ политической, но и въ сферѣ духовной. Аристотель былъ величайшимъ, но въ то же время послѣднимъ самостоятельнымъ дѣлателемъ греческой науки; искуство остановилось еще ранѣе. Къ концу IV-го столѣтія образованность Греціи принесла уже и цвѣтъ и плодъ свой. Она еще красовалась дивнымъ богатствомъ изящныхъ формъ и великихъ идей, но органическое развитіе ея кончилось и дальнѣйшаго роста отъ нея нельзя было ждать. Ей предстояло перейти къ другимъ народамъ и принять въ себя извнѣ, чрезъ сближеніе съ новыми, ей чуждыми стихіями, сѣмена новаго развитія. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако заключить, что въ разбираемую нами эпоху греческой исторіи не было вовсе дѣятельности и потребности въ ней. Напротивъ, потребность дѣятельности была большая, но ей не было удовлетворенія. Поколѣніямъ IV-го столѣтія казался узкимъ театръ, на которомъ отцы ихъ совершали свои безсмертные подвиги. Обмелѣвшая городская жизнь не представляла болѣе честолюбивому гражданину достаточнаго простора. Личныя цѣли отдѣльныхъ гражданъ превосходили объемомъ силы и средства ослабѣвшихъ республикъ. Слѣдствіемъ этого хода вещей былъ совершенный упадокъ мѣстнаго патріотизма и стремленіе открыть внѣ предѣловъ родины поприще достойное накопившихся и праздныхъ силъ. Такимъ поприщемъ могъ служить только востокъ, именно Персія, въ которой съ конца V столѣтія постоянно играютъ важную роль греческіе наемники. Въ рядахъ этихъ продажныхъ дружинъ стояли нерѣдко лучшіе люди Аѳинъ и Спарты, скучавшіе мелкими вопросами и распрями, занимавшими ихъ родину. Они-то принесли съ собою изъ далекихъ походовъ, предпринятыхъ въ глубь владѣній великаго царя, мысль о возможности завоевать государство, обнимавшее цѣлую треть Азіи. Мысль эта перешла отъ воиновъ къ государственнымъ людямъ и писателямъ Греціи. По трудности исполненія, по важности результатовъ, такое предпріятіе достойно было вниманія величайшихъ умовъ и благороднѣйшихъ сердецъ. Рѣчь шла не объ одной славѣ или добычѣ, а о политическомъ возстановленіи Греціи, о замѣнѣ умиравшихъ мѣстныхъ интересовъ однимъ обще-эллинскимъ. Разсказы наемниковъ и сочиненія извѣстныхъ писателей,

напр. Исократа, равно дѣйствовали на общественное мнѣніе и подготовляли его къ дѣлу, которое годъ отъ году казалось не только болѣе возможнымъ, но даже необходимымъ. При внутреннемъ безсиліи отдѣльныхъ частей, соединенная Греція располагала огромными средствами для войны наступательной. У мыса Тенара, въ другихъ такихъ же сборныхъ мѣстахъ, тысячи наемниковъ продавали свою отвагу и знаніе военнаго дѣла любому покупщику. Когда Филиппъ сталъ во главѣ Греціи и объявилъ походъ противъ Персовъ, онъ столько же слѣдовалъ внушеніямъ собственнаго честолюбія, сколько требованіямъ общественнаго мнѣнія. Ему, какъ видите, досталось на долю быть только исполнителемъ мысли давно задуманной и уже громко высказанной. Походы Агезилая въ малой Азіи были первою попыткою ея осуществленія. Филиппъ погибъ въ 336 г., среди приготовленій къ великому предпріятію. Мѣсто его заступилъ сынъ его Александръ. Трудно было начать царствованіе при обстоятельствахъ болѣе неблагопріятныхъ. Вся Греція встрепенулась при одномъ извѣстіи о смерти Филиппа. Демосѳенъ забылъ недавнюю утрату дочери, сложилъ съ себя трауръ и, увѣнчанный цвѣтами, пришелъ на площадь возвѣстить Аѳинянамъ о смерти македонскаго царя. Греція взволновалась отъ одного конца до другаго, увлеченная надеждами на возвратъ невозвратимыхъ формъ ея прежней жизни. Филиппъ погибъ вслѣдствіе заговора. Неизвѣстно, кто былъ зачинщикомъ заговора. Знаемъ только, что въ немъ принимали участіе мать Александра, *Олимпія, македонская* аристократія и персидскій дворъ. Дѣло шло о перемѣнѣ династіи. Силы заговорщиковъ были велики. Одинъ изъ главныхъ, Атталъ, стоялъ во главѣ сильнаго отряда въ малой Азіи. На сѣверѣ и на западѣ поднялись новые враги — полудикія племена ѳракійскія и иллирійскія, хотѣвшія воспользоваться молодостью царя. Во всѣ стороны долженъ былъ озираться Александръ, противъ всѣхъ опасностей долженъ былъ находить средства. Но эти средства онъ нашелъ въ себѣ самомъ. Прежде всего онъ устремился на Ѳракію. Двадцатилѣтній полководецъ совершилъ изумительный походъ, прошелъ черезъ Балканскія ущелья, переправился чрезъ Дунай, разбилъ Гетовъ на противоположномъ берегу и заставилъ Ѳракійцевъ дать себѣ въ видѣ заложниковъ такія войска, которыя могли ему служить съ пользою противъ Персовъ. На возвратномъ пути онъ разбилъ Иллирійцевъ и взялъ съ нихъ такую же дань людьми, усиливая войско свое разноплеменными, приспособленными къ войнѣ всякаго рода отрядами.

Но въ Греціи гроза увеличивалась. Ѳивы поднялись явно и отбили стоявшій въ ихъ городѣ македонскій гарнизонъ; Аѳины вооружились; жители Пелопонеса шли на помощь Ѳивамъ. Никто не хотѣлъ вѣрить счастливому окончанію Александрова похода противъ Ѳракійцевъ. А между тѣмъ Александръ прошелъ непроходимыя ущелья Пинда и явился подъ стѣнами Ѳивъ. Городъ палъ; жители были наказаны за попытку возстанія и безполезное упорство защиты, смертію и продажею въ рабство. Александръ долженъ былъ съ одной стороны уступить требованіямъ по-

могавшихъ ему Віотійцевъ, которые ненавидѣли Ѳиванцевъ; съ другой, онъ хотѣлъ строгимъ примѣромъ внушить страхъ остальнымъ Грекамъ и отбить у нихъ охоту къ подобнымъ возстаніямъ во время предстоявшей войны съ Персами. Доказательствомъ, что судьба разрушеннаго города лежала на сердцѣ Александра, можетъ служить его кроткое обращеніе съ тѣми Ѳиванцами, которые воевали противъ него въ рядахъ персидскихъ и были взяты въ плѣнъ. Паденіе Ѳивъ ужаснуло взявшуюся за оружіе Грецію и охладило ея вольнолюбивый порывъ. Тогда заполкъ и великій голосъ Демосѳена, единственнаго противника, который могъ быть опасенъ Александру. Демосѳенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ трагическихъ, одиноко стоящихъ въ исторіи личностей, въ которыхъ горячая любовь къ прошедшему соединяется съ яснымъ сознаніемъ невозможности призвать его снова къ бытію. Онъ хотѣлъ удержать, покрайней мѣрѣ, тѣ части этого прошедшаго, въ которыхъ еще были признаки жизни, и безъ устали боролся съ Филиппомъ, въ которомъ, не безъ основанія, видѣлъ самаго опаснаго врага греческой старины. Ѳивы пали и Демосѳенъ отказался отъ безнадежнаго спора. Онъ понялъ, что дѣло, начатое Филиппомъ, перешло въ болѣе крѣпкія, непобѣдимыя руки. Въ самомъ дѣлѣ, что могла противопоставить Греція двадцати двухлѣтнему вождю, на котораго природа и судьба расточили дары свои? Ему дана была даже внѣшняя красота, такъ сильно дѣйствовавшая на народъ, по преимуществу одаренный художественнымъ чувствомъ изящной формы. Женственная прелесть его лица смѣнялась иногда грознымъ выраженіемъ, напоминавшимъ гнѣвнаго Зевса. Кассандръ не могъ забыть этого выраженія много лѣтъ послѣ смерти Александровой и, будучи самъ царемъ македонскимъ, содрогался при видѣ статуй своего великаго предшественника. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какое воспитаніе далъ сыну Филиппъ. Аристотель передалъ своему ученику все богатство идей выработанныхъ до него греческою наукою и можно безъ преувеличенія сказать, что ученикъ сталъ во многомъ выше наставника. Греція, съ такою непріязнію принявшая вѣсть о вступленіи Александра на македонскій престолъ, поддалась вскорѣ обаянію его личности и привязалась къ нему съ тою способностью увлеченія, которую она сохранила отъ юныхъ дней своей исторіи. Могли ли Аѳины долго враждовать противъ изящнаго юноши, въ которомъ воплотились прекраснѣйшія стороны греческаго ума и характера? Кому, какъ не ему, было докончить поэтическій подвигъ начатый гомерическими героями, съ которыми онъ представлялъ такое поразительное сходство?

Многіе историки возводятъ на Александра слѣдующее обвиненіе. Они говорятъ, что онъ началъ свое предпріятіе, какъ искатель приключеній, что онъ позабылъ обезпечить себѣ возвратъ и игралъ судьбою какъ отчаянный игрокъ, а не какъ истинно великій человѣкъ. На это легко отвѣчать. Александръ не даромъ вслушивался съ дѣтскихъ лѣтъ въ разсказы о Персіи; не даромъ онъ, еще будучи ребенкомъ, распрашивалъ персидскихъ пословъ о силахъ ихъ царя, о путяхъ ведущихъ къ его столицамъ,

о разноплеменныхъ народахъ составляющихъ его государство. Начиная походъ, онъ глубоко зналъ средства, какими располагалъ непріятель, и на этомъ основаніи расположилъ планъ будущихъ дѣйствій. Если бы могущество государствъ измѣрялось числомъ квадратныхъ миль, которое они занимаютъ, и количествомъ народонаселенія, то конечно борьба съ Персіею могла бы казаться безуміемъ; но Александръ иначе понималъ государство: онъ зналъ, что кромѣ внѣшнихъ силъ есть въ немъ другія — нравственныя, которыя въ великихъ борьбахъ народовъ всегда берутъ перевѣсъ. Ему было извѣстно, что Персидское царство, связанное завоеваніями Кира изъ разнородныхъ племенъ, разлагалось на составныя свои части, и что во многихъ сатрапіяхъ уже введена была наслѣдственность. Каждый сатрапъ считалъ себя самовластнымъ правителемъ ввѣренной ему области и мало заботился о выгодахъ цѣлаго государства. Недавнія смуты еще болѣе ослабили власть царя, отъ большей или меньшей крѣпости которой зависѣла дальнѣйшая судьба Персіи. Съ другой стороны должно сказать, что матеріальныя средства Персіи были огромны, почти неистощимы. Нужна была только опытная рука, для того чтобы привести въ дѣйствіе праздныя силы и возвратить государству положеніе, въ какомъ оно находилось при первомъ Даріи. Къ несчастію для Александра и къ большей славѣ его, въ это время въ Персіи была такая рука. Вождемъ греческихъ наемниковъ въ персидской службѣ былъ Мемнонъ, родомъ изъ Родоса, человѣкъ геніальныхъ способностей, но внутренно испорченный, отрекшійся отъ своей родины, совершенно преданный Персіи. Онъ не ослѣплялъ себя подобно Дарію и персидскимъ сатрапамъ, на счетъ грозившей опасности, и предложилъ средство къ ея отвращенію. Онъ говорилъ: въ чистомъ полѣ мы не можемъ бороться съ Александромъ; а между тѣмъ у насъ есть деньги и флотъ; въ тылу у Александра мы составимъ наемное греческое войско и перенесемъ войну на македонскую почву. Греція не устоитъ противъ двойнаго искушенія корысти и свободы. Планъ Мемнона поддерживали многочисленные Греки, вступившіе въ персидскую службу не изъ однихъ только корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ. Благороднѣйшіе аѳинскіе граждане находились въ то время въ станѣ Дарія и готовились къ войнѣ противъ соотечественниковъ. Они понимали, что походъ Александра рѣшитъ вопросъ о самостоятельномъ существованіи ихъ родины. Завоевателю Персіи конечно не трудно было бы управиться съ Аѳинами или Спартою. Нѣкоторые изъ этихъ выходцевъ носили громкія имена и были во всѣхъ отношеніяхъ противниками достойными Александра. Таковы были между прочими Эфіальтъ и Леосѳенъ, впослѣдствіи извѣстный вождь ламійской войны. Расчеты Александра на оплошность враговъ оказались, по видимому, ложными. Его ждали въ Азіи не одни нестройныя ополченія сатраповъ, а съ ними вмѣстѣ опытныя греческія войска, подъ начальствомъ превосходныхъ вождей. Планъ Мемнона былъ тщательно обдуманъ и исполненіе ввѣрено надежнымъ людямъ. Александръ велъ

съ собою менѣе 40 тысячъ человѣкъ, но составъ этой арміи былъ изумительный. Она заключала въ себѣ, какъ уже было замѣчено выше, самые разнообразные роды войскъ. При ней былъ устроенъ даже генеральный штабъ, раздѣленный на два отдѣленія, изъ которыхъ одно занималось исключительно составленіемъ картъ и плановъ, другому ввѣрены были инженерныя работы. Нашей артиллеріи соотвѣтствовали стѣнобитныя и другія орудія, изъ подробнаго описанія которыхъ можно составить себѣ понятіе о высокомъ состояніи математическихъ наукъ въ то время. Денежныя средства македонскаго царя были несравненно ниже его замысловъ. Въ началѣ похода у него оставалось не болѣе ста тысячъ рублей на наши деньги, но онъ зналъ, что война питаетъ войну и не заботился о предстоящихъ издержкахъ.

Когда македонскія войска переправились въ малую Азію, планъ Мемнона еще не былъ приведенъ въ исполненіе персидскимъ правительствомъ, и потому Александръ получилъ возможность одержать блестящую побѣду при Граникѣ. Другаго полководца, конечно, увлекла бы далѣе свѣжая, только что пріобрѣтенная слава, но Александръ не поддался искушенію. Вмѣсто того чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, онъ пошелъ назадъ и обратилъ всѣ свои усилія противъ приморскихъ городовъ. Ему нужно было отрѣзать персидскій флотъ отъ гаваней, въ которыхъ онъ находилъ убѣжище и запасы. Города сдавались одинъ за другимъ; упорнѣе прочихъ держался Галикарнассъ, защищаемый Аѳинянинномъ, Эліалтомъ. Эліалтъ былъ убитъ и Галикарнассъ отворилъ ворота побѣдителю. Впрочемъ Македонцы были обязаны своими быстрыми успѣхами въ Малой Азіи не одному оружію. Александръ явился тамъ не какъ врагъ и иноплеменникъ, а какъ освободитель отъ чужеземнаго ига. Еще предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, совершилъ онъ близь развалинъ древней Трои великолѣпныя поминки Ахиллу и Патроклу, предшественникамъ своимъ въ нескончаемой распрѣ запада съ востокомъ, и связалъ такимъ образомъ свое предпріятіе съ эпическими преданіями греческаго міра. Находившіеся подъ персидскимъ владычествомъ мало-азіатскіе города получили отъ него обѣщаніе политической самостоятельности. Богамъ каждаго изъ племенъ, чрезъ земли которыхъ лежалъ побѣдный путь Македонцевъ, были принесены жертвы и поклоненіе. Однимъ словомъ, онъ вызвалъ къ жизни почти утраченныя надежды давно уже отвыкшихъ отъ независимости народностей. Въ особенности привлекъ онъ къ себѣ много сердецъ тѣмъ уваженіемъ, какое вездѣ оказывалъ мѣстнымъ религіознымъ вѣрованіямъ, на которыя не безъ презрѣнія смотрѣли Персы.

Битва при Иссѣ была еще рѣшительнѣе Граникской. Персидскій царь долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, оставляя юному побѣдителю свои сокровища и свое семейство. Къ довершенію несчастія Персовъ, Мемнона уже не было въ живыхъ. Но Александръ оставался вѣренъ своему плану и не соблазнился возможностію овладѣть столицами Дарія. Онъ пошелъ вдоль береговъ Сиріи и продолжалъ отбирать города. Одинъ только Тиръ оказалъ ему сопротивленіе; семь

мѣсяцевъ длилась осада, въ которой истощены были всѣ средства военной науки древнихъ. Съ паденіемъ Тира кончилась опасность, грозившая Александру: персидскаго флота не стало. Финикіяне отозвали свой участокъ; остальныя персидскія суда не имѣли болѣе значенія. Такимъ образомъ на сушѣ Александръ уничтожилъ персидскій флотъ и планъ Мемнона.

Завоеваніе Египта не представило Александру почти никакихъ трудностей. Здѣсь еще живо и памятно было кровавое нашествіе Артаксеркса Оха; свѣжа и глубока была ненависть къ Персамъ. Александръ не оскорбилъ народныхъ святынь и обычаевъ Египта. Онъ поклонился Апису, почтительно бесѣдовалъ съ жрецами и поставилъ начальниками отдѣльныхъ областей номарховъ, взятыхъ изъ Египтянъ; только военное и финансовое управленіе края ввѣрилъ онъ Грекамъ и Македонцамъ. На западъ отъ нильской дельты угадалъ онъ всемірно-историческое мѣсто, на которомъ воздвигнулъ Александрію. Если бы онъ не совершилъ ничего другаго, то одного этого дѣла было бы довольно для того, чтобы упрочить за нимъ названіе великаго, потому-что Александріи суждено было въ продолженіи многихъ вѣковъ быть складочнымъ мѣстомъ не только всемірной торговли, но всемірной образованности. Сюда сошлись для долгой, вѣковой бесѣды, идеи запада и востока.

Походъ Александра въ ливійскій оазисъ, гдѣ находилось знаменитое прорицалище Аммона-Ра, подалъ поводъ къ многимъ толкамъ и недоразумѣніямъ, какъ въ древности, такъ и въ новое время. Съ какою цѣлью ходилъ македонскій завоеватель чрезъ знойныя степи, нѣкогда засыпавшія песками своими войска Камбизовы? Неужели ученикъ Аристотеля могъ дорожить суетнымъ названіемъ сына Аммонова, которое дали ему жрецы таинственнаго божества пустыни? или ему нужно было новое средство дѣйствовать на суевѣріе толпы? Смѣемъ думать, что въ этомъ случаѣ участвовали оба побужденія. О рожденіи Александра уже ходили странные слухи между его соотечественниками. Мать его Олимпія слыла волшебницею. Македонцы говорили, что она родила Александра отъ Зевса, а не отъ Филиппа, который по этому не любилъ ни жену, ни сына. Свидѣтельство Аммонова оракула сообщило новое значеніе этимъ толкамъ. Самъ Александръ впрочемъ не былъ чуждъ суевѣрія. Извѣстно, съ какою радостію принялъ онъ слово Пиѳіи, назвавшей его неодолимымъ. Онъ посѣтилъ нарочно Гордіумъ, дабы разсѣчь тамъ узелъ, съ которымъ было связано предсказаніе о владычествѣ надъ Азіею. Онъ желалъ напередъ оправдать народныя предчувствія, хотѣлъ, чтобы на него смотрѣли какъ на совершителя того, что уже давно было предсказано богами. Политическій расчетъ и глубокое пониманіе востока совпадали здѣсь съ собственнымъ поэтически-религіознымъ настроеніемъ духа. Принося жертвы и поклоненіе разнообразнымъ божествамъ тѣхъ странъ, въ которыя проникло его оружіе, Александръ удовлетворялъ двоякой потребности. Съ одной стороны, побѣжденные имъ народы забывали его иноплеменное происхожденіе и смотрѣли на него, какъ на единовѣрца. Съ другой таинственные миѳы восточныхъ ре-

лигій влекли къ себѣ умъ, стоявшій высоко надъ сухимъ скептицизмомъ, который тогда господствовалъ въ Греціи.

По ту сторону Тигра, не далеко отъ Арбелъ, далъ Александръ послѣднюю битву Дарію. У Дарія было покрайней мѣрѣ вдесятеро болѣе войскъ, чѣмъ у его противника. Греческіе наемники и самыя воинственныя племена персидскаго государства были еще разъ призваны вмѣстѣ къ защитѣ Кировой монархіи. Смѣлый и опытный Парменіонъ оробѣлъ при видѣ многочисленныхъ враговъ. Онъ совѣтовалъ Александру начать битву ночью и получилъ въ отвѣтъ, что побѣды скрывать не должно. Завистники и враги Александра говорили, что онъ обязанъ большею частью своей славы полководцамъ, которыхъ образовалъ для него Филиппъ. Александръ могъ по праву сказать объ Арбельской, самой трудной изъ одержанныхъ имъ дотолѣ побѣдъ, что онъ выигралъ ее самъ. Дѣло было потеряно, когда личное мужество и распорядительность молодаго царя возстановили сраженіе и обратили его въ пользу Македонцевъ. Успѣхъ былъ тѣмъ значительнѣе, что Персы бились съ большею храбростію, чѣмъ когда либо. Ихъ конница ворвалась въ ряды македонской пѣхоты; фаланга была разстроена; лѣвое крыло подъ начальствомъ Парменіона почти разбито. Смѣлый напоръ праваго крыла, предводимаго самимъ царемъ, измѣнилъ ходъ дѣла и былъ причиною совершеннаго пораженія Персовъ. На этотъ разъ зависть должна была умолкнуть и признать въ Александрѣ достойнаго вождя побѣдителей. Война казалась почти конченною. Лучшія земли Дарія находились во власти его враговъ; за нимъ оставалось только бѣдныя, но населенныя воинственными племенами, области сѣверовосточной Персіи. Утомленные Македонцы и Греки требовали раздѣла богатой и готовой добычи. Но въ умѣ Александра зрѣли другія намѣренія. Онъ призвалъ къ себѣ знатныхъ Персовъ и объявилъ, что въ его царствѣ не можетъ быть различія между побѣдителями и побѣжденными, что и тѣ и другіе должны слиться въ одну народность, подъ сѣнь одной высшей цивилизаціи. Идея была безконечно велика: но могли ли современники возвыситься до нея? не говорю уже о македонскихъ офицерахъ, которые громко роптали на того, кто, по ихъ мнѣнію, отнималъ у нихъ купленную ихъ кровью добычу, и смотрѣли на Персовъ какъ на рабовъ. Изъ самой Греціи раздались обвинительные, исполненные упрековъ голоса. Даже Аристотель счелъ нужнымъ предостеречь своего ученика и написалъ къ нему письмо, въ которомъ доказывалъ невозможность равенства между Греками и варварами. Эту же мысль, но еще яснѣе, высказалъ стагирскій философъ въ знаменитомъ твореніи своемъ о политикѣ. Онъ говоритъ, что сама природа провела рѣзкую черту между народами, «предназначивъ однихъ къ господству, а другихъ къ вѣчному рабству.» Лучше нельзя было выразить отношеніе Эллина къ иноплеменнику, съ точки зрѣнія перваго; Александръ понималъ эти отношенія иначе и выше. Для него, уже переступившаго чрезъ рубежъ завѣтныхъ греческихъ воззрѣній, различіе между Эллиномъ и варваромъ не имѣло другаго значенія,

кромѣ высшей и низшей образованности. Онъ хотѣлъ удѣлить своимъ новымъ подданнымъ часть тѣхъ духовныхъ благъ, которыя до него были исключительнымъ достояніемъ одного народа. Разумѣется, что такой образъ дѣйствій долженъ былъ доставить ему любовь и признательность покоренныхъ племенъ, но онъ не могъ не вызвать сильнаго неудовольствія со стороны Македонцевъ и Грековъ, обиженныхъ непонятнымъ для нихъ уравненіемъ политическихъ правъ.

Чѣмъ далѣе шелъ Александръ этимъ путемъ, съ котораго онъ не сходилъ уже во все продолженіе своей жизни, тѣмъ сильнѣе подымалось противъ него негодованіе его воиновъ. Оно не замедлило, какъ увидимъ, выразиться въ преступныхъ замыслахъ на жизнь молодаго царя. Недовольные его мѣрами, люди ставили ему въ вину уваженіе, какое онъ оказывалъ чужимъ богамъ, и называли жертвы, принесенныя имъ въ Мемфисѣ и Вавилонѣ, отступничествомъ отъ чистаго эллинизма. За то въ персидскихъ преданіяхъ объ немъ сохранилось слѣдующее выраженіе: «онъ чтилъ боговъ всѣхъ народовъ, но самъ, казалось, поклонялся единому, высшему божеству.» Въ самомъ дѣлѣ душа его жадно стремилась къ религіозной истинѣ и упорно искала ея подъ загадочными символами, въ которые восточная фантазія облекаетъ самыя возвышенныя чаянія свои. Но могъ ли образованный Грекъ того времени оцѣнить такую потребность духа и не назвать ее суевѣріемъ или притворствомъ?

Краткость отмѣреннаго мнѣ времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, *войти въ нѣкоторыя* подробности о походахъ Александра въ сѣверовосточныхъ областяхъ Даріева государства. Нигдѣ не обнаружился въ такой степени предпріимчивый геній Македонскаго завоевателя. Ему предстояла двоякая борьба съ воинственными жителями и съ негостепріимною природою тѣхъ странъ. Безъ предварительнаго знанія мѣстностей, безъ картъ, безъ надежныхъ проводниковъ, покорилъ Александръ земли, составляющія нынѣшній Туркестанъ, и не остановился предъ ущельями Индѣйскаго Кавказа. Но ему недостаточно было побѣдъ и внѣшней покорности со стороны завоеванныхъ съ такими трудами народовъ. Онъ заставилъ ихъ дѣйствительно примкнуть къ своему новому государству и связалъ ихъ съ нимъ цѣпью названныхъ, большею частію, по его имени колоній. На сѣверномъ берегу Яксарта возникла новая Александрія. Нѣсколько городъ выстроилъ онъ въ другихъ, съ глубокимъ пониманіемъ географическихъ условій, выбранныхъ мѣстахъ и поселилъ тамъ македонскихъ и греческихъ ветерановъ, которымъ даны были обширныя земли и большія льготы. Эти заброшенныя на далекій востокъ колоніи служили передовыми постами греческой цивилизиціи и проводили далѣе тѣ идеи, которыхъ главнымъ сосудомъ былъ самъ Александръ.

Но въ то самое время, когда онъ совершалъ вычисленныя нами вкратцѣ дѣла, на него со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ измѣнѣ обычаямъ родины, въ жестокости и изнѣженности. Отвѣтомъ на послѣдній упрекъ могутъ служить его походы, въ которыхъ онъ несъ всѣ труды и опасности наравнѣ съ простыми воинами. Но мы не въ правѣ

пройти молчаніемъ слуховъ, распространившихся тогда о жестокости македонскаго царя. Александръ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ всѣ качества и недостатки по вліянію своему подлежатъ суду исторіи. Въ доказательство его жестокости обыкновенно приводятъ три случая, которые всѣ относятся къ эпохѣ окончательнаго покоренія послѣднихъ персидскихъ областей, именно: смерть Филота и Парменіона, убійство Клита и участь философа Калисѳена. Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить участіе Александра въ этихъ событіяхъ, доселѣ лежащихъ темными пятнами на его славѣ.

Парменіонъ оказалъ важныя услуги Македоніи еще при Филиппѣ. Въ войскѣ, покорившемъ Персію, онъ безспорно занималъ первое послѣ царя мѣсто. Сынъ его, Филотъ, былъ ровесникъ Александру и товарищъ его дѣтства. Оба они, отецъ и сынъ, принадлежали къ числу генераловъ, недовольныхъ участіемъ, которое Персы получили въ управленіи государствомъ, и не скрывали своихъ мнѣній. Гордясь высокимъ положеніемъ и прежними заслугами, они стали въ главѣ оппозиціи и не только поддерживали ропотъ въ войскѣ, но приняли личное участіе въ составленномъ противъ царя заговорѣ. Вина ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Филотъ былъ казненъ, по приговору наряженнаго надъ нимъ суда. Парменіонъ былъ убитъ посланными къ нему гонцами, потому что огромныя средства, которыя были въ рукахъ стараго полководца, дѣлали невозможнымъ открытое исполненіе состоявшагося также и надъ нимъ приговора.

Смерть Клита показываетъ, въ самомъ ясномъ видѣ, трудныя отношенія Александра къ его генераламъ. Мы уже замѣтили выше, что они были большею частію воспитаны въ школѣ Филиппа и лѣтами старѣе Даріева побѣдителя, на котораго они смотрѣли, какъ на неблагодарнаго ученика своего. Они ставили ему въ укоръ всякое отступленіе отъ умной, но неприложимой къ огромнымъ размѣрамъ новаго государства политики его отца. Геніальные замыслы Александра казались имъ несбыточными грезами самолюбиваго юноши. Намъ уже извѣстно ихъ мнѣніе о его обращеніи съ побѣжденными народами. Къ числу такихъ ограниченныхъ, грубыхъ, но храбрыхъ и въ сущности преданныхъ царю начальниковъ македонской арміи, принадлежалъ Клитъ. Особенныя заслуги дали ему право громче, чѣмъ другіе, обнаруживать свое мнѣніе. Однажды на пиру, гдѣ, по македонскому обычаю, безпрестанно ходили кругомъ кубки съ виномъ, Клитъ разгорячился до того, что вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ осыпалъ бывшаго тутъ же Александра насмѣшками, упрекалъ его въ неблагодарности къ вѣрнымъ слугамъ и въ пристрастіи къ восточнымъ льстивымъ царедворцамъ, доказывая ему притомъ, что онъ несравненно ниже отца своего, Филиппа. Терпѣніе Александра истощилось: онъ вскочилъ и потребовалъ оружія. Друзья вывели вонъ пьянаго Клита. Но онъ успѣлъ уйти отъ нихъ, возвратился назадъ и пропѣлъ Александру сложенную на него въ Греціи оскорбительную пѣсню. Тогда царь вырвалъ у стоявшаго на часахъ воина копье и бросилъ имъ въ

Клита. Вслѣдъ за поступкомъ наступило горькое раскаяніе. Александръ, въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, не отходилъ отъ трупа, плакалъ и не хотѣлъ принимать пищи. Его едва удержали отъ самоубійства. Ни въ какомъ случаѣ здѣсь нельзя найти холодной и обдуманной жестокости. Это было не что иное, какъ взрывъ страстной и нетерпѣливой природы.

Печальная участь Калисѳена также не можетъ служить поводомъ къ обвиненію на Александра. Этотъ философъ, родственникъ Аристотеля, по просьбѣ котораго Александръ взялъ его съ собою въ персидскій походъ, былъ представителемъ худшихъ направленій тогдашней греческой науки. Онъ былъ риторъ и софистъ, замѣнявшій отсутствіе нравственныхъ убѣжденій и недостатокъ основательнаго знанія звонкими фразами о добродѣтели и діалектическою ловкостію. При дворѣ Александра, онъ сначала отличался наглымъ ласкательствомъ, которое наконецъ надоѣло царю. Обиженный философъ присталъ тогда къ партіи недовольныхъ и своими рѣчами сильно дѣйствовалъ на юношей изъ знатныхъ македонскихъ фамилій, которые служили въ царской гвардіи. Нѣкоторые изъ нихъ составили заговоръ съ цѣлью убить Александра. Преступный умыселъ былъ открытъ и нравственное участіе Калисѳена обличено, хотя и не было доказано, что онъ лично принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. Калисѳенъ, по самымъ достовѣрнымъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, умеръ въ заключеніи, во время индѣйскаго похода. Александръ, по видимому, хотѣлъ предать его суду *по возвращеніи въ Европу*, въ присутствіи Аристотеля, который впрочемъ едва ли оправдывалъ тщеславнаго и ничтожнаго родственника своего, преображеннаго въ послѣдствіи въ мученика истины. Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Александра противъ его порицателей, хотя съ другой стороны нельзя не допустить, что на той почти недосягаемой высотѣ могущества и славы, на какой онъ стоялъ, ему трудно было сохранить прежнюю чистоту нрава и не отвѣчать строгими мѣрами тупой и безсмысленной оппозиціи, которая противилась его лучшимъ начинаніямъ и клеветала на самыя благородныя его намѣренія. Могъ ли онъ, напримѣръ, не уронивъ своего достоинства предъ новыми подданными, избавить Македонцевъ отъ соблюденія тѣхъ придворныхъ обрядовъ, которые долженъ былъ ввести, дабы не стать ниже прежнихъ персидскихъ царей во мнѣніи подвластныхъ ему и дорожившихъ внѣшними знаками величія народовъ востока? А между тѣмъ это нововведеніе сдѣлалось предметомъ самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ и желчныхъ нареканій, какъ въ войскѣ его, такъ и въ цѣлой Греціи. Понятно, что страсти его должны иногда были брать верхъ надъ природнымъ великодушіемъ и надъ презрѣніемъ, какое внушало ему слабоуміе противниковъ. Но чтобы оцѣнить вполнѣ его превосходство надъ окружавшимъ его міромъ, стоитъ только вспомнить о совѣтахъ, какіе давалъ ему соперникъ Калисѳена, софистъ Анаксархъ.

Послѣднимъ великимъ предпріятіемъ Александра былъ его походъ въ Индію. Съ неслыханными трудами и опасностями провелъ онъ

свои войска чрезъ горы Паропамизуса и чрезъ Пенджабъ, страну, которой жители искони славились воинственнымъ характеромъ, въ наше время стоившимъ столько крови и усилій Англичанамъ. Онъ поставилъ надъ этими племенами своихъ намѣстниковъ и основалъ нѣсколько городовъ съ греческимъ населеніемъ. Македонцы совершили все, что можно было сдѣлать въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. У нихъ не осталось ни лошадей, ни одежды, ни обуви; даже мечи ихъ притупились отъ ежедневныхъ сѣчъ. Одинъ Александръ не раздѣлялъ общей усталости и унынія всѣми овладѣвшаго. Предъ нимъ открывалась уже великолѣпная долина Гангеса, представляющая легкую добычу завоевателю. Но войска Александра пришли въ отчаяніе: они не могли поспѣть за смѣлою мыслью вождя и отказались идти далѣе, тѣмъ болѣе что между ними ходили ложные слухи о новыхъ опасностяхъ и битвахъ, которыя ихъ ожидали у самой цѣли похода. На берегу Гифезиса объявили они свое рѣшеніе царю, котораго всѣ усилія склонить ихъ къ привычной покорности были тщетны. Съ горькимъ чувствомъ уступилъ онъ ихъ волѣ, поставилъ двѣнадцать колоссальныхъ жертвенниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановить побѣдное шествіе свое и возвратился назадъ. Обратный путь его лежалъ чрезъ другія, дотолѣ почти неизвѣстныя путешественникамъ страны. Часть его арміи пошла чрезъ нынѣшніе Кандагаръ и Систанъ, другая отправилась на судахъ нарочно для этого выстроенныхъ и ввѣренныхъ ученому Неарху, который получилъ приказаніе спуститься внизъ по Инду до его устьевъ и потомъ продолжать плаваніе до Евфрата. Цѣль экспедиціи заключалась въ изслѣдованіи и описаніи береговъ. Самъ Александръ во главѣ третьяго отряда избралъ путь чрезъ страшныя пустыни Белуджистана. Шестьдесятъ дней продолжался этотъ переходъ и двѣ трети Александровыхъ спутниковъ погибли въ пескахъ непроходимой пустыни. Трудно понять, какъ могли спастись остальные.

А между тѣмъ вѣсть о смерти Александра разнеслась повсюду. Оставленные имъ въ завоеванныхъ областяхъ правители не думали о его возвратѣ и позволяли себѣ злоупотребленія всякаго рода. Македонцы и Греки грабили и притѣсняли туземцевъ; персидскіе сановники замышляли свергнуть съ себя владычество иноплеменниковъ. Въ доказательство тогдашняго безпорядка, я приведу поступокъ хранителя царской казны, Гарпала. Расточивъ на оргіи, въ которыхъ соединялась греческая изобрѣтательность съ восточнымъ великолѣпіемъ, баснословныя суммы ввѣренныхъ ему денегъ и услышавъ о приближеніи царя, онъ бѣжалъ въ Аѳины, увозя съ собою около девяти милліоновъ руб. сер. на наши деньги, которые, принявъ въ основаніе тогдашнюю цѣнность благородныхъ металловъ, соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ 50 милліонамъ. Прикрытіемъ Гарпалу служили шесть тысячъ нанятыхъ имъ Грековъ. Возвратъ Александра былъ ознаменованъ не одними наказаніями виновныхъ сановниковъ, но болѣе крѣпкой организаціею новаго государства. Сѣмена, прежде брошенныя завоевателемъ, начали приносить плодъ. 30,000 молодыхъ

Персовъ, обученныхъ, по его приказанію, греческому языку и военному порядку, вступили подъ оружіе и образовали свѣжее, безгранично ему преданное войско. Изъ утомленныхъ совершенными походами Македонцевъ, нѣкоторые возвратились на родину, другіе вступили, по желанію царя, въ супружество съ дочерями богатыхъ Персовъ и положили начало сліянію обѣихъ національностей. Народы, по словамъ древняго писателя, забыли прежнія вражды и жадными устами прильнули къ поданному имъ кубку любви. Приготовленія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ шли своимъ чередомъ. На Евфратѣ снаряжался огромный флотъ, котораго назначеніе было покорить аравійскій полуостровъ, на южномъ берегу котораго Александръ уже собирался строить городъ. Другая экспедиція должна была обогнуть Африку и воротиться назадъ съ запада, чрезъ Иракловы столбы, тѣмъ же путемъ, какимъ нѣкогда ходили отважные Финикійцы по порученію египетскаго Нехао. На Каспіи строились суда, которымъ назначено было изслѣдовать сѣверные берега этого почти невѣдомаго Грекамъ моря. Ученая любознательность соединялась въ этихъ случаяхъ съ торговыми расчетами и планами новыхъ завоеваній. Александръ лично намѣренъ былъ вести сухопутное войско вдоль сѣвернаго берега Африки, на покореніе Карѳагена и народовъ югозападной Европы. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему посольства, свидѣтельствовавшія о славѣ его, дошедшей до самыхъ далекихъ, равнодушныхъ къ событіямъ Греческой исторіи племенъ. Карѳагенецъ, Скиѳъ, Кельтъ и

представители разныхъ народ
Италіи сошлись въ Вавилонѣ к
бы для того, чтобы напередъ вз
нуть на будущаго властителя.
когда еще не было такого жив
дѣятельнаго сообщенія между р
сѣянными по землѣ членами че
вѣческой семьи. Но дни Алекс
дра уже шли къ концу. Онъ п
водилъ въ могилу лучшаго
друзей своихъ, Эфестіона, од
изъ немногихъ, которые вполнѣ
понимали. Глубокая скорбь
утраты соединилась съ тяжел
трудами и вѣроятно была причи
болѣзни, отъ которой умеръ Ал
сандръ. Ему еще не было 33 л
отъ рожденія. Онъ зналъ, ка
участь готовится его государс
и предсказалъ себѣ крова
тризну.

Пробѣгая мыслію вѣка лежа
за нами, мы не найдемъ лица,
тораго историческая дѣятельн
по объему и вліянію моглабы с
ниться съ Александровой.
стоитъ посредникомъ и прим
телемъ между западомъ и во
комъ. Онъ открылъ цѣлымъ н
дамъ пути, по которымъ до
ходили только немногіе см
путешественники. Въ этомъ от
шеніи у него нѣтъ другаго со
пика, кромѣ Колумба. Греки з
хорошо западныя части Азі
сѣверо-восточныхъ областяхъ
сидскаго государства, о кра
пограничныхъ Индіи у нихъ б
въ ходу самыя нелѣпыя ба
Александръ внесъ эти огром
пространства въ область поло
тельной географіи и открылъ ис
тующему уму запада новую
роду, несходную съ его развит
исторію, и цѣлый міръ само
ныхъ религіозныхъ идей и нра
венныхъ представленій. Торг

и наука овладѣли землями, дотолѣ лежавшими внѣ общенія человѣческаго. Въ свою очередь, востокъ глубоко принялъ въ себя вліяніе Даріева побѣдителя. Окаменѣлыя формы его жизни пришли въ движеніе; лежавшія праздно въ глубинѣ народнаго сознанія и неясныя самимъ себѣ идеи, составлявшія отстой прежняго, остановившагося развитія, поднялись наружу отъ прикосновенія европейской мысли и сообщили этой мысли небывалое богатство и полноту. Безъ Александрія не было бы настоящей образованности.

Всматриваясь пристальнѣе въ лице Александра, нельзя не замѣтить, что природа соединила въ немъ самыя противоположныя между собою свойства: математическую точность ума и пламенное воображеніе поэта; крѣпкую волю мужа съ юношескою мягкостію и впечатлительностію. Накануне битвы, онъ хладнокровно вычислялъ всѣ условія кровавой игры, но въ рѣшительный часъ онъ становился горячимъ бойцомъ и кидался въ сѣчу, какъ любимцы его, гомерическіе герои. Мистическія вѣрованія Азіи и строгая наука Европы находили въ немъ равное сочувствіе. Здѣсь не мѣсто вычислять все сдѣланное имъ для успѣховъ нашего знанія. Достаточно будетъ напомнить вамъ о его постоянной связи съ Аристотелемъ, которому онъ присылалъ всякаго рода пособія для его изслѣдованій. Въ самую трудную пору его жизни, во время индѣйскаго похода, мысль его не была исключительно занята предстоявшими опасностями. Онъ писалъ въ Вавилонъ, чтобы ему выслали оттуда книгъ для чтенія, въ особенности трагиковъ и философовъ.

Востокъ не забылъ о немъ до сихъ поръ. Почти на всѣхъ языкахъ Азіи сохранились сказанія объ Александрѣ. Объ немъ поютъ древнія пѣсни Арабовъ и разсказываютъ преданія еврейскаго народа. Персы внесли его въ число героевъ своего народнаго эпоса. Персидскій поэтъ говоритъ, что Искандеръ былъ родомъ Персъ и только случайно родился на европейской почвѣ. Востокъ не хочетъ уступить намъ своего завоевателя. Странствуя по пустынямъ средней Азіи, европейскій путешественникъ безпрестанно слышитъ странныя намеки на Искандера. Въ Туркестанѣ его считаютъ строителемъ великихъ городовъ и зданій, которыхъ развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ богатствѣ края. Даже въ унылой пѣснѣ кочеваго Монгола слышится иногда отголосокъ зашедшихъ въ эти степи разсказовъ о великомъ Искандерѣ. Западъ не отсталъ отъ востока. Въ памятникахъ средневѣковой литературы, историческія свидѣтельства о македонскомъ завоевателѣ соединены съ баснословными примѣсями, по которымъ видно, что эти преданія прошли чрезъ уста народа. Ему приписывается между прочимъ покореніе Британіи. Рыцарская эпопея овладѣла въ свою очередь предметомъ столь богатымъ и можно сказать сродственнымъ ей по содержанію. Въ многостороннемъ характерѣ Александра есть дѣйствительно черты чистаго, чуждаго античному міру рыцарства. Я напомню вамъ только объ обращеніи его съ плѣннымъ семействомъ Дарія. Древній человѣкъ не уступалъ новому въ великодушіи, но почтительное обращеніе съ женщинами не входило въ его пра-

вы. У всѣхъ племенъ латино-германской Европы есть романы объ Александрѣ Великомъ, составляющіе особый циклъ въ эпической поэзіи среднихъ вѣковъ. Но подобно тѣмъ македонскимъ дружинамъ, которыя остановились отъ изнеможенія на берегахъ Гифазиса и не пошли далѣе къ неизвѣстной имъ, одному лишь вождю вѣдомой цѣли, фантазія поэтовъ не можетъ слѣдить за дѣйствительными подвигами героя и ищетъ имъ объясненія внѣ предѣловъ, которыми ограничены человѣческіе замыслы. Персы говорятъ, что Александръ завоевалъ міръ, отыскивая таинственную страну, въ которой бьетъ живымъ ключемъ вода безсмертія. Въ Нѣмецкой поэмѣ Лампрехта (13 ст.), поэтъ христіанинъ толкуетъ съ другой точки зрѣнія внутреннюю тревогу, которая отражалась въ непрерывной и страстной дѣятельности Александра. Владычество надъ міромъ не было достаточною цѣлью для его подвиговъ. Онъ хотѣлъ дойти до рая и внимать земнымъ слухомъ пѣнію Ангеловъ.

Грановскій.

(*Публич. лекціи профес.*)

---

69. Объ увеселеніяхъ русскаго двора при Петрѣ I.

Вѣкъ Петра I есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляетъ странную борьбу между обыкновеніями, освященными временемъ, и обычаями привитыми, вывезенными изъ-за моря; смѣсь прежнихъ полуазіатскихъ обыкновеній со вновь вводимыми полуевропейскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія русскаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины, начались при Петрѣ Великомъ. Государь ввелъ оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можетъ благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей русскаго народа. Чтобъ сблизить всѣ состоянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскерады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, которыя были часты въ блистательное царствованіе Петра, не рѣдко подавали къ тому поводъ. Въ то время указами предписываемо было участвовать въ забавахъ двора, и такимъ образомъ жители столицы съѣзжались часто, ибо одна только болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ Царскомъ и Царицыномъ саду (нынѣшніе — Лѣтній и Михайловскаго дворца); послѣдніе сперва въ царской австеріи или гостинницѣ, которая находилась у самаго канала, окружающаго Петропавловскую крѣпость, подлѣ воротъ, неподалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенатѣ на Петербургской сторонѣ, или на почтовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ Св. Троицы, желтый флагъ, съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы возвѣщали жителямъ

лицы, что должно собираться лѣ обѣда въ садъ. Чиновни- дворяне, канцелярскіе служи- и, корабельные мастера и да- иностранные матросы имѣли во приходить туда съ женами дѣтьми. Въ 5 часовъ по полудни ялись въ садъ государь и вся ператорская фамилія. Въ то вре- , на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ на- дится рѣшетка сада, построены и три галлереи: посѣтители ѣзжали къ саду въ лодкахъ, и, вязавъ оныя къ кольямъ на бе- гу Невы, взбирались по узкой опинкѣ къ средней галлереѣ. тъ государыня и великія княж- , держась стариннаго обыкнове- я, какъ хозяйки сада, подносили атнѣйшимъ изъ гостей по чаркѣ одки или по кружкѣ вина. Импе- торъ-же, черпая большими де- евянными ковшами изъ ушатовъ, есомыхъ за нимъ двумя гренаде- ами, угощалъ такимъ образомъ ардію, полки преображенскій и меновскій, которые строились на арицыномъ лугу. Прочимъ посѣ- телямъ предоставлено было са- мъ черпать изъ бочекъ съ пи- мъ, водкою и винами, которыя ояли въ сторонѣ отъ главныхъ лей. Послѣ того каждый могъ за- зляться по произволу. Одни гу- ли по саду, другіе оставались въ лереяхъ, гдѣ былъ приготовленъ лдникъ — въ средней галлереѣ карныя закуски для дамъ, въ ковыхъ холодныя блюда для муж- нъ. Иные садились въ разныхъ лахъ сада за круглые столики, которыхъ находились трубки съ бакомъ и деревянными спичками, и бутылки съ винами. Болѣе его замѣчательны господствовав- я на сихъ праздникахъ непри- жденность и простота въ обра- щеніи, отличительныя черты обществъ во время Петра I. Казалось, всѣ были заняты однимъ желаніемъ веселиться и забывали о раз- личіи состояній. Самъ государь, отбросивъ весь этикетъ, обходил- ся со всѣми, какъ съ равными: иногда, сидя съ трубкою за сто- ломъ съ матросами, въ главной ал- леѣ, на второй площадкѣ отъ Невы, у большаго фонтана, говорилъ онъ о трудностяхъ морской службы, или, ходя съ нѣкоторыми подъ руку по длиннымъ аллеямъ сада, разсказывалъ о своихъ походахъ. Въ другое время разсуждалъ о богословскихъ предметахъ съ ду- ховными, собиравшимися въ ду- бовой рощѣ подлѣ дворца, или велъ переговоры съ иностранными министрами. Съ наступленіемъ ве- чера садъ освѣщался. Начинались танцы въ аллеяхъ, или, въ дожд- ливое время, въ галлереяхъ сада. Праздникъ оканчивался фейерверк- комъ, или, какъ сіе тогда называ- ли, *огненною потѣхою*, зажигае- мою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тутъ, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя картины съ аллегорическими изо- браженіями, приличными предме- ту празднуемаго торжества. Во все время праздника ворота сада были заперты; никто не смѣлъ уйти отъ онаго прежде государя, безъ осо- беннаго на то позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздни- ковъ было четыре: 27 іюня въ па- мять полтавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подъ Лѣснымъ, и наконецъ 18 октября, въ который торжествовали побѣду подъ Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе достойныхъ внима- нія: объ одномъ, который дакъ

былъ 27 іюня 1721 года, въ воспоминаніе полтавской побѣды, и другомъ, по случаю заключеннаго въ Нейштатѣ мира. Въ первый служили молебенъ въ открытой палаткѣ, предъ соборомъ Св. Троицы. У входа палатки стоялъ государь съ эспонтономъ въ одной и простреленною шляпою въ другой рукѣ, и въ томъ-же платьѣ, которое носилъ во время сраженія—въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими красными обшлагами и старою лядункою черезъ плечо, и въ зеленыхъ чулкахъ съ башмаками на высокихъ каблукахъ; позади находились подполковники гвардіи: фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Императрица, съ царицею Прасковьею Ѳеодоровною и придворными дамами, расположилась въблизь-лежащемъ домѣ, на балконѣ. Во весь день производилась пушечная пальба съ позлащеннаго царскаго фрегата, стоявшаго на Невѣ, противъ Лѣтняго сада. Ввечеру, послѣ гулянья и танцевъ, въ семъ саду данъ былъ фейерверкъ, въ которомъ аллегорическія картины изображали успѣхи русскаго оружія противъ Шведовъ. Праздники, 5 сентября и 22 октября 1721 года, данные въ С. Петербургѣ по случаю нейштатскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. При полученіи о семъ извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣяніи, съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на которыхъ изображена была увѣнчанная лаврами масличная вѣтвь, и музыканты съ литаврами и трубами, возвѣщали на всѣхъ улицахъ отъ утра до вечера о предстоящемъ торжествѣ. Въ день праздника собрался въ соборъ Св. Троицы — царь со всею фамиліею и знатнѣйшіе чины; кругомъ церкви выстроены были находившіеся въ Петербургѣ полки, а за ними толпился во множествѣ народъ. Когда кончилась обѣдня, Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ съ андреевскою лентою чрезъ плечо, взошелъ на высокій помостъ передъ церковью, снялъ шляпу, и, поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: «Здравствуйте, православные! благодарите Бога. Онъ «кончилъ трудную войну, продолжавшуюся 21 годъ, и даровалъ «намъ со Швеціею вѣчный миръ.» За симъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ бывшихъ кадей, которыя стояли передъ помостомъ, и повторивъ: «Здравствуйте, любезные! да поможетъ намъ Богъ подъ «сѣнію мира трудиться для пользы «и прибытка вашего, и облегчить «тягости, понесенныя вами въ войнѣ, — здравствуйте,» выпилъ за здоровье народа. Громкія восклицанія признательныхъ Россіянъ служили отвѣтомъ монарху, который весь тотъ день провелъ на Троицкой площади, участвуя въ народныхъ увеселеніяхъ и отложивъ торжество мира до 22 октября. Въ сей день, по отпѣніи божественной литургіи, также въ Троицкомъ соборѣ, прочтена была ратификація мирнаго договора съ Швеціею. Ѳеофанъ произнесъ слово: исчисливъ всѣ дѣла Петровы, его военные подвиги и гражданскія добродѣтели, приглашалъ народъ увѣковѣчить достопамятный тотъ день, изъявивъ монарху должную признательность. По слову архипастыря, главнѣйшее духовенство, сенатъ и знатнѣйшее дворянство приблизились къ Петру. Канцлеръ графъ Гаврила Ивано-

вичъ Головкинъ, какъ старшій, выступилъ впередъ, благодарилъ Петра отъ имени всѣхъ подданныхъ за дарованное имъ Россіи просвѣщеніе, за распространеніе ея владѣній, за силу и богатство, которымъ онъ положилъ начало, и заключилъ просьбою всѣхъ, чтобъ онъ принялъ названіе Петра Великаго, отца отечества, Императора Всероссійскаго, *дабы потомки не упрекали насъ въ равнодушіи къ великимъ подвигамъ* Петра. Едва онъ кончилъ, какъ громкія восклицанія народа внутри и внѣ церкви: ура! виватъ! да здравствуетъ императоръ Петръ! раздались въ воздухѣ. Звуки трубъ и литавръ, барабанный бой, пальба съ адмиралтейства, крѣпости и 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освятили желаніе народа.

По окончаніи торжества, дворъ, иностранные министры и всѣ знатнѣйшія особы обоего пола отправились въ домъ сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафтанахъ, дамы въ платьяхъ шитыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая царица Прасковья, супруга Іоанна Алексѣвича, сохраняла право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е. въ черной бархатной шубейкѣ съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1,000 кувертовъ, раздавались золотыя медали, выбитыя, по случаю мира, изъ русскаго золота. Праздникъ кончился танцами, за коими послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ представлялся тутъ храмъ Януса, освѣщенный 20,000 разноцвѣтныхъ огней, и два воина, которые, затворивъ врата онаго, подали другъ другу руку въ знакъ примиренія. За храмомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, видны были на волнахъ синѣющаго моря корабли, надъ коими леталъ голубь съ масличною вѣтвію, а впереди, на высокихъ подмосткахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по сторонамъ били фонтаны бѣлаго и краснаго вина.

В. БІОГРАФІИ И ХАРАКТЕРЫ.

70. Іоаннъ III.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣрен-

ности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя: принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе до времени, оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ: но былъ и первымъ, истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* монаршей руки, въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ его времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію; и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали, и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени вели-

ія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: она не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій! Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестагонадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искуства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искуства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.

Карамзинъ.

---

71. Василій Іоанновичъ Шуйскій.

Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства для царствованія мирнаго и непрекословнаго надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ — лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно

и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ; но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею, обагренный единственно кровію ненавистною и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ, въ низложеніи самозванца, и хитрость, и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ—и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожъ разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ сусвѣровъ, что его считали волхвомъ: съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, не сановитъ и лицемъ смуглъ, имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами, вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ вельможа, снискать любовь гражданъ, честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Васильевой въ борепіи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть державства, несчастнаго, условленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ иногда бываетъ не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ государства.

Карамзинъ.

---

72. Чувствительный и хладнокровный.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансіонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первый могъ назваться красавцемъ: второй обращалъ на себя вниманіе людей отмѣнно умнымъ лицемъ. Въ первомъ, съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялъ своимъ понятіемъ, Леонидъ прилежаніемъ. Казалось, что первый не учится, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что узналъ однажды. Первый, отъ излишней надежности на себя откладывая всякое дѣло до послѣдней минуты, иногда не выучивалъ урока: второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще твердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькія проказы, ссорился съ товарищами и не рѣдко заслуживалъ наказаніе; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого, но его только хвалили. Одного считали искреннимъ, добродушнымъ: таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другаго подозрѣвали въ хитрости и даже въ лукавствѣ: но онъ былъ только остороженъ. Ихъ взаимная дружба казалось чудною: столь были они не сходны характерами! Но

сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла *прелесть удивительнаго*. Чувствительность одного требовала сообщенія; равнодушіе и холодность другаго искали занятія. Когда сердце и воображеніе пылаютъ въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствія, онъ слушаетъ съ удовольствіемъ. Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, поэзіею, и въ исторіи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія. Леонидъ не понималъ, какъ можно заниматься небылицами, то есть романами! Стихотворство казалось ему трудною и безполезною игрою ума, и стихотворцы людьми, которые хотятъ прытко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ исторію съ великою прилежностію, но единственно для того, чтобы знать ее; не для внутренняго наслажденія, но какъ вокабулы или грамматику. Мудрено ли, что мнѣнія друзей о герояхъ ея были несогласны? Эрастъ превозносилъ до небесъ великодушіе и храбрость Александра: Леонидъ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первый говорилъ: *онъ побѣдилъ вселенную*! Второй отвѣтствовалъ: *не зная, для чего*! Эрастъ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубійцу: Леонидъ считалъ его помѣшаннымъ гордецомъ. Эрастъ восхищался бурными временами греческой и римской свободы: Леонидъ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастъ вѣрилъ въ исторіи всему чрезвычайному: Леонидъ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Одинъ спрашивался съ воображеніемъ пылкимъ, а другой съ флегматическимъ своимъ характеромъ.

Какъ мнѣнія, какъ и поступки нашихъ друзей были различны. Однажды домъ, гдѣ они учились и жили, загорѣлся ночью: Эрастъ вскочилъ съ постели неодѣтый, разбудилъ Леонида и другихъ пансіонеровъ, тушилъ огонь, спасалъ драгоцѣнныя вещи своего профессора и не думалъ о собственныхъ. Домъ сгорѣлъ, и Эрастъ, обнимая друга, сказалъ съ великодушнымъ чувствомъ: *я всего лишился; но въ общихъ бѣдствіяхъ хорошо забывать себя*... «Очень дурно,» отвѣчалъ Леонидъ съ хладнокровіемъ: «человѣкъ созданъ думать сперва «о себѣ, а тамъ о другихъ; иначе «нельзя стоять свѣту. Хорошо, что «мнѣ удалось поправить твою без«разудность: я спасъ и сундуки и «книги наши.» Такъ Леонидъ мыслилъ и поступалъ на шестнадцатомъ году жизни. — Въ другой разъ они шли по берегу рѣки: въ глазахъ ихъ мальчикъ упалъ съ мосту. Эрастъ ахнулъ и бросился въ воду. Леонидъ хотѣлъ удержать его, но не успѣлъ; однакожъ не потерялъ головы, даже не закричалъ, а только изо всей силы пустился бѣжать къ рыбакамъ, которые вдали расправляли сѣти, — бросилъ имъ рубль и велѣлъ спасти Эраста, который уже тонулъ. Рыбаки черезъ пять минутъ вытащили его вмѣстѣ съ мальчикомъ. Леонидъ бранилъ своего друга: называлъ глупцемъ, безумнымъ; однакожъ плакалъ.... Рѣдкая чувствительность холодныхъ людей бываетъ тѣмъ замѣтнѣе и трогательнѣе. Эрастъ цѣловалъ его и

восклицалъ: *я жертвовалъ собою для спасенія человѣка, обязанъ жизнію другу и вижу слезы его: какое счастіе!*

Они въ одно время оставили пансіонъ и вмѣстѣ отправились въ армію. Эрастъ твердилъ: *надобно искать славы!* Леонидъ говорилъ: *долгъ велитъ служить дворянину....* Первый бросался въ опасности — другой шелъ, куда посылали его. Первый, отъ излишней запальчивости, скоро попался въ плѣнъ къ непріятелю; другой заслужилъ имя хладнокровнаго, благоразумнаго офицера, и крестъ Георгія при концѣ войны. Миръ освободилъ Эраста.... Какъ искренно радовался онъ возвышенію друга, который далеко опередилъ его въ чинахъ воинскихъ! Ни малѣйшая тѣнь зависти не омрачила его добраго, чистаго сердца. — Оба вмѣстѣ перешли они въ гражданскую службу. Леонидъ занялъ мѣсто совсѣмъ не блестящее и трудное: Эрастъ вступилъ въ канцелярію знатнѣйшаго вельможи, надѣясь своими талантами заслужить его вниманіе и скоро играть великую роль въ государствѣ. Но для успѣховъ честолюбія нужны гибкость, постоянство, холодность, терпѣніе: Эрастъ же не имѣлъ ни котораго изъ сихъ необходимыхъ свойствъ. Онъ писалъ хорошо: но, вручая бумагу министру, гордымъ взоромъ не просилъ снисходительнаго одобренія, а требовалъ справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только передъ нимъ унизиться. «Пусть онъ знаетъ—говорилъ Эрастъ Леониду—что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться въ неизвѣстности, чтобы стать нѣкогда на ту степень, которая достойна благороднаго честолюбія, и на которой дѣла мои будутъ славны въ отечествѣ!.... *Любезный другъ!* отвѣчалъ Леонидъ: *никакіе таланты не возвысятъ человѣка въ государствѣ безъ угожденія людямъ; если не хочешь служить имъ, то они не дадутъ тебѣ способа служить и самому отечеству. Не презирай нижнихъ ступеней лѣстницы: онѣ ведутъ къ верхней. Искусный честолюбецъ только изрѣдка взглядываетъ на отдаленную цѣль свою, но безпрестанно смотритъ себѣ подъ ноги, чтобы идти къ ней вѣрно и не оступиться....* Сей медленный, благоразумный ходъ не могъ нравиться пылкому Эрасту. Иногда онъ работалъ съ удивительнымъ прилежаніемъ; иногда, утомленный дѣлами, искалъ отдохновенія въ свѣтскихъ разсѣяніяхъ. Но сей опасный, мнимый отдыхъ мало по малу обратился для него въ главное дѣло жизни. Эрастъ былъ молодъ, прекрасенъ, уменъ и богатъ: сколько правъ наслаждаться свѣтомъ! Онъ сократилъ вечера для работы, чтобы продлить ихъ для удовольствій общества. Къ чести его скажемъ, что онъ, забывая должность, стыдился внутренно своей неисправности; однакожъ не хотѣлъ сносить ни малѣйшихъ выговоровъ, и всякій разъ отвѣчалъ на нихъ требованіемъ отставки. Министръ его былъ человѣкъ добрый и разсудительный, но человѣкъ: онъ вышелъ изъ терпѣнія — и Эрастъ сдѣлался наконецъ свободнымъ, то есть празднымъ.

«Поздравь меня съ любезною вольностію!» сказалъ онъ Леониду, вбѣжавъ въ кабинетъ къ нему: «мнѣ запретили быть полезнымъ государству: никто не запретитъ

нѣ быть счастливымъ.» Леонидъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ другу: «жалѣю о тебѣ! Человѣку въ двадцать пять лѣтъ не позволено жить для одного удовольствія. *Карамзинъ.*

---

73. О характерѣ Ломоносова.

По слогу можно узнать человѣка, сказалъ Бюффонъ: характеръ писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо.—Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предпріимчивый и сильный. Но любителю словесности, скажу болѣе, наблюдателю—философу пріятно было-бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человѣка; познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человѣка. «Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеобщаго порядка, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ,» говорилъ о Ломоносовѣ писатель, котораго имя равно любезно музамъ и добродѣтели. Сія истина утверждена жизнію Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. —Конечно, не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполнѣ овладѣть душею отрока, воспитаннаго среди болотъ холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственныя огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души—было къ тому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе тусклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предпріимчивость, удивительная въ столь нѣжномъ возрастѣ, не означали-ли великую душу и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, постоянство въ преодолѣніи преградъ, поставленныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзость въ предпріятіяхъ, увѣнчанная сіяющимъ успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены были съ сильными страстями, съ пламеннымъ сердцемъ, или, лучше сказать, проистекали изъ оныхъ; и потому должно-ли удивляться, что Ломоносовъ въ молодости своей пожертвовалъ всѣми выгодами любви? Въ Марбургѣ онъ женился тайно на дочери бѣднаго ремесленника и въ скоромъ времени обстоятельства принудили его разлучиться съ супругою. Музы любятъ провожать любимцевъ своихъ по тернистой тропѣ несчастія въ храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не всегда убиваютъ талантъ: напротивъ того, они пробуждаютъ въ душѣ множество прекрасныхъ свойствъ, и знакомятъ ее съ собственными силами. Ломоносовъ, гонимый судьбою, скитался по Германіи, переходилъ изъ земли въ землю безъ пристанища, часто безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со всѣми нуждами и горестями, и никогда, нигдѣ не преступилъ законовъ чести, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностію (возвратясь въ Петербургъ) прочиталъ онъ

письмо ея и воскликнулъ предъ посланнымъ отъ г. Бестужева: «Боже мой! могу-ли ее оставить!» — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣть наблюдателю человѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ поэтомъ, конечно противъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю, Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и безпрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя лѣта юности, проведенныя посреди непостоянной стихіи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и хладный трупъ отца, выброшенный на тотъ самый островъ, куда Ломоносовъ въ молодости своей приставалъ съ нимъ для совершенія рыбной ловли. Онъ въ ужасѣ проснулся. Напрасно призываетъ на помощь разсудокъ свой, напрасно желаетъ разсѣять мрачные слѣды сновидѣнія: мечта остается въ глубинѣ сердца, и ничто не въ силахъ изгладить ее. Снова засыпаетъ и снова видитъ шумное море, необитаемый островъ и блѣдный трупъ родителя. Такъ! мы нерѣдко увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе влагаетъ въ насъ какія-то тайныя мысли, какое-то неизъяснимое предчувствіе будущихъ злополучій, и событіе часто подтверждаетъ предсказаніе таинственнаго спа- къ удивленію, къ смиренію слаб го и гордаго разсудка. Ломоносо это испыталъ въ жизни своей. Отец его погибъ въ волнахъ, и тѣло е найдено рыбаками на томъ необ таемомъ островѣ, который назн чилъ имъ печальный сынъ, по вну шенію пророческаго сновидѣнія.

По краткой біографіи, напеча танной при сочиненіяхъ Ломоно сова, мы тѣснѣе знакомимся съ по этомъ, когда онъ покидаетъ роди ну свою. Самое юношество необы новеннаго человѣка любопытн каждое обстоятельство, кажд подробность драгоцѣнны. Конеч Ломоносовъ, въ откровенной бе сѣдѣ ближнихъ и друзей, любил разсказывать имъ первыя свои пе чали и наслажденія. Съ каки восхищеніемъ онъ пѣвалъ на кл росѣ священныя пѣсни и пожирал духовныя книги! Съ какимъ ус ліемъ онъ промышлялъ славянску грамматику и ариѳметику: вра учености своей! Какъ сердце е унывало, покидая отца, родин ближнихъ! какъ трепетало отъ ра дости, вступая въ обширную Мо скву!.... Къ сожалѣнію, немно подробностей дошло до насъ, почти всѣ исчезли съ холодны слушателями. Однѣ великія душ чувствуютъ всю важность друже скихъ повѣреній знаменитаго че ловѣка, ихъ современника. Ломо носовъ — пѣтъ сомнѣнія — казал обыкновеннымъ человѣкомъ въ кр гу пріятелей своихъ, людей вес ма обыкновенныхъ. И могъ ли Тр діяковскій *съ братьею* быть цѣн телемъ величайшаго ума свое времени, цѣнителемъ Ломоносов

Но къ счастію нашему, Рос имѣла въ молодомъ вельможѣ п кровителя дарованій. Мы забуде

со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ, любезностію, веселостію и учтивостію, достойною временъ Лудовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно музамъ отечественнымъ. Онъ былъ все для нашего лирика: дѣятельный и просвѣщенный покровитель, попечительный другъ, часто снисходительный, и всегда постоянный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ-бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, требующихъ издержекъ и безпрестанныхъ пособій. Скажемъ болѣе — какъ ученый, какъ стихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко славѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человѣка: счастливый поэтъ нашелъ въ вельможѣ истинный патріотизмъ, обширныя свѣдѣнія, вкусъ образованный и, что всего лучше, благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ (рѣдкое явленіе!) вельможа и поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ словесности русской: въ нихъ виденъ и стихотворецъ и покровитель его. Они заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и наконецъ извѣстіе о кончинѣ профессора Рихмана, достойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ *умеръ прекрасною смертію* (*), и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, страшась, чтобы сей случай *не былъ перетолкованъ противу наукъ*, вѣчно ему любезныхъ! Часто въ письмахъ своихъ онъ жалуется на Тредіяковскаго и Сумарокова. Если сіи строки доказываютъ печальную истину, что дарованія, во всѣ времена, даже при самой колыбели словесности, имѣютъ враговъ и завистниковъ: то онѣ-же, къ радости нашей, открываютъ прекрасную душу великаго писателя. «Никакого не желаю мщенія,» говоритъ онъ, «но способовъ продолжить труды мои для славы, для пользы отечества. Мои зоилы хвалятъ меня своею хулою, называя мои изображенія надутыми; нападая на меня, они нападаютъ на древнихъ....» До послѣдней минуты жизни своей Ломоносовъ не измѣнялъ себѣ, и прелестная мысль о славѣ его не покидала. На одрѣ мученій и смерти, Рафаэль соболѣзновалъ о недоконченныхъ картинахъ: нашъ сѣверный геній о несовершенныхъ трудахъ своихъ. «Я умираю,» говорилъ онъ Штелину, «я умираю, пріятель! На смерть взираю равнодушно: сожалѣю о томъ, что не успѣлъ довершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною....»

Тѣнь великаго стихотворца утѣшилась. Труды его не потеряны. Имя его безсмертно.

Батюшковъ.

(*Соч. Батюшкова*).

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

74. Фонъ-Визинъ.

Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонъ-Визинѣ, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный. «При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ» (писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Мятлевъ) «онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ.» Онъ имѣлъ много дарованій сценическихъ; хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искуствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ, или собирался играть роль Стародума съ своемъ Недорослѣ. Всѣ лица были завербованы; одна роль Скотинина была не замѣщена. Можетъ быть, не находилось охотниковъ; къ тому-же и авторъ искалъ въ актерѣ тѣлесныхъ способностей, приличныхъ сей ролѣ, болѣе матеріальной, нежели духовной. Наконецъ встрѣчается онъ съ молодымъ Р., и, любуясь ростомъ его и широкимъ лбомъ, восклицаетъ съ радостію: вотъ мой Тарасъ Скотининъ!—Впрочемъ тутъ не должно искать эпиграммы, тѣмъ болѣе, что Р. былъ человѣкъ остроумный о образованный; это просто былъ крикъ артиста. Физіономія Фонъ-Визина была значительна и глаза яркости почти нестерпимой. Сію быстроту и знойность глазъ сохранилъ онъ до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. Онъ былъ очень общежителенъ: любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ, хорошо ѣсть и хорошо кормить. Гастрономическія расположенія его не ослабли и въ болѣзни: въ путевыхъ запискахъ своихъ всегда отмѣчалъ онъ съ рачительностію, гдѣ хорошо побѣдалъ или худо поужиналъ, и по отмѣткамъ его видно, что онъ судилъ о послѣднемъ неравнодушно, и развѣ только въ этомъ отношеніи бывалъ злопамятенъ. Мы обозрѣли связи его съ сослуживцами; литературныя связи его были не менѣе почетны: Державинъ, Домашневъ, президентъ Академіи Наукъ и самъ заслужившій извѣстность пріятными дарованіями, Богдановичь, Козодавлевъ, бывшій въ послѣдствіи министромъ, по тогда еще скромный искатель счастія у алтарей музъ, актеръ Дмитревскій, который искуствомъ и образованностію своею возвысилъ у насъ актерское званіе, и еще нѣсколько другихъ литераторовъ были ему пріятелями. Жаль, что ничего не дошло до насъ изъ сихъ бесѣдъ, которыя, вѣроятно, особенно Фонъ-Визинъ оживлялъ веселостію своею, комическими разсказами и вспышками бѣглаго остроумія. Можно представить себѣ, какъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, передавая другъ другу надежды свои на успѣхи русской литературы и вообще народнаго просвѣщенія, или частные планы свои для приведенія сихъ надеждъ въ исполненіе, совѣтовались они между собою, критиковали свои произведенія, спорили и соглашались, или, вѣроятно, оставались каждый при своемъ мнѣніи, безъ злобы смѣялись о ближнемъ и о себѣ, какъ въ семъ дружескомъ и просвѣщенномъ ареопагѣ судили мы были *Водопадъ* Державина, но

трывокъ *Душеньки*, *Росславъ* ина; какъ Фонъ-Визинъ, слушая выходки сего класкаго Нормандца, наконецъ иваетъ автора: когда-же выгъ твой герой? онъ все твер- я Россъ, я Россъ: пора-бы перестать расти! — и какъ инъ отвѣчаетъ ему: мой авъ совершенно выростетъ, твоего Бригадира произвевъ генералы! Или, можно сеедставить, какъ при чтеніи на Фонъ-Визина, въ котоъ названъ *кумомъ Минервы*, аетъ онъ стрѣлу въ самого шника, и говоритъ: *можетъ только навѣрное покумились нею не на крестинахъ авто-* представляемъ себѣ, какъ й пріятельской бесѣдѣ, въ Фонъ-Визина вдругъ ожи- Сумароковъ съ своею живосъ своими замашками физии и умственными: олиценый покойникъ бѣсится на яковскаго, сравниваетъ строою съ строфою Ломоносова алуется на московскую пубкоторая въ театрѣ *щелкаетъ* въ то самое время, когда рій Самозванецъ произнозой монологъ — но, къ соію нашему, весь умъ этихъ ь выдохся, всѣ искры острохъ погасли въ мракѣ забве- насъ нѣтъ говоруновъ, разковъ, нѣтъ гостинныхъ рапь, передающихъ веселыя престарины; у насъ нѣтъ и раз: карты вытѣснили и заступсѣ другія забавы общежитія. е найдешь человѣка, готовспомнить масти и козыри которая сдана ему была во -оно Фонъ-Визинымъ или гра- Марковымъ, нежели острое слово, слышанное имъ отъ того или другаго. Кто достоинъ былъ имѣть друзей, тотъ долженъ былъ имѣть и непріятелей, или по крайней мѣрѣ противниковъ. Одна тусклая посредственность остается незамѣченною: ни блескъ на ней не отражается, ни сама она не отражаетъ отъ себя блеска, для многихъ ослѣпительнаго. Вѣроятно, Фонъ-Визинъ имѣлъ недоброжелателей и на поприщѣ успѣховъ своихъ по службѣ; но имена ихъ намъ неизвѣстны. Изъ литературныхъ противниковъ его всѣхъ извѣстнѣе Александръ Семеновичъ Хвостовъ, выступившій въ бой противъ него съ сатирою. Но бой былъ неравенъ; броня, которою одѣтъ былъ творецъ Бригадира и Недоросля, ограждала его отъ ломкихъ и не всегда острыхъ стрѣлъ наѣздника, болѣе отважнаго, нежели опаснаго. Говорятъ, что сей вызовъ на брань былъ началомъ нѣсколькихъ перепалокъ: мы имѣли въ рукахъ отвѣтъ прозою, написанный будто Фонъ-Визинымъ; но не нашли въ немъ ни веселости, ни замысловатости, свойственныхъ его сатирическому уму, и потому полагаемъ, что онъ написанъ не имъ, а какимъ нибудь безкорыстнымъ и добровольнымъ защитникомъ. Во всякомъ случаѣ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобы Фонъ-Визинъ подъ своимъ именемъ выходилъ на полемическое поприще. Кажется, въ числѣ литературныхъ непріятелей его былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго онъ превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ въ

Ноэль его, писанномъ въ подражаніе французскимъ, есть куплетъ и на автора нашего:

Но только лишь ввалился
Фонъ-Визинъ, вздернулъ носъ, и проч.

Въ послѣдніе годы жизни своей Фонъ-Визинъ охотно обращался къ духовнымъ размышленіямъ и не стыдился смиренія и раскаянія своего; напротивъ онъ любилъ обнаруживать оныя. Исповѣдь его и размышленія по случаю смерти Потемкина носятъ живые отпечатки сего расположенія. Разсказываютъ, что уже въ болѣзненномъ состояніи своемъ, сидя однажды въ московской университетской церкви, говорилъ онъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: «Дѣти! возьмите меня въ примѣръ; я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію!» — Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора. Вѣроятно даже, что и нѣкоторыя изъ мелкихъ сатирическихъ статей его принадлежатъ сей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя заслуги Фонъ-Визина въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ его. Переводы его заслуживали вниманіе отъ современниковъ; нынѣ они могутъ быть любопытны для изслѣдованія языка, для изученія переворотовъ, послѣдовавшихъ въ исторіи русскаго слога; могутъ служить поощреніемъ и уликою нынѣшнимъ писателямъ, слишкомъ пренебрегающимъ переводами, которыхъ впрочемъ не замѣняютъ они оригинальными твореніями. Мно гимъ писателямъ должно вѣри на слово, что они писатели. Кто-т выдавалъ себя за музыканта. «Д вы сами играете-ли на каком нибудь инструментѣ?» спросил его.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но дяд мой сбирался учиться играть н флейтѣ!—У насъ иной литератор въ правахъ своихъ съ родни этом дядѣ и племяннику. Фонъ-Визин былъ, напротивъ того, писате довольно дѣятельный, не смотр на то, что у него много времен было отнято службою, путешест віями и болѣзнію. И самыя отдѣл ныя, такъ сказать, бѣглыя сочине нія его достойны замѣчанія. Од изъ первыхъ въ этомъ родѣ п старшинству времени есть *Сло на выздоровленіе Великаго Кня Павла Петровича*, говоренное в 1771 году. Болѣзнь наслѣдника единаго преемника русскаго пре стола была въ то время не толь ко общею горестію, но и важно государственною опасностію; вы здоровленіе-же его было залогом спокойствія и радостію отечеств Участвуя въ общемъ торжеств Фонъ-Визинъ участвовалъ еще въ частномъ, столь близкомъ серд цу графа Панина, царственна наставника. Слово сіе читано бы съ жадностію и восхищеніемъ от одного конца Россіи до другог Впечатлѣніе, произведенное ни было такъ сильно, что И. И. Дми тріевъ, спустя болѣе пятидесят лѣтъ, помнилъ еще наизусть на чало сей рѣчи, слышанной имъ в дѣтствѣ на семейномъ чтеніи. Ко нечно, успѣхъ сего творенія мно заимствованъ отъ обстоятельст и сочувствія, съ которымъ дѣл ли радость автора; силы красн рѣчія, движеній, ораторскаго д

юнства въ немъ мало; но вообще ю написано хорошо. Слогъ его е имѣетъ тяжелой плодовитости академической напыщенности лога Ломоносова; онъ приближается уже нѣсколько къ общему слогу. Можетъ быть, слуху, въ то время еще не очень опытному, нравились и сіи стихотворческія накладки, которыми облѣпливалъ онъ свою прозу; вотъ обращики этому: обращаясь къ Россіи, говоритъ онъ: *Велико счастіе твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутишь, колико небеса Россію защищаютъ.»* Чѣмъ это не стихи изъ Россіады? Между тѣмъ встрѣчается въ сей рѣчи и достоинство мыслей, которое никогда не старѣется. «Любовь народа есть истинная слава государей. Будь властелиномъ надъ страстями своими, и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими со славою, кто собою владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тамъ нѣтъ вѣрности къ государю, гдѣ нѣтъ ее къ истинѣ.» Упомянемъ здѣсь, что Его Высочество и въ дѣтствѣ своемъ и послѣ благоволилъ къ своему панегиристу; часто допускалъ его къ себѣ до самой его болѣзни, совершенно раздѣлялъ съ наставникомъ своимъ чувства благосклонности и уваженія къ нему.

Во всеобъемлющей заботливости своей о прививкахъ просвѣщенія, Екатерина, подобно Петру, соображаясь съ вѣкомъ и поломъ своимъ, не оставляла безъ вниманія ни одного средства размножать у насъ успѣхи образованности, пріохочивать къ нимъ общество и дать умамъ благонамѣренное направленіе. Можно сказать въ семъ отношеніи, что, какъ Петръ былъ плотникъ и преобразователь, такъ Екатерина была законодательница и журналистъ. *Собесѣдникъ*—Ея Сардамъ. Сіе періодическое собраніе, издаваемое въ 1782 году подъ руководствомъ предсѣдательницы Академіи Наукъ княгини Дашковой, оживляемо было Вѣнценосною Сотрудницей не однимъ только покровительствомъ, но и дѣятельнымъ участіемъ. Нельзя безъ особеннаго вниманія, безъ благодарности, безъ живѣйшаго ощущенія различныхъ чувствъ, читать и нынѣ сей памятникъ золотаго вѣка литературы нашей. Разсматривая его въ отношеніи чисто изящномъ, найдемъ въ немъ соединеніе именъ, коими наиболѣе гордятся лѣтописи словесности нашей: Державина, Хераскова, Богдановича, Княжнина, М. Н. Муравьева, Капниста. Въ отношеніи философическомъ сіе изданіе не менѣе, если не болѣе, замѣчательно и важно. Въ сравненіи съ нимъ многіе изъ современныхъ журналовъ нашихъ не болѣе, какъ ученическія упражненія въ словесности, и то еще подъ руководствомъ учителя, плохо знающаго свою грамоту. Фонъ-Визинъ былъ также одинъ изъ соучастниковъ его. *Опыты Русскихъ синонимовъ, Поученіе, говоренное въ Духовъ день, и Вопросы* его Собесѣднику, возбудившіе, такъ сказать, политическую полемику его съ Императрицею, любопытны и занимательны до высшей степени. Въ семъ послѣднемъ произведеніи (должно сказать безъ лести къ царственной тѣни) превосходство не на сторонѣ автора нашего. Екатерина уже и тѣмъ побѣдила противника своего, что, не отклонившись отъ состязанія съ нимъ, отвѣчала на вопросы его, изъ коихъ

нѣкоторые могли казаться довольно неумѣстными. Если Фонъ-Визинъ въ вопросахъ своихъ оказалъ смѣлость, то повинное письмо его, по сему случаю писанное, умно и благородно.

Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Фонъ-Визинъ и самъ собирался издавать журналъ. Намѣреніе его не состоялось; но до насъ дошло нѣсколько статей, приготовленныхъ имъ для сего журнала. Кисть творца Недоросля оказывается во многихъ изъ нихъ.

Фонъ-Визинъ показалъ примѣръ, какъ писать нравственныя и сатирическія статьи для простолюдиновъ. Его *Поученіе* — статья образцовая въ своемъ родѣ. Оно не по направленію своему, совершенно чуждому политики, но по искуству въ отдѣлкѣ и по принаровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ *Курье*, знаменитаго виноградаря. *Въ Придворной Грамматикѣ* много остроумія, но есть нѣсколько и натяжекъ. *Письмо о планѣ Россійскаго Словаря* отличается большимъ искуствомъ въ критикѣ и эпиграмматическимъ остроуміемъ. Нельзя безпрекословно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, напримѣръ: что всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, весьма низки умомъ и выраженіемъ— и желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты!—какъ будто пословицамъ, симъ апоѳегмамъ народнымъ, должно имѣть складъ и чопорность академическихъ фразъ, или щегольство свѣтскихъ привѣтствій! Но не смотря на то, сей критическій отрывокъ весьма замѣчателенъ; въ немъ авторъ входитъ въ состязаніе съ другимъ знаменитымъ критикомъ, Болтинымъ. Жаль, что неизвѣстны намъ подлинныя примѣчанія Болтина и планъ Словаря россійской академіи. Сіи критическіе взгляды на языкъ народа весьма драгоцѣнны, особливо у насъ, гдѣ вообще всѣ болѣе или менѣе говорятъ по наслышкѣ. Нельзя не пожалѣть также о краткости написанной Фонъ-Визинымъ *Жизни графа Н. И. Панина*, но и въ настоящемъ видѣ прочтешь ее не безъ участія, и съ уваженіемъ къ государственному мужу и съ благодарностію къ признательному біографу. Намъ сказывали завѣрное, что авторъ написалъ эту жизнь первоначально на французскомъ языкѣ. Читая ее въ рукописи одному изъ своихъ пріятелей, замѣтившему невѣрность въ какой-то подробности, онъ сказалъ ему, что эта невѣрность умышленная, дабы приписали это сочиненіе иностранцу. Достовѣрно то, что сей біографическій отрывокъ въ первый разъ показался въ печати на французскомъ языкѣ; переведенный съ него, онъ напечатанъ въ 1787 году Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, не знавшимъ, что онъ переводчикъ Фонъ-Визина; а авто-переводъ, напечатанный нынѣ, отысканъ уже послѣ въ бумагахъ покойнаго Фонъ-Визина. Къ сему-же отдѣленію сочиненій его можно причислить и *Выборъ гувернера*, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, которая не была и не можетъ быть на театрѣ за совершеннымъ недостаткомъ дѣйствія. Читая ее, можно подумать, что она служила основаніемъ Недоросля; но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ — и подражалъ слабо. Но и въ семъ про-

ніи, какъ далеко ни отсто-
о отъ двухъ прежнихъ ко-
и даже *Разговора у княгини
гой* и другихъ нравственно-
ческихъ очерковъ его, про-
ся иногда дарованіе Фонъ-
. По времени, оно изъ са-
послѣднихъ, а можетъ быть
ѣднее сочиненіе автора, уже
жавшагося къ концу стра-
ской жизни своей: въ этомъ
ніи оно драгоцѣнно. Раз-
вая автора сихъ отдѣльныхъ
со стороны нравственной и
ической, должно сказать
кеніемъ, что онъ вездѣ ру-
ъ былъ просвѣщеннымъ па-
момъ: благонамѣренные ви-
на нѣкоторые запросы выс-
ражданственности показы-
что онъ размышлялъ объ
ствѣ и потребности общест-
щалъ вниманіе на изслѣ-
предметовъ, которые во-
ыли еще довольно чужды
нным ему писателямъ.

Кн. Вяземскій.

(*Фонъ-Визинъ*).

---

75. Державинъ.

ло одно изъ свѣтилъ поэзіи
лучезарнѣйшее свѣтило ея!
ина нѣтъ! Смерть похитила
ь у музъ почтеннаго ихъ
, у отечества мужа знаме-
прошедшаго со славою и
поприще долгой жизни,—
нихъ и друзей добродуш-
рца, украшеннаго семей-
ми добродѣтелями. Пускай
слѣдуютъ за нимъ на пути
ской службы, застаютъ его
ъ рядовымъ на часахъ въ
шествія на престолъ Екате-
, и потомъ съ удивленіемъ
его любимцемъ, статсъ-секретаремъ и пѣвцомъ Екатерины Великой: мы кинемъ взглядъ на его поприще литературное.

Утратою великихъ людей, сею горестною цѣною, покупается прискорбное право говорить о нихъ свободно. Съ одной стороны недоброжелательство не упрекнетъ критика лестію, съ другой страхъ оскорбить раздражительное самолюбіе не увлечетъ его за границу надлежащихъ похвалъ.

Державинъ, какъ другой Ломоносовъ, создалъ самъ себя. Судьба не уровняла пути, по которому онъ долженъ былъ достигнуть до первыхъ степеней государственнаго человѣка и вершины славы піитической. Первые порывы піитическаго таланта ознаменовались въ гвардейскомъ сержантѣ. Послѣ того оды, написанныя при горѣ Четалагаѣ и напечатанныя въ 1777 году, изъ которыхъ многія переправленныя явились послѣ въ свѣтъ подъ другими названіями, показали малому тогда числу любителей поэзіи достойнаго наслѣдника лиры Ломоносова, а прозорливому взгляду просвѣщенныхъ судей — и будущаго побѣдителя сего творца и образователя русской поэзіи.

Свѣтильникъ паукъ въ первые годы его молодости не озарялъ передъ нимъ міра, въ которомъ тогда единственнымъ вождемъ и истолкователемъ его таинствъ былъ ему вдохновенный геній его, душа пылкая и умъ прозорливый и наблюдательный. Первыми его учителями въ стихотворствѣ были, кажется, Ломоносовъ и Петровъ. У перваго онъ научился звучности языка піитическаго и живописи поэзіи; у другаго похитилъ онъ тайну заключать живую или глубо-

кую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стихѣ — тайну совершенно неизвѣстную Ломоносову.

Въ скоромъ времени Державинъ сравнился съ наставниками, и конечно превзошелъ Петрова. Не долго однакоже слѣдовалъ онъ по дорогѣ, проложенной его предшественниками. Своенравный геній его, испытавшій богатство и свойство языка почти новаго, пробилъ себѣ путь особенный, на которомъ не было ему вожатаго и не будетъ достойнаго послѣдователя. Безъ сомнѣнія, если многія изъ одъ Державина могутъ раздѣлиться на опредѣленные роды: пиндарическій, гораціанскій, анакреонтическій, то многія по всей справедливости должны назваться *Державинскими*. И строгій законодатель вкуса и правилъ не усомнится прибавить новую статью къ своей піитикѣ. Какая словесность древнихъ или новѣйшихъ народовъ могла служить ему образцемъ для одъ: *Фелица, Изображеніе Фелицы*, *Видѣніе Мурзы*, *Осень во время осады Очакова*, *Счастіе*, *На походы въ Персію*, *Вельможа*, и пр.? Не говорю уже объ одѣ *На смерть Мещерскаго* или *Къ первому сосѣду*, гдѣ конечно нашъ поэтъ, слѣдуя Горацію, одѣлъ глубокія истины и философію прелестію поэзіи, но кисть и краски занялъ онъ не у римскаго поэта. Не говорю уже о *Водопадѣ*, гдѣ все дышитъ дикою и ужасною красотою, гдѣ поэзія побѣдила живопись, но гдѣ, къ сожалѣнію, не видно единства въ расположеніи и примѣтно, что поэтъ (такъ точно, говорятъ, и было) составилъ свою поэму въ разныя времена и изъ разныхъ частей. Піесы вышеназванныя и нѣкоторыя другія можно назвать рудниками поэзіи—сокровищемъ опаснымъ, до котораго на свою гибель дотронется рука легкомысленнаго послѣдователя. Изъ всѣхъ поэтовъ, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ, можетъ быть, Державинъ болѣе всѣхъ отличился оригинальностію, и потому родъ его долженъ остаться неприкосновеннымъ. Природа образовала его геній въ особенномъ сосудѣ — и бросила сосудъ. Державину подражать не можно, то есть Державину въ красотахъ его. Подражатели его заимствуютъ одни пороки, но ни одной красоты, ни одной мысли, ни одного счастливаго выраженія изъ могущественной и упрямой руки генія не исторгнутъ. Но если Державинъ, какъ создатель рода, до него неизвѣстнаго, сорвалъ вѣчнозеленую пальму поэзіи, то и по творческимъ подражаніямъ онъ можетъ занять мѣсто на ряду съ величайшими поэтами. Сомнѣваюсь, чтобъ Анакреонъ превзошелъ нашего пѣвца въ прелести и простотѣ стихотвореній, освященныхъ его именемъ, развѣ можетъ быть, по достоинству слога, о которомъ одни современники его могли судить безошибочно, но конечно не по прелести живописи, затѣйливой игривости и свѣжести воображенія. Я забываю Анакреона, читая *Хариты*, *Русскую пляску*; вижу передъ собою Державина, сего единственнаго пѣвца, творящаго среди печальныхъ снѣговъ сѣвера огненныя розы поэзіи, — розы, соперницы цвѣтовъ, нѣкогда благоухавшихъ подъ счастливымъ небомъ Аттики. Въ самомъ подражаніи его нѣтъ ничего рабскаго, заимственнаго. Читая Державина и Анакреона, вы скажете конечно: ихъ души были сродны. Держа-

винъ при дворѣ роскошнаго Иппарха говорилъ бы языкомъ мудреца Ѳеосскаго; еслибъ Анакреонъ родился на берегахъ Невы, то употребилъ-бы всѣ краски Державина для составленія сихъ малыхъ, но безцѣнныхъ картинъ, дышащихъ безпечностію и нѣгою. Горацій, перенесенный судьбою изъ влажнаго Тибура или отъ роскошныхъ водъ Баіи, Горацій, желая поразить мыслію о смерти кипящее радостію и всегда легковѣрное въ счастіи сердце, не сказалъ-ли бы, какъ нашъ поэтъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
На гробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....

И счастливецъ содрогнулся-бы при сихъ словахъ, подобно какъ отъ тѣхъ стиховъ, въ которыхъ Горацій напоминаетъ роскошному Римлянину, что изъ всѣхъ растеній, украшающихъ его садъ, послѣдуетъ за нимъ одинъ печальный кипарисъ, въ печальную обитель тѣней.

Въ теченіе трехъ царствованій раздавались пѣсни Державина. Но блестящій вѣкъ Екатерины, сей піитическій вѣкъ славы Россіи (котораго Державинъ, казалось, былъ посреди насъ живымъ и краснорѣчивымъ памятникомъ) былъ лучшею эпохою и его славы. Онъ засталъ его въ полномъ цвѣтѣ мужества и силы. Настоящіе дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народнаго мужества, были свидѣтелями заката его генія, удрученнаго лѣтами. Но подвиги сыновъ Суворова часто пробуждали отъ сна его пѣснопѣвца, и извлекали изъ лиры, уже охладѣвшей, звуки, достойные минувшихъ дней. Двѣ или три изъ пьесъ, написанныхъ Державинымъ въ послѣдніе три года, можно назвать прощальною пѣснію умирающаго лебедя.

Часто Державинъ, увлеченный своенравіемъ смѣлаго генія, посреди лирическихъ восторговъ пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала, и струны Пиндарической лиры метали укоризны въ порокъ, пробуждая трепетомъ раскаянія преступное упоеніе развратныхъ любимцевъ счастія. Нѣкоторыя изъ одъ его, какъ на пр. *Вельможа*, могутъ по справедливости назваться лирическими сатирами.

Первый томъ его стихотвореній, кромѣ піитическаго достоинства, имѣетъ для насъ и другую привлекательную сторону. Онъ одинъ живописуетъ глазамъ нашимъ картину двора великой Монархини, родитъ въ сердцахъ нашихъ драгоцѣнныя воспоминанія и сохраняетъ для внуковъ нѣкоторыя черты лицъ, игравшихъ значительныя роли въ семъ періодѣ, столь обильномъ чудесными происшествіями. По этой причинѣ встрѣчаются въ Державинѣ мѣста темныя, сомнительныя для насъ, еще не столько отдаленныхъ отъ времени, въ которомъ они писаны, и къ которымъ потомство совершенно потеряетъ ключъ. Державинъ написалъ поясненія на два первые тома; они хранятся въ рукахъ мужа почтеннаго, знающаго имъ цѣну. Можно надѣяться, что сей ревнитель русской словесности, которая обязана ему многими полезными трудами, современемъ употребитъ съ пользою драгоцѣнность, ввѣренную ему Державинымъ.

Иные сравнивали Державина съ Ломоносовымъ, но что между ими общаго? Одно: тотъ и другой пи-

салъ оды. Родъ, избранный ими, иногда одинаковъ, но духъ поэзіи ихъ различенъ. Ломоносовъ въ стихахъ своихъ болѣе ораторъ, Державинъ всегда и вездѣ поэтъ. И тотъ и другой бываютъ иногда на равной высотѣ; но первый восходитъ постепенно и съ примѣтнымъ трудомъ, другой быстро и непримѣтно на нее возлетаетъ. Ломоносовъ въ хорошихъ строфахъ своихъ плыветъ величавымъ лебедемъ; Державинъ паритъ смѣлымъ орломъ. Одинъ плѣняетъ насъ стройностію и тишиною движеній; другой поражаетъ насъ неожиданными порывами: то возносится къ солнцу и устремляетъ на него зоркій и постоянный взглядъ, то огромными и распущенными крилами разсѣкаетъ облако, и, скрываясь въ немъ какъ-бы съ умысломъ, является изумленнымъ нашимъ глазамъ въ новой и возрожденной красотѣ. Ломоносова читатель неподвиженъ; Державинъ увлекаетъ, уноситъ его всегда за собою. Державинъ — пѣвецъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; Ломоносовъ пѣвецъ россійскаго двора. Горацій не дожилъ-бы до нашего времени, если бы изъ его твореній сохранились однѣ похвалы Августу. Можетъ быть, тогда и вовсе не читали-бы его, или читали-бы въ латинскихъ классахъ университетовъ и училищъ, и кругъ славы величайшаго изъ поэтовъ-философовъ былъ бы весьма ограниченъ. Піитическій геній Державина возлагаетъ дани на всю природу — и вся природа ему покорна. Геній Ломоносова довольствовался нѣкоторыми данями, и мы негодуемъ на его умѣренность. Вся природа говоритъ сердцу и воображенію творца Водопада піитическимъ и таинственнымъ языкомъ, и мы шимъ отголоски сего языка. моносовъ былъ, кажется, нев теленъ къ ея вдохновеніямъ. жавинъ смотрѣлъ на природу рымъ и свѣтозарнымъ взором эта-живописца; Ломоносовъ леннымъ взглядомъ наблюд Піитическая природа Держ есть природа живая: тотъ я ней пламень, тѣже краски, движеніе. Въ Ломоносовѣ слѣды труда и тщательная о ка холоднаго искуства. О словомъ, все, что человѣч имѣетъ священнѣйшаго, что вѣкъ имѣетъ благороднѣйша доблесть сердечная, сострад праведное негодованіе и пр ніе къ пороку, глубокія мы безсмертіи и Создателѣ, пе ныя чувства при видѣ слабо страданій человѣчества, се ныя воспоминанія юности, ро великихъ дѣяній предковъ и временниковъ, всѣ сокровища ши, ума и сердца обогатили раженіе величайшаго изъ поэто Державина.

Будемъ справедливы и пр емся, что достоинство его, поэта, многимъ превышаетъ д инство его предшественника что не менѣе того труды и п ги Ломоносова — труды и по исполинскіе. Если Державинъ занъ природѣ своимъ геніемъ обязаны Ломоносову тѣмъ, чт ній Державина, не имѣя н бороться съ предлежащими т ностями языка, могъ явитьс поприщѣ его достойномъ. Бу дивиться красотѣ изваянія В Великаго, искуству худож но будемъ благоговѣть и п трудами, побѣдившими самую роду, и вызвавшими изъ нѣдръ

ли огромное подножіе, служащее статуѣ достойною подпорою и украшеніемъ.

Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безпристрастіемъ, собрала избранныя творенія Державина. Съ его книжкою могли бы мы смѣло предстать предъ славнѣйшими лириками всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, не опасаясь побѣдителя.

Образъ Державина, сей образъ, озаренный пламенникомъ генія, сохраненъ намъ знаменитымъ живописцемъ Тончи. Живописецъ-поэтъ изловилъ, и, если смѣю сказать, приковалъ къ холсту божественныя искры вдохновенія, сіяющія на піитическомъ лицѣ сѣвернаго барда. Геній живописца прозорливымъ, вдохновеннымъ взглядомъ постигъ печать генія поэзіи, темную для слѣпой толпы. Картина, изображающая Державина въ царствѣ Зимы, останется навсегда драгоцѣннымъ памятникомъ, какъ для искуства, такъ и для ближнихъ, оплакивающихъ великаго и добродушнаго старца. Молодой поэтъ, постигшій пламенною душею красоты знаменитаго лирика, будетъ хранить образъ его въ уединенномъ своемъ святилищѣ. Сей безмолвный памятникъ краснорѣчивыми воспоминаніями повѣдаетъ ему славу Державина и будетъ завѣщать ему блестящій его примѣръ. Юный питомецъ музъ не будетъ подражать ему въ слогѣ: но, подобно ему, питая душу однимъ изящнымъ, однимъ тѣмъ, что достойно Музъ, усилитъ раждающійся талантъ и дастъ ему новыя крылья.

Разборчивая и строгая критика изречетъ со временемъ рѣшительный приговоръ достоинству Державина, и въ горнилѣ своемъ очиститъ золото отъ чуждой примѣси. Но мы, еще живо пораженные утратою великаго мужа, въ первыя минуты горести, осыплемъ цвѣтами признательности свѣжую могилу пѣснопѣвца, котораго память не остынетъ въ сердцахъ ближнихъ его, а мѣсто, можетъ быть, еще на долгое время останется празднымъ на нашемъ Парнассѣ.

Кн. Вяземскій.

---

76. Кутузовъ.

Прощаясь съ молдавскою арміею, Кутузовъ, всегда дѣйствовавшій на предводимыя имъ войска ласкою и привѣтливымъ обращеніемъ, говорилъ въ приказѣ: «Дружба ко мнѣ начальниковъ, услаждая горькія минуты, нераздѣльныя съ трудами и безпокойствіемъ военной осторожности, въ продолженіе девяноста дней на бивакахъ, способствовала къ тѣмъ событіямъ, которыя время оправдало. Приношу мою чувствительную благодарность вообще войску и за ту любовь ко мнѣ, которая оградила меня употребить власть мою къ обращенію кого-либо силою къ своимъ обязанностямъ, и дозволила мнѣ единственно ходатайствовать для арміи щедротъ Монарха.» Изъ Бухареста Кутузовъ отправился въ волынскую губернію, въ свое помѣстье Горошки. Здѣсь, въ сельскомъ уединеніи, дошла до него вѣсть о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ и онъ поспѣшно поѣхалъ въ Петербургъ. Судьба влекла его, готовя ему новыя искушенія, бремя и славу предводительства всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи, страшную отвѣтственность за гибель Москвы, и имя безсмер-

тія. Его путь отъ Волыни до Петербурга уподоблялся торжеству. Всюду Кутузовъ былъ сопровождаемъ надеждами, возлагаемыми на него единогласно согражданами его въ великомъ дѣлѣ спасенія государства Россійскаго.

Императора Александра не было въ Петербургѣ, когда въ іюнѣ пріѣхалъ туда Кутузовъ, и онъ жилъ нѣсколько времени въ столицѣ безъ всякаго назначенія. Монархъ былъ сперва въ дѣйствовавшей противъ Наполеона арміи, а потомъ прибылъ въ Москву, гдѣ радовалъ Россію міромъ, который заключилъ Кутузовъ, и призывалъ подданныхъ ополчиться за вѣру и отечество. Въ Москвѣ Императоръ получилъ извѣстіе о движеніи одного непріятельскаго корпуса изъ Риги къ Петербургу, и прикасалъ Кутузову принять начальство надъ всѣми войсками, бывшими въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Финляндіи, не исключая морскихъ. Такимъ образомъ оборона Петербурга была первымъ возложеннымъ на Кутузова въ отечественную войну порученіемъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ получили въ Петербургѣ манифестъ объ ополченіи. Іюля 17-го дворянство приступило къ выбору начальника. Никто не колебался въ назначеніи предводителя. Не было ни бѣлыхъ шаровъ, ни черныхъ. «Кутузова! Кутузова!» загремѣло повсюду. Къ нему отправилась депутація извѣстить его о выборѣ дворянства и пригласить въ собраніе. Кутузовъ пріѣхалъ, остановился посреди залы, возлѣ стола, и, давъ пройти первому впечатлѣнію, произведенному его присутствіемъ, произнесъ слѣдующія слова: «Господа! я вамъ многое хо-«тѣлъ говорить.... скажу только «что вы украсили мои сѣдины.... Слезы полились изъ глазъ его. Он изъявилъ готовность принять начальство надъ ополченіемъ, но с ограниченіями, изложенными в слѣдующемъ письмѣ его къ Императору, находившемуся тогда в Москвѣ: «17-го числа сего мѣсяц «Петербургское Дворянское Обще-«ство призвало меня въ свое со-«браніе, гдѣ объявили всеобще «желаніе, дабы я принялъ началь-«ство ополченія петербургской гу-«берніи, отъ дворянства составляе-«маго. Дабы отказомъ не замедлит «ревностныхъ дѣйствій дворянства «принялъ я сіе предложеніе и всту-«пилъ въ дѣйствіе по сей части, н «съ такимъ условіемъ, что, будуч «въ дѣйствительной Вашего Импе-«раторскаго Величества военно «службѣ, ежели я вызванъ буду к «другой коммиссіи или какимъ-«либо образомъ сіе мое упражне-«ніе Вашему Императорскому Ве-«личеству будетъ не угодно, тогд «я должность сію оставить должен «буду другому, по избранію Дво-«рянства.» Въ ожиданіи Высочайшаго соизволенія, которое вскорѣ послѣдовало, Кутузовъ принялъ временное начальство надъ ополченіемъ, занимался имъ отъ всей души, присутствовалъ при сдачѣ ратниковъ, вооруженіи и обмундированіи ихъ, дѣлалъ имъ лично наставленія и увѣщанія. Глядя на него, когда онъ съ важностью засѣдалъ въ казенной палатѣ и комитетахъ ополченія, и входилъ во всѣ подробности формированія бородатыхъ воиновъ, можно было подумать, что онъ никогда не стоялъ на высокихъ ступеняхъ почестей и славы, не бывалъ посломъ Екатерины и Павла, не предводитель-

ствовалъ арміями, и степень начальника земскаго ополченія питалъ цѣлью своего самолюбія. А между тѣмъ, какъ простой зритель, онъ издалека смотрѣлъ на борьбу народовъ, на повсемѣстное отступленіе армій, полвѣка дѣливъ съ ними на ратномъ полѣ труды, славу, неудачи, всѣ случайности перемѣнчиваго счастія на войнѣ. Но, по мѣрѣ успѣховъ нашествія въ наше отечество, когда одна губернія за другою переходили во власть его и уныніе обнимало Россію при извѣстіяхъ о томъ, взоры Россіи устремлялись на Кутузова; его имя было у всѣхъ на языкѣ, изъ глубины сердца призывали его на защиту родины. Съ восхищеніемъ приняли извѣстіе, когда по возвращеніи Императора Александра изъ Москвы въ Петербургъ, Кутузовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлѣйшаго.

Въ то время, въ началѣ августа, были въ Россіи четыре арміи: двѣ первыя, Барклая де Толли и князя Багратіона, стояли впереди Смоленска; третья, Тормасова, была на Волыни; четвертая, Чичагова, только что переходила черезъ Днѣстръ, возвращаясь съ береговъ Дуная въ Россію. Главнокомандовавшіе арміями не были подчинены одинъ другому. Сверхъ того находились отдѣльные корпуса: графа Витгенштейна у Полоцка, Эссена въ Ригѣ и Эртеля у Мозыря, и въ 17-ти губерніяхъ составлялось ополченіе. Александръ возбуждалъ все государство Свое къ оружію, и Его вѣрная Россія грознымъ исполиномъ возставала противъ завоевателя. Огромны были средства обороны Александра, войскъ было много, но не доставало главнаго надъ всѣми силами предводителя, могущаго направлять къ одной общей цѣли арміи, отдѣльные корпуса, ополченія, вооружавшійся за вѣру и Царя народъ. Необходимость вождя становилась ежедневно ощутительнѣе. Сужденіе объ избраніи вождя поручено было Императоромъ Александромъ комитету, составленному изъ шести сановниковъ. Единогласно, августа 7-го, признали они Кутузова достойнымъ предводить всѣми силами Россіи, противопоставленными Наполеону. На другой день, послѣ обѣда, Императоръ Александръ пригласилъ Кутузова въ Каменно-Островскій дворецъ, и ввѣрилъ ему арміи и ополченія, разрѣшая его дѣйствовать по усмотрѣнію. Одно строжайше запрещалъ ему Александръ: вступать въ переговоры съ Наполеономъ, и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми несчастными ихъ жителями, которые въ отношеніи къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ. Въ сихъ чертахъ кто не узнаетъ Императора Александра? Неумолимъ къ Наполеону — милосердъ къ безоружнымъ. Кутузовъ, какъ онъ самъ въ тотъ вечеръ разсказывалъ въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ—словамъ его есть еще свидѣтели — «принялъ повелѣніе изъ устъ Императора съ христіанскимъ смиреніемъ, какъ призваніе свыше.» — «Я не оробѣлъ, говорилъ онъ, и «съ помощію Божіею надѣюсь успѣть, но, слушая Государя, я «былъ растроганъ новымъ назначеніемъ моимъ.» Тогда же Кутузовъ удостоенъ былъ слѣдующимъ рескриптомъ: «настоящее положе-

«ніе военныхъ обстоятельствъ на-«шихъ дѣйствующихъ армій хотя «и предшествуемо было началь-«ными успѣхами, но послѣдствія «оныхъ не открываютъ еще той бы-«строй дѣятельности, съ каковою «надлежало бы дѣйствовать на по-«раженіе непріятеля. Соображая «сіи послѣдствія и извлекая истин-«ныя тому причины, Я нахожу «нужнымъ назначеніе надъ всѣми «дѣйствующими арміями одного «общаго главнокомандующаго, ко-«тораго избраніе, сверхъ воинскихъ «дарованій, основывалось бы и на «самомъ старшинствѣ. Извѣстныя «военныя достоинства ваши, лю-«бовь къ отечеству и неоднократ-«ные опыты отличныхъ вашихъ по-«двиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истин-«ное право на сію мою довѣрен-«ность. Избирая васъ для сего важ-«наго дѣла, Я прошу Всемогущаго «Бога, да благословитъ дѣянія ва-«ши къ славѣ россійскаго оружія, «и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя «надежды, которыя отечество на «васъ возлагаетъ.» Возведеніе Ку-тузова на степень главнаго пред-водителя праздновала Россія, какъ первое радостное событіе, совер-шившееся со времени вторженія Наполеона въ предѣлы наши. Ни-когда голосъ имперіи не былъ столь единодушенъ и рѣшителенъ, какъ въ пользу Кутузова. Достоинство, признаваемое въ полководцѣ цѣ-лымъ народомъ, есть не ѳиміамъ лести, но изліяніе чувствъ 50-ти мильоновъ человѣкъ къ предста-вителю ихъ славы. Поколѣніе 1812 года выросло, возмужало въ гром-кое, волшебное царствованіе Ека-терины; отъ вождя временъ Ея жда-ло оно побѣдъ, и заранѣе вѣнчало его безсмертіемъ.

Августа 11-го отправился Ку-тузовъ изъ Петербурга. Отъ до его, на Гагаринской пристани, Казанскаго собора, куда прибы Кутузовъ напутствовать себя мо литвою, едва могъ онъ проѣха въ толпахъ народа. Отвсюду ра давались пожеланія побѣды. Н колѣняхъ молился онъ о Боже помощи. Окропленный святою во дою, возложивъ на грудь свою под несенный ему образъ Богоматер Кутузовъ сказалъ священникам «Молитесь обо мнѣ, меня посыла «ютъ на великое дѣло.» На перв станціи отъ Петербурга, въ Ижо рѣ, Кутузовъ встрѣтилъ курьер изъ арміи, и, узнавъ отъ нег о паденіи Смоленска, сказал «Ключъ къ Москвѣ взятъ.» Из Торжка Кутузовъ поворотилъ Старицу, Зубцовъ и Гжатскъ. Н всемъ пути жители городовъ и се леній благоговѣйно встрѣчали Ку тузова. По мѣрѣ приближенія ег къ Гжатску болѣе и болѣе обна руживались признаки губительно войны. Помѣщики и поселяне смо ленской губерніи тысячами спаса лись отъ непріятельскаго наше ствія. Одни съ имуществомъ, другі безъ всего, въ рубищѣ, тянулис къ Ржеву, Волоколамску и далѣе кочуя подлѣ дороги, на поляхъ Отрадно было несчастнымъ появ леніе Кутузова. Нѣсколько разъ останавливался онъ, утѣшая без пріютныхъ. Старцы заставляли вну ковъ лобызать стопы его; матер поднимали грудныхъ младенцевъ; только и слышно было: «Спаси насъ! «побей сопостата!» Августа 17-го, въ 5-ти верстахъ отъ Гжатска, множество жителей, вышедшихъ Кутузову на встрѣчу, остановил его карету, выпрягли лошадей и повезли ее на себѣ въ городъ. Изъ Гжатска Кутузовъ отправился въ

арево-Займище, гдѣ въ тотъ день рвыя двѣ русскія арміи имѣли адыхъ. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, для него поставленнымъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: «Можно-ли все отступать съ такими молодцами?» При восклицаніяхъ восторга объѣхалъ онъ войска. На ясномъ небѣ взвился орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ — вѣстникомъ успѣховъ, и провозгласилъ: ура! тысячекратно повторенное полками. Взоры и сердца воиновъ обратились къ полководцу съ безграничною довѣренностью, и онъ оправдалъ ее, старецъ—вождь. Пріѣздъ Кутузова въ армію, при самомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ, воскресилъ упадшій духъ, оживилъ въ войскахъ самосознаніе непобѣдимости.

Найдя мѣстоположеніе при Царевомъ Займищѣ невыгоднымъ для сраженія, и желая сблизиться съ идущими къ нему подкрѣпленіями, Кутузовъ велѣлъ войску отступить, и занялся соображеніями военныхъ дѣйствій. Черезъ два дня соединились съ нимъ резервы, приведенные Милорадовичемъ, послѣ чего предводимыя лично Кутузовымъ двѣ арміи заключали въ себѣ 113,323 человѣка. Съ ними рѣшился онъ дать битву Наполеону, и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Съ сею цѣлью послалъ онъ офицеровъ отыскать позицію для сраженія. Вскорѣ посланные донесли, что въ 11-ти верстахъ передъ Можайскомъ найдено ими удобное для битвы мѣсто, при селѣ, имени коего суждено жить въ памяти вѣковъ — говоримъ о селѣ Бородинѣ. Августа 22-го Кутузовъ прибылъ въ Бородино, осмотрѣлъ окрестности, приказалъ расположить на нихъ войско и соорудить нѣсколько укрѣпленій. Узнавъ о пріѣздѣ Кутузова къ арміи, Наполеонъ началъ готовиться къ сраженію. Непривыченъ и страненъ былъ ему образъ войны, какую вели съ нимъ Рускіе. Однимъ сильнымъ рѣшительнымъ ударомъ привыкъ до того времени и приучилъ воиновъ своихъ побѣждать Наполеонъ: одной битвой по два раза рѣшалъ онъ участь Италіи; одной битвой рѣшилъ участь Австріи; одной битвой рѣшилъ участь Пруссіи, и всегда недѣлями считалъ походы отъ Парижа до столицъ непріятельскихъ. Теперь, уже два мѣсяца съ половиною находился онъ въ русской землѣ, восемь сотъ слишкомъ верстъ прошелъ отъ границы, а побѣды еще не было. И еще не разбита, не побѣждена была русская армія: новыя войска готовились, вся Русь принималась за оружіе! что могли подумать народы, трепетавшіе при имени Наполеона? На что не могли они рѣшиться въ его отсутствіе? Битва обѣщала ему побѣду вѣрную. Крѣпко уповалъ онъ на свое счастіе, вѣрилъ въ свое умѣнье, въ свои силы. А побѣда готовила покореніе Россіи, предавала ему Москву, разрушала новыя средства защиты Россіи, и рѣшала жребій цѣлаго свѣта—царемъ надъ царями становился послѣ того Наполеонъ. Все сосредоточилось для него въ предстоявшей битвѣ, и радостно услышалъ онъ, что Кутузовъ остановился.

Давъ войскамъ два дня отдыха въ Гжатскѣ, Наполеонъ двинулся впередъ августа 23-го, и на другой день явился въ виду Кутузо-

ва, стоявшаго съ арміею на позиціи. Кутузовъ приказалъ стрѣлять въ правый флангъ непріятеля изъ Шевардинскаго редута. Наполеонъ быстро передвинулъ войска за Колочу, и загорѣлся сильный бой. Кутузовъ пріѣхалъ на поле сраженія. Три раза безуспѣшно непріятель врывался въ редутъ, пока смеркалось. Въ полночь Кутузовъ велѣлъ оставить укрѣпленіе, не имѣя болѣе надобности удерживать его. Французы потеряли 1,000 человѣкъ убитыми и двѣ пушки—первые трофеи Кутузова въ отечественную войну. Августа 25-го прошло спокойно. Иногда раздавались пушечные выстрѣлы по французскимъ всадникамъ, подъѣзжавшимъ къ нашей позиціи. Два мощныя воинства провели сутки, только готовясь на битву. Распорядившись устройствомъ войскъ, Кутузовъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Въ семъ боевомъ порядкѣ «намѣренъ я привлечь на себя си«лы непріятельскія, и дѣйствовать «сообразно ихъ движеніямъ. Не въ «состояніи будучи находиться во «время дѣйствій на всѣхъ пунк«тахъ, полагаюсь на извѣстную «опытность главнокомандующихъ «и предоставляю имъ дѣлать со«браженія дѣйствій на пораженіе «непріятелей. Возлагаю все упова«ніе на помощь Всевышняго, на «храбрость и неустрашимость рус«скихъ воиновъ. При счастливомъ «отпорѣ непріятельскихъ силъ даю «собственныя повелѣнія на преслѣ«дованіе его. Не излишнимъ почи«таю представить главнокомандую«щимъ, что резервы должны быть «сберегаемы сколько можно долѣе. «Тотъ генералъ, который сохра«нитъ резервы, еще не побѣжденъ. «Наступательныя движенія произ«водить въ колоннахъ къ атакѣ, «въ такомъ случаѣ стрѣльбою « «нюдь не заниматься, но дѣйст «вать быстро холоднымъ ружье «На случай неудачнаго дѣла « «крыто нѣсколько дорогъ, по « «имъ арміи должны будутъ отс «пать. Но сей послѣдній пун «единственно для свѣдѣнія глав «командующихъ.« Освящая мол вою предстоящій подвигъ, Ку зовъ велѣлъ носить по лагерю и ну Смоленской Божіей Мате вынесенную нащими войсками Смоленска, когда сей древній родъ предали Наполеону. Бла говѣйно преклонялись воины редъ святымъ образомъ, вни усладительному возгласу: «Къ городицѣ прилежно нынѣ при цемъ,» и сердца ихъ бились деждою при возгласѣ: «Взбран воеводѣ побѣдительная!» К умолкло священное пѣніе, Ку зовъ объѣхалъ войска и говор съ ними просто, языкомъ, дост пымъ до глубины души. Ноч облака затянули небо. Утихъ р скій станъ, и съ безупречною вѣстью мирно почили русскіе ины въ шалашахъ своихъ. С Кутузова былъ кратокъ. При шій на рамена свои всю тяж нашествія Наполеона, мог вождь предаваться покою за сколько часовъ до битвы — Б динской битвы?

Передъ зарею 26-го авгу когда свѣтъ еще не борол тьмою, Кутузовъ, не преду дивъ никого въ своей главной к тирѣ, сѣлъ верхомъ на лоша поѣхалъ на батарею, за дере Горками. Остановясь на возв ніи, онъ обозрѣвалъ, при свѣт горавшихъ бивачныхъ огней, б ное поле и армію, становивш

въ ружье. Вскорѣ собрались вокругъ него адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ войсками, стоявшими близь Горокъ. Кутузовъ говорилъ съ ними о предстоявшемъ боѣ. При первыхъ лучахъ солнца Наполеонъ одновременно атаковалъ наше лѣвое крыло и центръ. Вскорѣ сраженіе сдѣлалось общимъ. 170,000 человѣкъ, предводимыхъ Наполеономъ, ринулись на 113,000, предводимыхъ Кутузовымъ. Кутузовъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на косогорѣ. Отсюда, ясно видя все поле битвы и движенія непріятелей, распоряжалъ онъ дѣйствіями своихъ войскъ. Въ продолженіе 15-ти часовъ все устремлено было къ взаимному сокрушенію армій, заключавшихъ въ себѣ цвѣтъ народонаселенія отъ устьевъ Таго и подошвы Везувія до отдаленныхъ краевъ Сибири, или, по выраженію Державина:

Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался
И ударялся громъ о громъ.

Мѣдь и чугунъ оказывались недостаточными къ смертельному истребленію. Раскаленныя пушки не выдерживали дѣйствія пороха, разрывались и лопались. Пальба огнестрѣльныхъ орудій, звукъ барабановъ, восклицанія побѣдителей, стенанія раненыхъ, ржаніе лошадей, вопли умирающихъ, произносимые на всѣхъ европейскихъ языкахъ, крики командованія, угрозъ, отчаянія, лютое ожесточеніе сражавшихся, превратили поле Бородинское въ обитель ада. Не помогли Наполеону великое превосходство въ числѣ войскъ, бѣшенство нападеній, неумолкавшій огонь семисотъ орудій, противъ насъ гремѣвшихъ. Конечно, нигдѣ не показывали Рускіе болѣе равнодушія въ опасностяхъ, болѣе терпѣнія, твердости, презрѣнія смерти, какъ при Бородинѣ. Они горѣли личною-ненавистью къ врагамъ, сражались съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о всей отечественной славѣ минувшихъ вѣковъ, о всей настоящей народной чести, о будущей судьбѣ и предназначеніи Россіи. Успѣхъ, долгое время сомнительный и всегда болѣе льстившій Наполеону, не ослабилъ духа русскихъ войскъ и воззвалъ къ напряженіямъ, едвали не превосходившимъ силы человѣческія. Въ Бородинѣ все было испытано, до чего можетъ возвыситься воинъ. Преданность къ Государю, любовь къ отечеству никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ. Повиновеніе безпредѣльное, строгость въ соблюденіи порядка, гордое чувство быть защитникомъ святой Руси, никогда не являли болѣе славныхъ примѣровъ. Европа очами сыновъ своихъ убѣдилась въ Бородинѣ, что Рускіе могутъ скорѣе пасть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели остаться побѣжденными. И вождемъ, достойнымъ такого воинства, являлся Кутузовъ въ Бородинской битвѣ! Хладнокровіе ни на минуту не измѣняло ему. Съ великимъ искуствомъ противодѣйствовалъ онъ усиліямъ Наполеона. Куда Наполеонъ ни замышлялъ обрушиться, гдѣ ни думалъ сломить Русскихъ, вездѣ, во время, въ урочную пору, подоспѣвали подкрѣпленія нашимъ войскамъ. Удостовѣрясь, при началѣ сраженія, въ нападеніи превосходныхъ силъ на князя Багратіона, Кутузовъ подкрѣпилъ его кирасирами, гвардіею и артиллеріею. Когда Понятовскій сталъ тѣснить

Тучкова, подоспѣлъ Багговутъ. Когда корпусъ Раевскаго былъ разстроенъ, на смѣну его явился графъ Остерманъ. Забудемъ ли въ жизни Кутузова ту роковую минуту, когда, осадивъ наше лѣвое крыло, Наполеонъ послалъ свѣжія войска и гвардію свою нанесть намъ рѣшительный ударъ? Кутузовъ сѣлъ на лошадь и быстро взъѣхалъ на пригорокъ, желая ближе высмотрѣть движенія непріятелей. Ядра осыпали Кутузова, и тщетно уговаривали его не подвергать опасности жизни своей. Что ему было въ жизни, безъ исполненія возложеннаго на него Александромъ дѣла спасенія Россіи? Насильно увлекли съ пригорка лошадь его, но свѣтлая мысль уже созрѣла въ умѣ Кутузова. Немедленно велѣлъ онъ Милорадовичу усилить центръ, а кавалерійскому резерву Уварова и козакамъ Платова произвесть нападеніе въ лѣвый флангъ Наполеона. Подкрѣпленный Милорадовичемъ, центръ нашъ устоялъ, а атаки Уварова и Платова произвели невыразимую тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу Наполеона. Стоявшая тамъ французская пѣхота поспѣшно начала строиться въ каре; обозы обратились въ бѣгство. Не постигая причины происшедшаго смятенія, въ минуту, когда почиталъ побѣду за собою упроченною, Наполеонъ остановилъ войска, посланныя нанести послѣдній ударъ русской арміи, и понесся къ своему лѣвому крылу, желая удостовѣриться лично въ замыслахъ Кутузова. Симъ превосходнымъ маневромъ Кутузовъ далъ Бородинской битвѣ совсѣмъ другой и выгодный для насъ оборотъ. Ни ужасныя потери арміи, ни остервенеіе непріятеля, ни исполинская слава Наполеона, исполнявшая умъ и воображеніе каждаго, ничто не колебало Кутузова. Молча слѣдилъ онъ ходъ битвы, сохраняя совершенное спокойствіе духа, внимательно выслушивая привозимыя къ нему донесенія, не торопливо отдавая повелѣнія. Не оставляла его надежда удержать, опрокинуть Наполеона, и онъ хотѣлъ даже атаковать его въ слѣдующій день, о чемъ писалъ Дохтурову и графу Ростопчину. Приказаніе Дохтурову, диктованное мнѣ Кутузовымъ, часу въ 5-мъ по полудни, при взрывѣ лопавшихся гранатъ, было слѣдующаго содержанія: «Я изъ всѣхъ движеній непріятеля вижу, что онъ не менѣе «насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и «потому, завязавши уже дѣло съ «нимъ, рѣшился я сегодня всѣ войска устроить въ порядокъ, снабдивъ артиллерію новыми зарядами, завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ.» Еще прежде отправленія повелѣній Дохтурову, князь Кутузовъ послалъ к нему Раевскаго, для предупрежденія его о намѣреніи своемъ атаковать на другой день непріятеля. Слѣдующее письмо къ граф Ростопчину писано часа два поз же, когда атаки непріятельскі совсѣмъ прекратились и гудѣвша канонада утихала: «Сегодня был «весьма жаркое и кровопролитно «сраженіе. Съ помощію Божіею «Русское войско не уступило в «немъ ни шагу, хотя непріятел «въ весьма превосходныхъ силах «дѣйствовалъ противу него. Завтр «надѣюсь, возлагая мое уповані «на Бога и Московскую Святынк «съ новыми силами съ нимъ сра «зиться. Отъ васъ зависитъ доста

«вить мнѣ изъ войскъ, подъ на-«чальствомъ вашимъ состоящихъ, «столько, сколько можно будетъ.» Тогда же князь Кутузовъ подозвалъ къ себѣ одного изъ стоявшихъ возлѣ него офицеровъ, Граббе—нынѣ генералъ-лейтенантъ — и сказалъ ему: «Поѣзжай отъ лѣ-«ваго фланга до праваго, поздравь «всѣхъ съ отраженіемъ непріяте-«ля, и предвари, что завтра ата-«куемъ.» Войско было восхищено вѣстью предположеннаго нападенія; отъ радости бросались въ объятія вѣстника и снимали его съ лошади.

Кутузовъ не одержалъ побѣды, но не похвалился и Наполеонъ побѣдою. Вся сила Запада ударила на грудь русскую, и отхлынула отъ нея, какъ отъ стѣны желѣзной. Наполеонъ оттѣснилъ насъ съ нашихъ укрѣпленій, правда, но онъ не думалъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ, не могъ нападать, и на ночь не смѣлъ даже удержаться на отбитыхъ имъ мѣстахъ, отступилъ даже за свою прежнюю позицію. Козаки тревожили станъ его. Бородино было имъ очищено. Вмѣсто радостныхъ и побѣдныхъ кликовъ, въ лагерѣ его царствовало унылое безмолвіе. Воины Наполеоновы не зажигали огней и провели ночь, изнеможенные потерями, усталостью и скорбью. Пройдя великое пространство земли и испытавъ множество трудовъ для принужденія Русскихъ къ сраженію, они выдержали бой на смерть, и увидѣли, что ихъ усилія и пролитая ими кровь не были увѣнчаны побѣдою, что война должна еще длиться, а съ нею нужды и лишенія всякаго рода. Непріятель, по собственному своему сознанію, былъ, послѣ Бородина, «пораженъ оцѣпенѣніемъ.»

До 11-ти часовъ вечера Кутузовъ не отмѣнялъ своего рѣшенія атаковать, но, получивъ подробное донесеніе объ огромной потерѣ въ людяхъ, приказалъ отступать, дабы сблизиться съ подкрѣпленіями, формировавшимися близь Москвы. На совѣщаніи съ Беннигсеномъ, о томъ, куда отступать, къ Москвѣ, или къ Калугѣ, въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ свернетъ тогда вправо, остановитъ движеніе на Москву и послѣдуетъ за нашею арміею,—«надобно идти «по московской дорогѣ,» сказалъ Кутузовъ. «Если непріятель и зай-«метъ Москву, то онъ въ ней рас-«плывется, какъ губка въ водѣ, «а я буду дѣйствовать, какъ за-«хочу.» Распорядившись отступленіемъ, отвозомъ раненыхъ, продовольствіемъ, присылкою изъ Москвы въ армію снарядовъ, Кутузовъ диктовалъ донесеніе Императору о Бородинскомъ сраженіи. Онъ не хвалился побѣдою, но говорилъ, что непріятель съ превосходными силами не выигралъ ни шага земли. Его донесеніе было получено въ Петербургѣ въ день тезоименитства Императора Александра, и принято съ радостнымъ восторгомъ. Одно то, что, наконецъ, дано сраженіе, ожиданіе коего почти три мѣсяца томило сердца, считали счастливымъ событіемъ, доказательствомъ возможности нашимъ арміямъ бороться съ Наполеономъ и отражать его нападенія. «Рука «Господня да будетъ надъ вами,» писалъ Кутузову Александръ, «и «надъ храбрымъ нашимъ воин-«ствомъ, отъ котораго Россія ожи-«даетъ славы своей, а вся Европа «своего спокойствія.» Чинъ фельд-

маршала, 100,000 рублей единовременно и пожалованіе супруги его статсъ-дамою, были наградами Кутузову.

Михайловскій-Данилевскій.

---

77. Грибоѣдовъ.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малыя ущелья, называемыя, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мной разстилались злачныя, зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе 6 часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровли подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе, и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы? спросилъ я ихъ. Изъ Тегерана. Что вы везете? *Грибоѣда.* — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ, и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, но онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетной пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было небыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Спо-

бности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, ту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствія пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностью — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія: *Горе отъ ума*, произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ его бурной жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было-бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны....

А. Пушкинъ.

---

78. Дельвигъ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года....). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 182.. году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ

подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самаго Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ рода, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто-бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ бы ражанія Горацію. Оды: к къ Лилетѣ, Доридѣ, пи на пятнадцатомъ году и н ны въ собраніи его сочин всякой перемѣны. Въ н замѣтно необыкновенное гармоніи и той классическ ности, которой никогда измѣнялъ. Какимъ образо не обратилъ тогда вни ранніе отпрыски столь наго таланта? Никто не ствовалъ вдохновеннаго между тѣмъ какъ стихи изъ его товарищей, стихи ственные, замѣтные толь которой легкости и чис лочной отдѣлки, въ то я были расхвалены и прос какъ нѣкоторое чудо. Н участь Дельвига: онъ не б ненъ при раннемъ появ краткомъ своемъ поприщѣ; не оцѣненъ и теперь, когд ся въ своей безвременной

А. Пуш

(*Соч. А. П.*).

---

79. Меншиковъ.

Князь Меншиковъ прина къ числу величайшихъ му шей исторіи; доселѣ не об вѣрно ни время и мѣсто е денія, ни первобытное его ніе; одно извѣстно то, что выя лѣта юности своей он уже остановить на себѣ великаго монарха: почти с го появленія своего, въ те лѣтъ, Меншиковъ былъ по ревностнымъ сподвижнико ра I, умнымъ совѣтникомъ преобразовательныхъ его яхъ, и часто самъ непосре нымъ виновникомъ побѣд

:твъ народныхъ. Рускіе съ
иленіемъ смотрѣли на дивную
ьбу сего новаго человѣка; ви-
и его сметливымъ и усерднымъ
ѣшнымъ въ селѣ Преображен-
мъ, неутомимымъ корабельнымъ
тникомъ на верфяхъ голланд-
хъ, понятливымъ и прилежнымъ
никомъ и собесѣдникомъ Рюй-
Кегорна и Витсена, ловкимъ
людателемъ чужеземныхъ у-
жденій, самымъ дѣятельнымъ по-
цникомъ Государя въ правиль-
шемъ устроеніи военныхъ силъ,
:рабрымъ товарищемъ или по-
никомъ своего вѣнценоснаго бом-
дирскаго капитана; видѣли по-
ъ быстрое его восхожденіе съ
ой степени почестей и досто-
твъ на другую, еще высшую,
езпрестанно возраставшее до-
іе и любовь къ нему Государя.
шиковъ сдѣлался для Петра
і сердца его, любезный Алек-
а, другъ — Данилычъ, — титла
ыя лестныя, какія подданный
ь заслужить отъ своего Мо-
ха: и это довѣріе, со стороны
ра, не было слѣдствіемъ слѣ-
привязанности и безотчетнаго
оволенія къ любимцу, не было
ствіемъ простаго случая или
стія Меншикова. Нельзя ука-
ни одного рода дѣлъ государ-
нныхъ, въ которыхъ-бы онъ не
ствовалъ, ни одной части управ-
ія, въ которой-бы онъ не обна-
илъ и знаній обширныхъ и
глаго ума своего. Подъ стѣна-
Нотебурга, при взятіи Канцевъ
первой судовой битвѣ у Ка-
ерскаго Острова, онъ явилъ се-
неустрашимымъ воиномъ; подъ
ишемъ и Батуринымъ, подъ
гавою и при Переволочнѣ зна-
итымъ военачальникомъ, а въ
ьшѣ, Помераніи, въ Гамбургѣ
и Голштиніи — уже цѣлая Европа
видѣла въ немъ счастливаго вож-
дя-дипломата. Столь-же разнооб-
разна была и правительственная
гражданская его дѣятельность:
подъ его главнымъ наблюденіемъ
возведены укрѣпленія С.-Петер-
бурга, Кронштата и Кроншлота;
отъ него, какъ перваго генералъ-
губернатора Ингерманландіи, полу-
чилъ сей новопріобрѣтенный край
правильную организацію; съ нимъ
Государь совѣщался объ учрежде-
ніи сената и коллегій; по его иде-
ямъ составлены и изданы многія
государственныя учрежденія и за-
коноположенія, какъ при Петрѣ
I, такъ и послѣ его кончины; при
Екатеринѣ I и въ началѣ царство-
ванія Петра II, онъ былъ един-
ственнымъ распорядителемъ су-
дебъ царства русскаго и оно было
сильно и могущественно по преж-
нему; управленіе его было строй-
но, по крайней мѣрѣ, порядочнѣе,
нежели какимъ оно сдѣлалось по-
слѣ удаленія Меншикова.

Воздавая должное великимъ его
достоинствамъ государственнымъ,
не льзя умолчать и о тѣхъ каче-
ствахъ, которыя, помрачая память
его въ потомствѣ, навлекли ему
ненависть современниковъ и были
причиною его уничиженія и стра-
даній. Жестокосердіе, гордость,
властолюбіе и корыстолюбіе, го-
сподствовавшія въ немъ страсти,
отвратили отъ него сердца совре-
менниковъ и поставили его винов-
нымъ предъ судомъ потомства без-
пристрастнаго. Впрочемъ и сіи са-
мые недостатки составляютъ нѣ-
которымъ образомъ естественное
слѣдствіе или выводъ всей его
жизни. Природа надѣлила его щед-
ро всѣми своими дарами, умомъ
проницательнымъ и твердою во-

лею; но дары сіи не развиты были воспитаніемъ, котораго онъ не имѣлъ вовсе: зрѣлище свѣта образовало его умъ, служебная жизнь близь Царя-генія обогатила его опытностію и знаніями; но люди, съ которыми и на которыхъ онъ дѣйствовалъ, не могли смягчить его сердца, и невѣжественнымъ упорствомъ своимъ ожесточили сильный и твердый отъ природы характеръ его, и эта сила воли и твердость характера обратились потомъ, для него самого незамѣтно, въ насильственное своеволіе и жестокосердіе. Безпрерывные успѣхи по службѣ, необыкновенно быстрое его возвышеніе, счастіе, вѣнчавшее всѣ его начинанія, и чувство своего достоинства породили въ немъ благородную гордость, которая, будучи питаема ласкательствомъ и угодливостью пресмыкавшихся предъ его высококняжескою свѣтлостію царедворцевъ, переродилась въ необузданную кичливость и высокомѣріе, нестерпимое для немногихъ благородно-мыслившихъ и ненавистное для всѣхъ. Болѣе 25 лѣтъ Меншиковъ, употреблявшійся въ важнѣйшихъ дѣлахъ правительственныхъ, пользовался огромными полномочіями и властію: предводительствовалъ войсками, управлялъ обширными областями, первенствовалъ въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, и свыкся съ повелительствомъ и господствомъ до того, что почести и обладаніе власти сдѣлались необходимою потребностію души его. Петръ Великій умѣлъ обуздывать его властолюбіе; напротивъ Екатерина I указала новую цѣль его властолюбивымъ замысламъ; Петръ II поставилъ его на такую высоту, на которой всякая новая поп лѣе, выше — была уже пре ніемъ и вела къ паденію, бели. Меншиковъ не усто въ паденіи своемъ, не си преступность свою предъ ремъ и законами, онъ сох бы высокій характеръ, явился чистымъ отъ страст кихъ, его недостойныхъ. жалѣнію, онъ обладаемъ б насытнымъ корыстолюбіемъ стію столько-же неизъяс какъ и преступною, особе человѣкѣ, имѣвшемъ отъ п царскихъ все до излишест недостойная страсть подве нѣкогда гнѣву Петра Вел даже опасности наказанія го; «но правосудіе требует залъ Петръ I: «взвѣсить страстно какъ преступленія наго, такъ и заслуги, имъ ныя отечеству и Государю, ли заслуги перевѣсятъ, то да похвалится на судѣ.» Во рый приговоръ, которымъ н ло бы руководствоваться и П но оскорбленное самолюбіе рукихъ жаждало мщенія; ковъ въ Украйнѣ казался страшенъ; надобно было за его въ лѣса Сибири. Судьба вершилась: пигмей одолѣл лина, уже изъязвленнаго силеннаго!

К. Арсе

---

80. Крыловъ.

Открытіе Императорско личной Библіотеки послѣдо 1812 году. Ея директоро значенъ А. Н. Оленинъ. сти библіотекарей и помо ихъ поручены лицамъ, пре ственно извѣстнымъ въ лите

то и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичь, знатокъ славянской филологіи Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этомъ же кругѣ введены были послѣ баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Оленинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта, Брейткопфъ, котораго жена была начальницею санктпетербургскаго училища Ордена Св. Екатерины, также поступилъ на службу въ Библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до *Кофейницы*. Крылову любопытно было взглянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія Библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818 году, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ его портретъ, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи Художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія Библіотеки долгое время празднованъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню *Водолазы*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ Библіотекѣ Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1500 руб. асс. пенсіи изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемъ лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною

и неопрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противуположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другаго и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичь выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противуестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искуство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безъискуственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

Служащіе въ Императорской Публичной Библіотекѣ обыкновенно дежурятъ по очереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичь видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичь не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на анненскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однако же сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія по безостановочной выдачѣ брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро до-

гадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе въ немъ выказывала особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ, сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь предъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостиннаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постелѣ часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійской клубъ. Подремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ постороннимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренно, литераторы ли были то, или другаго рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ вхо-

дить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Meditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался—и наконецъ произнесъ сквозь зубы: «да, стихи довольно густы». При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы;
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.»

То, что называется у насъ находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сидѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ будто соскользнуть съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ второпяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу —и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу — и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая опрометью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Гнѣдичь, немножко всегда театральный.» Вхожу. На полу морь Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ.» Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ когда просушилъ онъ книгу, на не ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ

Къ славѣ своей Крыловъ не бы.

нечувствителенъ. Онъ, при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ — и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ, и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другаго происшествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ правоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы, и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю.» — А какъ же меня знаешь ты? спросилъ Крыловъ. «Помилуйте, Иванъ Андреевичъ (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякой мальчишка на каждой улицѣ знаетъ.» Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку гостиннаго двора, чтобы купить нотной бумаги: «за деньгами, сказалъ онъ, пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ.» — Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ (проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу): много живетъ здѣсь народу.

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ Библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ улыбаясь раскланиваться, или говорить по пріятельски съ такими людьми, которыхъ конечно когда нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ, какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ во свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ въ 1826 году, онъ отъ полноты души говоритъ:

«Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ
покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ —

И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ —
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.»

Крыловъ не бывалъ за границею. Если бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости, и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую средину? Поѣздка въ чужіе краи разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басенъ своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милою родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавало ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби по прежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ, и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у Ея Высочества.

Безпечность и празднолюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Въ послѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начинали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ па-

денія описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову.» Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичь долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье—и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіи двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичь провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постелѣ приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ было подъ кровать руку за Эзопомъ—но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ. Она то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ латинскаго языка — и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда нибудь учиться по латинѣ.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ нибудь виденъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ, и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ здѣсь близь взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели. Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши.

Плетневъ.

81. В. А. Жуковскій.

Переходъ къ новой, священной обязанности, къ новымъ, важнѣйшимъ занятіямъ стройно и твердо на одномъ предметѣ сосредоточилъ всѣ помыслы, всѣ заботы высокопрекрасной души поэта. Государю Императору, по вступленіи Его Величества на престолъ, благоугодно было избрать его въ Наставникипри воспитаніи Великаго Князя Наслѣдника. Можетъ быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона, ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій. Его воображеніе, умъ и сердце, измѣряя великость предстоящаго подвига, уже заранѣе обнимали всѣ его части, разлагали все въ подробности, совокупляли въ цѣлое — и не было для нихъ другой цѣли, кромѣ блага, чести и достоинства. Со времени поступленія въ преподаватели русской словесности Ея Императорскому Высочеству, онъ причисленъ былъ по службѣ къ министерству народнаго просвѣщенія, и въ 1823 году произведенъ сперва въ коллежскіе ассессоры, а послѣ въ надворные совѣтники. Нынѣ Его Величество, въ награду ревностной службы Жуковскаго, изволилъ пожаловать ему орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Нѣкоторымъ образомъ можно заглянуть въ душу поэта нашего и усмотрѣть, что въ ней происходило, когда прочитаемъ слѣдующія его строки изъ письма къ одному другу: «Ваше письмо точно было голосъ съ того свѣта, а *тѣмъ свѣтомъ* я называю нашу молодость, наше бывалое, счастливое *вмѣстѣ*. Какъ давно не говорили мы другъ съ другомъ! Какъ давно мы розно! Неужели мы стали другъ для друга чужіе? Не я этотъ вопросъ дѣлаю! Я не могу его сдѣлать *себѣ* на вашъ счетъ, ибо не естественно придти ему въ голову: сердце не пропуститъ — сердце, въ которомъ всегда, всегда живо братское къ вамъ чувство и благодарность за ваше нѣжное товарищество въ лучшіе годы жизни, и дружба, которая никогда не переставала быть чувствомъ настоящимъ и непринадлежащимъ одному воспоминанію. Но мы не пишемъ другъ къ другу — вотъ настоящая разлука! Мы не знаемъ, что съ нами дѣлается. Все, что насъ окружаетъ, чуждо для каждаго изъ насъ. Чувствую это несчастіе — и никакъ не умѣю помочь ему. Со всѣми *моими* у меня одно! Сколько разъ принимался начинать переписку — и все понапрасну! Я отъ этой болѣзни неизлечимъ, и чувствую съ горемъ, какъ она мучительна и убійственна. Она клевещетъ на меня передъ моими друзьями. Они полагаютъ, что параличъ, заключающійся въ однихъ моихъ пальцахъ, которые почти разучились водить перомъ въ послѣдніе дни, перешелъ въ мою душу. Нѣтъ! Душа еще жива, а письма не пишутся. Теперь почти сдѣлалось для меня невозможнымъ сохранить какую-нибудь точность въ перепискѣ. Моя настоящая должность беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе! Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника Престола. Какая забота и отвѣтственность (не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ — за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться)! Занятіе, питательное для души! Цѣль для цѣ-

ой остальной жизни! Чувствую ея ликость, и всѣмимыслями стремюсь къ ней! До сихъ поръ я доолен успѣхомъ; но кругъ дѣйтвія безпрестанно будетъ расширяться! Занятій множество; надобо учить и учиться — и время все ахвачено. Прощай навсегда, поэія съ риѳмами! Поэзія другаго роа со мною, мнѣ одному знакомая, опятная для одного меня, но для вѣта безмолвная. Ей должна быть освящена вся остальная жизнь. Вамъ объяснять этого нѣтъ нужды: ы съ вами взросли на однѣхъ идехъ. И такъ дайте мнѣ *отпускъ* а счетъ моего письменнаго молнія, и не наказывайте меня своимъ.»

Въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія и ученія, обыкновенно еще ливающихся въ одну задачу, весь спѣхъ зависитъ отъ умѣнья развивать равномѣрно тѣлесныя и душевныя способности, ничего не окидая въ бездѣйствіи и ни къ чему не приступая преждевременно. Это повидимому простое и для всяаго ума ясное правило представляетъ въ примѣненіи своемъ величайшія затрудненія. Въ нихъ-то перенъ былъ тогда заботливымъ момъ своимъ весь Жуковскій. Во сѣ часы дня никто иначе не находилъ его, какъ за предварительными работами и предначертаніями. Не довѣряя легкомысленно одой опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію рекраснаго своего ума, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ звѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами, и совершенствовалъ планъ вой день отъ дня лучше и прочѣе. Августѣйшему питомцу совершилось тогда *семь лѣтъ*. Сколько можно было придумать для этого нѣжнаго возраста занятій, легкихъ, но необходимыхъ въ полномъ кругу постепеннаго ученія, все устроилъ предусмотрительный наставникъ. Онъ до того простеръ пламенную свою ревность въ святомъ дѣлѣ, что первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая на опытѣ убѣдиться, дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ его предположеніямъ. Озабочиваясь между тѣмъ раздѣленіемъ этого труда между достойнѣйшими по каждой части лицами, безъ чего занятія не получили бы законной своей характеристики, и самъ онъ изъ наблюдателя превратился бы въ сухаго энциклопедиста, Жуковскій съ полнымъ безпристрастіемъ, съ удивительнымъ вниманіемъ и осторожностію избралъ людей, которые должны были дѣйствовать подъ его главнымъ надзоромъ.

Великому дѣлу начало было положено. Передъ поэтомъ-педагогомъ вдали виднѣлись новые труды, слышались новые вопросы и обнимали душу его новыя заботы. Онъ былъ изнуренъ физически, и сознавалъ необходимость обширнѣйшихъ пріобрѣтеній по части педагогіи. Чтобы возстановить слабое здоровье свое, и тутъ же извлечь пользу для своей должности, въ 1826 году онъ снова собрался за границу. Это былъ годъ, въ который Россія лишилась Карамзина. Жуковскій всегда питалъ къ нему уваженіе, переходившее въ чувство какого-то благоговѣнія, потому-что онъ совершенно введенъ былъ въ святилище души исторіографа. Собравшись въ свою поѣздку въ апрѣлѣ, поэтъ не предвидѣлъ, что уже въ маѣ великая душа покинетъ землю. «Кто зналъ внутрен-

нюю жизнь Карамзина (слова Жуковскаго), кто зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ живыя, независимыя отъ воли движенія сердца были, по какому-то естественному сродству, согласны съ правилами строгаго разума; какъ твердый его разумъ всегда смягченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ; какой онъ былъ (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенецъ; и какъ верховная мысль о Богѣ всѣмъ владычествовала въ его жизни, управляя его желаніями и дѣйствіями, озаряя труды его генія, проникая житейскія его радости и печали, и соединяя все его бытіе въ одну гармонію, которая только съ послѣднимъ вздохомъ его умолкла для земли, дабы навѣки продолжаться въ мірѣ иномъ; словомъ, кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну души Карамзина—для того зрѣлище смерти его было освященіемъ всего, что есть прекраснаго и высокаго въ жизни, и подтвержденіемъ всего, что вѣра обѣщаетъ намъ за гробомъ».

Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій возвратился изъ-за-границы въ Петербургъ. «Я не даромъ (говоритъ онъ въ одномъ письмѣ) ѣздилъ за границу: воды мнѣ помогли. Я воротился совсѣмъ не тотъ, каковъ поѣхалъ. Между тѣмъ видѣлъ много прекрасныхъ сторонъ; жилъ цѣлую зиму въ Дрезденѣ, который самъ по себѣ и по прелестнымъ окрестностямъ весьма пріятенъ. Жилъ на Рейнѣ и объѣздилъ берега Рейна, живописные и унизанные развалинами древнихъ рыцарскихъ замковъ. Заглянулъ и въ Парижъ, который можно назвать бездною дѣятельности. Нахожу, что лечиться такою методою весьма весело—но дорого. Впредь ли надобно будетъ за болѣ сдвинуться съ мѣста, поѣду вамъ въ Одессу. Какъ бы же васъ видѣть и порадоваться ва милою, семейною, счастливою нію! И такъ хоть одному изъ шего прежняго круга удалось ти то, что ему надобно. Жр этотъ выпалъ вамъ — и по дѣл Вы его стоите!» Удовольствія ѣздки, о которыхъ здѣсь упо наетъ Жуковскій, онъ видимо с тилъ на лету. Все его внимані бращено было на изученіе разн системъ воспитанія. Особенно веденная имъ зима въ Дрез посвящена была этому занятію одного стихотворенія онъ не н салъ ни въ 1826, ни въ 1827 ду: такъ свято чтилъ онъ обя ности долга своего. За то порт его и библіотека приняли м сокровищъ, привезенныхъ изъ тешествія. Въ его отсутствіе т ко явилось вторымъ изданіемъ браніе сочиненій и переводов въ прозѣ», напечатанныхъ въ 4 томахъ въ Петербургѣ.

Развивая общую дѣятельн сотрудниковъ своихъ по начер ному имъ плану ученія Госу Наслѣдника, Жуковскій въ время озабоченъ былъ пригото ніемъ отдѣльныхъ соображені которымъ надлежало устроить подаваніе наукъ Великимъ К намъ Маріи Николаевнѣ и О Николаевнѣ. Высокая довѣ ность Ихъ Императорскихъ В чествъ возложила на него и лестную обязанность. Онъ п чилъ для жительства своего наты въ той части Зимняго Дв гдѣ нынѣ съ баснословнымъ в колѣніемъ устроенъ Императо Музеумъ. Ежедневно, лишь то

ы были начинаться уроки, вникъ Порфирородныхъ Дѣтей я для присутствія при нихъ— лный вниманія, оживленный емъ, за всѣмъ слѣдовалъ не- по. Ничего нельзя вообразить тельнѣе картины, какую гавляло это соединеніе, съ стороны, людей въ зрѣломъ тѣ, стройно, ясно и назида- излагающихъ важныя исти- нительныя событія, или у- гельныя описанія, а съ дру- адное вниманіе отроческаго та, ищущаго всему причины ивающагося все усвоить сво- ественной любознательности. вскій былъ неутомимъ въ изы- средствъ, которыя бы, об- пріобрѣтеніе, въ тоже вре- крѣпляли его въ умѣ и па- Его жилище превратилось въ ческую ученаго художника, особеннымъ планамъ гото- ь всѣ пособія для классныхъ тъ. Но ни одна наука такъ нимала его, какъ «Исторія», преимуществу наука Царей. отыванію ея пособій онъ по- ъ наибольшую часть драго- ихъ изобрѣтеній своихъ. Въ пныхъ трудахъ его незамѣт- отекло полныхъ пять лѣтъ со ни послѣдняго его путеше- Ежегодно производились ис- ія во всѣхъ пройденныхъ етахъ. Ихъ Императорскія ества, съ довѣренными осо- приглашаемыми по уваженію альныхъ свѣдѣній ихъ въ раз- частяхъ преподаваемыхъ на- каждый разъ изволили при- вовать на экзаменахъ. Успѣ- общему нашему счастію, на- ы были соотвѣтствующими ніямъ Августѣйшихъ Роди- . Благоволеніе Монарха вы- ражалось для всѣхъ ощутительно. Жуковскій, въ теченіе этого пері- ода, достигнулъ чина дѣйствитель- наго статскаго совѣтника.

Воцаренная имъ гармонія въ пе- дагогическихъ занятіяхъ и счаст- ливое движеніе всѣхъ частей уче- нія смягчили наконецъ суровыя его заботы. Онъ началъ пользоваться нѣкоторыми свободными часами и ловить быстрыя минуты вдохнове- нія. Въ первый разъ въ это время оно слетѣло къ нему для изобра- женія картины, глубокою скорбію поразившей всю Россію. Это было трогательное успокоеніе отъ дол- гихъ подвиговъ благотворительно- сти Императрицы Маріи Ѳеодоров- ны. Жуковскій, у гроба Ея Вели- чества, въ ночи, наканунѣ погре- бенія тѣла Ея, излилъ свои чувство- ванія, какъ вѣрный истолкователь того, чѣмъ трепетало сердце каж- даго русскаго. Съ какою всеожи- вляющею вѣрностію описываетъ онъ появленіе новаго Ангела, который намъ посланъ Провидѣніемъ въ за- мѣнъ отлетѣвшаго!

«Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ какъ надежда,
Какъ покорность небу тихъ —
И на крыліяхъ живыхъ,
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира, онъ летѣлъ.»

Много другихъ стихотвореній написано имъ въ это же время. Лю- бопытно обратить вниманіе на два изъ нихъ. Въ каждомъ характери- стики изобразилось все уваженіе поэта къ геніальнымъ произведе-

ніямъ. Еще въ первой молодости онъ напечаталъ подражаніе Бюргеровой «Ленорѣ.» Теперь показалось ему, что добросовѣстнѣе съ его стороны будетъ, если онъ эту прелестную балладу передастъ во всей точности оригинала, удержавъ даже самую форму стиховъ ея — что и исполнилъ. Балладу Шиллера «Кубокъ» онъ началъ переводить тоже въ давнюю пору своего стихотворства. Но при самомъ началѣ онъ замѣтилъ тогда, что переводъ его не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ свой трудъ неконченнымъ. Почувствовавъ наконецъ убѣжденіе, что нынѣ, послѣ столькихъ опытовъ, достаточно силъ его и искуства на достойное выполненіе ранняго предпріятія, онъ приступилъ къ дѣлу и кончилъ его прекрасно.

Новая утрата въ семейномъ кругу его, такъ замѣтно распадавшемся, послѣдовала въ февралѣ 1829 года. Послѣ кончины М. А. Мойеръ, вся родственная любовь его обращена была на ея сестру, А. А. Воейкову. Существо поэтическое, оживлявшее попеченіями нѣжнѣйшей дружбы должностные труды и заботы Жуковскаго, она по слабости здоровья принуждена была уѣхать изъ Петербурга, чтобы подъ благодатнымъ солнцемъ Италіи оживить исчезавшія свои силы. Суждено было иначе—и она, отправившись за границу, не увидѣла болѣе ни милаго отечества, ни милыхъ друзей своихъ.

Въ 1831 году, первое появленіе въ Петербургѣ холеры было причиною, что Высочайшій Дворъ, по отбытіи своемъ на осень изъ Петергофа въ Царское Село, оставался здѣсь долѣе обыкновеннаго. Жуковскій, нигдѣ не ослаблял строгаго исполненія прямой своей обязанности, случайно попалъ тогда на новую для себя дорогу въ поэзіи. Въ это время изъ Москвы прибылъ въ Царское Село Пушкинъ, и рѣшился провести тамъ осенніе мѣсяцы. Онъ только что женился. Ему отрадно было насладиться новымъ счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, подъ тѣми липами и кленами, которые лелѣяли его лицейскую молодость. Понятно, что не проходило дня, въ которой бы поэты не расказывали другъ другу о своихъ занятіяхъ, о которыхъ еще въ древности говорили, что утро имъ особенно благосклонно. Пушкинъ въ эту эпоху увлеченъ былъ русскими сказками. Онъ тогда между прочимъ написалъ своего «Салтана и Гвидона». Жуковскій съ восхищеніемъ выслушивалъ игривыя риѳмы своего друга. Чтобы не отстать отъ него, онъ и самъ принялся за этотъ родъ поэзіи. Такимъ образомъ явились «Берендей», «Спящая Царевна» и «Война мышей съ лягушками». Въ это же время написаны и вмѣстѣ изданы: «Три стихотворенія на взятіе Варшавы», Жуковскаго и Пушкина. Баллады свои и Повѣсти въ стихахъ Жуковскій напечаталъ въ 1831 году отдѣльною книгою.

Продолжительныя занятія, не прерываемыя какими либо развлеченіями, или перемѣною образа жизни, снова начали неблагопріятно дѣйствовать на здоровье Жуковскаго, вообще расположеннаго къ недугамъ людей, не покидающихъ кабинета. Не только тѣлесное ослабленіе отнимало у него силы къ продолженію трудовъ — на самомъ характерѣ его и на расположеніи духа видимо отражалось

разстройство здоровья. Это побудило его въ 1832 году предпринять третье путешествіе за границу. Тѣмъ удобнѣе онъ могъ на это рѣшиться, что въ сердцѣ своемъ сознавалъ прочность, правильность и благоуспѣшность ученія, уже развитаго по его началамъ въ образованіи Государя Наслѣдника. Жуковскій въ нынѣшній разъ не былъ стѣсненъ въ своихъ мысляхъ, и свободно могъ какъ лечиться, такъ и заниматься поэзіею. Ему удалось прекрасно исполнить и то и другое. Въ собраніи стихотвореній его, годъ нынѣшней поѣздки красуется на такихъ произведеніяхъ, которыя внесли въ нашу литературу удивительную прелесть. Въ особенности ничто не можетъ сравниться съ неподражаемою простотою «Романсовъ о Сидѣ», съ этою неувядающей поэзіею народа, котораго рыцарскія доблести и христіанскія чувствованія такъ сіяютъ въ европейской исторіи. Большую часть времени своего Жуковскій провелъ тогда въ Швейцаріи. Онъ жилъ съ семействомъ давнишняго друга своего, русскаго полковника Рейтерна, не подозрѣвая, что въ толпѣ дѣтей, окружающихъ уважаемаго и любимаго имъ отца, таится существо, которому черезъ восемь лѣтъ Провидѣніемъ суждено озарить лучшимъ счастіемъ послѣдніе годы жизни нашего поэта.

Письма Жуковскаго, въ которыхъ изображаетъ онъ тогдашнюю жизнь свою, рисуя картины природы, чудно переносятъ въ настроеніе души его и въ созерцаніе дѣйствующихъ на нее предметовъ. «Теперь 4-ое января (стар. ст., 1833), говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами. По озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры. На горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма. Иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ — и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ издѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія: тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть: есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера. Каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія—и мнѣ не видать Италіи! Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленья.

Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною пополудни (время нашего общаго обѣда), я сижу у себя, или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ, и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны; еще нѣтъ силъ взбираться на горы. За то гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякой день и во всякую погоду. Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется: Menzel's Geschichte unserer Zeit; а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату.» Онъ сравниваетъ перевороты міра физическаго съ переворотами политическаго міра, и съ удивительною ясностію, съ полною убѣдительностію выводитъ главныя истины, свидѣтельствующія, до какой степени его философія дружна съ христіанствомъ.

Есть другое письмо Жуковскаго, писанное въ одно время съ приведеннымъ, и во многихъ мѣстахъ касающееся тѣхъ же предметовъ, вызвавшихъ тѣ же выраженія. Но такъ какъ онъ въ немъ разговариваетъ съ другомъ своего дѣтства (Анною Петровной Зонтагъ), то здѣсь душа его высказывается живѣе, переходя свободно отъ картинъ къ шуткамъ, а отъ шутокъ къ дѣламъ семейнымъ, или къ воспоминаніямъ о прошломъ. Здѣсь онъ виденъ точно такимъ, какъ его понятъ друзья его въ своемъ обществѣ. «*29 января (10 февраля) 1833. Вернѐ.* Вы вѣрно думаете обо мнѣ на берегу Чернаго моря въ этотъ день, а я думаю объ васъ на берегу Женевскаго озера. Вѣроятно и около васъ то же, что вокругъ меня, то есть, весна (посылаю вамъ первую фіялку, сорванную нынче въ полѣ). Вашъ Эвксинъ величественнѣе моего Лимана, но вѣрно не живописнѣе своими утесами; а такихъ деревень, какія здѣсь, у васъ и вспоминѣ нѣтъ. За то въ вашу гавань влетаютъ на парусахъ стопушечные корабли; шумъ торговли и разнообразіе народовъ отличаютъ вашу пристань; восточные костюмы напоминаютъ вамъ о «Тысячѣ одной ночи,» и подъ часъ вѣсти о чумѣ приводятъ васъ въ безпокойство. Здѣсь все тише и однообразнѣе; нѣтъ такого величія въ равнинѣ озера, котораго гранитные, высокіе берега кажутся весьма близкими; лазурь его водъ не столь блистательна; волны его не столь огромны, и ревъ его не такъ грозенъ во время бури; вмѣсто кораблей летаютъ по немъ смиренные челноки, оставляя за собою струю, и надъ ними вьется рыболовъ. Но природа вездѣ—природа, то есть, вездѣ очаровательна. Какими она красками разрисовываетъ озеро мое при захожденіи солнца, когда всѣ цвѣта радуги сливаютъ небо и во-

ы въ одну великолѣпную порфи-
у! Какъ ярко сіяетъ, по утрамъ,
нѣгъ удивительной чистоты, на
ысокихъ темносинихъ утесахъ!
Какъ иногда прелестна тишина ве-
иколѣпныхъ горъ, при яркомъ солн-
ѣ, когда оно перешло уже за по-
овину пути и начинаетъ скло-
яться къ закату, когда его свѣтъ
акъ тихо, такъ *усыпленно* лежитъ
а всѣхъ предметахъ! Идешь одинъ
о дорогѣ; горы стоятъ надъ тобою
одъ голубымъ безоблачнымъ не-
омъ въ удивительной торжествен-
ости; озеро какъ стекло, не дви-
ется, а дышитъ; дорога кажется
горяною отъ солнечнаго свѣта; по
рамъ блестятъ деревни; каждый
омъ, и въ большомъ разстояніи,
денъ; дымъ свѣтлоголубою дви-
ущеюся лентою тянется по темной
ненѣ утесовъ; каждая птица, ле-
щая по воздуху, блеститъ; каж-
ій звукъ явственно слышенъ: ша-
пѣшеходца, съ коимъ идетъ его
нь, скрипъ воза, лай собаки,
истъ голубинаго полета, иногда
онкій бой деревенскихъ часовъ....
е это прелесть! Но я вамъ при-
лся описывать то, что у меня пе-
дъ глазами, не сказавъ ни сло-
о себѣ. И не скажу ни слова,
о все сказалъ въ письмѣ къ се-
рѣ, которое вы получите вмѣстѣ
вашимъ. Два раза пѣть одну
сню скучно, а мнѣ хотѣлось не-
емѣнно что нибудь прочирикать
ъ въ день моего рожденья — и
къ будьте довольны маленькимъ
рывкомъ швейцарскаго ланд-
фта, который, самъ не знаю какъ,
ѣжалъ съ пера моего на бумагу.
ло въ томъ, что нынче мнѣ стук-
ло 49 лѣтъ, и пошелъ пятидеся-
й годъ — плохо! Я не соста-
лся и, такъ сказать, не жилъ, а
палъ въ старики. Жизнь моя бы-
ла вообще такъ одинакова, такъ
сама на себя похожа и такъ одно-
образна, что я еще не покидалъ
молодости, а вотъ ужъ надобно ска-
зать рѣшительно «прости» этой мо-
лодости, и быть старикомъ, не бу-
дучи старымъ. Нечего дѣлать! Но
мнѣ некогда говорить о себѣ; по-
говоримъ объ васъ. Плетневъ увѣ-
домляетъ меня, что вы прислали
еще томъ своихъ повѣстей; между
ними есть одна, которая много слезъ
выманила изъ глазъ его — одна,
въ которой наше прошлое описано
перомъ вашимъ. Я просилъ его,
чтобъ онъ велѣлъ, какъ можно
мельче, переписать для меня эту по-
вѣсть, и прислалъ бы въ первомъ
письмѣ. Хочу, у подошвы швей-
царскихъ горъ, посидѣть на томъ
низкомъ холмикѣ, на коемъ стоялъ
нашъ Мишенской домъ съ своею
смиренною церковью, на коемъ на-
чалась моя поэзія Греевой элегіею.
А вамъ скажу одно: пишите, какъ
можно, болѣе! У васъ въ душѣ мно-
го богатства, въ умѣ ясности и
опытности. Вы имѣете рѣшитель-
ный даръ писать, и овладѣли рус-
скимъ языкомъ. Я хочу для васъ
не авторской славы; хочу для васъ
сладости авторской жизни, а для
читателей вашихъ истинной поль-
зы. Какъ умная мать, которая
знаетъ свое ремесло, ибо выучена
ему любящимъ сердцемъ, здравымъ
умомъ и опытомъ, пишите о томъ,
что знаете сами въ наукѣ воспи-
танія: теперь повѣсти, а современемъ
соберите въ одну систему и
правила, коимъ сами слѣдовали.
Передайте свою тайну другимъ ма-
терямъ: поле, которое можете об-
работать, неограниченно и неисто-
щимо. Для распространенія и при-
веденія въ порядокъ мыслей сво-
ихъ загляните въ лучшія книги (но

весьма не многія) для воспитанія и нравственной философіи, и потомъ бросьте ихъ—и пишите свое. Вы не обманетесь и не обманете другихъ, ибо напишете свое, взятое изъ существенной жизни, и только обдуманное простымъ умомъ, не отуманеннымъ предразсудками и умствованіемъ. Этотъ совѣтъ посылаю вамъ вмѣсто подарка въ день рожденія.»

Годъ и три мѣсяца пробылъ Жуковскій за границею. Въ Швейцаріи же написалъ онъ первыя три главы «Ундины», которой окончаніе отодвинуто было обстоятельствами до 1836 года. Въ началѣ сентября 1833 года прибылъ онъ къ своей должности, и съ новыми силами принялся за ежедневные труды.

Оставалось совершиться послѣднему, важнѣйшему періоду великаго дѣла. Всѣ части приведены были въ такое положеніе, чтобы въ 1837 году, свободно и въ полнотѣ, онѣ достигли своего окончанія. При Божіей помощи ревностно шелъ путеводитель къ своей цѣли съ подкрѣпленными силами въ душѣ. Поэзія была отложена. Только 1834 годъ, столь памятный торжествомъ присяги Государя Наслѣдника, указалъ поэту на его лиру. Его умилительная пѣснь, оканчивающаяся прекраснымъ обращеніемъ къ Россіи, перешла въ достояніе народной памяти. «Многолѣтіе Государю» и «Три народныя пѣсни» явились тогда же. Въ послѣдніе годы ученія Августѣйшаго Воспитанника, Жуковскій только предоставилъ право полнаго изданія «Сочиненій своихъ въ стихахъ и прозѣ», которое было четвертое, и явилось въ осьми томахъ: изъ нихъ семь напечатаны въ 1835, а послѣдній въ 1837, всѣ въ Петербургѣ. Правда, было одно лѣт которое удалось ему вполнѣ п святить поэзіи. Это случилось 1836 году. Онъ провелъ то часть лѣтнихъ мѣсяцевъ бл Дерпта. Тамъ-то взялся онъ за п кинутую «Ундину». Вотъ какъ ся онъ расказываетъ о судьбѣ «Повинуясь волѣ, которую мнѣ (ло особенно пріятно исполнить разсказалъ русскими стихами «У дину». Въ 1833 году, находясь Швейцаріи и живя уединенно берегу Женевскаго озера (въ , ревенькѣ Верне́ близъ Монтрё), п писалъ я первыя три главы э повѣсти. По возвращеніи моемъ Россію, занятія другаго рода п долго отвлекли меня отъ начат поэтическаго труда — и только нынѣшнемъ (1836) году я м опять за него приняться. Послѣд главы «Ундины» написаны въ се скомъ уединеніи близь Дерпта Элистферѣ), гдѣ я провелъ по вину лѣта и могъ попрежнему святить досугъ свой поэзіи». Скр ный намекъ Поэта *на исполн воли*, въ чемъ заключалось его о бенное удовольствіе, сдѣлается внимательнаго читателя ясны когда онъ сравнитъ посвятитель передъ «Ундиною» стихи съ д гимъ его стихотвореніемъ, яв шимся въ 1819 году, подъ заг віемъ: «Прапатерь Внукѣ».

При началѣ 1837 года, Жук скій принялъ въ сердце глубо рану. Ему суждено было прис ствовать при кончинѣ Пушки котораго послѣднія минуты о салъ онъ въ трогательно-крас рѣчивомъ письмѣ къ отцу не веннаго поэта. Жуковскій нара со всѣми оплакивалъ прежде менную утрату великаго русс писателя — и въ то же время се

его разрывалось отъ другой рби: въ Пушкинѣ онъ терялъ ъ бы сына своего. Еще въ Ли- Пушкинъ былъ для него предомъ нѣжнѣйшихъ попеченій, не ько по причинѣ развивавшаго въ молодомъ человѣкѣ таланта, и по давнишнимъ дружескимъ ошеніямъ Жуковскаго къ отцу и дядѣ. Вышедши изъ Лицея, шкинъ для Жуковскаго былъ ятнѣйшимъ, необходимымъ суствомъ. Они, какъ первоклассе поэты, понимали другъ друга лнѣ. Имъ весело было раздѣлить гъ съ другомъ каждую мысль. кто вѣрнѣе не могъ произнести говора о новомъ планѣ, о счаивомъ стихѣ, какъ они вмѣстѣ. къ жаль, что нѣтъ для меня суПушкина (сказалъ Жуковскій, ая разборы перевода своего Оссеи)! Въ немъ жило поэтичеое откровеніе». За нѣсколько гъ передъ нынѣшнимъ событіемъ ковскій возобновилъ у себя литературныя субботы, на которыхъ когда его друзья въ первый разъ вѣтствовали у него вступленіе горизонтъ блестящаго свѣтила эзіи. Многіе изъ тогдашнихъ поклонителей пѣвца «Свѣтланы» опять нему явились: но еще многосленнѣе было молодое поколѣ талантовъ. Они всѣ радушно ли принимаемы добрымъ хозяиномъ. Имъ всѣмъ у него было равновесело и равно полезно. Живой, грый и окрѣпшій въ мышленіи умъ шкина блисталъ въ разговорахъ ѣтлостію идей, быстротою соаженій и вѣрностію взгляда. Ниоконечно не оцѣнилъ его съ льшею истиною, какъ Жуковій въ слѣдующихъ немногихъ овахъ: «Россія лишилась своего юбимаго національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочной силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первые, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то роднаго отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славѣ Екатерининa, а Карамзинъ славѣ Александрова».

Зима 1837 года употреблена была Жуковскимъ на совокупныя работы съ К. И. Арсеньевымъ по составленію «Путеуказателя» для путешествія Государя Наслѣдника по Россіи. Вотъ что было сказано въ 1838 году въ «Современникѣ» объ этомъ трудѣ: «Въ Путеуказателѣ изложены всѣ важнѣйшія примѣчательности на пути Его Высочества. Каждый переѣздъ, достопамятныя на немъ мѣста, любопытное селеніе или городъ, даже частныя лица, сдѣлавшіяся извѣстными по какимъ нибудь полезнымъ предпріятіямъ, все уже въ системѣ, предварительно мелькавшее воображенію Путешественника, ожидало Его воззрѣнія и новой мысли. Путеуказатель не только облегчалъ выборъ предметовъ любопытства, но служилъ какъ бы нитью для собственныхъ идей Его Высочества, на которой онѣ въ порядкѣ и полнотѣ нанизывались для будущихъ соображеній». 2-го мая, изъ Царскаго Села, Государь Цесаревичъ изволилъ съ своею свитою от-

правиться въ это путешествіе, которое неиспытанною радостію должно было наполнить сердца всѣхъ Русскихъ. Двѣ трети года посвящены изученію отечества, не въ кабинетѣ, а лицемъ къ лицу со всякимъ замѣчательнымъ предметомъ. Можно вообразить, сколько живыхъ, сладостныхъ, потрясающихъ душу ощущеній протѣснилось по сердцу поэта въ продолженіе всей поѣздки. Ему трогательная приготовлена была встрѣча въ Бѣлевѣ, гдѣ память о немъ свято сохраняется и однимъ поколѣніемъ передается другому. Въ «Современникѣ» тогоже 1838 года, гдѣ съ подробностію изображено путешествіе Государя Наслѣдника по Россіи, отдѣльно представлено и о путешествіи Жуковскаго съ Его Высочествомъ. Тамъ между прочимъ сказано: «Воображая человѣка съ этимъ талантомъ, съ этими знаніями и съ этимъ направленіемъ ума (что изъ твореній его такъ знакомо все каждому), можно представить живо, какъ дѣйствовало на него путешествіе! Ежели зрѣлище, столь разнообразное какъ Россія, и столь близкое къ сердцу какъ отечество, для каждаго изъ насъ, въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, становится источникомъ лучшихъ, неизгладимыхъ воспоминаній, назидательныхъ уроковъ и часто благотворныхъ помысловъ, то въ какой степени, при торжественномъ шествіи Августѣйшаго Первенца обожаемаго нами Монарха, оно поражало чувства, восхищало душу и двигало сердце поэта!»

Жуковскій изъ путешествія по Россіи прибылъ въ Петербургъ 17 декабря 1837 года. Онъ расказывалъ, что уже въ Тоснѣ, за 50 верстъ отъ столицы, увидѣлъ зарево, а въ десяти верстахъ узналъ, какое бѣдствіе въ городѣ.... Нашедши въ комнатахъ своихъ все въ цѣлости, такъ что ничто даже съ мѣста не было тронуто, онъ съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ: «инѣ было какъ-то стыдно!»

Въ 1838 году предстояло ему отправиться въ другое путешествіе, также въ свитѣ Государя Наслѣдника. Его Высочество изволилъ предпринять обозрѣніе Европы. Нѣтъ надобности пояснять, какія приготовленія занимали тогда Жуковскаго. Сколько важнѣйшихъ предметовъ, сколько историческихъ лицъ заранѣе являлось ему— и онъ чувствовалъ необходимость все привести для себя въ полную систему, въ ясное сознаніе. Онъ ни въ чемъ не способенъ былъ къ труду легкому, а тѣмъ менѣе поверхностному. Умъ его, глубоко проникающій во всѣ явленія жизни гражданской и нравственной, соединялъ великія послѣдствія съ созерцаніемъ чудной картины народовъ, какая ожидала ихъ впереди. Самая мѣстность, если только въ ея характерѣ было что нибудь яркое и поражающее наблюдательность, вызывала его къ изслѣдованіямъ. Въ «Современникѣ» 1838 года помѣщены отрывки подъ названіемъ: «Очерки Швеціи». Они до такой степени живописны, вѣрны съ природою края и проникнуты одушевленіемъ художника, что нельзя довольно надивиться, какъ Жуковскій могъ забыть ихъ, не включивъ въ собраніе сочиненій своихъ въ прозѣ, изданныхъ имъ въ 1849 году. Эти отрывки заимствованы изъ длиннаго, истинно поэтическаго «Письма» его, которое изъ Стокгольма онъ прислалъ

огда Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ. По одному этому образчику можно судить, какъ онъ былъ полонъ каждаго предмета, съ которымъ готовился встрѣтиться, и какое сочувствіе разгаралось въ его душѣ ко всему видѣнному.

Во время путешествія по Европѣ въ 1838 году, Жуковскій, въ подражаніе Гальму, написалъ драматическую поэму: «Камоэнсъ». На заимствованномъ основаніи онъ воздвигнулъ собственное зданіе, въ которомъ возвышенныя его идеи сіяютъ изумительнымъ свѣтомъ. То, что высказывается изъ глубокой души его о тщетѣ земной славы, о чистотѣ поэтическаго призванія, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено у другихъ поэтовъ. Тогда же, бывши въ Англіи, онъ близь Виндзора посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его знаменитую элегію. Воспоминаніе о первомъ стихотвореніи, занимавшемъ нашего поэта въ Мишенскомъ, и видъ трогательнаго мѣста, освященнаго вдохновеніемъ Грея, такъ подѣйствовали на его сердце, что онъ снова принялся за это стихотвореніе и въ другой разъ передалъ его нашъ, но уже во всей безъискуственной прелести стиховъ подлинника.

Плетневъ.

---

82. Скупой.

Лице его (Плюшкина) не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое-же какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ одбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки еще не потухнули и бѣгали, изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, они высматриваютъ, не затаился-ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараньями нельзя-бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ-ли, подвязка-ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если-бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то вѣроятно далъ-бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ-бы кто найти у кого другаго столько хлѣба зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. Заглянулъ-бы кто нибудь къ нему на рабочій дворъ,

гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды никогда не употреблявшейся—ему-бы показалось, ужъ не попалъ-ли онъ какъ нибудь въ Москву на щенной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагунь, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыконики, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что-бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? во всю жизнь не пришлось-бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему, старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случалось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, — онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ-же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь: но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или осталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать: привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тете-

рекъ, или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его конпатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ: локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись-же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты: онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ-ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ: неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько-же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ-же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько-же поставовъ холста должна была наткать ткачиха — все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ-бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія, но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще

одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души, можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ, и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно-бы было привести иную лучшую причину, но ничего инаго не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было,—что именно, неизвѣстно, но вѣроятно смыслъ былъ таковъ: «а побралъ-бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ-же нѣсколько внятнѣе: прошу покорнѣйше садиться!

— Я давненько не вижу гостей, сказалъ онъ, да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія.... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась; начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

Вонъ оно какъ! подумалъ про себя Чичиковъ, хорошо-же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку, да ломоть бараньяго бока.

— И такой скверной анекдотъ, что сѣна хоть-бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! продолжалъ Плюшкинъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ-бы въ кабакъ.... того и гляди, пойде старости лѣтъ по міру!

— Мнѣ однако-же сказы скромно замѣтилъ Чичиковъ у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? бы, батюшка, наплевали въ тому, который это сказывалъ пересмѣшникъ, видно хотѣл шутить надъ вами. Вотъ тысяча душъ, а подитка сос а и ничего не начтешь! Посл три года проклятая горячка морила у меня здоровенный мужиковъ.

Подошедъ къ окну, пост онъ пальцами въ стекло и за чалъ: «Эй Прошка.» Чрезъ м ту было слышно, кто-то вбѣ въ попыхахъ въ сѣни, долг зился тамъ и стучалъ сапо наконецъ дверь отворилась— шелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ надцати, въ такихъ большихъ погахъ, что ступая, едва не нулъ изъ нихъ ноги. Поче Прошки были такіе большіе с ги, это можно узнать сей-част у Плюшкина, для всей дво сколько ни было ее въ домѣ, одни только сапоги, которые жны были всегда находитьс сѣняхъ. Всякій, призываемы барскіе покои, обыкновенно плясывалъ черезъ весь дворъ сикомъ; но, входя въ сѣни, н валъ сапоги, и такимъ уже о зомъ являлся въ комнату. Вы изъ комнаты, онъ оставлялъ с ги опять въ сѣняхъ, и отправл вновь на собственной подо Если-бы кто взглянулъ изъ ок ка въ осеннее время и особе когда по утрамъ начинаются ленькія изморози, то бы увид что вся дворня дѣлала такіе ск

ки, какіе врядъ-ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лице Прошки. Глупъ вѣдь какъ дерево, а попробуй что нибудь положить, мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. «Поставь самоваръ, слышишь, да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, что-бы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна (*), чтобы подала его къ чаю..... постой, куда-же ты? дурачина! эхва, дурачина!.... Бѣсъ у тебя въ ногахъ что-ли чешется?.... ты выслушай прежде: сухарь-то сверху чай поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да порохъ не бросаетъ, а снесетъ въ сухратникъ. Да смотри ты, ты, не ходи, братъ, въ кладовую, не то у тебя, знаешь! березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса - то! отъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй - ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. Имъ ни въ томъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался мѣстѣ съ своими сапогами.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ-бъ съ ужасомъ, если-бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

Н. Гоголь.

(*Мертвыя души*).

(*) Дочь Плюшкина.

83. Платонъ, митрополитъ московскій.

Жизнь и дѣянія Платона въ различныхъ отношеніяхъ представляютъ намъ отличныя его достоинства и различія, коими блисталъ онъ и въ училищѣ какъ ученый, и при дворѣ какъ законоучитель, и на паствѣ какъ пастырь пастырей и духовный витія, извѣстный своими дарованіями и подвигами не только въ Россіи, но и въ чужихъ странахъ, прославленный не только соотечественниками и чтителями святой вѣры, но и самыми иноплеменниками и противниками оной.

Удивляясь въ служебной, внѣшней его жизни величавости, его талантамъ и мудрости — въ частной и внутренной жизни находимъ въ немъ другаго рода добродѣтели и свойства столь любезныя и достойныя его: не льзя не плѣняться простотою и умѣренностію оной, искренностію его въ словахъ, свободою въ обращеніи, благотворительностію роднымъ и чужимъ, точностію въ исполненіи обязанностей

Для наблюдательнаго духа всегда будетъ полезно изученіе и познаніе частныхъ дѣяній внутреннихъ свойствъ и даже обыкновенныхъ отношеній того человѣка, которому мы достойно удивляемся и котораго геній составляетъ для насъ предметъ похвалы и чести! — Исторія, изображая намъ блестящіе и громкіе подвиги и напередъ обдуманныя рѣчи и дѣянія героевъ, едва ли столько можетъ занимать насъ и поучать, какъ представляя великаго мужа въ изгнаніи, мудреца въ уединеніи; въ частной жизни еще открывается подлинная великость души, истинный характеръ и обнаженное отъ внѣшностей достоинство человѣка.

Платонъ отъ природы награжденъ былъ тѣмъ высокимъ и твердымъ характеромъ, который обнаруживается въ словахъ и въ поступкахъ, господствуетъ надъ природными склонностями, противится чувственности и отказываетъ себѣ въ томъ, что можетъ ослабить душу. Съ природною живостію умѣлъ онъ соединить то великодушіе и терпѣніе, какія оказывалъ въ защищеніи праваго дѣла и въ пожертвованіи собою для истины. Если къ его характеру иногда примѣшивалась вспыльчивость, какъ слѣдствіе темперамента: то она съ избыткомъ вознаграждалась добротою и чувствительностію сердца. Но и сію наклонность въ себѣ онъ побѣждалъ размышленіемъ, стараясь управлять самимъ собою и не слѣдовать первому движенію страсти. Сія-то счастливая смѣсь возвышенности ума, силы духа и чувствительности сердца составляла основу его характера, *даруемаго природою* тому, кого она производитъ для управленія правами человѣческими. Самые таланты его имѣли на себѣ отпечатокъ его характера. Духовный витія въ надгробномъ словѣ Платону изображаетъ характеръ его слѣдующими чертами:

«Прочія души его качества и «обычаи столь же просты, сколько «и неподражаемы. Будучи добро«сердеченъ и откровененъ, любилъ «слушать совѣты другихъ; но, бу«дучи полонъ совѣта и разума, рѣд«ко могъ имъ послѣдовать. Буду«чи зорокъ и проницателенъ, онъ «не опровергалъ многорѣчиво лу«кавыя хитросплетенія, но, ударя «въ самый корень страсти, обна«руживалъ и приводилъ въ ужасъ «коварство. Соединяя вкупѣ и ос«троту ума и твердость духа къ «обузданію своевольства и усми«ренію надменныхъ — поражалъ «всенародно гордость и буйство «въ краткихъ словахъ, но съ та«кою силою истины и благочестія, «что послѣ взоръ его былъ нази«дательнѣе длинныхъ поученій. «Будучи и по природѣ и по раз«судку страстенъ къ дѣятельности, «а посему и пылокъ и стремите«ленъ, не терпѣлъ малѣйшаго за«коснѣнія, когда оно проистекало «отъ нерадѣнія; напротивъ, съ глу«бочайшимъ молчаніемъ выдержи«валъ самое несносное медленіе, «когда оно происходило отъ необ«ходимости.—Самое злорѣчіе, вни«мательное къ однимъ порокамъ «и слабостямъ, ища пятенъ въ его «умѣ и сердцѣ, впрочемъ признает«ся торжественно, что онъ имѣлъ «добродѣтели неподражаемыя и «былъ солнце своего времени.»

Инымъ казался высокомѣрнымъ сей пастырь, который охотно цѣлые часы бесѣдовалъ съ простымъ

церковнослужителемъ и поселяниномъ, входилъ въ бѣдныя хижины, узнавалъ нужды и недостатки для того, чтобы найти средства помочь; но помогалъ тогда только, когда могъ сіе дѣлать безъ нарушенія справедливости.—Сынъ, оставшійся послѣ отца для пропитанія вдовы матери и сиротъ — братьевъ и сестеръ, просится на отцовское мѣсто—Платонъ ему отказываетъ, но отказываетъ не по жестокосердію, а потому что, съ опредѣленіемъ недостойнаго священнослужителемъ, онъ поступилъ бы вопреки долгу званія своего.

Благотворенія Платона простирались на честность, заслуги и таланты; но еще болѣе щедроты его были плодами любви къ ближнему: онъ не подавалъ явной милостыни тунеядцамъ; однакожъ при всей бережливости, свойственной ему какъ старцу, оказывалъ тайную помощь истинно бѣднымъ. Многіе примѣры свидѣтельствуютъ о сострадательности сего пастыря, который былъ добродѣтельнымъ и по природѣ и по правиламъ: строгимъ онъ тогда являлся, когда требовала его обязанность наказать виновнаго и обличить подающаго явный соблазнъ. Еслижъ иногда и случалось ему на минуту забыть милосердіе въ правосудіи и кротость въ обличеніи: онъ чистосердечно раскаявался и старался загладить ошибку свою. Слабости подчиненныхъ своихъ онъ столько прощалъ, сколько требовало человѣколюбіе и сколько позволялъ долгъ врученной ему власти; входилъ же въ дѣла ихъ и разсматривалъ просьбы съ отеческимъ участіемъ и пастырскимъ правосудіемъ, ибо зналъ, что Возведшій его на сію степень преклоняетъ слухъ Свой къ моленіямъ праведника и грѣшника. Удаленный отъ той снисходительности, которая все одобряетъ — чуждался и той суровости, которая ничего не одобряетъ. Исполнивъ обязанность истины, не должны ли мы исполнить обязанность смиренія?

Были времена и случаи, что ревность Платона объ исправленіи нравовъ иногда и увлекала его за предѣлы правъ пастыря, именующагося смиреннымъ; но «нашъ пастырскій долгъ—говорилъ онъ—«нравы человѣческіе, по возможности силъ нашихъ, служеніемъ «слова Господня приводить въ лучшее совершенство.»—Такимъ образомъ его наставленія и совѣты касались до всѣхъ состояній и возрастовъ: онъ всегда и всякаго увѣщевалъ пребывать въ томъ званіи, въ какомъ Богъ кого поставилъ, не жить выше своего состоянія и не пренебрегать своими обязанностями. Съ прискорбіемъ взиралъ Платонъ на неравные союзы брачные, основанные на корыстолюбивыхъ видахъ, на смѣшеніе состояній, съ убѣдительностію примирялъ раздоры супруговъ. Замѣчалъ ли въ комъ изъ духовныхъ наклонность къ невоздержанію или другому какому пороку—заставлялъ ихъ вооружаться въ проповѣдяхъ каждаго противъ собственныхъ слабостей—и такими средствами успѣвалъ онъ вразумлять и исправлять; негодовалъ на своихъ подчиненныхъ, которые искали себѣ отличій чрезъ посредство свѣтскихъ людей—и такое домогательство называлъ пронырствомъ, искажающимъ заслуги и достоинства.

Какъ другъ порядка и подчиненности, онъ любилъ и умѣлъ вводить благочиніе, поддерживать

устройство и своимъ присутствіемъ возбуждать дѣятельность.

Поставляя себя превыше сужденій толпы народной, онъ пренебрегалъ свѣтскіе обычаи, когда видѣлъ, что ими ослаблялись правила разума — не уважалъ общаго мнѣнія, когда по совѣсти находилъ его несогласнымъ съ христіанскимъ смиренномудріемъ; и какъ иногда въ выраженіяхъ и поступкахъ казался строгимъ: то многіе, не знавшіе его подлинныхъ свойствъ, его чистосердечіе принимали за грубость, любовь къ истинѣ — за оскорбленіе.

Въ нѣкоторыхъ его поступкахъ открывались слѣды честолюбія и тщеславія, какъ страстей, основанныхъ на ощущеніи своего достоинства. Если онѣ и подлинно были въ немъ: то многія его дѣянія доказываютъ, какъ онъ часто отказывался отъ того, что могло польстить этимъ страстямъ, предосудительнымъ для инока, но простительнымъ для человѣка. Примѣрами его преобладанія собою исполнена его жизнь общественная и частная.

Какъ врагъ роскоши, Платонъ любилъ умѣренность и простоту, довольствовался грубою пищею, предпочиталъ небогатую одежду. Находя его сидящимъ у воротъ монастырскихъ или на крыльцѣ келіи, или трапезующимъ съ богадѣльниками, часто у него самого спрашивали о Платонѣ — и, думая найти Платона среди великолѣпія и пышности, встрѣчали его во всей патріархальной простотѣ, столь величественной и столь любезной. Многіе ошибались, принимая его за простаго монаха или привратника — и болѣе ошиблись бы, еслибъ потребовали отъ настоятаго первосвященника условій свѣтскаго приличія и осудили-бы его за нарушеніе оныхъ.

Величіе сана своего онъ поставлялъ не въ мірской пышности, не въ блескѣ почестей, предоставленныхъ высокому его званію, но въ твердомъ и непремѣнномъ исполненіи должностей своихъ, коимъ онъ готовъ былъ жертвовать и дружбою и собственными выгодами и преимуществами.

Платонъ, пребывая въ уединеніи, занимался трудомъ, молитвою и богомысліемъ; доказательствомъ его любви къ иноческой жизни служили основанныя и возобновленныя имъ обители благочестія, также убѣжденіе вступать въ монашество тѣхъ питомцевъ своихъ, которые отличались талантами и нравами. Сей зодчій Виѳаніи украсилъ Троицкую Лавру, возобновилъ Перервинской и Махрищской монастыри, Берлюковскую пустыню, бывшую долго въ запустѣніи; древняя столица была свидѣтельницею его попеченій о благолѣпіи и устройствѣ храмовъ Божіихъ. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ также уединялся въ то Черкизово село, о коемъ Св. Алексій Митрополитъ пишетъ, что *купилъ его на собственное свое серебро*. Съ подвигами благочестія соединяя дѣла милосердія, Платонъ при монастыряхъ устроивалъ богадѣльни, гдѣ давалъ пристанище бѣдности и старости. Іерархъ московскій, сложивъ все великолѣпіе своего сана, живалъ въ своей Виѳаніи какъ простой монахъ, отправлялъ служеніе въ церкви какъ церковнослужитель; самъ работалъ въ саду, разсаживалъ рядами деревья, которыя и теперь осѣняютъ сію обитель. На лугахъ виѳанскихъ Платонъ въ соломенной на

головѣ шляпѣ, съ питомцами своими, косилъ сѣно, или складывалъ его въ копны. Собственнымъ примѣромъ приучая ихъ къ трудолюбію, онъ хотѣлъ ознакомить ихъ съ состояніемъ, ближайшимъ къ природѣ, съ простотою патріархальной жизни — показывалъ, что разумъ укрѣпляется размышленіемъ, а тѣло трудомъ. Раздѣляя съ ними ученыя и хозяйственныя занятія, онъ присутствовалъ и на праздникахъ, какіе давалъ имъ на Корбухѣ въ свободное отъ ученія время. Въ этомъ мѣстѣ, привлекательномъ по своему положенію, предъ его глазами питомцы его предавались невиннымъ забавамъ не какъ подчиненные предъ начальникомъ, но какъ дѣти предъ отцемъ. Снисходительная его улыбка ободряла робость юности, а попечительный взоръ предписывалъ умѣренность ея порывамъ. Осуждалъ Платонъ такія только увеселенія, коими, по выраженію его, «благопристойность христіанская «посрамляется, коими безчинства «умножаются, страсти питаются, «душа разстроивается и нравы порчатся.» Нашъ духъ, вкушая отраду среди красотъ природы, тихое и безпримѣсное наслажденіе, кажется, чрезъ то дѣлается способнѣйшимъ къ созерцанію, и тѣло получаетъ облегченіе. Сіе-то удовольствіе находилъ Платонъ въ утренней прогулкѣ, къ которой его призывалъ чистый и ясный день, въ искренней бесѣдѣ съ ближними своими. Впрочемъ удовольствіями его управляло то благоразуміе, которое и въ безвинномъ наслажденіи соблюдаетъ порядокъ, время и мѣсто.

Какъ просвѣщенный мужъ, искусный въ божественной и человѣческой мудрости, Платонъ былъ истиннымъ покровителемъ и другомъ наукъ. Отыскать, пробудить и поощрить талантъ почиталъ онъ для себя долгомъ, наградить успѣхи — радостію. Основаніе и распространеніе училищъ и учебныхъ предметовъ, умноженіе пособій, изданіе полезныхъ сочиненій, а еще болѣе воспитаніе достойнѣйшихъ пастырей церкви и учителей не служатъ ли вѣрнѣйшими сему доказательствами?

Съ основательнымъ свѣдѣніемъ въ древней словесности, онъ соединялъ глубокое познаніе богословіи, церковной и отечественной исторіи, въ коей упражнялся до самой старости, почитая сію науку для духовнаго званія не только пристойною, но необходимо нужною. Могъ ли тотъ не знать философіи, кто столь умно и краснорѣчиво разсуждалъ и училъ? О другихъ наукахъ Платонъ имѣлъ также свѣдѣніе, почерпнутое имъ въ лѣта ученія своего, а болѣе изъ чтенія, въ коемъ онъ любилъ упражняться. Въ юности своей онъ зналъ наизусть всего Апостола Павла и въ старости часто приводилъ изъ него цѣлыя мѣста. Хотя иногда и пользовался онъ писателями западной церкви: однако непрестанно упражнялся въ изученіи восточныхъ св. отцевъ, особливо Златоуста.

Пріобрѣтенныя имъ познанія еще болѣе украшались природными способностями. Онъ обладалъ счастливою памятью, обильнымъ воображеніемъ, чувствительнымъ сердцемъ, здравымъ разсудкомъ и высокимъ умомъ, легко и скоро обнимавшимъ предметы. Какъ изощренный опытностью мореплаватель по движеніямъ моря, по ходу об-

лаковъ, по теченію свѣтилъ небесныхъ и другимъ примѣтамъ предузнаетъ тишину или бурю: такъ и сей отъ природы прозорливый мужъ, обогащенный сокровищами опыта, полвѣка наблюдавшій свѣтъ и людей, движущія ими страсти, рѣдко ошибался въ своихъ заключеніяхъ и выборахъ, имѣя то предвидѣніе, которое иногда служитъ намъ вождемъ, хотя не всегда можетъ открыть тайну грядущаго. И кто больше въ состояніи былъ руководствовать людей къ лучшему, какъ не человѣкъ, коего проницательный взоръ вникалъ во внутреннія ощущенія и пристрастія сердечныя и въ изгибы ума?

Даръ его слова возвышалъ сіи дары природы. Его краснорѣчіе изливалось иногда тихою, иногда быстрою струей и пролагало себѣ путь даже сквозь скалы кремнистыя: онъ плѣнялъ, убѣждалъ и преодолѣвалъ по произволу; выраженія его соотвѣтствовали цѣли, слова самому предмету. Озаренныя истиною мысли его обнаруживались въ красотѣ естественной. Увлекающая сила рѣчи его изображала ту силу духа, съ какою онъ умѣлъ обладать сердцами слушателей своихъ и не только среди величія храма священнаго, но и среди простоты келіи своей, гдѣ Платонъ окружаемъ былъ приближенными своими и чужими и незнакомыми.

Увѣренность въ проповѣдуемыхъ имъ истинахъ и знаніе сердца человѣческаго придавали ему смѣлость и свободу, съ какою онъ выражался. Обладая такими дарами, Платонъ умѣлъ находиться въ словахъ, часто безъ приготовленія давалъ остроумные отвѣты на тонкіе вопросы и полезныя наставленія требующимъ; черты его остроумія, счастливые обороты мыслей и выраженій хранятся въ памяти современниковъ, которые любятъ ихъ повторять.

Съ внутренними отличіями соединялъ онъ и внѣшнія: благообразіе въ лицѣ, на коемъ изображалось глубокомысліе и важность, сила и гибкость въ голосѣ, величественная осанка въ поступи, приличіе въ движеніяхъ: все это придавало словамъ его великую силу. Превосходство ума и сердца его просіявало сквозь прекрасное очертаніе лица его. Платонъ съ перваго вида являлся владыкою.

Самый взоръ Платона былъ уже краснорѣчіемъ, улыбка любовію, рѣчь остроуміемъ, наблюденіе благоразуміемъ, не столько заимствованнымъ отъ науки, сколько внушеннымъ самою природою. Кто, созерцая его благоговѣніе при священнодѣйствіи, самъ не ощущалъ его въ сердцѣ своемъ? кто, взирая на слезы его умиленія, самъ не проливалъ ихъ? кто, внимая словамъ его, не убѣждался ими?

Одинъ путешественникъ, разсматривая величественнѣйшій въ Римѣ храмъ Св. Петра, вспомнилъ тамъ о любимомъ въ Россіи Платонѣ. «Желалъ бы я, говоритъ онъ, «чтобъ нашъ Платонъ, украшен«ный болѣе сѣдиною, нежели пер«восвященническимъ одѣяніемъ, «пришелъ во храмъ поклониться «посреди богатства его, блеска и «великолѣпія всевѣдущему Богу; «и чтобы въ глубокой тишинѣ, при«сутствіемъ его внушаемой, загре«мѣлъ его голосъ подъ сими свода«ми въ золотѣ, посреди всѣхъ сихъ «гробницъ, воздвигнутыхъ пышно«стію, и чтобы витійство его, смяг«чивъ сердца, возбудило въ нихъ

ıитву любви, чистѣйшую и пріѣйшую небу всѣхъ нашихъ гоуханій.»

И. Снегиревъ.

(*Изображеніе жизни Платона*).

---

84. Іоаннъ IV.

Іванъ III и сынъ его Василій ли одинакій характеръ, отлиній болѣе или менѣе всѣхъ ей московскихъ, ихъ предшественниковъ: главныя черты этого ıктера-разсудительность, расивость, преобладаніе головы ъ сердцемъ; прямые наслѣдники Калиты, Иванъ III и сынъ его ıлій, не увлекались никогда ствомъ. Совершенно иная была ода Ивана IV: это былъ безно самый даровитый государь, го только намъ представляетъ ская исторія до Петра В., саблестящая личность изъ всѣхъ иковичей; но съ необыкновен- ясностію взгляда, ловкостію ѣчахъ и поступкахъ, качест-ı, полученными въ наслѣдство предковъ, въ Иванѣ было раз- въ высшей степени другое ивоположное начало-женсто ое, чувство: сколько Иванъ ъ уменъ и проницателенъ, ько же былъ страстенъ, вос ıчивъ, раздражителенъ, спонъ увлекаться, доходить до ности. Можно легко угадать, й характеръ долженствовала ять борьба такого государя ıенсцѣлнымъ зломъ старинъ притязаній. Притомъ Иванъ ı сынъ его Василій не были такъ далеки отъ стараго поа вещей, смотрѣли на него исторически, и потому въ бѣ своей съ нимъ были необно хладнокровнѣе и умѣреннѣе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ московскомъ, въ этомъ смыслѣ порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понятіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понятія своею обширною начитанностію, изученіемъ священной, церковной, римской исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были въ іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на римскомъ; Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хочетъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости, неприкосновенности своихъ правъ, окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей ярославскихъ, суздальскихъ, смоленскихъ, о томъ, что Государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало: оскорбленный такими противугосударственными притязаніями, какъ государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ

отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV не только преслѣдуетъ противугосударственныя стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ лично оскорбленный. Наконецъ для такого государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія,—и вмѣсто того отъ ранняго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами, и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Димитрій Донской, сынъ его и внукъ вступали на великокняжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тѣмъ, въ началѣ ихъ княженій, мы вовсе не видимъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто во время малолѣтства Ивана IV: напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣятельное управленіе бояръ для блага князя и княжества; откуда-же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынѣ и внукѣ его, интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположныхъ стремленій; бояре московскіе дружно отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со временъ Ивана III интересы *к. князя и* бояръ разрознились: *князь началъ* руководствоваться идеями государственными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этими идеями притязанія.

По смерти Василія Ивановича, опекуншею малолѣтнаго сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавистная боярамъ; она не отступала отъ поведенія своего мужа, слѣд. не уменьшила этой ненависти. Не могши управлять одна, Елена ввѣрилась извѣстному лицу изъ бояръ же, и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партіи между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между московскими боярами не было князей, ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ.

По смерти матери, Иванъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ касательно умственнаго и нравственнаго развитія. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ жадно схватилъ все, что могли предложить ему вѣкъ и общество; масса свѣдѣній была не велика, дѣлать выбора было не изъ-чего, молодой князь взялъ все, прочелъ все, что могъ достать прочесть: слѣд. въ дѣлѣ умственномъ Иванъ могъ еще обойтись безъ руководителя. Но не такъ было въ дѣлѣ нравственномъ: среди эгоистическихъ стремленій партій, царственный младенецъ былъ предоставленъ въ руководство одному собственному эгоизму; Иванъ съ ранней юности былъ окруженъ людьми, которые, въ своихъ стремлені-

хъ, не обращали на него никаого вниманія, безпрерывно оскорбяли его: отсюда Иванъ необхоимо долженъ былъ привыкнуть — ивя въ виду только собственные нтересы, не обращать вниманія а интересы другихъ, не уважать еловѣческаго достоинства, не уваать жизни человѣка; если онъ, акъ началъ себя помнить, не стрѣчалъ ни откуда не только сочувствія, даже вниманія, то какъ котѣть, чтобъ онъ сочувствовалъ другимъ, обращалъ вниманіе на другихъ? Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, оставляли его предаваться чувственнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли въ самыхъ лучшихъ, въ самыхъ святыхъ его интересахъ, именно въ привязанности къ людямъ, оскорбляли вдвойнѣ: оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ, не обращали вниманія на его слезы; отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ, въ немъ разлились два чувства: презрѣніе къ любамъ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строгимъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія. Такимъ образомъ, употребляя слова Курбскаго: въ предобную душу Ивана были всѣяны злые нравы, но не дьяволомъ и не женами злыми и чародѣйками; самъ Курбскій говоритъ, кѣмъ и какъ были всѣяны злые нравы: «Пяташа его велицые гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ двадесять, началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ. Егда же уже приходяще къ пятому-надесять лѣту, и вящее, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиніе. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ! Егда же пріиде къ седьмому-надесять лѣту, тогда тѣжъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, одинъ противъ другаго!- Такъ этимъ ужаснымъ потворствомъ раздражительная, воспріимчивая природа Ивана была пріучена къ чувственнымъ наслажденіямъ; эта привычка въ лѣтахъ зрѣлыхъ повела къ разврату и къ той страшной внутренней борьбѣ, которая происходила въ душѣ царя, вполнѣ сознававшаго паденіе

свое въ нравственномъ отношеніи. Въ адвокатскихъ письмахъ своихъ къ Курбскому онъ еще старается оправдать это паденіе; но предъ лицемъ религіи, которой требованія онъ зналъ лучше другихъ, онъ не смѣлъ оправдываться, и въ отчаяніи обнаруживалъ страшныя язвы души своей. Человѣкъ привыкъ видѣть въ тѣлѣ своемъ и его страстяхъ начало внѣшнее и враждебное: отсюда стремленіе подавлять тѣлесныя страсти тѣлесными же, внѣшними подвигами благочестія, отсюда пристрастіе Грознаго къ этимъ подвигамъ; но тѣло очищается чистотою душевною, и тѣлесныя страсти умолкаютъ тогда, когда душа исполнена высокихъ помысловъ, а душа Грознаго постоянно волновалась гнѣвомъ, подозрѣніемъ, презрѣніемъ: при такомъ состояніи души успѣшная борьба его съ испорченною въ дѣтствѣ тѣлесною природою была невозможна. Къ безстыднымъ ласкателямъ, жившимъ на счетъ его слабостей, къ этимъ Вяземскимъ и Грязнымъ Царь не могъ не питать презрѣнія; но въ тоже самое время онъ не могъ равнодушно сносить не только гласнаго укора, но даже грустнаго молчанія людей, оскорбленныхъ его поведеніемъ, потому что въ этомъ онъ видѣлъ посягновеніе на свои права, которыя отстаивалъ отъ притязаній старины; онъ не могъ отдѣлить укора на безнравственность человѣка отъ возстанія на власть Царя, потому что бояринъ, укорявшій его, не былъ чистъ отъ старинныхъ притязаній, и укоръ, слѣдствіе благороднаго негодованія, доброжелательства къ Царю, казался послѣднему дерзостію дружинника, который думалъ, что Царь немогъ ничего дѣлать безъ его совѣта; бояринъ выразилъ свое неудовольствіе, а единственное право дружинниковъ, за которое они стояли такъ упорно, — было при первомъ неудовольствіи отъѣзжать: вотъ почему Грозный, какъ скоро встрѣчалъ недовольное лицо боярина, уже видѣлъ въ немъ человѣка, замыслившаго отъѣздъ, и спѣшилъ предупредить измѣнника.

Я привелъ слова Курбскаго для показанія поблажекъ, ласкательствъ, которыми развращали Ивана въ молодости; теперь, съ другой стороны, выслушаемъ самого Ивана для показанія тѣхъ оскорбленій, которыя ожесточили его въ дѣтствѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Курбскому, высчитавъ оскорбленія, нанесенныя ему партіями боярскими, убійство людей, ему близкихъ и пріятныхъ, сверженіе двухъ митрополитовъ, Иванъ обращается къ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя были для него всего чувствительнѣе, къ безчинству бояръ въ его присутствіи, забвенію его царственныхъ правъ, ненависти, выраженной къ его отцу и матери: онъ помнилъ, какъ бояре, при переносѣ вещей покойной Елены, не могли удержаться, чтобъ не обнаружить своей ненависти самымъ мелочнымъ образомъ: они пихали ногами вещи покойной княгини. Но дадимъ говорить самому Ивану: «Насъ же съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковожъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспомяну: нашъ бо въ юности дѣтства играюще, а

Князь Иванъ Васильевичь Шуйжій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ жершись отца нашего о постелю, югу положивъ, къ нимъ же не приклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко обское жъ, ниже начало обрѣтеся: таковая гордыня кто можетъ поести! какожъ исчести таковыя ѣдиѣ страданія многая, яже въ ности пострадахъ! многажды позю ядохъ не по своей волѣ. Что же бо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ мышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поимаша во издоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда а отца нашего безчисленную себѣ поимаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и сребряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе; а всѣмъ людемъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменити, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! по семъ на грады и селы наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, своижъ рабы аки вельможа устроиша; правити же мнящесь и строити, и вмѣсто сего, неправды и нестроенія многая устроиша, изду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по издѣ творяще и глаголюще!»

Подобныя явленія повторились при вторичномъ торжествѣ Шуйскихъ, что вывело тринадцатилѣтняго Ивана изъ терпѣнія и заставило его дѣйствовать наступательно. Какой же будетъ образъ его дѣйствія? такой, какому научили его воспитатели: насилія, казни.

С. Соловьевъ.

(Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома).

---

85. Батюшковъ.

Когда Жуковскій, возбужденный и направляемый германскими поэтами, началъ благодѣтельное преобразованіе русской поэзіи, внося въ нее новыя романтическія идеи, тогда Батюшковъ съ другой стороны содѣйствовалъ той-же цѣли. Болѣе классикъ, чѣмъ романтикъ по духу своему и формамъ, казалось, онъ скорѣе будетъ принадлежать старой, чѣмъ новой школѣ; но его блистательный талантъ, а можетъ быть, и примѣръ Жуковскаго, дали его подражательности, если можно такъ выразиться, особенный оригинальный характеръ, новый по крайней мѣрѣ для русской литературы, и спасли его относительную самостоятельность.

Въ эту эпоху нашего развитія мы еще робко домогались сокровищъ собственной нашей души; сознавая въ себѣ силу для высшихъ и нѣжнѣйшихъ сочувствій съ природою и жизнію, мы однако-же не сиѣли еще собственною рукою черпать освѣжающей струи изъ ихъ чистаго источника. Таковъ законъ постепеннаго перехода души отъ слѣпаго вѣрованія въ автори-

теты къ свободѣ умственныхъ и нравственныхъ начинаній. Жуковскій, постигая поэзію, поэзію жизни и природы—единую истинную поэзію—искалъ у Германцевъ опоры своему художническому вѣрованію, и нашелъ ее; Батюшковъ съ тѣмъ-же инстинктомъ поэтическаго призванія подчинился другому вліянію. Его поэзія есть въ высшей степени аналитическая. Это поэзія земли, цвѣтущая, роскошная, вещественно-истинная и осязательно-живая, какъ сама земля, и, столь-же какъ она, тѣсная для духа всеобъемлющаго. Жизнь въ глазахъ Батюшкова не есть ни тайна, ни подвигъ: она есть наслажденіе. Поэтому онъ ближе всего былъ къ эпикурейской школѣ французской легкой поэзіи. Но, истинный поэтъ по своему чувству и воображенію, онъ имѣлъ нужду въ другомъ художническомъ руководительствѣ, и скоро, по счастливому стеченію обстоятельствъ, сроднился съ поэтами итальянскими. Правда, и тутъ искалъ онъ союза не съ суровымъ, могущественнымъ Данте, а съ сладкопѣвнымъ, роскошнымъ Тассо и легкими пѣвцами земли и ея благъ; но итальянскіе поэты и этой даже школы отличались пылкостію, а не легкомысліемъ, какъ Французы. Они любили жизнь за жизнь, а не за суетныя ея прикрасы; они виноваты были тѣмъ, что слишкомъ увлекались ею, а не тѣмъ, что искажали ее. При томъ итальянскіе поэты, придерживаясь древнихъ классическихъ образцовъ въ художественной части своихъ твореній, подражали имъ только въ методѣ, а не въ самыхъ предметахъ; они изучали древнія формы не для того, чтобы эти формы прилагать къ новой жизни, а чтобы выработывать собственныя по законамъ греческаго стиля, законамъ вѣрнымъ и праведнымъ, потому что они истекали изъ природы. Между-тѣмъ Французы, стонавшіе подъ бичемъ Буало и такъ-называемаго вкуса, вѣрили простодушно, что поэтическая жизнь неиначе можетъ двигаться какъ по тѣмъ-же самымъ путямъ, по какимъ шествовала плѣнительная муза Греціи.

Батюшковъ очень много выигралъ, изучивъ нѣкоторыхъ италіанскихъ поэтовъ. Онъ получилъ отъ того въ высочайшей степени истинно-художническую манеру. У насъ привыкли удивляться языку Батюшкова и въ особенности его благозвучію; но это второстепенное его достоинство. Надобно болѣе удивляться зодчеству его картинъ, полнотѣ ихъ и царствующей въ нихъ гармоніи, искуству выставлять на показъ замѣчательнѣйшія черты предметовъ, оттѣнять ихъ съ необыкновенною точностію, растворяя ихъ въ то-же время свѣжею юношескою жизненностію. Здѣсь торжествуетъ вполнѣ поэтъ—аналитикъ. Какая опредѣленность образовъ! Какъ хорошо умѣетъ онъ схватывать тѣ поэтическіе моменты жизни, которые вдругъ выказываютъ предъ вами предметъ въ невыразимой прелести, именно съ той стороны, съ какой меньше всего вы ожидали и съ какой болѣе всего онъ можетъ васъ поразить! Какъ хорошо умѣетъ онъ размѣстить свои группы, сблизить ихъ и раздѣлить! Весьма немногіе изъ нашихъ поэтовъ понимаютъ, сколько можетъ быть поэзіи и красоты въ движеніи мысли, независимо отъ самой мысли. Посмотрите на эту милую жен-

щину: она наклонила голову—это ничего не значитъ; но она придала столько легкости этому сгибу, она съ такою прелестью согнула линію, что вы, не видя еще лица ея, готовы сказать: что это за очаровательное созданіе! — Таковъ Батюшковъ въ самыхъ мелочныхъ изворотахъ своей мысли. Онѣ у него не быстры, не энергически, но чрезвычайно легки и граціозны. Батюшковъ — полный властелинъ своихъ изображеній; онъ не набрасываетъ только, но рисуетъ и оканчиваетъ ихъ. Желательно-бъ было, чтобъ наши геніальные юные поэты переняли у Батюшкова манеру устанавливать въ опредѣленныя рамы свои повитые думами образы, а не раскидывали ихъ въ свирѣпомъ вдохновеніи во всѣ стороны, что дѣлаетъ ихъ похожими на волосы медузиной головы, только не на голову. И что за краски у Батюшкова! Какъ онѣ свѣжи и естественны! Когда онъ рисуетъ тѣло, оно дышитъ; когда воздухъ, онъ такъ благоухающъ, что имъ хочется дышать; когда локоны юной дѣвы, то кажется видишь, какъ вѣтерокъ взвѣваетъ ихъ.

Скажемъ въ заключеніе сей краткой характеристики: Батюшковъ, конечно, не есть поэтъ творческихъ созданій; но, какъ поэтъ — живописецъ, онъ, и по рисунку и по колориту, справедливо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ.

Никитенко.

(*Одесскій Альманахъ*).

---

86. Встрѣча съ Карамзинымъ.

Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ С.-Петербургѣ (французскому дворянину), любители словесности, изъ находившихся въ то время въ столицѣ французскихъ путешественниковъ, чиновниковъ, и нѣсколько дамъ и мужчинъ изъ высшаго класса русскаго общества. Въ семъ пансіонѣ воспитывались дѣти знатныхъ и богатыхъ людей, и потому хозяинъ имѣлъ обширный кругъ знакомства. Время на сихъ литературныхъ вечевахъ проводили чрезвычайно весело. Читали переводы съ русскаго языка и небольшія оригинальныя статьи; разговаривали, шутили и наконецъ, за ужиномъ, по древнему аѳинскому и нынѣшнему французскому обычаю, пѣли куплеты, всегда остроумные, весьма часто забавные. Присутствіе дамъ, прекрасныхъ и умныхъ, одушевляло бесѣду.

Не имѣя никакихъ притязаній на званіе французскаго автора, я, по просьбѣ хозяина и нѣкоторыхъ пріятелей, долженъ былъ писать по-французски небольшія статьи, которыя поправлялъ (въ грамматическомъ отношеніи) г-нъ Сенъ-Моръ, и самъ читалъ ихъ въ нашей бесѣдѣ. Прекрасному его чтенію я обязанъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ моихъ статей имѣли успѣхъ. Впрочемъ общество наше было весьма невзыскательно. Немножко ума, немножко веселости, занимательное происшествіе — и слушатели были довольны.

Однажды хозяинъ объявилъ намъ, что, въ будущее засѣданіе, одинъ извѣстный русскій чтецъ будетъ декламировать сцены изъ Мольеровой комедіи, и что нѣсколько отличныхъ русскихъ литераторовъ посѣтятъ нашу бесѣду. Я тогда только что возвратился изъ долговременнаго странствованія по Ев-

ницъ. я не видалъ въ лицѣ ни одного изъ русскихъ литераторовъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я дня собранія, и первый туда пришелъ. Но тѣмъ появленіе новыхъ лицъ въ залѣ, я спрашивалъ объ нихъ, и къ удивленію моему, слышалъ одни имена иностранцевъ — академиковъ, а не встрѣчалъ ни одного знакомаго въ литературѣ. Въ досадѣ, я усѣлся въ уголъ комнаты, и погрузился въ размышленія.

Вдругъ дверь въ залѣ потихоньку отворяется и входитъ человѣкъ высокаго роста, немолодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что никого не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Орденская звѣзда блистала на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ-бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я видѣлъ его. Лице его было продолговатое, чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій. Ротъ и губы имѣли какую-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза небольшіе, нѣсколько сжатые, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіономія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были въ большій порядокъ при окончаніи чтенія, и обѣщали скорому суду. Я, по нетерпѣливому вниманію, какъ его видѣлъ, говорилъ, казалось, говорилъ душѣ что-то сладостное, утѣшительное. На его одушевленномъ спокойствіи живо отражались всѣ впечатлѣнія, произведенныя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, такъ обильно въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ тяжкостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, нарушающихъ иногда вкусъ своего современника портера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и разбиралъ по его ощущеніямъ мои собственныя. Дошла очередь до моей статьи. Она была написана мною въ слѣдствіе моего спора съ Французами о нѣмецкой трагедіи, и заключала въ себѣ обозрѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде я хладнокровно представлялъ мои бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилось сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судью. Во время чтенія г-на Сенъ-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благопріятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ.

Кончилось чтеніе, слушатели встали съ мѣстъ своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить объ имени занимательнаго незнакомца. «Это Карамзинъ!» —

лъ хозяинъ, и поспѣшилъ
у благодарить за посѣщеніе.
амзинъ!» — воскликнулъ я
ромко, что онъ обернулся
отрѣлъ на меня. Вся перви-
моя система потряслась при
агическомъ имени, и всѣ
енныя воспоминанія моей
і вспорхнули въ одно время.
и одинъ грамотный чело-
ъ Россіи, въ хижинѣ и чер-
, отъ береговъ Камчатки до
, который-бы не зналъ име-
амзина? Есть-ли одинъ об-
нный иностранецъ, который-
соединялъ имени Карамзина
поминаніемъ о просвѣщеніи
?—Я видалъ гравированный
ртретъ, и теперь повѣрялъ
знакомыя черты писателя,
го каждая печатная строка
на мною по нѣскольку разъ.
ости моей я былъ свидѣте-
его успѣховъ, его славы. Я
того поколѣнія, въ которомъ
дѣлалъ литературный пере-
. Онъ заставилъ насъ читать
е журналы своимъ Москов-
Журналомъ и Вѣстникомъ
ы; онъ своими Аонидами и
й ввелъ въ обычай альмана-
ъ Письмами Русскаго Путе-
енника научилъ насъ описы-
аши странствія легко и пріо-
онъ своими несравненными
тями привязалъ свѣтскихъ
и прекрасный полъ къ рус-
чтенію; онъ сотворилъ лег-
такъ сказать, общежитель-
розу; онъ первый возжегъ
ьникъ грамматической точ-
и правильности въ слогѣ,
гавивъ образцы во всѣхъ ро-
онъ познакомилъ всѣ со-
я Россіянъ съ отечественною
ею, очистивъ ее отъ архив-
ыли.—Такъ вотъ Карамзинъ!
вотъ исполинъ русской словесности! Различіе въ мнѣніяхъ, на счетъ изложенія исторіи, нимало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ-же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной славы и заслуги. Г. Сенъ-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ Г. Сенъ-Мора представить меня великому писателю, что и было тотчасъ исполнено.—«Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи,» сказалъ онъ мнѣ послѣ перваго привѣтствія: классики требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; романтики отвергаютъ всѣ условія искуства. Вы справедливо говорите, что надлежало-бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Расинъ во Франціи—и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями изящнаго, а примѣрами.» При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся, и примолвилъ: «Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.» — Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за границею; но какъ ни время, ни мѣсто не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія посѣтить его. Онъ

пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Въ девять часовъ вечера, я пью чай въ кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просимъ: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за-просто, безъ предварительныхъ визитовъ.»

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карамзину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ г-жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада. Въ первой комнатѣ, за круглымъ чайнымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожалъ руку; произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простотою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части спаивались въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его вѣжливость разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинакимъ вниманіемъ. Люди сближались между собою — Карамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и невидимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

При воспоминаніи о бесѣдѣ Карамзина, почитаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о обществахъ вообще. Не только у насъ, но и во Франціи, семъ древнемъ отечествѣ общежитія, жалуются, что искуство бесѣдовать (l'art de la conversation) упало, и даже тайна онаго исчезла. Къ кому нынѣ ѣздятъ на бесѣду? Кто составляетъ общества? Знатные и богатые зовутъ гостей на обѣдъ, на вечеръ, гдѣ пресыщаются, играютъ въ карты, танцуютъ — но не бесѣдуютъ. Зовутъ людей знатныхъ, случайныхъ, ихъ дѣтей и родственниковъ. Въ сихъ обществахъ не требуется ни отъ хозяина, ни отъ гостей ума и познаній для поддержанія бесѣды; напротивъ того — молчаніе почитается достоинствомъ. Большіе обѣды похожи на всенародныя жертвоприношенія, балы на театральныя представленія: они сухи и безжизненны. Во Франціи и въ Англіи еще умъ и дарованія составляютъ почетное качество человѣка, и отворяютъ ему входъ во всѣ общества. Но политическія пренія поглощаютъ пріятность бесѣдъ, — и умъ работаетъ, а не забавляется въ обществахъ. У насъ въ Россіи, литераторы и ученые приглашаются въ общества и занимаютъ мѣста

по чинамъ, по связямъ — а не по дарованіямъ. У насъ знатные приглашаютъ литераторовъ тогда только, когда надобно посовѣтоваться съ ними въ какомъ-нибудь письменномъ дѣлѣ, точно такъ, какъ призываютъ медика во время недуга. Захочетъ-ли литераторъ и ученой, съ умомъ, съ дарованіемъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, добиваться чести занимать уголокъ за пышнымъ столомъ, играть въ вистъ въ позлащенныхъ комнатахъ, и быть безмолвнымъ свидѣтелемъ свѣтскихъ забавъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Съ другой стороны, людямъ знатнымъ, должностнымъ, богатымъ, некогда заниматься бесѣдами съ литераторами о предметахъ, съ которыми первые или разстались, или вообще мало знакомы. Знатные и должностные люди, не оказывая покровительства литераторамъ, обходятся съ ними, какъ съ подчиненными. Всѣ сіи и другія причины, о которыхъ я умалчиваю, воздвигнули родъ китайской стѣны между такъ называемымъ большимъ свѣтомъ и литераторами. Литераторы ничего отъ этого не теряютъ, напротивъ того выигрываютъ драгоцѣнное время; но знатные люди, издерживающіе значительныя суммы на балы и праздники, и жертвою половины жизни добивающіеся степеней для пріобрѣтенія извѣстности, не постигаютъ своихъ выгодъ, пренебрегая умомъ и дарованіями. Много громкихъ именъ забудется навсегда въ другомъ поколѣніи, вмѣстѣ съ адресъ-календарями на лѣто отъ Рождества Христова такое-то; но имена Шувалова, Строгонова, Румянцова перейдутъ къ потомству съ уваженіемъ, единственно отъ того, что они любили собирать въ своемъ домѣ и покровительствовали ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Безъ Горація мы не знали-бы о существованіи Мецената.

Въ то время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ С.-Петербургѣ принимали литераторовъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ искуство бесѣдовать, которое вовсе различно съ искуствомъ разсказывать. Хорошій разскащикъ нравится намъ иногда, когда мы расположены слушать; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.

Карамзинъ охотно говорилъ по-русски — и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но реченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только тогда, когда рѣчь заходила о Россіи, объ исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственному убѣжденію, но не спорилъ, а умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую нѣжность и снис-

ходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнялъ мнѣнія, то по крайней мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противорѣчій, то нѣжно, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща. Въ этотъ вечеръ разговоръ начался о сравнительномъ состояніи простаго народа въ Россіи и во Франціи. Я сказалъ: «Францію вообще можно сравнить съ галантерейною вещью, лучшей филаграмовой работы, съ финифтью; а Россію можно уподобить слитку золота. На видъ Франція имѣетъ преимущество, но на вѣсъ Россія.» — Карамзинъ улыбнулся: «Правда,» сказалъ онъ: «что Россія тяжела на политическихъ вѣсахъ Европы, и что массивное ея состояніе надолго предохранитъ ее отъ ломки и измятія. Но извините,» примолвилъ онъ: «въ сравненіи своемъ, вы позабыли сказать, какой формы слитокъ?» — »Каждая форма пріятна для глазъ,» отвѣчалъ я: «если въ ней соблюдена гармонія.» — «Если такъ, согласенъ,» сказалъ Карамзинъ.— Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму французскаго народа. Карамзинъ сказалъ: «Вы правы; но въ русскомъ народѣ веселость и умъ также врожденныя качества. Немудрено веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, *по близости* большихъ городовъ; но у насъ, среди трескучихъ морозовъ, въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне выучиваются самоучкою грамотѣ, и разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ и романистовъ едва-ли не многочисленнѣе класса привиллегированныхъ литераторовъ. Много-ли можно насчитать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ русскія пѣсни и сказки? Общее правило: счастье состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ; а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ-бы менѣе нуждъ, какъ русскій крестьянинъ, который-бы такъ охотно и такъ весело трудился.» — Разговоръ обратился на русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ и занимательность сказокъ, примолвилъ: «я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать лучшія русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологическимъ порядкомъ, и присоединить къ нимъ историческія и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него. Я недоволенъ всѣми нашими собраніями: въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни порядка.» — Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, чтобы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе. Если-бъ какой нибудь отличный литераторъ исполнилъ сію мысль великаго писателя, онъ-бы оказалъ большую услугу отечественной словесности. Можно было-бы сдѣлать также собраніе русскихъ простонародныхъ сказокъ, уже напечатанныхъ и остающихъ-

съ въ изустномъ преданіи, очистивъ оныя отъ нѣкоторыхъ грубыхъ мѣстностей, но соблюдая въ точности слогъ и разсказъ. Это были-бы памятники народные. Но, повторяю, для сего предпріятія надобно не литературныхъ спекулаторовъ, а отличныхъ литераторовъ, знающихъ совершенно Россію.

Первое мое посѣщеніе продолжалось два часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду: мнѣ такъ было хорошо и весело. Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю выйти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма немногіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впечатлѣніе при первой встрѣчѣ, какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма немногіе люди имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ пріемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣдѣніяхъ зналъ искуство бесѣдовать, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была душа добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ. Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ отдаленныхъ улицъ пѣшкомъ поутру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комками и ударялъ въ лице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процессъ, или другая какая бѣда могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. «Я имѣю обыкновеніе,» сказалъ Карамзинъ, «прогуливаться пѣшкомъ поутру до девяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой, къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ такой прогулки лучше чувствуешь пріятность теплаго кабинета. — «Но должно сознаться, возразилъ я: «что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.» — «Необыкновенный случай завелъ меня сюда,» отвѣчалъ Карамзинъ. «Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаянія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать.» — Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго человѣка, и не застали его дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и распросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства. Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременять его упреками: онъ покачалъ только головою и прошелъ мимо. — «Досадно,» сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: «что мои день-

ги попали не туда, куда я назначилъ ихъ. Но я самъ виноватъ: мнѣ надлежало-бы прежде освѣдомиться объ его положеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ.« — Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудрено-ли послѣ этого, что каждая его строка дышитъ любовью къ человѣчеству, ко всему доброму, полезному? Бюффонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженія къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ былъ великій писатель, — и благородный, добрый человѣкъ. Одно стоитъ другаго. Но какое счастіе, если это соединено въ одномъ лицѣ!

Булгаринъ.

---

87. Александръ I.

Рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, послѣдовавшее среди побѣдъ и торжествъ царствованія Великой Екатерины, было для всей Россіи радостнѣйшимъ событіемъ, даровавъ наслѣдника Императорскому дому, къ утвержденію и распространенію славы и величія имперіи подъ владычествомъ сей благословенной Богомъ династіи. Воспитаніе его было однимъ изъ главнѣйшихъ царственныхъ попеченій августѣйшей его Бабки. Она сама назначала для него занятія и предметы ученія, сама писала книги для развитія его ума и образованія сердца; выбирал ему наставниковъ, учителей и то варищей, предвидя въ младенцѣ отрокѣ великаго Государя. Глав нымъ попечителемъ при немъ был графъ (въ послѣдствіи князь) Н. И Салтыковъ, а воспитателемъ Шве царецъ Лагарпъ, къ которымъ Им ператоръ до конца своей жизн сохранилъ искреннюю любовь благодарность. Императоръ Павел Петровичъ, по восшествіи своем на престолъ, удѣлялъ часть тру довъ царственныхъ своему наслѣд нику. Великій Князь Александр Павловичъ, сверхъ отправленія о бязанностей военной службы, был санктпетербургскимъ военным губернаторомъ, членомъ Совѣта Сената, но все свободное врем посвящалъ изученію великаго по двига, къ которому былъ призван Провидѣніемъ. Онъ вступилъ на престолъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда свѣтъ, его неблагодарность его неумѣнье наслаждаться настоящимъ счастіемъ, его пусты сожалѣнія о прошедшемъ и несбы точные замыслы о будущемъ еще не разочаровали человѣка, обаяннаго великодушными мечтами юныхъ лѣтъ. Александръ поклялся въ душѣ своей быть другомъ, хранителемъ, утѣхою ввѣренной ему Провидѣніемъ Россіи и всего человѣчества. Въ двадцатипятилѣтнее его царствованіе Россія и человѣчество видѣли подвиги, совершенные имъ для исполненія сего священнаго обѣта.

Подвиги Александра въ дѣлахъ внутренняго, гражданскаго управленія были многочисленны, разнообразны, велики и благотворительны. Нѣтъ ни одной отрасли госу-

рственнаго управленія, которая была-бы преобразована, исправна, дополнена въ его царствова-; многія части созданы имъ сорошенно. Въ самомъ началѣ своо царствованія подтвердилъ онъ ичтоженіе Тайной Канцеляріи; звратилъ свободу, честь и имуество многимъ невинно пострадавшимъ; возстановилъ права дувенства, дворянства и всѣхъ прохъ сословій; учредилъ министерза для управленія дѣлами госурственными; возобновилъ и расостранилъ права Сената; въ поѣдствіи, учредилъ Государственй Совѣтъ; привелъ въ лучшее тройство управленіе провинціьное; прилагалъ попеченіе объ даніи уложенія законовъ, стася о водвореніи повсюду подка, правосудія, благоустройва, о прекращеніи лихоимства злоупотребленій. Человѣколювый Монархъ отмѣнилъ наканія нещадныя и жестокую казнь рыванія ноздрей. Мы уже упоали о преобразованіи имъ воной части: всѣ отрасли ея быприведены въ общую стройную стему; части артиллерійская и женерная получили совершенно вый видъ. Военная часть преразована была не только по нажности: кротость и великодуіе Александра измѣнили нравственность арміи и образъ ведея войны. Примѣромъ своимъ, ставленіями и строгимъ наблюніемъ дисциплины, вселилъ онъ воиновъ своихъ, храбрыхъ на лѣ брани, снисходительность и страданіе къ побѣжденнымъ, уваеніе къ безоружнымъ и мирнымъ жданамъ. Въ войнахъ, веденхъ въ его царствованіе, не было имѣровъ истребленія мирныхъ жителей и безоружныхъ плѣнныхъ послѣ кровопролитнаго штурма; напротивъ того, русскія войска къ славѣ мужества и неустрашимости своей присоединили славу не менѣе блистательную — воиновъ-христіанъ, человѣколюбивыхъ и великодушныхъ. Это свидѣтельство дано имъ всею Европою, и друзьями и врагами. — Управленіе Путей Сообщенія создано вновь и возвысилось на отличную степень совершенства. — Финансы имперіи, посреди продолжительныхъ войнъ, достигли неслыханнаго дотолѣ развитія. Земледѣліе, ремесла, фабрики, мануфактуры, торговля внѣшняя и внутренняя вознеслись на высокую степень. Внутреннее спокойствіе государства обезпечено составленіемъ отдѣльнаго корпуса Внутренней стражи. Но блистательнѣйшій алмазъ въ нетлѣнномъ вѣнцѣ царствованія Императора Александра есть ревностное и великодушное попеченіе его о просвѣщеніи своей неизмѣримой имперіи. Въ самомъ началѣ царствованія своего учредилъ онъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, преобразовалъ, распространилъ, обогатилъ существовавшіе до него университеты, основалъ три новые (Санктпетербургскій, Казанскій и Харьковскій), раздѣлилъ всю Россію на учебные округи, и въ каждомъ изъ нихъ учредилъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Сверхъ того учреждены въ его царствованіе: Царско-Сельскій Лицей, Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, Училища Инженерное, Артиллерійское и Кораблестроительное, Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, Военныя училища въ Тулѣ и Тамбовѣ, Институты и каѳедры восточныхъ языковъ, и проч.

Академіи Наукъ, Художествъ, Россійская, Медико-Хирургическая, и вообще всѣ ученыя и учебныя заведенія были при немъ преобразованы и усовершенствованы. Институты для воспитанія женскаго пола процвѣтали подъ благодѣтельнымъ покровомъ Августѣйшихъ Императрицъ, Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны.— При Императорѣ Александрѣ Русскіе не довольствовались заимствованіемъ познаній и опытовъ у иностранцевъ: они и сами расширили область наукъ. Въ 1803 — 1806 годахъ совершено первое путешествіе Рускихъ вокругъ свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, на корабляхъ: Надежда и Нева. Потомъ совершены еще нѣсколько другихъ Головнинымъ, Беллингсгаузеномъ, Васильевымъ, Коцебу, и проч., значительно обогатившихъ свѣдѣнія о земномъ шарѣ. Открыта Новая Сибирь, обозрѣна Новая Земля, и мн. др. — Благородные подвиги на пользу просвѣщенія увѣнчаны были вожделеннымъ успѣхомъ, и принесли отечеству неоцѣненные плоды. Возникли, образовались, прославились отличные таланты: Карамзинъ написалъ Исторію Россійскаго Государства; Дмитріевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ воскресили русскую поэзію; Мартосъ, Графъ Толстой, Егоровъ, Шебуевъ, Варнекъ, Воробьевъ, Кипренскій, Уткинъ, Захаровъ, Воронихинъ, Стасовъ прославлялись произведеніями художественными. Размножилось число издаваемыхъ въ Россіи книгъ; распространилась любовь къ чтенію и благороднымъ занятіямъ науками и художествами.

Александръ, великій и мудрый между государями, былъ и
вѣкъ необыкновенный: прекр
его наружность, благородная
ка, величественный взглядъ
ли душу возвышенную. Осн
емъ его чувствованій, помы
и дѣяній было благочестіе
чистое и искреннее, а слѣдс
этого освященія души его о
небеснымъ — были твердос
бѣдствіяхъ, смиреніе въ сч
кротость къ побѣжденнымъ,
хожденіе къ преступнымъ, л
къ правосудію, порядку, т
и благоустройству. Онъ былъ
всякой пышности, всякихъ т
ственныхъ встрѣчъ, похвал
словъ и льстивыхъ выраженій.
даго человѣка считалъ с
ближнимъ, котораго, по зап
Божіей, обязанъ былъ любить,
самого себя: онъ, одинъ изъ
государей земныхъ, полу
какъ человѣкъ, награду за с
ніе человѣка. Это было въ
году, на пути въ Бѣлоруссік
сударь, увидѣвъ лежащаго
рогѣ въ безпамятствѣ крестья
съ неимовѣрными усиліями
вратилъ его къ жизни. Англі
Общество Человѣколюбія по
ло ему, въ ознаменованіе
подвига, золотую медаль. В
кабрѣ 1812 года, прибывъ въ
ну къ побѣдоносной своей
онъ отправился не въ торжес
ное собраніе, не на великол
уготованное ему пиршество.
госпитали, гдѣ томились бо
и раненые непріятели, обод
утѣшилъ, оживилъ несчас
словами любви и милости,
влекъ слезы благодарност
глазъ закоснѣлыхъ враговъ с
Въ войнѣ 1813 и 1814 года
ся онъ всюду ангеломъ м
спасенія: мы упоминали уже

мкодушномъ его посредничествѣ ия охраненія столицы народа, оторый за полтора года до того ылъ виновникомъ разрушенія перопрестольнаго города Россіи. — а годъ до его кончины, мы, жиели Петербурга, видѣли нашего незабвеннаго Государя геніемъхранителемъ нашимъ, посреди бѣдствій, причиненныхъ грознымъ явленіемъ природы. И эта благость душевная проявлялась во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни его необыкновенною кротостью, вѣжливостью и предупредительностію. Обращеніе его было самое пріятное и привлекательное. Люди, предубѣжденные противъ него, послѣ самой короткой съ нимъ бесѣды становились его друзьями и оборниками. Ничто не могло противиться очарованію его обворожительной улыбки.

Въ 1825 году, отправился онъ а югъ Россіи, для сопровожденія уда своей супруги, искавшей исцѣленія въ полуденномъ климатѣ. нъ оставилъ Петербургъ 1 сентября, совершивъ съ благоговѣніемъ молебствіе въ соборѣ Александроневской Лавры. Какое-то орестное предчувствіе томило его ушу. Выѣхавъ изъ города, онъ всколько разъ въ тяжкомъ разумьѣ оглядывался на любезную ою столицу. По прибытіи въ Таанрогъ, онъ встрѣтилъ тамъ Государыню, и, сдѣлавъ всѣ приговленія къ удобству и спокойствію больной, отправился въ рымъ; осмотрѣвъ нѣкоторыя мѣста этой живописной страны и посѣтивъ Севастополь, возвратился ь Таганрогъ 5 ноября съ разстроеннымъ здоровьемъ. Болѣзнь го, причиненная простудою въ дорогѣ, со дня на день усиливалась, вскорѣ сдѣлалась опасною, и чрезъ двѣ недѣли, 19 ноября, въ 10 часовъ и 50 минутъ до полудни, Александра не стало. Кончина его была тиха, какъ отшествіе на покой по тяжкихъ трудахъ жизни. Послѣдній взоръ его обратился къ свѣтлому небу, потомъ встрѣтился съ взглядомъ добродѣтельной супруги,—и глаза его закрылись навѣки.

Провидѣнію угодно было положить конецъ днямъ его въ полуденномъ краю Россіи, далеко отъ мѣста упокоенія Царей русскихъ, какъ-бы для того, чтобъ Россія, при плачевномъ перенесеніи останковъ его, могла выразить надъ хладнымъ его прахомъ чувствованія, которыми была преисполнена къ великому и добродѣтельному своему Императору. Шествіе тѣла Государева отъ Таганрога до С.-Петербурга было величественнѣйшимъ торжествомъ для усопшаго, принимавшаго за гробомъ дань благоговѣнія, отъ которой смиреніе его отказывалось въ жизни. Смертные останки его преданы землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ 13 марта 1826 года, ровно чрезъ двадцать пять лѣтъ по принятіи имъ престола.

Истекаетъ десятый годъ со времени его кончины (*). Россія наслаждается всѣми благами земными, счастіемъ, довольствомъ, славою, любитъ и благословляетъ Государя своего; но священное воспоминаніе объ Александрѣ все еще извлекаетъ искреннія слезы изъ очей его вѣрныхъ подданныхъ, вѣрныхъ его незабвенной памяти и за предѣлами могилы.

Н. Гречъ.

(*Біографія Александра I*).

(*) Писано въ 1835.

88. Императрица Марія.

Императрица Марія Ѳеодоровна, призванная Богомъ быть величайшею благотворительницею своего вѣка, одарена была отъ природы всѣми качествами, которыя должны сопровождать благотворительность, это божественное свойство человѣка. Любовь и состраданіе сіяли въ каждой чертѣ ея неизъяснимо-прелестнаго лица; смиреніе и кротость выражались въ каждомъ поступкѣ ея. Супруга и въ послѣдствіи мать Императоровъ, она никогда не любила пользоваться вліяніемъ, такъ справедливо принадлежавшимъ ей; всегда удалялась отъ участія въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, которыя должны зависѣть только отъ одной особы, и во все время царствованія трехъ Императоровъ, была, по словамъ одного изъ писателей нашихъ, только министромъ благотворительности.

Такъ, это самое приличное названіе для тебя, небесная Марія. Оно въ полной мѣрѣ выражаетъ то, чѣмъ ты всегда желала быть, кроткая посредница между тропомъ и безчисленнымъ множествомъ несчастныхъ, утѣшенныхъ тобою дѣтей, воспитанныхъ твоими материнскими попеченіями, больныхъ, облегченныхъ твоею благостію!

Святое и счастливое для милліоновъ посредничество незабвенной началось съ первыхъ дней царствованія Императора Павла Петровича. Постигая вполнѣ ангельскія качества супруги своей, онъ какъ будто предчувствовалъ все благо, которое она прольетъ на одну изъ важнѣйшихъ частей благосостоянія государственнаго — на воспитаніе женщинъ, и потому спѣшилъ ввѣрить его сердцу ея, и 12-го ноября 1796 года, т. е. черезъ шесть дней послѣ своего восшествія на престолъ, поручилъ ей главное начальство надъ Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Она дѣйствовала, какъ свѣтлый ангелъ-примиритель несчастныхъ младенцевъ съ жестокою судьбою, ожидавшею ихъ при первомъ появленіи на свѣтъ! Послушаемъ, что сказала она, когда въ первый разъ пріѣхала къ бѣднымъ сиротамъ, что сказала она окружавшимъ ее въ то время чиновникамъ, которые всѣ уже исполнены были тѣмъ стремленіемъ къ добру и тою любовію къ ближнимъ, которыя незабвенная Государыня умѣла внушать всѣмъ подчиненнымъ своимъ. Растроганная смиреннымъ и, можно сказать, даже жалкимъ видомъ малютокъ, боязливо смотрѣвшихъ на Императрицу и не смѣвшихъ подойти къ ней, не смѣвшихъ отвѣчать на ея нѣжныя ласки (*), Государыня сказала: «счастливы мы, что призваны воспитывать для до-

(*) Удивительна была разница между этою первою встрѣчею Императрицы и послѣдовавшими потомъ, когда ангельская душа Маріи уже привлекла къ себѣ сердца робкихъ малютокъ, когда, ободряемыя ея непоражаемою снисходительностію, веселились отъ того счастія, которое она проливала на нихъ, они не боялись уже подходить къ ней, и радостно бѣжали на встрѣчу, чтобы скорѣе увидѣть свою Милую, Ненаглядную! Такою именно была она для всякаго заведенія, находившагося подъ ея начальствомъ, такою именно называло ее сердце каждаго и каждой изъ воспитанниковъ и воспитанницъ ея.

родѣтели этихъ невинныхъ дѣ-
ей и возвратить ихъ обществу
полезными его членами. Примемся
за это прекрасное дѣло съ неутоми-
мою ревностію, но не забудемъ,
что тогда только старанія наши
принесутъ пользу истинную, ко-
гда будутъ проистекать изъ серд-
ца, исполненнаго любви.»

Можно по справедливости ска-
зать, что въ этихъ немногихъ сло-
вахъ заключалась вся исторія не-
бесной Маріи и вся тайна той все-
могущей силы, посредствомъ ко-
торой она производила чудеса,
столь удивительныя для насъ. Да,
милыя дѣти, только любовь, это
сладкое чувство, которому такъ
легко покоряется все, могло дѣй-
ствовать съ такимъ непостижимымъ
успѣхомъ, съ какимъ дѣйствовала
Императрица Марія на всѣхъ и на
все, находившееся подъ ея покро-
вительствомъ. Это прекрасно ска-
зано однимъ изъ приближенныхъ
ея, имѣвшихъ счастіе видѣть вбли-
зи все, совершенное несравненною
Государынею. Хотите-ли, мы по-
дѣлимся съ вами, милыя дѣти,
тѣмъ пріятнымъ удовольствіемъ,
какое каждый изъ Рускихъ такъ
живо чувствуетъ, читая что-либо
касающееся до Императрицы Ма-
ріи Ѳеодоровны. Это удовольствіе
удѣнится тѣмъ болѣе, что рѣдко
можно пользоваться имъ: еще ни-
кто не писалъ драгоцѣнной для че-
ловѣчества исторіи Маріи. И такъ
прочтите нѣсколько строкъ близка-
го очевидца ея прекрасныхъ дѣлъ,
и вы вѣрно поблагодарите меня за
нихъ. Если-же кому-либо изъ васъ
захочется узнать всю превосход-
ную статью, изъ которой взятъ
этотъ отрывокъ, для такихъ я ска-
жу, что ее можно найти въ 1-й
книгѣ прекраснаго, столь драго-
цѣннаго для насъ именемъ Пуш-
кина, журнала: Современникъ на
1836 годъ. Прочтите тамъ всю эту
статью, а здѣсь будьте довольны
слѣдующими строками:

«Императрица постигнула вели-
«чайшую тайну, какъ властвовать
«сердцами подчиненныхъ своихъ.
«Въ духѣ истинно христіанскомъ,
«она образовала царство любви,
«которая въ каждомъ сердцѣ со-
«ставляла одно главное побужде-
«ніе. Другими средствами не воз-
«можно было и дѣйствовать успѣш-
«но на избранномъ Ею поприщѣ.
«Для физическихъ занятій легко
«придумать все: и правила, какъ
«устроить ихъ, и формы, какъ
«ихъ повѣрять. Надъ душей нѣтъ
«власти, кромѣ силы душевной. Въ
«этомъ убѣжденіи, Императрица
«всякое лице, вступавшее въ об-
«ласть попечительности ея, при-
«знавала равно достойнымъ своего
«вниманія. Подъ своимъ началь-
«ствомъ, на всѣхъ степеняхъ, она
«желала видѣть такихъ людей, ко-
«торыхъ дѣятельность была-бы лу-
«чемъ ея центральной дѣятельно-
«сти. Она нисходила къ каждому
«изъ нихъ, и освящала его сердце
«тою любовію, которая все оду-
«шевляла въ кругу ея благотвори-
«тельности. Она изучила человѣка
«во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліі-
«яніемъ всякой страсти, во вся-
«комъ состояніи, во всѣхъ отноше-
«ніяхъ: не было примѣра, чтобы
«кто-нибудь изъ подчиненныхъ ея
«не предался всей ревности къ ис-
«полненію долга, къ какой только
«онъ способенъ былъ по душѣ сво-
«ей. Въ ея сферѣ должность и сча-
«стіе значило одно и тоже. Пусть
«сообразятъ, какая внимательность
«со стороны особы, столь высоко
«поставленной Провидѣніемъ, по-

«требна была къ самымъ мелкимъ «обстоятельствамъ частныхъ людей, «чтобы никогда и нигдѣ не измѣ- «нить симъ правиламъ. Если-бы «возможно было собрать въ одно «цѣлое разнообразныя черты уми- «лительно трогательной ея попе- «чительности о каждомъ лицѣ, ко- «торое состояло въ какомъ-нибудь «къ ней отношеніи, эта картина «человѣколюбія, благости и мудро- «сти была-бы орошаема сладкими «слезами всего человѣчества.»

Съ умиленіемъ узнавъ теперь о кроткой и, можно сказать, божественной силѣ, которою дѣйствовала могущественнѣйшая изъ царицъ земныхъ, взглянемъ на самыя дѣйствія ея. Нѣжное, въ полной мѣрѣ материнское вниманіе ея обратилось прежде всего на существа слабѣйшія изъ всѣхъ покровительствованныхъ ею, на младенцевъ новорожденныхъ, приносимыхъ въ Воспитательный Домъ. Нельзя исчислить благодѣяній, какія излила она на этихъ несчастныхъ малютокъ! Все, что только касалось до нихъ, было преобразовано и устроено самымъ лучшимъ образомъ. Попечительная Государыня заботилась не только о кормилицахъ ихъ, на содержаніе которыхъ, въ заведеніи, пожертвовала ежегодно по 9,000 руб. изъ своей собственной казны, но даже о томъ, чтобы бѣдняжки не терпѣли отъ холода, когда случалось зимою доставлять ихъ въ Воспитательный Домъ изъ отдаленныхъ частей города. Для этого она учредила въ разныхъ мѣстахъ особенныя пріемныя, куда приносились малютки прямо изъ домовъ бѣдныхъ родителей ихъ, и оттуда уже, съ осторожностію и, можно *сказать, даже* съ материнскою заботливостію доставлялись въ питательный Домъ. Чтоже ка ся до тѣхъ дѣтей, которыхъ вали кормить въ деревни кр янкамъ (потому что ихъ было много, что нельзя было в вскормить въ Домѣ), то о тѣх ператрица, казалось, забот еще съ большею попечительно потому что они не были въ захъ у ней. Какъ часто она рила о нихъ съ тѣми доктора чиновниками, которые обязан ли въ извѣстное время объѣ всѣ деревни, гдѣ были такія Какъ просила ихъ добрая дарыня заботиться о здоровьѣ лютокъ, смотрѣть за тѣмъ, ихъ содержали въ чистотѣ вольствѣ. А когда она видѣла крестьянокъ, которымъ онѣ п чались, то всегда обходила ними самымъ милостивымъ зомъ, и трогательно просила любить и беречь дѣтокъ е такъ она называла бѣдныхъ м токъ. И тѣмъ крестьянкамъ торыя отличались своею заб востію объ этихъ чужихъ нихъ дѣтяхъ, Государыня н чала денежныя награды и д подарки.

Весь этотъ обширный пла которому такъ прекрасно у ена была судьба питомцевъ мовъ Воспитательныхъ, соч былъ подъ руководствомъ ратрицы, основанъ на совер номъ знаніи ея всѣхъ нуж выгодъ воспитывающихся, н ненъ самой нѣжной о нихъ з ливости. Нельзя надивиться какъ ни одно малѣйшее об тельство не было забыто, как всемъ было передумано авгу

шею матерью несчастныхъ сиротъ. Вы видѣли уже, милыя дѣти, какъ благодѣтельны были всѣ распоряженія, касавшіяся до мальчиковъ Воспитательнаго Дома; теперь посмотримъ на судьбу дѣвочекъ. Здѣсь, также какъ и тамъ, все зависѣло отъ способностей и прилежанія воспитанницъ. Самыя отличныя изъ нихъ приготовлялись быть домашними наставницами, т. е. гувернантами, и гувернантами не въ столицахъ, гдѣ число ихъ всегда бываетъ велико, но внутри государства, и особенно у помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ своихъ. Нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ мудрой попечительности Государыни. Сколько затрудненій имѣли прежде семейства, живущія не только въ отдаленныхъ помѣстьяхъ своихъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, имѣть наставницу для дѣтей своихъ! Какъ боялись многіе изъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ ѣхать далеко отъ большаго города, въ какую-нибудь глушь, и жить тамъ съ людьми, вовсе незнакомыми имъ, и между тѣмъ имѣвшими право нѣкоторымъ образомъ располагать ими. Императрица Марія своими превосходно образованными гувернантами уничтожила всѣ эти затрудненія и сдѣлала тѣмъ величайшее благо для просвѣщенія внутри отечества нашего.

Въ классѣ гувернантъ, гдѣ обучаются избранныя изъ воспитанницъ, преподаются не только языки: русскій, французскій и нѣмецкій, но и рисованье, танцованье, музыка и всѣ женскія рукодѣлья. Окончивъ курсъ, отличнѣйшія получаютъ званіе кандидатокъ, и еще годъ учатся педагогіи. Помогая въ то-же время гувернантамъ и учителямъ, онѣ практически приготовляются къ званію наставницъ, и по прошествіи года поступаютъ въ частные дома, во внутренности Россіи. — Императрица, отпуская изъ материнскаго пріюта бѣдныхъ сиротокъ своихъ, заботливо придумала все, что касается до пользы ихъ: начальство Воспитательнаго Дома, имѣя ихъ всегда подъ своимъ покровительствомъ, заключаетъ контракты съ тѣми семействами, въ которыя поступаютъ воспитанницы его гувернантами. Такой контрактъ избавляетъ молодую дѣвушку отъ всѣхъ непріятностей, какія, можетъ быть, могли бы случиться съ нею въ мѣстѣ отдаленномъ и между людьми чужими, и въ то-же время обязаваетъ и ее пробыть не менѣе шести лѣтъ въ одномъ домѣ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если она не имѣетъ основательныхъ причинъ быть недовольною этимъ домомъ. По прошествіи срочныхъ лѣтъ, которыя служатъ какъ будто изъявленіемъ признательности воспитанницы къ заведенію за превосходное образованіе свое, она можетъ избрать себѣ мѣстопребываніе, гдѣ захочетъ. Вы, можетъ быть, думаете, милыя дѣти, что здѣсь оканчиваются благодѣянія Государыни, что воспитанница ея, охраняемая высокимъ покровительствомъ въ лѣта неопытности, теперь уже навсегда разстается съ заведеніемъ, бывшимъ колыбелью ея? Нѣтъ, друзья мои, она всегда остается подъ покровительствомъ его, и вмѣстѣ съ свободою мѣстопребыванія получаетъ извѣстный капиталъ, составленный, по приказанію Государыни, изъ суммы, на имя ея положенной въ ломбардъ, въ то время, когда она поступила

въ классъ гувернантъ, и изъ части шестилѣтняго жалованья ея, прилагаемой каждый годъ къ этой суммѣ. Такимъ образомъ, воспитанница, кромѣ образованія — этого достоянія, ничѣмъ неоцѣнимаго,— получала еще отъ Августѣйшей Благотворительницы такое денежное награжденіе, котораго достаточно было не только на первое обзаведеніе, но даже и на приданое, въ случаѣ замужства. И это нерѣдко бываетъ съ гувернантами Домовъ Воспитательныхъ: прекрасная нравственность и отличное образованіе обращаютъ на нихъ общее вниманіе во всѣхъ мѣстахъ, куда судьба приводитъ ихъ, и многія изъ нихъ, будучи теперь уже матерями семействъ, приносятъ наставленіями и примѣромъ своимъ величайшую пользу успѣхамъ просвѣщенія во внутренности государства.

Мы никогда не кончили бы, если бы думали говорить о всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ, о всѣхъ тѣхъ святыхъ начинаніяхъ, которыя совершила Императрица Марія во время жизни своей. Конечно, можно исчислить, сколько основано ею заведеній учебныхъ и богоугодныхъ, можно исчислить даже и то, сколько успокоено тамъ несчастливцевъ, сколько воспитано дѣвицъ; но кто когда-нибудь исчислитъ тѣ блага, какія пролились на Россію вмѣстѣ съ этимъ улучшеннымъ воспитаніемъ женщинъ? Кто исчислитъ, сколько семействъ осчастливлено или прекрасно развитыми талантами, или основательными познаніями, или наконецъ дѣтскимъ добродушіемъ и невинностію этихъ новыхъ воспи-

танницъ? Не говоря уже о
номъ вліяніи образованности
щинъ на общество, не гово
томъ счастіи, какое проли
образованная мать на семе
свое, каждая изъ воспитан
Маріи принесла въ родител
домъ любовь, постоянно в
тавшую ее, радость, неразлу
спутницу ея счастливаго дѣт
и ласковое слово Царицы-Ма
ки (*)! Не забудьте, милыя
что эта ангельски-добрая Ц
приказывала объявлять при вы
кѣ воспитанникамъ всѣхъ за
ній ея, чтобы они, во время и
или какого-либо несчастія, с
случившагося, обращались
начальство того заведенія, к
торому они принадлежали, к
мой Государынѣ, и нѣжное с
этой Государыни всегда нах
средства помочь имъ и отв
отъ семейства ихъ по крайне
рѣ тѣ несчастія, которыя про
дятъ отъ бѣдности и недоста
Дальновидная и изобрѣтате
любовь Маріи умѣла достави
это важное пособіе и на все
щее время существованія за
ній, и вотъ какимъ образомъ
сударыня, при каждомъ изъ
заведеній, составила значите
капиталъ, котораго процент
значены на вспоможенія, на
и пенсіи всѣмъ лицамъ, нах
шимся подъ покровительство
напр. чиновникамъ, служи
при заведеніяхъ ея, наставн
учителямъ, питомцамъ Вос
тельныхъ Домовъ, во всѣхъ

(*) Императрица была такъ нев
милостива, что во многихъ за
яхъ позволяла воспитанницамъ
вать себя maman.

должностяхъ и званіяхъ
ымъ воспитанницамъ, вы-
ь за мужъ, и проч. Забот-
Государыни простиралась
степени, что въ отноше-
ныхъ данъ, она постано-
тѣхъ изъ нихъ, которыя
ись за старостію и бо-
съ пенсіей, отводить отъ
обныя жилища въ строе-
принадлежащихъ Смольно-
тырю, чтобы онѣ могли
въ покоѣ остатокъ дней
Какъ трогательны слова,
я ею при этомъ случаѣ!
и между нами — гово-
рая Государыня — пока
лоды и въ силахъ; же-
ло-бы, если-бъ онѣ нынѣ,
сти, принуждены были
ть себѣ жилища, нани-
и жить между чужими!»
въ такимъ прекраснымъ
судьбу всего, что толь-
у-либо относилось къ
мъ, Государыня часто ду-
будущности этихъ заведе-
аменно желала, чтобы всѣ
о существовали и тогда,
, вмѣстѣ съ жизнію, ли-
счастія покровительство-
. Для этого она б зпре-
аботилась о томъ, чтобы
каждому изъ нихъ осо-
капиталъ, котораго про-
о временемъ, могли-бы
ть все содержаніе ихъ.
емъ этого капитала всег-
сумма, пожертвованная
ницею изъ собственной
я каждаго заведенія, и
ге, милыя дѣти, что это
ное, почти невѣроятное
гіе — поддерживать безъ
расходовъ существованіе
къ заведеній — увѣнча-
нымъ успѣхомъ! Марінскій Институтъ (*) и многіе другіе вскорѣ уже имѣли капиталы, достаточные для содержанія своего, а въ 1830 году прекращенъ отпускъ ежегодныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства и на слѣдующія заведенія: оба Воспитательные Дома, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе и Александровскій Институты, и суммы, нужныя для содержанія ихъ, получаются съ того времени изъ кассъ Воспитательныхъ Домовъ. Вотъ самое убѣдительное доказательство того благословенія Божія, которое всегда благодатно сопровождало всѣ начинанія Императрицы Маріи. Что другое, кромѣ этой святой силы, могло такъ чудесно довершить начатое ею!

Какъ удивительна, какъ неподражаема была эта Государыня во всѣхъ отношеніяхъ жизни, разсматривать-ли ее какъ супругу, или какъ мать, или какъ царицу?

Начнемъ съ ея семейственной жизни. Она любила супруга своего съ величайшею нѣжностію: всѣ малѣйшія желанія его для нея были закономъ. Она уважала всѣ его привычки, и даже тогда, когда его уже не было въ свѣтѣ. Память его была для нея самою драгоцѣнною святынею. До самой кончины своей, она проводила каждое время года тамъ, гдѣ жила съ нимъ. Всѣ

(*) Одно изъ любимыхъ заведеній Императрицы, основанное ею въ 1797 году изъ собственныхъ суммъ, и находящееся нынѣ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

помнятъ, что съ 1-го мая до октября она оставалась въ Павловскѣ, а на октябрь переѣзжала въ Гатчину; что она не дѣлала ни малѣйшей перемѣны ни въ расположеніи, ни въ убранствѣ комнатъ своихъ, и что онѣ оставались всегда такими, какъ были при обожаемомъ ею супругѣ.

Нѣжнѣйшая любовь ея къ Дѣтямъ, въ которыхъ Провидѣніе такъ явно передъ нами показало къ ней благодать свою, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Ни лѣта, ни санъ, ни разлука, ничто не могло и малѣйше поколебать тѣхъ чувствъ безпредѣльной ихъ преданности и благоговѣнія къ ней, которыя она умѣла поселить въ нихъ своею материнскою попечительностію объ ихъ дѣтствѣ. Двое изъ Сыновей ея, облеченные императорскою властію, всегда являлись предъ нею, какъ предъ своею законною повелительницею. Если-бы въ ея взорѣ показалась тѣнь неудовольствія или неодобренія, никто-бъ изъ Нихъ не имѣлъ духу оставить ее, не вымоливъ Себѣ всегдашней ея нѣжности и ласки. Ея дочери, пріѣзжая изъ-за границы, высчитывали минуты, которыя могли проводить съ нею.

Воспитаніемъ первыхъ Сыновей ея занималась еще сама Императрица Екатерина. Для нынѣшняго Государя и для Великаго Князя Михаила Павловича, она избрала въ наставники людей лично ей извѣстныхъ. И при всемъ томъ, ея заботливость простиралась до того, что каждый изъ наставниковъ обязанъ былъ письменно представлять ей уроки, которые предполагалъ давать Великимъ Князьямъ. Это такъ сблизило ее съ наставниками Дѣтей ея, что всѣ они до смерти Государыни оставались въ числѣ самыхъ приближенныхъ ея особъ. Изъ нихъ Шторхъ и Аделунгъ даже лѣтомъ всегда получали квартиры въ Павловскѣ, чтобы удобнѣе находиться въ избранномъ обществѣ Императрицы. Дыша такимъ невыразимымъ благоволеніемъ ко всему, что касалось только ея семейства, Императрица была строга къ одной себѣ. Она удалялась всего, что мы называемъ сладостію отдохновенія. Покойная одежда, покойная мебель, легкое развлеченіе — все это для нея не существовало. Съ 9-го часа утра начиналась ея ежедневная служба. Тогда была она уже въ полномъ туалетѣ. Начинались доклады. Минуты не смѣлъ опоздать ни одинъ изъ секретарей ея. Дѣла шли стройно, мѣрно, неизмѣнно ни въ какомъ отношеніи и ни по какому случаю. Разсказывали, какъ вещь необыкновенную, въ 1816 году, что 9-го февраля не сошли отъ Нея ни одна изъ бумагъ, наканунѣ отправленныхъ въ ея канцелярію. Въ этотъ день была свадьба Великой Княжны Анны Павловны. Между тѣмъ эта-же бумага 10-го февраля уже была утромъ подписана Императрицею. Государыня, въ кабинетѣ своемъ, всегда сидѣла на соломенномъ плетеномъ стулѣ; она держалась прямо, никогда не опираясь на спинку стула. Даже на экзаменахъ въ ея заведеніяхъ, гдѣ она просиживала отъ 9 часовъ утра до 3-хъ по полудни, а иногда и долѣе, для Ея особы всегда ставили простой соломенный стулъ. Точность ея въ дѣлахъ не измѣнялась ни въ какомъ случаѣ. Въ Екатерининскомъ Институтѣ одинъ изъ недавно опредѣлившихся учителей, чувствуя себя

:овсѣмъ здоровымъ, позволилъ
; пріѣхать на экзаменъ при
ератрицѣ въ 9¼ часовъ. Его
ѣчаютъ извѣстіемъ, что Госу-
ня изволитъ ожидать его че-
ть часа, такъ какъ онъ дол-
ь былъ начинать. Не желая
вести въ большее замѣшатель-
этого молодаго человѣка, Го-
арыня не позволила экзамено-
изъ другаго предмета, и, за-
ивъ испуганный видъ его при
цѣ въ залъ, съ обыкновенною
:овостію спросила у него, отъ
онъ опоздалъ? Ободренный
'осклонностію Государыни, но
еще встревоженный мыслью о
ій неисправности, робко отвѣ-
; онъ, что у него, передъ отъ-
омъ изъ дому, сдѣлалось голо-
руженіе. Заботливость Импе-
рицы о подчиненномъ выразі-
; самымъ трогательнымъ обра-
ь. Распросивъ его подробно о
ровьѣ его, она не иначе прика-
і ему экзаменовать, какъ уса-
ь его на покойномъ стулѣ, что-
онъ не утомился.

осударыня, чувствуя, что съ
дымъ часомъ она можетъ сдѣ-
; что-нибудь полезное, чрез-
айно дорожила своимъ време-
ь, и никогда не употребляла
на одни удовольствія; даже
ы, опредѣляемые нами на про-
ки, между утренними занятія-
и обѣдомъ, она проводила въ
зрѣніи своихъ заведеній. Она
довала этому правилу и лѣ-
ъ, когда жила за городомъ, и
полагала самыя прогулки свои
имъ образомъ, чтобы въ это же
мя имѣть случай произвести
ое-нибудь обозрѣніе.

Ѣя вечера были усладительною
всѣхъ бесѣдою. Она всегда
ялась съ какою-нибудь рабо-
мъ I.

тою. Назначалось чтеніе. Всѣ бы-
ли безъ малѣйшаго принужденія.
Ни одинъ изъ лучшихъ нашихъ
литераторовъ не лишенъ былъ сча-
стія что нибудь читать свое для
Государыни. Карамзинъ, Крыловъ,
Жуковскій и многіе другіе прини-
маемы были у нея, какъ гости и
какъ друзья. Не было счастливѣе
людей, какъ особы, находившіяся
въ ея службѣ. Не говоря о бли-
жайшихъ, драгоцѣннымъ вниманіе-
мъ ея пользовались самые незна-
чащіе чиновники. Она лично знала
всякаго, кто только былъ въ ея
службѣ, и въ доказательство это-
го я разскажу вамъ, милыя дѣти,
одинъ изъ самыхъ трогательныхъ
случаевъ.

Въ 1826 году, отправившись въ
Москву, Государыня вспомнила,
что въ Спб. остался боленъ одинъ
изъ учителей въ ея заведеніи. Въ
Москвѣ, въ это время, происходи-
ли приготовленія къ коронаціи; въ
это время, тамъ-же, родилась вну-
ка Императрицы, Великая Княжна
Елисавета Михаиловна; въ это-же
время, въ Бѣлевѣ, скончалась Им-
ператрица Елисавета Алексѣевна.
И что-жъ? Къ больному учителю
является одинъ изъ докторовъ Го-
сударыни и объявляетъ, что онъ
получилъ повелѣніе ея: во пер-
выхъ узнать, кто его лечитъ, во
вторыхъ, въ какой степени нахо-
дится болѣзнь, и въ третьихъ,
еженедѣльно доставлять ей рапор-
ты о состояніи здоровья его. Не
умилительна ли эта трогающая
душу заботливость Царицы объ
одномъ изъ малѣйшихъ чиновни-
ковъ ея заведеній, и въ то время,
когда собственное сердце ея было
встревожено различными и проти-
ворѣчащими ощущеніями?

Всѣмъ извѣстна была привязан-

ность Государыни къ воспитанницамъ ея заведеній. Часто пріѣзжала она изъ Павловска въ городъ, чтобы навѣстить и потѣшить букетомъ цвѣтовъ какую-нибудь больную дѣвушку, если узнавала, что это ее порадуетъ и, можетъ быть, облегчитъ. Въ больницахъ она являлась ангеломъ-утѣшителемъ. Она не только лично и часто осматривала больныхъ, но даже нерѣдко присутствовала при трудныхъ и для многихъ невыносимыхъ операціяхъ, потому только, что больные не соглашались подвергнуться имъ иначе, какъ въ ея присутствіи. Такое безразсудное желаніе страдальцевъ служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ той безпредѣльной благосклонности, какую всегда показывала имъ Государыня.

Ея благочестіе было безпримѣрное. Въ продолженіе великаго поста, она говѣла и на первой и на послѣдней недѣлѣ. Распространеніе религіозныхъ мыслей и чувствованій она почитала важнѣйшею своею обязанностію. Однажды, окончивъ экзаменъ изъ Исторіи Русской Словесности, она сказала учителю: «Я чрезвычайно довольна всѣмъ, что слышала, но мнѣ показалось, что вы не довольно подробно говорили о писателяхъ духовныхъ.» — Словомъ, нельзя представить ни одной стороны въ жизни, откуда-бы она не являлась высокимъ для насъ образцемъ.

А. Ишимова.

(*Исторія Россіи*).

---

89. Петръ I.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частнымъ, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда неустающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна, и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ-же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладоньми сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще ско-

ше, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у Царя два часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и, вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не охотно разставался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоящій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: habit du tzar. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ, мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою Государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки, и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канителей осыпалось на полъ: «Смотри, Катенька,» сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ; — а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата.»

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ-ли онъ жить

расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки, и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время; жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу.» Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу Измаилъ-Бегу отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками—однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ 25 мая 1 года удивилъ онъ петербургск жителей необыкновенною пыш стію. Увидѣли его окружен отрядомъ гвардіи, въ выложен краснымъ бархатомъ длинном этонѣ тогдашняго вкуса, цуг съ лакеями позади въ ливреѣ. поѣхалъ за городъ на встрѣчу зю Гр. Ѳед. Долгорукову и гр А. Г. Головкину, которые, про около 15 лѣтъ въ званіи пос никовъ при разныхъ иностран дворахъ, возвращались въ сію просвѣщенными Европей Петръ, остановившись въ 4-хъ стахъ отъ города, ждалъ ихъ ло четверти часа. Когда они п ѣхали, посадилъ къ себѣ въ этонъ, провезъ по главнымъ цамъ столицы во дворецъ, созваны были знатнѣйшія ос и тутъ передо всѣми изъявил свое благоволеніе, принесъ в дань уваженія ихъ познаш утонченной образованности.

Та-же простота, какую н далъ Царь въ одеждѣ и въ э жѣ своемъ, господствовала его обращеніи. Указомъ отъ декабря 1701 года обыкн предковъ нашихъ повергать землю или падать на колѣн встрѣчѣ съ царствующими ми было замѣнено поклоном вало, если на улицѣ кто-н изъ проходящихъ, поклони останавливался передъ Г ремъ, онъ подходилъ къ не взявъ за кафтанъ, спраш «чего ты?» и если тотъ от ему, что остановился изъ у нія къ его особѣ: «эхъ, продолжалъ Петръ, ударн по головѣ: «у тебя свои д меня мои; ступай своей до

Въ Петербургѣ Царь бы

ье, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при семъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то, и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось-ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ, и часто въ отвѣтъ на длинныя разсужденія прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду Царю, но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ по латини? и послѣ утвердительнаго отвѣта, взялъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику, и, сказавъ ему: «теперь желаю вамъ доброй ночи,» вышелъ изъ комнаты. Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ,—иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того-же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ-бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. «За признаніе прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія,» повторялъ онъ часто; «лучше грѣхъ явный, нежели тайный.»

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она моглабы другому показаться оскорбительною. «Князь Яковъ въ сенатѣ,» отзывался онъ о Долгорукомъ, «прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице.»

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по латини, по нѣмецки и по голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила

изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростію въ одной и записною книжкою въ другою рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику фонъ Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворцѣ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ,» сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту и Государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій, и оставался тамъ до одиннадцати; слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ-бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій — и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ ки-

ломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда — деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ, вилка съ зелеными костяными черенками; и дежурному деньщику замѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть предъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ многочисленной услуги, и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безотлучно днемъ и ночью: былъ довѣренною его особою, и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петръ ѣлъ мало, не былъ разборчивъ въ пищѣ, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ.

Откушавъ, обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ: канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ Баронъ Шафировъ и Т. С. Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягушинскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ полицмейстеръ Девіеръ, или другой кто-нибудь изъ его министровъ. Одни только — князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ Царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному, вы можете судить, сколько занятія сіи были разнообразны: но, но не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоянную, неизмѣнную цѣль. Хотите-ли знать ее? «Трудиться надобно, братецъ,» говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ; «я и Царь вашъ, а «у меня на рукахъ мозоли, а все «для того, чтобъ показать вамъ «примѣръ, и хотя-бъ подъ ста«рость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ

«васъ помощниковъ и слугъ отечеству.»

Площадь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Царицына луга, усажена была во время Петра деревьями въ нѣсколько аллей. Между деревьями разбросаны были небольшіе домики съ тесовыми крышками, принадлежавшіе собственно Петру. Въ одномъ изъ нихъ содержался слонъ и два льва, привезенные въ Петербургъ, въ 1714 году, изъ Персіи тамошнимъ нашимъ посланникомъ Волынскимъ; въ другомъ поставленъ былъ славный готторпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому, въ 1715 г., правителемъ герцогства голштинскаго; въ третьемъ домикѣ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски, съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: «нѣтъ, Царь, ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ.» Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, морской воздухъ есть лучшее него лекарство отъ болѣзне если случалось ему занемога приморскомъ городѣ, то прик валъ переносить себя на одн судовъ, стоявшихъ въ га Въ Петергофѣ онъ говарив что ему душно во дворцѣ садахъ, и всегда ночева Монплезирѣ, омываемомъ во Финскаго залива. Домикъ сей строенный на голландскій зецъ, напоминалъ ему время молодости, его воспитанія: на нахъ развѣшаны было картин боты Адама Сило, учителя е теоріи кораблестроенія; онѣ ставляли виды голландскихъ морскихъ городовъ, и между чимъ на одной изображенъ самъ Царь на верфи ост-ин компаніи въ Амстердамѣ. Д мый сею страстію къ морю, всегда присутствовалъ при кахъ кораблей, проводилъ п скольку часовъ съзрительнок бою въ Монплезирѣ или въ терингофскомъ подзорномъ д ожидая прибытія купеческих довъ къ Петербургу, выѣзжа встрѣчу тѣмъ, которые прих къ Кронштату, и самъ, как куспый лоцманъ, вводилъ и гавань, за что получалъ отъ евъ по талеру или по кронѣ позволялъ иноземнымъ шкип свободный къ себѣ доступъ: но слушалъ разсказы объ их тешествіяхъ, объ опасностях вания по Балтійскому морю, разъ, за кружкою вина, съ ною трубкою въ зубахъ, пров цѣлые вечера въ таковыхъ дахъ. Долго находившись в ландіи, Государь свелъ там комство со многими корабе.

ами: они привозили ему въ подарокъ сыръ, Императрицѣ полотно, пряники для малолѣтныхъ Великихъ Князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобъ имъ въ Петербургѣ доставить всевозможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечитывалъ съ капитанъ-лейтенантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; чертилъ на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. Ѳ. А. Мухановъ учился въ чужихъ краяхъ, вмѣстѣ съ Петромъ, мореходному искуству, и столько успѣлъ въ ономъ, что прованъ былъ русскимъ Голландцемъ. Петръ говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество Ѳедору. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. Мухановъ командовалъ 50 пушечнымъ фрегатомъ Арондель. Въ назначенный для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. Русскій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что ночевалъ въ тотъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку.

Я никогда не кончилъ бы, если-бы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если-бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по алтыну, какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми-бы онъ не занимался, или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ-бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни, а именно о токарномъ искуствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искуство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ отдыха, и, чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не только посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное.* Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ, и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ провиниться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призы-

валъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицемъ, и Государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто-бы ничего не бывало.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были: Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, коими оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ политическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды россійскаго оружія, или успѣхи Рускихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

II. ОПИСАНІЯ.

А. СОБСТВЕННО ОПИСАНІЯ.

90. Гора Шейдекъ.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ

часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою-же трудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей альпійской горы, которая, по измѣренію г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 саженъ; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великій трескъ (который заставилъ меня вздрогнуть), а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому—при чемъ на нѣсколько саженъ вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда сижу теперь на бугрѣ горы и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина натуры, храмина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И если-бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй потомъ поглотилъ-бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не льзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни, нѣтъ ни деревъ, ни травъ; гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, альпійскій орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщетно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкостію ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты на другую! лютый врагъ гонится повсюду за своею добычею, и наконецъ пригоняетъ на край бездны, гдѣ несчастная уже не находитъ для себя никакого пути. Тутъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искуство въ прыганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее оттуда въ острыхъ когтяхъ своихъ.

Карамзинъ.

---

91. Рейнскій водопадъ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ-бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ.

Теперь представьте себѣ боль-

шую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшія брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался.... Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока), а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ — старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ: онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ.

Карамзинъ.

---

92. Рейхенбахъ.

Сильный шумъ прервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. «Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*,» отвѣчалъ онъ, «славнѣйшему альпійскому водопаду.» Хотя путешествующій по швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно; однакожъ мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило ме-

я на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ, для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, жежду дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ними маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейингенъ; рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ; множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною кущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно-ли благодарить судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? благодарю ее — отъ всего сердца!

Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*; и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокій пригорокъ и спуститься съ него, но только уже не по камнямъ, но по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія, облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожъ я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростію воды выскопанной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема и опять вверхъ подымается, будучи отражена вѣчнокипящею пучиною и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму!

Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!.... Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякій, имѣющій чувство; но кто можетъ изобразить васъ кистію или словомъ?

Карамзинъ.

93. Сокрытіе Роны.

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется la perte du Rhône, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извощикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ несчастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Недалеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькій домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели, или лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокій сводъ, можно ходить безъ всякой опас-

ности. Въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ. — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились въ каретѣ, заплативъ гривенъ шесть нашимъ провожатымъ.

Карамзинъ.

94. Рейнскій водопадъ.

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія; то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: — плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ; лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу, и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги, — словомъ, картина неописанная. На галлереѣ стоятъ безъ малѣйшей опасности: но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ: со временемъ они исчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и полвѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою, осталась одна надпись: Deus mea spes — Богъ моя надежда! Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеробскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе; вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтръ разноситъ брызги, и слышный невдали шумъ довершаетъ очарованіе.

Жуковскій.

95. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 года.

Я готовился быть свидѣтелемъ торжества великолѣпнаго; но торжество, видѣнное мною, превзошло мое ожиданіе. Оно такъ-же колоссально, какъ тотъ памятникъ, передъ которымъ происходило, и какъ Россія, которая вся въ немъ изобразилась. Я чувствовалъ вдохновеніе, но это было не творческое вдохновеніе поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное

гувство высокаго, неотдѣлимое отъ предмета, его возбудившаго; такое-же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мнѣ въ первый разъ Альпы, когда я увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ ко храму Св. Петра, и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ. Здѣсь поэзія безмолвна, и близость предмета давитъ воображеніе, напрасно хотящее втѣснить его въ слова и звуки. Здѣсь можно только описывать, и чѣмъ ростѣе, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи.

Все соединилось, чтобы дать ему торжеству значительность глубокую. День наканунѣ былъ томительно душенъ: къ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась, и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ; однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо, другія вспыхивали, какъ багровые снопы, иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ, въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чудеснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли, башни, вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ качающіяся мачты кораблей, и зеркала гранада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на залитую кругомъ ея площадь, вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобы снова блеснуть и изчезнуть. И въ томъ явленіи было какое-то неизразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась, и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ совершившагося Божія обѣта.

И дѣйствительно, эта ночная гроза только очистила небо, и какъ будто приготовила послѣдовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолѣпно; по свѣтлой лазури еще бродили разорванныя облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. Въ девять часовъ утра уже вся площадь колонны окружена была безчисленными толпами народа; весь Зимній Дворецъ отъ кровли до подошвы, весь экзерциргаузъ, обращенный въ амфитеатръ, все полукруглое зданіе, противулежащее Дворцу, коего подошва также обвита была амфитеатромъ, всѣ смежные съ нимъ домы, весь булеваръ, кровля и высокая башня Адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народомъ, и представляли зрѣлище удивительное, чудесно оживляемое сіяніемъ солнца, которое безпрестанно скрывалось за облаками и изъ нихъ выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тѣнь колонны, на ней уединенно воздвигавшейся съ покровеннымъ своимъ пьедеста-

ломъ, непримѣтно передвигалась по свѣтлому дну ея, какъ будто знаменуя идущее время. А между тѣмъ, вблизи, никому непримѣтно, стояла въ ружьѣ стотысячная армія. И никакое перо не можетъ описать величія той минуты, когда, по тремъ пушечнымъ выстрѣламъ, вдругъ изъ всѣхъ улицъ, какъ будто изъ земли рожденныя, стройными громадами, съ барабаннымъ громомъ, подъ звукомъ Парижскаго марша, пошли колонны Русскаго войска: вдругъ тишина обратилась во что-то неимѣющее имени; это было не шумъ, не гулъ, не звукъ, но тяжкій, мѣрный, потрясающій душу шагъ, спокойное приближеніе Силы, непобѣдимой и въ то-же время покорной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь, но въ этомъ разливѣ былъ изумительный порядокъ; глаза видѣли многочисленность и огромность движущейся массы; но самое разительное въ этомъ зрѣлищѣ было то, чего не могли видѣть глаза: тайное присутствіе Воли, которая все однимъ мановеніемъ двигала и направляла. Войска сошлись, построились; Государь, объѣхавъ ряды ихъ, сталъ противъ колонны, имѣя подлѣ себя Принца Вильгельма Прусскаго; и въ эту минуту на дворцовомъ балконѣ явились хоругви, вслѣдъ за ними священный соборъ и Государыня Императрица со всѣмъ Императорскимъ Домомъ; войска отдалиечесть: одна быстрая молнія блеснула по всѣмъ оружіямъ, однимъ общимъ потрясеніемъ дрогнули всѣ колонны, и продолжительный громъ барабановъ покатился какъ чудное эхо. И трепетъ благоговѣнія проникнулъ душу, когда вдругъ съ начавшимся молебствіемъ невыразимая тишина повсемѣстно распространилась. Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ, крестоноснымъ своимъ Ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой тишинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира, и общемъ колѣнопреклоненія войска, народа и предъ ними ихъ Государя, чудесное сліяніе земнаго могущества, простертаго во прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго; и невидимое соприсутствіе чего-то безъименнаго, чего-то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего-то шепчущаго душѣ: *Россія, слава минувшая, слава грядущая;* наконецъ умилительное слово *вѣчная память* и имя Александра, и вслѣдъ за нимъ упавшая завѣса колонны, и громозвучное, продолжительное *ура*, соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы.... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя.... Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на Государя, смиренно стоящаго на колѣняхъ впереди сего многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ Его къ подножію сооруженнаго имъ колосса. Онъ молился о Братѣ, — и все въ эту минуту говорило о земной славѣ сего Державнаго Брата: и монументъ, носящій Его имя, и колѣнопреклоненная Русская армія видавшая Его въ такія великія минуты передъ своими рядами, и на

ъ, посреди котораго Онъ жилъ, агодушный, всѣмъ доступный, трогательное присутствіе сего ринца Прусскаго, который предгавлялъ намъ цѣлую дружественную націю съ благороднымъ ея осударемъ, сподвижникомъ нашеі Александра, и самое воспоминаніе, въ коемъ возобновлялись ремена минувшія: Бородино, ровая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, обхваченный океаномъ.... все, все говорило объ Немъ, а Его самого тутъ не было; сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость; она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ Царь Великій спитъ во гробѣ; и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи, гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ Онъ глаза, и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный во гробѣ и безотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропреходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другаго сей Ангелъ, который, непричастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки. - По совершеніи молебствія начался ходъ вокругъ монумента; Первосвятитель окропилъ его святою водою; и вслѣдъ за симъ, по одному слову всколебались всѣ колонны армій; съ невѣроятною быстротою вся площадь очистилась; на ступеняхъ монумента остались одни немногіе ветераны Александровой арміи, прежде храбрые участники славныхъ битвъ Его времени, теперь заслуженные часовые великаго Его монумента. Начался церемоніальный маршъ: Русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сіе великолѣпное, единственное въ мірѣ зрѣлище; наконецъ войска прошли; звукъ оружія и громъ барабанный умолкли; народъ на ступеняхъ амфитеатровъ и на кровляхъ зданій исчезъ. Въ вечеру долго по улицамъ освѣщеннаго города бродили шумящія толпы; наконецъ освѣщеніе угасло; улицы опустѣли; на безлюдной площади остался величественный колоссъ одинъ съ своимъ часовымъ; и все было спокойно въ сумракѣ ночи; лишь только на темномъ, звѣздами усыпанномъ небѣ, въ блескѣ луны сіялъ крестоносный Ангелъ.

Такъ миновалось видѣніе удивительнаго дня сего; душа, имъ взволнованная, долго не могла утихнуть, какъ море послѣ бури, но море, коего каждая волна имѣла какой-то великій образъ. И дѣйствительно, то, что мы видѣли въ этотъ чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдругъ передъ нами повторенное. Чему надлежало совершиться въ Россіи, чтобы въ такомъ городѣ, такое собраніе народа, такое войско могли

соединиться у подножія такой колонны?.... Тамъ на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь-же почти огромный, какъ сама она; и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искуствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ, и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами, (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина.... Не вся-ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то-ли онъ знаменуетъ, что дни боевыя созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, изъ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а страхъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ нѣкогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела, а имя его: *Божія Правда.*

Жуковскій.

---

96. До построенія Петербурга.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ

рукѣ, я предался сладостному чтанію, въ которомъ тебѣ не гу дать совершенно отчета; книг и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, глянувъ на Неву, покрытую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на которую, благодаря привычкѣ, жители петербургскіе смотрятъ холоднымъ окомъ,— любуясь безчисленнымъ народомъ, который волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ которомъ я различалъ Англичанъ и Азіатцевъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на томъ мѣстѣ до построенія Петербурга? — Можетъ быть сосновая роща, сырой дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и тростникою: — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какой нибудь длинновласый Финнъ....

За ланью быстрой и рогатой,
Гонцѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной, а нынѣ?.... Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, потомъ на хижину Великаго Монарха, къ которой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по болотнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искуства. Здѣсь художества, искуства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обозрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день торжества побѣды, Государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, противъ крѣпостныхъ воротъ, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ грубаго дерева. Именемъ Святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жестяной доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ римскими цыфрами. На ближнемъ бастіонѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ четыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ Монарха иностранные корабельщики, матросы, художники, ученые, полководцы, воины: межъ ними, простой рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ царскій Меншиковъ, великодушный Долгорукій, храбрый и дѣятельный Шереметевъ и вся фаланга героевъ, которые создали съ Петромъ величіе Русскаго царства. *Батюшковъ.*

97. Финляндія.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно—только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, осень ужасная и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна;—снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю—изъ тайной глубины пещеры. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилася какъ отъ сна!.... Видишь-ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ! — Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завываніе волковъ, ищущихъ добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени; или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлой протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огнь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ? опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы

мъ восходящій густымъ чер-
мъ облакомъ отъ сего огнища:
э это образуетъ картину столь
кую, столь мрачную, что путе-
ственникъ невольно содрогает-
и спѣшитъ отдохнуть взорами
и на ближнемъ озерѣ, которое
личественно дремлетъ въ отло-
хъ берегахъ своихъ, или на зе-
ной полянѣ, гдѣ волъ жуетъ соч-
ю и густую траву, орошенную
дами источника.

Какіе народы населяли въ древ-
сти землю сію? — Гдѣ признаки
ъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? —
ремя все изгладило; или сіи сы-
дикихъ лѣсовъ не ознаменовали
бя никакимъ подвигомъ, и исто-
я, начертавшая малѣйшія собы-
странъ полуденныхъ и восточ-
ихъ, молчитъ о народахъ сѣве-
. — Но существовали народы
и — угрюмые, непобѣдимые сы-
первобытной природы, или из-
анники изъ странъ счастливѣй-
ихъ: они населяли сіи пещеры,
тались млекомъ звѣрей, и пола-
ли предѣломъ блаженства удачу
охотѣ, побѣду надъ врагомъ,
ъ черепа котораго (страшное вос-
оминаніе!) пили кровь и славили
юе могущество. Когда зима по-
ывала рѣки льдами, сыпала иней
снѣга; тогда дикіе чада лѣсовъ
ходили изъ логовищъ своихъ,
пролагали путь по морямъ Ги-
рборейскимъ къ новымъ пусты-
мъ, къ новымъ лѣсамъ. Воору-
енные сѣкирою и палицей, они
утъ войной на стада пустын-
ихъ чудовищъ; ихъ мчатъ бы-
рые олени; ихъ несутъ лыжи по
вниамъ снѣжнымъ; они сража-
ся, побѣждаютъ и учреждаютъ
ювавую трапезу! — Томимые го-
домъ, нуждою, исполненные му-
ества, рѣшимости, презирая рав-
но и смерть и жизнь, они не зна-
ютъ опасности; въ звѣрскомъ из-
ступленіи наполняютъ крикомъ лѣ-
са — и эхо повторяетъ гласъ ихъ
въ пространной пустынѣ.

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ
октября все покрыто снѣгомъ. Едва
сосѣдняя скала выказываетъ
безплодную вершину; иней па-
даетъ въ видѣ густаго облака; де-
ревья, при первомъ утреннемъ мо-
розѣ, блистаютъ радугою, отра-
жая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ смотритъ на опустошенія зимы; едва явится — и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ сребряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище — сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ и на земли! — Повсюду безмолвіе! — Робкая лань торопливо пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый снѣгъ; стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается веселой, но краткой улыбкой. Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячу ручьевъ, тысячу водопадовъ: тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продол-

жительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, — завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ велелѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близь песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залив сумракъ, вмѣсѣ съ безмолв воцарился въ пустынѣ.... Н кой предметъ для кисти жив ца: ратный станъ, располож на сихъ скалахъ, когда луч сяца проливаются на утруж ныхъ ратниковъ и скользят блестящему металлу ружей, женныхъ въ пирамиды! — I предметъ для живописи и сі ликіе огни, здѣсь и тамъ ра денные, вокругъ которыхъ і толпятся въ часы холодной Этотъ лѣсъ, хранившій без можетъ быть отъ созданія і вдругъ оживляется при вн номъ пришествіи полковъ. В расположилось; все приході движеніе: пуки зажженной с мы, переносимые съ одного і на другое, пылающіе костры роста, древніе пни и часто і деревья, внезапно зажженныя которыхъ густой дымъ клу и восходитъ до небесъ, — од словомъ, движеніе ратныхъ рядовъ, ржаніе и топотъ ко блескъ оружія, и смѣшанны лоса воиновъ, и звуки бар и конной трубы: все это пред ляетъ зрѣлище новое и разн ное! Вскорѣ гласы умолка огонь пылающихъ костровъ і хаетъ; ратники почили, и пре безмолвіе водворилось: изр прерываемо оно шумомъ го водопада, или протяжными о ками часовыхъ, расположен на ближнихъ вышинахъ, пр лагеря непріятельскаго: мѣс склоняясь къ своему западу, о щаетъ уже безмолвный стан

Батюшко

98. Асамблея.

Въ большой комнатѣ, освѣщен-
ій сальными свѣчами, которыя
скло горѣли въ облакахъ табач-
ıго дыма, вельможи съ голубыми
ентами черезъ плечо, посланни-
ı, иностранные купцы, офицеры
ардіи въ зеленыхъ мундирахъ,
орабельные мастера въ курткахъ
полосатыхъ панталонахъ толпою
вигались взадъ и впередъ при
езпрерывномъ звукѣ музыки. Да-
ы сидѣли около стѣнъ; молодыя
ıистали всею роскошью моды.
олото и серебро блистало на ихъ
обахъ; изъ пышныхъ фижмъ воз-
ıшалась, какъ стебель, ихъ уз-
ая талія; алмазы блистали въ у-
ıахъ, въ длинныхъ локонахъ и
коло шеи. Онѣ весело повертыва-
ись на право и на лѣво, ожидая
авалеровъ и начала танцевъ. Ба-
ıни пожилыя старались хитро со-
етать новый образъ одежды съ
ıнимой стариной: чепцы сбива-
ıсь на соболью шапочку царицы
атальи Кириловны, а робронды и
ıцтильи какъ-то напоминали са-
фанъ и душегрѣйку. Казалось,
ѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ
удовольствіемъ присутствовали
сихъ нововведенныхъ игрищахъ
съ досадою косились на женъ и
черей голландскихъ шкиперовъ,
торыя въ канифасныхъ юбкахъ
въ красныхъ кофточкахъ вязали
ой чулокъ, между собою смѣясь
разговаривая, какъ будто дома.
мѣтя новыхъ гостей, слуга по-
шелъ къ нимъ съ пивомъ и ста-
нами на подносѣ.

Императрица и Великія Княж-
ı, блистая красотою и нарядами,
охаживались между рядами го-
ей, привѣтливо съ ними разго-
ривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ съ толстымъ букетомъ на груди суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали: сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь на право, потомъ на лѣво, тамъ опять прямо, опять на право, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса, наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

А. Пушкинъ.

99. Украинская ночь.

Знаете-ли вы украинскую ночь? о, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ — и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ — все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посереди неба.... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только, свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ, запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Гоголь.

---

100. Картинная лавка на Щукиномъ дворѣ.

Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ д рѣ. Эта лавочка представляла т но самое разнородное собраніе, ковинокъ. Картины большею стію были писаны масляными к скими, покрыты темнозеленымъ комъ, въ темножелтыхъ мишу ныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми ревьями; совершенно красный черъ, похожій на зарево пожа фламандскій мужикъ съ трубк и выломанною рукою, похожій лѣе на индѣйскаго пѣтуха въ м жетахъ, нежели на человѣка: вотъ обыкновенные ихъ сюже Къ этому нужно присовокуп нѣсколько гравированныхъ из раженій: портретъ Хозрева-М зы въ бараньей шапкѣ, порт ты какихъ-то генераловъ въ угольныхъ шляпахъ съ крив носами. Двери такой лавочки об новенно бываютъ увѣшаны с ками тѣхъ картинъ, которыя дѣтельствуютъ самородное д ваніе русскато человѣка. На о изъ нихъ была царевна Ми триса Кирбитьевна, на другой родъ Іерусалимъ, по домам церквамъ котораго безъ цер ніи прокатилась красная крас захватившая часть земли и д молящихся русскихъ мужиков рукавицахъ. Покупателей э произведеній обыкновенно не го; но за то зрителей куча. кой-нибудь забулдыга—лакей вѣрно зѣваетъ передъ ними, жа въ рукѣ судки съ обѣдомъ трактира для своего барина, к рый, безъ сомнѣнія, будетъ бать супъ не слишкомъ гор Передъ ними вѣрно уже ст солдатъ, этотъ кавалеръ толк го рынка, продающій два перо ные ножика; торговка изъ съ коробкою, наполненною ба

ками. Всякій восхищается по своему: мужики обыкновенно тыкають пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными каррикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣнибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Гоголь.

101. Дорога.

Какое странное и манящее и несущее и чудесное въ словѣ: дорога! и какъ чудна она сама, эта дорога! ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ.... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся.... какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи! и уже сквозь сонъ слышатся и не бѣлы снѣги, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся: пять станцій убѣжало назадъ, луна, невѣдомый городъ, церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями, темные бревенчатые и бѣлые каменные дома. Сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые, полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши, и нигдѣ ни души — все спитъ. Одинъ одинешенекъ, развѣ гдѣ нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городскій тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!... но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся и уже опять передъ тобою поля и степи, нигдѣ ничего — вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цыфрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.... какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце; полегче! легче! слышится голосъ, телѣга спускается съ кручи: внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ.... Боже! какъ ты хороша подъ часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ какъ погибающій и тонущій я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько

родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.... *Гоголь.*

(*Мертвыя Души*).

102. Гудъ-гора.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ: давно запряженные кони продрогли на снѣгу, мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно круглыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. — Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-гору; мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все по малась и наконецъ пропадал облакѣ, которое еще съ в отдыхало на вершинѣ Гудъ- какъ коршунъ, ожидающій д чу; снѣгъ хрустѣлъ подъ н нашими; воздухъ становился рѣдокъ, что было больно ды кровь поминутно приливала в лову, но совсѣмъ тѣмъ как отрадное чувство распрост лось по всѣмъ моимъ жилам мнѣ было какъ-то весело, такъ высоко надъ міромъ: — ство дѣтское, не спорю, но, ляясь отъ условій общества и ближаясь къ природѣ, мы не но становимся дѣтьми; все п рѣтенное отпадаетъ отъ душ она дѣлается вновь такою, к была нѣкогда и вѣрно будетъ да нибудь опять. Тотъ, кому чалось, какъ мнѣ, бродить п рамъ пустыннымъ, и долго, всматриваться въ ихъ причуд образы, и жадно глотать жив рящій воздухъ, разлитый въ ущельяхъ, тотъ конечно по мое желаніе передать, разск нарисовать эти волшебныя к ны. Вотъ, наконецъ, мы вз лись на Гудъ-Гору, останов и оглянулись: на ней висѣл рое облако, и его холодное д ніе грозило близкой бурею; востокѣ все было такъ ясно лотисто, что мы, то есть я и шт капитанъ, совершенно о нем были.... Да, и штабсъ-капи въ сердцахъ простыхъ чу красоты и величія природы нѣе, живѣе во-сто кратъ, чѣ насъ, восторженныхъ разск кахъ на словахъ и на бумагѣ

Лермонт

103. Видъ съ горъ.

точно, такую панораму врядъ дѣ еще удастся мнѣ видѣть: нами лежала Койшаурская ıна, пересѣкаемая Арагвой и ой рѣчкой, какъ двумя серебми нитями; голубоватый ту- скользилъ по ней, убѣгая въ днія тѣснины отъ теплыхъ лу- тра; на право и на-лѣво греб- ›ръ, одинъ выше другаго, пе- кались, тянулись, покрытые ами, кустарникомъ; вдали тѣ ›ры, но хоть бы двѣ скалы по- ı одна на другую, и всѣ эти а горѣли румянымъ блескомъ весело, такъ ярко, что, ка- ı, тутъ бы и остаться жить ѣки; солнце чуть показалось за темно-синей горы, кото- только привычный глазъ могъ азличить отъ грозовой тучи; адъ солнцемъ была кровавая са, на которую мой товарищъ тилъ особенное вниманіе.

Лермонтовъ.

104. Утро въ Пятигорскѣ.

ера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, лъ квартиру на краю города, ıмомъ высокомъ мѣстѣ, у по- ы Машука: во время грозы ка будутъ спускаться до мо- ›овли. Нынче въ пять часовъ , когда я открылъ окно, моя ата наполнилась запахомъ овъ, растущихъ въ скромномъ садникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ пень смотрятъ мнѣ въ окно, и ъ иногда усыпаетъ мой пись- ой столъ ихъ бѣлыми лепест- . Видъ съ трехъ сторонъ у чудесный. На западъ пяти- ıй Бэшту синѣетъ, какъ «по- слѣдняя туча разсѣянной бури;» на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ.... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего-бы, кажется больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?.... Однако пора. Пойду къ Елисаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

Лермонтовъ.

105. Ѣзда верхомъ.

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностію глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая-бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое-бы безпокойство ни томило мысль, все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума.

Лермонтовъ.

106. Ночь въ Пятигорскѣ.

Поздно вечеромъ, то-есть часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ, только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахрамой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ пережемались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался. *Лермонтовъ.*

---

107. Нескучное.

Представьте себѣ поросшее сплошнымъ лѣсомъ ущелье, мрачное и глубокое для всякаго человѣка съ хорошими глазами, и почти бездонное для того, кто имѣетъ несчастіе быть близорукимъ. Столѣтнія деревья, растущія на днѣ его, кажутся вамъ деревцами, потому что вы видите только однѣ ихъ вершины. Ихъ корни омываетъ едва замѣтный протокъ, изъ котораго составляется, по ту сторону моста, небольшой прудъ. Если вы сойдете по извилистой тропинкѣ на дно этой — ну, да! — этой пропасти, то вамъ надобно будетъ лечь на спину, чтобъ, не свихнувъ себѣ шеи, видѣть многолюдную толпу гуляющихъ по мосту, который какъ будто бы виситъ на воздухѣ; но я не совѣтую вамъ сходить въ эту преисподнюю, если вы не любите ужей: это ихъ подземное царство, изъ котораго они выползаютъ иногда въ аллеи сада, вѣроятно для того, чтобъ полюбоваться на свѣтъ Божій и погрѣться на красномъ солнышкѣ.

Сколько разъ встрѣчалъ я полночь на этомъ мосту. Я жилъ тогда въ Нескучномъ все лѣто. Однажды — никогда не забуду этой ночи! — мнѣ что-то не спалось; я всталъ, одѣлся на скорую руку и пошелъ бродить по саду. Ночь была лунная, воздухъ теплый, влажный, напитанный ароматомъ. Дойдя до средины моста, я остановился; мертвое молчаніе, густая тѣнь деревьевъ и подъ ногами эта черная пропасть — жилище пресмыкающихся и пріютъ летучихъ мышей,—все располагало мою душу къ какимъ-то таинственнымъ ощущеніямъ, все переносило ее въ міръ чудесъ и очарованій. Мнѣ казалось, что я стою у входа въ знаменитую «Волчью долину,» что на днѣ ея льютъ роковыя пули и Черный Стрѣлокъ выглядываетъ изъ-за толстаго пня сухой березы, которая, какъ мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, отдѣляется отъ темной зелени живыхъ деревьевъ. Вотъ яркій лучъ мѣсяца прокрался между листьями и заблестѣлъ на чешуйчатой спинѣ красноголоваго ужа; вотъ что-то зашелестилось надъ моей головою, и летучая мышь, крутясь по воздуху, исчезла въ глубинѣ ущелія. Вдругъ набѣжала черная туча, луна скрылась за нею, мракъ сгустился, и сотни свѣтляковъ засверкали на кустахъ и высокой травѣ, которая растетъ привольно на днѣ этихъ недоступныхъ стремнинъ и буераковъ, и въ то же самое время на вершинѣ огромной сосны заохалъ вѣщій филинъ. Я не могу разсказать вамъ,

то за странныя ощущенія, похо-
ія на тихую грусть, не чуждыя
какого-то страху, но въ то-же
время неизъяснимо пріятныя, на-
полняли мою душу; страхъ-чув-
тво болѣзненное, но эта безотчет-
ая робость, отъ которой замы-
аетъ слегка наше сердце, имѣетъ
вою прелесть. Болѣе часу про-
гоялъ я какъ прикованный къ од-
ому мѣсту; я не замѣчалъ, какъ
вѣзды исчезали одна за другою,
акъ скрылся мѣсяцъ, какъ запы-
али облака, и море свѣта разли-
ось на востокѣ. Веселое чиликанье
робудившихся птицъ заставило
еня очнуться. Неугомонный фи-
инъ давно уже убрался въ свое
упло, летучія мыши также по-
рятались, и сквозь просвѣтъ ча-
тыхъ деревьевъ засверкалъ позла-
денный крестъ высокой колоколь-
и Новодѣвичьяго монастыря.

Загоскинъ.

---

108. Ѣзда зимой на долгихъ.

Если вамъ случалось ѣздить
ниою верстъ за шесть сотъ на
олгихъ, и вы въ продолженіе это-
о безконечнаго путешествія не
озавидовали ни разу суркамъ, ко-
орые спятъ безъ просыпу по нѣ-
кольку мѣсяцевъ сряду—то ужъ
огда я позавидую вашему терпѣ-
ію. Плестись нога за ногу по снѣ-
овой пустынѣ, любоваться съ утра
о вечера на голыя деревья, обвѣ-
шенныя инеемъ, не видѣть ни рѣкъ,
и озеръ, не различать вдали бѣ-
аго неба съ бѣлой землею, въ от-
епель тонуть на каждомъ шагу
ъ зажорахъ, въ морозъ зябнуть
о нѣсколько часовъ сряду, и по-
омъ отогрѣваться или въ курной
збѣ, въ которой вы задыхаетесь
тъ дыму, или въ холодной свѣт-
лицѣ, въ которой морозятъ тара-
кановъ: все это вовсе не забавно,
и все это ничего въ сравненіи съ
другимъ, необходимымъ мученіемъ
всякаго зимняго путешественника,
если онъ ѣдетъ въ нашей русской
незатѣйливой кибиткѣ, нагружен-
ной до верху чемоданами, пери-
ной, подушками, — однимъ сло-
вомъ, всѣмъ тѣмъ, безъ чего у
насъ и теперь еще не пускаются
въ дальнюю дорогу. Въ такой ки-
биткѣ сидѣть нельзя: въ ней дол-
жно лежать, и, надобно сказать
правду, лежать въ ней очень спо-
койно. Если ваше путешествіе про-
должается одну только ночь, то вы
вѣрно не промѣняете этого лубоч-
наго экипажа съ рогожнымъ вер-
хомъ ни на какой щегольской дор-
мезъ; но лежать нѣсколько дней,
а иногда нѣсколько недѣль сря-
ду,—лежать, когда вы чувствуете
себя совершенно здоровымъ, — да
это такое наказаніе, что не при-
веди Господи! Я испыталъ на се-
бѣ всю прелесть этого дорожнаго
farniente. Первыя сутки проходили
у меня обыкновенно въ размыш-
леніяхъ: я вспоминалъ о прошед-
шемъ, думалъ о настоящемъ, меч-
талъ о будущемъ. Наконецъ бы-
вало какъ все передумаю, начну
разсматривать рогожный потолокъ
кибитки, который опускается раз-
давленнымъ сводомъ надъ моей го-
ловою; потомъ, чтобъ разнообра-
зить свои удовольствія, гляжу въ
затылокъ ямщику, и замѣчаю, ко-
торая изъ пристяжныхъ помогаетъ
дружнѣе коренной тащить мою
повозку! то полежу на спинѣ, то
прилягу на лѣвый бокъ, то повер-
нусь на правый, и вотъ на третьи
сутки это безпрерывное лежанье
до того мнѣ надоѣстъ, что я, не
смотря на трескучій морозъ, рѣ-

шусь наконецъ присѣсть на облучкѣ; но черезъ нѣсколько минутъ у меня прозябнутъ ноги: я пойду пѣшкомъ, чтобъ согрѣть ихъ, — опять бѣда! Хорошо ходить пѣшкомъ въ легкомъ и свободномъ платьѣ; но я навьюченъ какъ верблюдъ, на мнѣ около пуда всякой мягкой рухляди; ноги мои не успѣютъ еще порядкомъ согрѣться, а я ужъ задохнулся. Дѣлать нечего: ложись опять на перину и принимайся снова смотрѣть въ спину ямщику, или считать ряды въ циновкѣ, которою обита внутренность твоей кибитки. Весело, что и говорить,—очень весело!

Загоскинъ.

---

109. Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ
раздаются одни только рѣдкі
клики и мѣрные шаги часов
Внизу, подъ вашими ногами,
мятъ проѣзжающія кареты,
чатъ извощики, раздаются г
кія рѣчи гуляющихъ по набе
ной; съ противоположнаго бе
долетаютъ до васъ веселыя и
фабричныхъ, и глухой, невня
говоръ всего замоскворѣчья
будто шепчетъ вамъ на ухо
достяхъ, забавахъ и суетѣ зе
жизни. Но все это отъ васъ
ко, вы выше всего этого. Вот
бѣжали тучки, свѣтлый м
прикрылся облакомъ; внизу гу
тѣнь легла на все замоскворе
потухли сверкающія волны
и всѣ дома подернулись туман
Но здѣсь, на кремлевскомъ х
облитыя свѣтомъ главы соб
мѣстятъ по прежнему, и п
щенный крестъ Ивана Вел
горитъ яркой звѣздою въ вы
Поглядите вокругъ себя,
стройно и величаво подыма
передъ вами эти древніе со
въ которыхъ почиваютъ нетл
тѣла святыхъ угодниковъ мо
скихъ. О, какъ эта торжеств
тишина, это безмолвіе, это
ство близкой святыни, эти изу
шенные терема царей русс
и въ двухъ шагахъ ихъ скр
гробницы, — какъ это все
ваетъ васъ отъ земли, тушит
ши страсти, умиляетъ сер
наполняетъ его какимъ-то н
яснимымъ спокойствіемъ и ми
Внизу все еще движенье и с
люди или хлопочутъ о дѣлахъ
ихъ, или помогаютъ другъ
убивать время; а здѣсь все
все спокойно и все такъ-же
ветъ, — но только другою
нію. Эти высокія стѣны, др

и и царскіе терема не без-
ны, — они говорятъ вамъ о
мъ, они воскрешаютъ въ ду-
шей память о вѣкахъ давно
едшихъ. Здѣсь все напоми-
ь вамъ — и бѣдствія и славу
хъ предковъ, ихъ страданія,
частыя смуты и всегдашнюю
въ Провидѣнье, которое, такъ
ю, такъ дивно возвеличивъ
ію, хранитъ ее, какъ избран-
рудіе для совершенія неиспо-
ныхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы
жены древнею русской святы-
вы бесѣдуете съ нею о небес-
шей родинѣ. Какъ прилип-
рахъ, душа ваша отрясаетъ съ
всѣ земные помыслы. Мысль
конечномъ даетъ ей крылья,
возносится туда, гдѣ не ста-
уже дѣлить людей на поко-
и народы, гдѣ не будетъ
ни вѣковъ, ни времени, ни
, ни страданій.... Испытайте
ами, придите въ Кремль по-
вечеромъ, и если вы еще не
отвыкли бесѣдовать съ са-
собою, если можете нѣсколь-
нутъ прожить безъ людей, то
скажете мнѣ спасибо за
совѣтъ. Впрочемъ, во вся-
случаѣ, вы не станете доса-
ть, если послушаетесь меня и
ваете въ Кремлѣ, потому что
при лунномъ свѣтѣ такъ пре-
енъ, что вы должны непремѣн-
о сдѣлать — хотя изъ любви
рекрасному. *Загоскинъ.*

---

110. Деревня зимою.

Этомъ деревня рай! говорятъ
любители сельскаго быта — и
гомъ я съ ними совершенно
исенъ, разумѣется, если де-
, въ которой я проживу лѣ-
окружена рощами, а не голой
степью, и передъ моимъ веселымъ домикомъ разстилается не грязный подернутый зеленью прудъ, но изумрудный лугъ, усыпанный цвѣтами, между которыхъ вьется игривая и свѣтлая рѣчка. О, конечно! такой сельской пріютъ не грѣшно назвать земнымъ раемъ, только не приведи Господи жить въ этомъ раю зимою, а особливо человѣку не семейному. Если онъ не умретъ со скуки, то ужъ, конечно, можно сказать утвердительно, что люди отъ скуки не умираютъ. Вотъ, напримѣръ, ночью подымется погода! вы просыпаетесь по утру, протираете глаза и подумаете: «неужели еще ночь?» — Нѣтъ! на дворѣ ужъ полдень — да вашъ домъ ужъ занесло мятелью и огромные сугробы снѣга лѣзутъ къ вамъ прямехонько въ окна. Если иногда проглянетъ солнышко и улыбнется по-лѣтнему — не спѣшите къ нему на встрѣчу, потому что на дворѣ ужъ вѣрно трескучій морозъ. Полюбуйтесь этимъ солнышкомъ сквозь двойныя стекла и оставайтесь по прежнему въ натопленныхъ комнатахъ, въ которыхъ мы всѣ, какъ тепличныя растенія, должны прозябать большую часть нашей жизни. Если, наконецъ, вамъ надоѣстъ это искуственное тепло и вы захотите подышать свѣжимъ воздухомъ, надѣвайте на себя шубу, шапку, теплые сапоги и ступайте гулять, то есть ходить взадъ и впередъ по утоптанной тропинкѣ, которая ведетъ отъ барскаго дома къ селу. Вѣроятно, эта прогулка не принесетъ вамъ большаго удовольствія — напротивъ, вамъ сдѣлается очень грустно. Посмотрите вокругъ себя: неужели эти голыя, огромныя ветлы были ког-

да нибудь роскошными, пушистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ вы съ такимъ наслажденіемъ отдыхали въ знойный полдень? Не ужели это единообразное бѣлое поле, эти наносные бугры снѣга, эти непроходимые сугробы тотъ самый лугъ, на которомъ вы рвали цвѣты? А эта изгибистая дорожка, прорѣзанная глубокими колеями, та самая рѣчка, въ которой вы купались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Согласитесь, что лучше сидѣть дома, въ теплой комнатѣ, чѣмъ мерзнуть и смотрѣть на эти мертвыя деревья, засыпанныя снѣгомъ поля, и это безжизненное солнце, которое, вмѣсто тепла, обдаетъ васъ холодомъ. Но чтожъ вы будете дѣлать дома? Читать безпрестанно нельзя: и голова устанетъ и глаза заболятъ, а общества въ деревнѣ нѣтъ. Бываютъ иногда сосѣди, да и тутъ бѣда: на одного умнаго и пріятнаго собесѣдника заберется къ вамъ съ полдюжины такихъ пріятелей, для которыхъ въ городѣ ваши двери были бы заперты, а тутъ отворяйте ихъ настежь. Деревенскій бытъ имѣетъ свои собственныя условія и законы. Въ городѣ вы можете одного гостя принять, а другому сказать, что васъ нѣтъ дома—попытайтесь это сдѣлать въ деревнѣ.... Да сохрани Господи! васъ закидаютъ каменьями.... Нѣтъ, круглый годъ жить въ деревнѣ можно только тамъ, гдѣ солнце грѣетъ и зимою, гдѣ я могу и въ декабрѣ мѣсяцѣ открыть окно, сорвать на лугу цвѣтокъ, покататься въ лодкѣ и отдохнуть подъ тѣнью густаго дерева, покрытаго зелеными листьями.

Загоскинъ.

---

111. Троицкая Лавра ночью.

Лѣтняя ночь осѣнила Лавру и сквозь прозрачный сумракъ еще въ большемъ величіи возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ юной ограды, надъ которою устроена длинная галлерея отъ архіерейскихъ покоевъ: — я ходилъ по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго всенощнаго бдѣнія; еще быть можетъ иные старцы стояли на молитвѣ въ келліяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній растворялась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ предъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но, въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ, легко стремилась къ небу величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою; за

ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянныя по оврагамъ,—такой пространный обзоръ развивался съ высокой террасы.

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимо идущихъ запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ объ желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали почтовой колокольчикъ по московской дорогѣ и звонко приближался къ Лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часоваго колокола, — и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія; но кто выразитъ всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они приростаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій, здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя лѣстницы:— одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко низводитъ на дно священной старины Русской, другая молитвенно возводитъ къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родины, — и въ созерцаніи обѣихъ смущается мысль, блуждая въ дольнихъ, теряясь въ горнихъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былаго, гдѣ все уже обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты, и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ!

Муравьевъ.

---

112. Іерусалимъ.

Кто выразитъ всѣ чувства, волнующія грудь при внезапномъ появленіи св. града? И можно ли изъяснить рѣчами то тайное бореніе радости и страха, которыми попеременно движется сердце въ сіе торжественное мгновеніе, когда всѣ дивныя имена Сіона, Голгоѳы и Элеона, съ юныхъ лѣтъ и только во святынѣ храмовъ поражавшія слухъ нашъ, внезапно олицетворяются предъ очарованными глазами; когда пылкія мечты младенца сбываются въ видѣніяхъ юноши, и всѣ звуки псалмовъ и пророчествъ сливаются въ одну живую картину отвергшаго ихъ Іерусалима! Тщетно приготовляешь издали духъ свой къ зрѣлищу града, мысленно представляя себѣ: какъ мало по малу онъ станетъ проясняться изъ туманной дали, и какъ мало по малу станутъ привыкать къ нему взоры и мысли. Онъ вдругъ какъ-бы изъ-подъ земли является смятеннымъ глазамъ на скатѣ той самой горы, и

площади косой пролегала трудная стезя; весь и внезапно возстаетъ онъ, въ полной красѣ обновленныхъ стѣнъ своихъ и башенъ, во всемъ величіи Ветхаго Завѣта, издали — песокрушенный, какъ-бы еще въ ожиданіи Новаго, и такъ, какъ онъ всегда рисуется воображенію, со всѣми своими бойницами и вратами. Гора Элеонская въ яркихъ лучахъ вечера и пустыня Мертваго моря въ туманахъ ограничивали за нимъ священный горизонтъ, и я стоялъ въ безмолвномъ восторгѣ, теряясь въ ужасѣ воспоминаній!

Муравьевъ.

---

113. Три водопада.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло, и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега ея покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бѣсѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала видѣнъ вдали лѣсистый островъ, внизу-же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе, — такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны, и какъ наконецъ его *измученныя дѣти*, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса, — она достигла цѣли, и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа, подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей сѣверной столицы. Но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, но скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ; но въ Нарвѣ — это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны, въ Иматрѣ—это вопль казни и мученій: все пусто и уныло окрестъ ея, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ видѣнъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный

ъ-городъ, поставленный гра-
рознаго царя на рубежѣ Ме-
щевъ. Промежду нихъ съ шу-
несется бурный потокъ, какъ
еслись съ шумомъ великія со-
сихъ твердынь, когда умолк-
овавая между ними бесѣда.
мню еще одни пороги, кото-
видѣлъ за нѣсколько лѣтъ
Умани, въ имѣніи Потоц-
. Они мнѣ тогда правились
, нежели теперь Иматра и
а, по новизнѣ предмета, быть
ъ и потому, что безпечный
а болѣе утѣшался въ то вре-
ѣлищемъ бурь, имъ не испы-
хъ еще на житейскомъ по-
ѣ; нынѣ-же съ симъ воспо-
іемъ сливается память не-
атныхъ людей и событій. Отъ
исныхъ пороговъ Антоновки
Иматры, чрезъ сколько бур-
пороговъ перекипѣла соб-
ая жизнь моя! Тамъ быст-
отокъ Ингульца, раздробля-
камни промежду безчислен-
мельницъ, съ шумомъ под-
ъ подъ нависшіе своды по-
хъ лѣсомъ утесовъ, метая
къ свою сѣдую пѣну, какъ
по вѣтрамъ косматую гри-
кротимый конь Запорожца.
увлеченный вновь воображе-
въ зеленыя степи Украйны,
былъ, что нынѣ путь мой по
Финляндіи! — Унылы мѣста
ло жизни въ людяхъ и пред-
; повсюду лѣсистыя горы и
озера, и однообразный гра-
ыставляетъ по рубежу до-
устынныя скрижали, на ко-
шетъ свои тайныя руны ми-
щее время. *Муравьевъ.*

---

114. Отплытіе отъ Валаама.

Я спѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. Нѣкоторые изъ монашествующихъ пожелали проводить насъ до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горѣ показался опять почтенный игуменъ. Онъ шелъ на сѣнокосъ раздѣлять сельскіе труды съ братіею, ибо никто не уволенъ изъ нихъ на Валаамѣ; самые схимники работаютъ въ толпѣ молодыхъ послушниковъ, подавая имъ благій примѣръ. Картина сія, истинно трогательная, переноситъ воображеніе въ первобытныя времена иночества, когда, вслѣдъ за великимъ Пахоміемъ, отшельники ходили добывать себѣ тростникъ на пустынныхъ островахъ Нила. Меня тронуло благосклонное вниманіе старца, который, опираясь на посохъ, спѣшилъ еще разъ проститься съ нами, и я снова вышелъ на берегъ, чтобы принять его благословеніе. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайняго острова и взошли въ часовню Св. Николая, гдѣ усердные иноки на прощаніе отслужили для насъ молебенъ Чудотворцу. Всѣ мы были тронуты симъ послѣднимъ знакомъ ихъ пріязни. Разставаясь на той грани, гдѣ для нихъ кончается міръ, я подумалъ, какъ суетны и жалки должны мы были казаться симъ отшельникамъ, которые могли сказать о себѣ:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли;
Здѣсь, невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали
Моря житейскаго шумныя волны.

На сей разъ плаваніе наше бы-

ло счастливѣе, хотя оно продолжалось восемь часовъ. Не доѣзжая Сердобольскаго залива, мы остановились для отдыха гребцовъ близь малаго острова Маргичь, и увидѣли на берегу каменный крестъ съ надписью: здѣсь отдыхалъ Императоръ Александръ въ 1818 году, и нѣсколько ниже: здѣсь отдыхалъ, въ томъ-же году, митрополитъ Михаилъ. Читая имена повелителя Европы и благаго пастыря на пустынномъ утесѣ Ладожскаго озера, я горько размышлялъ объ участи всего великаго на земли. Сія каменная надпись служитъ краснорѣчивымъ эпиграфомъ Валааму, поясняя отреченіе его иноковъ отъ преходящей славы міра. *Муравьевъ.*

115. Кремль.

Отрадно стоять на высотахъ Кремля въ часъ всенощной, когда на зовъ златоглаваго великана внезапно и со всѣхъ сторонъ откликаются его безчисленныя дѣти и ходитъ гулъ ихъ въ дрогнувшемъ эѳирѣ, серебристый, многоглагольный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ, и мыслей, и словъ, которыя однако-же не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчащъ ангельскихъ, стражей русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отгнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ, подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко упокоивается земля, какъ-бы на лонѣ у матери, и свѣтелъ вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы и синихъ водъ ея, и зеленыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго д
который будто не-хотя разста
съ нею, убирая какъ невѣсту с
нравными цвѣтами, — гдѣ то
можно медлятъ запоздалые л
его, то догорая золотомъ на с
мѣ куполовъ и крестовъ, то л
ственнымъ румянцемъ на стѣн
храмовъ, то воздвигая бѣлые
зраки башенъ изъ массы зд
Но эти призраки, подымаясь к
бы изъ тьмы временъ, глася
славномъ минувшемъ: это —
мадная лѣтопись нашего цар
каменныя грани, которыя ста
предки на рубежѣ вѣковъ, о
менованныхъ великими дѣяні
чтобы при видѣ ихъ потомки ук
лялись молитвою на новые по
ги. Прямо противъ Кремля—
ковъ Черниговскихъ Чудотвор
гдѣ долго покоились святыя
князя Михаила и боярина Ѳе
ра, кровію запечатлѣвшихъ
во Христа предъ дикимъ Бат
далѣе, позади величествен
храмовъ Пятницы, Всѣхъ Ск
щихъ и Климента, Папы Ри
го, главу коего принесъ св.
диміръ изъ покоренной Кор
яснѣютъ вдали древнія башни
монова, память первой побѣды
Татарами; — Сергій, молит
двинувшій рать Донскаго на
мая, указалъ и мѣсто для об
благородному князю. Лѣвѣе
ноко возстаетъ величавая
кольня Новоспасская и съ нем
поминаніе другаго конечнаго
жества надъ Монголами: это
ство послѣдняго хана Ахм
паденіе Золотой Орды, два
тяготѣвшей надъ Россіею, и
чіе Іоанна, собирателя Руси
орудившаго обитель въ лѣто
женія ига. И третья славная
тель виднѣется правѣе Симо

въ толпы церквей, Донская имеемъ и отголоскомъ первой побѣды. Сергій и витязь, сокрушитель Мамая, опять дѣйствуетъ чрезъ два столѣтія, уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя ограждали здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова, и какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ-Гирей Крымскій, оттолѣ пожиравшій взорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея! Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ осѣненныхъ мирною рощей, скромно течетъ Москва рѣка, какъ римскій Тибръ, свидѣтель стольких браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею: ихъ унесла съ собою мимотекущая волна; она же весело кропитъ зеленые берега свои, усѣянные нивами и садами, и синей лентой вьется между ними, доколѣ мало полу не вытекаетъ въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда, ударяя звонкой струею въ каменныя арки моста, какъ-бы въ струны гуслей, плещетъ она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любитъ смотрѣться въ ея зеркалѣ со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славой, она опять ударяетъ волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь, и, какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы опять въ приютьное лоно своихъ рощъ и полей, къ стадамъ, пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаетъ Кремль и Москва у ногъ его; вокругъ ходитъ по небу луна, какъ-бы на стражѣ его святыни, и бодрствуютъ при свѣтѣ лампадъ лики святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое сліяніе свѣта небеснаго съ земнымъ, — и тамъ, куда не досягаетъ широкій лучъ мѣсяца, заслоненный громадой соборовъ или уступомъ высокаго терема, тамъ яркой звѣздою горитъ во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой и озаренное имъ лице Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается съ божественнымъ Младенцемъ мимоходящему поклоннику. Все тихо и будто мертво, если только можетъ быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и самые усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ бы на ложахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль: — лишь изрѣдка легкій вѣтеръ зашевелитъ звеньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ и Спасская башня, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ считать боемъ часовъ мимотекущее время, какъ считаетъ свои сокровища богатый, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, чтобы, отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ. *Муравьевъ.*

---

116. Караванная торговля по Оренбургской линіи.

Но я опять заговорился, а караванъ уже тянется канителью

мимо зрителей: верблюды рычатъ, медленно поворачиваютъ долговязыя шеи въ сторону и разглядываютъ чужаго для нихъ покрою людей; и только шерстяной или волосяной арканъ, продѣтый въ носовой хрящъ и привязанный за хвостъ предшествующаго верблюда, напоминаетъ мечтателю, что при такомъ снарядѣ задумываться не выгодно: приклонивъ и протянувъ журавлиную шею, онъ дѣлаетъ два, три перемета рысью и потомъ опять продолжаетъ плавный, шаткій и валкій шагъ, и огромные тюки, висящіе въ высокихъ туго набитыхъ мѣшкахъ по обѣ стороны вьючнаго сѣдла, постоянно качаются большими разводами взадъ и впередъ. Такъ тянутся они, верблюдъ за верблюдомъ, на нѣсколько верстъ: легко расчесть, что походнымъ строемъ, гуськомъ, пойдетъ ихъ на версту не съ большимъ сотня. Верблюды каждаго возчика-Киргиза составляютъ небольшое особое отдѣленіе; хозяинъ разъѣзжаетъ съ боку на конѣ, а иногда сидитъ, какъ и работники его, по-поламъ съ кладью, на верблюдахъ, назначенныхъ подъ собственный скарбъ, дрова и продовольствіе; каждый шагъ этого магазина, который нагружается двумя батманами, или шестнадцатью пудами товару, раскачиваетъ и кидаетъ сѣдока отъ горба до горба. Незавидная ѣзда: килевую качку эту можетъ переносить равнодушно только привычный морякъ; изъ насъ она не только укачаетъ любаго, но, чего добраго, выломитъ у инаго изъ крестца поясницу. Чалмоносные хозяева товаровъ возсѣдаютъ обыкновенно, подобравъ ноги, въ люлькахъ, койтахъ или клѣткахъ, подвѣшенныхъ по обѣ стороны верблюда; мохнатый возчикъ, въ яргакѣ, въ мѣховой огромной шапкѣ, на верблюдѣ, между страннообразной клади своей, походитъ на лѣшаго домоваго съ того свѣта. И, проходя мимо васъ, онъ, кажется, отвѣшиваетъ на каждомъ шагу верблюда по нижайшему поклону. Не безпокойтесь, не откланивайтесь: онъ это дѣлаетъ нехотя и по неволѣ. По обѣ стороны поѣзда тянется рѣденькое прикрытіе, отрядецъ козаковъ, встрѣтившихъ караванъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ линій; но въ головѣ каравана, на первомъ верблюдѣ, виситъ въ люлькѣ *карванъ-баши*—«караванный голова:» это — важнѣйшее и главное лице цѣлаго явленія; онъ одинъ отвѣчаетъ за успѣхъ и неудачу избраннаго степнаго пути, который онъ пролагаетъ вновь при каждомъ походѣ; онъ дѣлаетъ привалъ, роздыхъ, дневку, назначаетъ подъемъ, принимаетъ мѣры противъ грабежа, которыя состоятъ, при неизъяснимой безпечности этихъ народовъ, большею частію въ томъ, чтобы избрать менѣе извѣстные пути, не проходить чрезъ враждебный родъ, въ крайности откупаться отъ хищниковъ, но никогда почти не защищаться, хотя всѣ съ ногъ до головы вооружены. Голова беретъ и перемѣняетъ, гдѣ нужно, вожаковъ, *юль-баши*, словомъ: весь караванъ у него въ безусловномъ повиновеніи. У воротъ мѣноваго двора верблюдъ его припадаетъ на колѣни, *карванъ-баши* слѣзаетъ и, подошедши къ стоящимъ здѣсь чиновникамъ, здоровается съ каждымъ по азіатски, принимая руку его въ обѣ свои ладони и кланяясь. Съ близкими, старыми знакомцами здоровается онъ,

вшись за обѣ руки и прижимая, ...мно и поочередно, руку дру- ...й къ своему сердцу.

Наконецъ караванъ вступаетъ ...ъ мѣновой дворъ. Верблюды идутъ ...ъ проходной «складной сарай,» по ...усски пакгаусъ. По слову: «Чокъ!» ...ни припадаютъ, арканы развязы- ...ются и огромные тюки и мѣшки ...аливаются въ кучу. Глядя на эти ...уды, на цѣлую гору товаровъ, ...торые доставлены изъ отдален- ...го края, изъ Хивы, Бухары, Ки- ...йскаго Туркестана, доставлены ... трудомъ и усиліемъ, даже съ ...асностью, вы захотите узнать, ...кая эта кладь, что за товары. ...шемирскія-ли шали, которымъ ...тъ цѣны? Восточные-ли ковры, ...дѣліе, въ которомъ шелкъ под- ...ланъ шерстью? Драгоцѣнные-ли ...мешья, алмазы, яхонты, бирюза? ...крайней мѣрѣ юнчугъ, то есть, ...мчугъ? Однимъ словомъ, хоть ...-нибудь подобное тому, что мы ...ивыкли называть восточными то- ...рами, что вывозятъ другіе на- ...ды изъ Азіи? Ничего не бывало: ..., стыдъ сказать, а грѣхъ ута- ...ь.... но загляните на оренбург- ...ій мѣновой дворъ и вы увидите ...ми; это хламъ и дрязгъ, почти ...кой-же, какъ видите на «возчи- ...хъ» конвойныхъ, на байгушахъ; ...о стеганые, бумажные халаты, ... которыхъ подбой и покрышка ...стоятъ изъ бязи, толстой и са- ...й простой выбойки. Халаты эти ...ставляютъ не прихоть, не ще- ...льство здѣшнихъ жителей: вся ...ція, всѣ народы и сословія но- ...гъ каждодневно эти халаты, какъ ...сскій мужикъ свою сѣрмягу. ...лѣе — это войлоки, по-здѣш- ...ну «кошмы,» толстыя бязи, бу- ...кныя одѣяла, самыя грубыя тка- ...и издѣлія, которыя, кажется, не стоятъ перевозки на сто верстъ, не только черезъ все пространство степей Турана. Нѣсколько мѣшковъ урюку, айбокары, фисташекъ, манны, вяленыхъ полосокъ, дынь въ плетешкахъ, или вѣнкахъ — что все извѣстно подъ общимъ именемъ *кунакъ-ашъ*, «гостинца для пріятелей;» и все перегажено шерстью, пылью и всякою нечистью; а наконецъ нѣсколько хлопчатой и пряденой бумаги, и вотъ все. И по всей Оренбургской линіи тоже; и вотъ въ чемъ состоитъ весь торгъ нашъ съ среднею Азіей.

Замѣтимъ еще, что Русскіе вовсе не ходятъ съ караванами въ Среднюю Азію: торговля эта принадлежитъ исключительно безтолковымъ, безрасчетливымъ и безмѣрно корыстолюбивымъ мусульманамъ. Русскій изворотливъ, смѣтливъ, предпріимчивъ и переимчивъ у себя дома; но караванная и морская торговля — не его рука. На Каспійскомъ морѣ нѣтъ ни одного русскаго торговаго судна: всѣ суда, за исключеніемъ рыбопромышленныхъ, принадлежатъ Персіянамъ, Армянамъ, но не Русскимъ. По всей Оренбургской линіи нѣтъ важнаго торговаго дома: есть такъ называемые богатые купцы; но они дѣйствуютъ какъ прасолы базарные, какъ торговки. Такъ называемые «купцы» здѣшніе берутся за мѣну и торговлю тогда только, если надѣются выручить по пяти рублей на полтину или около того: они даютъ Киргизу зимою хлѣба или товаровъ на двадцать рублей; засчитываютъ ему это за сто; обязуютъ поставить весною за это сотню ягнятъ; поручаютъ ихъ для прокормленія, для паствы ему-же; принимаютъ

осенью въ условленномъ мѣстѣ линіи сотню жирныхъ барановъ, отдаютъ ихъ въ стрижку даромъ; «изъ шерсти» гонятъ на Волгу, бьютъ на сало и выручаютъ отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей за барана, а мясо и шкура опять не входятъ въ счетъ. Это образчикъ мѣноваго торгу съ Кайсаками и не лучше этого живетъ караванная торговля.

Даль.

---

117. Рѣка Красивая-Мечъ.

Много рѣкъ разсѣкаетъ необъятную Россію. Питательная жилы огромнаго тѣла то бьются непримѣтно, какъ волосяные сосуды, то кипятъ жизнію, какъ начальственная артерія. Живопись природы, отрывки изъ исторіи разбросаны на ихъ берегахъ, а ни у одной нѣтъ столько поэзіи въ названіи, какъ у рѣки, которая протекаетъ по Тульской губерніи отъ сѣверозапада къ юго-востоку.

Пробивъ землю неугомоннымъ ключемъ, она явилась на свѣтъ въ Богородскомъ уѣздѣ, прорѣзала себѣ путь чрезъ Ефремовскій, и видно, съ какимъ усиліемъ рвалась между горъ, металась отъ скалы къ скалѣ, чтобъ наконецъ добраться до Дона. Красивая-Мечъ прозвалъ ее народъ, не согласуя прилагательнаго съ существительнымъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выгибается наподобіе рога, и гдѣ стоитъ село Изрогъ, сохранилось до сихъ поръ темное преданіе о приключеніи, отъ котораго будтобы произошло это поэтическое имя.

Разсказываютъ, что тамъ какой-то Ярославъ переѣзжалъ, когда-то, черезъ мостъ въ коляскѣ; что лошади провалились; что онъ, для спасенія любезнаго коня, вынулъ мечъ и хотѣлъ обрубить постромки, но уронилъ его въ воду.

Есть еще преданія, есть еще поэзія старины въ окрестностяхъ Красивой-Мечи. Близь нея лежитъ такъ называемый Конь-Камень, окруженный своими обломками и другими камнями, вросшими въ землю. У иныхъ это проѣзжій витязь, это безбожный народъ, который осмѣлился творить въ честь его игрища и пляски на день Св. Вознесенія. У иныхъ это чужестранный богатырь, который ѣхалъ по заповѣднымъ лугамъ и не поклонился на привѣтъ красныхъ дѣвъ, да молодыхъ парней, сказавъ, что на землѣ не кланяется никому. Громъ наказалъ его. Тамъ наканунѣ Іоанна Крестителя, Ивана Купалы, сверкаетъ таинственный огонь по верхамъ горъ, спускаются съ неба свѣчки и вѣнцы. «Свѣчка горитъ,» скажутъ вамъ, указывая на фосфорное сіяніе. Богъ вѣсть, кто затеплилъ эту лампаду, только она теплится надъ схороненнымъ кладомъ или надъ Русскимъ, убитымъ за отечество.

Студеная, прозрачная рѣка течетъ также быстро, извивается также неправильно, какъ летаетъ надъ нею ласточка, безпокоясь о приближеніи тучи. Высокій тростникъ шумитъ по ея заливамъ. Круты, отвѣсны берега ея. По нимъ тянутся лѣса, кое-гдѣ возвышаются курганы, надгробные памятники безъименныхъ людей и кое-гдѣ мелькаютъ разноцвѣтныя скалы: то блѣдныя, то голубыя, то желтыя. Тутъ дико глядитъ природа и когда осень, обрывая деревья, подергиваетъ зелень краскою смерти, тутъ пріятно смотрѣть на орла, какъ онъ, опустясь на пра-

режную вершину, сидитъ спокойный съ чувствомъ своей царственной силы. Рѣка красивая, рѣка живописная, очаровательная Мечъ.... ъ иную минуту ея небо примешь небо Швейцаріи!.... Далѣе отъ реговъ за лѣсами, за курганами крывается обширный горизонтъ: ревни, поля, рощи. Картина боье игривая, болѣе суетная!....

Н. Павловъ.

---

118. Печорскій монастырь.

Если когда нибудь придется вамъ быть въ Нижнемъ Новгороѣ, сходите поклониться Печорскому Монастырю. Вы его отъ души полюбите.

Уже подходя къ нему, вы почувствуете, что въ душѣ вашей таповится свѣтло и безмятежно.

Сперва все бытіе ваше какъ-будто расширится, и существованіе ваше станетъ вамъ яснѣе, отъ одного взгляда на роскошную картину приволжскаго берега. — Надѣво, у ногъ вашихъ, подъ ужасною крутизною, вы увидите широкую рѣку—матушку, любимую народомъ, прославленную русскими повѣрьями и пѣснями; — гордо играетъ она и блещетъ серебряной чешуей, и плавно и величественно тянется въ сизую даль. Направо, на скатѣ горы, громоздятся дружною кучей между кустовъ и деревьевъ живописныя хаты, а надъ ними на обрывѣ, вдавшемся въ рѣку, вы видите бѣлую ленту монастырской ограды, изъ среди которой возвышаются куполы церквей и келіи иноковъ.

Обогните гору; спуститесь по широкой дорогѣ къ монастырскимъ воротамъ и отряхните всѣ ваши мелочныя страсти, всѣ ваши мірскія помышленія. Вы въ монастырской оградѣ.

Вокругъ васъ печально тянутся длинныя строенія. Посреди двора двѣ старинныя церкви соединяются крытыми наружными переходами. Здѣсь, въ этихъ церквахъ, безмолвныхъ свидѣтеляхъ нашей забытой старины, подъ тяжелыми ихъ сводами и рѣзными иконостасами, много было вылито и слезъ и молитвъ отъ набѣговъ Татаръ, отъ вторженій Поляковъ, о славѣ и многолѣтіи князей нижегородскихъ.

Ступени церквей уже заросли травой. Кругомъ, между густымъ кустарникомъ, бѣлѣютъ памятники и уныло наклоняются на землю надгробные кресты. Здѣсь все дико и мрачно. Здѣсь порогъ суеты человѣческой. Здѣсь все тихо, все молчитъ, все мертво и лишь изрѣдка монахъ въ черной рясѣ мелькаетъ тѣнью между могилъ.

Скромный домикъ архимандрита примыкаетъ къ обители всей братьи. Домикъ простъ и не роскошенъ, но изъ оконъ его, съ ветхаго его балкона, открывается самая роскошная картина, пестрѣютъ вдали всѣ богатства Россіи.

Съ одной стороны, на гористомъ берегѣ возвышается древній Кремль, и чешуйчатыя колокольни высоко обозначаются на голубомъ небѣ, и весь городъ наклоняется и тянется къ приволжскому скату. Съ другой стороны, луговой, взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги, которыя смѣшиваютъ свои разноцвѣтныя воды у самаго подножія города, и, смѣшиваясь, образуютъ мысъ, на которомъ кипитъ и бушуетъ все-

му міру извѣстная ярмарка; на этомъ мѣстѣ Азія сталкивается съ Европой, Востокъ съ Западомъ; тутъ рѣшается благоденствіе народовъ; тутъ ключъ нашихъ русскихъ сокровищъ. Тутъ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія, и тысячи лавокъ завалены товарами, и сотни тысячъ покупателей тѣснятся въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостинницахъ. Тутъ все населеніе толпится около одного кумира,—кумира торговли. Повсюду разбитыя палатки, привязанныя обозныя телѣги, дымящіеся самовары, персидскіе, армянскіе, турецкіе кафтаны, перемѣшанные съ европейскими нарядами, повсюду ящики, бочки, кули, повсюду товаръ какой бы онъ ни былъ: и брильянты, и сало, и книги, и деготь, и все, чѣмъ только ни торгуетъ человѣкъ. Но этого мало: вода не уступаетъ землѣ. Ока и Волга тянутся одна съ другой, какъ два огромныя войска, сверкая другъ передъ другомъ безчисленнымъ множествомъ флаговъ и мачтъ. Тутъ суда всѣхъ именованій со всѣхъ концовъ Россіи, съ издѣліями далекаго Китая, съ собственнымъ обильнымъ хлѣбомъ, съ полнымъ грузомъ, ожидающія только размѣна, чтобъ снова идти или въ Каспійское море, или въ Петербургъ.

Какая картина, и какая противоположность! внизу — жизнь во всемъ разгулѣ страстей, на верху спокойствіе келліи; тамъ перемѣнчивость, опасенія, страхъ, буйство и страсти; здѣсь безмятежная совѣсть и слово прощенія на устахъ. И каждое утро и каждый вечеръ надъ шумнымъ торжищемъ вселенной мирный пастырь тихо творитъ молитву и невольно думаетъ и задумывается о ничтожествѣ земной суеты.

А ночью, когда небо усѣяно звѣздами, когда въ Волгѣ отражается мѣсяцъ и кое-гдѣ мелькаетъ на берегу забытый огонекъ, а вдали звонко раздается заунывная пѣсня бурлака, какъ хорошо на этомъ мѣстѣ, какая душевная прохлада навѣвается тогда свыше, какое тихое, свѣтлое счастіе наполняетъ тогда цѣлое бытіе. Повѣрьте мнѣ: если вамъ придется быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печорскому монастырю. *Графъ Сологубъ.*

---

119. Терекъ.

Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущеліи. Тамъ, какъ геній, черпая силы изъ небесъ, борется онъ съ природой. Индѣ свѣтелъ и прямъ какъ мечъ, разсѣкшій гранитную стѣну, сверкаетъ онъ между утесами. Индѣ, чернѣя отъ гнѣва, реветъ и роется, какъ лютый звѣрь, подъ вѣковыя громады: отрываетъ, рушитъ, катитъ вдаль ихъ обломки. Въ бурную ночь, когда запоздалый всадникъ, завернувшись въ косматую бурку, озираясь, ѣдетъ по забережью, висящему надъ пучиною Терека, всѣ ужасы, какіе только породить можетъ досужее воображеніе, ничто въ сравненіи съ истинными, его одолѣвающими. Съ глухимъ шумомъ крутятся дождевые потоки подъ ногами, падаютъ на голову со скалъ, нахмуренныхъ надъ нею и каждый мигъ грозящихъ подавленіемъ. Вдругъ, какъ лава, прорывается молнія — и вы съ ужасомъ видите только черную, расторгнутую тучу надъ

обою, а подъ собой сіяющую бездну, утесы по сторонамъ, и настрѣчу вамъ съ крутизны ревущій, прыщущій Терекъ, осыпанный огненною пѣною. На одинъ мигъ видите вы, какъ мутныя, буйныя волны его, словно адскіе духи, скачутъ, прядаютъ, мечутся въ бездну со стономъ, пораженные мечемъ Архангеловъ. Вслѣдъ имъ съ грохотомъ катятся огромные камни. И вдругъ послѣ ослѣпительнаго озаренія молніею, вы опять погружены въ черное море ночи, и вдругъ за тѣмъ раздается выгрѣлъ грома, зыблющій основаніе скалъ, будто тысячи горъ рушатся другъ на друга: такъ вторитъ отголоски удару небесъ. Потомъ долгій, протяжный гулъ, будто стонъ оторванныхъ съ корней дубовъ, или звукъ сокрушенныхъ скалъ, или вой раздавленныхъ въ безднѣ великановъ, сливается съ шумомъ вѣтра, и вѣтеръ превращается въ ураганъ, и дождь низвергается ливнемъ. И снова молнія слѣпитъ васъ, и снова громъ, а который отвѣчаетъ вдали рокотъ обваловъ, оглушаетъ.... Камни сыплются мимо, и звучно падаютъ въ воду...,. Испуганный конь упирается, садится назадъ, фыркаетъ, трепещетъ, грива его хлещетъ въ глаза всадника, и всадникъ творитъ невольную молитву....

Но за то какъ привѣтливо заглядываетъ утро въ ущеліе, на дѣ котораго бьетъ и кипитъ и мещется Терекъ! Облака, будто раздернутый пологъ, клубятся отъ вѣтра, и сквозь нихъ являются и опять исчезаютъ ледяныя вершины. Точно рѣзные изъ золота, лучи солнца рисуютъ зубчатые силуэты вершинъ восточныхъ на противоположной стѣнѣ горъ. Скалы блестятъ, еще высеребренныя дождевою влагою. Ключи и горные потоки пышатъ пѣною, летятъ сквозь туманъ съ крутизнъ, и самые туманы индѣ катятся внизъ по ущелію, подобно потоку, индѣ вьются улиткой съ ключа, будто дымокъ съ хижины, индѣ обвиваютъ какъ чалмой одинокую, древнюю на утесѣ башню, а мрачный Терекъ прядаетъ по каменьямъ и кружится, будто ищетъ мѣста успокоиться.

120. Кавказъ.

Со Владикавказа въѣхалъ я въ ущеліе пробитое Терекомъ, сквозь желѣзныя ворота, которыми, встарь, Азія изрыгала на Русь волны дикарей. Тамъ надъ головою путника вьется разбойникъ воздуха — орелъ, тамъ рыщетъ разбойникъ лѣсовъ — волкъ, и разбойникъ горъ — Черкесъ; припавъ за камнемъ, готовитъ имъ и себѣ добычу. По Ермоловскому Симплону взбирался я въ область громовъ, и скажу прямо, что кто видѣлъ Кавказъ въ грозу и ведро, тотъ можетъ умереть, не завидуя Швейцаріи. Вдали, какъ исполинскія волны застывшаго океана, вставали горы надъ горами, увѣнчанныя алмазной пѣной снѣговъ; угрюмо, какъ минувшія столѣтія, висѣли надо мной громады, и надъ ними сверкалъ снѣжный перунъ лавинъ, готовый низринуться отъ жаркаго луча солнца, отъ крыла вѣтра. Далеко подъ стопами моими бродили облака, подобясь стадамъ златорунныхъ овновъ. Въ сторонѣ горные потоки, надменные дождями, ниспадали млечной струей и едва внятно роптали въ глубинѣ. Роскошное, многоразличное проз-

беніе опоясывало ребра Кавказа зеленою перевязью. Дикій виноградъ, перевитый вязями плюща, рдѣлъ по разсѣлинамъ.... Какой переходъ отъ края, гдѣ нѣтъ ни розъ, ни соловья! Я унивался зрѣніемъ.... Я любовался Казбекомъ, на льдяныхъ раменахъ котораго отдыхали облака, и непаглядною цѣпью опаловидныхъ горъ, и голыми утесами ущелія — и все было такъ мирно кругомъ, все — кромѣ кровожаднаго человѣка. Страхъ, какъ ангелъ съ пламеннымъ мечемъ, стрегущій границы рая, сторожитъ этотъ край поэзіи и любви. Вдали, на каждой вершинѣ обрывистихъ горъ, какъ ястребиныя гнѣзда, чернѣли разрушенные замки съ подзорными башнями, въ русскихъ редутахъ курились фитили, и ребенокъ пастухъ, неподвижный на краю пропасти, вооруженъ кинжаломъ. Скоро-ли настанетъ время, когда елей просвѣщенія смоетъ кровь съ крутизнъ Кавказа и обратитъ сыновъ его, героевъ — разбойниковъ, въ миролюбивыхъ оратаевъ? Ждемъ этой поры во имя человѣчества; но до сихъ поръ еще желѣзное племя кавказское, которое убаюкивается ревомъ водопадовъ и грохотомъ грома, которому лютость звѣрей и всѣ ужасы природы даютъ въ жестокости уроки съ младенчества, которое необходимости и забавы покупаетъ опасностями — плохо слушаетъ идилліи о прелестяхъ пастушеской жизни: оно алчетъ буйной свободы, разбоя, добычи. До сихъ поръ оно коснѣетъ въ первобытной дикости, подобно снѣгамъ своихъ горъ, на [illegible]орыхъ вѣки не оставили слѣ[illegible] Какъ [illegible]яне древняго [illegible] ещ[illegible]ъ волна-

ми новаго, ихъ заливаг
это издыхающій левъ.

---

121. Какъ надобно Кавказъ.

Я положилъ себѣ
никуда не ѣздить въ
исправнаго оружія и н
чинъ въ томъ раскаява
сіи говорятъ: не клад
вводи вора въ грѣхъ
зомъ надо говорить:
хо. Въ самомъ дѣлѣ:
жіе и смѣлый видъ
необыкновенное вне
всѣхъ Горцевъ. Вооб
убѣдиться, что они во
ники умирать и рѣши
ное нападеніе лишь в
чаѣ, когда число ил
ство оружія ручается
ный успѣхъ. Но повѣ
кій изъ нихъ кинется
у котораго три огня
рѣшимость послать в
на самомъ близком
Вотъ почему оружіе
въ горахъ гораздо
предупредительное с
тивъ искушенія встр
жели какъ средство
разбоя. Во всякомъ
вы замѣтили вдалекѣ
ныхъ людей, ѣдущих
или на встрѣчу, не
никакого признака
выправьте оружіе, в
тесь за него, не сни
ча до тѣхъ поръ, п
сдѣлаютъ этого пер
вмѣсто того, чтобъ
пріязненныя дѣйствія
зовете. Но если вс
съ ружьями поперег
предполагаетъ врагоі
те полное право сдѣл

[illegible] оружіе всегда на-готовѣ [illegible] надежные гѣлохранители и [illegible] проводники для странни[illegible] [illegible] Азіи.

---

122. Наводненіе въ С.-П[illegible] [illegible] 7-го ноября 1824 года.

День 6-го ноября, предше[illegible] [illegible] наводненію, [illegible] [illegible]. Дождь и пре[illegible] [illegible] холодный вѣтеръ, [illegible] утра, наполняли воздухъ [illegible] К вечеру вѣтеръ усилился [illegible] значительно возвысился [illegible] Невѣ. Въ 7 часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башни [illegible] ные фонари для [illegible] [illegible] желѣ отъ [illegible]. В[illegible] [illegible] настала ужасная буря, [illegible] [illegible] порывы юго-восточнаго вѣтра [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] отъ [illegible] [illegible] [illegible]

Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близь Екатерингофа терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противустоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усиливался и наконецъ возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ морѣ, возрасла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ каналовъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшали въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу по полудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рожественской частей) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебели. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичь, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣ-

сколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ на Морской улицѣ на мели.

Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близь Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Коломнѣ, возлѣ сада митрополита римскихъ церквей, Сестренцевича-Богуша. На Невѣ всѣ пловучіе мосты сорваны, исключая Самсоньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою Стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась, и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста или опрокинуты.

Въ третьемъ часу по полудни вода начала сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства. *Булгаринъ.*

Б. ПУТЕШЕСТВІЯ.

123. Изъ Путешествія по Святой землѣ.

Іерусалимъ.

«Да возглаголютъ вси и да исповѣдятся Ему во Іерусалимѣ. Іерусалиме граде святый!.... Языки многи отъ далече пріидутъ ко имени Господа Бога!» (Тов. XIII. 8, 9, 11).

Священныя горы Іудеи отдѣлены отъ Рамлы обширною равниною; онѣ еще синѣли вдалекѣ. Мы летѣли на рѣзвыхъ коняхъ. Провожавшій насъ наѣздникъ вдругъ отстранился отъ насъ во весь опоръ на встрѣчу къ завидѣннымъ имъ, двумъ путникамъ; выхвативъ пистолетъ, онъ со всего наскоку выстрѣлилъ какъ-бы въ одного изъ нихъ пулею, и закружился со своимъ конемъ, пересѣкая дорогу; одѣтый въ монашеское облаченіе путникъ, — это былъ настоятель греческаго монастыря въ Рамлѣ,— отвѣчалъ улыбкою и ласковымъ

движеніемъ руки этому привѣтствію Араба, удивившему насъ. Мы обмѣняли съ настоятелемъ нѣсколько словъ, поблагодаривъ его за найденное въ его монастырѣ гостепріимство, а онъ звалъ насъ къ себѣ на обратномъ пути.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. На первомъ скатѣ, на-лѣво отъ дороги, видна деревенька *Амоасъ*: Арабы-христіане принимаютъ ее ошибочно за Евангельскій *Эммаусъ*. Взъѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ по преданію родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо, и, конечно, не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!»

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути, мы въѣхали въ узкій дефилей, самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ, нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Мы проѣхали, не останавливаясь, мимо живописно разбросаннаго на обрывистой скалѣ мѣстечка Каріантъ-Енебъ, — недавно разбойничье гнѣздо *Абугоша*; тутъ видны готическія развалины церкви во имя св. Іереміи. Часы быстро летѣли и я сгаралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться дичѣе и обнаженнѣе; но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосами мховъ, пріятно отѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ былъ едва проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ, но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежнюю отѣнку свою на красноватую. «*Горы окрестъ его*,» сказалъ Давидъ, говоря о Іерусалимѣ. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня;—я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ, — и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: «*бедри! бедри!*» *скоро! скоро!* — Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ: я ему сказалъ все, что я зналъ по-арабски нѣжнаго, за радостное извѣстіе. Я поднимался на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Я кинулъ повода лошади и бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣсняли грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ, и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земнаго шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ.... Вожатый сказалъ мнѣ, что

ли мы не сядемъ на лошадей, то
захожденіемъ солнца, близка-
уже къ горизонту, ворота Іе-
салима затворятся; это меня
пугало; я убоялся, чтобы свя-
ня не скрылась отъ меня по грѣ-
мъ моимъ — и поспѣшилъ въ
но святаго города вкусить пол-
ю чашу блаженства, совершивъ
ой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя
полеемскія или Яфскія ворота,
очень скоро сошли у дверей
атріаршей обители. Это было мар-
31 числа. Сынъ далекаго сѣве-
, я не менѣе того вступилъ въ
русалимъ, какъ въ свою родину,
изкую сердцу моему. Послѣ дол-
го пребыванія съ невѣрными, —
адостно было мнѣ среди братій,
одъ кровомъ иконъ нашей церкви.
едва вѣрилъ что нахожусь близь
роба Христова, и поспѣшилъ въ
рамъ, но двери его, стрегомые
усульманами, были еще заперты.
итрополитъ пригласилъ меня ид-
и вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ.

Среди тишины темной ночи, я
риступилъ въ первый разъ къ ве-
чественному преддверію храма
юба Господня. Обѣ половины о-
юмныхъ воротъ были открыты на-
тежъ. Безчисленные огни свѣчей
истали передъ большими стѣн-
ыми иконами, изображающими
ятіе со креста и погребеніе Спа-
теля. Тотчасъ при входѣ, въ ло-
ѣ привратника, я увидѣлъ сидя-
ихъ, поджавшихъ ноги Турокъ,
ъ трубками во рту и играющихъ
ъ шахматы; мое сердце сжа-
ось грустію; толпа разступилась
передъ нашимъ янычаромъ, и
ъ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ
ежалъ на помостѣ камень, одѣ-
ый желтымъ мраморомъ, и окру-
енный большими свѣчами, — это
тотъ самый, на которомъ благооб-
разный Іосифъ облекалъ въ плаща-
ницу снятое со креста тѣло Іису-
сово. «Господи!» сказалъ я неволь-
но, павъ ницъ со слезами: «стра-
данія Твои еще не прекратились!
Крещенные во святое имя Твое
и искупленные Тобою владѣютъ
этимъ міромъ, а нечестивые сте-
регутъ святилища Твои!» Но хри-
стіане не должны смущаться,
что такія великія святыни нахо-
дятся въ уничиженіи языческомъ:
Спаситель міра, подвергнувъ Себя
на землѣ всѣмъ страданіямъ че-
ловѣческимъ, оставилъ и святыни
Свои подъ тѣми же законами при-
роды, которымъ подвергалось Его
Божественное тѣло. Въ смятеніи
чувствъ, я не помню, какъ я до-
шелъ до гроба Спасителя. Тутъ я
дышалъ свободнѣе; отдѣльный при-
дѣлъ скрываетъ погребальный вер-
тепъ Господа. Тамъ я пролилъ сле-
зы покаянія, и первая молитва моя
была за давшихъ мнѣ жизнь и за
близкихъ сердцу моему. Не могу
описывать, — и какъ выразить вос-
торгъ, умиленіе и горестъ хри-
стіанина-грѣшника у гроба Спа-
сителя, и наконецъ на Голгоѳѣ, у
отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, и у
разсѣлины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только
что помостъ храма былъ весь за-
крытъ народомъ, но всѣ придѣлы,
всѣ хоры, всѣ галлереи и даже нѣ-
которые карнизы имѣли своихъ бо-
гомольцевъ или зрителей. Нынѣш-
ній годъ, для всѣхъ христіанъ,
Пасха приходилась въ одинъ и
тотъ же день. Зрѣлище этой не-
объятной толпы, чьи лица рѣзко
изображали представителей всѣхъ
частей свѣта, поразительно! Глу-
хой шумъ слитыхъ голосовъ сна-
чала удивляетъ и безпокоитъ евро-

пейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ неразвлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваій вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко гробу Христову, который находится на противной оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобъ охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шелъ музульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ! Я утѣшалъ себя зрѣлищемъ усердія богомольцевъ; многіе съ вершинъ карнизовъ или колоннъ простирали руки, а матери своихъ младенцевъ, чтобъ коснуться краямъ развѣвавшихся хоругвій. Эта картина была достойна Іерусалима!

Авраамъ Норовъ.

(*Путешествіе по Святой землѣ въ 1835 г.*).

---

124. Островъ Патмосъ.

Азъ Іоаннъ, иже и братъ вашъ и общникъ въ печали и во царствіи и въ терпѣніи Іисусъ Христовѣ, быхъ на островѣ нарицаемомъ Патмосѣ, за слово Божіе и за свидѣтельство Іисусъ Христово. (Апокал. 1. 9.)

Я жалѣлъ, что не могъ посѣтить *острова Патмоса*, но подѣлюсь съ моими читателями тѣмъ, что
талъ и слышалъ объ этой
скалѣ, отброшенной въ мор
цвѣтущаго берега Малой А
откуда Божественный Іоаннъ
зрѣвалъ въ вѣчность. Патмо
ставался въ совершенномъ заб
до того времени, когда Импер
Домиціанъ началъ посылать
изгнанниковъ. Его назыв
только Плиній и Страбонъ. Въ
пѣ ссыльныхъ, которые вм
себѣ за величайшее злосчасті
даленіе отъ царственнаго Р
и, съ отчаяніемъ въ сердцѣ,
пали на этотъ безплодный бе
явился нѣкогда, по суду Ке
въ концѣ его царствованія!, сс
ный, маститый старецъ, изну
ный претерпѣнными имъ мучен
Этотъ старецъ былъ Іоаннъ,
раго епархъ азійскій за проп
Слова Божія и за свидѣтельств
Іисусѣ Христѣ послалъ въ
къ Кесарю. Но для Іоанна
ный Патмосъ сдѣлался тихимъ
жищемъ среди созерцательно
зни. Недугующіе и бѣснуемы
ли имъ здѣсь исцѣляемы, ск
ные утѣшены; онъ былъ имъ *бр*
общникъ въ печали, по собс
ному его выраженію. Здѣсь
торженному духомъ, въ
воскресный, явился ему
Божій, Альфа и Омега, пос
седми свѣтильниковъ, съ се
звѣздами въ десной рукѣ, изо
жавшихъ седмь церквей азійс
и ихъ седмь ангеловъ. Это явл
Сына Божія любимому ученику
ему напоминаетъ отвѣтъ Хр
Спасителя Петру, когда онъ с
силъ Іисуса объ Іоаннѣ: «Гос
сей же что?» Іисусъ сказалъ
«аще хощу да той пребываетъ
деже пріиду, что къ тебѣ?.. И
же слово се въ братію яко уче

ій не умретъ; и не рече ему Іисусъ, яко не умретъ: но аще хощу тому пребывати, дондеже пріиду, что къ тебѣ?» (Св. Іоан. XXI. 1—23).

Патмосъ представляется въ видѣ сухъ огромныхъ горъ, соединенныхъ узкимъ перешейкомъ. Вершина одной горы увѣнчана городомъ, носящимъ имя Патмоса и среди котораго возвышаются твердыни монастыря Св. Іоанна. Разбѣянныя по ребрамъ крутыхъ скалъ бѣлыя селенія кажутся готовыми низринуться въ море. Зубчатыя и изрытыя глубокими разсѣлинами скалы показываютъ слѣды волканическаго переворота. Едва кое—гдѣ видна самая тощая зелень на нѣкоторыхъ слояхъ земли, которая превращается въ мелкую пыль отъ раскаленныхъ лучей солнца. Патмосъ, находящійся въ числѣ Сповадскихъ острововъ Эгейскаго моря, отстоитъ на 40 географическихъ миль отъ берега Малой Азіи и имѣетъ 18 миль въ окружности, не считая изгибовъ. Хотя по мѣстамъ разсѣяны небольшіе фиговые, апельсинные и виноградные сады, особенно въ узкой долинѣ, на западной части острова, но это не вознаграждаетъ безплодности острова. Совсѣмъ тѣмъ, онъ оживленъ промышленностью жителей, которые на легкихъ ладьяхъ заходятъ даже въ Черное море для нагрузки хлѣба, а вино привозятъ преимущественно съ острова Санторина. Населеніе острова весьма малочисленно и едва доходитъ до 1000 человѣкъ. Жители всѣ христіане. Архимандритъ монастыря почитается владѣтелемъ острова, въ которомъ Пококъ насчиталъ до 300 церквей, что не весьма вѣроятно. Жители занимаются большею частію мореходствомъ. Гавани Патмоса знамениты своимъ удобствомъ и безопасностію, особенно такъ называемая гавань Ла Скала (la Scala), находящаяся передъ городомъ Патмосомъ или *Патино*. Двѣ небольшія живописныя скалы высятся по обѣимъ сторонамъ, при входѣ въ эту тихую и обширную гавань.

Вы выходите на самый тотъ берегъ, куда ступилъ ссыльный Іоаннъ. Подымаясь на крутизны, на половинѣ пути отъ берега до той вершины, гдѣ находится городъ Патмосъ и огромный монастырь Св. Іоанна, вы увидите, на отдѣльно выдавшейся скалѣ, скромную церковь о двухъ куполахъ, выстроенную на томъ мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ имѣлъ Божественное откровеніе; туда ведетъ, глубоко изсѣченная въ камнѣ, дорога. Часовня имѣетъ не болѣе какъ девять шаговъ въ длину и пять въ ширину и накрыта искусно сведеннымъ готическимъ сводомъ. Иконостасъ имѣетъ по два мѣстныхъ образа съ обѣихъ сторонъ; надъ Царскими дверьми видно большое распятіе, достигающее почти до свода. Въ право отъ церкви открывается мрачная пещера, поддержанная посереди, при входѣ, толстою квадратною колонною. По сохранившемуся здѣсь преданію, въ этой пещерѣ Св. Іоаннъ начерталъ Божественный Апокалипсисъ. Глубокая разсѣлина видна на верху пещеры. Нѣкоторыя писатели утверждали, что самое Евангеліе Св. Іоанна писано имъ на островѣ Патмосѣ; но положительнѣйшія преданія удостовѣряютъ, что оно было писано въ Эфесѣ, что предъ начатіемъ сего великаго дѣла, Іоаннъ и христіане эфесскіе, всенародно приносили моленія и постились. Повѣствуютъ,

что Іоаннъ произнесъ первыя слова своего Евангелія: *Въ началѣ бѣ Слово*, вышедъ изъ глубокаго вдохновенія, и что они были сопровождены внезапнымъ громовымъ ударомъ. Григорій Туронезскій, причтенный латинскою церковію къ лику святыхъ, пишетъ, что въ его время показывали на вершинѣ одной изъ горъ, прилежащихъ къ Эфесу, мѣсто, на которомъ, по преданіямъ, Іоаннъ писалъ свое благовѣствованіе; оно было ограждено четырьмя стѣнами, безъ покрыши; увѣряли, что дождь никогда не окроплялъ этого мѣста во все то время, когда Апостолъ занятъ былъ своимъ Божественнымъ трудомъ, и что даже въ послѣдствіи дождь никогда туда не падалъ. Подлинная рукопись Евангелія Св. Іоанна долго сохранялась въ Эфесѣ; на нее указывали въ третьемъ, четвертомъ и даже въ седьмомъ вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Св. Петръ Александрійскій по выпискѣ, находящейся въ Хроникѣ Александрійской.

Всѣ красоты Священнаго Писанія соединены въ Апокалипсисѣ. Не смотря на глубокія тайны, облекающія каждую страницу этой книги и въ которыхъ мы между прочимъ усматриваемъ изображеніе Церкви Христовой, гонимой, торжествующей и обрѣтшей вѣчный райскій миръ; не смотря, говоримъ мы, на эти тайны, которыя въ совокупности могутъ только разъясниться со вторымъ пришествіемъ Спасителя,—чтеніе этихъ страницъ проникаетъ душу невыразимою сладостью, преисполняетъ ее величіемъ Божіимъ и растворяетъ ее любовію Сына Божія къ человѣкамъ, простирающеюся за предѣлы вѣчности.

Возлѣ пещеры Апокалипсиса показываютъ каменную купель, въ которой св. Апостолъ крестилъ нѣкоторыхъ язычниковъ острова Патмоса.

Гоненіе на Христіанъ при Домиціанѣ началось въ 95 году, когда Іоаннъ былъ сосланъ въ Патмосъ. На слѣдующій годъ, 18-го сентября, Домиціанъ былъ убитъ, черезъ годъ послѣ ссылки Іоанна. Императоръ Нерва освободилъ всѣхъ ссыльныхъ, и по этому св. Евангелистъ возвратился въ Эфесъ въ февралѣ или мартѣ 97-го года, изъ чего выходитъ, что его заточеніе продолжалось 18 мѣсяцевъ. Викторинъ, епископъ патавскій, и Примацій, епископъ африканскій, пишутъ, что Іоаннъ былъ употребленъ въ Патмосѣ на разработку руды; но слѣды этой руды теперь потеряны.

Монастырь св. Іоанна укрѣпленъ мощными стѣнами и башнями. Его построеніе приписываютъ императору Алексѣю Комнену въ 1117-мъ году, по предстательству св. Христодула (*раба Божія*), который желалъ защитить иноковъ Патмоса отъ частыхъ нападеній корсаровъ, которые и доселѣ укрываются въ изгибистыхъ заливахъ острова. Монастырь, состоящій изъ довольно многочисленной братіи, находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ епископа самосскаго. При монастырѣ есть гимназія, которая считается лучшею на востокѣ. Древній еллинскій языкъ преподается здѣсь во всей чистотѣ по знаменитой грамматикѣ Константина Ласкариса; физика, метафизика и Богословіе входятъ также въ составъ ученія. Мнѣ сказывали въ Іерусалимѣ, что библіотека патмосскаго монастыря заключаетъ

ножество древнихъ рукописей льшой важности. Церковь монагырская благолѣпно содержана и тварь довольно богата. Мусульане, чтущіе Іоанна, дозволили изъ авнихъ лѣтъ, единственно этому юнастырю, имѣть колокола, — и привѣтный благовѣстъ двухъ большихъ колоколовъ далеко разносится по морю. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ нѣсколько мощей св. угодниковъ Божіихъ, въ числѣ которыхъ находится св. Христодулъ. Онъ былъ настоятелемъ монастыря, называемаго *Латросъ*, въ Малой Азіи; въ его завѣдываніи находилось 20 монастырей съ принадлежащимъ къ нимъ озеромъ, на разстояніи полутора дня пути отъ Эфеса. Этотъ святый мужъ, жившій, какъ мы уже сказали, въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія, видя ежедневно возрастающее могущество мусульманъ и претерпѣвая отъ нихъ притѣсненія, исходатайствовалъ дозволеніе императора Алексѣя переселиться со всею братіею на Патмосъ. Онъ основался прежде при гавани, называемый *Нестіе*, что нынѣ *Рували*, но потомъ, найдя это мѣсто не довольно уединеннымъ, и какъ говорятъ, вслѣдствіе чудеснаго видѣнія, переселился на высоту, занимаемую теперь монастыремъ св. Іоанна, имъ построеннымъ. Островитяне, безпокоимые часто набѣгами корсаровъ, испросили у благочестиваго Христодула дозволеніе пріютить свои хижины къ крѣпкимъ стѣнамъ его монастыря, чрезъ что и образовался наконецъ нынѣшній городъ, отличающійся передъ прочими городами Архипелага твердостію своего построенія. Многіе изъ жителей Патмоса сдѣлались наконецъ довольно зажиточными купцами; но иго мусульманъ, налегшее на весь востокъ, привело ихъ наконецъ въ то бѣдное состояніе, въ которомъ они теперь находятся, и ладьи рыбаковъ, замѣнили въ прекрасныхъ гаваняхъ Патмоса, его купеческіе корабли.

Монастырь Св. Іоанна, вѣнчающій самую высокую вершину горнаго Патмоса, господствуетъ, какъ цитадель, надъ скромнымъ городомъ. Видъ съ этой вершины обнимаетъ обширный горизонтъ Эгейскаго моря съ разсѣянными по немъ островами. Конечно, взоры Божественнаго Евангелиста часто устремлялись къ столь близкому отсюда берегу Малой Азіи, гдѣ онъ *лелѣялъ, какъ кокошь птенцевъ своихъ*, тѣ семь церквей, которыхъ символъ онъ видѣлъ на небѣ и за которые онъ предстательствовалъ предъ Сыномъ Божіимъ, возвѣщая имъ Его глаголы, полные любви и суда. Іоаннъ, сынъ громовъ, возлюбленный «Іисуса, столпъ всѣхъ церквей міра, «имѣющій ключи неба, пріобщив«шійся чаши Христовой, крещен«ный его крещеніемъ, возлегавшій, «съ полною вѣрою, на персяхъ Господа» (Іоан. Злат. 1-я Бесѣда на Еван. Іоанна), еще при жизни своей видѣлъ исполненіе пророчествъ надъ Іерусалимомъ и Божественная душа его скорбно провидѣла судьбы, ожидающія семь церквей азійскихъ!

Оставляя Малую Азію и возвращаясь на родину, я услаждалъ себя тѣмъ, что, имѣвъ утѣшеніе видѣть землю Ветхаго и Новаго Завѣта, я посѣтилъ также и ту страну, которой принадлежатъ нѣсколько страницъ Божественнаго Откровенія Іоанна, той священной книги, которая указы-

ваетъ намъ на новый, небесный Іерусалимъ и на свѣтлую для надеждъ вѣрующихъ вѣчность.

А. Норовъ.

(*Путешествіе къ семи Церквамъ*).

---

125. Путешествіе къ св. мѣстамъ.

а) Воспоминанія древности.

Богатое поприще поэзіи и славы открылось мнѣ скоро по выходѣ изъ Дарданеллъ. Великія воспоминанія древности соединились въ одно мѣсто, чтобы еще болѣе говорить воображенію, воспламененному пѣснями Омира. Корабль помчался на югъ, между завѣтнымъ Тенедосомъ и противоположнымъ ему берегомъ Трои. На западѣ возставали изъ моря огненный Лемносъ и утесъ исполинскій Имбра, брошенный въ виду пролива; самая гора Аѳонская подымаетъ иногда изъ утреннихъ тумановъ священное чело свое, которому жаждутъ поклониться путники, и радуется солнцу, какъ-бы вытекающему изъ Дарданеллъ. Взоры мои были обращены къ полямъ Иліады; они искали прибрежныхъ кургановъ Аякса и Ахилла и водъ Симоиса, и жадно приникли къ дальнимъ развалинамъ Александровой Трои, еще раскинутымъ на поморіи въ замѣнъ иліонскихъ. Легкія высоты синимъ амфитеатромъ возставали за ними, быть можетъ высоты Калликолонны, на которыя стекались боги Омира возбуждать своимъ присутствіемъ витязей, коихъ страстями распалялись сами, и, бурные, вторгались въ битву, вооруженные своимъ всесокрушительнымъ безсмертіемъ.

Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ и людей и безсмертныхъ
Съ неба, внизу колебалъ Посейдонъ необъятую землю,
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея — и Пергамъ съ кораблями — дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней возмутился:
Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и громко воскликнулъ, чтобъ свыше
Твердой земли не прорвалъ Посейдонъ сокрушитель, чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

Былъ вечеръ, и усталыя облака ложились около Иды, какъ птицы, слетающіяся къ обычному своему пріюту; одно запоздавшее еще носилось надъ дивнымъ полемъ брани, и оттѣняло на немъ одинокій, высокій холмъ, — я привѣтствовалъ холмъ сей именемъ Ахилла. Мнѣ казалось, что на его вершинѣ долженъ былъ стоять, въ мрачномъ величіи, роковой витязь, выражая въ пѣсняхъ судьбу свою:

Отъ Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ,
Брегъ увидитъ незнакомый
И зеленый холмъ на немъ.
Кормчій юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ:
Вотъ Ахилловъ гробъ! — онъ скажетъ,
Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ!
Вкругъ ужъ пусто, смолкли бои,
Тихи Ксанѳъ и Симоисъ,
И уже вкругъ башенъ Трои
Плющъ и терній обвились....
Обойдешь долину брани:
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ.
Вспомяни тогда Ахилла!....

Свѣжій вѣтеръ и темная ночь отвлекли меня отъ Иліона; однѣ только широкія волны, съ шумомъ преслѣдуя корабль, бѣгущій отъ Тенедоса, напоминали шипѣніе Лаокоона; огни мелькали на берегахъ, но уже не стана и флота Ахеянъ, сторожившихъ Трою, какъ

ще недавно на тѣхъ-же водахъ уда русскія стерегли другую толпу, которую нѣкогда хотѣлъ оздвигнуть Константинъ на самыхъ остаткахъ Иліона. Какой отголосокъ славы на разстояніи тридцати вѣковъ!

Въ сумракѣ вечера и съ утреннею зарею дважды видѣли мы синіе края Митилены, и пѣснію Сапфы помянулъ я ея отчизну. Волшебственная Псара и очаровательный, сокрушенный Хіосъ въ то же время предстали взорамъ: одна, исторгшаяся отъ порабощенныхъ островъ Азіи, духомъ своихъ островитянъ, чтобы стать гранію греческой свободы,— другой, упоенный сладкимъ воздухомъ Анаполіи, дремлющій въ нѣгѣ и рабствѣ. Но путь нашъ лежалъ внѣ островъ азіатскаго берега, по широкому протоку Архипелага, какъ-бы оставленному для распущенія битвъ и торговли. Постепенно возставало изъ волнъ, по лѣвой сторонѣ бѣгущаго корабля, все безчисленное семейство Эгейскихъ утесовъ, и прежде другихъ Икарія, давшая нѣкогда имя цѣлому морю, въ память бѣдствія Икара.

Бурная ночь и бурное море встрѣтили насъ въ виду Патмоса, какъ-бы таинственные стражи Апокалипсиса, и во мракѣ пронеслись мы мимо смежныхъ другъ другу острововъ: Фурки, Леро и Каймно....

Муравьевъ.

б) Часовня св. гроба.

Самая часовня гроба, украшенная легкимъ куполомъ, стоитъ въ видѣ малой церкви внутри храма. Во время послѣдняго пожара, когда пылалъ его кедровый куполъ и всѣ деревянныя галлереи, когда падали вокругъ раскаленные столбы, пострадала и священная часовня, потрескались изваянные на ней лики Апостоловъ и чрезъ столько вѣковъ показалась вновь изъ-подъ роскошнаго мрамора первобытная скала гробницы. Нынѣ незамѣтно болѣе слѣдовъ разрушенія; новый желтый мраморъ замѣнилъ древній; внутренность гроба и его преддверіе возникли въ прежнемъ великолѣпіи. Четыре мраморные витые столба поддерживаютъ со входа украшенную Херувимами архитраву и межъ ними изсѣчены письмена псалмовъ; надъ дверьми изъ цвѣтнаго мрамора изваяна картина Воскресенія: Христосъ съ хоругвію возстаетъ изъ гроба посреди солнца и луны; влѣво бѣжитъ стража, съ правой стороны Ангелъ и Мvроносицы. Еще выше есть двѣ фигуры Ангеловъ съ вѣнками. Двѣ писанныя иконы воскресенія, Армянъ и Католиковъ, привѣшены также къ священному преддверію. Часовня гроба внутри раздѣлена на двѣ части и каждая изъ нихъ со сводомъ. Двѣнадцать малыхъ пиластровъ приставлены къ стѣнамъ перваго придѣла и межъ ними изваяны вѣтви и Херувимы. Посреди онаго вдѣланъ въ большую гранитную вазу кусокъ отъ камня, отваленнаго Ангеломъ; ибо онъ былъ разбитъ на многія части усердіемъ христіанъ. Надъ нимъ всегда горятъ 15 лампадъ, и ваза сія, покрываемая серебряною доскою, служитъ престоломъ для греческой литургіи, когда совершаютъ проскомидію на самомъ гробѣ. — Казалось-бы, приличнѣе было избрать оный престоломъ, нежели жертвен-

никомъ, по такое расположеніе удобнѣе для выходовъ обѣдни нашей, ибо въ продолженіе службы единственныя двери утеса служатъ царскими вратами. Придѣлъ сей пристроенъ въ память Ангела, чтобъ служить преддверіемъ самородному утесу, внутри коего изсѣченъ былъ покой, заваленный въ дверяхъ камнемъ. Низкими дверями, пробитыми въ скалѣ, входятъ во вторую часть часовни — погребальный чертогъ Спасителя. Греки, одни возобновившіе послѣ пожара цѣлый храмъ, желая облегчить входъ гробницы облаченнымъ архіереямъ и освѣжить въ ней душный воздухъ, коснулись ея внутренности, и нарушили св. древность временъ Христовыхъ, которой не смѣла измѣнять сама Елена. Они подняли выше низкія двери, расширили нѣсколько объемъ покоя и обсѣкли глубже прежній сводъ утеса, оставивъ въ немъ малое для воздуха отверстіе.

Невѣжество было виною святотатства. Внутреннее пространство пещеры Св. гроба составляетъ менѣе квадратной сажени; съ правой стороны во всю длину ея лежитъ мраморная плита, на каменномъ уступѣ, занимающемъ полшироты покоя. Іудеи не ввѣряли землѣ своихъ мертвыхъ, но, пользуясь утесистою природою страны, высѣкали въ скалахъ тѣсные покои и внутри ихъ клали на плитахъ открытыя тѣла. Подъ именемъ гроба разумѣлась вся пещера, а тяжелый камень вдвигался въ ея двери. И понынѣ о томъ свидѣтельствуютъ древнія гробницы царей и пророковъ, по примѣру коихъ *погребенъ* былъ послѣдній изъ *рода Давида*, терніемъ вѣнчанный *на царство.*

Елена положила мраморную ту на тридневное ложе Хрис какъ антимисъ для совершенія тургіи, дабы не касались свя наго одра Господня и плита распилена была почти надвое стіанами, когда Арабы поже имѣть столь богатый мрамор своей мечети. Доселѣ престол принадлежалъ Грекамъ и Кат камъ; но между нихъ втѣсни нынѣ Армяне, и тройная лит служится ежедневно, одна п другой, на дивномъ камнѣ. цвѣтнаго мрамора изваянъ на нѣ воскресающій въ лучахъ с Искупитель съ побѣдною хо вію; но онъ полузакрытъ живописными иконами. Надъ парятъ два Ангела съ вѣнко еще выше изваяны три подоб же фигуры между легкихъ 36 общихъ лампадъ, изъ к 13 греческихъ и столько-же толическихъ, горятъ днемъ и чью въ куполѣ надъ Св. гро но всѣ онѣ изъ жести, по ст Арабовъ; богатыя-же прино царей таятся въ сокровищни уже многихъ нѣтъ. Нѣсколько нородныхъ подсвѣчниковъ по лены по краямъ гробовой пли ихъ расположеніе означаетъ, кая часть оной принадлежит ключительно каждому пар правая треть Грекамъ, сре Арианамъ, лѣвая Католикам во время служенія не существ сего раздѣленія. Свѣжіе п разсыпаны по священному мр ру, безпрестанно омываемому зовою водою и благовоніями. ковъ дивный гробъ сей, побѣ колесница Бога, съ которой крушилъ онъ смерть и раз вереи ада, и вмѣстѣ—мирно же, на коемъ опочилъ отъ

ельнаго страданія, во вторую
субботъ своихъ, какъ нѣкогда
почилъ Онъ въ первую отъ дивныхъ трудовъ творенія. Но силы
бесныя, огласившія гимнами сію
вую субботу вселенной, и еще
мѣвшія въ Виѳлеемѣ надъ колыбелію Воплощеннаго, замолкли
ужаса въ грозный день второго отдыха Творца ихъ. Онѣ оставили въ достояніе смертнымъ
екшагося отъ ихъ горнихъ хоровъ, и краснорѣчивыя слезы матери потекли надгробною пѣснію
божественное тѣло, доколѣ въ
инъ торжественный мигъ стоны
плачъ, камень и стража, ночь
смерть, все изчезло въ неприступномъ свѣтѣ царя жизни, вставшаго въ ужасѣ своей славы! Восвсъ! и миновался блескъ, и у-
кло землетрясеніе; обычная денница озарила въ пустынномъ са-
Іосифа одинокій утесъ, и вну-
и его гробъ, но упраздненный;
рестъ него какія лица въ свя-
нномъ восторгѣ смѣняютъ другъ
уга!—Рано приходятъ къ нему
муромъ и слезами три жены, по
мень огваленъ, Ангелъ на камнѣ:
го ищете живаго съ мертвыми?»
въ ужасѣ онѣ бѣгутъ. Два Апо-
ола стремятся внутрь утеса. —
мъ одна лишь плащаница, пе-
ны воскресшаго. При дверяхъ
дается горько Магдалина объ
ошемъ,—два свѣтозарные юно-
и предъ нею, за безутѣшною
мъ вертоградарь новаго Эдема;—
а у ногъ его; «отдай мнѣ тѣ-
!» — но уста его произнесли:
Марія!» и въ одномъ отрадномъ
укѣ сколько тайнъ открыто,
олько заключено блаженства!
акое торжественное смятеніе
рствуетъ въ сіе столь радостное
тро! Жены въ плачевныхъ одеждахъ, Ангелъ въ ризахъ свѣта. Однѣ изумлены возстаніемъ человѣка, — Ангелы смертію Бога! Тѣ въ страхѣ и бѣгствѣ, другіе въ трепетѣ и восторгѣ. Саванъ въ опустѣвшемъ гробѣ, въ одеждѣ вертоградаря воскресшій!.... Все дышитъ неизглаголаннымъ чудомъ, котораго еще не могутъ вмѣстить земля и небо. *Муравьевъ.*

в) Голгоѳа.

Многихъ обманываетъ громкое имя—гора Голгоѳа, ибо въ сущности она едва заслуживаетъ названіе холма. Когда-же при самомъ входѣ представляется взорамъ малая двухъ-ярусная церковь, втѣснившаяся въ обширное преддверіе храма, невольно исторгается вопросъ: гдѣ гора? Но нижній ярусъ сей церкви не ископанъ, какъ подземелье, подъ Голгоѳою, а верхній не стоитъ на ея вершинѣ; оба только пристроены къ утесу, ибо Елена, желая вмѣстить его въ объемъ святилища, сняла съ верху всю землю и отвѣсно обсѣкла его до самаго мѣста, гдѣ водруженъ былъ на немъ крестъ. Такимъ образомъ въ нижнюю церковь проникла разсѣлина треснувшей во время Голгоѳскихъ ужасовъ скалы, большая-же часть Голгоѳы внѣ храма; но она вся утаена отъ взоровъ приникшими къ ней зданіями Коптовъ и монастыремъ Авраама. Съ правой стороны нижняго придѣла, во имя Предтечи, находятся двѣ пріемныя келліи для поклонниковъ греческихъ и вмѣстѣ трапеза братій. Внутриже самой церкви стоитъ во мракѣ гробница Мельхиседека. Хотя нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы здѣсь былъ погребенъ сей

великій царь Салима и таинственный родомъ священникъ Бога Вышняго, однако-же преданіе прилично помѣстило его могилу у подножія холма, на которомъ принесъ себя въ жертву избранный Богомъ быть во вѣки первосвященникомъ по чину Мельхиседека. Черепъ грѣшника Адама, въ ужасѣ исторгшійся изъ-подъ креста, когда дрогнула Голгоѳа смертію втораго невиннаго Адама; гробъ царя Салимскаго, чей санъ изобразилъ спасительное архіерейство Христа, и престолъ исподній Предтечи, подъ самымъ мѣстомъ закланія проповѣданнаго имъ въ пустынѣ агнца, — таковы три воспоминанія, поражающія душу во мракѣ святилища, которыя невольно повергаютъ къ подножію креста сокрушенное онымъ наслѣдіе праотцевъ — грѣхъ.

Еще двѣ другія гробницы стояли нѣкогда въ преддверіи сей церкви, близкія сердцу очарованіемъ человѣческой славы: гробницы Готфрида и Балдуина, многія столѣтія покоившихся подъ освобожденною ими Голгоѳою, доколѣ вражда Грековъ, во время послѣдняго пожара, не нарушила ихъ послѣдняго пріюта, извергнувъ, какъ недостойныя, кости королей изъ храма. Тщетно въ послѣдствіи католики домогались отыскать ихъ останки; Греки давали все тотъже отвѣтъ: что, въ общемъ разрушеніи храма, они не имѣли времени думать о прахѣ двухъ Франковъ. Но обрушенный сводъ Голгоѳы не могъ-бы сокрушить костей внутри каменныхъ гробницъ — я видѣлъ въ сокровищницѣ латинскій мечъ Готфрида, тщательно скрываемый ими отъ хищничества *Арабовъ, простой*, но могучій съ кедровою крестообразною р[illegible]ятью, заржавѣвшій сокруш[illegible] стѣнъ іерусалимскихъ; видѣл[illegible] его огромныя шпоры, знаменія [illegible] царства, которымъ онъ достиг[illegible] своей терновой короны, ибо [illegible] не хотѣлъ вѣнчаться златомъ т[illegible] гдѣ терновый вѣнецъ былъ у[illegible] ломъ Богочеловѣка. Я хотѣлъ [illegible] клониться богатырскому пр[illegible] двухъ королей.... мнѣ показ[illegible] только его прежнее мѣсто. — [illegible] вергнуты кости, но сколь вел[illegible] ихъ слава, когда и у самаго п[illegible] ножія Голгоѳы она еще мож[illegible] тревожить сердце!

Два всхода, изъ 17 ступ[illegible] каждый, устроены для Греков[illegible] католиковъ на Голгоѳу. Они существовали до пожара и о[illegible] только узкая лѣстница привод[illegible] прежде изъ задней галлереи [illegible] бора къ мѣсту распятія, ибо [illegible] ружное крыльцо придѣла Св. Е[illegible] ны давно уже задѣлано Араба[illegible] Съ сѣверной стороны Голгоѳы [illegible] малыя двери ведутъ въ верх[illegible] келліи Грековъ; помостъ ея [illegible] стланъ желтымъ мраморомъ; [illegible] кое-гдѣ на стѣнахъ и низкихъ с[illegible] дахъ остатки мозаиковъ, двой[illegible] арка раздѣляетъ на два прид[illegible] святилище: въ правомъ стоитъ [illegible] тарь католиковъ, и предъ н[illegible] мраморный на полу четвероуг[illegible] никъ означаетъ мѣсто, гдѣ п[illegible] стерли Спасителя на крестъ, [illegible] вонзали въ Него нечестивые г[illegible] ди. Въ лѣвомъ придѣлѣ возд[illegible] нутъ греческій престолъ иск[illegible] ленія на обсѣченномъ уступѣ п[illegible] вобытной скалы. Его осѣн[illegible] большое распятіе и за нимъ [illegible] ритъ множество лампадъ, воз[illegible] гаемыхъ всѣми народами на [illegible] прищѣ ихъ спасенія. Подъ с[illegible] дивнымъ престоломъ круглое

анѣ отверстіе, обложенное по-
лащенною бронзою, знаменуетъ
грашное мѣсто, гдѣ вознесенъ
ылъ на крестѣ за насъ Сынъ Бо-
ій, и подлѣ—трещина ужаснув-
ейся Голгоѳы! Чье надменное
ло не коснется скалы подъ на-
сомъ сего престола? чьи сует-
ія уста не прильнутъ къ сей вѣч-
памятной бронзѣ? и чьи слезы
адко и горько не потекутъ въ
купительное отверстіе камня,
къ-бы къ самому корню креста,
обы освѣжить и возрастить въ
бственномъ сердцѣ его напеча-
ѣнный образъ?.... Покаянныя
іли о грѣхѣ, мольба о спасеніи,
дохи и порывы къ испустившему
слѣдній вздохъ свой на крестѣ,
сь ужасъ дрогнувшей Голгоѳы
померкшаго солнца, и вся ра-
сть разбойника, перваго наслѣд-
ка рая—такова буря духовная,
трясающая на Голгоѳѣ бренное
тество человѣка!

И что всѣ сіи чувства въ срав-
ніи тѣхъ, которыя нѣкогда обу-
вали сердца на семъ алтарѣ все-
нной, въ часъ приношенія пре-
предѣленной жертвы? Два дѣв-
венныхъ лица, одни достойныя
чистотѣ своей изображать все
емя смертныхъ близь искупи-
льнаго креста, стоятъ по сторо-
мъ его, и гдѣ, если не здѣсь,
сіе мгновеніе, трогательнѣе мать
ы, даже до креста вѣрная боже-
венному Сыну, рожденіе коего
спѣли ей ангельскіе хоры, и ко-
раго смерть она въ ужасѣ вит-
ъ, посреди поруганій, не по-
мая еще въ пронзенной душѣ
оей всей глубины таинства, для
его избрана была орудіемъ! Но
съ вершины страдальческаго дре-
, угасающіе взоры Сына отрад-
покоятся на двухъ предметахъ
дольней своей любви. Они облег-
чаютъ Ему тяжкую жертву сла-
достнымъ чувствомъ, что въ ихъ
лицѣ весь міръ ея достоинъ, и имъ
во взаимное утѣшеніе отдаетъ Онъ
послѣднія, нѣжныя чувства чело-
вѣческой своей природы, соединяя
ихъ узами духовнаго родства.
Скорбящій духомъ о грѣхѣ все-
ленной, взывающій въ смертной
борьбѣ къ забывшему Его Отцу,
Онъ находитъ еще довольно силы
и любви въ сокрушенномъ сердцѣ,
чтобъ взглядомъ и рѣчію подкрѣ-
пить отчаянныхъ у подножія сво-
его креста, и состраданіе есть его
послѣднее чувство предъ торже-
ственнымъ глаголомъ: «Соверши-
шася!» разбившимъ столько гро-
бовыхъ оковъ. *Муравьевъ.*

---

126. Изъ Римскихъ писемъ.

Первое впечатлѣніе Рима.

Наконецъ я въ Римѣ, и мнѣ бы хотѣлось высказать Римъ, такъ какъ я его видѣлъ и чувствовалъ, потому что здѣсь видѣть и чувствовать одно и тоже!—Римъ, съ его мраморною пустынею, въ голубомъ вѣнцѣ горъ, съ его колоссами древняго и новаго міра, на распутіи язычества и Христіанства, Римъ кесарей и папъ, исполненный жизни и смерти, и часто съ большими признаками жизни по ту сторону гроба, нежели по эту: вотъ какой Римъ желалъ бы я передать словомъ, если бы не изнемогало слово, подъ бременемъ впечатлѣній столькихъ вѣковъ и развалинъ! — До сихъ поръ я еще какъ въ хаосѣ, и едва ли разсѣется онъ для меня совершенно, въ то короткое время, которое думаю провести здѣсь. По крайней мѣрѣ я постараюсь уловить, для васъ и

для себя, нѣсколько болѣе ясныхъ впечатлѣній, особенно касающихся до первыхъ временъ Христіанства, и взглянуть наблюдательнымъ окомъ православія на это римское вселенство, котораго молва растетъ по мѣрѣ удаленія отъ его центра, какъ Пантеонскій куполъ Св. Петра, болѣе поражающій издали, нежели вблизи.

Какъ объяснить вамъ первое впечатлѣніе Рима, особенно когда объемлешь взоромъ его живописную громаду, съ одной изъ высотъ, которыми такъ богатъ сей многохолмный городъ?—Это Москва, но безъ Кремля, хотя и съ Капитоліемъ!—на каждомъ шагу панорама или очаровательный видъ, не только на самый Римъ, но и на окрестность. Она проглядываетъ повсюду, какъ и у насъ, изъ-за каменныхъ уступовъ террасъ и домовъ, сбѣгающихъ въ глубокія юдолія и опять подымающихся на какую-либо другую высоту. Тоже безчисленное множество куполовъ и отчасти колоколень, хотя и не златоглавыхъ, какъ на нашей бѣлокаменной; тѣ же сады и поляны среди города, но украшенныя чудными развалинами, и, какъ бы подмосковныя виллы вокругъ, зеленый поясъ обѣихъ столицъ; и тотъ же скромный токъ воды проникаетъ насквозь державнаго города, иногда свиваясь въ кольцо, символомъ его вѣчности, иногда разбѣгаясь по приволью пустыни, подъ сѣнію древнихъ башенъ или уединенныхъ деревъ. Этотъ русый Тибръ, какъ его звали древніе, по всему братъ нашей Москвѣ-рѣкѣ, часто столько же русой какъ и онъ самъ, въ мелководье, или внезапно выступающей изъ береговъ, и вкусившей также много крови, во дни междоусобій! — Таковъ Ри
Русскаго глаза, но не для
скаго сердца! — Здѣсь на
на время заглушить сладкія
поминанія родины и самое чу
православія, если хочешь
четно погрузиться въ эту б
минувшаго, въ этотъ хаос
стоящаго, гдѣ еще досел
перемѣшано язычество съ
стіанствомъ. Нѣтъ ничего
скаго для насъ въ этомъ, та
зываемомъ сердцѣ вселенн
торое уже изсохло отъ дря
и едва ли сохранило всю
ность родительскихъ чувст
западныхъ дѣтей своихъ. Т
видимъ старцевъ, въ кон
ство собственнаго сохран
глушило прочія, потому
пережили самихъ себя
вѣкъ.—Римъ—великолѣпн
бище, по которому ходят
минувшихъ вѣковъ, и еще
чествуютъ надъ живущим
лѣніемъ.

Прежде всего хотѣлось
сѣтить въ Римѣ гробъ вер
Апостоловъ и поклонитьс
не самымъ ихъ священным
камъ, то по крайней мѣр
гдѣ они сокрыты, ибо па
не такъ какъ въ Прав
церкви, святыня мощей ут
благочестивыхъ взоровъ,
ставлена на недоступной
Рано утромъ пошелъ я
лику Св. Петра, чтобы
глубокой тишинѣ напита
святынею сего мѣста,
сердцу каждаго христіан
сопутствовалъ одинъ из
соотечественниковъ, съ
случай свелъ меня одна
красныхъ берегахъ Моск
чтобы потомъ опять соед
римскомъ Тибрѣ. Ему

цѣть, какое впечатлѣніе произ-
ведетъ на меня первый взглядъ на
великолѣпный храмъ. — Утро бы-
туманное; мы долго шли по
узнымъ и тѣснымъ улицамъ но-
го Рима, которыя столь мало со-
вѣтствуютъ его древнему вели-
и охлаждаютъ то чувство по-
ти, какое привыкло возбуждать
нашемъ сердцѣ великое имя.
олько на мосту Св. Ангела мож-
было вздохнуть свободно, въ
ду могильнаго замка Адріано-
, слѣдуя взорами за излучистымъ
ченіемъ Тибра, и этотъ малый
освѣтъ снова напомнилъ мнѣ
оскву. Опять потянулась грязь-
я улица на площадь Петрову, и
а наконецъ явилась, оживлен-
я шумомъ своихъ фонтановъ.
кое солнце, разсѣя туманъ, впе-
пно ударило на ихъ серебря-
й дождь, и на обширную колон-
ду, разбѣгающуюся съ обѣихъ
оронъ храма, и на стройный обе-
скъ предъ лицемъ его, который
мъ былъ знаменіемъ солнечнаго
ча, на символическомъ языкѣ
пинственнаго Египта.

Отрадно живое впечатлѣніе про-
ора и свѣжести водъ, послѣ
раднаго и душнаго пути къ сей
ликолѣпной площади, которая
дто манитъ и пріемлетъ каждо-
въ каменныя объятія своихъ
сячи колоннъ, подъ упоитель-
й говоръ своихъ фонтановъ; но
я самомъ началѣ потеряна для
азъ обширность площади, отъ
лой ложбины, которая проле-
етъ по ея срединѣ, и что еще
пріятнѣе: фасадъ великолѣпна-
зданія не производитъ ожидае-
го впечатлѣнія, потому что его
ромный куполъ, издали отовсю-
видимый, полузакрытъ вблизи
онтономъ, отъ самонадѣянности
зодчихъ; — они рѣшились измѣ-
нить геніальный планъ Микель-
Анджела и протянули часть кре-
стообразнаго храма, чтобы дать
ему форму латинскую вмѣсто гре-
ческой. — Только съ каменныхъ
уступовъ, постепенно ведущихъ
къ его притвору, открывается все
величіе необъятной площади, ко-
торая служитъ достойнымъ пред-
дверіемъ храма, и вся красота ко-
лоннады, убѣгающей далеко за
обелискъ и за фонтаны.

Мы взошли въ обширный при-
творъ, изящно украшенный ира-
морными ваяніями, и наконецъ въ
самую внутренность храма; насъ
обвѣяла тамъ совершенно иная ат-
мосфера, теплая зимою, прохлад-
ная лѣтомъ, отъ чего, во всякое
время года, съ удовольствіемъ по-
сѣщаютъ базилику Св. Петра.
Взоръ мой потонулъ въ необъят-
ности храма, въ которомъ строй-
ностію цѣлаго сокращается огром-
ность частей. Все, что казалось
обыкновеннымъ издали, росло по
мѣрѣ приближенія, до исполин-
скихъ размѣровъ, и украшенія, по
видимому простыя, восходили до
высшей степени изящества, при
тщательномъ ихъ осмотрѣ; потому
что только мраморъ, бронза и мо-
заики, одушевленные рѣзцемъ луч-
шихъ художниковъ, почтены бы-
ли достойными столь великолѣп-
наго зданія. Съ обѣихъ сторонъ
богатѣйшіе придѣлы и впереди ис-
полинская сѣнь главнаго престола
надъ гробомъ Апостола, невольно
поразятъ изумленіемъ каждаго, кто
только вступитъ въ сей Христіан-
скій Колоссей, не уступающій ве-
личіемъ обломкамъ языческаго.

Муравьевъ.

(*Римскія письма.*)

127. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи.

а) Die Bastey.

Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобъ описывать прекрасное! Природа, чтобъ плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобъ выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми, часто бываетъ, гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вамъ о несравненномъ видѣ съ Bastey! Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыя вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестью! Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать *особеннымъ* словомъ; но то впечатлѣніе, которое всѣ они *вмѣстѣ* на душѣ производятъ — для него нѣтъ выраженія; тутъ молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — въ ея невыразимости. Надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Это *утесъ во* сто саженей перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ *ряду другихъ* утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такіе-же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Pebstein и множество другихъ, влѣвѣ der grosse Winterberg, на горизонтѣ das Erzgebirge, вправѣ Пирна, вдали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтлыми тихоползущими мошками.

На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ Bastey, стоялъ встарину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ; еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, а на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще колеи отъ колесъ: этотъ замокъ конечно былъ встарину неприступенъ; но послѣ онъ былъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называютъ шанцами и на которые мы взбирались. Съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря; только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины елей и сосенъ, и между ними, какъ острова, бѣлѣютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣ-

лись разбойники, тираны окрестностей (какъ говоритъ Делиль). Въ то самое время, какъ мы отъ Bastey спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ; эхо проснулось, раздалось по скаламъ, и все опять замолчало; опять тотъ-же звукъ, тотъ-же отзывъ и тоже молчаніе; въ слѣдъ за рогомъ заиграла арфа и запѣлъ голосъ. Какъ ни глубока была пропасть, но звуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконецъ пошли; скоро звуки замолкли и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ; тамъ можно найти обѣдъ и тамъ-же всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ-то пѣсня намъ слышалась.

б) Klein Winterberg.

Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, покинула насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкій, потомъ довольно сильный; мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ осталось: проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасло отъ дождя, напротивъ его удвоивало; вѣтеръ шаталъ деревья, и капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который ни мало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу — что-же? Это каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непріятно: но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта появлялись тучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты! Какъ будто что-то разрушилось, и одинъ только столпъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе. Лѣсистыя горы, долины, деревья, утесы — все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыма; тамъ множество легкихъ облаковъ летало, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣлась на воздухѣ, и подъ нею волновались облака; тамъ, вдоль глубокой долины, тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу, или на необъятную, разбросанную, сѣдую гриву какого нибудь чудовища, которую раздувалъ и рвалъ сильный вѣтеръ — словомъ, зрѣлище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту, и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ.

арфа какъ тутъ. Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый Богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялся исполнять свою должность, заигралъ и запѣлъ, а малютка начала ему вторить. И что-же они запѣли! *Прощаніе Бонапарте съ Франціею* (я списалъ пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Basley и послѣ на Schlossberg, подлѣ Теплица)... Признаюсь, такая неожиданная гармонія, посреди туманнаго волненія между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика со звонкимъ и еще не созрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легкимъ дымомъ, ничтожными призраками летали остатки бури: поневолѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона. И что-то было прискорбно-поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастіе, вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ разсказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть, какъ въ панорамѣ, всѣ горы Саксоніи и часть горъ богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкій дождь, и все слилось въ однообразный непроницаемый туманъ.

Жуковскій.

---

128. Изъ путешествія въ Арзерумъ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ-же, все на томъ-же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ

оры, или дномъ разбитой бутыл-
и. Нынче выстроены великолѣп-
ыя ванны и дома. Бульваръ, оба-
женный липами, проведенъ по
клоненію Машука. Вездѣ чис-
енькія дорожки, зеленыя лавоч-
и, правильные цвѣтники, мости-
и, павильоны. Ключи обдѣланы,
ыложены камнемъ; на стѣнахъ
анъ прибиты предписанія отъ
олиціи; вездѣ порядокъ, краси-
ость....

Признаюсь: Кавказскія воды
представляютъ нынѣ болѣе удоб-
остей; но мнѣ было жаль ихъ
ежняго, дикаго состоянія: мнѣ
ыло жаль крутыхъ каменныхъ
ропинокъ, кустарниковъ и неого-
оженныхъ пропастей, надъ кото-
ыми, бывало, я карабкался. Съ
устью оставилъ я воды, и отпра-
ился обратно въ Георгіевскъ. Ско-
о настала ночь. Чистое небо усѣ-
ось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ
регомъ Подкумка. Здѣсь, бывало,
живалъ со мною А. Р., прислу-
шиваясь къ мелодіи водъ. Вели-
вый Бетшу чернѣе и чернѣе ри-
вался въ отдаленіи, окруженный
рами, своими вассалами, и на-
онецъ исчезъ во мракѣ.

На другой день мы отправились
алѣе и прибыли въ Екатерино-
адъ, бывшій нѣкогда намѣстни-
ескимъ городомъ.

Съ Екатериноградa начинается
оенная Грузинская дорога; по-
товый трактъ прекращается. На-
имаютъ лошадей до Владикав-
аза. Дается конвой козачій и пѣ-
отный и одна пушка. Почта от-
равляется два раза въ недѣлю, и
роѣзжіе къ ней присоединяются:
то называется *оказіей*. Мы дожи-
ались недолго. Почта пришла на
ругой день, и на третье утро въ
часовъ мы были готовы отпра-
виться въ путь. На сборномъ мѣс-
тѣ соединился весь караванъ, со-
стоявшій изъ пяти сотъ человѣкъ
или около. Пробили въ барабанъ.
Мы тронулись. Впередъ поѣхала
пушка, окруженная пѣхотными
солдатами. За нею потянулись ко-
ляски, брички, кибитки солдатокъ,
переѣзжающихъ изъ одной крѣ-
пости въ другую; за ними заскри-
пѣлъ обозъ двуколесныхъ аробъ.
По сторонамъ бѣжали конскіе та-
буны и стада воловъ. Около нихъ
скакали нагайскіе проводники въ
буркахъ и съ арканами. Все это
сначала мнѣ очень нравилось, но
скоро надоѣло. Пушка ѣхала ша-
гомъ, фитиль курился, и солдаты
раскуривали имъ трубки. Медлен-
ность нашего похода (въ первый
день мы прошли только пятнад-
цать верстъ), несносная жара, не-
достатокъ припасовъ, безпокой-
ные ночлеги, наконецъ безпрерыв-
ный скрипъ нагайскихъ аробъ, вы-
водили меня изъ терпѣнія. Татары
тщеславятся этимъ скрипомъ, го-
воря, что они разъѣзжаютъ какъ
честные люди, не имѣющіе нужды
укрываться. На сей разъ пріятнѣе
было-бы мнѣ путешествовать не
въ столь почтенномъ обществѣ.
Дорога довольно однообразная:
равнина, по сторонамъ холмы. На
краю неба вершины Кавказа, каж-
дый день являющіяся выше и вы-
ше. Крѣпости, достаточныя для
здѣшняго края, со рвомъ, который
каждый изъ насъ перепрыгнулъ-
бы встарину, не разбѣгаясь, съ
пушками, не стрѣлявшими со вре-
менъ графа Гудовича, съ валомъ,
по которому бродитъ гарнизонъ
курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ
нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ тру-
домъ можно достать десятокъ яицъ
и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Манаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока; внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различали и пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка!

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорен лыя племена уничтожены. Они отъ часу далѣе углубляют горы и оттуда направляютъ набѣги. Дружба *мирныхъ* Ч совъ ненадежна: они всегда вы помочь буйнымъ своимъ е племенникамъ. Духъ дикаг рыцарства замѣтно упалъ. рѣдко нападаютъ въ равном слѣ на козаковъ, никогда н хоту, и бѣгутъ, завидя пуш то никогда не пропустятъ с напасть на слабый отрядъ, и беззащитнаго. Здѣшняя ст полна молвой о ихъ злодѣйст Почти нѣтъ никакого способ усмирить, пока ихъ не обе жать, какъ обезоружили К скихъ Татаръ, что чрезвы трудно исполнить, по причин подствующихъ между ними слѣдственныхъ распрей и м крови. Кинжалъ и шашка члены ихъ тѣла, и младенец чинаетъ владѣть ими прежде жели лепетать. У нихъ убі простое тѣлодвиженіе. Плѣнн они сохраняютъ въ надеждѣ н купъ, но обходятся съ пл ужаснымъ безчеловѣчіемъ, за ляютъ работать сверхъ силъ, мятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, да вздумается, и приставляют нимъ для стражи своихъ ма шекъ, которые за одно слово вѣ ихъ изрубитъ своими дѣт шашками. Недавно поймали наго Черкеса, выстрѣливша солдата. Онъ оправдывался что ружье его слишкомъ было заряжено. Что дѣлать с ковымъ народомъ? Должно кожъ надѣяться, что пріобр восточнаго края Чернаго отрѣзавъ Черкесовъ отъ тор съ Турціей, принудитъ их

сблизиться. Вліяніе роскожетъ благопріятствовать ихъ ценію: самоваръ былъ - бы мъ нововведеніемъ. Есть тво болѣе сильное, болѣе твенное, болѣе сообразное просвѣщеніемъ нашего вѣка: вѣданіе Евангелія. Черкесы недавно приняли магометанвѣру. Они были увлечены дѣлымъ фанатизмомъ проповѣдь *Корана*, между коими отся Мансуръ, человѣкъ неовенный, долго возмущававказъ противу Русскаго властва, наконецъ схваченный намершій въ Соловецкомъ моѣ. Кавказъ ожидаетъ хрикихъ миссіонеровъ. Но тщетзамѣну слова живаго вылисертвыя буквы и посылать книги людямъ не знающимъ ы.

ь нетерпѣніемъ ожидалъ разія моей участи. Наконецъ лъ записку отъ Р.; онъ пинѣ, чтобы я спѣшилъ къ , потому что черезъ нѣсколькей войско должно было идти Я выѣхалъ на другой-же

ѣхалъ верхомъ, перемѣняя ей на козачьихъ постахъ. гъ меня земля была опалена . Грузинскія деревни издавались мнѣ прекрасными сано, подъѣзжая къ нимъ, ви нѣсколько бѣдныхъ сакель, ныхъ пыльными тополями. е сѣло, но воздухъ еще былъ ъ:

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!...

а сіяла; все было тихо: тоей лошади одинъ раздавалночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на козачьемъ посту, на-разсвѣтѣ отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Мнѣ предстоялъ переходъ чрезъ невысокія горы, естественныя границы Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами: я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Перпике до Гумровъ считается 27 верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе 2 часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣлой бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстукъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; козакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ

силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Козакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать козаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Козаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу-ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни, и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія....

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ козакъ. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинствен-

ное; съ дѣтскихъ лѣтъ путеш
вія были моею любимою ме
Долго велъ я потомъ жизнь в
ющую, скитаясь то по югу, т
сѣверу, и никогда еще не в
вался изъ предѣловъ необъ
Россіи. Я весело въѣхалъ в
вѣтную рѣку, и добрый кон
несъ меня на турецкій берег
этотъ берегъ былъ уже завое
я все еще находился въ Рос

А. Пушки

---

129. Изъ записокъ флота кап Головнина.

Взятіе его въ плѣнъ.

Въ крѣпости ввели насъ
же палатку, но ни перваг
втораго начальника въ ней
не было. Тутъ завязали намъ
ка руки назадъ и отвели въ
шое, низкое, на казарму по
строеніе, находившееся отъ
на противной сторонѣ крѣ
гдѣ всѣхъ насъ, (кромѣ Мак
его мы не видали), постави
колѣна и начали вязать вере
въ палецъ толщины, самымъ
нымъ образомъ, а потомъ ей
кимъ же образомъ связали т
кими веревочками, гораздо
тельнѣе. Японцы въ семъ
весьма искусны, и надобно д
что у нихъ закономъ постан
какъ вязать, потому что насъ
вязали разные люди, но сове
но одинаково: одно число п
узловъ, въ одинаковомъ разс
и проч. Кругомъ груди и
шен вздѣты были петли, лок
чти сходились и кисти у
связаны были вмѣстѣ; отъ
шла длинная веревка, за
которой держалъ человѣкъ,
образомъ, что при малѣйш

ненія бѣжать, если бы онъ дер-
ъ веревку, то руки въ локтяхъ
ли бы ломаться съ ужасною
ью, а петля около шеи совер-
нно бы ее затянула. Сверхъ то-
связали они у насъ и ноги въ
хъ мѣстахъ, выше колѣнъ и
ъ икрами; потомъ продѣли ве-
ки отъ шеи черезъ матицы и
мнули ихъ такъ, что мы не мо-
пошевелиться, а послѣ сего,
искавъ наши карманы и вынувъ
, что въ нихъ только могли
ти, начали они покойно курить
акъ. Пока насъ вязали, прихо-
ъ раза два второй начальникъ
оказывалъ на свой ротъ, разѣ-
оный, какъ кажется, въ знакъ
о, что насъ будутъ кормить, а
убьютъ. Въ такомъ ужасномъ и
чительномъ положеніи мы про-
ли около часа, не понимая, что
нами будутъ дѣлать. Когда они
одѣвали веревки за матицы, то
думали, что насъ хотятъ тутъ-
повѣсить; я во всю мою жизнь не
езиралъ столько смертію, какъ
семъ случаѣ, и желалъ отъ чи-
аго сердца, чтобы они поскорѣе
ершили надъ нами убійство.
огда входила намъ въ голову
исль, что они хотятъ насъ повѣ-
ть на морскомъ берегу въ виду
шихъ соотечественниковъ. На-
онецъ они, снявъ у насъ съ ногъ
ревки, бывшія подъ икрами, и
лабивъ тѣ, которыя были выше
олѣнъ, для шагу, повели насъ изъ
рѣпости въ поле и потомъ въ лѣсъ.
ы связаны были такимъ образомъ,
о десятилѣтній мальчикъ могъ
зопасно вести всѣхъ насъ, одна-
ожъ Японцы не такъ думали:
аждаго изъ насъ за веревку
ержалъ работникъ, а подлѣ
ку шелъ вооруженный солдатъ;
вели насъ одного за другимъ въ
нѣкоторомъ разстояніи. Поднявшись на высокое мѣсто, увидѣли мы нашъ шлюпъ подъ парусами. Видъ сей пронзилъ мое сердце; но когда г. Хлѣбниковъ, шедшій за мною, сказалъ мнѣ: Василій Михайловичъ! взгляните въ послѣдній разъ на Діану! то ядъ разлился по всѣмъ моимъ жиламъ. Боже мой! думалъ я, что слова сіи значатъ? взгляните въ послѣдній разъ на Россію; взгляните въ послѣдній разъ на Европу! такъ! мы теперь люди другаго свѣта. Не мы умерли, но для насъ все умерло. Никогда ничего не услышимъ, ничего не узнаемъ, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ, что дѣлается въ Европѣ и во всемъ мірѣ! Мысли сіи терзали духъ мой ужаснымъ образомъ. Пройдя версты двѣ отъ крѣпости, услышали мы пушечную пальбу. Наши выстрѣлы мы удобно отличали отъ крѣпостныхъ по звуку. Судя по многолюдству японскаго гарнизона и по толстотѣ землянаго вала, коимъ обведена крѣпость, нельзя было ожидать никакаго успѣха; мы страшились, что бы шлюпъ не загорѣлся или не сталъ на мель, и чрезъ то со всѣмъ своимъ экипажемъ не попался въ руки къ Японцамъ. Въ такомъ случаѣ горестная наша участь никогда не была бы извѣстна въ Россіи, а болѣе всего я опасался, чтобы дружба ко мнѣ г. Рикорда и другихъ оставшихся на шлюпѣ гг. офицеровъ не заставила ихъ, пренебрегая правилами благоразумія, высадить людей на берегъ въ намѣреніи завладѣть крѣпостью, на что они могли покуситься, не зная многолюдства Японцевъ, собранныхъ для обороны оной; у насъ же оставалось всего офицеровъ, нижнихъ чиновъ и со слугами пятьде

сятъ одинъ человѣкъ. Мысль эта до чрезвычайности меня мучила, тѣмъ болѣе, что мы никогда не могли надѣяться узнать объ участи Діаны, полагая, что Японцы намъ не откроютъ, чтобы съ нею ни случилось.

Я былъ такъ туго связанъ, и особливо около шеи, что пройдя шесть или семь верстъ, сталъ задыхаться. Товарищи мои мнѣ сказали, что у меня лице чрезвычайно опухло и почернѣло. Я едва могъ плевать и съ нуждою говорилъ; мы дѣлали Японцамъ разные знаки и посредствомъ Алексѣя просили ихъ ослабить немного веревку, но пушечная пальба ихъ такъ настращала, что они ничему не внимали, и только понуждали насъ идти скорѣе и безпрестанно оглядывались. Я желалъ уже скорѣе кончить дни свои и ожидалъ, не поведутъ ли насъ черезъ рѣку, чтобы броситься въ воду; но скоро увидѣлъ, что этого мнѣ никогда не удастся сдѣлать, ибо Японцы, переходя съ нами черезъ маленькіе ручьи, поддерживали насъ подъ руки. Наконецъ, потерявъ всѣ силы, я упалъ въ обморокъ, а пришедъ въ чувство, увидѣлъ Японцевъ, льющихъ на меня воду. Изо рту и изъ носу у меня шла кровь; несчастные товарищи мои, Муръ и Хлѣбниковъ, со слезами упрашивали Японцевъ ослабить на мнѣ веревки, хотя немного, на что они съ большимъ трудомъ согласились.

Послѣ сего мнѣ сдѣлалось гораздо легче и я съ нѣкоторымъ усиліемъ могъ уже идти. Пройдя верстъ съ десять, вышли мы на морской берегъ пролива, отдѣляющаго сей островъ отъ Матсмая, къ *небольшому селенію*, гдѣ и ввели *насъ въ комнату* одного дома. Сперва предложили намъ каши изъ сарачинскаго пшена, но намъ тогда было не до ѣды. Потомъ положили насъ кругомъ стѣнъ, такъ чтобы мы одинъ до другаго не могли дотрогиваться; дали каждому изъ насъ по пустой кадкѣ, чтобы облокотиться; веревки, за кои насъ вели, привязали концами къ желѣзнымъ скобамъ, нарочно на сей случай въ стѣну вколоченнымъ, сняли съ насъ сапоги и связали ноги въ двухъ мѣстахъ, по прежнему, очень туго. Сдѣлавъ все это, Японцы сѣли на срединѣ комнаты кругомъ жаровни и начали пить чай и курить табакъ. Если бы львы такимъ образомъ были связаны, какъ мы, то можно было бы спать между ними покойно безъ всякаго опасенія; но Японцы не могли быть покойны; они каждые четверть часа осматривали всѣхъ насъ, не ослабли ли веревки. Мы тогда считали ихъ лютѣйшими варварами въ цѣломъ мірѣ; но слѣдующій случай показалъ, что и между ими были добрые люди, и мы стали поспокойнѣе, если возможно только было успокоиться въ нашемъ положеніи. Здѣсь свели насъ вмѣстѣ съ матросомъ Макаровымъ; отъ крѣпости до того мѣста его вели особо. Онъ намъ сказалъ, что Японцы, захвативъ его въ крѣпости, тотчасъ привели въ какую-то казарму, гдѣ солдаты подчивали его сагою и кашею, и онъ довольно исправно поѣлъ; потомъ связали ему руки и повели изъ города, но лишь только вышли въ поле, то развязали его тотчасъ и до самаго здѣшняго селенія вели развязаннаго, позволяя часто по дорогѣ отдыхать; одинъ же изъ конвойныхъ нѣсколько разъ давалъ ему пить изъ своей дорожной фляжки сагу,

ідя уже къ самому селенію, го связали, но не туго. ікомъ положеніи мы нахо- до самой ночи. Я и теперь ' помыслить безъ ужаса о іемъ моемъ состояніи; я не ился болѣе уже о своей ной участи и почелъ бы себя вымъ, если бы возможно было ить злополучныхъ товари- ихъ, которыхъ бѣдствію я инъ виною. Великодушные и гг. Мура и Хлѣбникова ъ случаѣ, еще болѣе тер- хъ мой: они не только что кали мнѣ въ моей неосто- довѣренности къ Японцамъ, вшей ихъ въ погибель, но арались успокоивать меня и ть, когда нѣкоторые изъ въ начинали роптать, при- гибель свою моей оплош- І признаюсь, что за упреки тросовъ ни теперь, ни тог- мѣлъ я противъ ихъ ни ма- о неудовольствія—они бы- ершенно правы; притомъ аніе свое противъ меня изъ- они очень скромно, не упо- ни одного не только дерз- о даже неучтиваго слова, а алобы ихъ были для меня тельнѣе. Положеніе наше насъ равными; мы никогда ялись возвратиться въ оте- слѣдовательно простые лю- другими чувствами и хуже расположенные, могли бы ить свой языкъ, и по край- рѣ хотя дерзкою бранью , или наказать меня за свое іе, но наши матросы были алеки отъ сего. Не смотря сную, можно сказать не- ую боль, которую я чув- ь въ рукахъ и во всѣхъ , *будучи такъ жестоко свя-* занъ, душевныя терзанія заставляли меня по временамъ забываться и не чувствовать никакой боли, но при малѣйшемъ движеніи, даже одною головою, несносный ломъ разливался мгновенно по всему тѣлу, и я тысячу разъ просилъ у Бога смерти, какъ величайшей милости.

Между тѣмъ къ начальнику нашего конвоя безпрестанно приносили записки, которыя, прочитавъ, онъ объявлялъ своимъ подчиненнымъ. Разговоры ихъ были такъ тихи, и, какъ намъ казалось, такъ осторожны, что мы думали, будто они отъ насъ таятся, хотя мы не знали ни одного японскаго слова. По сему я и просилъ Алексѣя хорошенько вслушиваться въ ихъ разговоръ, и если что онъ пойметъ, намъ пересказывать. Алексѣй намъ сказалъ, что Японцы получаютъ записки сіи изъ крѣпости и разговариваютъ о нашемъ суднѣ и о Русскихъ; это все, что онъ могъ понять, говоря, что, впрочемъ, ничего не разумѣетъ въ ихъ разговорѣ. Извѣстіе сіе жестокимъ образомъ насъ тревожило. Мы думали, что участь нашихъ товарищей, оставшихся на Діанѣ, никогда не будетъ намъ извѣстна.

По наступленіи темноты, конвойные наши засуетились, и стали сбираться въ дорогу; а около полуночи принесли въ нашу комнату широкую доску, къ угламъ коей были привязаны веревки, какъ бываетъ на вѣсахъ, другими концами вверху вмѣстѣ связанныя съ продѣтымъ при нихъ шестомъ, которымъ несли доску люди на плечахъ. Японцы, положивъ меня на сію доску, понесли вонъ. Мы, опасаясь, что насъ хотятъ навсегда разлучить, и что это можетъ быть

послѣднее наше въ сей жизни свиданіе, простились со слезами и съ такою искренностью, какъ прощаются умирающіе. Прощаніе со мною матросовъ меня чрезвычайно тронуло: они навзрыдъ плакали. Меня принесли къ морскому берегу и положили въ большую лодку на рогожу; черезъ нѣсколько минутъ такимъ же образомъ принесли г. Мура и положили со мною въ одну лодку. Симъ неожиданнымъ случаемъ я былъ чрезвычайно обрадованъ и почувствовалъ на короткое время нѣкоторое облегченіе въ душевной скорби. Потомъ принесли г. Хлѣбникова, матросовъ Симонова и Васильева, а прочихъ троихъ помѣстили въ другую лодку. Наконецъ, между каждыми двумя изъ насъ, сѣли по вооруженному солдату, и покрыли насъ рогожами; а приготовившись совсѣмъ, отвалили отъ берега и повезли насъ — куда неизвѣстно.

Японцы сидѣли смирно, ни слова не говоря и не обращая ни малѣйшаго вниманія на наши стоны. Только одинъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, знавшій говорить по курильски и служившій намъ переводчикомъ, сидя въ веслѣ безпрестанно пѣлъ пѣсни и передразнивалъ насъ, подражая нашему голосу и стонамъ, когда мы отъ боли и отъ душевнаго мученія иногда взывали къ Богу.

На разсвѣтѣ 12 іюля пристали мы, подлѣ небольшаго селенія, къ берегу острова Матсмая. Насъ тотчасъ переложили въ другія лодки и повели ихъ бичевою вдоль берега къ юго-востоку. Такимъ образомъ тащили насъ безпрестанно цѣлый день и всю слѣдующую ночь, останавливаясь только въ извѣстныхъ мѣстахъ для перемѣны людей, тянувшихъ бичевую, которыхъ брали изъ селеній, находящихся на берегу. Весь сей берегъ, такъ сказать, усѣянъ строеніемъ: на каждыхъ 3-хъ или 4-хъ верстахъ встрѣчаются многолюдныя селенія, изъ коихъ при всякомъ обильная рыбная ловля. Заведенія японскія по сей части промышленности безпримѣрны; мы часто проѣзжали тоти въ то время, когда вытаскивали изъ воды на берегъ невода огромной величины, съ невѣроятнымъ количествомъ рыбы (1). Здѣшняя лучшая рыба вся изъ роду лососины, таже самая, какая ловится въ Камчаткѣ.

Японцы часто предлагали намъ кашу изъ сарачинскаго пшена и поджареную рыбу; кто изъ насъ хотѣлъ ѣсть, тому они клали пищу въ ротъ двумя тоненькими палочками, которыми и сами ѣдятъ, употребляя ихъ вмѣсто вилокъ. Что принадлежитъ до меня, то я не могъ употреблять никакой пищи. Попеченіе Японцевъ объ насъ этимъ еще не кончилось; они приставляли къ намъ работниковъ съ вѣтками отгонять комаровъ и мухъ. Двѣ такія противуположности въ ихъ поступкахъ съ нами крайне насъ удивляли: съ одной стороны прилагали они непонятное объ насъ попеченіе, а съ другой стоны наши, происходившіе отъ чрезмѣрной боли, слушали спокойно и отнюдь не хотѣли для нашего облегченія ослабить вере-

(1) Японцы обыкновенно большіе свои невода протягиваютъ вдоль берега въ разстояніи отъ него саженъ на 20, на 25 и болѣе, и оставляютъ оные на поплавкахъ, пока рыба, идущая во время лова безпрестанно вдоль береговъ, не зайдетъ въ неводъ; тогда они большимъ числомъ людей вдругъ притягиваютъ концы онаго къ берегу.

ікъ. Мы никакъ не могли согла-
ить сіи два противорѣчія; впрочемъ
акъ бы то ни было, а добра отъ
понцевъ намъ ожидать было нель-
и. Мы думали, что самая большая
лость, которую они намъ ока-
ютъ, будетъ состоять въ томъ, что
асъ не убьютъ, но станутъ дер-
ать по смерть нашу въ неволѣ; а
ысль о вѣчномъ заключеніи меня
ъ тысячу разъ болѣе ужасала, не-
ели самая смерть. Но какъ чело-
ѣкъ и въ дверяхъ самой гибели
е лишается надежды, то и мы утѣ-
али себя мечтою: не представит-
ли намъ когда нибудь случай
йти. Для ободренія своего въ на-
ѣемъ несчастіи, мы иногда разсу-
дали: не вѣчно же Японцы ста-
ютъ насъ держать связанныхъ;
перь они боятся, чтобъ мы не
ли, ибо корабль нашъ не далеко;
послѣ конечно насъ развяжутъ,
не понимая, на что могутъ отва-
иться люди отчаянные. Слѣдова-
льно мы будемъ имѣть средство
йти, завладѣемъ лодкою, пере-
равившись на татарскій берегъ, ска-
емъ, что претерпѣли кораблe-
рушеніе, и будемъ просить, чтобы
асъ отвезли въ Пекинъ, а оттуда
етрудно будетъ съ позволенія ки-
айскаго правительства пріѣхать
ъ Кяхту. Вотъ и въ Россіи, въ
воемъ отечествѣ! Но такія пріят-
ныя, утѣшительныя мечтанія мгно-
енно исчезали. Такъ, Японцы васъ
азвяжутъ, говорилъ намъ здравый
разсудокъ, но это будетъ въ че-
ырехъ стѣнахъ, за желѣзными за-
орами, — вотъ вамъ и татарскій
берегъ, вотъ и Кяхта и отечество
аше! Мысль сія повергала насъ
въ ужаснѣйшее отчаяніе. Тогда
уже и единой искры надежды не
оставалось. Я неоднократно гово-
рилъ: если бы кораблекрушеніе,
бѣдствіе случившееся на морѣ, или
другой необходимый случай ввергъ
меня къ Японцамъ въ руки, то я ни-
мало не роптал бы на судьбу свою,
и всѣ несчастія самаго ужаснаго
плѣна переносилъ бы равнодуш-
но; но я самъ добровольно отдался
имъ. Отъ чистаго сердца и отъ же-
ланія имъ добра, поѣхалъ я къ
нимъ въ крѣпость, какъ другъ ихъ,
а теперь-что они съ нами дѣлаютъ?
Я менѣе мучился бы, если бъ былъ
причиною только моего собствен-
наго несчастія; но еще семь чело-
вѣкъ изъ моихъ подчиненныхъ так-
же отъ меня страдаютъ. Товарищи
мои старались меня успокоить. Г.
Муръ замѣтилъ, что меня мучитъ
честолюбіе, зачѣмъ я допустилъ
Японцевъ обмануть себя, и совѣ-
товалъ мнѣ вспомнить многіе при-
мѣры въ исторіи: что люди, во
всѣхъ отношеніяхъ несравненно
выше меня, сдѣлались жертвою
ошибокъ, подобныхъ моей, какъ
то: Кукъ, Делангль, князь Ціціа-
новъ и прочіе; но я находилъ раз-
ность между ихъ жребіемъ и моимъ:
они мгновенно были умерщвлены и
ничего послѣ не чувствовали; а я
живу и терзаюсь, будучи виною и
свидѣтелемъ страданій моихъ то-
варищей и своихъ собственныхъ.

Іюля 13, на разсвѣтѣ, остановили-
сь мы подлѣ одного небольшаго
селенія завтракать. Жители со все-
го селенія собрались на берегъ
смотрѣть насъ; изъ числа ихъ
одинъ, видомъ почтенный старикъ,
просилъ позволенія у нашихъ кон-
войныхъ подчивать насъ завтракомъ
и сагою, на что они и согласились.
Старикъ во все время стоялъ под-
лѣ нашихъ лодокъ и смотрѣлъ,
чтобы насъ хорошо кормили. Видъ
его лица показывалъ, что онъ жа-
лѣлъ о насъ непритворно. Такое

добродушіе и вниманіе къ нашему несчастію въ постороннемъ человѣкѣ весьма много насъ утѣшило. Мы стали о Японцахъ лучше мыслить и не считать ихъ совершенными варварами, презирающими Европейцевъ, какъ какихъ нибудь животныхъ. Послѣ завтрака опять потянули наши лодки вдоль берега далѣе. День былъ прекрасный, тихій, мрачность вся исчезла и горизонтъ сдѣлался совершенно чистъ. Всѣ сосѣдственныя горы и берега были весьма ясно видны, въ томъ числѣ Купаширъ, и берега, образующіе ужасную для насъ гавань, мы очень хорошо могли отличить, но Діаны нашей не видали. Я съ моей стороны и не желалъ ее увидѣть: видъ сей, если только можно, еще увеличилъ бы грусть нашу. Часа за два или за три до захожденія солнца, мы остановились при небольшомъ числѣ шалашей, обитаемыхъ Курильцами. Тутъ Японцы вытащили обѣ наши лодки на берегъ, а потомъ, собравъ великое множество Курильцевъ, потащили ихъ со всѣмъ, съ нами и съ караульными, на гору сквозь кусты и небольшой лѣсъ, очищая дорогу и уничтожая препятствія топорами. Мы не могли понять, чтобы могло ихъ понудить тащить на гору такой огромной величины лодки (*). Мы думали, что они, увидѣвъ нашу Діану, идущую къ берегу, и опасаясь, чтобъ Рускіе на нихъ не напали и насъ не отбили, по свойственной имъ трусости, хотятъ спрятаться. Но вскорѣ послѣ того дѣло объяснилось.—Поднявъ лодки на самую вершину довольно высокой горы, начали оныя спускать на другую сторону и спустили въ небольшую рѣчку, весьма много похожую на искуственно сдѣланный каналъ. Всего разстоянія тащили они насъ отъ 3 до 4 верстъ. Въ это время у матроса Васильева пошла изъ носу кровь и съ такимъ стремленіемъ, какъ изъ открытой жилы; мы просили Японцевъ ослабить на немъ веревки, а особливо около шеи, но они нимало не внимали нашимъ просьбамъ, а затыкали ему носъ хлопчатой бумагою; но когда примѣтили, что средство сіе не могло остановить теченія крови, тогда уже ослабили веревки и то очень мало. Такая ихъ непреклонность хоть къ малѣйшему нашему облегченію изглаживала изъ мыслей нашихъ доброе о нихъ мнѣніе, которое мы начинали было имѣть по поступкамъ нѣкоторыхъ частныхъ людей; и мы опять считали ихъ самыми жестокосердыми варварами. Впрочемъ, когда насъ спустили на рѣчку, то конвойные наши стали обращаться съ нами гораздо ласковѣе, вѣроятно отъ того, что теперь уже всякая опасность для нихъ отъ нашего шлюпа миновалась. Они старались намъ изъяснить знаками, что чрезъ 8 или 10 дней мы пріѣдемъ въ Матсмай; тогда насъ развяжутъ и позволятъ написать наше дѣло, которое будутъ разсматривать главные ихъ чиновники, и послѣ приведутъ насъ назадъ и отпустятъ въ Россію. Мы хотя очень мало вѣрили симъ разсказамъ, но не отвергали вовсе истины оныхъ, и надежда немного насъ успокоивала.

Рѣкою вышли мы въ большое озеро, которое, намъ казалось, имѣло сообщеніе съ другими обшир-

(*) Наша лодка имѣла по крайней мѣрѣ около 30 футовъ въ длину и футовъ 8 шир...

озерами. По озерамъ плыли о ночь и слѣдующій день, о очень медленно. Лодки наісто должны были идти меляне иначе какъ такимъ обрачто Курильцы сходили въ вотащили ихъ. Ночью шелъ ый дождь. Японцы покрыли рогожами; но какъ онѣ часто съ сваливались, то мы приены были почти безпрестанно ть приставленныхъ къ намъ никовъ поправлять ихъ. Одинъ ихъ былъ человѣкъ добрый— ылъ приставленъ къ г. Хлѣбу, но готовъ всегда служить всѣмъ, а прочіе отправляли должность свою хорошо, же иногда лѣнились, отъ чеъ исправно дождемъ помочидинъ изъ нихъ даже нѣсколь-зъ ударилъ г. Мура за то, что го часто безпокоилъ; между должно сказать, что конвойіаши за это его побранили. ловинѣ ночи пристали мы къ у небольшому селенію или ку для перемѣны гребцовъ. регу раскладены были больгни, которые освѣщали нѣко десятковъ японскихъ солі Курильцевъ, стоявшихъ въ : первые были въ воинской цѣ и въ латахъ, съ ружьями, а дніе со стрѣлами и луками. льникъ ихъ стоялъ предъ томъ въ богатомъ шелковомъ ѣ и держалъ въ рукѣ, на повѣсовъ, знакъ своей власти. ній изъ нашихъ конвойныхъ шелъ къ нему съ великимъ острастіемъ, и, присѣвъ почти олѣни, съ поникшею головою, что-то ему разсказывалъ, но думать о томъ, какъ насъ . Послѣ сего начальникъ дилъ къ намъ на лодку съ фонарями посмотрѣть насъ. Мы просили его велѣть насъ нѣсколько облегчить; стражи наши, понимая, чего мы просимъ, пересказали ему, но онъ, вмѣсто отвѣта, засмѣялся, проворчалъ что-то сквозь зубы и ушелъ. Тогда мы отвалили отъ берега и поѣхали далѣе; а въ ночь на 15 число пристали къ большому огню, разведенному на берегу. Тутъ развязали намъ ноги и стали насъ выводить одного послѣ другаго и ставить подлѣ огня грѣться, а наконецъ повели всѣхъ на невысокую гору, въ большой, на сарай похожій, пустой анбаръ, въ которомъ, кромѣ однихъ дверей, никакого отверстія не было. Тамъ дали намъ одѣяла постлать и одѣться, положили насъ, связали опять ноги по прежнему, покормили кашею изъ сорочинскаго пшена и рыбою. Сдѣлавъ все это, Японцы расположились пить чай и курить табакъ, и болѣе уже объ насъ не заботились. 15 числа во весь день шелъ проливной дождь, и мы оставались на той же квартирѣ и въ томъ же положеніи. Кормили насъ три раза въ день, по прежнему, кашею, рыбою и похлебкою изъ грибовъ.

---

130. Изъ Путешествія Всеволожскаго.

Троя.

Около полудня, когда мы проплыли нѣсколько далѣе, почти въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, подулъ сильный противный намъ вѣтеръ, такъ что корабль не могъ лавировать. Капитанъ рѣшился бросить якорь у самаго азіятскаго замка (Кумъ-Кале), и я чрезвычайно обрадовался этому: неожиданный

случай давалъ мнѣ возможность осмотрѣть троянскую долину и мѣсто древней Трои. Товарищъ капитана, я, мой переводчикъ и четыре матроса отправились на берегъ. Мы условились, что я останусь ночевать на берегу, съ переводчикомъ и однимъ матросомъ, и на другой день лодка придетъ за мной. Капитанскій товарищъ плылъ за дровами. Мы благополучно вышли на берегъ у самаго устья Симоиса (Мендере-Су). Часть нынѣшняго берега не существовала во время троянской войны: она составлена изъ наноснаго песку и земли, теченіемъ рѣкъ; слѣдовательно надобно идти около полуверсты далѣе по землѣ, чтобы опредѣлить мѣсто греческаго лагеря и окопа. У меня были со мной Иліада и путешествіе въ Трою Шевалье. Съ такими путеводителями непростительно было-бы заплутаться. У Шевалье все такъ вѣрно описано, что, кажется, живешь посреди героевъ, воспѣтыхъ Гомеромъ, и видишь бои, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Долина, разстилающаяся передо мной, между пригоркомъ у Кумъ-Кале и берегами Имвриса, непремѣнно то мѣсто, гдѣ стоялъ греческій флотъ. Пристань надежна и въ ней удобно было, по тогдашнему обычаю, вытаскивать корабли на берегъ. Окопъ, устроенный передъ ними, защищалъ ихъ: онъ опирался правымъ флангомъ на высоты, ограничивающія съ этой стороны долину и оканчивающіяся Сигейскимъ мысомъ; лѣвый флангъ былъ подлѣ устья рѣки, или, еще вѣроятнѣе, за рѣкой, такъ что она оставалась внутри лагеря, который упирался въ Рифейскій мысъ. Окопъ и палисадникъ окружали лагерь. Вправо отъ него были гробницы Ахиллеса и Патрокла: я ихъ вижу! Вотъ курганы, означающіе мѣста, и нынѣ называемые ихъ именами... Графъ Шуазель разрывалъ Ахиллесовъ курганъ, и вдругъ усумнился, не знаю въ чемъ. Онъ подумалъ, что это курганъ надъ гробомъ Фестуса, любимца изверга Каракаллы, который вздумалъ почтить его великолѣпными похоронами, въ подражаніе сдѣланнымъ Ахиллесомъ другу своему Патроклу. Но г. Шуазель могъ-бы сообразить, что Александръ Великій приносилъ жертвы гробницѣ Ахиллеса и почтилъ ее празднествомъ, и что нельзя было императору Каракаллѣ не знать мѣста ея. Онъ, обезьянствуя великаго человѣка, также почтилъ прахъ героя, а потомъ уже хотѣлъ, какъ Ахиллесъ Патрокла, похоронить и своего подлаго друга. Но Геродіанъ именно говоритъ, что близъ Ахиллесовой гробницы только сожгли тѣло Фестуса на кострѣ, и пепелъ его собрали въ золотой ковчегъ, увезенный потомъ императоромъ. Послѣ этого ясно, что здѣсь Фестусова кургана нѣтъ, а этотъ Ахиллесовъ, тотъ самый, на которомъ приносилъ жертву Александръ и потомъ Каракалла.

Невдалекѣ видны еще небольшіе остатки Минервина храма и курганъ Антилоховой гробницы. Антилохъ, сынъ Нестора и другъ Ахиллеса, былъ одною изъ первыхъ жертвъ Троянской войны. Нельзя не узнать рѣкъ Скамандра и Симоиса, орошающихъ долину: первая — тихій ручей, наполняемый изобильными ключами близъ самой Трои, а другая—быстрая и шумная рѣка; онѣ сливаются, и во

время Троянской войны протекали сквозь самый лагерь Грековъ. На этой плодоносной долинѣ, раздѣлявшей греческій лагерь отъ лагеря Троянъ и самой Трои, происходили всѣ битвы между двумя нашадами. Не трудно узнать мѣсто, гдѣ были Скейскія ворота, изъ которыхъ выходили Трояне: это ясно означаютъ источники Скамандра. Тутъ была слабѣйшая сторона города; напротивъ, задняя часть владѣла всей долиной, составляя какъ-бы отдѣльную высоту, окруженную и защищенную быстрымъ Симоисомъ и дикими, крутыми скалами Идайской горы, въ иныхъ мѣстахъ даже неприступной. Эта часть совершенно соотвѣтствуетъ акрополису, или верхнему городу, гдѣ былъ Минервинъ храмъ, и гдѣ поставили деревяннаго коня съ скрытыми въ немъ воинами. Тутъ-же видѣнъ и надгробный курганъ Гектора; онъ не похожъ на другіе тѣмъ, что не насыпанъ, какъ они, изъ земли, но весь складенъ изъ камней. Отъ мѣста Трои легко можно видѣть Айсьетову гробницу: тамъ Трояне легко могли наблюдать всѣ движенія Грековъ. Словомъ, нѣтъ мѣста, упомянутаго въ Иліадѣ, котораго ясно и вѣрно не узналъ-бы я по описанію Шевалье. Послѣ него не остается ничего сказать.

Ночевать отправился я въ Бурна-Баши: эта деревенька хуторъ Капитана-Паши. Еще долго читалъ я Гомера, и заснулъ, такъ сказать, наполненный картинами и описаніями божественнаго Гомера.... Къ утру я съ первыми лучами солнца проснулся, и поѣхалъ купаться въ Симоисъ. Купанье совершенно освѣжило меня. Симоисъ такъ быстръ, что въ немъ я съ трудомъ могъ стоять на ногахъ! дно его усыпано мелкимъ камешникомъ. На память я взялъ нѣсколько камешковъ, сорвалъ вѣтку тростнику, и возвратился въ Бурна-Баши пить кофе. Времени оставалось еще довольно, и я пошелъ чрезъ Скейскія ворота въ Трою, сѣлъ на возвышеніи и началъ опять читать Гомера. Этотъ очарователь заставилъ меня совершенно переселиться въ его міръ: вотъ Гекторъ выходитъ на защиту отечества, Гекторъ, сильнѣйшій и можно сказать послѣдній оплотъ Трои. Нѣжная Андромаха, держа на рукахъ сына, провожаетъ супруга своего до Скейскихъ воротъ. Картина этого прощанья неподражаема; въ ней Гомеръ превзошелъ себя, проникъ до глубины сердца человѣческаго, и представилъ всѣ чувства матери, и супруги, и невиннаго младенца, робко не узнающаго отца подъ грознымъ шлемомъ. Я, кажется, видѣлъ ихъ передъ собою, жалѣлъ объ Андромахѣ, но понималъ Гектора, и хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ идти защищать отечество. Какія нѣжныя чувства могутъ устоять противъ любви къ отечеству!

Капитанъ прислалъ ко мнѣ матроса сказать, что я могу пробыть на берегу до вечера, если мнѣ угодно, потому что онъ запасается дровами и водою. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, и слазить на Иду и Гаргаръ. Въ Бурна-Баши нанялъ я ословъ, провожатаго, и пустился въ горы. За самой Троей начинаешь подыматься на одну изъ высочайшихъ горъ, принадлежащихъ къ идайской цѣпи. Здѣсь-то Парисъ имѣлъ свиданіе съ Эноной, нимфой; тутъ-же судилъ онъ красоту трехъ богинь,

и далъ несчастное яблоко предпочтенія Венерѣ: яблоко раздора, эту причину войны и паденія Трои. Теперь гора заросла алепскими соснами. Я видѣлъ на ней козъ и пастуха, но не похожаго на Париса: запачканный, дикій Турокъ, онъ незнакомъ съ богинями и, кажется, не слыхивалъ про нихъ. Взобравшись на самый верхъ горы, я разсматривалъ окрестности. Къ морю лучше всего видѣнъ Аяксовъ курганъ; по другую сторону распозналъ я дорогу между горъ, ведущую въ Адрамите; дальше, чрезъ другія тѣснины, легко пробраться на дорогу, пролегающую горами къ Гранику. Слѣдовательно, и во время осады Трои, сообщенія города оставались свободны съ Смирной и всею полуденною Азіей и Сиріей. Не удивительно, что Эней, Антеноръ и Гелленъ безпрепятственно вышли изъ Трои; большая часть жителей спаслись въ этимъ горахъ: Греки жгли, грабили городъ и спѣшили нагружать свою добычу на корабли, не заботясь о бѣглецахъ.

Верхи Гаргара были покрыты черными тучами: это напомнило мнѣ прелестный эпизодъ Иліады, гдѣ Гомеръ описываетъ Юнону, похитившую поясъ Венеры, чтобы усыпить Юпитера, наблюдавшаго съ высоты горы за успѣхами Троянъ.

Я чрезвычайно усталъ и очень разочаровался, когда сошелъ съ горъ и остановился пообѣдать у подошвы ихъ, съ моими провожатыми. Они глядѣли на все хладнокровно и не понимали меня. Имена Иды, Гаргара, Трои и самаго Гомера были имъ чужды. Гораздо больше занимали ихъ двухствольное ружье мое, кинжалъ и писто-

леты. Мы поѣхали, и я потих
ку началъ возвратный путь мо
кораблю, куда довольно поздн
чероиъ дотащился благополу
Въ каютѣ я легъ отдохнут
опять сталъ думать о Троѣ.
редо мною уже не было курга
Гектора и Ахиллеса; Ида, Г
гаръ и Симоисъ съ Скаманд
не вспоминались мнѣ; Гоме
Шевалье лежали смиренно вче
данѣ. Но я представилъ себѣ
осаду и эти бои. Нельзя пола
чтобы во всемъ событіи Троян
войны не было истины. Греки,
да еще дикіе, не имѣли ни пал
шаго понятія о фортификаці
средствахъ брать города. Они
же не обложили города и не
няли у него сообщеній. Они
сто вышли на берегъ, стали т
ромъ у кораблей, окопались,
лали набѣги на сосѣдственны
рега, потому что надобно
кормиться; жгли, грабили, ст
десять лѣтъ подъ Троей и ни
да-бы, вѣроятно, не взяли ея, е
бы случайно не успѣли обма
бдительность стражей. Трояне
далеко ушедшіе отъ нихъ въ
свѣщеніи, выставили противъ
ковъ такой-же лагерь близь с
своей столицы, и чрезъ деф
Идайскихъ горъ всегда сохра
сообщеніе съ прочими наро
малой Азіи, получали отъ нихъ
нужные запасы и даже вспом
тельное войско. На обширную
лину выходили они сражатьс
Греками: но что были ихъ ср
нія? Кулачный бой, стѣна на
ну. Начальники были воору
получше простыхъ воиновъ, и т
то отличались молодцы. Сег
Греки прогнали Троянъ, за
Трояне Грековъ; на ночь ра
дились по таборамъ, а по

ıась потѣха. Вы со-
о такая война, та-
гли-бы продолжиться
ія, и отъ отцевъ пе-
наслѣдство дѣтямъ;
, дѣйствовавшихъ на
, мы также-бы мало
о нашихъ славныхъ
йцахъ. Гомеръ, без-
убаснословный, вос-
ея бои, ея героевъ,
реческихъ бойцовъ,
мнона, Улисса, Аяк-
и Ахиллеса сдѣла-
ны. Начали отыски-
ятники, стали твер-
на, и я, неизвѣстный
снѣговъ своихъ, при-
ть на Трою и усла-
пианіями Гомера. Та-
іе поэзіи.

ка по Бессарабіи.

ікъ Потемкина.

ялся къ вечеру, ког-
ли изъ Скулянъ и
маться въ горы. Дол-
по Пруту, который
бѣгалъ подъ самую
брежныхъ холмовъ,
огли видѣть въ стру-
кеніе нашей коляски.
очь. Молодой мѣсяцъ
ясное, безоблачное
ная даль облилась
имъ полусвѣтомъ. Съ
, изъ оврага въ ов-
тигли наконецъ гу-
аго лѣса, сквозь ко-
продиралось трепет-
олоторогаго свѣтила
еще не прекращался,
деревьевъ засверка-
забѣлѣлись хижинки.
еніе Унцешты, раз-
лѣсистымъ бокамъ
высокой горы. Чудное, очаровательное мѣстоположеніе! Огни горѣли то подъ нами, то надъ нами. Обманчивый свѣтъ луны увеличивалъ размѣры, возвышалъ до исполинскаго величія холмы, превращалъ овраги въ бездонныя пропасти. Долго тянулось селеніе, въ полномъ смыслѣ по горамъ и по доламъ. При концѣ его, обозначаемомъ церковью, мы остановились до утра.

Съ первыми лучами разсвѣта мы ужъ были опять въ дорогѣ. Я зналъ, что «Памятникъ Свѣтлѣйшаго» недалеко, и заранѣе настроивалъ свое воображеніе къ мечтамъ и воспоминаніямъ. Но однообразный видъ пустынныхъ окрестностей и мѣрное колыханье тихо двигавшейся коляски были такъ усыпительны, что я невольно забылся въ нѣгѣ сладкой утренней дремоты. Вдругъ слышу: Памятникъ! Памятникъ! Открываю глаза. Мы съѣзжали на дно глубокой долины, пресмыкающейся у подножія крутой и высокой горы. Подъ нами скатывалась въ долину нагая степь. Противоположная гора вѣнчалась густымъ лѣсомъ, упиравшимся въ небеса. Солнце разгаралось всѣмъ блескомъ свѣжихъ утреннихъ лучей: голубой паръ поднимался прозрачнымъ пологомъ надъ косматою горою; гладкая пелена степи казалась раззолоченною черезъ огонь. Въ этой пучинѣ свѣта едва мелькала одинокая стрѣлка, водруженная на одномъ изъ послѣднихъ уступовъ степнаго ската долины. То былъ пустынный памятникъ «великолѣпнаго Князя Тавриды!»....

Въ благоговѣйномъ безмолвіи приблизились мы къ завѣтному мѣсту. Обелискъ, сложенный изъ дикаго

камня, запечатлѣнъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него домикъ для сторожа памятника. Сѣдой, какъ лунь, инвалидъ, встрѣтившій насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ.

Такъ вотъ гдѣ кончилась дивная драма, имѣвшая позорищемъ своимъ полсвѣта! Вотъ гдѣ раздался неумолимый свистокъ и занавѣсъ палъ на сцену, гдѣ судьбы міра такъ тѣсно переплетались съ страстями одного человѣка, гдѣ исторія царствъ и народовъ раболѣпно сжималась въ рамки біографіи!.... О, какъ высока поэзія дѣйствительности, поэзія чистой, нагой истины событій! Никакой Аріостъ не выдумаетъ поэмы волшебнѣе жизни Потемкина! Никакой Шекспиръ не создастъ ничего торжественнѣе, ничего краснорѣчивѣе и глубокомысленнѣе, какъ смерть Потемкина!....

Назадъ тому сорокъ восемь лѣтъ, эта пустынная глушь внезапно оживилась. Вихремъ мчится по ней блестящая колесница. Она несетъ исполина, который одинъ, на мощныхъ раменахъ, держитъ судьбу этихъ горъ и степей, таитъ для нихъ въ глубинѣ своей души никому недовѣдомую будущность. Но взоръ путника страшно мутенъ; чело заклеймено печатью тяжкаго страданія. Что могло такъ омрачить лучезарную жизнь Свѣтлѣйшаго, утвердившуюся въ зенитѣ «счастья» безпримѣрнаго, «славы» беззакатной? Предъ нимъ и за нимъ, все покорствуетъ его волѣ, все смиряется предъ его могуществомъ. По мановенію его, тамъ, откуда онъ ѣдетъ, все повергается во прахъ; тамъ, куда онъ ѣдетъ, все возникаетъ изъ праха. Жизнь и смерть — одно его слово. Вѣсы рока послушно колеблются въ привычной рукѣ, до сихъ поръ не видавшей сопротивленія. Нѣтъ! это одно изъ тѣхъ перелетныхъ облаковъ, которыя набѣгаютъ на солнце и въ полдень! Вѣрно, ясскія оргіи надоѣли пресыщенному Альцибіаду. Вѣрно, черная минута сплина есть часовое похмѣлье послѣ упоительнаго чада наслажденій, безграничныхъ и безпрерывныхъ. Погодите: все пройдетъ при видѣ юнаго Николаева, когда онъ, въ привѣтъ своему творцу, блеснетъ яркими очами колоссальныхъ своихъ рѣкъ, зашевелитъ мягкими кудрями новорождающихся рощъ, залепечетъ шумнымъ говоромъ веселъ и парусовъ въ новоучреждаемыхъ гаваняхъ.... Но бѣгъ рьяныхъ коней вдругъ останавливается. Пестрый рой спутниковъ «великолѣпнаго князя» взволновался безмолвнымъ смятеніемъ. На щетинистомъ ковылѣ дикой степи торопливо стелютъ дорожный плащъ, и кладутъ умирающаго.... Еще минута — и его не стало!.... Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій не существовалъ болѣе!.... *Мимо идохъ*—сказалъ бы мудрецъ-христіанинъ — *и се не бѣ*!....

Звучно раздавался въ ушахъ моихъ вѣщій голосъ великаго поэта:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На темномъ вьюрѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями,
Обозрѣваетъ царства вдругъ:
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

тъ, какъ на распутьѣ мгла,
на темномъ лонѣ ночи?
рубище чресла,
та покрываютъ очи;
ты къ груди хладны персты,
змолвствуютъ отверсты!

ръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
и — вкругъ пустынны виды?....

точно угадана, какъ вѣрно нута дикая пышность ранъ, ѣ достойныхъ великой кар-.... Потемкинъ не могъ вы- лучше мѣста, гдѣ сложить бя дивную свою жизнь. Ко- ы взъѣхали на вершину про- ежащей горы, я долго смот- во глубину пропасти, гдѣ ся уединенный памятникъ. угъ все пусто и тихо. Доли- залась огромною могилою, анною для костей допотоп- наго великана. Вдали Унцештская церковь плавала серебрянымъ лебедемъ въ лазурной влагѣ небесъ: чуткое эхо разносило по степи утренній звонъ колокола, протяжный и унылый, какъ надгробное пѣніе. Еще далѣе, синѣлись верхи молдавскихъ горъ, сопровождающихъ теченіе Прута: они курились прозрачнымъ дымомъ утреннихъ паровъ, точно заупокойнымъ ѳиміамомъ по душѣ усопшаго. Спивъ мирѣ, могучій!

Героевъ нѣтъ! Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала,
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ!....

Н. Надеждинъ.

ДИДАКТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

А. РАЗСУЖДЕНІЯ.

132. О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ роднѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была-бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ

сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего «отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ «тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и «живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: «трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно.»

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная, что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ — а

смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Рускій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ-же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими; скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра; имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Рускіе, всегда превосходные своею храбростію, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Рускихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали Востокъ и Западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи! такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ! Над-

о только быть на престолѣ
тельному, смѣлому государю.
ная сила и храбрость, послѣ
ораго усыпленія, громомъ и
ею возвѣстили свое пробуж-

мена самозванцевъ представ-
опять горестную картину
а; но скоро любовь къ оте-
воспламеняетъ сердца —
ане, земледѣльцы требуютъ
чальника, и Пожарскій, о-
нованный славными ранами,
гъ съ одра болѣзни. Добро-
ьный Мининъ служитъ при-
ъ; и кто не можетъ отдать
отечеству, отдаетъ ему все,
имѣетъ.... Древняя и новая
ія народовъ не представляетъ
ничего трогательнѣе сего об-
, геройскаго патріотизма. Въ
вованіе Александра позволе-
лать Русскому сердцу, что-
кой-нибудь достойный мону-
, сооруженный въ Нижнемъ
городѣ (гдѣ раздался первый
любви къ отечеству), обно-
въ нашей памяти славную
Русской Исторіи. Такіе мо-
ты возвышаютъ духъ наро-
скромный монархъ не запре-
бы намъ сказать въ надписи,
сей памятникъ сооруженъ въ
частливое время.

тръ Великій, соединивъ насъ
вропою и показавъ намъ вы-
просвѣщенія, не надолго уни-
народную гордость Рускихъ.
зглянули, такъ сказать, на
пу, и однимъ взоромъ присво-
себѣ плоды долговременныхъ
овъ ея. Едва великій государь
лъ нашимъ воинамъ, какъ на-
владѣть новымъ оружіемъ,
взявъ его, летѣли сражаться
ервою европейскою арміею.
ись генералы, нынѣ ученики,
завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турокъ и наконецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искуствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмагонадесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на-

примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если-бы наши молодые дворяне учась могли доучиваться, и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли-бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Рускихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно-ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно-ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога. Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Рускимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Рускихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которое, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того-ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть-же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторы переводамъ (*). Кому не буде обидно походить на Даламбертов мамку, которая, живучи съ нимъ къ изумленію своему услыша отъ другихъ, что онъ умный чело вѣкъ? Нѣкоторые извиняются ху дымъ знаніемъ русскаго язык Это извиненіе хуже самой вин Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣт скимъ дамамъ утверждать, ч русскій языкъ грубъ и непріятен что charmant и séduisant, expansion vapeurs не могутъ быть на не выражены, и что, однимъ словом не стоитъ труда знать его. К смѣетъ доказывать дамамъ, ч онѣ ошибаются? Но мужчины имѣютъ такого любезнаго пра судить ложно. Языкъ нашъ выра зителенъ не только для высока краснорѣчія, для громкой, живо писной поэзіи, но и для нѣжно простоты, для звуковъ сердца чувствительности. Онъ богат гармоніею, нежели французскій способнѣе для изліянія души в тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша что мы все хотимъ говорить по-французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено-ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Рускіе, говоря имъ, по его за-

(*) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. Пр. соч.

е разумѣютъ другъ дру-
съ должны прибѣгать къ
ому. Не мы ли сами подда-
ъ такимъ нелѣпымъ за-
? — Языкъ важенъ для
я люблю Англичанъ за
лучше хотятъ свистать
ю-англійски, нежели го-
кимъ языкомъ, извѣст-
всякому изъ нихъ.
ему предѣлъ и мѣра:
вѣкъ, такъ и народъ на-
егда подражаніемъ; но
овременемъ быть *самъ*
ысказать: *я существую*
о! Теперь мы уже имѣ-
о знаній и вкуса въ
могли-бы жить, не спра-
ъ живутъ въ Парижѣ и
ѣ? что тамъ носятъ, въ
ъ, и какъ убираютъ до-
тъ спѣшитъ присвоить
благодѣтельное и нуж-
ергаетъ рабскія подра-
здѣлкахъ, оскорбитель-
родной гордости. Хоро-
но учиться; но горе и
народу, который бу-
шнимъ ученикомъ!
времени Россія безпре-
вышалась какъ въ по-
ъ, такъ и въ нравствен-
тѣ. Можно сказать, что
ъ отъ году насъ болѣе
а мы еще въ срединѣ
внаго теченія. Наблю-
дѣ видитъ новыя отрас-
тія, видитъ много пло-
ще болѣе цвѣта. Сим-
есть пылкій юноша;
, полное жизни, лю-
льность; девизъ его:
адежда! Побѣды очи-
путь къ благоденствію;
право на счастіе.

Карамзинъ.

---

133. О древней и новой Россіи.

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности, долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя собирателя земли Русской, есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, системѣ, наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека, и вмѣстѣ съ нею достоинство великаго князя, Калита первый убѣдилъ хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ бояръ княжескихъ, ибо татарскіе вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собранія ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними: какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились, торговля пробудилась нетолько внутренняя, но и внѣшняя, народъ и казна обогатились, дань ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ удѣ-

ловъ къ великому княжеству. Усыпляемые ласками властителей московскихъ, ханы съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ князей россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная политика князей московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и единовластіе усилить самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла навѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія югозападныя княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная во время Іоанна IV, пріобрѣла три царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, дотолѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе князей московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, ибо, кромѣ Донскаго, никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ.

Въ глубинѣ сѣвера возвысивъ главу свою между азіатскими и европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ ч міра: смѣсь древнихъ восто нравовъ, принесенныхъ Сла ми въ Европу и подновлен такъ сказать, нашею долговре ною связью съ Моголами,—в тійскихъ, заимствованныхъ сіянами вмѣстѣ съ христіан вѣрою, и нѣкоторыхъ германс сообщенныхъ имъ Варягами послѣднія черты, свойственны роду мужественному, вольн еще были замѣтны въ обыкн ніи судебныхъ поединковъ, в хахъ рыцарскихъ и въ духѣ стничества, основанномъ на вомъ славолюбіи. Заключеніе скаго пола и строгое холо оставались признакомъ дре азіатскихъ обычаевъ. Дворъ скій уподоблялся византійс Іоаннъ III, зять одного изъ П логовъ, хотѣлъ какъ бы возс вить у насъ Грецію, собл емъ всѣхъ обрядовъ ея це ныхъ и придворныхъ: окр себя римскими орлами и прин иноземныхъ пословъ въ Зо Палатѣ, которая напоминала Б ніанову. Такая смѣсь въ нра произведенная случаями, о тельствами, казалась намъ пр ною, и Россіяне любили опую свою народную собственност

Хотя двувѣковое иго ха не благопріятствовало усп гражданскихъ искуствъ и р въ нашемъ отечествѣ, одн Москва и Новгородъ пользо важными открытіями тогда временъ: бумага, порохъ, к печатаніе сдѣлались у насъ стны весьма скоро по ихъ из теніи. Библіотеки Царская и трополитская, наполненная писями греческими, могли предметовъ зависти для иных ропейцевъ. Въ Италіи возро

зодчество: Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и Грановитую Палату; иконописцы, рѣзчики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства: Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное Уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи торговой казни, неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало: многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: государи, папы, республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія, одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой имперіи, Польши, Швеціи. Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали послы въ Москву, и мысль сдѣлать Россію путемъ индѣйской торговли была тогда общею. Политическая система государей московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію, имѣя цѣлію одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности монарховъ, нежели полезнаго для государства, и, возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній, невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ монаршей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ государемъ добрымъ, и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей, славнѣйшихъ добродѣтелями; бояре и народъ, во глубинѣ души своей, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость Цареву, сію казнь за грѣхи ихъ! Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ исторіи названіемъ Опришнины, всѣ люди, знаменитые богатствомъ или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей! время и расположеніе умовъ достопамятное: нигдѣ и никогда грозное самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, въ тайнѣ умышленное, но открытое исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, Татаринъ происхожденіемъ, Кром-

умѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Годуновъ, тревожимый совѣстію, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ самодержавіе въ рукахъ своихъ; кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ; ссылка, заточеніе, невольное постриженіе въ монахи были единственнымъ наказаніемъ бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество царское ослабѣло въ семъ избранномъ вѣнценосцѣ.

Не многіе изъ государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву: разсказы о его мнимомъ,

численная дума боярская
живъ прежде единственн
скимъ Совѣтомъ, обрати
шумный сонмъ ста правител
скихъ и духовныхъ, кои
печный и лѣнивый Димитр
рилъ внутреннія дѣла г
ственныя, оставляя для себ
нюю политику; иногда
тамъ и спорилъ съ боярами
щему удивленію: ибо Росс
толѣ не знали, какъ под
могъ торжественно противо
Монарху. Веселая обхо
ность его вообще преступи
ницы благоразумія и велич
ной скромности. Сего мал
митрій явно презиралъ русск
чаи и вѣру: пировалъ, ког
родъ постился; забавлялъ с
вѣсту пляскою скомороховъ
настырѣ Вознесенскомъ;
угощать бояръ яствами гн
для ихъ суевѣрія; окружил
не только иноземною страж
и шайкою езуитовъ; говор

ю личныхъ несправедливостей и заблужденій государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для вержденія власти: одинъ часъ роднаго изступленія разрушаетъ нову ея, которая есть уваженіе равственное къ сану властителя. Москвитяне истерзали того, му недавно присягали въ вѣрности: горе его преемнику и народу. Отрасль древнихъ князей суздальскихъ и племени Мономахова, асилій Шуйскій, угодникъ ца Бориса, осужденный на казнь помилованный Лжедимитріемъ, ергнувъ неосторожнаго самозванца, въ награду за то пріялъ ровавленный его скипетръ отъ мы боярской и торжественно изрилъ самодержавію, присягнувъ ъ ея согласія не казнить никого, не отнимать имѣній и не ъявлять войны. Еще имѣя въ вѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцевъ невно убіенныхъ имъ предпочли ою безопасность государственную и легкомысленно стѣснили долѣ неограниченную власть монарху, коей Россія была обязана асеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе бояръ жутся равнымъ преступленіемъ глазахъ потомства, ибо первый кже думалъ болѣе о себѣ, нежели о государствѣ, и, плѣняясь клію быть царемъ, хотя и съ раниченными правами, дерзнулъ явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо лежало случиться. Бояре виили въ полумонархѣ дѣло рукъ оихъ и хотѣли, такъ сказать, одолжать оное болѣе и болѣе, ѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ повами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты боярскія, и народъ, волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился ко Дворцу Кремлевскому предписывать законы государю. Шуйскій изъявлялъ твердость: «возмите вѣнецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ,» — говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирился, и вновь мятежничалъ, въ самое то время, когда самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуйскій палъ, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными, и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинно царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ отечества, заключеный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть Царя, и, боясь избрать единоземца, чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который, пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея западными странами. Но мѣстѣ съ царствомъ предложили ему условія: хотѣли обезпечить вѣру и власть боярскую. Еще договоръ не довершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ

Москву и прежде времени начали торжествовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ, самозванцы, козаки свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, государство погибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ: изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ пастырями церкви и боярами, рѣшили судьбы отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного — цѣлости, блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери — инокини, и возвели на престолъ, орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцемъ и жертсою: трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый боярамъ верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ аристократовъ: тѣ и другіе единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцемъ, монархомъ неограниченнымъ; тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: Богъ и Государь! — написали хартію, и положили оную на престолъ. Сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею и бояръ и народа, есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья московскіе учредили самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить одновластіе. Древніе княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи; но царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Ольговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую, и тѣмъ ослабить самодержавіе. Предпочли юношу, почти безроднаго; но сей юноша, свойственникъ царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ не-
бвенныхъ мужей, которые въ
стой рукѣ держали тогда урну
дьбы нашей, обуздывая собствен-
я и чужія страсти. Дуга небес-
го мира возсіяла надъ трономъ
сійскимъ. Отечество подъ сѣ-
самодержавія успокоилось, из-
гнувъ чужеземныхъ хищни-
въ изъ нѣдръ своихъ; возвели-
лось пріобрѣтеніями и вновь об-
зовалось въ гражданскомъ по-
дкѣ, творя, обновляя и дѣлая
лько необходимое, согласное съ
нятіями народными и ближай-
е къ существующему. Дума Бо-
ская оставалась на древнемъ
лованіи, т. е. Совѣтомъ Царей
всѣхъ дѣлахъ важныхъ, поли-
ческихъ, гражданскихъ, казен-
хъ. Прежде монархъ рядилъ го-
дарство чрезъ своихъ намѣст-
ковъ или воеводъ; недоволь-
е ими прибѣгали къ нему; онъ
дилъ дѣло съ боярами. Сія вос-
ная простота уже не отвѣт-
вовала государственному воз-
сту Россіи, и множество дѣлъ
бовало болѣе посредниковъ
жду царемъ и народомъ. Учре-
лись въ Москвѣ Приказы, кото-
е вѣдали дѣла всѣхъ городовъ
судили намѣстниковъ. Но еще
дъ не имѣлъ устава полнаго:
Іоаннъ оставлялъ иного на
вѣсть или произволъ судящаго.
ѣренный въ важности таковаго
ла, Царь Алексій Михайловичъ
значилъ для онаго мужей дум-
хъ, и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ
борными всѣхъ городовъ, всѣхъ
стояній, исправить Судебникъ;
полнить его законами гречески-
, намъ давно извѣстными, но-
йшими указами царей и необ-
димыми прибавленіями на слу-
и, которые уже встрѣчаются въ
судахъ, но еще не рѣшены зако-
номъ яснымъ. Россія получила
Уложеніе, скрѣпленное патріар-
хомъ, всѣми значительными ду-
ховными, мірскими чиновниками и
выборными городскими. Оно, послѣ
хартіи Михаилова избранія, есть
донынѣ важнѣйшій государствен-
ный завѣтъ нашего отечества.

Карамзинъ.

(*Ист. Гос. Рос., изд. Эйнерлинга. 1843*).

---

134. О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно-ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны—въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее береніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбни-

цу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо* и *счастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ счастіе!

Какую-же эпоху жизни можно назвать *счастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, *такъ и жизнь* бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если-бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей натуры: то она не могла-бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями — семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія, живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе... Поля, нашими трудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный,

емледѣльцы, насъ благодарящіе— ица домашнихъ спокойныя, серд- а ихъ къ намъ привязанныя—ра- уютъ мирную душу опытнаго че- овѣка болѣе, нежели сіи шумныя абавы, сіи призраки воображенія страстей, которые обольщаютъ олодость. Здоровье, столь мало важаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣ- ается въ лѣтахъ зрѣлости истин- ымъ благомъ; самое чувство жиз- и бываетъ гораздо милѣе тогда, огда уже пролетѣла ея быстрая оловина.... Такъ остатки ясныхъ сенннихъ дней располагаютъ насъ ивѣе чувствовать прелесть нату- ы: думая, что скоро все увянетъ, оимся пропустить минуту безъ аслажденія!.... Юноша небла- одаренъ: волнуемый темными же- аніями, безпокойный отъ самаго ыбытка силъ своихъ, съ небреже- емъ ступаетъ онъ на цвѣты, ко- рыми природа и судьба украша- ютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, скушенный опытами, въ самыхъ рестяхъ любитъ благодарить Не- о сослезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе-же время дѣйствуетъ и ржествуетъ геній.... Ясный взоръ а міръ открываетъ истину, во- ображеніе сильное представляетъ черты живо и разительно, усъ зрѣлый украшаетъ ее про- отою, и творенія ума человѣ- ескаго являются въ совершен- вѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ остирать руку къ потомству, ть современникомъ вѣковъ и ажданиномъ вселенной. Моло- сть любитъ въ славѣ только умъ, а душа зрѣлая — справед- вое, основательное признаніе ея лезной для свѣта дѣятельности. тинное славолюбіе не волнуетъ, терзаетъ, но сладостно покоитъ шу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь недолговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ-бы я сказать солнцу: *остановися*! если-бы въ то-же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

Карамзинъ.

---

135. Французская трагедія.

На такъ называемомъ Французскомъ театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) Нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искуствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англича-

намъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la française, которые таютъ въ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истиннымъ трагедій — и д'Аламбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра. *Карамзинъ.*

---

136. О правдѣ.

Въ бытіи нравственномъ есть двѣ разныя области: область *бытія* отдѣльнаго, одинокаго, *личнаго*, и область *бытія союзнаго*. Въ первомъ движущее начало самолюбіе и личность, во вто союзы любви и общенія.

Есть союзы любви и общенія признаетъ разумъ и чувств совѣсть.

Разумъ признаетъ и сов чувствуетъ:

1) Что личное, отдѣльное (человѣка не имѣетъ никакой размѣрности съ его природо его желаніями безконечными, высотою его умственныхъ спо ностей — что посему полное бытіе не можетъ состоять въ дробительныхъ и преходяп мгновеніяхъ настоящей жизни объемлетъ цѣлый ея составъ предѣльный. Отсюда союзъ стоящаго съ будущимъ, вре наго съ вѣчнымъ: *союзъ чело съ самимъ собою.*

2) Что человѣкъ не есть по себѣ нѣчто отдѣльное, но ставная часть человѣчества, силы, каждому отъ Бога дав не суть силы его исключител но общія силы человѣчества: *юзъ съ другими.*

3) Наконецъ, что воля Б есть единая воля верховная, съ ею всѣ другія воли должны сообразны: *союзъ съ Богомъ.*

Сіи первообразные союзы, чало и источникъ всѣхъ дру союзовъ, разумъ признаетъ истину, намъ врожденную; сов чувствуетъ ихъ какъ добро, ч вѣку сродное, предметъ его ланій, родовое его достояніе.

Гдѣ союзъ — тамъ обязанн Отсюда три коренныя обязанн человѣка: къ самому себѣ, къ гимъ, къ Богу. Исполнять сіи запности, охранять и укрѣп сіи союзы, приводить ихъ къ вершенію даже до единства,

непрерывный, первообразный, *нравственный долгъ* человѣка, высшее его предустановленіе.

По двоякой цѣли бытія нравственнаго и добро нравственное есть двояко.

Добро личное есть польза, или исключительная, или соображенная благоразуміемъ съ пользами другихъ по правилу взаимности.

Добро союзное есть добро совершенное; оно всегда, вездѣ, для всѣхъ и само по себѣ добро. Оно состоитъ въ укрѣпленіи первообразныхъ союзовъ, въ постепенномъ приведеніи двухъ областей бытія къ высшему единству.

Таково есть положеніе человѣка на земли; въ семъ состоитъ его предустановленіе.

Силы совѣсти.

Совѣсть есть чувство нравственнаго добра и зла. Разумъ понимаетъ ихъ различіе; онъ знаетъ, что способствуетъ первообразнымъ союзамъ и что ихъ нарушаетъ, но совѣсть одна можетъ ихъ чувствовать.

Совѣсть имѣетъ двѣ главныя силы: силу сужденія и силу возбужденія; она судитъ нравственность каждаго дѣла и, по суду сему, сопровождаетъ его или удовольствіемъ, или скорбію.

Образъ дѣйствія силъ совѣсти. Нѣтъ движенія воли, нѣтъ тайнаго желанія, ни сокровеннаго намѣренія, въ коихъ бы, при первомъ ихъ образованіи, не участвовали разумъ и совѣсть. Разумъ вопрошаетъ: сообразно ли намѣреніе или, можетъ ли желаніе совершиться, будетъ ли оно полезно или вредно. Совѣсть испытуетъ: сообразно ли оно долгу, обязанностямъ первообразныхъ союзовъ. По сему испытанію она не только различаетъ вообще нравственное добро отъ зла, но и опредѣляетъ, чувствомъ своимъ, съ точностію степень добра и каждому степени назначаетъ свое мѣсто.

Сей образъ дѣйствія совѣсти, по коему она опредѣляетъ нравственное достоинство каждаго движенія воли, уравниваетъ его цѣну съ существомъ его и потому распредѣляетъ удовольствія и угрызенія, есть ея *правда*.

Разсмотримъ ближе существо правды.

Совѣсть или молчитъ, т. е. не дѣйствуетъ, или говоритъ правду. Она можетъ заблуждать вмѣстѣ съ разумомъ, т. е. не знать истины, но лгать самой себѣ она не можетъ. Она по природѣ своей всегда *правдива*.

На сей правдивости совѣсти основанъ весь порядокъ нравственнаго міра. Если-бы не было суда совѣсти, или на судѣ ея не было правды, тогда смѣшались-бы всѣ предѣлы нравственности: тогда добро меньшее было-бы предпочитаемо большему; временныя пользы всегда превозмогали-бы надъ добромъ совершеннымъ; личность преобладала-бы всегда надъ общеніемъ, самолюбіе надъ любовію; расторглись-бы всѣ первообразные союзы; исчезла-бы самая мысль о бытіи союзномъ, и одно бытіе личное, отдѣльное, исключительное, было-бы открытымъ полемъ непрестающей брани: борьба съ самимъ собою, борьба съ другими, борьба съ самою Всемогущею волею, или покорность принужденная, строптивая; — борьба внутренняя между желаніями безконечными и тѣснымъ кругомъ ихъ дѣйствія; между высокимъ пареніемъ ума и

кратковременною цѣлію его усилій; между свободою воли и безсиліемъ сей самой свободы; — борьба внѣшняя между непримиримымъ и исключительнымъ самолюбіемъ каждаго. Взаимныя уступки не привели бы здѣсь къ прочному миру. Тотъ же расчетъ пользъ, тоже самое мнимое благоразуміе заставили бы измѣнить взаимству при первомъ удобномъ и несогласномъ случаѣ.

Гдѣ же тутъ нравственный порядокъ? — Кто будетъ здѣсь посредникомъ истиннаго примиренія?

Судъ совѣсти и правда его одни могутъ примирить вражду внутреннюю и внѣшнюю. Правда уравниваетъ двѣ силы противоположныя: личность и общеніе, самолюбіе и любовь; и потому-то она называется aequum.

И понеже совѣсть по природѣ своей есть правдива, а совѣсть есть чувство всеобщее, всѣмъ сродное: то и судъ ея и правда его составляютъ высшій и всеобщій нравственный и естественный законъ (*).

Правда сама по себѣ не есть добродѣтель, но ею начинаются и сопровождаются всѣ добродѣтели. Отъ правды вверхъ восходитъ лѣствица нравственнаго достоинства; отъ правды внизъ простирается лѣствица всѣхъ пороковъ, всего нравственнаго униженія. По мѣрѣ какъ человѣкъ преуспѣваетъ въ добродѣтели, духъ его отъ правды человѣческой возвышается къ правдѣ Божіей, къ святости, къ высшему единству союзнаго бытія его. Напротивъ, по мѣрѣ какъ человѣкъ погружается въ пороки, он нисходитъ отъ правды человѣческой въ кромѣшную неправду.

Правда начинается примиреніемъ человѣка съ самимъ собою. Кто не правдивъ съ собою, тот не можетъ хранить правды и с другими; борьба нравственных силъ происходитъ внутри насъ самихъ, и слѣдовательно миръ должен быть возстановленъ сперв съ нами, а потомъ уже онъ сам собою установится съ другими.

Посему неправильно было-бы правду смѣшивать съ благоразуміемъ. Она стоитъ выше его. — Благоразуміе есть способность разума, обращенная на практическія истины, на соображенія и предусмотрѣнія пользъ бытія личнаго. Она поставлена на стражѣ для охраненія ихъ отъ ущерба и для расширенія ихъ во всемъ пространствѣ, какое можетъ быть совмѣстно со взаимностію, необходимою въ общежитіи. — Напротивъ правда поставлена на предѣлахъ бытія союзнаго, для охраненія его отъ вторженій бытія личнаго. Она дѣйствуетъ независимо отъ общежитія.

Въ семъ состоитъ существо и главныя свойства правды; мы нашли въ ней основаніе нравственнаго порядка, остается разсмотрѣть твердость сего основанія.

Правда есть образъ дѣйствія совѣсти, и когда совѣсть дѣйствуетъ, тогда она не можетъ иначе дѣйствовать, какъ по правдѣ. — Но всегда ли совѣсть дѣйствуетъ? — Предъ нею всѣ движенія воли открыты. Но всегда ли она бодрствуетъ? — Она правдива и лгать самой себѣ не можетъ, но не опрячается ли взоръ и судъ ея заблу-

(*) Краткое выраженіе сего закона есть: *храни всегда и во всемъ союзы общенія съ самимъ собою, съ другими и съ Богомъ.*

ень разума? — Всегда ли ея вѣренъ и праведенъ? — ожалѣнію, опытъ указуетъ противвое.

ѣдовательно самое основаніе гвеннаго порядка, правда, са- ебуетъ еще укрѣпленія.

ъ двѣ силы, двѣ власти, ее ляющія: одна внутренняя — я; другая внѣшняя — *общеьное законодательство.*

Графъ Сперанскій.

конодство къ познанію законовъ).

Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?

нъ тотъ, кто способенъ наться семейственною жизнію, рямо добрый и слѣдователь- ямо счастливый человѣкъ.

тъ называютъ театромъ; каж- зъ насъ, въ одно время, и вующій и зритель. Актеры отся блеснуть искуствомъ; и восклицаютъ: великій умъ! ное дарованіе! Но мало од- блистательныхъ успѣховъ на ъ свѣта, чтобъ пріобрѣсть одное названіе — добрый, имѣть право называться сча- мъ.

съ честію служишь отече- судья справедливый, всѣ при- твои сходны съ приговоз- закона и совѣсти; смѣлый, разумный полководецъ, ни- видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ ду непріятеля, чтобы терялъ тствіе духа въ минуту не- а, или замѣшательства. Въ твѣ называютъ тебя пріят- , ласковымъ, забавнымъ; не е плѣниться твоимъ разго- ь; все окружающее тебя ено твоимъ остроуміемъ, тво- ловами, взглядами, усмѣш- ками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу-ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственно силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу-ли узнать совершенно твой характеръ? я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ, всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ, не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой

новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь,—тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою: гдѣ-же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искуство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ-же его преимущество, собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь дарованіемъ, и будешь успѣ дѣйствовать на той сценѣ, кото окружена безчисленною тол судей любопытныхъ и строги Честолюбіе замѣнитъ для тебя в треннюю доброту; и та и дру причины произведутъ одинакое димое дѣйствіе. Но быть хорош семьяниномъ, въ полномъ знач сего слова — добрымъ супруг отцемъ, покровителемъ своихъ машнихъ, говорю безъ исключе не льзя, не имѣвъ добраго, н наго, чувствительнаго сердца. мейство есть малый свѣтъ, въ торомъ должны мы исполнять маломъ видѣ, всѣ разнообраз обязанности, налагаемыя на п большимъ свѣтомъ, но съ т различіемъ, что здѣсь не мог быть заблужденія на счетъ зас ги; здѣсь видятъ тебя такимъ т но, каковъ ты въ самомъ дѣл вотъ причина того печальнаго даленія, въ которомъ многіе, называемые счастливцы міра, вутъ отъ тихаго, уединеннаго мейнаго круга: они боятся в пить въ его святилище! Что несутъ они въ него съ собою? Н твое или испорченное сердце, дое наслажденій невинныхъ, с ное посреди спокойствія и по ка, непостоянное въ кругу вольствій однообразныхъ, но гда сладостныхъ для души я веселой и непорочной!

Ты ищешь вѣрнаго счастія? читай обязанностію быть дѣя нымъ для пользы отечества лучшія твои наслажденія, но мыя драгоцѣнныя награды тво будутъ заключены для теб нѣдрѣ семейства. Если душа невинна, если пылаетъ въ не хое пламя добра, то въ мир

семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости, и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе объ немъ будетъ твоею добродѣтелью, твоею совѣстію! Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ — рѣдкимъ, но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали-бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли-бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію— если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человѣкъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ-ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете-ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ: здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастіемъ, уповающаго на безсмертіе, которое

ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь—вездѣ найдете вы его одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той-же цѣли — къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ,— который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, — котораго довольный, ободряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда! Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства— мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ нея унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться; здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онѣ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе: благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла; ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Его милосердія? Молитва одного человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей—утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое дру-

гое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками; спутники твои исчезли.... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло.... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми дружественными тѣнями! Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію. *Жуковскій.*

---

38. О постепенномъ развитіи образованности. (Отрывокъ письма изъ Швейцаріи.)

Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ будто остановился на одной точкѣ; нейду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатѣ Италіи сожалѣть не имѣю причины: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ италіянской зимы вѣроятно страдалъ былъ я гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ русской: теперь въ Италіи тепло подъ открытомъ небомъ, а въ домахъ мерзнутъ; здѣсь же, гдѣ дома лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы: снѣгъ лежитъ на высотахъ горъ; разъ только видѣлъ я его у себя подъ ногами, но, выпавъ поутру, онъ исчезъ къ вечеру и теперь на дорогѣ пыль; до сихъ поръ еще не было болѣе одного градуса морозу; когда покажется солнце, то оно грѣетъ какъ весеннее; нѣтъ ни дождя, ни сырости; розы цвѣтутъ на воздухѣ. Теперь 4-е января (стараго стиля), день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; предъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы, съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ: онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія: тамъ далекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть;

есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера; каждый день смѣняетъ ее другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи. Между тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Р*** и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною по полудни (время нашего общаго обѣда), я сижу у себя или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нѣтъ силъ взбираться на горы. За то гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду.

Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется Menzel's Geschichte unseres Zeit; а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. *Но и то* и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа по полудни я начинаю свое пѣшеходство по Симплонской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевскаго озера, разстилающагося широкою равниною между высокихъ береговъ горы. Со стороны Женевы, въ дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая однообразная стѣна Юры. Со стороны кантона Вадта (Pays de Vaud), на которой находится моя деревушка (Верне, между Клараномъ и Монтре), подымаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревнями, замками, хижинами, шалашами; низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму, (здѣсь покрыты виноградниками, великолѣпныя каштановыя буковыя и орѣховыя деревья); высшія торчатъ острыми утесами, однѣ имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія форму простыхъ зубовъ, между которыми самый замѣтный называется Dent de Jamant; вершины этихъ утесовъ голы, и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорыли излучистыя дороги, кои теперь наполнены снѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. На противной Савойской сторонѣ, подымаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреснувшихъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣетъ снѣгъ, тогда какъ самые утесы, синѣющіе и отъ еловыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, имѣютъ видъ необъятнаго, оцѣпенѣлаго, изрубленнаго трупа. Эти

ры, возвышаясь, сходятся съ
отнволежащими и стѣсняются въ
убокую долину, по которой те-
гъ Рона, впадающая близь Виль-
ва въ Женевское озеро. Эту до-
ну задвигаютъ наконецъ покры-
я вѣчнымъ снѣгомъ горы: впере-
подымается великаномъ Dent
midi, за нимъ конусомъ стоитъ
ont-Catogne, изъ-за него съ од-
й стороны выглядываетъ Mont-
lan, а съ другой св. Бернардъ,
аменитый переходомъ Наполе-
а и гостепріимствомъ добрыхъ
шельниковъ, которые поселились
высотѣ его съ своими собаками
я спасенія путешественниковъ,
ряющихъ дорогу въ снѣгахъ
рныхъ. Таковы великолѣпные
сты всемірной исторіи, которые
згибаются передъ глазами мои-
, въ то время, когда я непри-
тною мошкою крадусь по тро-
нкѣ своей у подошвы этихъ ве-
кановъ. И мнѣ было бы весьма
шно отъ ихъ ужасающей взоры
ромности, когда-бъ мнѣ не со-
тствовалъ другой великанъ, ко-
рый можетъ безъ страха съ ни-
соперничать: этотъ великанъ
ть мысль, могущая не только въ
ну минуту подняться на ихъ не-
ступныя высоты, но, перелетѣвъ
ка и пространство, присутство-
ть при ихъ рожденіи, въ то вре-
, когда они сами были только
рахъ, кипѣвшій въ первобытной
дѣ, которая наконецъ, сгустивъ
набросавъ ихъ тѣни огромными
удами, въ коихъ онѣ столько
ковъ стоятъ неподвижно, сама
спокоилась, и теперь, тихимъ,
инственнымъ моремъ, окружаетъ
шу цвѣтущую землю, вышед-
ую изъ хаоса первобытнаго. Ка-
е сходство въ исторіи этихъ без-
вѣстныхъ великановъ съ исто-
ріею живаго человѣческаго рода! Что представляла наша земля въ эти первыя дни созданія, когда всемогущее Божіе *Буди* раздалось посреди небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потопомъ разрушалъ землю, когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь-же страшное созданіе, когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромные, окаменѣлые скелеты, лежащіе въ земной утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ то же время служатъ памятниками минувшаго безпорядка?

Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ *шестымъ* днемъ созданія: потопы утихли, утесы оцѣпенѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной зелени, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привелъ наконецъ человѣка; бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла; начинается жизнь человѣческаго рода и она представляетъ намъ тотъ-же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій: мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достойнъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ.... что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не то-же ли, что сей безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огром-

ныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сезострисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ.... не то-же ли они въ исторіи—нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ (вѣковъ), набросанныхъ временемъ—не то-же ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остовы такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая, высшая жизнь: эта пелена болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, но все когда-нибудь покроется. Волканы, наводненія, ураганы и многіе грозные феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя, частныя явленія: они не производятъ общаго измѣненія и только показываютъ, что сила безпорядка, хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова, были политическіе разрушительные волканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется; теперь они болѣе *образовательны*, нежели прежде. На примѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима не возможно, по крайней мѣрѣ, не прочно. Наполеонъ, у насъ передъ глазами, сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума г
мира и порядка болѣе и болѣ
новится внятенъ. Христіан
источникъ и хранитель нравс
ной жизни, неразрушимо, не
ря на бунтующія противъ
страсти; истекающая изъ нег
разованность медленнымъ, н
стояннымъ своимъ дѣйствіем
приводитъ въ равновѣсіе, бо
ра и зла продолжается—и м
ли быть иначе? Земля не рай,
вѣкъ не ангелъ—но наше в
со всѣми его конвульсіями,
ше прошедшаго. Это *лучшее*
собою истекаетъ изъ зла и
шаго. И это лучшее — не
вѣкъ своею силою произв
его, но время, покорное о
Промыслу. Поколѣнія исчез
а время на гробахъ ихъ п
свои истины, которыя читают
дующія поколѣнія и обра
въ свою пользу: исчезая, они
ляютъ на гробахъ своихъ
истины, временемъ написанн
пользу другихъ поколѣній.
же результатъ одинъ: *во*
время, человѣкъ на своемъ м
въ своемъ кругѣ можетъ совер
все, что онъ, какъ человѣк
вершить обязанъ; и если бы
дый, не сбиваясь въ пути, с
валъ сему правилу, то было
землѣ одно царство порядк
человѣкъ созданъ не для т
счастливой, а для дѣятельной
ственной жизни; онъ должен
воевать свое достоинство,
женъ пробиваться къ добру
страсти и неразлучныя съ
заблужденія и бѣдствія. Въ
дѣйствуетъ не онъ, а Провид
которое дѣйствуетъ въ ц
Жизнь человѣческаго рода
сравнить съ волнующимся мо
буря страстей производитъ э

утныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она въ быстромъ своемъ существованіи могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всѣми своими скоропреходящими товарищами только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею: бездна кипитъ; но вдругъ все гладко и чисто; и въ томъ за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ! То же самое прочиталъ я и въ Менцелѣ, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ происшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи. Проѣзжая сюда чрезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долинѣ, между Цирихскимъ и Ловерцкимъ озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau (золотой лугъ). За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ я уже видѣлъ его; съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось: тѣ же голые, набросанные грудами камни, немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни; время невидимо работаетъ, но разрушеніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ разрушеніи; за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, дабы развалины могли покрыться слоемъ плодоносной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ-бы они производимы ни были, бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслію, что можно вдругъ безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою болѣе плодоносною. И, правда, будетъ земля плодоносная, но для кого? и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли въ началѣ. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, загладивъ слѣды погибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау ярко написана истина: «средство не оправдывается цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдстві-

яхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага.» Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ: въ этомъ его человѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдственно сомнительной пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? Исслѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ человѣчества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надѣясь силою, въ одну минуту, произвести то, что оно медленно созидаетъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ ними творится, даютъ ему покрывать ихъ мохомъ и растеніями? Нѣтъ. Но для человѣка довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ; въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же неминуемо погибнешь. Но, работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое или уничтожишь старое уже безплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду.... Но довольно, отъ моей горной философіи и письмо мое сдѣлано горою.

Жуковскій.

---

139. О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ, возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеній знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Вто-

ой возрастъ — юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли—ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ хранителемъ человѣка.

Большею частію рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше-бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе; онѣ будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще не связывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи-ли воспринимать многія постороннія понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей слишкомъ рано учить дѣтей губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ, мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать; видитъ оно въ семъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣже чувствованія.

Первоначальное проявленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства — зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вни-

маніе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастія, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно преступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается къ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство — довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца, и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумѣніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ, представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пещись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы

разныя стороны, изъ коихъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что-жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усиливается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему-же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощію наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это съ одной стороны уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія, самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много, но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ тоже, что мысль въ духовной: для самаго здоровья необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ по-

лучить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной, дѣтская благодарность и покорность родителямъ, — принадлежности перваго періода—здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался: то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и нерѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость, и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ внѣшнею обязанностію, раскрываетъ мало по-малу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ *въ попеченіе* о благополучіи ближняго. *Возбудить* сіи чувствованія—долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ, то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій — начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы опростить оные для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ симъ излагается православное ученіе Вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе религіи не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія—юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются науки о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чувствованія творятъ иде-

склонности обращаются въ
венныя направленія. Сер-
і чувствованія, прекраснѣй-
утники жизни нашей, при-
ныя въ первородной чистотѣ
возникаютъ въ юности; въ
обнаруживается воля чело-
главнѣйшій предметъ воспи-
Она получаетъ тогда только
ое достоинство, когда не под-
ся холодному и безжизнен-
нанію, а напротивъ воспри-
ть въ себя тѣ лучи свѣта на-
кои истекаютъ изъ сердца.
йте склонности и чувства,
вляйте ихъ любовію къ на-
и искуствамъ: вы непри-
усовершенствуете прав-
ость. Юноша начинаетъ
со страстями; и хотя вос-
е не можетъ совершенно от-
ь этой борьбы, по крайней
оно даетъ силы къ ихъ пре-
нію. Науки и искуства такіе
енія, которые укрощаютъ и
ютъ страсти. Здѣсь одинъ
не удовлетворяетъ юноши;
е требуетъ своихъ предме-
и всѣми силами старается
брѣсти. Возвышенныя чув-
волнуютъ грудь юноши; онъ
ть о чести и славѣ; фанта-
о паритъ за предѣлы здѣш-
міра; вездѣ представляется
деалъ счастія. Въ райской
идеаловъ согрѣвается и
яется искуство. Мыслящая
бность, вполнѣ раскрытая,
въ состояніи обнимать весь
человѣческихъ знаній.

—жъ руководствуетъ насъ въ
возрастѣ? Юноша выходитъ
одъ надзора материнскаго;
мость отъ наставника уже
его тягостна; въ это время
довершаетъ воспитаніе сы-
Если дѣтство храпитъ попе-
I.

чительная мать; отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ; онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ; такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ—внутренній голосъ совѣсти, а Провидѣніе — звѣзда путеводная: отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Не рѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; не рѣдко человѣкъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранѣе внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, послѣдовательность: каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямаго пути къ своему счастію. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ—разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга, и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ пер

вомъ возрастѣ: то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія; многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишенъ главной опоры— бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою природою отличается отъ другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика — постояннаго отлично отъ вѣтреннаго — чувствительнаго не такъ, какъ суроваго — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ—одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ-же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцемъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгат сторонности. Гдѣ какое-ли правленіе становится господ щимъ, гдѣ одна какая-ли собность развертывается в шей степени, тамъ легко нарушиться гармонія прочих нужныхъ къ составленію Нельзя ожидать успѣховъ питаніи, когда одна изъ н силъ присвояетъ себѣ госп Такъ иногда воображеніе щаетъ желанія въ страсти, въ изнѣженность, разумъ ляется къ затруднительн утонченнымъ изслѣдованіям на изъ способностей, преим венно возвышенная, под себѣ прочія, производитъ сторонность и не допускает расти ничему великому. Зд особенности должно обраща маніе на законъ развитія, о живающійся постояннымъ леніемъ отъ низшаго къ вы отъ чувственнаго къ духовн

И такъ два, по-видимом тивоположныя, правила пре ляются воспитателю: перво буетъ, чтобы не останавлив юношѣ ни одного врожденна ченія, не ослаблять ни одн лы, ни одной способности, что всѣ онѣ необходимы въ организмѣ; природѣ нужн бодная игра ея силъ; друго вило заставляетъ уничтожа посторонне направленіе д го, чтобы согласіе цѣлаго станно болѣе и болѣе развив То, что называемъ мы геніе есть какая-либо особенная с ность, но отраженіе цѣлаго кой либо особенной силѣ д ной. Посему не искореняй человѣкѣ того, къ чему пр его назначила; но старайтес

юдствующее направленіе вести якъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать къ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ хранена двумя могучими дѣятелями,—умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованіи вкуса и просвѣщенія ума и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви — стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ Вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя связанности. Всѣ сіи качества неприметно сообщаются воспитанникамъ. Онѣ не пріобрѣтаются изученіемъ; но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согрѣваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время и старается образовать полученныя отъ природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

И. Давыдовъ.

---

140. Петръ I-й и Ломоносовъ.

Вѣкъ Петра Великаго, разсматриваемый въ отношеніи религіозномъ, гражданскомъ и ученомъ, представляется замѣчательнѣйшимъ вѣкомъ: имъ, говоритъ одинъ современный писатель, рѣшена послѣдняя тяжба новаго времени съ предъидущими вѣками. — Въ этомъ вѣкѣ, на западѣ, во всѣхъ состояніяхъ разительно измѣнился прежній порядокъ дѣлъ, измѣнились прежніе нравы, оставили землю прежнія доблести, начали появляться совершенно новыя идеи. Тогда вышли на позорище міра

сильные народы, прежде неизвѣстные, и слабый, одряхлѣвшій Югъ преклонилъ главу предъ бодрымъ и свѣжимъ Сѣверомъ. Свѣтъ науки, нѣкогда озарявшій Востокъ и Югъ, долго блиставшій на Западѣ, загарался утреннею зареюв страпѣ полночной. Гордый разумъ человѣка, не руководимый свѣтомъ Божественнаго Откровенія, своимъ только опытомъ проникалъ существо вещей, созидалъ новыя знанія, искалъ простѣйшихъ основаній — и, слѣпо очарованный собою, падалъ подъ бременемъ предразсудковъ, опутывалъ себя заблужденіями. Допытываясь сокровенныхъ таинъ природы, въ забвеніи высокаго назначенія своего, человѣкъ, омрачивъ свой образъ и подобіе Божества, воскурялъ жертвы чувственности, отказался отъ души своей, возносящей его надъ всѣмъ твореніемъ Божіимъ. Въ умственномъ наслѣдіи, которое завѣщали осмнадцатому вѣку предшествовавшіе вѣка, шестнадцатый и семнадцатый, видимъ одно смѣлое обобщеніе знаній. Вѣкъ разрушенія не питалъ жизни искуства, въ особенности поэзіи, этого крина, цвѣтущато въ обществѣ благоустроенномъ и счастливомъ, и вянущаго отъ тлетворнаго дыханія умовъ и пыла кипящихъ страстей. Человѣкъ, подчинивъ духъ свой чувственности, и въ искусствѣ подражалъ внѣшней природѣ, въ ней хотѣлъ возсоздать міръ изящнаго, похоронилъ въ себѣ самомъ небесный идеалъ. И умолкла гармонія неба и земли, выражающаяся въ искуствѣ. Одна Германія давала пріютъ поэзіи; она только извлекала пѣсни изъ священной лиры, завѣщанной ей реформаціей; она переселила въ свои старые замки доблести среднихъ вѣковъ. Характеръ осмнадцатаго вѣка выразился преимущественно въ томъ народѣ, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемірности языка, былъ точнымъ его исполнителемъ: ему вполнѣ соотвѣтствовалъ характеръ Французовъ. Изъ Франціи исходили ученія, занимавшія Европу; во Франціи совершались новые ученые труды, узаконялись старые, и оттолѣ повсюду распространялись. Прочія страны, какъ покорныя данницы, въ покоѣ безмолствовали, и подносили наставницѣ своей дары всѣхъ царствъ природы и всѣ приобрѣтенія ума.

Что-жъ въ это время происходитъ у насъ? Въ Россіи начинается новая жизнь, наступаетъ новый возрастъ народнаго самопознанія. Всѣ силы могучато исполина, какимъ явилось отечество наше во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, возбуждаетъ великій нашъ Преобразитель. Его зиждительнымъ словомъ возникло благоустроенное войско на сушѣ и на морѣ, пробудилась народная промышленность и торговля, заведены училища для образованія благороднаго юношества, собраны ученыя сокровища, учреждены типографіи, которымъ самъ Монархъ начерталъ новыя письмена гражданскія: и мы восчувствовали себя самихъ, стали участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, познали, что мы, оставаясь Рускими, можемъ пользоваться благодатными плодами просвѣщенія. Въ открытый Петромъ новый міръ, въ міръ знаній, устремились всѣ силы духа; въ знаніи сосредоточи-

ось вся жизнь умственная; творческое искуство, какъ кринъ быа общественнаго, не расцвѣтало реди этой умственной работы, во реня ученыхъ приобрѣтеній изъ оваго міра знаній, еще не образовавшихъ стройнаго цѣлаго. Сповижники Петра на поприщѣ провѣщенія, согрѣвая народъ теплою Вѣры и преданности Престо-, главныхъ стихій народнаго характера, славили спасительное йствіе преобразованій Петроихъ. Въ училищахъ, учрежденыхъ для дворянства, воспитывались способные люди для службы осударевой. Московская и Кіевкая Академіи, наперерывъ одна ругой, образовали правителей Церкви; но въ половинѣ осмнадцатаго столѣтія, питомцы Московкой Славяно-Греко-Латинской Академіи проповѣдью на великоюссійскомъ нарѣчіи начали опежать ученыхъ Малороссіянъ. Академія Наукъ въ новомъ градѣ Петра представлялась чужеземною колоніею на Русской почвѣ: знаменитые ученостью иностранцы, приглашенные въ Академію, продолжали разработывать науку, понятную для немногихъ, посвященныхъ въ ея таинства, и разумѣвшихъ иностранные языки; а благодатный, живительный свѣтъ ея распространяется только посредствомъ роднаго слова. Въ дѣловыхъ и государственныхъ бумагахъ, изъ смѣшенія разныхъ иностранныхъ реченій, водворившихся у насъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, образовался новый языкъ.

Такъ протекла первая половина осмнадцатаго столѣтія. Сосредоточивая духовную дѣятельность въ силѣ познавательной, мы съ радостію завоевывали новый міръ знаній, стремились къ совершенствованію по разнымъ направленіямъ; радовались, когда умѣли пересказывать выученное у чужеземцевъ, учителей нашихъ, хвалились лепетомъ на иностранныхъ языкахъ, и не стыдились забывать свой отечественный. Мы еще не заглядывали въ сокровищницу духа своего, не созерцали самихъ себя, не пересматривали чуждыхъ присвоеній, и безусловно вѣрили ихъ необходимости. И отъ того мы не въ состояніи были постигнуть простой истины, что умственное развитіе въ народахъ тогда только возможно, когда наука и искуство становятся общимъ достояніемъ, проливаясь въ жизнь общественную потокомъ народной рѣчи; что тогда и *Словесность*, *или умъ, воля и чувство народа въ словѣ*, изображаетъ духъ народный.

На первое призваніе времени явился Ломоносовъ, писатель съ умомъ всеобъемлющимъ, съ разнообразными знаніями, согрѣтый чувствомъ любви къ Русскому просвѣщенію. Въ немъ проявилась воля могучаго преобразователя — Петра. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился и поэтомъ, и витіею, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый міръ вѣдѣнія, до него невыраженный. Превосходство его и недостатки носятъ на себѣ знаменіе возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. Чуждый народности, по духу тогдашней учености, онъ ищетъ сокровищъ въ языкѣ славяно-царковномъ; прославляя подвиги Великаго, онъ облекаетъ русскую рѣчь въ римскую тогу; приходя въ восторгъ поэтическій, при

созерцанія мудрости Елисаветы, онъ размѣряетъ стихъ нѣмецкими стопами. Не создавъ языка истинно русскаго, Ломоносовъ согласилъ враждебныя чужеземныя стихіи, долго искажавшія русское слово, привелъ его въ стройное единство, придалъ ему правильную форму. Но эта искуственная, книжная рѣчь не походила еще на рѣчь живую, творимую народнымъ самопознаніемъ; она еще не выражала русской физіогноміи. Отъ того какіе плоды трудовъ Ломоносова? Ему подражаютъ одни только ученые; свѣтскіе люди, слѣдуя направленію вѣка, ищутъ образцовъ словесности во Франціи; южные цвѣты ея, не самородные, а пересаженные изъ Греціи и Рима, стараются усвоить угрюмому Сѣверу. Отечественная поэзія, нѣкогда сроднившаяся съ роскошною фантазіею Востока и съ религіозными легендами Греціи, воспѣвавшая князей и богатырей, была забыта. Пѣсня и сказка не смѣли являться въ палаты знатности и богатства; тамъ ими только убаюкивали дѣтей. Народъ оберегалъ эту поэзію и отъ схоластики, и отъ западной подражательной словесности. Не было средоточія народному самопознанію, въ которомъ бы чужеземныя пріобрѣтенія превращались въ живительную кровь, и, подъ вдохновеніемъ отечественной Вѣры, Закона, Исторіи, изливались бы въ живомъ русскомъ словѣ. Уже не одинъ преобразователь слова, но многіе ученые русскіе нужны были, по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ; потребенъ былъ оплотъ противъ ученій безполезныхъ, и такой храмъ наукъ, гдѣ умственныя сокровища, приноси-

мыя на жертвенникъ отече
наго просвѣщенія, повѣрял
Русскимъ духомъ, Русско
бовью къ Вѣрѣ и Престолу.

И. Давы

---

141. Теорія, Исторія и Кр
Словесности.

Теорія и Исторія Слове
совокупными силами нынѣ т
ся надъ объясненіемъ худ
венныхъ словесныхъ произве
онѣ образуютъ истинную
ку. Творенія Словесности, ка
ла въ природѣ и событія въ
ріи, всегда въ связи съ пр
ствовавшими и послѣдую
Разсмотрите рядъ причинъ и
ствій, отражающихся въ соч
яхъ: и вы объясните себѣ тв
какъ естествоиспытатели об
ютъ себѣ существа и явле
природѣ. Самобытность пис
состоитъ не въ томъ, что
имѣть никакого отношенія
сателямъ предшествовавшим
бовать этого, значитъ желат
ствія безъ причины; самобы
ихъ наблюдайте въ новыхъ
махъ художественныхъ, твор
изъ современныхъ народных
ментовъ. Каждая эпоха въ И
Словесности соотвѣтствует
кой-либо идеѣ человѣчества
кимъ-либо народнымъ собы
Сколько повѣствованій пере
намъ съ Востока, вмѣстѣ с
гочестивыми паломниками въ
ніе вѣка, не смотря на тру
и опасности пути отправляв
на поклоненіе Гробу Госп
Что, можетъ быть, въ первы
разсказывалъ Аравитянинъ,
наметомъ своимъ, у криста
ручья, то разсказывалъ стра
нашъ, подъ соломенною кро

пылавшаго очага своей хижины. Теперь ожидаютъ насъ подобныя изслѣдованія отношеній Словесности нашей къ иностраннымъ, изъ коихъ мы въ разныя времена, какъ въ собственной сокровищницы, брали литературныя богатства, оставаясь всегда бѣдными. Исторія изучитъ также особый характеръ каждаго поэта. Великіе художники, выражая собою вѣкъ и народъ, вмѣстѣ съ тѣмъ озаряютъ ихъ и даютъ имъ новое направленіе; они не увлекаются за народомъ, но предшествуютъ ему; прислушиваются къ нему, и послѣ учатъ его; сперва служатъ ему, а послѣ повелѣваютъ его вкусомъ. Отъ того самобытный писатель запечатлѣваетъ творенія свои собственнымъ характеромъ; въ ткани его произведенія можно усмотрѣть всѣ нити жизни — темпераментъ, физіогномію, воспитаніе, страсти, привычки. При всемъ различіи художественныхъ произведеній, Теорія предвидитъ возможность открытія непреложныхъ законовъ духа нашего, по которымъ онъ строяетъ царство истины и добродѣтели, творитъ міръ изящныхъ искуствъ. Наблюдая всѣ проявленія генія, вкуса, идеи изящнаго, она ищетъ непреложности законовъ слова, одинаковыхъ съ законами творческаго ума; покушается усмотрѣть духъ нашъ въ его производимости, какъ бы затягнуть его въ творчествѣ созданій словесныхъ, почитая науку о словѣ наукою объ умѣ. Такъ Теорія и Исторія Словесности взаимно одна другой помогаютъ; одна показываетъ единство началъ въ разнообразіи явленій другой. Руководимая ими, ученая и скромная критика произноситъ судъ надъ твореніями изящными, исполненная благоговѣйнаго уваженія къ генію, и неумолимо строгая къ погрѣшностямъ, съ радостью удивляющаяся всему прекрасному, но и безпристрастно осуждающая безвкусіе. Такой Критикѣ мысль дается ученіемъ, а сердце чувствомъ изящнаго. Успѣемъ рѣшить эти задачи — мы, съ народнымъ самодовольствомъ, скажемъ: и мы трудимся въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія! *И. Давыдовъ.*

---

142. О классической и романтической поэзіи.

Въ древнемъ мірѣ духъ человѣческій, юный и пламенный, изливаясь во внѣшнюю природу, весь былъ ею поглощаемъ; онъ мыслилъ только о природѣ, ей посвящалъ чувства свои и восторги; она была для него святилищемъ истины, блага и изящества. Совершенно иное было состояніе духа человѣческаго въ новомъ мірѣ, когда все окружающее носило на себѣ знаменіе силъ человѣческихъ; когда духъ вездѣ видѣлъ побѣды, надъ внѣшнею природой имъ одержанныя. Прежде природа содержала вещи, существа безъ значенія; послѣ человѣкъ сообразилъ вещи, ознаменовалъ ихъ личностью своей, возвысилъ до значенія представителей разумѣнія и воли, сообщилъ имъ часть своей самобытности. Міръ въ первоначальномъ состояніи былъ предметомъ труда человѣческаго; значеніе его заключилось въ возможности того употребленія, какое изъ него человѣкъ сдѣлалъ. Міръ въ послѣдовавшемъ состояніи представляетъ преобразованіе по разумѣнію человѣка, уподобленіе ему самому,

торжество человѣка надъ природою. Что изображаютъ намъ творенія Гезіода и Омира? Это олицетворенныя представители внѣшней природы, двигатели всѣхъ тѣхъ явленій, которыя происходили въ ряду прежнихъ вѣковъ. Напротивъ, куда обратился умъ человѣческій, по снятію покрова со внѣшней природы? Онъ весь внутри самого себя; онъ углубленъ въ размышленіе о себѣ самомъ.

Мысль обнаруживается и въ дѣйствіяхъ человѣка. Древніе любовались небомъ, подъ которымъ родились — любили жить и умереть на той землѣ, которая принимала ихъ въ пелены свои, говорить языкомъ матери и отца, гордиться родиною. Въ новомъ мірѣ человѣкъ уже полюбилъ не землю, а человѣка; привязанность къ родинѣ превратилась въ чувство благодарности и вѣрности гражданственной; героизмъ древняго міра перешелъ въ рыцарскій духъ новаго. Ираклы, Тезеи представляютъ собою величіе природы физической; Готфриды, Ричарды растворяютъ храбрость великодушіемъ, суровость кротостью, величіе нѣжностью. Въ древнемъ мірѣ аргонавты отправлялись въ Колхиду за златымъ руномъ; въ мірѣ новомъ крестоносцы подвизались у стѣнъ святаго града, откуда излилось ученіе Божественное, чтобъ освободить отъ ига святой гробъ, залогъ нашего спасенія, и водрузить крестъ, знаменіе истинной вѣры. Таково различіе міра героическаго, терявшагося въ полиѳеизмѣ, отъ міра новаго, сосредоточеннаго божественнымъ откровеніемъ въ единомъ Свѣтѣ свѣтовъ. Въ новомъ мірѣ мысль человѣка устремилась за предѣлы природы, имъ устрояемой и украшаемой, въ превѣчное лоно Того, который собою вся исполняетъ. — Внѣшняя природа приковывала человѣка къ землѣ; вѣра, озаренная откровеніемъ, воззвала его къ небу. Эта побѣда человѣка надъ жизнью физическою выше побѣдъ его надъ внѣшнею природой.

Въ изящныхъ произведеніяхъ искуства духъ человѣческій также былъ сосредоточенъ въ себѣ самомъ, какъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Человѣкъ въ новомъ мірѣ уже любовался только тѣмъ, въ чемъ изображалось внутреннее его достоинство. Образы изящества въ древнемъ искуствѣ были возбуждаемы красотами внѣшней природы; образы новаго искуства заимствованы изъ глубины человѣческаго сердца. Творческая сила древнихъ отражалась въ видимой природѣ; въ новомъ мірѣ она отгласила жизнь внутреннюю. Такъ и поэзія древняя, дщерь той же силы творческой, отыскивала образы изящества въ природѣ внѣшней; поэзія новая стремится отыскивать образы изящества въ природѣ человѣка. Произведенія ея содержатъ отголоски внутренней гармоніи духовнаго нашего бытія, какъ высочайшій образецъ изящества.

При такихъ отличительныхъ свойствахъ образовъ изящества въ древнемъ и новомъ мірѣ, какое же различіе усматриваемъ въ произведеніяхъ этихъ двухъ міровъ? Въ древнихъ владычествуютъ *формы*, въ новыхъ *идеи*. Это относится и къ мрамору, и къ краскамъ, и къ слову. Двѣ стихіи, идея и форма, находятся между собою въ столь тѣсномъ отношеніи, что одна обнаруживается посредствомъ другой: или форма, проявляя идею ощутительнымъ об-

разомъ, превышаетъ идею, или идея владычествуетъ надъ формою и даетъ ей извѣстное направленіе: отъ разныхъ отношеній формы и идеи происходятъ различныя отношенія и въ образахъ изящнаго. Форма, будучи всегда ощутительна, ограниченна, никогда не можетъ выступить изъ предѣловъ *конечнаго*; напротивъ, идея, заключаемая въ предѣлы міра вещественнаго, возвышается до *безконечнаго*. Направленіе древней поэзіи ограничивалось формою, направленіе новой поэзіи избражаетъ идею.

Идея, не превышающая сферы видимаго міра, легко находитъ для себя выраженіе въ формѣ, ее облекающей. Художественныя произведенія этого рода представляютъ соединеніе или сліяніе идеи съ формою; чѣмъ совершеннѣе это соединеніе, тѣмъ болѣе художественное произведеніе приближается къ степени изящества. Гдѣ же такое соединеніе идеи съ формою имѣетъ мѣсто? — Въ подражаніи внѣшней природѣ, на которомъ основаны древнія искуства и древняя поэзія. Что представляютъ намъ два торжественнѣйшія произведенія древняго рѣзца — Геркулесъ фарнезскій и медицейская Венера? Тоже, что стихотворенія Омира. Въ одномъ видимъ напряженіе физической силы, въ другомъ — полноту физической красоты. Созерцаніе такихъ произведеній услаждаетъ душу, но не возвышаетъ ея за предѣлы міра невидимаго.

Но когда идея, оставляя міръ вещественный, стремится къ безконечному; тогда форма не въ состояніи выразить того, что не вѣдаетъ никакого ограниченія; тогда конечное не можетъ быть облеченіемъ, или достаточнымъ изображеніемъ безконечнаго, которое должно обнаружиться формою и быть ощутительнымъ. Въ этомъ случаѣ форма стремится приблизиться къ безконечному; расширяя границы свои, она становится неопредѣленною и только посредствомъ разнообразія силится выразить то, что отъ обыкновенной ея простоты ускользаетъ. При всемъ этомъ безконечное владычествуетъ, идея не находитъ для себя удовлетворительнаго выраженія. Сколь различны отъ предъидущихъ впечатлѣнія, производимыя твореніями новаго искуства, каковы Мадонна Рафаэлева или Микель Анжеловъ Моисей! Въ одномъ произведеніи ликъ небесной Матери съ Божественнымъ Младенцемъ изображаетъ высшую духовную красоту; въ другомъ — пророкъ, бесѣдовавшій съ Богомъ, возвѣщаетъ торжество внутренней крѣпости духа. Здѣсь видимъ подражаніе внутренней природѣ человѣка.

Вотъ отличительныя, одно другому противоположныя свойства образовъ изящества — изящества формы и идеи! На этомъ основано различіе поэзіи древней и новой, или классической и романтической. Мы видѣли, что изящное, служащее основаніемъ тому и другому роду, двухъ различныхъ началъ. Отъ чегожъ эти два противоположныя направленія духа происходятъ? Поэзія всегда есть вѣрнѣйшее изображеніе духа нашего и способа существованія. Народы достигаютъ той, или другой степени поэзіи по законамъ развитія и совершенствованія человѣчества, подобно развитію и совершенствованію человѣка. Законы, повторяю, этого развитія и шествія къ совершенствованію, при

извѣстныхъ условіяхъ, необходимы, непреложны.

Мы сказали, что въ словѣ каждаго народа видѣнъ самый народъ; а потому совокупность всѣхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на образованіе, дѣйствуетъ и на его поэзію. Но преимущественное дѣйствіе на образованіе народовъ и на поэзію оказываетъ религія, заключающая въ себѣ условія человѣческаго существованія и служащая ему средоточіемъ. Перенеситесь мысленно въ долины Темпейскія, на Олимпъ Греціи, и спросите, какое направленіе духа могло быть въ обитателѣ этихъ странъ? Все, окружавшее Грека, привязывало его къ бытію чувственному. Религія представляла ему природу въ видѣ прелестнѣйшемъ. Онъ созерцалъ боговъ, сходившихъ съ неба на землю; радостными торжествами и гимнами чтилъ небожителей своихъ; самыя жертвы, которыя приносилъ онъ на ихъ алтаряхъ, были увѣнчаны цвѣтами. Поэтъ Греціи, вмѣстѣ и воинъ, и мужъ государственный, и витія, воспѣвалъ то, что видѣлъ; онъ не имѣлъ надобности украшать природы. Мысли и чувствованія, сливавшіяся съ окружавшимъ его міромъ, облекались въ прекрасныя, простыя формы. Въ произведеніяхъ его все было ясно, точно — описанія очевидны, осязательны; и въ этомъ отношеніи основательно сравниваютъ греческую поэзію съ ваяніемъ. При такихъ условіяхъ необходимо должно было развиться изящество пластическое и въ поэзіи.

Съ возсіяніемъ міру *Свѣта разума* міръ нравственный преобразился. Христіанская вѣра рѣшительною противоположностью своею съ древнимъ міромъ извратила поклюсы человѣческаго существо нія. Умъ направленъ къ міру ховному; вещественность пере сена въ безконечное. Новый по докъ дѣлъ, слѣдствія утвержде христіанства, выразился въ новы твореніяхъ изящныхъ искуст новыя формы, принятыя искуст ми, явились съ характерами пр тивоположными. Прежде соверше ство изящнаго состояло *въ сли идеи съ формою*, цѣль искусс представлялась взорамъ художн ковъ и поэтовъ; напротивъ, хр стіанинъ почувствовалъ разите ную *противоположность меж конечностью формы и безкон ностью идеи;* ему предстоялъ в шій трудъ проявить одно средствомъ другаго, выразить выразимое: отъ этого единство опредѣленность древняго ис ства измѣнились. Что же долж ствовало ихъ замѣнить? Раз образное множество выражен стремленіе формы къ безконеч сти: ваяніе, предпочтительно п надлежавшее вѣку изяществавш няго, какъ красота формъ, ус пило мѣсто живописи, представ нію уже не внѣшнихъ формъ, чувствованій и души—красоты физической, а нравственной. вопись стала искуствомъ преи щественно новымъ, искуств христіанства. Вмѣстѣ съ нею гласилась изъ глубины души ловѣческой музыка, какъ иск ство звуками возбуждать въ ду чувствованія и самыя глубокія самыя неопредѣленныя. Въ по открылось также совершенно ховное стремленіе—унылость ч ствованій, возвышенность мысл неограниченность воображенія. это представляетъ разительную тивоположность поэзіи древней

ой. Міръ новый, въ сравненіи съ древнимъ, слѣдуетъ по линіямъ расходящимся; изящество внѣшней природы замѣнено изяществомъ внутренней гармоніи духа человѣческаго. Поэтъ Греціи, заключенный въ кругу вѣрованій своего Олимпа, осуществлялъ мысли простыми, очевидными формами; поэтъ новый, объемля цѣлый міръ, употребляетъ всѣ способы, чтобы найти приличныя выраженія для своихъ возвышенныхъ мыслей. Отсюда раждается потребность во множествѣ различныхъ формъ, противоположностей, въ смѣшеніи стиховъ и прозы — потребность въ обширнѣйшей сферѣ пространства и времени. Идея, владычествующая въ произведеніяхъ новыхъ по всѣмъ родамъ изящныхъ искуствъ, во всемъ стремится себя обнаружить. Греческіе поэты рѣдко представляютъ намъ болѣе одного предмета для сравненія, и этотъ предметъ представляется въ полномъ свѣтѣ, съ такою ясностію, что умъ въ одно мгновеніе его обнимаетъ. Поэты новые пробѣгаютъ цѣлую природу и со всѣхъ сторонъ собираютъ цвѣты и формы для украшенія описываемаго предмета. Греческій поэтъ старается привести разнообразіе къ единству и облечь въ тѣло все, ему представляющееся безъ опредѣленной формы; новый поэтъ, усиливаясь выразить безконечное, сообщаетъ формѣ туже неопредѣленность, какою отличается самая идея. У Грековъ природа изображается олицетворенною и приведенною въ образъ человѣка; въ поэзіи новой образъ человѣка какъ бы переносится въ природу. Въ описаніяхъ поэты греческіе заставляютъ насъ смотрѣть на предметъ такъ, какъ онъ дѣйствительно существуетъ. Зевесъ у Омира мановеніемъ главы и черныхъ власъ потрясаетъ весь Олимпъ; мы, кажется, раздѣляемъ трепетъ боговъ, окружающихъ престолъ громовержца. Новый поэтъ совокупляетъ въ описываемомъ предметѣ всѣ явленія природы, сближаетъ разительныя противоположности; все ужасное и пріятное, высокое и прекрасное, мрачное и свѣтлое — все это сливается въ одно гармоническое цѣлое. Противоположность между классицизмомъ и романтизмомъ замѣтна во всѣхъ подробностяхъ поэтическихъ формъ, даже въ механизмѣ стихосложенія, гармоніи языка, въ измѣненіяхъ звуковъ. Риѳму въ новой поэзіи можно сравнить съ украшеніями греческой архитектуры: отнимите ихъ у произведенія архитектурнаго — останется одна тяжелая масса; отнимите и риѳму отъ новаго стиха — благозвучіе нарушится. Риѳма есть необходимое условіе для того, чтобы нѣсколько ограничить неопредѣленность изображеній. При всемъ томъ, сколь ни разительна противоположность направленія поэзіи древней и новой, красоты ихъ образовъ сливаются; онѣ сливаются въ одномъ и томъ же поэтическомъ произведеніи и взаимно споспѣшествуютъ дѣйствію изящнаго. Существенное отличіе каждаго рода состоитъ въ преимуществѣ одного изъ основныхъ началъ идеи или формы.

И. Давыдовъ.

---

143. Жуковскій, какъ образователь художественно-поэтическаго русскаго слова и художественно-народной словесности.

Вторая половина минувшаго и первая текущаго столѣтія пред-

ставляютъ намъ *три степени* развитія и совершенствованія языка и словесности: напервой степени *книжный русскій языкъ отдѣляется* отъ церковно-славянскаго; на второй— *книжный языкъ сливается съ русскимъ народнымъ языкомъ*, и появляется художественная словесность; на третьей — *образуется и языкъ и словесность художественно-народныя.* Представителями этихъ трехъ степеней всѣ русскіе признаютъ *Ломоносова*, *Карамзина* и *Жуковскаго.* И все это совершилось ва одно столѣтіе!

Послѣ Петра Великаго было у насъ одно дивное явленіе генія, изумительнаго по своему разнообразію: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, въ пламенной душѣ котораго кипѣло все, что дорого для человѣчества, науки и искуства. Какъ *преобразователь языка*, явился онъ на первое призваніе времени и соотечественниковъ.

Въ твореніяхъ Ломоносова выразился новый міръ знаній, до него никѣмъ не выраженный. Превосходство его и недостатки носятъ на себѣ печать возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. По духу тогдашней учености, еще чуждый народности, онъ искалъ сокровищъ слова въ языкѣ церковно - славянскомъ; прославляя подвиги Петра Великаго, онъ облекалъ русскую рѣчь въ римскую тогу; приходя въ восторгъ поэтическій, при созерцаніи дѣлъ Елисаветы, онъ размѣрялъ стихъ нѣмецкими стопами. Не создавъ языка изящнаго, Ломоносовъ согласилъ враждебныя чужеземныя стихіи, долго искажавшія русское слово, привелъ его въ стройное единство отдѣленіемъ книжнаго русскаго языка отъ церковно-славянскаго, придавъ ему правильную ф изложеніемъ законовъ его и ственными образцами. Въ со ніяхъ его впервые увидѣли Р богатство, пышность, велико. своего языка.

Эта однако книжная рѣчь, искуственная, не походила на живую; она еще не выражала ской физіономіи. Отъ того Ло сову подражали одни только ные; а свѣтскіе люди, слѣдуя правленію вѣка, искали обра словесности во Франціи, и ю цвѣты ея, даже не самород а пересаженные изъ Греціи и старались усвоить нашему сѣ Отечественная поэзія, нѣкогда пѣвавшая князей и богатырей ла забыта. Пѣсня и сказка не ли являться въ богатыя палаты ныхъ. Народъ сохранилъ эту зію и отъ схоластики, и от дражательной западной г Лишь только самъ великій г когда одушевлялся или вос наніемъ о преобразователѣ Р или дѣяніями мудрой дщери изливалъ мысли свои и чувст стихѣ и періодѣ живомъ, д насъ изумляющемъ.

Такова первая степень пре зованія языка нашего — по отдѣленія его отъ церковно вянскаго.

Ученая очистка русскаго началась въ Московскомъ первомъ русскомъ универс Въ рѣчахъ профессоровъ тог мени по разнымъ отраслямъ видимъ мы постепенное сове ствованіе языка въ правилы силѣ, благозвучіи слова. Ул ніе языка всегда производит выми мыслями и знаніями: о го изъ Московскаго универ вышелъ языкъ, уже способны

нимать изящныя формы новыхъ идей. Онъ началъ отставать отъ греческой и латинской фразеологіи, сближаться съ живою рѣчью народною. Тогда всѣ убѣдились въ необходимости языка общественнаго, *сліянія языковъ книжнаго и народнаго*. Такое преобразованіе языка могло произойти единственно отъ сліянія всѣхъ элементовъ духовнаго развитія въ отечественномъ языкѣ. И эта честь неотъемлемо принадлежитъ первому русскому университету, гдѣ науки впервые стали общеполезными, потому что начали преподавать ихъ на русскомъ языкѣ.

Первый позналъ необходимость образованія новой русской рѣчи для современниковъ питомецъ Московскаго университета *Карамзинъ*. Онъ познакомилъ насъ съ отечественными преданіями, началъ изображать языкомъ общества родные нравы, оживлять памятники, дотолѣ тлѣвшіе въ неизвѣстности, представлять даже мѣста, которыхъ до него не замѣчали. Сліяніе двухъ стихій, прежде враждебныхъ, языковъ книжнаго и народнаго, принадлежитъ ему: и рѣчь и слогъ «Бѣдной Лизы», «Марѳы Посадницы», «Писемъ Русскаго путешественника», живописностью, благозвучіемъ понравились всѣмъ и приняты всѣми людьми образованными.

При быстрыхъ измѣненіяхъ въ образованіи отечества нашего, Карамзинъ самъ совершенствовался вмѣстѣ съ временемъ. Сначала принесъ онъ дань французской школѣ писателей, которую въ свое время заплатили и лучшіе умы Германіи и Англіи. Потомъ искалъ онъ вдохновеній въ Макферсонѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете. Наконецъ, посвятивъ себя отечественной исторіи, онъ создалъ палладіумъ народной славы и языка.

И такъ Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ остановился пѣвецъ Елисаветы. Ломоносовъ засталъ стихіи языка нашего смѣшанныя, неустроенныя: ему предстоялъ трудъ раздѣлить ихъ, привести въ порядокъ. Карамзину достался языкъ съ латинскими формами; ему надлежало добывать стихіи его въ родныхъ источникахъ, сблизить книжный языкъ съ народнымъ. Ломоносовъ искалъ языка въ книгахъ, писанныхъ на языкѣ церковно-славянскомъ. Карамзинъ зналъ, что его должно изучать въ живой рѣчи народа, что одушевленіе для словесности находимъ мы подъ тѣмъ небомъ, подъ которымъ родимся и воспитываемся; что для этого необходимо окружить себя воспоминаніями жизни предковъ. Съ появленіемъ «Исторіи Государства Россійскаго» прекратились споры о старомъ и новомъ слогѣ; тогда открылось, что языкъ образуется не по произволу теорій, но въ быту и жизни народной; что каждый вѣкъ выбираетъ для себя нужныя сокровища изъ наслѣдія предковъ, самъ развиваетъ себя въ своемъ словѣ.

Вотъ заслуги Карамзина отечественному языку и словесности на второй степени ихъ развитія.

Но языкъ и словесность, вмѣстѣ съ жизнію народною, измѣняются. Языкъ, которому мы выучились у Карамзина, всегда останется памятникомъ преобразованія; однако, съ распространеніемъ литературныхъ знаній, онъ нуждался въ новыхъ изящныхъ формахъ. Равно и въ словесности почувствовали необходимость измѣненія элементовъ

ея и направленія. Когда мѣсто безотчетнаго пристрастія къ французскому языку и литературѣ заступило внимательное изученіе письменныхъ памятниковъ всѣхъ временъ и народовъ; тогда обратились къ изученію внутренней жизни человѣка. Въ этомъ развитіи Германія упредила прочія европейскія государства: отъ того германское образованіе повсюду распространилось. Въ искуствѣ и преимущественно въ поэзіи отразилось такое же направленіе: въ нихъ стали изображать сокровенныя тайны внутренней жизни человѣка, возсоздавать идеальный изящный міръ изъ народныхъ элементовъ. Также состояніе народности въ словесности возвышаетъ ее на степень художественной. У насъ художественная народная словесность, начатая Карамзинымъ, развита вполнѣ Жуковскимъ; его творенія представляютъ третью степень нашего литературнаго совершенствованія.

Разсмотримъ этого писателя-академика, какъ *образователя поэтическаго, художественно-народнаго языка*, чтобъ видѣть, что вынесъ онъ изъ мѣста воспитанія своего, какъ трудился онъ для довершенія образованія своего, и что онъ внесъ въ сокровищницу нашего языка.

Жуковскій получилъ воспитаніе въ бывшемъ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Наставниками въ русскомъ языкѣ и словесности имѣлъ онъ знаменитаго въ свое время профессора *Сохацкаго* и баккалавра Бакаревича. Одинъ пристрастилъ его къ писателямъ нѣмецкимъ, другой — къ англійскимъ. Товарищи его по литературѣ были *Мерзляковъ, Каченовскій, Буринскій*. Въ университетскомъ пансіонѣ изученіе отечественнаго языка всегда составляло первую потребность воспитанія и служило основаніемъ всему курсу наукъ. Для развитія дарованій и упражненія въ словесности, воспитанники имѣли литературныя бесѣды, учредителемъ которыхъ и душею былъ Жуковскій. Любовь ко всему изящному, взаимное искреннее довѣріе юношей, высказывавшихъ другъ другу мысли свои и чувствованія, непритворныя, чистыя стремленія къ совершенствованію: вотъ, что оживило эти собранія. Утѣшительно было для юношей, въ дружескихъ бесѣдахъ своихъ видѣть профессоровъ, воспитателей и наставниковъ, радушно внимавшихъ литературнымъ опытамъ, радовавшихся невиннымъ мечтамъ, подававшихъ добрые совѣты не только для слова, но и для мысли, и для сердца.

Здѣсь образовалъ поэтъ и будущій академикъ слогъ свой, глубоко изучилъ языкъ. Въ раннихъ произведеніяхъ его, каковы: *Пѣсни, Мальвина, Марьина роща*, замѣтно подражаніе Карамзину, увлекавшему всѣхъ за собою. Но въ юномъ поэтѣ таилась стихія романтическая, столько же противоположная классической, какъ противоположны между собою два міра: до-христіанскій и христіанскій, внѣшній и внутренній, природа насъ окружающая, и мысли наши, со всѣми желаніями и чувствованіями. *Людмила, Свѣтлана, Эолова Арфа, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Вадимъ*, представили намъ совершенно новый міръ поэзіи, которому русскій поэтъ сочувствовалъ въ твореніяхъ германскихъ и англійскихъ поэтовъ. Отсюда начинается

ізительное измѣненіе языка поэ-
ческаго; вмѣсто прежняго одно-
вѣтнаго рисунка, какой находимъ
ы въ стихотвореніяхъ Мерзлякова,
омантическая поэзія придала про-
зведеніямъ Жуковскаго выраженіе
ивописное, разнообразное. Ду-
овность внутренней природы че-
овѣка можетъ быть изображена
ишь только переливомъ радуж-
ыхъ цвѣтовъ, роскошью свѣта и
ѣней, гармоническимъ согласіемъ
уковъ. Особенно сроднился Жу-
овскій съ *Шиллеромъ*, отъ кото-
ого повѣяло на него мечтатель-
остью, таинственностью, неопре-
ѣленнымъ стремленіемъ къ чему-
высшему, надеждою на свиданіе
гробное, тихимъ унынiемъ. Жизнь,
зданная романтическою поэзіею,
агается изъ воспоминаній о про-
ешемъ и ожиданій счастья въ
удущемъ. Такую жизнь изобра-
ъ нашъ поэтъ въ *Теонѣ* и *Эс-
ѣнѣ*, въ стихотвореніи «*Голосъ съ
ого свѣта.*»

Въ совершенствѣ изучивъ нѣ-
кую литературу, Жуковскій
тался навсегда вѣрнымъ этому
вому направленію, этой поэзіи,
торую называютъ *философіею
рдца*. Такъ какъ эта поэзія сро-
а каждому человѣку и каждому
роду въ его юности; то она про-
вела сильное вліяніе на нашу сло-
сность: она воспитала все новое
колѣніе. Эта идеальная поэзія,
тающая въ радужной сферѣ фан-
зіи, отозвалась въ каждомъ изъ
асъ; потому что каждому сладо-
но сочувствовать переселенію ду-
ы съ земли на небо, стремленію
а въ свою отчизну. Позднѣйшій
удъ его — художественный пе-
водъ Одиссеи, по словамъ само-
поэта, былъ не иное что, какъ
*еланіе повеселить душу перво-
бытною поэзіею, которая такъ свѣ-
ла и тиха, такъ животворитъ
и покоитъ, такъ мирно украшаетъ
все насъ окружающее, такъ не тре-
вожитъ и не стремитъ ни въ какую
туманную даль.*

Переводы творческихъ произведе-
ній словесности, каковы Жуков-
скаго переводы *Одиссеи*, *Орлеанской
Дѣвы*, сказокъ *Гебеля* и другихъ
изящныхъ произведеній, одинако-
вы съ превосходными списками съ
картинъ первоклассныхъ худож-
никовъ. Небесную механику Лап-
ласа и Лейбницеву Θеодицею мож-
но читать на всякомъ языкѣ, и не
сожалѣть о незнаніи языка под-
линника; но Гомеръ, Шекспиръ,
Гете вполнѣ понятны только на
своемъ языкѣ. Науки — общее до-
стояніе человѣчества; изящное —
цвѣтъ родной страны, который
блекнетъ на чужой почвѣ, подъ чуж-
дымъ небомъ. Въ наукѣ, гдѣ все
видимое и постигаемое сводится
въ невидимое, въ понятія, умствен-
ныя пріобрѣтенія остаются неизмѣ-
нными, общими: здѣсь духъ
нашъ какъ бы освобождается отъ
вещества, вокругъ него отвердѣв-
шаго. Въ искуствѣ духъ обле-
кается въ чувственные образы; отъ
того въ твореніяхъ поэтическихъ
должно различать стихію міровую,
негибнущую, отъ стихіи народ-
ной, преходящей. Послѣдняя из-
мѣняется по различію мѣста и вре-
мени; первая остается неизмѣняе-
мою, вѣчно-юною. То, что мы на-
зываемъ въ словесности народ-
ностью, проходитъ вмѣстѣ съ на-
родомъ, и представляется прекрас-
нымъ относительно къ тому или
другому народу; но стихія общая
равно прекрасна для всѣхъ наро-
довъ и временъ. Этимъ-то пре-
краснымъ, не народнымъ, а міро-

вымъ, въ Греціи ли оно явилось, или въ Англіи, или въ Германіи, мы всѣ равно питаемся, какъ роднымъ элементомъ, столько для всѣхъ понятнымъ, сколько для всѣхъ понятны истина и добродѣтель. Усвоеніе же народнаго элемента посредствомъ образцовыхъ переводовъ обогащаетъ языкъ новыми, разнообразными, прекрасными оттѣнками понятій и выраженій. Съ этой стороны разсматриваемые, переводы Жуковскаго ставятся наравнѣ съ самобытными твореніями. Среди множества образцовыхъ писателей мы должны избирать себѣ нѣсколькихъ любимыхъ писателей, и по нимъ себя совершенствовать. Ваятель, изъ куска мрамора высѣкающій прекрасную статую по идеѣ, въ умѣ его представляющейся, обыкновенно отдѣляетъ отъ мрамора лишнія части — и мертвый мраморъ подъ рукой его оживаетъ, художникъ вдыхаетъ въ него свою душу. Такъ и въ словесности мы образуемъ себя по образцу, какой въ умѣ нашемъ носимъ, по которому размышляемъ, чувствуемъ, и котораго всѣ тончайшіе оттѣнки мыслей выражаемъ на своемъ языкѣ. Отъ совершенства образца зависитъ совершенство образованія: чѣмъ онъ возвышеннѣе, идеальнѣе, тѣмъ и мы становимся благороднѣе, изящнѣе. — Жуковскій служитъ намъ поучительнымъ примѣромъ. Онъ долго, долго изучалъ Шиллера, Гете — и по этимъ образцамъ отлилъ русскій художественный стихъ, русскую художественную рѣчь, по выраженію Гоголя, *легкую и безтѣлесную, какъ видѣніе.*

И вотъ какими трудами достигъ онъ *высшей степени образованія роднаго языка нашего и степени художественно-народной с. сти*, воспиталъ цѣлое пок образовалъ собою Пушкина красное выраженіе, украш красную мысль, сберегаетъ потомства: это, справедлив рятъ, для мысли и украшеніе жіе. Напрасно думаютъ, чт и туже мысль можно вырази ными, равно выразительны разами, что одна и та же и жетъ имѣть различныя, рав красныя формы: напротивъ, дой мысли одинъ только ис образъ, какъ каждое лицо жаетъ одинъ извѣстный хар У писателей самобытныхъ в ніе отливается по мысли; оно соотвѣтствуетъ сове идеѣ. Отнимите у мысли пр ное ея выраженіе: вы раз все очарованіе. Многія мыс ніальныхъ писателей всѣм общія, знакомыя: чѣмъ же о поражаютъ? Вѣрнымъ вы емъ, изяществомъ своей

Этимъ *образованіемъ поэт языка*, обогащеніемъ его прелестными формами, въ ко выразились и Гомеръ, и М Саути, и Бюргеръ, и Ге Шиллеръ и Гете, и повѣ Магабараты и Шахъ-Наме- *ніемъ въ поэзію нашу романт стихіи*, какъ академикъ и комысленный знатокъ языка благородный, возвышенны тель, стяжалъ Жуковскій не мый вѣнокъ первокласснаго цоваго писателя, какъ гор слава народная. Имя его буде въ потомствѣ, вмѣстѣ съ и Русскимъ. Поэтъ нашъ въ ніи монумента Петра Вели колонны Александра бл веннаго изобразилъ всю *созданную вѣками, бѣдс*

ами. «Тамъ, на берегу Невы, ритъ онъ, подымается скала, я и безобразная, и на той ѣ всадникъ, столь же почти мный, какъ сама она.... и на скалѣ написано Петръ и ря- , съ нимъ Екатерина; и въ этой скалы воздвигнута ны- ругая, несравненно огромнѣе, же не дикая, изъ безобраз- ь камней набросанная грома- а стройная, величественная, ствомъ окруженная колон- . и на высотѣ ея уже не че- къ скоропреходящій, а вѣч- сіяющій Ангелъ....» Это же ніе вѣрно изображаетъ нашу атуру: первый памятникъ ставляетъ языкъ и литерату- преобразованную Ломоносо- ; другой — языкъ и литера- , совершенствованную Ка- нымъ и Жуковскимъ.

И. Давыдовъ.

Различіе между изящными искуствами и науками.

ящныя искуства и науки со- яютъ два различныхъ рода зведеній человѣческаго ума. ько различіе сіе съ одной ны считается извѣстнымъ, ко съ другой кажется не- дѣленнымъ. Сьтѣхъ поръ, какъ наемъ различать вещи, всѣ наемъ, что камни не суть ра- я, а растенія не животныя; но гатели природы на семъ зна- е останавливаются: они изо- ованія свои касательно раз- тѣлъ естественныхъ отселѣ ко начинаютъ. Такъ не доволь- нать, что науки не суть изящ- искуства и на оборотъ. Ежели предметы различные, необхо- должно быть и то, что раз- личными ихъ дѣлаетъ; другими словами: каждаго различія должно быть основаніе. Что жъ служитъ основаніемъ различія между изящными искуствами и науками?

Вникая въ составъ наукъ, легко замѣтить, что каждая изъ нихъ есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Посему для возможности каждой науки необходимы три условія:

1. Предметъ, или понимаемое.
2. Разумѣніе, или понимающее.
3. Содержаніе, или понятія.

Именемъ предмета означается все дѣйствительное, подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, напр. естественныя тѣла, явленія въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, произведенія искуствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія, словомъ: все, что дѣйствительно есть и можетъ быть понимаемо.

Разумѣніемъ называется способность познавать. Мыслящій духъ, умъ, разумъ: эти слова употребляются большею частію, какъ синонимы разумѣнія.

Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, поставленный въ противуположности съ предметами, не остается равнодушнымъ зрителемъ оныхъ, но стремится къ ихъ познанію; при чемъ, замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность, видъ, родъ и т. д., частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи и удерживаетъ въ умѣ только то, что въ каждомъ родѣ подобныхъ предметовъ находитъ общаго. Это общее, отвлеченное отъ предметовъ подобныхъ, есть *понятіе*, напр. красота, животное, бытіе; за понятіями слѣдуютъ мыс-

ли. Предметы не приносятся съ понятіями въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются въ ономъ отвлеченно, такъ однакожъ, что предметы, по неизмѣняемости своей, могутъ разрушаться, исчезать, возраждаться, а понятія — ихъ изображенія, остаются постоянно одинаковыми. Такъ, познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣйствительное является умственнымъ, предметы превращаются въ мысли. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ; другими словами: науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Положимъ, напр., что мы познали во всей подробности механизмъ неба, движеніе тѣлъ небесныхъ со всею точностію измѣрено, масса ихъ взвѣшена, законы и причины движенія открыты, словомъ: все изслѣдовано и опредѣлено, за тѣмъ не осталось ни малѣйшаго недоумѣнія; что представила бы система таковыхъ свѣдѣній—астрономія? Вѣрный умственный списокъ небеснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть дѣйствительно. Положимъ съ другой стороны, что мы нашли средство проникнуть до центра земли и составъ материка изслѣдовали во всѣхъ направленіяхъ: что представили бы наши свѣдѣнія, въ такомъ случаѣ пріобрѣтенныя и приведенныя въ систему? Что, говорю, представила бы тогда геогнозія? Картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ онъ есть дѣйствительно. Положимъ наконецъ, *что всѣ дѣйствія* разумѣнія изслѣ*дованы, законы* онаго опредѣлены и самая возможность понятій постигнута: что были бы въ семъ случаѣ наши свѣдѣнія? Изображеніе разумѣнія въ томъ самомъ видѣ, какъ оно есть; разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи также превращается въ понятія; и логика, наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была, какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ.

Сказанное объ астрономіи, геогнозіи и логикѣ принадлежитъ всѣмъ наукамъ безъ исключенія; всѣ науки не другое что суть, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ къ изящнымъ искуствамъ. Вникая въ произведенія оныхъ, легко замѣтить, что каждое изъ нихъ выражаетъ собою какое либо понятіе или мысль; въ произведеніяхъ искуствъ образовательныхъ это очевидно. Каждая картина, каждая статуя, занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но мыслію (*), которая въ ней посредствомъ вещества, или опредѣленнаго образа, даетъ себя разумѣть, мыслію, которая въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины отвердѣвъ, такъ сказать, получила особное существованіе, какъ предметъ самостоятельный. И произведенія другихъ искуствъ имѣютъ тоже основаніе своей занимательности. Что значитъ ораторія Гайдна: сотвореніе міра? Мысль, отпавшая отъ своего творца и въ звукахъ принявшая особное, предметное существованіе. Гдѣ Гомеръ? Уже протекли столѣ-

(*) Подъ мыслію разумѣется и понятіе, а часто и на оборотъ. Сочин.

какъ сошелъ онъ съ позори-
міра, а его творенія, какъ пред-
і самостоятельные, существу-
доселѣ. Чтожъ послѣ сего
да, Одиссея и всѣ произведе-
словесности? Мысли, отдѣлив-
и отъ своего начала, ума, и по-
ствомъ слова обращенныя въ
меты.

сли каждое произведеніе изящ-
искуствъ изображаетъ собою
ь или понятіе, то что предста-
намъ всѣ произведенія вмѣстѣ
ія, подведенныя умственно
одну точку зрѣнія? Особый
міръ понятій и мыслей, обра-
ныхъ въ предметы. Міръ сей
ленъ отъ цѣлой вселенной,
адлежащей къ одной эпохѣ
ѣнія. Это позднѣйшее созда-
новая природа; зиждитель о-
человѣкъ, вѣнецъ, краса при-
творческой, отраженіе пре-
ости и всемогущества Зиж-
ля вселенной.

рочемъ мысли человѣка не
ществляются по одному его ма-
нію; какъ же онѣ обращаются
редметы?

и удивляемся человѣку, когда
енно слѣдуемъ за нимъ на
ще его умственной дѣятель-
и. Занимая только одну точку
измѣримомъ царствѣ творенія,
ющимъ духомъ своимъ онъ
летъ сію неизмѣримость: то
одитъ во внутренность земли
гадываетъ тайну ея строенія;
зносится къ небесамъ и дѣ-
счетъ міріадамъ міровъ, о-
бляя ихъ вѣсъ, пути, разстоянія
ичину; то погружается въ са-
себя и въ самопознаніи рас-
етъ начало всякаго знанія.
хами его въ мірѣ физическомъ
ена, кажется, самая природа:
обитъ стихіи и, составляя ихъ
вновь, воздвигаетъ громады; то
срываетъ горы и уравниваетъ для
себя пути; то переводитъ рѣки и на
хребтѣ водъ ихъ переноситъ богат-
ства одной страны въ другую; то
ловитъ искры молній и обезору-
живаетъ громы; то обуздываетъ вѣ-
тры и на ихъ дуновеніе налагаетъ
дани, нужныя для его отважныхъ
предпріятій. Какъ могущественъ
человѣкъ, разсматриваемый съ сей
точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ
отношеніи къ самымъ производя-
щимъ силамъ и веществу! Сей по-
велитель стихій не въ состояніи
произвести вновь ни однаго атома
вещества, ни одной новой силы;
для созданія своей природы—изящ-
ныхъ искуствъ — долженъ при-
бѣгать онъ къ природѣ творческой;
изъ ней долженъ заимствовать эле-
менты, нужные для осуществленія
его понятій и мыслей, для превра-
щенія ихъ въ предметы.

Само собою разумѣется, то цѣль
изящныхъ искуствъ тѣмъ лучше
достигается, чѣмъ приличнѣе вы-
боръ средствъ, чѣмъ естественнѣе
помощію ихъ обнаруживается
мысль творца-художника. Эта не-
обходимость въ выборѣ приличныхъ
средствъ и естественности ихъ у-
потребленія, кажется, и была пово-
домъ къ тому, что изящныя иску-
ства названы подражаніемъ приро-
дѣ. Художникъ дѣйствительно по-
дражаетъ природѣ, но не въ изобрѣ-
теніи, не въ составленіи идеаловъ,
а въ употребленіи средствъ, изъ ней
заимствуемыхъ для осуществленія
оныхъ, для превращенія мыслей въ
предметы самостоятельные.

Основаніе изящныхъ искуствъ—
мысль; цѣль — обращеніе мысли
въ предметъ; начальныя главныя
средства — звуки, образы и сло-
во. Въ отношеніи къ основанію и

цѣли изящныя искуства составляютъ одно (родъ), а въ отношеніи къ средствамъ три главныхъ отрасли (виды), какъ бы три царства природы: музыку, искуства образовательныя, словесность. Въ сихъ-то видахъ является природа, созидаемая человѣкомъ. Она, какъ и природа творческая, дѣлается также въ свою очередь предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки сей новой природы суть науки словесныя, и теоріи изящныхъ искуствъ вообще столько же отличны отъ самыхъ изящныхъ искуствъ, сколько различны прочія науки и ихъ предметы. Въ наукахъ предметы обращаются въ мысли, въ искуствахъ мысли дѣлаются предметами; науками дѣйствительное, изъемлясь изъ пространства и времени, дѣлается идеальнымъ; искуствами идеальное вводится въ сферу дѣйствительнаго, вставляется въ какой либо образъ, облекается въ звуки или слово; науки умъ производитъ изъ предметовъ, искуства порождаетъ изъ себя; тамъ все многоразличіе въ умѣ сосредоточивается, здѣсь умъ обращается въ многоразличіе; тамъ предметы отражаются въ умѣ, здѣсь умъ отражается въ предметахъ; тамъ природа дѣйствительная представляется мысленною, здѣсь мысли являются природою.

М. Павловъ.

---

145. Періоды развитія языка.

Первоначальное образованіе языковъ — тайна, которая вскрывается очень медленно, болѣе угадывается, чѣмъ сознательно постигается въ слѣдствіе изысканій. Впрочемъ нѣсколько выводовъ, *сдѣланныхъ изъ* соображенія данныхъ о языкахъ изслѣдованныхъ, кажутся уже не подлежащими сомнѣнію. Еще менѣе подлежатъ сомнѣнію выводы о дальнѣйшемъ развитіи языковъ, выводы о двухъ главныхъ періодахъ ихъ развитія.

Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки, и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ. Темно, неопредѣленно, безотчетно выражаетъ языкъ жизнь и мысль народа, столь же темную, неопредѣленную, безотчетную. Одно и тоже слово есть вмѣстѣ названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, имъ производимаго въ умѣ, точно такъ же какъ и въ умѣ народа все это остается неотдѣленнымъ.

Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово — корень получаетъ различный выговоръ и разнообразитъ этимъ свое значеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ слова — корни прежніе умножаются новыми, иначе звучащими: многіе изъ нихъ погибаютъ, но многіе и остаются надолго, даже навсегда. Гораздо болѣе силы жизненной даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему нибудь кажущіяся сходными, выражаются

тѣмъ же словомъ; слово
тъ отъ смысла къ смыслу,
обрѣтеніемъ каждаго но-
:ла все болѣе опредѣляет-
эта творческая сила фан-
ается въ кругѣ видимаго
переходитъ потомъ и въ
овный, и становится тогда
учѣе. Сила эта никогда
ставляетъ языкъ. Обусло-
вліяніемъ природы, среди
живетъ народъ, образомъ
и, взглядомъ на свой міръ
ивнутренній, она крѣпнетъ
е по мѣрѣ усиленія об-
народа.

тѣмъ, число понятій на-
ожается; въ умѣ народ-
слагаются и разлагают-
еніе и разложеніе понятій
ся въ языкѣ сложеніемъ
еніемъ словъ. Слова от-
отъ корней: корень сло-
ій доселѣ словомъ, мо-
статься словомъ; но кро-
-корней являются во мно-
лова не корни, образован-
разныхъ корней, слова
нныя формально. Въ та-
азованномъ словѣ снача-
асти одинаково важны для
тельности его значенія;
ленно одна часть дѣлает-
ю, остальныя сохраняютъ
придаточное значеніе. Къ
тому же главному корню
ются различные придаточ-
и, какъ частицы опредѣ-
я, какъ члены, обусловли-
мыслъ, выражаемый глав-
рнемъ, срастающіеся въ
ьныя слова съ тѣми сло-
оторыя опредѣляютъ. Съ
ы въ языкѣ является про-
льность, столь же разно-
сколько и сильная. Умъ
перестаетъ нуждаться въ
средствахъ для выраженія оттѣн-
ковъ своихъ понятій, и самъ раз-
вивается съ развитіемъ выразитель-
ности языка.

Необходимая принадлежность
выразительности языка въ этомъ
положеніи есть отличеніе разныхъ
разрядовъ словъ — частей рѣчи,
и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняемость
большей части словъ, отдѣльная
для каждаго разряда. Являются
условія отличенія трехъ родовъ,
трехъ степеней сравненія, трехъ
чиселъ, трехъ лицъ, трехъ глав-
ныхъ падежей, трехъ залоговъ,
трехъ видовъ, трехъ главныхъ вре-
менъ, трехъ главныхъ формъ соче-
таній словъ, и т. д.

И мало по малу все, что могло
жить въ языкѣ подъ условіями опре-
дѣленной формы, все оживляется
и живетъ, подчиненное этимъ усло-
віямъ, и народъ, вполнѣ сочувствуя
формальной стройности языка сво-
его, боится нарушить ее, бережетъ
ее, какъ святыню.

Разумное начало возобладало
въ языкѣ, на сколько могло выра-
зиться строгостью формъ, — и ни-
мало не ослабило начала поэтиче-
скаго, а только придало ему ху-
дожественность. Какъ во всемъ,
такъ и въ языкѣ, поэтическое толь-
ко тогда становится художествен-
нымъ, когда подчиняется закону
разума. Только на условіи этого
подчиненія языкъ дѣлается худо-
жественнымъ выраженіемъ мысли
народа. Художественность языка
видна тогда не только въ красотѣ
языка внутренней — въ прекрасно
правильномъ его соотношеніи съ
мыслію и въ его живописности, но
и въ красотѣ внѣшней—въ благо-
звучности. Только къ этому вре-
мени въ языкѣ развивается пра-
вильная система звуковъ,—и соче-

танія ихъ въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ реченіяхъ становятся такъ же согласно плавны и пѣвучи, какъ они согласно выражаютъ мысль народную. Благозвучность, какъ законная принадлежность языка въ этомъ положеніи, какъ слѣдствіе разумнаго вкуса народа, сближая языкъ съ другимъ художествомъ, владѣющимъ звуками, съ музыкой, подчиняя его тѣмъ же условіямъ, которымъ подчинена и музыка, условіямъ мѣры и размѣра, производитъ въ языкѣ формы стиховъ, въ которыхъ логическая связность словъ подчинена гармонической связности звуковъ.

Время развитія формъ языка составляетъ первый періодъ его исторіи. Этотъ періодъ долгъ, для иныхъ языковъ почти нескончаемъ; тѣмъ не менѣе онъ есть только первый; за нимъ долженъ послѣдовать и второй.

Этотъ второй есть періодъ превращеній. Не всегда онъ начинается тогда, когда уже совершенно оконченъ первый: онъ можетъ начаться и гораздо ранѣе, такъ что начало его совьется въ двойную нить съ продолженіемъ перваго; но, рѣшительно отличный отъ перваго по основному началу, въ немъ господствующему, онъ всегда можетъ быть отличенъ отъ перваго. Съ самаго начала этого періода прежняя стройность формъ языка разстраивается; новая стройность касается не формъ, а самой матеріи, не матеріи языка, а мыслей, имъ выражаемыхъ. Все равно, помощію той или другой формы, лишь бы выразилъ языкъ то, что онъ долженъ выразить. Въ народѣ остается надолго стремленіе поддерживать прежнюю формальную самостоятельность языка; но тѣ или другія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, потрясаютъ ее все болѣе. Связи народа промышленныя, умственныя, политическія, религіозныя, кровнородственныя съ другими народами: это самое важное изъ обстоятельствъ внѣшнихъ. Мысль о ненадобности грамматическихъ формъ, о возможности обойтись безъ нихъ, начинающая свое дѣйствіе смѣшеніемъ формъ, и доходящая постепенно до почти полнаго ихъ отрѣшенія и забвенія, мысль не рѣдко зависящая въ своемъ проявленіи отъ трудности управиться съ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, эта мысль есть самое важное обстоятельство внутреннее. Эта мысль и зараждается и крѣпнетъ въ умѣ народа безъ всякой зависимости отъ его сознанія, часто наперекоръ ему, безотчетно и непроизвольно; но крѣпнетъ по времени все болѣе, все болѣе получаетъ силу закона. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія дѣйствуютъ на языкъ за-одно, и измѣняютъ языкъ иногда до того, что онъ возвращается, во внѣшнемъ своемъ видѣ, къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ былъ сначала. Онъ уже конечно не тотъ, но почти таковъ же по своей безвязности, по раздѣльности своихъ составныхъ частей, и можетъ начать съизнова путь своего развитія. Впрочемъ только во внѣшнемъ своемъ видѣ: по содержанію, если только народъ не огрубѣетъ, отрекшись отъ просвѣщенія, онъ можетъ остаться вполнѣ выразительнымъ, богатымъ и сильнымъ орудіемъ мысли.—Такъ какъ второй періодъ исторіи языка обрисовывается всегда постепеннымъ паденіемъ прежнихъ формъ

нымъ замѣненіемъ ихъ дру-
гѣненіемъ такими другими
которыя не такъ неотрѣ-
ляваются съ словами, кото-
отребленіе не такъ непро-
, которыя мѣняются, пре-
ся; то его едва ли можно
наче, какъ періодомъ пре-
.

ія въ періодъ превраще-
ъ прежде всего измѣняетъ
чность. Звуки перемѣши-
амѣняются одни другими,
ются по прежнему въ ихъ
ъ значеніи; увеличивают-
а числомъ, часто и пропа-
ничѣмъ незамѣненные,
, съ другими: увеличи-
олѣе количество звуковъ
ь, составныхъ, умень-
олѣе количество звуковъ
, нераздѣльныхъ.

змѣненій въ системѣ зву-
бняется и система корней
орни словъ тоже перемѣ-
; первоначально различ-
адаютъ въ одно сочетаніе
первоначально однозвуч-
днозначительные распа-
а различные, повидимому
непохожіе. Нѣкоторые
но пропадаютъ или оста-
ѣдныхъ остаткахъ, какъ
, потому что въ языкѣ
другія средства для вы-
гѣхъ же идей. Связи съ
народами облегчаютъ за-
ніе чужихъ словъ, и чу-
становятся тѣмъ необхо-
змъ сильнѣе эти связи.

образованія словъ теря-
епенно коренное значеніе:
зличныя по-значенію, ста-
однозначительными, одно-
ныя разными. Образован-
а нуждаются въ приложе-
ъ формъ къ прежнимъ,
для выраженія тѣхъже понятій
безъ малѣйшаго оттѣненія, изъ-за
того только, что форма прежде дан-
ная уже потеряла силу выражать
это оттѣненіе смысла. Слова удлин-
няются. Мѣсто одного слова за-
ступаетъ иногда два, три, и на обо-
ротъ. Къ словамъ приставляютъ
особенныя, независимыя частицы,
для опредѣленія ихъ значенія. Чу-
жія слова принимаются въ языкъ
безъ примѣненія ихъ формы къ
древнему характеру языка.

Формы измѣненія словъ теряютъ
также свой прежній смыслъ и важ-
ность. Разнозначительныя формы
смѣшиваются въ значеніи; изъ преж-
нихъ формъ образуются новыя;
другія погибаютъ. Погибаніе ста-
рыхъ формъ начинается частностя-
ми: нѣкоторыя слова, прежде из-
мѣнявшіяся по всѣмъ для нихъ воз-
можнымъ формамъ, остаются только
въ какой нибудь одной формѣ не-
подвижно, или въ немногихъ, бо-
лѣе рѣзкихъ. За частными случаями
слѣдуютъ и общія перемѣны. Трой-
ственность формъ въ измѣненіи
словъ нарушается: то одно изъ чи-
селъ, то одинъ изъ родовъ, то од-
но изъ временъ становится не нуж-
нымъ, излишнимъ. Мѣсто временъ
простыхъ заступаютъ сложныя;
сложныя мѣшаются, сокращаются.
Окончанія падежныя теряютъ свою
выразительность, обусловливаются
предлогами, потомъ и совсѣмъ ис-
чезаютъ.

Въ слѣдствіе ослабленія формъ
словоизмѣненія, постоянно измѣ-
няется и прежній характеръ формъ
словосочетанія. Многія изъ нихъ
по неволѣ пропадаютъ. Мѣсто ихъ
занимаютъ другія, болѣе подвиж-
ныя. Потомъ и эти однѣ за другими
исчезаютъ: отсутствіе формъ замѣ-
няется условіями логики народа,

вовсе независящими отъ строя языка. Формальная опредѣленность смѣняется описательностью.

Превращеніе строя языка, будучи вмѣстѣ и превращеніемъ его состава, превратитъ и логику народа, и понятія его о красотѣ выраженій внутренней и внѣшней. Превращеніе языка въ отношеніи къ красотѣ его выразительности отразится на всемъ складѣ рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ. И въ отношеніи къ складу рѣчи языкъ можетъ лишиться прежняго разнообразія и прежней опредѣленности формъ, даже потерять ихъ вовсе.

Все это можетъ идти въ разныхъ языкахъ до нѣкоторой степени различно и доходить не совершенно къ одному и тому же концу; но направленіе всегда одно и тоже: превращеніе, ослабленіе формъ. Въ одномъ и томъ же языкѣ не все превращается равномѣрно, иное скорѣе, другое медленнѣе, — и въ слѣдствіе этого языкъ становится связью частей разновременно образованныхъ, древнихъ и новыхъ; но все таки постепеннаго превращенія нельзя не видѣть въ измѣненіи всего его строя и характера. Сродненіе народа съ народомъ можетъ привести ихъ языки къ полному, совершенному превращенію. Изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ можетъ образоваться новый языкъ, по формамъ своимъ и похожій и непохожій на тѣ, изъ которыхъ онъ произошелъ, и до такой степени новый, что законы, которыми управлялись тѣ языки, въ своихъ формахъ могутъ до нѣкоторой степени служить только объясненіемъ его состава; но и *въ его составѣ* и въ строѣ господ*ствовать должны* уже не они, а другіе, и свою формальную организацію онъ начинаетъ снова.

Срезневскій.

---

146. Значеніе словъ: гражданскіе законы. — Понятіе и раздѣленіе исторіи Русскихъ гражданскихъ законовъ.

Значеніе словъ: Гражданскіе законы.

Съ начала текущаго столѣтія до тридцатыхъ годовъ его, названіе *гражданскихъ законовъ* у нашихъ законовѣдцевъ обыкновенно принималось въ обширнѣйшемъ смыслѣ и означало, если не весь кругъ законовъ, дѣйствующихъ въ государствѣ, то по крайней мѣрѣ наибольшую часть ихъ, именно, всѣ вообще законы, которые занимаются опредѣленіемъ правъ и обязанностей, существующихъ въ государствѣ, какъ въ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу, такъ и въ отношеніяхъ между отдѣльными лицами и цѣлымъ государствомъ. Иногда при этомъ часть законодательства, которою опредѣляются и ограждаются отъ обидъ права и обязанности, принадлежащія частнымъ лицамъ въ отношеніи ихъ другъ къ другу, называли преимущественно *гражданскимъ правомъ*; но во всякомъ случаѣ для большей опредѣлительности находили нужнымъ точнѣе называть ее *частнымъ гражданскимъ правомъ*. Такое словоупотребленіе вело свое начало отъ Римлянъ; было раскрыто въ сочиненіяхъ Гроція и Пуфендорфа и германскихъ писателей, имъ послѣдовавшихъ въ ученіи о законахъ, а въ нашемъ отечествѣ распространено сословіемъ законовѣдцевъ, получившихъ свое

аніе въ австрійскихъ учи-
и въ первыхъ годахъ цар-
ія Александра поступав-
ь руѳскую службу по учеб-
ги. Тогда какъ въ законовѣ-
нашемъ гражданскіе зако-
ни столь обширный смыслъ,
онодательствѣ господство-
угое значеніе, по которо-
ціетомъ ихъ поставлялись
ава и обязанности, суще-
ія въ отношеніяхъ частныхъ
ругъ къ другу. Это ограни-
значеніе произошло отъ пи-
западной Европы, зани-
ся разработкой римскаго
дательства, которое у но-
ародовъ, принявшихъ его,
тло общее, заимствованное
михъ Римлянъ, названіе
нскаго права, однако же
ѣе служило только къ опре-
о правъ и обязанностей ча-
лицъ въ отношеніи ихъ
къ другу.

бвенный въ исторіи нашего
дательства и законовѣдѣнія
Сперанскій установилъ и
коновѣдѣнія значеніе граж-
ихъ законовъ, употребляв-
до тѣхъ поръ преимущест-
въ законодательствѣ.

законовъ, которые опредѣ-
существо государства и
, отъ него происходящихъ,
няютъ союзъ государствен-
авно какъ и союзъ частныхъ
между собою, мѣрами общаго
рственнаго порядка, графъ
нскій принялъ исключитель-
ваніе *законовъ государствен-*
За тѣмъ *гражданскіе законы*
раничилъ только законами,
е опредѣляютъ и при номо-
ѣръ гражданскаго порядка
ютъ права частныхъ лицъ
въ союзѣ семейственномъ и по имуществамъ. Между гражданскими законами онъ различилъ три вида ихъ: законы *общіе*, *особенные и мѣстные*. Первое изъ этихъ именъ было усвоено имъ тому разряду гражданскихъ законовъ, въ которомъ о предметѣ ихъ—правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ и правахъ по имуществамъ, предлагаются правила общія, т. е обнимающія этотъ предметъ въ общемъ его составѣ и имѣющія силу для всѣхъ подданныхъ государства; второе принято для тѣхъ гражданскихъ законовъ, которыми установляется порядокъ дѣйствія правъ по имуществамъ въ особенномъ отношеніи сихъ правъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и проч.; наконецъ третьимъ означены гражданскіе законы, имѣющіе силу только для жителей извѣстныхъ областей государства. При этомъ раздѣленіи общее *имя гражданскихъ законовъ* графъ Сперанскій удержалъ для означенія общихъ законовъ о союзахъ семейственныхъ и объ имуществахъ; особенные же законы объ имуществахъ онъ назвалъ, по главной цѣли ихъ, *законами государственнаго благоустройства* или *экономіи*. Въ то же время отъ всѣхъ другихъ законовъ государственнаго благоустройства онъ отдѣлилъ законы о кредитныхъ установленіяхъ, торговлѣ и промышленности заводской, фабричной и ремесленной, и этому отдѣлу законовъ далъ преимущественно названіе *гражданскихъ законовъ особенныхъ*. Послѣ того общее имя *законовъ государственнаго благоустройства* осталось только прочимъ отдѣламъ законовъ государственнаго благоустройства.

Понятіе исторіи Русскихъ гражданскихъ законовъ.

Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ есть только часть цѣлой исторіи русскаго законодательства, которая въ свою очередь составляетъ также только часть всемірной исторіи законовъ. Этимъ опредѣляется ея понятіе. Чѣмъ всемірная исторія законовъ, чѣмъ исторія русскаго законодательства вообще должна быть какъ цѣлое, тѣмъ исторія русскихъ гражданскихъ законовъ должна быть какъ часть: она должна изобразить послѣдовательность развитія закона частныхъ между лицами отношеній на почвѣ русскій народности при существовавшихъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ; она должна, означивши ту мысль идеи закона, которую предоставлено раскрыть русскому гражданскому закону, показать намъ, чѣмъ началось раскрытіе его и въ немъ этой мысли, и какъ потомъ онъ, подъ господствомъ своей движущей мысли, въ связи съ цѣлою народною жизнію, въ связи съ современнымъ состояніемъ законодательства и законовѣдѣнія у другихъ народовъ, въ связи со всѣми обстоятельствами, постепенно раскрывался во всѣхъ подробностяхъ своего содержанія.

Но исторія русскихъ гражданскихъ законовъ въ такомъ смыслѣ въ настоящее время невозможна. Надлежащее выполненіе задачи ея предполагаетъ въ историкѣ ясное сознаніе той идеи, которую предназначено Русскому народу раскрыть въ своихъ законахъ, особенно же, что въ настоящемъ случаѣ есть главное, въ своихъ гражданскихъ законахъ. Но какъ значеніе жизни *одного* человѣка можно понять только тогда, когда онъ прой-деть все, что ему суждено пр-весть; такъ всемірно-историче-значеніе народа можетъ съ л-стію и очевидностію откры-только тогда, когда онъ по вс-путямъ своей жизни вполнѣ вы-зитъ свой духъ и обнаружитъ могущество своей природы, дос-ши въ наукѣ, искуствѣ, зако-дательствѣ, во всемъ, крайн-предѣла совершенства, какое него достижимо. Русскій нар-конечно, уже неизгладимыми тами записалъ свое имя въ л-писяхъ исторіи и для общаго человѣчества совершилъ мног-ликаго: но въ полной крѣпости ихъ силъ, съ безпредѣльнымъ ст-леніемъ къ расширенію круга св-дѣятельности, съ непоколебим-вѣрою въ высокое свое назна-ніе, чего еще не можетъ онъ со-вершить? Какъ легко можетъ пр-этомъ оказаться, что тамъ, гдѣ м-видимъ теперь конецъ, положен-лишь начало зданія, которое, бы-вполнѣ воздвигнуто по начерта-шей его мысли художника, пред-ставитъ совершенно въ новомъ св-тѣ все, что до тѣхъ поръ бы-строено? И такъ опредѣлять все-мірно-историческое значеніе дѣ-тельности русскаго народа бы-бы въ настоящее время слишком-рано. По крайней мѣрѣ, гаданій предположеній, какія можно б-сдѣлать въ этомъ случаѣ, наука н-можетъ принять за несомнѣнну-истину. Послѣ сего, исторія рус-скихъ гражданскихъ законов-предоставляя будущему времен-начертать развитіе ихъ со всемір-но-исторической точки зрѣнія, с-означеніемъ ступени, ими занимае-мой въ ряду законодательствъ, с-непрерывнымъ указаніемъ отноше-

ікое находится между каж-
отдѣльнымъ положительнымъ
остановленіемъ и всемірно-
ическимъ началомъ, господ-
щимъ надъ ними и въ нихъ
ившимся, должна все свое
ніе обратить на самый фактъ
азвитія и заняться изслѣдо-
ъ и изображеніемъ того, въ
онъ состоитъ, гдѣ во времени
ое начало и конецъ его, от-
изъ какихъ, для насъ явныхъ
нъ и при какихъ условіяхъ
озникъ и въ какомъ необхо-
ъ отношеніи находится къ
мъ извѣстнымъ фактамъ. Это
дованіе, если оно будетъ ве-
какъ должно, послужитъ
ымъ основаніемъ и для той
іи, которая будетъ разсма-
ть предметъ его со всемірно-
ической точки зрѣнія. Дотѣхъ
пока это изслѣдованіе не
дено, или по крайней мѣрѣ
изко къ концу, философской
іи русскихъ гражданскихъ
овъ даже и нельзя начать;
мы должны будемъ непре-
опасаться, что новыя изслѣ-
ія покажутъ всю ничтожность
къ построеній, несогласныхъ
длиннымъ видомъ дѣйстви-
ости.

*леніе исторіи Русскихъ граж-
ихъ законовъ на части по
предметамъ.*

орія всякаго положительнаго
одательства должна предста-
амъ какъ исторію его источ-
ъ, такъ и исторію его содер-
Посему она дѣлится всегда
ѣшнюю и *внутреннюю* исто-
Первая разматриваетъ формы,
ихъ установлялись законныя
ла, выражались и раскрыва-
лись понятія народа о праведномъ и неправедномъ, о справедливомъ и несправедливомъ; показываетъ, въ какой мѣрѣ, въ то или другое время, законодательство раскрывалось посредствомъ обычаевъ, или ясно выраженныхъ наставленій власти общественной, или ученой дѣятельности законовѣдцевъ; въ какихъ органахъ, отдѣльныхъ лицахъ, сословіяхъ, выражалась каждая изъ этихъ производительныхъ силъ, какое имѣли онѣ вліяніе другъ на друга, какіе законодательные памятники обязаны имъ своимъ существованіемъ. *Вторая* разсматриваетъ самое существо законныхъ правилъ, возникшихъ, установившихся такимъ образомъ; изслѣдываетъ, что было признаваемо правомъ по отношенію къ извѣстному предмету жизни, въ то или другое время. Въ исторіи гражданскихъ законовъ должно также различать внѣшнюю и внутреннюю ихъ исторію. Послѣдняя имѣетъ столько частей, сколько есть главныхъ предметовъ въ гражданскихъ законахъ. Два главные предмета составляютъ содержаніе гражданскихъ законовъ: право въ союзахъ семейственныхъ и право по имуществамъ. Такимъ образомъ внутренняя исторія гражданскихъ законовъ дѣлится на исторію законовъ о союзахъ семейственныхъ и исторію законовъ объ имуществахъ. При разсмотрѣніи союзовъ семейственныхъ представляются вниманію законы о союзѣ родственномъ, союзѣ супружескомъ, союзѣ родителей и дѣтей, опекѣ и попечительствѣ. Что касается правъ на имущество, кромѣ общихъ постановленій, сюда относящихся, подлежатъ разсмотрѣнію законы о правахъ на вещи, о правахъ на отдѣльныя дѣйствія лицъ, о перево-

дѣ правъ на имущества въ цѣломъ ихъ составѣ, или о наслѣдствѣ.

Раздѣленіе исторіи русскихъ гражданскихъ законовъ на части, по времени.

Преобразованіе Россіи, произведенное Петромъ Великимъ, раздѣлило всю исторію ея на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, половины: древнюю и новую ея исторію. До Петра русскій народъ, живя въ непосредственномъ единствѣ съ природою, вырабатывалъ себя преимущественно изъ себя самаго, хотя подъ вліяніемъ началъ міра западнаго. Съ Петромъ Великимъ началась для него жизнь разсудка, размышленія; источникомъ просвѣщенія для него сдѣлалась во многихъ отношеніяхъ образованность западныхъ народовъ, опередившихъ его на поприщѣ гражданскихъ успѣховъ нѣсколькими вѣками. Но преобразованія Петровы не могли ни отторгнуть его отъ востока, съ которымъ онъ соединенъ не только своимъ географическимъ положеніемъ, но и всѣмъ своимъ духомъ, всѣмъ своимъ образованіемъ, всею своею прошедшею исторіею, ни остановить развитіе его жизни изъ себя самой. Такимъ образомъ Петръ внесъ въ эту жизнь только новое движущее начало. Но тѣмъ самымъ онъ положилъ твердую границу между древнимъ русскимъ міромъ и новымъ.

Царствованіе Петра для исторіи русскаго законодательства составило также эпоху и раздѣлило эту исторію на двѣ части: исторію древнюю и исторію новую. Законодательство русское, какъ оно развивалось до Петра Великаго, т. е. до того времени, когда Петръ, вышедши изъ подъ опеки сестры Софіи, принялъ въ свои руки 1689 г. правленіе Россіею, предметъ древней исторіи; за нодательство русское, какъ развивалось и развилось съ э по настоящее время, есть пред новой исторіи.

Въ той и другой части ист русскаго законодательства дол различать нѣсколько період Они опредѣляются самымъ с ствомъ вещей, особеннымъ дух который господствовалъ въ з нодательствѣ каждаго періода подъ вліяніемъ котораго нах лось и раскрывалось закон тельство въ каждомъ періодѣ. древней исторіи, слѣдуя важ шимъ въ ней событіямъ, до принять пять періодовъ или с ловъ времени: періодъ 1-й до нятія Русскими христіанства Грековъ въ 988 году; періодъ до раздробленіи Россіи на нѣс ко самостоятельныхъ владѣ порабощенія ея Монголами въ году; періодъ 3-й до восшест престолъ Московскій въ 146 ду Іоанна III, основавшаго нодержавіе въ Россіи и освоб шаго ее изъ подъ владыч монгольскаго; періодъ 4-й д ложенія 1649 года Царя Ал Михайловича; періодъ 5-й с чала самостоятельнаго царст нія въ 1689 году Петра Вел Въ новой исторіи необходим дѣлить: періодъ 1-й до восш на престолъ Императрицы Е рины II въ 1762 году; період до изданія Свода Законовъ Р ской имперіи въ 1833 году; одъ 3-й долженъ начаться важнѣйшимъ происшествіем исторіи русскаго законода ства. *Нево.*

Сужденіе о Петрѣ Великомъ.

бще всѣ сужденія о Петрѣ
омъ можно раздѣлить на двѣ
одни говорятъ о Петрѣ съ
упнымъ восторгомъ. Какъ
пережившее себя въ памяти
, какъ Царь, имя котораго
поминаетъ въ Россіи, Петръ
нъ возбуждать подобный эн-
иъ. Тѣмъ тяжелѣе слова по-
лей Петра. Особливо въ нашъ
когда путаница недозрѣ-
дей кружитъ столь много
, когда, не умѣя отдать се-
ета, столь многіе толкуютъ
ь о самобытности и проч. и
дѣла Петра подвергаются
нію многихъ. Говорятъ, что
алъ неестественное направ-
нашей самобытности, что
ою волею хотѣлъ онъ разор-
такъ сказать, хартію нашей
и и начать ее на чужеземъ-
зыкѣ. Не понимая, что въ
сти всей жизни и всѣхъ
въ Петра Великаго познает-
геній, хотятъ разсматри-
го отдѣльно, какъ законо-
, какъ воина, какъ человѣ-
ереносятъ къ сужденію объ
современныя идеи, и судятъ
мъ въ слѣдствіе такого пе-
. — Ошибка въ основаніи
ній, ошибка въ выводахъ,
а во всемъ.

лапникъ Провидѣнія въ мі-
ѣмъ выше геній, тѣмъ менѣе
дитъ онъ къ уставу уѣздна-
а, непремѣнному для людей
овенныхъ. Ему другой за-
другой судъ — законъ въ
ѣ историческаго мѣста, имъ
емаго; судъ въ слѣдстві-
го историческяго бытія. Но
опредѣляется опять мѣра из-
го распространенія. Алек-
сандръ Македонскій, Юлій Цезарь,
Ришелье, Фридрихъ Великій, На-
полеонъ—какъ политическіе дѣй-
ствователи; Шекспиръ, Данте, Ге-
те, Рафаэль — какъ дѣйствователи
міра изящнаго; Платонъ, Декартъ,
Спиноза, Кантъ—какъ дѣйствова-
тели міра философическихъ идей,
не подлежатъ кодексу обыкновен-
ныхъ условій. Неужели будете
называть безуміемъ походъ Алек-
сандра въ Индію; осуждать Цеза-
ря, что онъ перешелъ за Рубиконъ,
и вопреки Катону, уничтожилъ
римскую республику; или утверж-
дать, что Фридрихъ былъ не правъ,
нападая на Австрію? Переходя въ
міръ изящнаго, заспорите-ли о
томъ, что Рафаэль невѣрно изоб-
ражалъ костюмы, Данте смѣши-
валъ миѳологію съ библейскими
преданіями, а Гете не былъ націо-
нальнымъ поэтомъ? — Смотрите,
какую идею въ человѣчествѣ пре-
ображали они, эти геніи, и забы-
вайте, что Ришелье писалъ дур-
ные стихи, Фридрихъ нюхалъ та-
бакъ изъ кармана, Юлій Цезарь
съ радостью взялъ лавровый вѣ-
нокъ для прикрытія лысой головы
своей. Они были посланники Про-
видѣнія, формы, въ которыхъ от-
ливало Провидѣніе судьбы свои—
совершилось ихъ предзнаменова-
ніе, формы разбиты — дивитесь,
что вылилось изъ этихъ формъ для
человѣчества, и помните, что, быв-
ши *людьми судебъ*, они были въ то
же время и *просто людьми*, чело-
вѣками. Они были временны, пре-
ходящи; каждый совершилъ въ
свой чередъ, въ свое время, пред-
назначенное ему; окрестъ каждаго
создавалось его пространство
во времени и опредѣлялось время
его на извѣстномъ пространствѣ.
Прешли Греція и Римъ, прешли и

Александръ и Цезарь, какъ люди совершившіе подвигъ свой для исторіи Греціи и Рима. Вѣчнаго, всемірнаго генія не было и быть не можетъ. Въ слѣдствіе сего, каждый геній носитъ необходимо отпечатокъ своего времени, своего мѣста, своего назначенія, облекается въ свою характеристику, въ своей костюмъ. Вѣчнымъ остается отъ нихъ только тотъ слѣдъ, какой проложили они въ предназначенномъ имъ мѣстѣ и времени; и чѣмъ огромнѣе это время и это мѣсто, тѣмъ долговѣчнѣе и обширнѣе слѣдъ ихъ въ океанѣ человѣчества. Такъ тысячами верстъ пролегаютъ по землѣ Амазона, Миссисипи, Ангара, такъ возвышаются къ небесамъ Девалагири и Шимборазо. Благословляйте кроткую рѣчку, орошающую ваше поле и усѣянную садами гору, заслоняющую отъ бури вашу пажить. Но осудите-ли дикую снѣжность Гималая и волканы Кордильера за то, что на нихъ нѣтъ пріюта вашему винограднику и вашей хижинѣ? Осудите-ли, что въ разливахъ своихъ Амазона и Ангара топятъ жилища людей и губятъ тысячи животныхъ? У васъ жизнь вашего поля — тамъ жизнь земнаго шара. Другъ людей Говардъ есть благодѣтельный ручеекъ, Юлій Цезарь и Наполеонъ—Амазона; добродѣтельный Ласъ-Казасъ — цвѣтущій холмикъ, Ришелье и Фридрихъ — Шимборазо человѣчества.

Такъ, и только такъ разсуждая, вы оцѣните и разгадаете нашего великаго, безсмертнаго Петра, дивное явленіе своего вѣка, своего народа, далеко пролетѣвшее волнами *въ исторіи* человѣчества, великая, *на которомъ* отражалась вѣковая тѣнь прошедшей до него исторіи Россіи, когда въ тоже время чело его озарено было лучами будущей исторіи нашей. Измѣрьте величіе Россіи въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—вы измѣрите величіе Петра. Какъ сѣверъ грозенъ онъ, какъ востокъ таинственъ, какъ югъ пламененъ—такова и Россія. Жадно хотѣлъ онъ схватить и передать Руси западъ умственный — а кого трепещетъ теперь западъ вещественный? — Не Россіи-ли? Не отъ этого-ли трепета хочетъ онъ кровожадно затмить славу нашего Петра? Не его ли сбивчивыя идеи выражаютъ у насъ люди, осуждающіе Петра?

Государство, обхватившее собою значительную часть земнаго шара, мѣстностью своею поставленное между Азіею и Европою, касающееся льдовъ сѣвера и полуденныхъ странъ средней Азіи, столько-же могущее быть грознымъ своими войсками, сколько и флотами, населенное народомъ крѣпкимъ, умнымъ, соединившимъ въ себѣ воображеніе Востока съ умомъ Запада, съ твердостью сѣвернаго характера: вотъ *Россія* и *Русскіе*.—Если прибавимъ къ тому, что это государство, этотъ народъ образовались изъ Норманновъ и Славянъ, отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ своею вѣрою, своимъ языкомъ, своимъ внутреннимъ образованіемъ, что они составились не изъ обломковъ древняго міра, но выросли на дикихъ, самопроизводящихъ степяхъ Востока и въ лѣсахъ Сѣвера; что начавшись въ одно время съ западными народами среднихъ временъ, они имѣли свою отдѣльную исторію въ теченіе восьми столѣ-

томъ, когда Западъ со-
всѣ свои періоды, Русь и
сблизились съ нимъ, само-
ики, своенравны, перени-
Запада, но чувствовали и
тъ несродность Запада
ь сѣверо-восточнымъ на-
что изъ этого слѣдуетъ?
то, что Россіи опредѣ-
будущемъ великая роль
іи Европы; что Россія ко-
лжна внести новую сти-
іръ западный, и, слѣд-
что донынѣ вся ея исто-
только приготовленіемъ
и будущей. Эта исторія
) только что началась съ
а. До того времени, вся
оссіи состояла въ двухъ
ихъ: Россія составила
висимую отъ Запада са-
гь, и потомъ сблизилась
ромъ. — Первое сдѣлано
семь сотъ лѣтъ Норман-
ками, Монголами, Поля-
ведами, Тевтонскими ры-
Гурками, удѣлами, само-
ъ, религіею, рядомъ го-
отъ Владиміра до Анд-
юбскаго, отъ Іоанна Ка-
оанна III-го, Михаила и
Второе сдѣлано Петромъ
, только однимъ Петромъ,
поръ Россія живетъ уже
)-ти лѣтъ только тою но-
ію, какую онъ вдохнулъ

сторическое мѣсто и ис-
ое время Петра. Съ этой
знія надобно разсматри-
его и судить объ нихъ.
его вѣка, Востокъ и За-
язь исторіи прошедшаго
аго—размѣръ, изумляю-
ю огромностью. Пойми-

приготовился къ этому

великому событію Западъ? Нашествіемъ варваровъ кончилъ онъ древнюю исторію; потомъ образовалъ новый міръ изъ развалинъ Рима; совершилъ періодъ феодализма и ѳеократіи; сблизился съ Азіею въ Крестовыхъ походахъ, борьбѣ съ Маврами и паденіи Греціи; преобразилъ умственныя понятія и міръ изящнаго въ идеяхъ средняго вѣка, готизмѣ, классицизмѣ, романтизмѣ, реформаціи и новой философіи; раздвинулся въ Азію, Африку и Америку открытіемъ Колумба и колоніяльною системою, и заключилъ наконецъ всѣ вопросы будущаго въ системѣ нѣсколькихъ политическихъ могуществъ Европы, взаимной борьбѣ ихъ и отношеніяхъ. Этотъ міръ составили Франція, Германія, Англія, относительно Турція, Голландія, Испанія и Италія. Въ особенной связи исторіи остались притомъ Швеція, Данія, Польша и мелкія нѣмецкія царства, между представителемъ сѣвера германскаго, Пруссіею, и юга германскаго, Австріею. Прочіе дѣйствователи, уже совершившіе свое дѣло, слились съ другими государствами. Такова была Европа, готовая къ началу новой исторіи принятіемъ въ свою систему Россіи!

Но что же была въ то время отдѣльная до того времени отъ Европы Россія? Готова-ли была она? Какъ могла она вдвинуться въ Европу?

Начатая въ Кіевѣ Норманнами, періодомъ удѣловъ расширила она жизнь и дѣятельность на сѣверъ, и сосредоточилась тамъ, въ вольныхъ городахъ и Владимірскомъ княжествѣ. Раздробленіе было необходимо для жизни частей. Нашествіе Монголовъ необходимо

было потомъ для соединенія частей въ единое цѣлое. Это единое сосредоточилось въ Москвѣ, въ единствѣ языка, Церкви и самодержавія; оно укрѣпилось въ борьбѣ съ Монголами, Литвою, Швеціею, Рыцарями. Рука Іоанна III-го скрѣпила самобытность Россіи. Но еще слѣдовало уравняться внутреннимъ элементамъ, необходимымъ слѣдствіямъ прежней Русской исторіи, по которымъ Русь походила на Азію. Кромѣ того, слѣдовало ей покореніемъ Польши уничтожить преграду между ею и Европою, и усилиться въ системѣ сѣверныхъ государствъ, каковы были Швеція, Пруссія и Польша; ей слѣдовало также кончить исторію Турціи, остатка среднихъ вѣковъ. И вотъ, послѣ Іоанна III-го, началась борьба всѣхъ сихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, борьба любопытная, многообразная, продолжавшаяся при Василіи, Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ, Годуновѣ, Шуйскомъ, въ междуцарствіе, при Михаилѣ, Алексіи и Ѳеодорѣ III-мъ.

Тяжко уравнились стихіи внутреннія при Іоаннѣ Грозномъ; онѣ были причиною величія Годунова, явленія Самозванцевъ, вмѣшательства Польши и Швеціи, думавшихъ уничтожить Россію. Вѣра и народность спасли отечество; Швеція и Польша поссорились за добычу, и Алексій оторвалъ отъ Польши Малороссію, съ мечемъ проникъ въ сердце врага. Польша кончилась послѣ того; она сдѣлалась безсильна и начала разрушаться. Но Малороссія придвинула къ намъ Турцію; Ѳеодоръ уже вступилъ въ борьбу съ нею. Между тѣмъ внутреннія стихіи волновались. Стремленіе къ западному образованію и воспоминаніе пр ней борьбы раждало новые бун раеколы, тяжбу между вельмо ствомъ и ѳеократіею, образов нѣмецкихъ войскъ, при стар номъ образѣ войны нашествіі при восточномъ образѣ сноше съ Европою, при смѣшанномъ разѣ внутренняго управленія, азіятской непріязни къ наук образованію. Родился Петр единственный сынъ втораго бр Алексіева, какъ будто надо было Россіи показать въ лицѣ анна V-го угасающую преж исторію Россіи, а въ лицѣ П I-го новую Русскую историк начало царствованія Петрова С сокращеніе того, что представ. Россія съ самаго Іоанна III раздоръ за наслѣдство; управл другихъ подъ именемъ Царя; ятскую войну съ Турціею; С ство партій, буйство раскола; д кое своеволіе войска и нар рѣшавшаго при Годуновѣ и Ш скомъ судьбу царства.

Ѳеодоръ переселяется въ ность (27 апрѣля 1682 г.). П Нарышкиныхъ и Матвѣевыхъ водитъ на престолъ 10-ти лѣ го Петра. Партія Милославск и другихъ вельможъ подыш бунтъ стрѣльцовъ. Мирятся на сти Софіи и совокупномъ пра ніи Іоанна и Петра; они Цари; фія, Милославскіе и Голицыны ствуютъ. Бунтъ Никиты Пусто та, казнь князей Хованскихъ, на съ Турціею, поддержаніе п няго порядка во всѣхъ этихъ лахъ, во всемъ, внутри и из ознаменовываютъ семилѣтнее п леніе Софіи. Такъ продолжил бы десятилѣтія, такъ было кроткомъ Михаилѣ, такъ при умномъ Алексіи, такъ

итанникѣ Полоцкаго Θеодорѣ
ри Софіи, хотя она играла
діи, писала стихи и разумѣла
нь.
ѣло не въ томъ было, чтобы
іаться иногда съ европейскими
дарями, вызывать изъ Европы
кусовъ и географусовъ, пере-
ить мушкетную стрѣльбу нѣ-
сую: рѣчь шла объ участи азі-
аго образованія Россіи, къ ко-
му мы были направлены сла-
кимъ происхожденіемъ, татар-
гъ игомъ, реформою Іоанна III.
росъ о совершенствованіи че-
ка былъ рѣшенъ въ Греціи,
ѣ, на Западѣ, и рѣшенъ тѣмъ,
до неизвѣстнаго будущаго
оворота исторіи, человѣку, для
кенія впередъ, надлежитъ быть
опейцемъ, такимъ, какимъ онъ
ь на Западѣ. Мѣстность каж-
народа должна была сдѣлать
ого Нѣмцемъ, другаго Англи-
ономъ, третьяго Французомъ,
ертаго Испанцемъ, по дѣйст-
исторіи и географіи каждой
и; но, главное, всѣ они дол-
ствовали быть Европейцами.
кій былъ Рускимъ послѣ Іо-
ь, но не былъ Европейцемъ до
ра. И тутъ ничего не значило,
і Іоаннъ женился на Софіи Па-
іогъ, Фіоравенти построилъ
оръ въ Москвѣ, Олеарія звали
Россію, въ Преображенскомъ
ли комедію, въ Москвѣ заве-
Греко-латинскую Академію.
скій не былъ Европейцемъ. И
дворѣ монгольскихъ хановъ
али художники и ученые; и въ
вѣ миссіонеры сочиняли ка-
царь. Полныя измѣненія собы-
, когда придетъ имъ череда,
аются вполнѣ и совершенно.
мотрите, какъ это дѣлалось на
ити, на Овайги, на Мадагаска-
рѣ геніями Австраліи — вотъ при-
мѣры въ маломъ. Борода и кафтанъ,
значеніе слова: Нѣмецъ, какъ си-
нонима еретику, мѣстничество бо-
яръ, все это было потому неумѣст-
но, что было наружнымъ призна-
комъ внутренняго, и все это на-
добно было уничтожить потому,
что все это была Азія, а Россіи
надлежало вступить въ Европу;
Европа и будущая исторія Россіи
явились здѣсь въ лицѣ Петра.
Какъ-же вы хотите осуждать его,
если онъ, когда ему опредѣлено
было всего 35 лѣтъ для дѣйствія,
непобѣдимою волею уничтожая
Азію, не думалъ о вопляхъ воз-
рожденія, и тяжко было многому,
когда Петръ въ 35 лѣтъ дописалъ
Исторію Россіи до европейской
эпохи своего времени?

Да, только 35 лѣтъ: въ 1689
году Петръ началъ самодержавст-
вовать, а въ 1725 году онъ отда-
валъ уже отчетъ Богу въ дѣлахъ
своихъ. Неуже-ли вы не изумляе-
тесь, что двадцатилѣтній Петръ,
когда ничто не могло ему указать
цѣли жизни, предназначенной ему
Провидѣніемъ, когда его окружа-
ли ужасы междоусобій, постиг-
нулъ судьбу свою, сталъ противъ
воли милліоновъ, повернулъ ихъ
въ колею своего генія и самобыт-
ности Азіи далъ форму, видъ, об-
разъ Европы. Человѣкъ великій,
Царь безсмертный, геній творя-
щій! преклоняемся передъ тобою —
ты былъ сынъ судебъ! Не Лефор-
ты, не Гордоны, не Тимерманы
внушили тебѣ мысль преобразова-
ній и дѣлъ твоихъ; это была мысль
твоего бытія, духъ Бога, вдохну-
тый въ тебя. Тотъ, кто изрекъ:
«Да будетъ свѣтъ» и бысть, изрекъ:
«Да будетъ Петръ» и бысть.

Нѣсколькихъ томовъ не доста-

нетъ, если захотимъ исчислять всѣ подробности подвиговъ Петра; нѣсколько словъ достаточно, если захотимъ означить сущность ихъ.

Петръ увидѣлъ, что не Европу звать въ Россію, но Россіи надобно было вступить въ Европу; что должно не частные прививки присовокуплять, но вырвать дерево Россіи изъ почвы Азіи и пересадить его въ Европу; что необходимо разломать китайскую стѣну со стороны Запада и пересоздать природу.

Говорятъ, что такіе перевороты неестественны, что они даже противны природному ходу вещей. Но что-же такое означаютъ въ природѣ бури, наводненія, волканы, землетрясенія? Мѣстность потомъ возметъ свое, не заботьтесь объ ней — Западъ будетъ Западомъ, Востокъ будетъ Востокомъ, Французъ останется Французомъ, Англичанинъ Англичаниномъ; но Ришелье и Людовикъ XIV-й были необходимы, чтобы изъ Франка и Феодала сдѣлать Француза, а реформація и переворотъ 1645 года необходимы, чтобы изъ Нормана-Саксона сотворить Англичанина. Такъ Цезарь создалъ изъ Рима имперію, варвары совершили переходъ изъ древней исторіи въ новую, Фридрихъ заставилъ слабую Пруссію бороться съ Европою, Наполеонъ задавилъ горячку революціи. И вы, горюя о томъ, что жестокая казнь постигла стрѣльцовъ, что раскольникамъ нашивали козырьки на спину, что Русскихъ со слезами заставляли брить бороду и плясать контрадансы, что свадьбу князя Папы торжествовали шутовски въ Москвѣ, вы не постигаете необходимости Петрова переворота и занимаетесь исторіею этихъ мелочей? Вы боитесь, что Русь утратила свой характеръ, потому что теперь литература наша не имѣетъ самобытности, что образованность у насъ представляетъ яркія противоположности, что мы выписываемъ моды изъ Парижа? Не бойтесь! Вчитайтесь получше въ исторію, вглядитесь пристальнѣе въ настоящее, подумайте о будущемъ. Ошибки и уклоненія частныя необходимы, но цѣлое вѣрно цѣли своей.

Петръ мгновенно постигъ политику государства и средства преобразованія. Онъ учится войнѣ подъ Азовомъ, мореплаванію въ Архангельскѣ; оставляетъ скипетръ и тронъ, ѣдетъ самъ въ Европу, строитъ корабли, дѣлается солдатомъ, матросомъ, плотникомъ, лекаремъ, башмачникомъ, токаремъ; учится языкамъ, изобрѣтаетъ новыя буквы, колоніями переселяетъ къ себѣ художниковъ и ремесленниковъ, образуетъ солдатъ, матросовъ, полководцевъ, ученыхъ, уничтожаетъ послѣдній порывъ насильственнаго сопротивленія, требуетъ Россіи морей, управляетъ политикою Польши, Даніи, Пруссіи. Рыцарь своего времени, Карлъ XII-й возстаетъ на борьбу съ нимъ, истребляетъ начало войскъ, разрушаетъ союзы Петра. Но Петръ неутомимъ—онъ создаетъ новыя войска, беретъ области Карловы, на землѣ, едва завоеванной, ставитъ столицу свою, и уже готовъ встрѣтить врага грознаго, который движется прямо къ нему. А между тѣмъ, онъ уничтожаетъ мѣстничество, своеволіе боярское, творитъ флоты, созидаетъ торговлю. Все служитъ у него средствомъ: измѣна Мазепы даетъ ему способы тѣсно слить Малороссію съ Россіею; нашествіе Карла отвле-

каетъ вниманіе его подданныхъ отъ перемѣнъ и нововведеній и возобновляетъ его внѣшніе союзы. Онъ самъ ведетъ въ бой свои войска, торжествуетъ надъ Карломъ, не унываетъ отъ неудачи противъ Турковъ, бьетъ Шведовъ повсюду, оканчиваетъ двадцати-лѣтнюю войну рѣшеніемъ судьбы Швеціи и Польши, снова ѣдетъ въ Европу, вступаетъ въ брачные союзы съ европейскими государями, постигаетъ тайны ихъ политики, и готовъ вступить въ управленіе дѣлами цѣлой Европы, опираясь на созданный имъ новый народъ, на сотворенное имъ государство, съ его политикою, войскомъ, флотомъ, новою столицею, новыми законами. Чего не принесъ онъ въ жертву Россіи? Вы говорите о Брутѣ, а не умѣете, неблагодарные! понять величія жертвы Петра. Когда отдыхалъ, даже когда спалъ Петръ? Гдѣ не былъ онъ, и чему не коснулся онъ своими руками, чего не испыталъ онъ самъ? Какихъ путей не указалъ въ будущемъ? Его походъ за Кавказъ и мысль о торговлѣ съ Азіею; его замыслы на Китай; соединеніе Дона съ Волгою; заведеніе фабрикъ и мануфактуръ; отвращеніе отъ образованія французскаго; экспедиціи въ Америку и Мадагаскаръ; его политика съ Польшею и Турціею; мудрыя учрежденія о чиноначаліи; распоряженія духовныхъ дѣлъ; его правосудіе, его народность, его свѣтлыя понятія о религіи—что все это, если не сѣмяна того, что докончено было послѣ него, и того, о чемъ только теперь мы начинаемъ думать?

Могучее здоровье Петра не перенесло далѣе — онъ изнемогъ, и на одрѣ смерти изрекъ великое, поучительное слово о тщетѣ замысловъ человѣческихъ: «видители, какъ бѣденъ человѣкъ!»

Утѣшься, тѣнь великая! Если потомъ направленіе, данное тобою Россіи, было иногда непонимаемо, то Чесьма и Наваринъ, Кагулъ и Бородино доказали неизмѣнность созданныхъ тобою флотовъ и войскъ; паденіе Польши, униженіе Швеціи, Турціи и Персіи доказали вѣрность начатой тобою политики. Нынѣ, когда внѣшнее образованіе Россіи кончено, когда мы постигаемъ, въ чемъ должна состоять наша европейская русская народность, основанная на условіяхъ исторіи и географіи нашей, мы видимъ и необходимость всѣхъ произведенныхъ тобою внутреннихъ преобразованій, постигаемъ, что ты одинъ провидѣлъ судьбу Россіи, что ты былъ посланникомъ Провидѣнія, не могъ дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовалъ, не могъ быть иначе, какъ былъ.

Вы, осуждающіе Петра, вспомните, какъ говорили ему бояре: «гдѣ намъ, батюшка, Рускимъ, спознать заморскія хитрости;» вспомните, что, даже при учрежденіи Синода, ему говорили еще о патріархѣ; вспомните, какъ показывалъ онъ Неплюеву свои руки и говорилъ: «Трудиться надобно — я Царь вашъ, а у меня мозоли съ рукъ не сходятъ»; вспомните наконецъ, когда, увлеченный порывомъ справедливаго гнѣва, съ горестью воскликнулъ онъ: «О Боже! будучи въ состояніи управлять государствомъ, я не могу управлять самимъ собою!» Вспомните, когда онъ получилъ извѣстіе о разбитіи подъ Нарвою; когда въ пылу Полтавской битвы ши-

пѣли надъ головою его пули; когда, подъ Прутомъ, онъ хотѣлъ лучше умереть, нежели выдать Кантемира; когда онъ писалъ Сенату: «Если я попадусь въ плѣнъ турецкій, не почитайте меня вашимъ царемъ и не слушайте меня, пока я самъ не стану среди васъ; а если я погибну — выберите достойнѣйшаго между собою въ наслѣдники мнѣ!» — Не его-ли рука писала къ виновному сыну: «Какъ отсѣкаютъ членъ, пораженный неисцѣльною болѣзнію, такъ я лишу тебя наслѣдства, и не думай, чтобы я остановился потому, что ты у меня одинъ сынъ: клянусь Богомъ! если я за мое отечество и людей моихъ живота не жалѣю, могу-ли сына пожалѣть? Пусть будетъ чужой добрый, нежели свой непотребный! Ради любви отеческой, не попущу разрушить всего, что я многолѣтними трудами, потомъ и кровію сотворилъ....»

«Да произноситъ каждый изъ насъ съ благоговѣніемъ священное имя Петра!» сказалъ Голиковъ. Это слово краснорѣчиво своею истиною. *Н. Полевой.*

---

148. О Шекспирѣ.

Между всѣми чертами, изъ которыхъ природа образовала талантъ Шекспира, одна выказывается виднѣе, и, безъ сомнѣнія, она особенно поражала каждаго читателя. Ее назвать можно страстію къ анализу. Никто чаще и смѣлѣе Шекспира не останавливаетъ дѣйствія на самомъ увлекательномъ мѣстѣ, единственно для того, чтобы заняться какимъ нибудь изслѣдованіемъ. Онъ не пропускаетъ ни одного случая и высказываетъ вамъ всѣ мысли свои предметѣ, который обнялъ общ ным свонмъ умомъ. Что тол бывало когда-нибудь дорого и близко душѣ человѣка, въ уед неніи ли, въ семействѣ, или въ общественномъ, гражданскомъ бы все знаетъ онъ, какъ-будто ч резъ его сердце текли пот всѣхъ чувствованій и всѣхъ ст стей нашихъ. Самыя частно жизни, о которыхъ можно зн только въ одномъ кругу, прин лежа къ извѣстному сословію, занимаясь ремесломъ, у него онѣ приведены въ полную, яс и вѣрную теорію, съ которой вамъ предстанетъ непремѣнно. должны будете узнать опредѣ ніе, раздѣленіе, виды, степен прочія метафизическія тонкост всякомъ предметѣ.

Если-бы аналитическій Шекспира не былъ оплодотвор собственною проницательности не вмѣщалъ бы въ себѣ ист самыхъ сокровенныхъ и сам непоколебимыхъ, можно вооб зить, до какой степени сдѣлал бы утомительны его сочиненія этомъ направленіи таланта. Но ково свойство дѣвственныхъ и в ныхъ истинъ, что онѣ повс равно дѣйствуютъ на человѣ посреди любопытнѣйшихъ разс зовъ и драматическихъ движе онѣ влекутъ къ себѣ умъ и се це, питаютъ ихъ, грѣютъ и в носятъ до наслажденій высоч шей поэзіи. Шекспирова мета зика есть плодъ практической дрости. Здѣсь все жизнь, слѣдств но все поэзія. Душа поэта восп нимала и во всей свѣжести хра ла до самыхъ мелкихъ подроб стей неминуемые переходы же ній и помышленій нашихъ, пол

исторію всякой страсти и всякаго умственнаго созданія. Изъ этого драгоцѣннаго запаса Шекспиръ образовалъ всеобщую философію и внесъ ее въ свои творенія. Она привлекаетъ къ нему читателей изъ всѣхъ націй, изъ всѣхъ сословій и возрастовъ. Въ ней заключается такое достояніе, которое никогда не утратитъ своей цѣны, сколько бы ни перемѣнялись литературныя мнѣнія.

Къ сокровищамъ свѣтлаго и всеоживотворяющаго ума прибавьте другія сокровища, едва ли не болѣе соблазнительныя: обиліе въ созданіяхъ фантастическихъ, которыя поминутно мелькаютъ передъ вами въ такихъ опредѣленныхъ, но роскошныхъ и неистощимо-разнообразныхъ видахъ, что невольно душу свою сливаешь съ ихъ существованіемъ. Шекспиръ любилъ фантастическое не по расчету, не по теоріи: оно было потребностію его таланта, точно такъ, какъ владычество входитъ въ число потребностей силы. Другіе поэты переносятъ читателей въ этотъ сверхъ-естественный міръ для того, чтобы легче можно было исторгнуть удивленіе, обаять умъ, плѣнить воображеніе; онъ вездѣ оставался вѣренъ единственному своему призванію: раскрыть всѣ тайны души человѣческой. Въ міръ фантастическій входилъ онъ какъ завоеватель, покорялъ его общимъ законамъ, дополнялъ имъ цѣлость неизмѣримаго царства своего и низводилъ всѣ его явленія до причинъ естественныхъ. Могуществу его генія, повидимому, тѣсно было всегда оставаться долу, въ нашей области, и онъ безъ малѣйшаго усилія переступалъ за ея границы, почти не примѣчая того; между-тѣмъ сколько выигрывалъ онъ свободою движеній своихъ, какъ художникъ! Онъ являлся властителемъ, у котораго каждый шагъ былъ переходомъ къ успѣху, никѣмъ непредвидѣнному.

Производительной силѣ его таланта природа сообщила такую способность проявленія, какою въ равной степени никто еще одаренъ не былъ. Мы говоримъ объ его способности драматической. Она въ его лицѣ осуществила басню о Протеѣ. Можно сказать, что, прочитавши всего Шекспира, нигдѣ самого его не замѣтишь. Кто опредѣлитъ, чѣмъ онъ высказался? Онъ или все былъ, или остался сокровеннымъ. Изъ столькихъ лицъ есть ли хоть одно, на которое можно указать и прибавить: вотъ характеръ любимый авторомъ? *Сочинилъ* ли онъ хоть одну сцену, хоть одинъ монологъ? Нѣтъ, все принадлежитъ естеству изображаемаго дѣйствія. Личной Шекспировской страсти, или мысли, которую бы онъ хоть разъ гдѣ-нибудь выказалъ, напрасно будемъ искать въ его твореніяхъ. Вокругъ него движется цѣлый міръ, всѣ состоянія, всѣ возрасты, люди со всѣми ощущеніями сердца, на всѣхъ степеняхъ образованности; все дѣйствуетъ, борется, одерживаетъ побѣду или уступаетъ: а онъ, какъ духъ, невидимый, ничему непричастный, отъ всего отрѣшенный, стоитъ въ волшебномъ кругу своемъ и смотритъ на все безстрастно. Нѣтъ ни языка его, ни движеній, ни голоса: во всемъ вполнѣ преобладаетъ тотъ, кого онъ предъ насъ выводитъ. Никакими усиліями невозможно достигнуть до этой отчужденности въ жизни, въ мысляхъ и чувствахъ

созданій собственной души, если сама природа не возвела васъ на высоту драматическаго писателя. Недоступнѣе и поразительнѣе этого искуства, кажется, нѣтъ. Оно по-преимуществу есть творчество: во всякомъ другомъ родѣ вы собою дополняете замышленное произведеніе и, такъ сказать, повторяете то, что вамъ дано; а здѣсь между вами и вашимъ созданіемъ нѣтъ никакого отношенія; она внѣ вашего круга. Видѣть представленіе такой драмы или читать ее нельзя безъ полнаго участія и наслажденія: ничто васъ не разочаровываетъ. Это, если угодно, не искуство, которымъ наслаждаешься всегда при нѣкоторыхъ условіяхъ или уступкахъ; это не подражаніе простой или изящной природѣ, которое болѣе или менѣе способно васъ утомить, какъ повтореніе знакомаго разговора: это новая, для васъ только бытіе пріявшая жизнь, въ которой вы чувствуете все движеніе, всю свѣжесть, все очарованіе истинной жизни. *Плетневъ.*

---

149. О сценическомъ художествѣ.

Всякая художественная дѣятельность слагается изъ двухъ сторонъ: *изобрѣтенія идеала* и его *осуществленія*. Въ первомъ случаѣ сценическій художникъ много зависитъ отъ поэта. Онъ получаетъ отъ него готовое содержаніе, которому долженъ дать приличную тѣлесную форму. Это готовое содержаніе составляетъ для него необходимость — необходимость, отъ коей самая даже бездарность поэта едва-ли можетъ освободить его. Но и здѣсь остается еще обширное поле для его художественной дѣятельности. Онъ долженъ принять въ себя созданіе поэта и силой собственной фантазіи пересоздать, такъ сказать, еще разъ созданное первымъ. Этимъ конечно ограничивается трудъ изобрѣтенія для сценическаго художника. Но созданія поэта всегда говорятъ только для внутренняго представленія: они всегда болѣе или менѣе суть чисто отвлеченные образы, которые только въ воображеніи читателя принимаютъ опредѣленный видъ. Отсюда раждается необходимость собственнаго творчества для сценическаго художника. Проникнутый духомъ созданія поэта, полный впечатлѣній, полученныхъ при внимательномъ чтеніи онаго, художникъ силою фантазіи сливаетъ разбросанныя поэтомъ черты характера въ одно полное и цѣлостное представленіе, въ одинъ полный и сомкнутый идеалъ. Какъ часто долженъ онъ пополнять пропуски, примирять противорѣчія и въ распадающихся по видимому стихіяхъ открывать зоркимъ окомъ глубоко иногда таящееся единство. Здѣсь конечно онъ уже не рабъ своего подлинника, но такой же почти самостоятельный творецъ, какъ и поэтъ. Оттуда справедливо приписываютъ честь созданія характеровъ великимъ художникамъ театра. Такъ напр. говорятъ, что Тальма создалъ характеръ Магомета, Девріентъ характеръ Шейлока, Зейдельманъ характеръ Кромвеля. Что свобода художника не нарушается здѣсь нисколько—это видно уже изъ той самостоятельности и разнообразія, съ которыми два художника схватываютъ одинъ

тотъ же характеръ. Всякій жи-
й характеръ есть совокупность
сколькихъ отдѣльныхъ сторонъ;
зьмите двѣ разныя стороны и
ждую изъ нихъ поставьте точ-
ю тяготѣнія прочихъ, и тогда вы
олучите два совершенно различ-
ыхъ образа одного и того же ха-
актера. Такъ напримѣръ въ харак-
ерѣ Гамлета сдѣлайте нравствен-
ымъ средоточіемъ или его тихую
ечтательность, или душевное без-
иліе, и вы будете имѣть передъ
обою двухъ нѣсколько различ-
ныхъ Гамлетовъ. Обѣ стороны
авно принадлежатъ Гамлету: но
возвысьте напр. послѣднюю надъ
первою, и вмѣсто несчастнаго Гам-
лета, котораго тихая, мечтатель-
ная душа изнемогаетъ подъ бре-
менемъ ввѣреннаго ей судьбою
кроваваго дѣла, вы получите жал-
каго, слабодушнаго Гамлета, и
даже можетъ быть вмѣстѣ съ Ти-
ромъ будете предпочитать ему
бездушнаго Клавдія. Но эта-то
самая свобода художника и на-
лагаетъ на него тяжкую отвѣт-
ственность предъ судомъ критики.
Только даровитымъ художникамъ
удается понять вѣрно представ-
ленную роль; а между тѣмъ это
почти главное, ибо кто не понялъ
роли, тотъ не въ силахъ вѣрно
изобразить ее.

Когда трудъ изображенія кон-
ченъ, когда идеалъ даннаго ха-
рактера возсозданъ, тогда на-
чинается другой важнѣйшій трудъ
осуществленія идеала. Здѣсь по-
ложеніе сценическаго художника
рѣзко отличается отъ положенія
живописца, ваятеля и музыканта;
ибо для нихъ средствомъ осущест-
вленія идеала служитъ чуждая и
неопредѣленная матерія, мраморъ
и металлъ, краски и звуки. Сце-
ническій художникъ для осущест-
вленія своего идеала употреб-
ляетъ свое собственное тѣло, свою
рѣчь и свое тѣлодвиженіе. Въ это
тѣло воплощаетъ онъ свой пре-
красный идеалъ, или, лучше ска-
зать, самъ становится его тѣломъ.
Здѣсь прежде всего необходимо,
чтобы матеріалъ вполнѣ соотвѣт-
ствовалъ художественной цѣли,
чтобъ напередъ художественная
дѣятельность преобразовала его и
приготовила въ этомъ тѣлѣ до-
стойное жилище для идеала. *Ми-
мика и декламація* — вотъ тѣ два
искуства, которыя преобразуютъ
художественно тѣлесную внѣш-
ность актера, и, отнимая у нея ха-
рактеръ ежедневности и обыкно-
венности, облагороживаютъ ее, и
такъ сказать идеализируютъ са-
мый матеріалъ сценическаго ху-
дожества. Мимика дастъ благо-
родство и выразительность движе-
ніямъ; декламація усвояетъ изя-
щество и идеальность дикціи. Обѣ
вмѣстѣ составляютъ впрочемъ толь-
ко начальную основу, и такъ ска-
зать азбуку сценическаго искуст-
ва. Но эта азбука необходима;
ибо художество не есть грубое
подражаніе природѣ: оно должно
просвѣтлить ее и очистить отъ все-
го случайнаго и грубаго, усвоив-
ши ей характеръ необходимости и
идеальности. Но мимика и дикція
суть только первыя стихіи сцени-
ческаго искуства. Не достаточно
одного изящества произношенія и
благородства тѣлодвиженій, чтобы
совершенно выполнить обязанность
сценическаго художества. Остает-
ся еще важнѣйшая обязанность —
приложить эту внѣшнюю технику
произношенія и мимики къ осу-
ществляемому идеалу. Для дости-
женія этой цѣли художнику пред-

стоятъ два средства: наблюденіе, какъ человѣкъ дѣйствуетъ въ подобномъ положеніи, и приложеніе этихъ наблюденій къ данному характеру, или наконецъ живое творчество, изъ видѣнныхъ гдѣ нибудь образовъ и наблюденіемъ добытыхъ воззрѣній прямо и непосредственно создающее новый, совершенно индивидуальный, но идеальный образъ. Немногіе умѣютъ соединять наблюдательность съ творчествомъ; это соединеніе есть верхъ сценическаго таланта; одна же наблюдательность безъ творчества создаетъ односторонніе образы, слишкомъ обнаруживающіе стараніе актера быть выразительнымъ. Если простое приложеніе наблюденій къ данному характеру и удается въ простыхъ и одностороннихъ характерахъ, каковы напр. Гарпагонъ, Тартюфъ, Неронъ, то эта наблюдательность совершенно уже недостаточна въ характерахъ сложныхъ, каковы напр. Людовикъ XI, Ричардъ III, Кромвель, Гамлетъ, Фальстафъ и вообще всѣ Шекспировскіе характеры, дышащіе такою полнотою и разнообразіемъ жизни. Здѣсь одно творчество въ силахъ сплавить всѣ разнородныя стихіи въ одно цѣлое, и здѣсь-то особенно во всей силѣ является талантъ художника — актера.

Д. Крюковъ.

150. Польза Астрономіи.

Астрономія полезна вообще какъ наука; она просвѣщаетъ и усовершенствуетъ умъ человѣческій. Образованность народа составляется изъ различныхъ познаній: всякое открытіе, всякая новая и справедливая мысль входитъ въ составъ оной и нечувствительно возбуждаетъ умы, направляя ихъ къ цѣлямъ благороднѣйшимъ. Вообще науки, смягчая нравы, дѣлаютъ людей лучшими и счастливѣйшими; онѣ удаляютъ насъ отъ пронырствъ и мечтаній честолюбія и гордости; онѣ заставляютъ насъ любить добродѣтель за собственную ея красоту. Испытывая глубины природу, трудясь для открытій ея тайнъ, разбирая явленія, допуская токмо то, что дѣйствительно не подвержено никакому сомнѣнію, можно ли не полюбить истины и не слѣдовать ей въ жизни общественной? Сверхъ того, упражненіе въ наукахъ самый трудъ превращаетъ въ привычку: а трудолюбіе не есть ли основаніе общественнаго благосостоянія? Вотъ предметы, которые надлежало бы объяснить и привести къ очевидности принявшему намѣреніе говорить о пользѣ наукъ для всего человѣческаго рода и въ особенности для каждаго общества. Но намъ не возможно долѣе останавливаться и потому обращаемся къ разсмотрѣнію нашего вопроса.

Слабость физическихъ силъ человѣка вознаграждена силами умственными: но пока сіи послѣднія не укрѣпятся, до тѣхъ поръ онъ остается существомъ робкимъ, исполненнымъ предразсудковъ и заблужденій, унижающихъ благородство его природы. Особенно боится онъ опасностей непредвидимыхъ, съ которыми не измѣрялъ онъ ни силъ своихъ, ни благоразумія; посему не удивительно, что въ народахъ дикихъ явленія природы возбуждаютъ не благоговѣніе къ Творцу міра, но страхъ и отчаяніе: ибо не много надобно опытности, чтобъ увѣриться что

ɔзможности располагать си-
ніями по произволу. Прав-
ь неизмѣняемому порядку
къ явленій небесныхъ мож-
выкнуть весьма скоро: ни-
ъ самыхъ необразованныхъ
шится, что солнце, скры-
ся подъ горизонтомъ, ис-
навсегда; но происшест-
звычайныя, по видимому,
ющія оный порядокъ, не
не производить ужаса во
кто не знаетъ, что и сіи
ествія суть слѣдствія зако-
бщихъ, а не событія слу-
и разрушительныя. Сюда
лежать затмѣнія луны и
, и появленіе кометъ. Пер-
ъ сихъ явленій, благодаря
ь, не поражаютъ уже наше
сеніе: ибо объ нихъ пред-
ъ, имъ назначаютъ время
вой до послѣдней секунды;
лѣднія же и нынѣ еще мно-
грятъ какъ на вѣстниковъ
ыхъ несчастій, но прежде
тила погружали въ ужасъ
зароды. Въ 1680 году, ко-
ютонъ вычислялъ уже пути
а Галлей предсказалъ ихъ
ценіе, вся Европа была при-
одною изъ нихъ въ такой
, что Бель долженъ былъ
ть ученое сочиненіе, въ ко-
всѣми тонкостями діалек-
арался доказать, что коме-
ѣщаютъ не гнѣвъ Божества,
мудрость и всемогущество.
ія усилія! Одна Астрономія,
щая, что кометы имѣютъ
емые пути и періодичное
ніе подобно прочимъ свѣ-
небеснымъ, можетъ иско-
предразсудки, противъ ко-
зсильно всякое остроуміе
ость. Излишне говорить о
ти желанія читать буду-
I.

щее на небѣ. Провидѣніе скрыло его для нашего благополучія, и въ положеніяхъ затруднительныхъ должно прибѣгать не къ Астрономіи, которая не дастъ никакого отвѣта и утѣшенія, но къ Вѣрѣ, которая всегда можетъ утолить наши горести. Удивительно, что было время, когда забывали сію истину и прибѣгали къ астрологическимъ гаданіямъ; удивительно, что и нынѣ не всѣ чувствуютъ ея важность и многіе готовы отдаться во власть унизительнѣйшаго заблужденія.

Астрономія не токмо освобождаетъ насъ отъ предразсудковъ и суетнаго страха — слѣдствія невѣжества; но возбуждаетъ въ душѣ нашей мысли возвышеннѣйшія, открывая намъ истинную систему міра и постоянные законы, которыми управляется и поддерживается движеніе сей огромной машины. Астрономія указываетъ на пространства, приближающіяся къ безконечному: расширяя предѣлы вселенныя, она возвышаетъ наши понятія о Всемогущемъ Творцѣ. Когда Астрономія находилась во младенчествѣ, тогда думали, что земля есть средоточіе всего міра и составляетъ важнѣйшую его часть; что звѣзды суть блестящія точки, прикрѣпленныя къ своду для увеселенія нашего зрѣнія; что солнце и луна ничтожны въ сравненіи съ нашимъ жилищемъ и находятся отъ него на весьма малыхъ разстояніяхъ. Но нынѣ Астрономія научаетъ, что солнце въ 1,300,000 разъ болѣе земли и удалено отъ насъ на 35 милліоновъ миль; что разстояніе звѣздъ неподвижныхъ невозможно измѣрить; извѣстно токмо, что свѣтъ отъ ближайшихъ изъ нихъ доходитъ до земли въ

три года, и что земная орбита показалась бы точкою, если бы посмотрѣли на нее со звѣзды. Собственный свѣтъ неподвижныхъ звѣздъ увѣряетъ насъ, что онѣ суть солнца, подобныя солнцу нашей планетной системы: слѣд. сколь безчисленны сіи свѣтила, столь безчисленны міры. Мысль сія изумляетъ обширнѣйшее воображеніе и уничтожаетъ насъ предъ величіемъ Непостижимаго. Вотъ слабое начертаніе той пользы, которую можетъ получать человѣкъ отъ Астрономіи относительно своей умственности; для жизни же общественной наука сія доставляетъ выгоды неисчислимыя.

Главная потребность общежитія есть измѣреніе времени, котораго послѣдовательное теченіе можно опредѣлить токмо движеніемъ; оно должно быть постоянно и единообразно; но такого движенія нѣтъ на земли: не таково, на примѣръ, дуновеніе вѣтра, движеніе рѣкъ; не съ одною скоростью летаютъ птицы, бѣгаютъ животныя сухопутныя; чувствованія человѣка и сцѣпленіе его мыслей разнообразны до безконечности: душу страдающую тяготятъ мгновенія, для наслажденій же и годы не продолжительны. Одно токмо движеніе тѣлъ небесныхъ совершается покойно, опредѣлительно и равномѣрно: его надлежало избрать для точнаго измѣренія времени; но безъ глубокихъ свѣдѣній въ Астрономіи и симъ средствомъ невозможно пользоваться надлежащимъ образомъ. День измѣряемъ мы пространствомъ времени отъ восхожденія до захожденія солнца: когда сіе пространство повторится многократно, тогда сія мѣра дѣлается недостаточною; чтобъ не затруднять памяти числами многосложными, надлежало повторенія оной соединить въ новыя единицы, которыя доставляютъ обращенія солнца и луны и ея видоизмѣненія. И такъ точное познаніе сихъ обращеній для жизни гражданской необходимо. Пока не было пріобрѣтено сіе познаніе, до тѣхъ поръ календарь всѣхъ народовъ находился въ величайшемъ несовершенствѣ и не знали средствъ исправить оный. Нынѣ, умѣя соглашать движенія солнца и луны и опредѣлять ихъ неправильности, не встрѣчаемъ уже затрудненій въ исчисленіи времени, и дѣла свои можемъ располагать безъ замѣшательства.

Исторію первыхъ вѣковъ міра сравниваетъ Фонтенель съ развалинами обширнаго зданія и говоритъ: «Если бы всѣ части онаго уцѣлѣли отъ разрушительнаго дѣйствія времени, то и тогда было бы весьма трудно собрать ихъ и возстановить въ прежнемъ видѣ; нынѣ же, когда многія изъ сихъ частей или искажены, или потеряны, предпріятіе такого рода совершенно невозможно.» Сей важный недостатокъ древней исторіи происходитъ отъ того, что лѣтописи не подкрѣпляются строгою хронологіею, безъ которой всѣ происшествія смѣшиваются. Одна токмо Астрономія въ состояніи освѣтить и привести въ нѣкоторый порядокъ сей хаосъ. Для невѣжества, затмѣнія луны, особенно солнца, были и будутъ явленіями поразительными; если они сопровождали какія-нибудь замѣчательныя перемѣны въ судьбѣ народа, то объ нихъ упоминаютъ составители современныхъ записокъ. Слѣдуя симъ показаніямъ, астрономъ, знающій законъ послѣдовательности сол-

нечныхъ и лунныхъ затмѣній, можетъ назначить время, въ которое они совершились. Его исчисленія имѣютъ основанія непоколебимыя, и потому историкъ долженъ полагаться на нихъ совершенно и рѣшительно отвергать всякое противорѣчіе.

Не изъ одного любопытства стараемся узнать положеніе различныхъ странъ на земной поверхности: сіе познаніе необходимо для сообщенія между народами, связанными нынѣ отношеніями политическими, торговыми, учеными. Сіи отношенія всѣхъ людей соединяютъ въ одно великое семейство, коего члены должны стараться взаимными пособіями вести оное къ совершенству. Прежде, торговля, война и другія связи существовали токмо между сосѣдями; нынѣ же мѣняются своими произведеніями и свѣдѣніями, угрожаютъ оружіемъ другъ другу и тѣ народы, между коими лежитъ цѣлое полушаріе. И такъ географическія познанія сдѣлались необходимыми; нѣтъ возможности совершать отдаленныя путешествія, не имѣя предъ глазами изображенія земной поверхности. Но такія изображенія, извѣстныя подъ именемъ *ландкартъ*, никакъ не льзя составить изъ простыхъ повѣствованій путешественниковъ, не знающихъ ученыхъ средствъ назначать мѣста цѣлыхъ государствъ, морей, обширныхъ озеръ, большихъ рѣкъ, высокихъ горъ, пересѣкающихъ землю въ различныхъ направленіяхъ. Средства сіи предлагаетъ *Геодезія*, которая есть одна изъ прикладныхъ частей Астрономіи, и которая безъ ея пособія не можетъ достигнуть совершенства. Чтобъ увѣриться въ томъ, стоитъ токмо сравнить старыя ландкарты съ новѣйшими, составленными по астрономическимъ наблюденіямъ просвѣщенныхъ путешественниковъ. Сверхъ того безъ морскихъ путешествій невозможно установить сообщеній между материками земли, раздѣленными обширными пространствами воды: но для дерзновенныхъ, повѣряющихъ жизнь свою разъяреннымъ волнамъ, нѣтъ другаго средства для безопасности, кромѣ свѣдѣній астрономическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ корабль, удаленный отъ земныхъ предметовъ и носящійся по влажной стихіи, или воздымаемый усиліемъ вѣтровъ, или пребывающій въ совершенномъ спокойствіи, которое не менѣе препятствуетъ намѣреніямъ мореплавателей: чѣмъ можно опредѣлить его мѣсто, его направленіе? Чѣмъ можно означить разстоянія островов, положенія мелей, подводныхъ камней, и проч.?... Чѣмъ, кромѣ сихъ свѣтящихся точекъ, укрѣпленныхъ, по видимому, ко своду неизмѣримому? чѣмъ, кромѣ наблюденій надъ обращеніемъ солнца и луны? Чтобъ вдругъ почувствовать всю пользу Астрономіи для мореплаванія, должно прочитать его исторію: было время, когда не смѣли отдѣлиться отъ береговъ, было время, когда тысячи дерзкихъ, но не просвѣщенныхъ астрономическими наблюденіями, погибали какъ жертвы невѣжества. Сравнимъ сіе состояніе мореплаванія съ нынѣшнимъ: какая чрезвычайная разность! Тогда подобныя предпріятія считались безумствомъ, а нынѣ даже и не удивляются имъ. Путешествія около земнаго шара сдѣлались пріятнѣйшими прогулками.

Д. Перевощиковъ.

151. О книгѣ Іова.

Іовъ былъ непороченъ, праведенъ, благочестивъ, богатъ, счастливый супругъ, отецъ семи сыновей и трехъ дочерей прекрасныхъ. Овецъ у него было 7000, верблюдовъ 3000, паръ воловъ 500, ослицъ пасомыхъ 500, и множество слугъ. Какое богатство царя-пастыря! Пути его обливались масломъ кравіимъ; стада его поливали горы млекомъ своимъ. А какъ уважался онъ въ городѣ, гдѣ жилъ! Когда выходилъ онъ на площадь городскую, — юноши скрывались, старѣйшины вставали передъ нимъ, вельможи умолкали, возложивъ перстъ на уста. Іовъ облекался въ правду, одѣвался въ судъ, какъ въ ризу. Онъ былъ око—слѣпымъ, нога—хромымъ. Старѣйшины ожидали его слова, какъ земля жаждетъ дождевыхъ капель.

Дьяволъ, обтекши поднебесную, замѣтилъ этого счастливца. Когда вмѣстѣ съ чистыми Ангелами Божіими пришелъ онъ къ престолу Господа отдать отчетъ въ своихъ странствіяхъ, Господь спросилъ его объ Іовѣ (внялъ-ли еси мыслію своею на раба Моего Іова?): вотъ человѣкъ истинный, непорочный на землѣ. Дьяволъ отвѣчалъ, что Іовъ не даромъ чтитъ Господа, потому что получилъ отъ него столько милостей. Отними у него богатство — и увидишь, будетъ-ли онъ вѣренъ Тебѣ? — Господь позволяетъ дьяволу лишить Іова всего, но только не трогать его самого. Бѣда за бѣдою сыплется на Іова; вѣстникъ за вѣстникомъ доноситъ ему о потерѣ всѣхъ стадъ, всѣхъ рабовъ, наконецъ дѣтей—и Іовъ даже не возропталъ: оправдалось слово Божіе. Дьяволъ говоритъ: человѣкъ все отдаетъ за жизнь свою; но позволь коснуться его самого, костей и плоти: тогда увидишь. И Богъ позволилъ дьяволу коснуться его тѣла; но велѣлъ пощадить его жизнь.

И этотъ Іовъ — слава своего города, Іовъ, котораго дверь была всегда отверста приходившему, этотъ Іовъ теперь безъ дома, безъ имущества, вмѣсто ризы покрытый струпьями, сидитъ какъ живая рана, внѣ города, на мѣстѣ нечистомъ. Онъ сдѣлался притчею въ народѣ, гуслями ему. Господь взялъ его, и оборвалъ за власы, и поставилъ какъ примѣту. Іовъ скисся въ болѣзняхъ. Внутренность его сгорѣла отъ плача; вѣчно каплетъ око его. Онъ назвалъ смерть матерью своею, гной братомъ и сестрою. Гусли Іова обратились въ плачъ, пѣсня жизни — въ рыданіе.

И жена его пришла къ нему, и побуждаетъ его произнести проклятіе на Бога и тѣмъ прекратить свою жизнь. Но Іовъ твердъ; онъ отвѣчалъ женѣ: что ты говоришь, безумная? Если благое мы приняли отъ Господа, уже-ли злаго не стерпимъ?

Услышавъ о несчастіяхъ Іова, пришли къ нему друзья его цари: Элифасъ, царь Ѳеманскій, Валдадъ, царь Савхейскій, и Софаръ, царь Минейскій. Они сначала не узнали друга, потомъ ужаснулись и растерзали ризы отъ горести. Сидѣли они при немъ семь дней и семь ночей, и никто изъ нихъ не сказалъ Іову слова утѣшительнаго. Тогда нашла на страдающаго минута слабости: онъ проклялъ день и ночь своего рожденія. «Эта ночь да будетъ тьмою вѣчною, да померкнутъ ея звѣзды, да не бу-

нетъ ей разсвѣта, да не увидитъ она солнца, за то, что не затворила лона матери моей: тѣмъ отняла-бы она болѣзнь отъ очей моихъ.» — Іовъ ищетъ гроба, и не улучаетъ: «Смерть — покой мужу болящему. Къ чему свѣтъ живущимъ въ горести? Къ чему жизнь недужнымъ? Смерть все равняетъ: тамъ равны и малый и великій, тамъ и рабъ не боится господина.»

Еще горше становится Іову бремя его страданій, когда воспоминаетъ онъ, что былъ праведенъ, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва Господня. Но не смотря на эти страданія, не смотря на невольные вопли души, онъ и въ терзаніяхъ болѣзни восклицаетъ: «живъ Господь, иже сице ми суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу». Какъ велико это восклицаніе въ живомъ мертвецѣ, въ которомъ умерло все, кромѣ страданія и Бога! онъ стонетъ, терзается — и рыдая вскрикиваетъ: «живъ Господь!»

Друзья укоряютъ его въ стенаніяхъ; вмѣсто утѣшенія, говорятъ ему: «есть-ли гдѣ чистый передъ Господомъ? Гдѣ мужъ безъ порока? Звѣзды нечисты передъ Господомъ, тѣмъ паче человѣкъ гной и сынъ человѣческій червь. И тебѣ Господь наслалъ все это, вѣрно за нечестіе и беззаконіе. Богъ всемогущъ; а мы что? Вчерашни есмы. Житіе наше—тѣнь на землѣ; отцы этому насъ научаютъ словомъ, и изъ сердца ихъ течетъ это слово. Ты хочешь умереть, но что значитъ жизнь одного человѣка передъ Господомъ? Коль ты умрешь, не населена-ли будетъ поднебесная? Вѣдь не совратятся-же горы съ основаній.» Такъ друзья, вмѣсто словъ отрады, повторяютъ Іову все то, что онъ и самъ лучше ихъ знаетъ. Но наконецъ заключаютъ слова надеждою на будущее, особенно первый изъ друзей, Элифасъ, самый снисходительный. Онъ говоритъ: «Ты умрешь въ мирѣ; ты снидешь во гробъ какъ пшеница созрѣлая, пожатая во время.»

Іовъ отвѣчаетъ друзьямъ: «слышалъ я много всего этого! Ахъ, если-бы ваша душа была на мѣстѣ моей: и я наскочилъ-бы на васъ словами; теперь-же отъ немощи покиваю главою. Знаю все, что вы знаете; знаю болѣе васъ: и у меня тотъ-же разумъ, но у меня сверхъ того и страданіе; вы врачи неправедные, злые зрители: лучше-бы вамъ онѣмѣть; молчаніе было-бы вашею мудростію. Нѣтъ ничего отъ васъ, чтобы меня успокоило. Вы на меня клевещете безъ стыда, налягаете на меня. Зачѣмъ-же, зачѣмъ притрудну творите душу мою и низлагаете меня словами? Еслибы вы извѣсили мои болѣзни: онѣ тяжелѣ песка морскаго. Вамъ думается, что рѣчи мои злыя, что онѣ отъ ропота происходятъ: стрѣлы Господни во мнѣ, ихъ ярость испиваетъ кровь мою; начну говорить—и онѣ бодутъ меня. Развѣ дикій оселъ реветъ даромъ? Онъ реветъ, когда голоденъ. Такъ и душа моя вопитъ противъ меня; она не въ силахъ утишиться. Уразумѣйте, что вѣдь Господь Самъ на меня послалъ все это. Усну-ли я,—говорю: когда день? Встану-ли, — говорю: когда вечеръ? Такъ тяжела мнѣ жизнь. Но пусть Господь уязвляетъ меня, если началъ, только да не убьетъ до конца. Богъ растерзалъ меня

окрестъ: Онъ снялъ вѣнецъ съ главы моей; всѣ меня покинули, всѣ, кого любилъ я; сосѣдямъ я, какъ иноплеменникъ; звалъ я раба своего — и тотъ не пошелъ ко мнѣ. Всѣ возгнушались меня. Въ кожѣ сгнила вся моя плоть; кости мои — только въ зубахъ. — И вы на меня, о други: помилуйте, помилуйте! Рука Господня меня коснулась: почто-же и вы меня гоните какъ Господь? Не смѣйтесь надо мной, не довершайте казни Божіей. Убойтесь и вы меча Господня: ярость найдетъ на беззаконныхъ.»

Друзья все говорятъ Іову о нечестивыхъ, о томъ, какія казни посылаетъ на нихъ Господь. Богъ всемогущъ—и крѣпость свою являетъ въ пораженіи нечестивыхъ болѣзнями. Какая насмѣшка надъ Іовомъ!

«О, послушайте, послушайте меня» — отвѣчаетъ страдалецъ — «не утѣшайте меня такимъ образомъ. Нечестивые живутъ и ветшаютъ въ богатствѣ; ихъ домы обильны; они не знаютъ страха; ранъ отъ Господа нѣтъ на нихъ; дѣти ихъ пляшутъ и поютъ передъ ними; стада ихъ всегда плодятся счастливо. Однако я знаю, что ихъ свѣтильникъ угаснетъ, что не вѣкъ имъ веселиться; на день пагубы соблюдается нечестивый. Знаю и то, что живъ Господь, пославшій на меня кары, живъ Тотъ, который придетъ искупить меня, и уповаю. Знаю Его всемогущество лучше васъ: Онъ глаголетъ солнцу—и не восходитъ; Онъ печатаетъ звѣзды; Онъ сажаетъ царей на престолы и поясомъ обвязуетъ ихъ чресла. Коль Онъ возметъ, кто возвратитъ? Коль Онъ низложитъ, кто созиждетъ? Коль Онъ затворитъ, кто отверзетъ?»

Такъ Іовъ споритъ непрерывно съ своими друзьями. Друзья говорятъ много прекраснаго; но ихъ слова холодны, какъ слова теоріи; они кажутся общими мѣстами въ сравненіи съ словами Іова, которыя говорятъ всею жизнію скорби. Онъ выстрадалъ поэзію словъ своихъ: *стрѣлы Господни говорятъ въ немъ.* — Изображаетъ-ли онъ премудрость Божію—его рѣчи несравненно выше, чѣмъ рѣчи друзей его: они не страдали, а Іовъ узналъ Бога въ страданіи.

Наконецъ, раздраженный недугомъ и рѣчами друзей, которые потомъ уже стали оскорблять его сомнѣніями въ его непорочности и праведности, Іовъ изливается потокомъ, и ужъ не даетъ друзьямъ своимъ говорить. Духъ его воскипѣлъ и не умолчитъ.

«Кому ты помогаешь? отвѣчаетъ Іовъ послѣднему изъ говорившихъ друзей, который принялъ на себя дерзкое право защищать судъ Божій передъ лицемъ страдальца, имъ постигнутаго. «Кому ты помогаешь?» говоритъ Іовъ, «тому-ли, кто силы не имѣетъ? Кого спасаешь ты? не того-ли, у кого вся крѣпость? — Кому даешь совѣтъ? не тому-ли, у кого вся премудрость?»

Тутъ сильнымъ словомъ рисуетъ Іовъ всемогущество Божіе въ твореніи:

«Нагъ адъ передъ Нимъ, и нѣтъ покрова пагубѣ. Онъ простеръ сѣверъ ни на чемъ; Онъ повѣсилъ землю ни на чемъ-же; Онъ связалъ воду въ облака, и облака не расторглись; Онъ окружилъ престолъ облаками; Онъ обвелъ край океана до тѣхъ предѣловъ, гдѣ

теряется во тьмѣ. Столпы
, трепещутъ Его слова. Си-
оею онъ хлещетъ море; му-
ю усмиряетъ гордость волнъ.
тъ—и небо опять прекрас-
о это лишь часть путей
это одинъ шопотъ славы о
о громѣ-же силъ Его кто
итъ?»

ъмъ Іовъ изливается въ укра-
хъ притчахъ: поэзія течетъ
го потокомъ. Такъ говоритъ
мѣстѣ премудрости: «Есть
серебру и злату; человѣкъ
мѣсто камнямъ безцѣннымъ
ахъ, онъ открываетъ глу-
ѣкъ, сѣчетъ горы мрамора
ней ихъ, проходитъ тамъ,
левъ не проходилъ. Но
-ли онъ, гдѣ мѣсто пре-
ти? Не знаетъ того чело-
нѣтъ ея въ человѣкахъ. Безд-
ла: нѣтъ ея во мнѣ; море
нѣтъ ея со мною. Нѣтъ
ища, чѣмъ-бы купить ее:
ебро всего міра ея не вы-
ь. Утаилась она отъ вся-
еловѣка, и отъ птицъ не-
ъ скрылась. Пагуба и смерть
и: мы слышали о славѣ ея.
одинъ знаетъ къ ней путь,
ъ знаетъ ея мѣсто. Онъ взвѣ-
ѣтры, Онъ смѣрилъ воду.»

ъ краснорѣчиво и велико-
описываетъ потомъ Іовъ вре-
его блаженства и славы: ког-
былъ царемъ между храб-
и утѣшителемъ между пе-
ми; когда выходилъ на пло-
града — и престолъ былъ
говъ; какъ онъ облекался
зду и въ судъ, какъ въ ри-
ъ онъ стиралъ челюсти не-
ныхъ и изъ зубовъ ихъ вы-
добычу; какъ слово его
ъ по городу безмолвному и
шему. Какая полная и тор-
жественная жизнь царя богатаго и любимаго!

Что-же теперь? Надъ нимъ ругаются малѣйшіе, тѣ, отцамъ которыхъ онъ не далъ-бы прежде подъ надзоръ не только стадъ, но и псовъ своихъ. Всякое слово Іова упитано скорбію, когда онъ описываетъ свои болѣзни, свои страданія ночныя. «Ночью, кости мои ноютъ, жилы разслабли; всею силою хватаюсь за одежды—и одежды гнетутъ меня какъ оковы. Знаю, что смерть сотретъ меня, ибо домъ всякому смертному — земля. Если-бъ возможно было, самъ-бы себя убилъ или умолилъ-бы о томъ другаго.»

Отъ своихъ скорбей Іовъ переходитъ къ описанію своихъ добродѣтелей — и совѣсть его поетъ себѣ торжественный, оправдательный гимнъ, на зло друзьямъ, которые не хотѣли признать его праведнымъ.

«Развѣ сердце мое увлекалось окомъ?» говоритъ онъ. «Не чистъ-ли я въ любви моей? Я положилъ завѣтъ очамъ не смотрѣть на дѣвицу.—Не выслушивалъ-ли я жалобъ раба и рабыни своей, всегда помышляя о томъ: какъ-бы самъ я сталъ передъ Господомъ, если-бы не далъ суда рабамъ своимъ? не изъ тогоже-ли я чрева, какъ и они? — Не питался-ли около меня сирый? Состраданіе росло со мною дитятей: я его взялъ еще изъ лона моей матери. Ока вдовы не утомлялъ я слезами; шерсть овецъ моихъ согрѣвала плеча убогихъ. Если я когда въ златѣ полагалъ крѣпость, если я хотя тайно поклонялся солнцу и лунѣ, если радовался я когда паденію враговъ моихъ: то да гремитъ мнѣ въ уши проклятіе. Дверь моя была отво-

рена всякому страннику: я не боялся народнаго множества, когда изрекалъ правду за безсильнаго; я не укрывался отъ нея въ дому своемъ. Кто же меня теперь выслушаетъ? Кто приметъ мое оправданіе? Да слушаетъ меня, да отвѣчаетъ мнѣ Самъ Господь! Пусть противникъ мой пишетъ на меня жалобу: я возложу ее на плеча свои, обовью ею, какъ вѣнцемъ, главу свою.»

Покраснѣли и умолкли друзья Іова передъ его рѣчами: онъ ослѣпилъ ихъ свѣтомъ своей праведности. Онъ сталъ побѣдителемъ — и умолкъ торжественно, увѣнчавшись своимъ обвиненіемъ, какъ вѣнцемъ, и ждетъ словъ Господа, и гордо стоитъ на мѣстѣ суда.

Тогда самый младшій изъ собесѣдниковъ, Эліусъ, который до сихъ поръ хранилъ молчаніе, вознегодовалъ на Іова за то, что онъ назвалъ себя праведнымъ передъ Господомъ, и на трехъ друзей его за то, что они не могли отвѣчать ему, и сначала обвиняли его неправо въ нечестіи. И сказалъ Эліусъ: Я юнѣйшій лѣтами, вы-же старѣйшіе; потому и молчалъ я. Я думалъ: время глаголетъ, во многихъ лѣтахъ премудрость. Но духъ есть въ человѣкахъ, дыханіе Вседержителево научаетъ: не многолѣтніе премудры, не старцы вѣдаютъ судъ.»

Изъ устъ вдохновеннаго юноши потекла рѣчь потокомъ; онъ самъ говоритъ о себѣ, что духъ его, *какъ мѣхъ, исполненный молодаго вина,* кипитъ и хочетъ разорваться. Его рѣчи обильны словами, какъ свойственно молодости; но они исполнены свѣжаго вдохновенія. Прекрасно говоритъ онъ о *правосудіи Божіемъ*; онъ не обвиняетъ Іова въ нечестивой жизни какъ прежніе собесѣдники, а обвиняетъ его только въ гордости оправданія. Если ты и согрѣшишь, что ты можешь сотворить? если ты и правосуденъ, что-же и этимъ ты дашь Господу? Твое зло есть вредъ для ближняго; твое правосудіе полезно лишь ближнему.» — Онъ даетъ тѣмъ знать, что, кромѣ правосудія, нужна и покорность Богу. Свои рѣчи заключаетъ онъ картиною всемогущества Божія въ твореніи. Вдохновенный, описываетъ онъ бурю и громъ, какъ голосъ Божій; но не знаетъ самъ, что слова его предшествуютъ самому слову Божію; онъ не знаетъ, что въ этой бурѣ, которую онъ изобразилъ, сей часъ раздастся самъ голосъ Божій, передъ коимъ все смолкнетъ; онъ не знаетъ того, что творится на небесахъ; не знаетъ, что страданіе Іова есть замыселъ Бога; что онъ страдаетъ для того, чтобы оправдать слово Всемогущаго, — и заключаетъ рѣчь свою тѣмъ, что Іовъ не услышитъ Божія голоса. — И внезапно, въ эту самую минуту, Господь, мимо собесѣдниковъ, говоритъ Іову сквозь бурю и облаки, и зоветъ его на отвѣтъ.

«Кто сей мужъ, скрывающій глаголы въ сердцѣ своемъ? Препояши чресла свои какъ мужъ — и отвѣчай мнѣ, гдѣ былъ ты, когда Я основалъ землю?»

Какая высокая укоризна въ этомъ вопросѣ, уничтожающая человѣка передъ Создателемъ міра! «Гдѣ былъ ты, когда Я основалъ землю?» Во всей священной поэзіи востока, гремящей единымъ могуществомъ Божіимъ, какое слово всѣхъ сильнѣе, всѣхъ убійственнѣе для человѣка, какъ этотъ

ıросъ: «Гдѣ былъ ты, когда Я новалъ землю?»

Прекрасны были рѣчи Іова и узей его о міротвореніи Божіъ; но какъ онѣ слабы передъ ычами Того, кто до малѣйшей поюбности знаетъ всѣ тайны свого міротворенія! Здѣсь изъ устъ ямого Бога развивается вся карина мірозданія. Какъ величетвенъ этотъ раждающійся океанъ зъ чрева своей матери! Богъ принаетъ его какъ младенца, повиаетъ туманомъ какъ пеленами, дѣваетъ его облакомъ. И океанъ— ладенецъ передъ Богомъ: какая ıензмѣримость мысли! И этому урному младенцу Господь положилъ предѣлы, обложилъ его заворами и вратами, и сказалъ: «до его дойдеши, и не прейдеши, и ъ тебѣ сокрушатся волны твоя.»

«При тебѣ-ли» — говоритъ Богъ ову—«составилъ я свѣтъ утренній? Заря знаетъ свое назначеніе: на касается крылъ земли, и гранители, друзья ночи, бѣгутъ въ ещеры.» Вотъ совершенно карины Аравіи, страны разбоевъ и ещеръ, гдѣ заря есть стражъ безпасности.

Въ подобныхъ вопросахъ разиваются всѣ явленія стихій въ ıрироде. «Число лѣтъ твоихъ мноо!» говоритъ Вѣчный вчерашнему ıеловѣку. «Былъ-ли ты у источниовъ моря? ходилъ-ли по дну его? Бывалъ-ли ты въ сокровищахъ, гдѣ храню я снѣгъ и градъ?» Кто видалъ вѣчно нетающіе Альпы, тотъ пойметъ красоту этого выраженія. «Кто чертитъ путь молніи и грому? Кто отецъ дождю и малой каплѣ росы? Постигаешь-ли ты семизвѣздный союзъ Плеядъ? Отверзъ-ли ты огражденіе Оріона? Покажешь-ли ты знаменія небесныя во время? Выведешь-ли на небесную паству Медвѣдицу съ ея чадами? Привлечешь-ли за власы звѣзду вечернюю? Знаешь-ли ты всѣ перемѣны небесныя?»

«Призовешь-ли ты облако своимъ голосомъ—и трепетомъ воды великой послушаетъ-ли тебя? Пошлешь-ли ты молніи и пойдутъ онѣ, и скажутъ: мы здѣсь? Кто далъ женамъ искуство тканія? Кто исчислилъ капли дождя? Кто преклонилъ небо и землю? Земля разсыпалась, какъ прахъ; я спаялъ ее, какъ камнемъ, на четыре угла.»

Вездѣ Творецъ, какъ строитель и какъ хозяинъ, созидаетъ и хранитъ міръ, какъ домъ свой. Земля поставлена имъ на четыре угла; онъ положилъ ей камень краеугольный; онъ содержитъ запасы снѣга и града. Такъ весь міръ представляется, какъ хозяйство Божіе. Это мысль чистая, первоначальная, образъ самый простой, самый естественный, истекшій изъ жизни патріархальнаго человѣка Азіи, начальника семьи своей и племени. Всѣ явленія природы здѣсь не столько описываются, сколько одушевляются сами: земля — домъ Божій о четырехъ углахъ; океанъ — младенецъ, Имъ повитый; заря отгоняетъ разбойниковъ; молніи говорятъ. Но всему вина одна: промышленіе Божіе; всѣ эти явленія Божія дома суть намекъ о Томъ великомъ Домостроителѣ, который одинъ содержитъ въ себѣ ихъ тайну.

Потомъ, отъ неодушевленной природы, Великій Строитель переходитъ къ богатству живой природы. Какъ превосходно характеризуются обычаи и нравы животныхъ! На примѣръ, необузданная свобода дикаго осла:

«Кто пустилъ дикаго осла свободнымъ и разрѣшилъ его узы? Я далъ ему жилищемъ пустыню. Онъ смѣется надъ многолюдствомъ города; онъ не внимаетъ крику господина. На горахъ онъ ищетъ себѣ пажити; онъ знаетъ слѣдъ каждаго злака.»

Какъ означена безпечность строуса, который покидаетъ яица на землѣ, не согрѣваетъ ихъ, не печется о птенцахъ своихъ. Богъ не далъ ему разума; но когда замашетъ онъ крылами, то посмѣвается коню и всаднику.

За строусомъ слѣдуетъ картина коня, этого питомца Аравіи, красы полей ея, коня воинственнаго. «Ты-ли далъ коню силу? Ты-ли облекъ его выю страхомъ гривы? Ты-ли ополчилъ его всеоружіемъ, славу персей его дерзостію? Копытомъ копая, на полѣ играетъ онъ. Стрѣламъ посмѣвается; отъ желѣза не отвратится. Лукъ и мечъ надъ нимъ играютъ. Онъ гнѣвомъ потребляетъ землю; затрубила труба — и говоритъ онъ: благо! Издали обоняетъ войну, скачетъ и ржетъ.»

«Твоимъ-ли умѣньемъ орелъ, распростерши крылья, виситъ на воздухѣ неподвиженъ, и смотритъ на солнце полудня? Или строитъ гнѣздо на вершинѣ горы, и оттуда видитъ добычу? Гдѣ трупъ, тамъ и онъ.

И за всею этою прекрасною галлереею животныхъ выходятъ еще два чудовища: одно страшнѣе другаго. Ужасенъ этотъ бегемотъ съ ребрами мѣдяными, съ хребтомъ желѣзнымъ, который не боится наводненій и думаетъ, что самъ Іорданъ (*) втечетъ въ уста его; но еще ужаснѣе левіаѳанъ, царь всѣхъ сущимъ въ водахъ, который шествіемъ пѣнитъ океанъ — и океанъ сѣдѣетъ внезапно, какъ старецъ, отъ его шествія. Это цѣлое воинство въ одномъ животномъ: онъ сплоченъ изъ щитовъ—и ничто ему копье; это цѣлый міръ въ одномъ звѣрѣ: сердце его какъ скала, очи его какъ денница, душа его какъ уголь, изъ устъ его и ноздрей пламя и свѣтъ.

Послѣ этой могущественной картины мірозданія, развивающейся въ гласѣ Божіемъ, Іовъ говоритъ: «вѣмъ, яко вся можеши; мню себѣ землю и пепелъ.»

Но Господь не обратилъ своего гнѣва на страдальца: праведникъ оправданъ. Все имѣніе возвращено ему вдвое; то-же число сыновей и дщерей, еще прекраснѣйшихъ, покоитъ его старость. Но на кого-же разгнѣвался Господь? На первыхъ трехъ друзей Іова, на мнимыхъ Своихъ защитниковъ, потому что они не искали объ Іовѣ истины. И къ Іову-же они должны были прибѣгнуть, чтобы онъ своею молитвою и жертвою искупилъ грѣхи ихъ у Бога. Такъ оправдалось на землѣ правосудіе Божіе.

Все это величественное произведеніе представляется намъ, какъ судъ Божій. Въ небѣ происходитъ начало дѣйствія; въ небѣ совершается совѣтъ Бога испытующаго; въ небѣ начертаны путь человѣка и цѣль его страданій: Богъ насылаетъ эти страданія для того, чтобы оправдать слово Свое о непорочномъ и благочестивомъ; Іовъ страдаетъ для того, чтобы оправдать Бога. Высокое назначеніе стра-

(*) *Имя Іордана* показываетъ, что эта книга позднѣе Моисея была внесена въ число книгъ священныхъ.

данія! Но на землѣ этого не понимаютъ: въ небѣ премудрость; на землѣ невѣдѣніе, тьма, и борьба, и словопрѣніе. Холодные мудрецы нападаютъ на страдальца въ минуту его слабости, когда стрѣлы Господни невольно застонали въ немъ; они говорятъ ему о всемогуществѣ Божіемъ, о правосудіи, и говорятъ, что онъ страдаетъ за какое-нибудь несчастіе: такъ выходитъ по ихъ земному расчету; — но они не знаютъ и постигнуть не могутъ, что, по совѣту Божію, нужно, чтобы страдалъ праведникъ; что онъ страдаетъ для оправданія о немъ-же слова Божія. Эти защитники Бога гораздо дерзновеннѣе, чѣмъ ропщущій мученикъ или оправдывающійся праведникъ, потому что они по своимъ земнымъ расчетамъ разсуждаютъ о страданіяхъ и жизни человѣка; берутъ на себя дерзкое право защищать Бога, входить въ Его судьбы — и защищаютъ Его криво: по ихъ защитѣ, Богъ былъ-бы неправосуденъ. Іовъ — праведникъ, но человѣкъ; онъ и среди стоновъ болѣзни восклицалъ: живъ Господь! Но жарко заспорилъ онъ съ друзьями, когда они задѣли его за живое, когда они задумали отнять у него послѣднее утѣшеніе, утѣшеніе его совѣсти. Онъ отъ всякаго слова ихъ отбивался со славою; онъ покрывалъ ихъ хвалы Богу своими хвалами; онъ, наконецъ, вынужденъ оправдывать самъ себя и перенести судъ отъ людей, неправо рѣшившихъ, къ Богу, и предать дѣло свое въ Его руки. И юный, вдохновенный Пророкъ Эліусъ, смирявшій Іова за гордость оправданія, не узналъ совѣта Божія, и сказалъ, что Судія не явится. — И вдругъ небо растворилось и Судія явился. Чѣмъ-же рѣшилъ Онъ дѣло? Онъ Своимъ всемогуществомъ уничтожилъ въ Іовѣ этого гордаго человѣка, который самъ себя признаетъ праведнымъ: Онъ заставилъ его назвать себя землею и пепломъ; но, ограничивъ этимъ свое наказаніе, Онъ честію и славою покрылъ праведника: ибо этотъ праведникъ страдалъ для оправданія Божія слова о себѣ. Дѣло Іова обратилось въ дѣло Божіе. Человѣкъ уничтоженъ, но праведникъ оправданъ, и ему все отдано. Богъ своимъ вопрошеніемъ низринулъ въ Іовѣ человѣка; но ни однимъ словомъ не коснулся праведника. Онъ и не говоритъ Іову, что онъ праведникъ: онъ только возвращаетъ ему все. Что Іовъ праведникъ — это тайна Божія; это — оправданіе Его слова; это скажетъ Богъ у Себя на небеси, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ, для посрамленія демона. Это скажетъ Онъ и Іову, когда праведникъ отъ земли перейдетъ на небо.

Отсюда мы видимъ, что это произведеніе есть какъ-бы священная, Богосудебная драма, въ которой жизнь человѣческая представлена страданіемъ по замыслу Божію, по Его святой волѣ: Іовъ есть праведникъ, терзающійся для того, чтобы въ небесахъ оправдалось слово Божіе. Не прообразуетъ-ли онъ намъ человѣка вообще, который, здѣсь на землѣ, страдаетъ для того, чтобы тамъ, на небесахъ, оправдалось первое слово Бога о человѣкѣ, когда Онъ его создалъ и поставилъ главою созданія, слово, которому человѣкъ измѣнилъ сначала? Не прообразуетъ-ли этотъ гласъ Бога, говорящаго Іову, того послѣдняго суда, которымъ долж-

на уничтожиться земная самость человѣческая, по которымъ благословится въ человѣкѣ дѣло Бога, и оправдается созданіе человѣка Богомъ? Не есть-ли это высочайшая Θеодицея, или божественный приговоръ для всей жизни человѣка, приговоръ, въ которомъ дѣло этой жизни будетъ оправдано сокровенною цѣлію Божіей, и исторія человѣка благословится, какъ мысль и свѣтъ Творца?

Такъ сіе произведеніе своею главною мыслію сливается со всею поэзіею еврейскою. Такъ согласуется оно и съ книгою Бытія, гдѣ все міротвореніе и вся исторія представлены какъ планъ, какъ замыслъ Провидѣнія, какъ исполненіе на дѣлѣ всемогущаго слова Божія: *и рече Господь*. Что мы тамъ видѣли въ цѣломъ мірѣ и цѣлой исторіи человѣчества, то самое здѣсь видимъ въ жизни одного человѣка, въ прекрасной и полной миніатюрѣ.

Вникнувши нѣсколько въ эту книгу по моему изложенію, припомните теперь слова Гердера, которыя я привелъ вамъ въ началѣ нашей бесѣды: «Это голосъ, завѣтъ, дошедшій къ намъ отъ трехъ или четырехъ тысящелѣтій.» И какъ онъ понятенъ и близокъ нашему сердцу, и какъ глубокомысленъ, даже для нашего гордаго 74 столѣтія отъ сотворенія міра! Такъ человѣчество изо всѣхъ вѣковъ откликается намъ своею жизнію. И какъ велики и поучительны уроки первыхъ опытовъ еще юнаго человѣчества! — Невольно скажешь вмѣстѣ съ младшимъ Эліусомъ: «Не многолѣтніе премудры, не старцы вѣдаютъ судъ.»

С. Шевыревъ.

---

152. О Москвѣ (писано для Его Высочества Государя Наслѣдника).

Разсматривая внимательно происшествія, составляющія особенную исторію Москвы, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому-ли естественному, постепенному ихъ ходу, въ которомъ одно истекало кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ постороннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а въ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли.

Говорятъ обыкновенно: покровительство Монголовъ возвысило Москву. Это правда, но вникнемъ глубже.

Димитрій пошелъ войною на Монголовъ въ 1380 году: слѣдовательно дружественныхъ отношеній уже тогда не было, а это случилось только чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Калиты. Самое восшествіе на престолъ Димитрія было противъ воли хана, отдавшаго въ 1359 году великое княженіе другому князю, — слѣдовательно покровительство могло продолжаться передъ тѣмъ только лѣтъ тридцать. Еще болѣе — Симеонъ и Іоаннъ получили великое княженіе какъ-бы по откупу, потому что никто не могъ дать больше ихъ, и притомъ никто не былъ надежнѣе для хановъ по своей вѣрности и преданности, и вотъ мы при 12-лѣтнемъ княженіи Калиты. А Калита пользовался покровительствомъ за свою службу, за успокоеніе хана, наказаніе Твери, выгодное управленіе. И онъ не могъ поступать

потому что отъ такого обра-
ıствія зависѣли его личныя,
ıныя выгоды. Что-же произ-
ужду въ услугахъ Калиты?
Твери, къ которому она бы-
нуждена хищными Монго-
и такимъ образомъ мы дой-
ıо встрѣчи московскаго кня-
тверскимъ въ Ордѣ, до гнѣ-
митрія, до жестокосердія и
ıлюбія Георгія, до свойствъ,
ıмъ подобныя встрѣчались
ıкой страницѣ нашей древ-
сторіи, то есть мы дойдемъ
съ тонкихъ жилокъ, до тѣхъ
ıныхъ трубокъ, которыми въ
хъ высокихъ горъ зачинают-
лъ, Волга, Дунай, Мисси-
и скажемъ съ благоговѣні-
ıути Провидѣнія неисповѣ-
Такъ должно было.
ъ другой стороны — не чу-
-ли стеклись обстоятельства,
погубить несчастную Тверь,
венную соперницу Москвы?
кстати отличался бережли-
Калита! Пришла-же мо-
язва, когда размножились
ı въ Московскомъ княженіи,
е утвердившемся въ своихъ
ь! наступили-же междоусо-
Монголовъ, въ малолѣтство
рія, и случились твердые,
бояре, которые умѣли ими
ıьзоваться! Современникомъ
гу родился Василій. Москва
кала ко времени княженія
го. Въ какое благопріятное
умеръ дядя его Юрій!
зотъ что достопримѣчатель-
сѣ болѣзни насылались на
зу не вдругъ, а какой-то че-
, когда уже готовы для нихъ
занія, какъ будто-бы только
ı вразумленія, указанія, вос-
я: сыновья Даніиловы боро-
ь Тверью; Донской съ Мон-
голами и Удѣльною системою; отъ Литвы берегъ Василій; на долю Темнаго достались послѣдніе удѣльные князья. Іоаннъ воевалъ послѣдовательно съ Новымъ-городомъ, Тверью, Литвою и Ордою.

Не мѣсто обозрѣвать здѣсь слѣдующую исторію Москвы, ибо она есть уже исторія Россіи, которую долго наши лѣтописцы называли Московскимъ государствомъ, а иностранцы еще долѣе Московіей. Такъ. Всѣ нынѣшнія владѣнія Россіи, коими прикасается она къ Океану восточному и сѣверному, морямъ Балтійскому и Черному, Бѣлому и Каспійскому, суть пріобрѣтенія, или, лучше сказать, приращенія Москвы. Вступивъ послѣ всѣхъ городовъ на сцену исторіи, послѣ Новогорода и Кіева, Смоленска и Чернигова, Владиміра и Суздаля, Рязани и Твери, она возвысилась надъ ними, снискала первенство, избавила отъ власти иноплеменниковъ и потомъ приняла ихъ въ свои предѣлы, какъ мы отчасти видѣли. Москва была зерно, изъ коего произрасло великое древо Россійской Имперіи. Это Волга, употреблю другое сравненіе, которая, вышедъ изъ темени Алаунскихъ горъ, долго таится неизвѣстнымъ потокомъ, принимаетъ въ себя окружные ручьи и рѣчки, мало по малу восполняется ими въ длинномъ своемъ теченіи, и становится огромною рѣкою, коей покорно несутъ дани Ока и Кама съ ихъ обширными системами.

Ставъ средоточіемъ Россіи, Москва видѣла въ древнихъ стѣнахъ своихъ всѣ великія происшествія

рѣшавшія судьбу отечества, или прославлявшія оное: въ Москвѣ утвердилась независимость государства на двухъ краеугольныхъ камняхъ, единодержавіи и самодержавіи; въ Москвѣ жилъ Грозный, Москва низвергла Самозванца, спасеніемъ Москвы во время польскихъ смутъ спаслася вся Россія. Москва избрала новаго Царя, долженствовавшаго успокоить отечество. Москва избавила отъ ига иновѣрцевъ священный Кіевъ и родную Малороссію! Въ Москвѣ дано уложеніе Русскому народу, «чтобъ Московскаго государства, всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны.» Въ Москвѣ уничтожено мѣстничество, въ Москвѣ родился Петръ Великій....

И его временемъ оканчивается царственный ея періодъ.

Юный царь, воспитанный иностранцами, воспламененный ихъ разсказами объ Европѣ, положилъ преобразовать отечество могучей своею волею — его нововведенія не могли однако-же приняться на Московской почвѣ, которая произрастила свои собственныя древа, глубоко пустившія корень, и не допускавшія цвѣсти иноземнымъ растеніямъ подъ своею густою сѣнію. Онъ долженъ былъ искать нови, какъ всѣ преобразователи, — желанія его стремились къ западу, и орлиный взоръ остановился на одномъ углу въ глубинѣ Финскаго залива. Тамъ, по выраженію безсмертнаго поэта,

. . . . . юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
. . . . . .
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова.

Петръ думалъ о будущемъ, а Москва представляла ему только свое монументальное прошедшее; притомъ она соединялась въ его воспоминаніи съ стрѣльцами, раскольниками, Софіей: онъ оставилъ Москву, и все вниманіе, всю любовь обратилъ на свое созданіе, на юный Петербургъ, на милаго своего Веніамина, — но покинутому Іосифу Провидѣніе часто представляло еще случай утѣшить и спасать всего Израиля.

Такъ въ великую годину войны народной, когда геній — побѣдитель всей Европы замыслилъ увѣнчать въ Москвѣ свои двадцатилѣтніе подвиги, предписать законы Россіи и утвердить владычество надъ всѣмъ свѣтомъ, старая Москва возстала, потрясла своими вѣковыми столпами, и двадесять языкъ, приведенныхъ исполиномъ отъ всѣхъ концевъ земли именно для ея покоренія, пали подъ ея священными развалинами, и огненное зарево ея пожара освѣтило спасеніе царствъ и народовъ, новый порядокъ вещей, новую эру въ исторіи человѣчества. Вотъ славнѣйшее изъ воспоминаній кремлевскихъ, какъ сказалъ нашъ великій Карамзинъ.

Впрочемъ Москва, перестав быть средоточіемъ исторіи со временъ Петра Великаго, осталась средоточіемъ русскаго могущества, просвѣщенія, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще русской національности. Петербургъ, согласно съ мыслію своего основателя, своимъ положеніемъ, согласно даже съ своим

менемъ есть городъ европейскій: ъ наружности, образѣ жизни, образѣ мыслей, характерѣ, онъ носитъ явственный отпечатокъ чужихъ краевъ. Москва сохраняетъ еще свою національность, со всѣми ея добродѣтелями, и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она сроднилась со всѣмъ отечествомъ, вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякій Русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благодѣтелей Россіи. Здѣсь памятники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь Цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти уставы отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь русскій духъ въ очью совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, русская преданность вѣрѣ, государю, отечеству, являются въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва, безъ сомнѣнія, есть ея сердце, — сердце горячее, пылающее любовью къ отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастія, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ Царей, посылаемыхъ ей Богомъ.

Но за чѣмъ я началъ это нравственное изображеніе Москвы? Великому Князю, для котораго я имѣю счастіе писать эту записку, откроется она сама. Когда Императорскій флагъ на Кремлевскомъ Дворцѣ возвѣститъ Его прибытіе, когда большой Успенскій колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное ура! грянетъ громомъ при видѣ вожделѣннаго Державнаго Первенца Москвы, пусть Онъ всмотрится въ эти лица, пусть Онъ вслушается въ эти звуки: Онъ услышитъ въ нихъ, Онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу исторію; Онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе статистическихъ выкладокъ тайну русскаго могущества; Онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что такое Москва, что такое русскій человѣкъ, что такое Святая Русь; предъ Нимъ разоблачится ея безконечное будущее, Его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце Его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для Царей на этомъ свѣтѣ. *М. Погодинъ.*

Б. РАЗБОРЫ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИСКУСТВЪ.

153. Рафаэлева Мадонна.

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями, и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ. Наконецъ однажды только-было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она предъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ Ангеловъ. Я рѣшился придти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею также непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во первыхъ она, не знаю для какой готтентотской причины, уменьшена: *верхняя* часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображенного на картинѣ, загнуты наза, слѣдовательно и пропорція и с мое дѣйствіе цѣлаго теперь ун чтожены и не отвѣчаютъ намѣр нію живописца. Второе, она в въ пятнахъ, не вычищена, ху поставлена, такъ что сначала в жешь подумать, что копіи, съ н сдѣланныя, чистыя и блестящ лучше самаго оригинала. Нак нецъ (что не менѣе досадно) о: такъ сказать, теряется между др гими картинами, которыя, окр жая ее, развлекаютъ вниманіе: н примѣръ, рядомъ съ нею сто портретъ сатирическаго поэта Ар тина, Тиціановъ, прекрасный— какое сосѣдство для Мадонн И такова сила той души, котор дышитъ и вѣчно будетъ дыш въ этомъ божественномъ создан что все окружающее пропадае какъ скоро посмотришь на не со вниманіемъ. Сказываютъ, Рафаэль, натянувъ полотно с для этой картины, долго не зна. что на немъ будетъ; вдохнове не приходило. Однажды онъ з снулъ съ мыслію о Мадоннѣ, вѣрно какой-нибудь Ангелъ р будилъ его. Онъ вскочилъ: *здѣсь*, закричалъ онъ, указавъ полотно и начертилъ первый р сунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это картина, а видѣніе: чѣмъ дол глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешь что передъ тобою что-то неес ственное происходитъ (особли если смотришь такъ, что ни р мы, ни другихъ картинъ не в дишь). И это не обманъ вооб женія: оно не обольщено зд ни живостію красокъ, ни блеск наружнымъ. Здѣсь душа живоп ца, безъ всякихъ хитростей

кусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно, сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой;
А когда насъ покидаетъ —
Въ даръ любви, у насъ въ виду;
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго Ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ; внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ Ангеловъ устремилъ задумчивые глаза на высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ-ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь Ангеломъ на землѣ, чтобъ имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія: но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то есть на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но

нѣтъ случая — все совершилось); но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота: въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца; по руки ея смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И Онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ.

И въ его глазахъ есть тотъ-же никуда не устремленный взоръ: но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ

что на картинѣ его видят
Ангелы и Святые: онъ или
бы лицу его выраженіе из
наго восторга (ибо восторг
чувство здѣшнее: оно на
быстро и неожиданно от
насъ отъ земнаго), или п
вилъ-бы его падшаго на зе
признаніемъ своего безсилі
чтожества. Но состояніе
уже покинувшей землю н
ной неба, есть глубокое, п
ное чувство, возвышенное
свѣщенное мыслію, постиг
тайны неба, безмолвное, н
няемое счастіе, которое
ключается въ двухъ словах
ствую и знаю! И эта-то б
ствующая мысль царству
всѣхъ лицахъ Рафаэлевой
ны (кромѣ, разумѣется, лиц
сителева и Мадонны): всѣ
мышленіи, и Святые и Анге
фаэль какъ-будто хотѣлъ
зить для глазъ верховное
ченіе души человѣческой.

понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

Жуковскій.

---

154. О Комедіи Фонъ-Визина: Недоросль.

Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если-же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное Бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ Митрофанушка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его Простакова. Именно говорю изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ—разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выстройкѣ, но не менѣе того развязка ея можетъ быть трагическая. Какъ »Тартюфъ» Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова. Отъ автора зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались-бы тѣже, но только приноровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросль?» Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенныя: иныя изъ нихъ совершенно посторонніе, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ

могутъ представить тому достовѣрныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе — не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что впрочемъ можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что каждое имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона «Недоросля» не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ движенія и бездѣятельность событія. Изъ сорока явленій, изъ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едвали найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самого дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обставкою. Разговоръ ея съ портнымъ Тришкою, или лучше сказать поставленнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно припаровлена къ лицамъ; сцена совершенно русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресцендо и кончается неодолимымъ возраженіем: *«да первый-то портной, мо быть, шилъ хуже и моего!»* Л лѣе такихъ явленій—и Фонв зинъ былъ-бы одинъ изъ вел шихъ комиковъ. Характеръ въ слѣдующемъ явленіи об вывается значительно и рѣзк исключеніемъ одного двусмы неприличнаго и слишкомъ пло наго, все явленіе очень хо Вообще всѣ сцены, въ кото является Простакова, испо жизни и вѣрности, потому что рактеръ ея выдержанъ до кон неослабѣвающимъ искуством неизмѣняющеюся истиною. наглости и низости, трусо злобы, безчеловѣчія ко всѣ нѣжности, равно гнусной, ка оно, къ сыну, при всемъ том вѣжество, изъ коего, какъ изъ наго источника, истекаютъ вс свойства, согласованы въ ха терѣ ея живописцемъ смѣтл и наблюдательнымъ. Въ пос нихъ явленіяхъ авторъ пока еще болѣе искуства и глуб сердцевѣденія. Когда Старо прощаетъ Простакову, и вставъ съ колѣней, восклиц «простилъ! ахъ, батюшка, стилъ! Ну, теперь-то дамъ рю канальямъ своимъ люд тутъ слышанъ голосъ при Скупость ея прорывается в забавно на сценѣ, когда Прав назначенный отъ правител опекуномъ надъ деревнею ея. читывается съ учителями М фанушки. Тутъ уже не хвас она познаніями своего сына и вольно говоритъ Кутейкину: коль пошло на правду, чем выучилъ Митрофанушку?» Н слѣдняя черта, которою авторт несъ рѣшительный ударъ,

роточиваетъ всѣ гибельные плоды развращенія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросясь обнимать сына, говоритъ ему: «одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «да отвяжись, матушка! какъ навязалась!» Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ драматикомъ. Сказываютъ, что французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать въ видѣ романа и приготовительнаго труда исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ ссудилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное. Изъ того, что мы видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову и могли-бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. Скотининъ — каррикатура и слишкомъ увеличенная. Онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремеевною очень забавна. Вообще характеръ мамы, *хотя слегка обозначенный*, удивительно вѣренъ: въ немъ много русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобъ въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово *зацѣпы*, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ отвѣчаетъ хору древней трагедіи. Въ ней авторъ выразилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть нейдетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи изъ роли Стародума многое выкидывается. Была-бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось-бы отступленіями; но невыгода Стародума предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ запросахъ нравственныхъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ правоученій Стародума хотя и весьма справедливо и назидатель-

но, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену Стародума съ Милономъ можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ: *неустрашимость и храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны, или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе 5-го дѣйствія приноситъ честь писателю и Государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, еще замѣтишь, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобъ обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей французской комедіи, которые падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія; но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ благопристойной любви къ ближнему. Правдинъ чиновникъ; онъ развязываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бъ быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто *рока* (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть совершено наказаніе Простаковой, которое было-бы неполно, если-бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ забавныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ каррикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину нѣмецъ-кучеръ попалъ въ учители въ домъ Простаковыхъ.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которой будто начерталъ онъ лице Недоросля, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ: Фонъ-Визинъ не сталъ-бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно не служитъ, а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. Недоросль не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что 16-ти лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ-бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что онъ неучъ. Правда, что правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ, слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался-бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образо-

ваніемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какой-нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ-бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ-бы включенъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому-же правило Стародума несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и Правдинъ имѣетъ довольно странныя понятія о службѣ, говоря Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: «*съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить!*» Ему сказать-бы: «пошелъ-ка въ училище!» А то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случилось встрѣтить двухъ или трехъ живыхъ экземпляровъ Митрофанушки. Вѣроятно, преданіе ложно, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія «Недоросля», сказалъ автору: «умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искуства; можно сказать, что онъ и не создалъ русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно-же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая твореніе двухъ британскихъ драматиковъ (Бомонъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасное зданіе, но только въ предмѣстіяхъ поэзіи, тогда какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. Тоже скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застраивается, что если въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается болѣе вкуса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка въ частныхъ принадлежностяхъ, то въ зодчествѣ Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности и принаровки къ потребностямъ и климату отечественнымъ; наконецъ, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидаетъ драматическихъ чертоговъ, для коихъ не родились достойные строители. Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литтературномъ отношеніи; ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской, какъ дома, или перенесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостинныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него, такъ сказать, слогъ, выраженіе (le genre), думая, что въ нихъ-то и заключается вся

комическая сила, но она у него потому сила, что на мѣстѣ, коренная, природная. Напротивъ-же у его послѣдователей то-же самое есть *безсиліе*, потому что заимственно, неестественно и часто неумѣстно. *Кн. Вяземскій.*

---

155. О Комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума.»

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума.» Сіе твореніе, имѣвшее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно, двоякимъ предупрежденіемъ, равно не знавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сендамъ и Зонламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно. Моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно, я одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концемъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его; вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство, по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска поклепъ на нравы или исключеніе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ, или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой Чацкій, похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ ex-abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альцестъ въ сравненіи съ Чацкимъ настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ.» Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современному. Если она не сатира наша, лучше написанная, потому что небрежность ком-

и стихосложенія доведены въ
иногда до непростительнаго
еволія, то она сатира, лучше и
че всѣхъ обдуманная. Замѣча-
ьно, что сатирическое искуст-
автора отзывается не столько
колкихъ и рѣзкихъ эпиграм-
къ Чацкаго, сколько въ добро-
шныхъ рѣчахъ Фамусова. Про-
жительная иронія утомительна:
рицаніе подъ видомъ похвалы
оро становится приторно; но
ѣсь авторъ такъ искусно, такъ
убоко вошелъ въ характеръ Фа-
сова, что никакъ не различишь
смѣшливости комика отъ замо-
ворѣцкаго патріотизма комичес-
го лица Таковъ, но не въ рав-
ѣ степени превосходства, и Ска-
убъ. По двумъ этимъ изображе-
мъ можно заключить несомнѣн-
, что въ Грибоѣдовѣ таился бу-
щій комикъ. Онъ и творецъ «Не-
росля» имѣютъ то свойственное
ь преимущество, что они прямо,
къ сказать, живьемъ перенесли
сцену черты, схваченныя ими
мірѣ дѣйствительномъ. Они не
реработывали своихъ пріобрѣ-
вій въ алхимическомъ горнилѣ
щей комедіи, изъ коего все дол-
ю выходить въ какомъ-то изго-
вленномъ и заранѣе указанномъ
дѣ. Самыя странности комедіи
ибоѣдова достойны вниманія:
сширяя сцену, населяя ее наро-
мъ дѣйствующихъ лицъ, онъ,
зъ сомнѣнія, расширилъ и гра-
цы самаго искуства. Явленіе
зъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣд-
е дѣйствіе свѣтскаго дня, издер-
шнаго на пустяки, хорошо и смѣ-
новизною своею. На театрѣ оно
івописно и производитъ сильное
йствіе. У насъ вообще мало ду-
ютъ объ оживотвореніи сцены,
сценическихъ впечатлѣніяхъ,
Томъ I.

забывая, что не даромъ драма на-
зывается зрѣлищемъ и происхо-
дитъ предъ зрителями. Многія на-
ши комедіи суть родъ разговоровъ
въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами
не міръ дѣйствительный, не люди,
а тѣни безплотныя, безличныя. Все
въ нихъ не осязательно, неопре-
дѣлительно; все скользитъ по чув-
ствамъ и по вниманію. Скажемъ
окончательно, что если «Горе отъ
ума» твореніе и не совершенно
зрѣлое, во многихъ частяхъ не
избѣгающее строжайшей критики,
но не менѣе оно явленіе весьма
замѣчательное въ драматической
словесности нашей. По немъ дол-
жны мы жалѣть о ранней утратѣ
писателя, который подавалъ боль-
шія надежды, имѣлъ многія весьма
разнообразныя познанія, былъ ода-
ренъ умомъ пылкимъ и острымъ, и
тою гордою независимостію, ко-
торая, пренебрегая тропами изби-
тыми, порываетъ сама проложить
слѣды свои по неиспытанной до-
рогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ
успѣхъ не всегда вѣренъ или по-
лонъ, но и самыя покушенія сіи
остаются въ памяти народной; при-
знаки движенія, они прорѣзы-
ваются неизгладимыми чертами на
поприщѣ умственной дѣятельно-
сти, тогда какъ и самые успѣхи
посредственности, протоптанные
по указнымъ слѣдамъ и затоптан-
ные въ свою очередь другими, не
отдѣляются отъ грунта и другъ
друга поглощаютъ. Вотъ почему
комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ
худо обдуманная, въ частяхъ и
особенно въ слогѣ часто худо ис-
полненная, останется всегда на
виду; а многія другія комедіи те-
атра нашего, осмотрительнѣе со-
ображенныя и правильнѣе напи-
санныя, пропадаютъ безъ вѣсти.

не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ; живой живое и любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь: оно дышитъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но онѣ автоматы. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина: это «Вѣсти или убитый живой,» сочиненіе графа Растопчина. Въ ней нѣтъ изящнаго искуства, но есть русская веселость и довольно вѣрная съемка съ природы. Не понимаю, почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно, немногіе и читали ее, хотя она и напечатана. Авторъ «Мыслей въ слухъ на красномъ крыльцѣ» и такъ называемыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

Кн. Вяземскій.

---

156. Литературная дѣятельность Карамзина и Мерзлякова.

Карамзинъ — первый позналъ потребность вѣка, первый удовлетворилъ желаніямъ современниковъ. Образовавшійся еще по европейскимъ писателямъ осьмнадцатаго вѣка, какъ писатель русскій, онъ отличенъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ знакомитъ насъ съ отечественными преданіями, очаровательною кистью рисуетъ предъ нами родные нравы, оживляетъ памятники, долго тлѣвшіе въ неизвѣстности, *воспроизводитъ* предъ нами даже *мѣста, которыхъ* до него мы не замѣчали, потому что жили мысленно въ Версали и въ Парижѣ. Карамзинъ миритъ и языкъ ученый съ народнымъ — сдружаетъ эти двѣ стихіи, до него враждебныя: и языкъ его гибкій, живописный, благозвучный, принявшій изящныя формы, становится языкомъ всѣхъ людей образованныхъ. Это первое явленіе живаго языка русскаго. Правда, вмѣстѣ съ жизнію народною, онъ необходимо измѣняется; но языкъ, которымъ началъ говорить Карамзинъ, всегда останется памятникомъ новаго образованія— памятникомъ великаго писателя. Понять требованія времени и духъ народа, увлечь за собою милліоны — это подвигъ великаго. При быстрыхъ измѣненіяхъ въ образованіи отечества нашего, Карамзинъ самъ совершенствуется вмѣстѣ съ своимъ временемъ. Сначала онъ приноситъ дань школѣ писателей прошедшаго вѣка, которой заплатили дань и сильные умы Германіи и Англіи; потомъ ищетъ вдохновеній въ Макферсонѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гете; наконецъ, удалившись отъ всѣхъ исканій свѣта, въ уединеніи, питающемъ умъ и сердце, воскрешаетъ предъ нами предковъ нашихъ, творитъ палладіумъ народной славы—отечественную исторію: и здѣсь онъ является представителемъ народнаго самопознанія.

Слава, признаваемая въ писателѣ цѣлымъ народомъ, не есть синіамъ дружбы: это сліяніе чувствъ милліоновъ, жертва народа своему представителю слова. Такую славу достойно стяжалъ Карамзинъ. Привести въ порядокъ разбросанныя свѣдѣнія объ отечествѣ, сохранившіяся въ историческихъ попыткахъ его предшественни-

ковъ, оживить мертвые памятники и дать языкъ нѣмымъ хартіямъ, угадать народный духъ въ словесности: такой подвигъ есть подвигъ высокаго ума, непреодолимой воли, изящнаго чувства. При нѣкоторыхъ недостаткахъ, какъ дани своему времени, Исторія Государства Россійскаго стоитъ въ ряду творческихъ произведеній словесности. Что сказать о языкѣ, которому изучился онъ въ университетѣ, языкѣ, въ которомъ нѣтъ ему равнаго по описаніямъ и повѣствованію, легкости, живости, простотѣ, благозвучію, неистощимому обилію? Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ остановился Ломоносовъ. Сей засталъ стихіи языка нашего смѣшанныя, неустроенныя: ему предстоялъ трудъ раздѣлить ихъ, привести въ порядокъ; Карамзину достался языкъ, запечатлѣнный формами латинскими: ему надлежало переучивать насъ родному языку, искать стихій его въ родныхъ источникахъ, сблизить книжный языкъ съ народнымъ. Ломоносовъ искалъ языка въ старинныхъ нашихъ книгахъ; Карамзинъ зналъ, что его должно изучать въ живой рѣчи народа — что одушевленіе для словесности находимъ мы подъ тѣмъ небомъ, съ котораго нисходитъ оно къ народу; что для этого нужно окружить себя воспоминаніями жизни предковъ. Вотъ чѣмъ восхитилъ онъ у всѣхъ современниковъ пальму *перваго* писателя, увлекъ всѣхъ за собою! Такъ вѣрно зналъ онъ стихіи русской жизни, русскаго ума и сердца! Съ появленіемъ Исторіи Государства Россійскаго прекратились споры о старомъ и новомъ слогѣ; тутъ убѣдились въ истинѣ, давно знакомой иностранцамъ, упредившимъ насъ въ просвѣщеніи, что языкъ образуется не по произволу писателей, но въ быту и жизни народной; что каждый вѣкъ самъ выбираетъ для себя сокровища изъ наслѣдія предковъ, самъ развиваетъ себя въ своемъ словѣ. Дайте при этомъ палладіумѣ созрѣть еще одному поколѣнію — и вы увидите полное развитіе Русской словесности.

Высшее торжество дара слова являлось на профессорской каѳедрѣ Мерзлякова, въ его чтеніяхъ о Словесности. Не ищите въ немъ глубокой теоріи искуства: въ этомъ онъ послѣдователь школы эмпирической; онъ вѣровалъ въ подражаніе изящной природѣ; думалъ, что человѣка нужда научила и музыкѣ, и живописи; называлъ искуство навыкомъ и способностью дѣлать что либо хорошо; не принималъ различія между классическою и романтическою поэзіею, ни между красотами поэтическими міровыми и народными; не преслѣдовалъ духа поэзіи и краснорѣчія у разныхъ народовъ, въ различныхъ ихъ направленіяхъ, не разлагалъ и отечественной словесности на различныя ея элементы, самородные и чужеземные. Онъ даже разбиралъ Россіяду, Димитрія Самозванца и Димитрія Донскаго по правиламъ Аристотеля; отъ русской эпопеи требовалъ языческаго чудеснаго, а отъ русской трагедіи — трехъ единствъ. Онъ чуждался философіи Словесности, обогащенной въ текущемъ столѣтіи изслѣдованіями ученыхъ знаменитостей Германіи — Шиллера, Бахмана, Фр. и Ав. Шлегелей. Но онъ вѣренъ въ той критикѣ, которая излагалась не по курсамъ

его учителей, а прямо исходила изъ его чувства; отчетливъ въ Державинѣ, которому сочувствовалъ въ поэтическихъ созданіяхъ. Мы, ученики его и почитатели, изумлялись его дару слова, обильной текучести рѣчи, его импровизаціи на лекціяхъ, когда онъ одушевлялся любимымъ чувствомъ — восторгомъ къ отечественному слову и безкорыстной любовью къ музамъ, которымъ принесъ къ жертву всю жизнь свою, съ дивнымъ самоотверженіемъ

Какъ поэтъ, Мерзляковъ неподражаемъ въ русской пѣснѣ, въ этомъ чистомъ, свободномъ изліяніи его нѣжнаго, добраго сердца. Пѣснь его — отголосокъ русскаго духа, то заунывный и томный, то радостный и игривый. Самые звуки этой пѣсни намъ знакомые, родные. Къ первымъ вдохновеніямъ его юности относятся подражанія и переводы изъ древнихъ. Въ нихъ одинъ только недостатокъ, отпечатокъ времени—безразличіе языка въ отрывкахъ Омира, Эсхила, Софокла, Эврипида, Ѳеокрита, и въ отрывкахъ Виргилія, Овидія, Горація, Тибулла, Проперція. Счастливѣйшія переложенія выражаютъ господствующую его способность — чувство. Оно пробивается и въ тяжелыхъ ямбахъ перевода Тассова Освобожденнаго Іерусалима; оно умилительно и въ устахъ Антигоны, и въ рѣчахъ Дидоны, и въ изображеніяхъ Эрминіи и Танкреда. Эта главная стихія дарованій Мерзлякова очаровываетъ насъ и въ Похвальномъ словѣ Александру I: въ немъ видимъ излишнее повѣствованіе, скудость въ рѣзкихъ чертахъ Благословеннаго; но художественное изображеніе Монарха нашего, Ангела-Хранителя цѣлой Европы, дарующаго побѣжденнымъ врагамъ миръ и прощеніе, изображеніе кротости и милосердія заставляетъ забывать недостатки витія. Изученіе древнихъ писателей придало его слову стройность и звучность; стихъ и періодъ его не гибокъ, не разнообразенъ, но, полный и округлый, ровенъ, величественъ. Сколько разъ съ этой самой каѳедры слышали мы и восторженнаго поэта, и очаровательнаго оратора, повѣдавшаго намъ въ усладительномъ отечественномъ словѣ или возвышенныя чувствованія искуства, или глубокія думы науки! Сколько разъ его краснорѣчіе, всегда чистое и благородное, въ первый разъ раздавшееся въ здѣшнемъ храмѣ наукъ во всемъ блескѣ и со всѣмъ своимъ достоинствомъ, насъ увлекало, обольщало! Онъ и за нѣсколько дней предъ кончиною, какъ истинный жрецъ науки и искуства, уже ослабѣвшимъ голосомъ, на закатѣ мирной, но славной жизни, повѣдалъ чувствованія души своей, произнесъ прощальное слово сему храму наукъ, пропѣлъ послѣдній гимнъ Шувалову.

И. Давыдовъ.

---

157. Сочиненія Александра Пушкина.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ во-

всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ границы и болѣе показалъ все пространство. Пушкинъ есть ніе чрезвычайное и, можетъ , единственное явленіе рус- о духа: это русскій человѣкъ его развитіи, въ какомъ онъ, етъ быть, явится чрезъ двѣсти ь. Въ немъ русская природа, ская душа, русскій языкъ, рус- характеръ отразились въ та- чистотѣ, въ такой очищенной отѣ, въ какой отражается ланд- гъ на выпуклой поверхности ческаго стекла.

амая его жизнь совершенно ская. Тотъ же разгулъ и раз- е, къ которому, иногда, поза- пись, стремится Русскій и ко- е всегда нравится свѣжей рус- молодежи, отразились на его обытныхъ годахъ вступленія свѣтъ. Судьба, какъ нарочно, осила его туда, гдѣ границы сіи отличаются рѣзкою, вели- ю характерностью; гдѣ глад- неизмѣримость Россіи перры- ся подоблачными горами и вается югомъ. Исполинскій, рытый вѣчнымъ снѣгомъ Кав- ь, среди знойныхъ долинъ, по- лъ его; онъ, можно сказать, ялъ силу души его и разор- ь послѣднія цѣпи, которыя еще тѣли на мысляхъ. Его плѣ- а вольная поэтическая жизнь жихъ горцевъ, ихъ схват- ихъ быстрые набѣги; и съ съ поръ кисть его пріобрѣ- тотъ широкій размахъ, ту гроту и смѣлость, которая дивила и поражала толь- что начинавшую читать Рос- Рисуетъ ли онъ боевую схват- Чеченца съ Казакомъ — слогъ *молнія; онъ также бле- ь, какъ сверкающія* сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душею и чувствами; онъ проникнутъ и на- питанъ его чудными окрестности- ми, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣп- ными крымскими ночами и садами. Можетъ быть, отъ того и въ сво- ихъ твореніяхъ онъ жарче и пла- меннѣе тамъ, гдѣ душа его кос- нулась юга. На нихъ онъ неволь- но означилъ всю силу свою, и отъ- того произведенія его, напитан- ныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чуд- ную магическую силу: имъ изум- лялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душев- ныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое бо- лѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновенна- го. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распро- страняла́сь такъ быстро. Всѣ кста- ти и некстати считали обязанно- стію проговорить, а иногда иско- веркать какіе-нибудь ярко свер- кающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ мара- телей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду.

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ національнымъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сто- ронній міръ, но глядитъ на него

глазами своей національной стихіи, глазами своего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искуствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая піеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой піесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ,—его поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостію и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, Горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить: будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные, требовали наперерывъ, чтобъ отечественныя и *историческія* происшествія являлись *предметомъ* его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо-менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ; представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: это вяло, это слабо, это не хорошо, это ни мало не похоже на то, что было. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій: но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ. Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при Императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того, характеръ народа большею частію былъ безцвѣтенъ. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, — тогда толпа почитателей, толпа народа на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не ки-

происшествіе. Но въ этомъ
ıѣ, прощай, толпа! ея не бу-
у него, развѣ когда самый
ıетъ, изображаемый имъ, уже
великъ и рѣзокъ, что не мо-
не произвесть всеобщаго эн-
зма. Перваго средства не из-
ъ поэтъ, потому что хотѣлъ
остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, не позволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ.

Н. Гоголь.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

(ФОРМЫ СОЧИНЕНІЙ).

А. РАЗГОВОРЪ.

158. Вечеръ у Кантемира.

Антіохъ Кантемиръ, посланникъ русскій при дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время отъ должности онъ посвящалъ наукамъ и поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плутарха, Горація и Виргилія: «Счастливъ, кто, довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ:

.... съ вами, Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.»

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто, углубленный въ исчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истины и — подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суетномъ кругу ученыхъ женщинъ или *академиковъ*: нѣтъ! онъ любилъ науки для наукъ, поэзію для эзіи—рѣдкое качество, истин признакъ великаго ума и прекр ной, сильной души! Въ Пари гдѣ самолюбіе знатнаго челов можетъ собирать безпрестанно хвалы и привѣтствія за малѣ успѣхъ въ словесности, гдѣ сколько небрежныхъ стиховъ, странцемъ написанныхъ, д право гражданства въ республ словесности, Кантемиръ.... пи русскіе стихи. И въ какое вр Когда языкъ нашъ едва стано ся способнымъ выражать м просвѣщеннаго человѣка. Бро на островъ необитаемый мат тика и стихотворца, говорилъ ламберъ: первый будетъ прово линіи и составлять углы, не з тясь, что никто не воспользу его наблюденіями; второй п станетъ сочинять стихи, ибо кому хвалить ихъ: слѣдств поэзія и поэтъ, заключаетъ *р дительный* философъ, пита суетностью. Парижъ былъ се обитаемый островъ для Канте Кто понималъ его? Кто восхи ся его *русскими* стихами? — самой Россіи, гдѣ общество, н и словесность были еще въ п нахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, н

силъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ питается хвалою, но истинный, великій талантъ и безъ нея не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суетнымъ — равно какъ и ученый; — но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Катулломъ о нашемъ Бавіи:

Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ

почти тоже можно сказать о великомъ стихотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камоенсъ писалъ Лузіяду посреди племенъ дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, кладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ-ли людей обвинимъ въ суетности?.... Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтескье и Аббатъ В., извѣстный остроумецъ, навѣстили нашего стихотворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею музою, и не примѣтилъ входящихъ друзей, которые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минутъ Кантемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ князю Никитѣ Трубецкому, всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи, спокойное и даже холодное лице Кантемира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорались и рука его ударяла такту по отверстой предъ нимъ книгѣ. Монтескье взглянулъ на аббата, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безпокоить министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожидаемыхъ гостей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору.— Ни мало!—Вы читали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли — Русскіе. — Русскіе стихи! восклицалъ аббатъ, пожимая плечами отъ удивленія: русскіе стихи! это любопытно....

Кант. Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ. Вы никогда не писали стиховъ, г. президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманіею.

Монт. Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ столько-же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ сатиры и посланія Горація: онѣ знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни перерожившихся потомковъ Брутовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямой Римлянинъ душою! Онъ тоже въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ поэтовъ, какъ

памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго: почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

Аб. В. И г. президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете русскіе стихи. Зная совершенно языкъ латинскій и нашъ французскій, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

Монт. Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкѣ необразованномъ? Вы пишете порусски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

Кант. Справедливо: русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразителенъ, какъ языкъ латинскій, и современемъ будетъ точенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фонтенеля и глубокомысленнаго Монтескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями, принужденъ изобрѣтать безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, которые безъ сомнѣнія обветшаютъ чрезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фонтенелевы, я создавалъ новыя слова: Академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей:

Аб. В. Но скажите, Бога ради, какъ-же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фонтенеля?

Кант. Какъ умѣлъ! я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѳы заставили плѣннаго Грека изваять Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной ваятель; въ Скиѳіи не было ни паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ — соотечественникъ Праксителевъ употребилъ грубый гранитъ, молотъ, простую пилу и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, столь славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѳы были довольны, ибо не знали божественнаго подлинника, и поклонялись новой богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ. — Скиѳы — мои соотечественники; Праксителева статуя — книга безсмертнаго Фонтенеля, а я — сей Грекъ, неискусный ваятель.

Аб. В. О! вы слишкомъ скромны, почтенный князь!

Кант. Не довольствуясь опытомъ моимъ надъ Фонтенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

Аб. В. Персидскія письма порусски!

Монт. Могъ-ли я ожидать, что первое, слабое произведеніе моего пера отниметъ у васъ столько драгоцѣннаго времени?

Аб. В. Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ вѣтрены и малодушны обитатели береговъ Сены.

Кант. И какъ остроумны.

Аб. В. Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель, — которая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ — давно предсказывалъ вашу славу, Г. Монтескье!

Въ землѣ своей никто Пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко быть можетъ, что въ эту самую минуту, на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пусты-

ь Татаріи — читаютъ ваши
юумныя письма, и имя Мон-
кье гремитъ въ становищахъ
мыковъ и Самоѣдовъ.

Монт. Читаютъ Персидскія пись-
при свѣтѣ лампады, налитой
ьимъ жиромъ....

Аб. В. Или при свѣтѣ сѣвер-
о сіянія.... Конечно странно,
есно!—А мы говоримъ съ та-
ъ пренебреженіемъ о великой
:ковіи.

Кант. Калмыки и Самоѣды не
ютъ философскихъ книгъ, и
ечно долго читать не будутъ.
въ Москвѣ многолюдной, въ
дающейся столицѣ Петра, въ
астыряхъ малой и великой Рос-
, есть люди просвѣщенные и
лящіе, которые умѣютъ наслаж-
ься прекрасными произведенія-
узъ.

Монт. Число такихъ людей дол-
быть весьма ограничено. До
ъ поръ я думалъ и думаю, что
мать вашъ суровый и непосто-
ый, земля по большой части
плодная, покрытая въ зиму глу-
ими снѣгами, малое населеніе,
дность сообщеній, образъ прав-
ія почти азіатскій, закоренѣлые
дразсудки и рабство, утвер-
енные вѣками навыка — все это
стѣ надолго замедлитъ ходъ
и просвѣщенія. Власть клима-
есть первая изъ властей.

Аб. В. Я съ вами согласенъ; и
агаю, что всѣ усилія испо-
скаго царя, все, что онъ на-
ворилъ желѣзною рукою, все
рушится, упадетъ, исчезнетъ.
рода, обычаи, древнее суе-
іе, непсцѣлимое варварство —
ьмутъ верхъ надъ просвѣщені-
слабымъ и неосновательнымъ:
ся полудикая Московія — сно-
будетъ дикою Московіею, и
вѣчный туманъ забвенія покроетъ
дѣла и жизнь преемниковъ Петра
Великаго.

Кант. Я осмѣлюсь спорить съ
великимъ творцемъ книги: *О су-
ществѣ законовъ*, и съ вами, лю-
безный аббатъ. Россія пробуди-
лась отъ глубокаго сна, подобно
баснословному Эпименидy. Заря,
освѣтившая нашу землю, предвѣ-
щаетъ прекрасное утро, велико-
лѣпный полдень и ясный вечеръ:
вотъ мое пророчество!

Аб. В. Но это не заря — сѣвер-
ное сіяніе. Блеску много, но безъ
свѣта и безъ теплоты.

Монт. Остроумный Аббатъ ска-
залъ великую истину. Положимъ—
трудное предположеніе, едва-ли
сбыточное дѣло!—положимъ, что
правительство откроетъ всѣ пути
къ просвѣщенію, что будетъ без-
престанно призывать иностранцевъ
для воспитанія юношества, по-
строитъ теплые домы для училищъ,
и изъ сихъ парниковъ и теплицъ
просвѣщенія соберетъ нѣсколько
незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ;
положимъ, что правительство обра-
зуетъ военныхъ людей, довольно
искусныхъ, нѣсколько мореход-
цевъ, небольшое число артилле-
ристовъ, инженеровъ и проч. Но
скажите, можетъ-ли правитель-
ство вдохнуть вкусъ къ изящно-
му, къ наукамъ отвлеченнымъ,
умозрительнымъ? Какая сила из-
мѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ
даровать новое небо, новый воз-
духъ, новую землю?

Аб. В. И новое солнце? Какъ
можно сѣять науки тамъ, гдѣ
осенью серпъ земледѣльца пожи-
наетъ рѣдкіе класы на браздахъ,
потомъ его орошенныхъ; гдѣ зи-
мою отъ холоду чугунъ распа-
дается и топоръ жидкости рубитъ-

Монт. Холодной воздухъ сжимаетъ желѣзо: какъ-же не дѣйствовать ему на человѣка? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она-же лишаетъ чувствительности, необходимой для наукъ и искуствъ. Теплота, напротивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобъ заставить его что-нибудь почувствовать.

Аб. В. Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ министръ, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента, отвѣчать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

Кант. Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоломъ восточной имперіи. Слѣдственно во мнѣ играетъ еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вѣчно зеленыя оливы странъ полуденныхъ. Въ молодости я странствовалъ съ отцемъ моимъ, неразлучнымъ сопутникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и теремъ боярина мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго человѣка въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ философіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое отечество мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ короля вашего, въ присутствіи министровъ, я—представитель великаго народа и всемогущей его Монархини: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, поставляю обязанностію говорить откровенно: и вы, г. аббатъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи или нечистосердечіи. Вотъ мой отвѣтъ: вы знаете, что Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей,—нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны всему человѣчеству*. Не прошло пятнадцати лѣтъ—и великій Монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили

ıѣ, что имѣемъ артиллерію,
», инженеровъ, ученыхъ, да-
ıытныхъ мореходцевъ. Чего-
ɔтите отъ насъ въ столь ко-
ɔе время? Успѣховъ ума, у-
ɔвъ въ наукахъ отвлеченныхъ,
ящныхъ искуствахъ, въ кра-
ɔчіи, въ поэзіи?—Дайте намъ
ı, продлите благопріятныя об-
ельства, и вы не откажете намъ
учшихъ способностяхъ ума.
оворите, что власть климата
первая изъ властей. Не спо-
климатъ имѣетъ вліяніе на
лей; но это вліяніе (какъ вы
замѣтили въ безсмертной кни-
ıоей), это вліяніе уменьшает-
и смягчается образомъ прав-
, правами, общежитіемъ. Са-
климатъ Россіи разнообра-
Иностранцы, говоря о на-
, отечествѣ, полагаютъ вообо-
ıто *Московія* покрыта вѣчными
ами, населена дикими. Они
ваютъ неизмѣримое простран-
Россіи; они забываютъ, что
время, когда житель влаж-
береговъ Бѣлаго моря хо-
за куницею на быстрыхъ лы-
, своихъ, — счастливый оби-
ıь устьевъ Волги собираетъ
ıицу и благодатное просо. Са-
сѣверъ не столь ужасенъ взо-
путешественника; ибо онъ
ь все потребное воздѣлыва-
полей. Плугъ есть основаніе
ства, истинный узелъ граж-
гва, опора законовъ; а гдѣ,
ıкой странѣ Россіи не остав-
ь онъ благодѣтельныхъ слѣ-
своихъ? Съ успѣхами люд-
ı и просвѣщенія, сѣверъ без-
ганно измѣняется, и, если
, сказать, прирастаетъ копро-
ıенной Европѣ. Скажите: ког-
ацитъ описывалъ Германцевъ,
ıъ-ли тогда Тацитъ, что въ
дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ го-
рода великолѣпные, что въ древ-
ней Панноніи и Норикѣ родятся
свѣтильники ума человѣческаго?
Нѣтъ, конечно! Но Петръ Великій,
заключивъ судьбу полумірa въ ру-
кѣ своей, утѣшалъ себя великою
мыслію, что на берегахъ Невы
древо наукъ будетъ процвѣтать
подъ тѣнію его державы, и рано
или поздно, но дастъ новые пло-
ды, и человѣчество обогатится ими.
Вы, г. Монтескье, наблюдаете без-
престанно міръ политическій: на
развалинахъ протекшихъ вѣковъ,
на прахѣ гордаго Рима и прелест-
ной Греціи, вы постигли причины
настоящихъ явленій, научились
пророчествовать о будущемъ. Вы
знаете, что съ успѣхами просвѣ-
щенія измѣняются явнымъ и не-
премѣннымъ образомъ всѣ формы
правленія: вы замѣтили сіи из-
мѣненія въ землѣ Русской. Время
все разрушаетъ и созидаетъ, пор-
титъ и усовершаетъ. Можетъ быть
чрезъ два или три столѣтія, мо-
жетъ быть и ранѣе, благія небеса
дарують намъ генія, который по-
стигнетъ вполнѣ великую мысль
Петра — и обширнѣйшая земля въ
мірѣ, по творческому гласу его,
учинится хранилищемъ законовъ,
свободы на нихъ основанной, нра-
вовъ, дающихъ постоянство зако-
намъ, однимъ словомъ — храни-
лищемъ просвѣщенія. Лестныя на-
дежды! вы сбудетесь конечно. Бла-
годѣтель семейства моего, — бла-
годѣтель Россіи почиваетъ во гро-
бѣ; но духъ его, сей дѣятельный,
сей великій духъ — не покидаетъ
страны ему любезной: онъ всюду
присутствуетъ, все оживляетъ,
всему даетъ душу, новую жизнь
и новую силу; онъ, кажется мнѣ,
безпрестанно вѣщаетъ Россіи: и

впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверстомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монт. Но искуства? Могутъ-ли они процвѣтать въ туманахъ невскихъ, или подъ суровымъ небомъ московскимъ?

Аб. В. Искуства.... Ахъ! имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умѣренный климатъ нашей Франціи.

Кант. Полуденныя страны были родиною искуствъ; но сіи прелестныя дѣти воображенія были часто вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быстрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любятъ свое древнее отечество, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышитъ воздухомъ, питается плодами земли—тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ-же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ поэзіи....

Аб. В. Такъ! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на сѣверѣ.

Монт. Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Отъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бываютъ внѣ себя и прыгаютъ какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ.

Кант. Что доказываетъ это? что *чувствительность* народовъ *южныхъ раздражительнѣе*, сообщительнѣе: но едва-ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ соотечественниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Гомера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія музы италіянской.

Аб. В. Невѣроятно!

Кант. Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной музы.

Аб. В. Чудесно! по чести невѣроятно!

Кант. Скажите, если грубыя дѣти сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно, то чего нельзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

Аб. В. Но.... почтенный защитникъ сѣвера.... вы знаете, что народныя пѣсни.... лепетаніе младенцевъ!

Кант. Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать? можетъ быть на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги—возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, г. президентъ, что скажете, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ, родился великій геній, что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле наукъ; какъ философъ, какъ ораторъ и поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что скажете, если...

Аб. В. Но къ чему сіи гипотезы

гче повѣрю, что Русскіе взяли
иступомъ Парижъ, и уничто-
ли всѣ крѣпости, Вобаномъ по-
роенныя!!!! *Впрочемъ для чу-
ъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ
нтенель съзначительною усмѣш-
ю, прочитавъ въ первый разъ
ое глубокомысленное разсужде-
е объ оракулахъ. Всѣ надежды
ши, можетъ быть, и сбудутся,
и вы найдете ихъ въ царствѣ
ны, съ утраченными надеждами
стольфа. Но, простите моему чи-
осердечію.... признаюсь, я до
хъ поръ смотрю на васъ съ удив-
ніемъ, и не могу постигнуть,
къ можно въ Парижѣ, на зем-
Расина и Корнеля — писать
сскіе стихи.

Кант. Это напоминаетъ: какъ
жно быть Персіяниномъ?

Монт. Вы хотѣли поразить насъ
бственнымъ нашимъ оружіемъ.
позвольте сдѣлать одно замѣ-
ніе. Вы подражаете Горацію и
веналу: слѣдственно пишете са-
ры,—сатиры на нравы.... кото-
е еще не установились. Гора-
й и Ювеналъ осмѣивали пороки
рода развратнаго, но достигша-
высокой степени просвѣщенія;
троумный и всегда разсудитель-
й Боало писалъ при дворѣ вели-
го короля, въ самую блестящую
оху монархіи французской. Те-
рь общество въ Россіи должно
едставлять ужасный хаосъ: гру-
е сліяніе всего порочнаго, смѣ-
еніе закоренѣлыхъ предразсуд-
овъ, невѣжества, древняго вар-
рства, татарскихъ обычаевъ, съ
некоторымъ блескомъ раскоши азі-
ской, съ нѣкоторыми искрами
росвѣщенія европейскаго! Какая
тѣ пища для поэта сатиричес-
аго? Могутъ ли проникнуть тон-
я стрѣлы эпиграммы сквозь трой-
ную броню невѣжества, и уязвить
сердце окаменѣлое отъ пороковъ,
закаленное въ невѣжествѣ? И что
значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ
женщины, хранительницы нравовъ,
едва начинаютъ освобождаться изъ
подъ ига мужей своихъ; въ землѣ,
гдѣ общественное мнѣніе еще ша-
тается, еще не установилось и не
можетъ наказывать своихъ приго-
воромъ того, что не подлежитъ су-
ду законовъ? Однимъ словомъ:
какъ можно смѣяся говорить исти-
ну властелинамъ или рабамъ? Пер-
вымъ — опасно, другимъ — без-
полезно.

Кант.. Пользуясь покровитель-
ствомъ монарховъ и вельможъ, за-
нимающихъ первыя степени въ го-
сударствѣ, я безъ страха говорилъ
истину, и мои сатиры принесли
нѣкоторую пользу. Петръ Великій,
преобразуя Россію, старался пре-
образовать и нравы: новое поприще
открылось наблюдателю чело-
вѣчества и страстей его. Мы уви-
дѣли въ древней Москвѣ чудесное
смѣшеніе старины и новизны, двѣ
стихіи въ безпрестанной борьбѣ од-
на съ другою. Новые обычаи, новыя
платья, новый родъ жизни, новый
языкъ не могли еще измѣнить
древнихъ людей, изгладить древ-
ній характеръ. Иные бояра, надѣ-
вая парикъ и новое платье, оста-
вались съ прежними предразсуд-
ками, съ древнимъ упрямствомъ,
и тѣмъ казались еще страннѣе;
другіе, отложа бороду и длинный
кафтанъ праотеческій, съ плать-
емъ европейскимъ надѣвали всѣ
пороки, всѣ слабости вашихъ со-
отечественниковъ, но вашей лю-
безности и людкости занять не
умѣли. Частыя перемѣны при дво-
рѣ возводили на высокія степени
государственныя людей низкихъ

и недостойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный развратъ, скупость и расточительвость неимовѣрная: однимъ словомъ, страсти, по всему противуположныя, сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью, и съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ его и намекнуть соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Ѳеофанъ, архимандритъ Кроликъ, оба достойные настыри, Никита Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неискусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорятъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова славянскія, чужестранныя, не свойственныя языку русскому, — и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ. Сатиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для потомковъ нашихъ, подобно древнимъ картинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаэля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи — отъ временъ Петра до царствованія счастливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (простите мнѣ авторское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе потому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ музъ и философіи, нежели потому, что занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

Аб. В. Прекрасно? Вы говорите, какъ истинный философъ.

Монт. Мы желали-бы видѣть ваши сатиры на французскомъ языкѣ. Отчасти я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но.... вотъ и аббатъ Гуаско, вашъ пріятель.

Вы очень кстати навѣстили насъ! сказалъ Кантемиръ, обнимая аббата. Вы перевели мои сатиры на французскій языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе г. президенту; а у васъ, господа, прошу терпѣнія и снисхожденія....

Чтеніе и разговоръ продолжились даже за полночь. Наконецъ Монтескье и аббатъ В. откланялись министру и разстались.... довольны-ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ аббату Гуаско: признайся, любезный другъ, Монтескье умный человѣкъ, великій писатель....но....

Но говоритъ о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ аббатъ Гуаско.—Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи аббату, и они разстались.

Батюшковъ.

В. ПИСЬМА.

ітрополита Платона, при
нъ послалъ Государю Им-
ру Александру I образъ
Преподобнаго Сергія.

емилостивѣйшій
Государь Императоръ!

опрестольный градъ Моск-
ій Іерусалимъ, пріемлетъ
своего, яко мать въ объ-
рдныхъ сыновъ своихъ, и,
возникающую мглу провидя
льную славу своея Дер-
оетъ въ восторгѣ: *Осанна,*
вень грядый! Пусть дерз-
аглый Голіаѳъ отъ предѣ-
анціи обноситъ на краяхъ
смертоносные ужасы; но
Вѣра, сія праща Россій-
Давида, сразитъ внезапно
ровожаждущей его горды-
образъ Преподобнаго Сер-
евняго ревнителя о благѣ
Отечества, приносится Ва-
мператорскому Величеству.
ую, что слабѣющія мои си-
ятствуютъ мнѣ насладить-
езнѣйшимъ Вашимъ лице-
ъ.
ыя возсылаю къ Небесамъ
, да Всесильный возвели-
одъ правыхъ и исполнитъ
ихъ желанія Вашего Вели-

лостивѣйшій Государь! Ва-
Императорскаго Величества
даннѣйшій богомолецъ Пла-
Митрополитъ Московскій.

14, 1812 года.
ицкая Лавра.

---

160. Второе письмо Митрополита Платона.

Августѣйшій Монархъ, Государь
Всемилостивѣйшій!

Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ — пріять на руки свои Предвѣчнаго Младенца, и изъ глубины восхищенныя души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я недостойный удостоенъ отвѣта Августѣйшей Особы Вашей, въ восторгѣ лобызаю Высокомонаршую десницу; — ношу бремя скучной старости, но какъ-бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему имени-Александръ.

Государь! Вы по духу Христіанскаго благочестія благословили новооружаемыхъ героевъ принесенною Вамъ отъ меня иконою Чудотворца Сергія. *Много можетъ молитва праведна спосп̀ѣшествуема.* Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злобное оружіе — и этотъ Фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку, — страшно выговорить! рѣку крови человѣческой! О! каждая крови капля возоветъ отъ земли къ Небу. *Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея.* Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщеній, а Россія восчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ нему: Авва Отче! Царю Небесный! ты изведеши яко свѣтъ правду Монарха и судьбу Россіи яко полудне.

Августѣйшій Монархъ! вѣрноподданнѣйшій усердный богомо-

лецъ Платонъ Митрополитъ Московскій.

Іюля 23, 1812 года.

Виванія.

(*Жизнь Платона, соч. Н. Снегирева*).

---

161. Императору Александру I.

Всемилостивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ представляю Вашему Императорскому Величеству плодъ усердныхъ, двѣнадцати-лѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный Вами, могъ ли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я Вамъ, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя Димитрія Донскаго—въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ: сравнивали давноминувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Россіею; но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава Александрова сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе Вашего добродѣтельнаго сердца равно Вашей славѣ, то вы счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно единому Богу; но *мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ мира* твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, наукъ, искуствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, чего Вы, Государь, не совершите въ крѣпости мужества, въ теченіе жизни долговременной, обѣщаемой Вамъ и закономъ природы и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли, Исторія передаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.

Карамзинъ.

---

162. Къ Каподистрію.

Свиданіе съ любезнымъ Б....мъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго: онъ много разсказывалъ намъ объ васъ, и всѣ подробности о вашемъ здоровьѣ, о вашемъ наружномъ видѣ (матеріальномъ выраженіи нематеріальнаго), были для насъ удовлетворительны. Но, къ сожалѣнію, многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей на счетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая однако нашего общаго друга, который такъ живо передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда за-

бывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ завидно для меня то счастіе, которымъ онъ насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: «хотя онъ и далеко, но онъ «объ насъ помнитъ; а мы безсмерт«ны. Соединеніе душъ не прекра«щается съ жизнію матеріальною: «переживший сохраняетъ воспоми«наніе; отшедшій, быть можетъ, «болѣе выигрываетъ, нежели те«ряетъ. Земные путешественники «слишкомъ разсѣянны: имъ нѣтъ «досуга заботиться о дружбѣ; не «прежде, какъ бросивъ свой по«сохъ, мы можемъ предаться впол«нѣ привязанностямъ своего серд«ца: тогда разсѣянное во времени «будетъ отыскано въ вѣчности.» — Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей Исторіи, подвигающейся къ окончанію даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ; если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я старѣюсь, не угасая (быть можетъ придетъ и то). О, какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! Такъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!....

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ меня скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, не рѣдко ночныя прогулки имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней; можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать одни только варварскія времена его Исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ: «такъ было угодно Богу», и, не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ генераловъ и нашихъ министровъ.... Но довольно! я заговорился, и кажется слишкомъ много для одного минутнаго свиданія съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? и самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ

иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елисавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что Она продолжаетъ по прежнему принимать въ васъ искреннее участіе. Она такъ прямодушна! И Государь ни мало къ вамъ не перемѣнился; Онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ однажды въ городѣ Своимъ посѣщеніемъ, Онъ много объ васъ говорилъ и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю Его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милостяхъ, ни о какомъ вліяніи, то есть, не тревожа себя ни мало тѣмъ, что никакого вліянія не имѣю. Богъ одинъ читаетъ во глубинѣ сердца!... Говорить ли вамъ о нашемъ теперешнемъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде, нежели вы получите письмо мое? Нашъ любезный, нашъ добрый Императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасная, но сердце дрожитъ за Него. А Государыня Елисавета Алексѣевна, въ письмѣ отъ 3 ноября, которое я имѣлъ счастіе получить отъ Нея, увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше: Она очень огорчена смертію Короля Баварскаго. *Карамзинъ.*

---

163. Изъ писемъ Русскаго Путешественника.

Разстался я съ вами, милые, *разстался!* Сердце мое привязано *къ вамъ всѣми* нѣжнѣйшими *своими чувствами*, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ-ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва-ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Петрв... провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ па Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости*! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались....и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ *утѣшеній*. — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выдти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ натурою, и умираютъ, гдѣ родятся: но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ....

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество. Путешествуй, кто только можетъ!

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развиваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцары! всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы Небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла смерти должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую тиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы — чувствую я тоже, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы Высочайшею Благостію, если бы она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, посвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня.— Высокія горы у насъ предъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрысывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Тунское озеро.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проницаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой по-

душки. Величественная натура! прости слабому; на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

По обѣимъ сторонамъ озера безпрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ селами. Чистые ручьи ниспадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и—можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею—пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно! но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному странпику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое величіе, Свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему!.... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Го-Бюкссонъ.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли—природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ... одинъ!—Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго!

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе—чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!....

Дикій, преселенный изъ мрачныхъ канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ искуствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ и плѣняется; — но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Кале.

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію—и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! *скорѣе, нежели* думалъ! Отъ чего *же? Скажу* вамъ правду. Кошелекъ *мой* ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи.... Мнѣ осталось бѣжать на биржу скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣзть по веревкамъ на корабль его, и, снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ русскій парикмахеръ Ѳеодоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою Fedor Ooshakof, салитъ голову лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи экономическимъ крестьяниномъ, и служитъ всѣмъ Русскимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Иорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу.... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матросы желали капитану счастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы ѣ-

али намъ благополучный вѣтеръ. І смотрѣлъ на прекрасные берега Гемзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими—скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли....

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! оно черезъ 20 лѣтъ, (если столько проживу на свѣтѣ), будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (*между нами будь* сказано) *занимательнѣе самого себя?*.... Почему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*; можетъ быть и другіе.... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ-бы на свободѣ веселиться *китайскими тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

Карамзинъ.

---

164. Образъ жизни Карамзина въ Царскомъ селѣ (*Письмо къ И. И. Дмитріеву*).

Любезный другъ! въ отвѣтъ на милое письмо твое, скажу, что о вкусахъ, по старому латинскому выраженію, не спорятъ. Я точно наслаждаюсь здѣшнею тихою уединенною жизнію, когда здоровъ и не имѣю сердечной тревоги. Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ девять часовъ утра гуляю, по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, нетуманнаго озера, славимаго и въ Conversations d'Emilie; въ одиннадцатомъ завтракаю съ семействомъ, работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: трясусь, качаюсь-и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю въ дали на огни домовъ, слушаю колокольчики скачущихъ по большой дорогѣ, и нерѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы.... книгу; въ девять часовъ пьемъ чай за круглы

столомъ, и, съ десяти до половины двѣнадцатаго, читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами Вальтеръ Скотта романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки.... Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь-ли, что я со слезами чувствую признательность къ небу за свое историческое дѣло. Знаю—*что* и *какъ* пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и человѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей исторіи: она есть, и довольно для меня.... За неимѣніемъ читателей, могу читать себѣ и бормотать сердцу, *гдѣ* и *что* хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ, до той минуты, какъ лебедь на водахъ Меандра, пропѣвъ, умолкаетъ навсегда. Чтобъ чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы, я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятилъ здѣсь способность ума авторству.... Такъ пишутъ къ друзьямъ изъ уединенія!

Карамзинъ.

---

165. Отрывокъ письма Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Я былъ въ Бородинѣ въ самый *день великолѣпнаго* праздника, *которымъ Государь* угостилъ свою армію. Палатою, для пирующихъ, было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его, и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ не много. Опишу вамъ просто все, какъ было. Но прежде оглянемся назадъ. За 27 лѣтъ двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою; въ одной Наполеонъ и всѣ народы Европы, въ другой одна Россія. Наканунѣ сраженія (25 августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со звукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно; вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не умѣлъ бы этого сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; на-

ра, невидимо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара, и наконецъ ужасною бѣлою тучей обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало по малу отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ поръ непрерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тутъ намъ велѣно было двинуться впередъ, и мы очутились на возвышеніи посреди арміи; въ дали царствовалъ мракъ: все покрыто было густымъ туманомъ освѣщавшагося дыма, и костры непріятельскихъ биваковъ горѣли въ этомъ туманѣ тусклымъ огнемъ, какъ огромныя раскаленныя ядра. Но мы не долго оставались на мѣстѣ; армія тронулась и въ глубокомъ молчаніи пошла къ Москвѣ, покрытая темною ночью. Вотъ то, что мои глаза видѣли здѣсь за 27 лѣтъ. Теперь на Бородинскомъ полѣ была картина иная. Батареи на высотахъ исчезли: по нимъ переливается жатва, и одинъ монументъ Бородинскій ими владычествуетъ. Только тамъ, гдѣ такъ храбро дрался Воронцовъ, потерявшій здѣсь почти всѣхъ людей своихъ, гдѣ погибъ Тучковъ, неотысканный между мертвыми, остались признаки укрѣпленій; но они служатъ подножіемъ церкви, построенной вдовою Тучкова на мѣстѣ погибели ея мужа, а вмѣсто пушекъ, тогда здѣсь гремѣвшихъ, являются тихія кельи монахинь. Здѣсь, наканунѣ праздника, встрѣтилъ я нѣкоторыхъ *изъ нашихъ* храбрыхъ *генераловъ. Одинъ изъ* нихъ показывалъ товарищамъ своимъ то мѣсто, гдѣ за четверть вѣка бился; онъ самъ уже не узнавалъ его, и монахини служили ему провожатыми къ немногимъ остаткамъ тѣхъ оконовъ, на коихъ тогда пали его сослуживцы. Въ глазахъ заслуженнаго воина сверкали слезы: то были слезы глубокаго, возвышеннаго чувства; какъ могло не разогрѣться сердце при вступленіи, послѣ столькихъ лѣтъ, послѣ столькихъ измѣненій и въ своей судьбѣ и въ судьбѣ народовъ, на то мѣсто, гдѣ совершилось одно изъ главныхъ событій жизни, гдѣ вдругъ безъ прощанья надлежало разстаться съ такимъ множествомъ храбрыхъ ближнихъ, гдѣ всѣ они лежатъ, смѣшавшись съ прахомъ земли, и гдѣ, вѣроятно, всѣ они ожили въ позднемъ воспоминаніи? На этомъ же мѣстѣ явился и другой храбрый воинъ Бородинскаго дня: онъ вошелъ въ церковь, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ Царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положилъ на налой образъ, вѣроятно съ нимъ бывшій въ этомъ сраженіи, благодарною данію Спасителю — Богу.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительна осенняя свѣжесть; теперь теплота наполняла воздухъ, и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ подымалась столбами. Войска (около ста пятидесяти тысячъ) были рано поутру сведены на мѣста, имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ теперь стоитъ памятникъ

Бородинскій, и у подошвы его лежитъ Багратіонъ, на коемъ *тогда* произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которое гремѣло болѣе двухъ сотъ Наполеоновыхъ пушекъ, гдѣ наконецъ всѣ перемѣшались въ рукопашной убійственной свалкѣ. Войска, видимыя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное; однимъ взглядомъ можно было окинуть сто-пятидесяти-тысячную армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другой подымались. Пѣхота была неподвижна: по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромнаго боеваго чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами какъ черная гробовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія. Въ срединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента; другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ одинъ на землѣ Бородинской, величественно-тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія, казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовію одѣла здѣсь свою свѣжею зеленью, своею благовонною жатвою. Другіе Бородинскіе воины, еще находящіеся въ службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фрунтомъ внѣограды. Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ: грянуло повсемѣстное ура, и вдругъ все утихло; отъ Бородина съ хоругвями и крестами потянулся ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы, и позади всѣхъ Преосвященный Митрополитъ Московскій, длиннымъ строемъ, съ торжественнымъ пѣніемъ, шли мимо арміи къ монументу, предъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и Митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движенія, ни шороха; какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно. И вдругъ изъ глубины этого чуднаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!* Эта минутная гармонія, какъ тихій Ангелъ, пролетѣла между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла; она была чѣмъ-то таинственнымъ, чѣмъ-то всевыражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе; молитвы и пѣніе отъ подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противо-

ожность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь, за четверть вѣка, земля трепетала. Вдругъ раздался звучный голосъ Государя; услышали команду Его *смирно!* Съ глубокою, повсемѣстною тишиною соединилось повсемѣстное ожиданіе, и въ это мгновеніе Первосвятитель возгласилъ: *Великому Императору Александру Первому вѣчная память!* Тутъ всѣ пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно *ура!* Изъ-за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ высотамъ поднялись тучи дыма, и долго въ этомъ дыму, незаглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ войска, составляя вмѣстѣ съ выстрѣлами какую-то несказанную, потрясающую сердце гармонію. И это *ура*, сперва всеобщее по всѣмъ колоннамъ, умолкая на одномъ концѣ ихъ, начиналось на другомъ, опять сливалось въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло, и наконецъ, только по данному Императоромъ знаку, мало по малу замолкло. И только эта одна минута повторила то, что здѣсь случилось въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ былъ *слава!* Опять все умолкло; начался благодарственный молебенъ; армія пала на колѣна; запѣли *Тебе Бога хвалимъ!* Первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою; потомъ священники съ хоругвями и крестами пошли обратно мимо арміи и скоро ихъ свѣтлый строй и кресты и хоругви исчезли въ отдаленіи. Колонны *поколебались*; Государь *впереди ихъ проѣхалъ* мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ, и вся армія прошла мимо его въ удивительномъ порядкѣ; но страшная туча пыли отъ нея подымалась, какъ будто напоминая о дымѣ Бородинскаго боя. Наконецъ все опустѣло, все утихло; чудесное видѣніе кончилось; остался одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ, и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою. *Жуковскій.*

(*Современникъ, 1839*).

---

166. Письмо Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго къ Кутузову, 1813 года декабря 30 дня.

Почтеннѣйшее письмо Вашей Свѣтлости отъ 28 октября имѣлъ я честь получить 21-го прошлаго мѣсяца. Чувствительнѣйшую приношу благодарность за сообщеніе мнѣ радостнаго извѣстія о обращеніи врага въ бѣгство и о побѣдахъ вашихъ при его преслѣдованіи. Я принимаю сіе за явственнѣйшее доказательство милостиваго вашего ко мнѣ благорасположенія, ибо вы поспѣшили раздѣлить со мною радость вашу, будучи удостовѣрены въ живѣйшемъ участіи, которое беру во всемъ до васъ относящемся.

Весьма лестна и пріятна мнѣ взаимность сія; она утверждена не на зыбкомъ основаніи: лѣта и сходство случайностей укрѣпили ее. Съ одного времени, хотя на разныхъ поприщахъ, мы служили, доброе и худое переносили, видѣли фортуну, иногда улыбавшуюся къ намъ, но часто оборачивающую хребетъ; теперь она веселымъ лицемъ глядитъ на васъ, а купно съ вами благопріятствуетъ и мнѣ: въ уеди

неніи моемъ, одни злополучія отечества убивали меня; побѣды ваши возвращаютъ мнѣ спокойствіе; онѣ ростутъ, догоняютъ одна другую; не успѣлъ я поздравить Вашу Свѣтлость съ одержанными надъ врагомъ предъ Смоленскомъ успѣхами, а слышу ужъ о пораженіи его подъ Краснымъ, Оршею и за Днѣпромъ. Помоги Вамъ Господь истребить сопостата въ конецъ! Тогда съ отрадою я сниду во гробъ, и сею отрадою буду одолженъ вамъ.

Горестно жалѣете вы, что не могли отстоять первопрестольнаго града нашего. Конечно, несказанно жаль; но кто можетъ бороться противу судьбы? и льзя-ли было предположить, чтобъ врагъ, пощадившій столько столицъ, готовился хладнокровно излить на Москву всю ярость свою? Таковый былъ ей назначенъ неминуемый и неотвратимый рокъ!—Пожарскій не могъ защитить матери русскихъ городовъ: онъ изгналъ изъ нея врага, слабѣйшаго стократъ того, который бѣжитъ теперь отъ лица вашего. — Судьба сравнила васъ съ симъ великимъ мужемъ; оба вы, въ памяти благодарнаго потомства, останетесь избавителями отечества! Пала Москва, но, опершись на васъ, устояла Россія; скоро могущею рукою подыметъ она падшую столицу свою, покажетъ ее удивленному міру еще въ большемъ великолѣпіи и славѣ, и удостовѣритъ его тѣмъ, что богатство и сила наша неистощаемы; ибо они существенно отъ изобилія земли нашей происходятъ, а не заимствуются промѣномъ на драгоцѣнный металлъ, при кучахъ *котораго многіе милліоны людей съ голоду умираютъ*. Москва есть *Россіи загородный домъ*; было-бы цѣло село да гумно, не долго пепелище покрывать будетъ господское подворье. Повторяю: богаты и сильны наше отечество и Государь. Легко могутъ они исправить разореніе, причиненное всеистребляющимъ врагомъ. — Будемъ надѣяться и успокоимъ тѣмъ горестное чувство. Но пора обратиться къ пріятнѣйшему предмету. Гдѣ вы теперь въ погонѣ за врагомъ? Соединился ли Чичаговъ съ вами? Не ускользнулъ ли гдѣ нибудь бѣглецъ между армій вашихъ, толь великое пространство занимать долженствующихъ? Не зная, гдѣ вы находитесь, не видя возвращенія отъ Вашей Свѣтлости Г. Кованьки, я рѣшился послать къ вамъ еще одного гонца; теперь вы, кажется, немного удосужились: прошу покорнѣйше удѣлить хоть часъ на бесѣду съ человѣкомъ, искренно къ вамъ привязаннымъ. Каждая подробность о новыхъ успѣхахъ вашихъ будетъ мнѣ драгоцѣннѣйшимъ подаркомъ. Не лишайте меня удовольствія восхищаться вашими торжествами: дай Богъ, чтобы совершенное истребленіе врага украсило ихъ вѣнцемъ безсмертія.

---

167. О смерти Барона Дельвига.

21 генваря, 1831 года. Москва.

Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе, получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но ни-

свѣтѣ не былъ мнѣ ближе
га. Изо всѣхъ связей дѣт-
ъ одинъ оставался на ви-
оло него собиралась наша
кучка. Безъ него мы точно
зли. Считай по пальцамъ:
о насъ? ты, я, Б....й, вотъ
Вчера провелъ я день съ
торый сильно пораженъ его
). Говорили о немъ, называя
койникъ Дельвигъ, и этотъ
, былъ столь-же страненъ,
страшенъ. Нечего дѣлать!
мся: покойникъ Дельвигъ—
къ. В.....й боленъ съ огор-
Меня не такъ-то легко съ
алить. Будь здоровъ и по-
ся быть живы.

А. Пушкинъ.

исьмо А. С. Пушкина о Го-
ыхъ «Вечерахъ на хуторѣ
близь Диканьки» (*).

насъ прочелъ «Вечера близь
ки.» Они изумили меня.
настоящая веселость, ис-
, непринужденная, безъ
гва, безъ чопорности. А
какая поэзія! Какая чув-
ность! Все это такъ не-
венно въ нашей нынѣшней
урѣ, что я доселѣ не обра-
. Мнѣ сказывали, что, ког-
тель вошелъ въ типографію,
атались Вечера, то набор-
ачали прыскать и фыркать,
зажимая ротъ рукою. Факторъ объ-
яснилъ ихъ веселость, признав-
шись ему, что наборщики помира-
ли со смѣху, набирая его книгу.
Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно,
были бы рады разсмѣшить своихъ
наборщиковъ. Поздравляю публи-
ку съ истинно веселою книгою,
а автору сердечно желаю даль-
нѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторо-
ну, если журналисты, по своему
обыкновенію, нападутъ на неприли-
чіе его выраженій, на дурной
тонъ, и пр. Пора, пора намъ осмѣ-
ять les precieuses ridicules нашей
словесности, людей, толкующихъ
вѣчно о прекрасныхъ читательни-
цахъ, которыхъ у нихъ не быва-
ло, о высшемъ обществѣ, куда ихъ
не просятъ.

---

169. Изъ писемъ Русскаго Офицера.

Село Сутоки.

Природа въ полномъ цвѣтѣ!.... Зеленѣющія поля обѣщаютъ самую богатую жатву. Все наслаждается жизнію. Не знаю, отъ чего сердце мое отказывается участвовать въ общей радости творенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно листьямъ и цвѣтамъ. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущаетъ насъ предъ сильною лѣтнею грозою, сжимаетъ его. Предчувствіе какого-то отдаленнаго несчастія меня пугаетъ.... Но можетъ быть это мечты!.... «Не даромъ, говорятъ простолюдины, прошлаго года такъ долго ходила въ небесахъ *невиданная звѣзда*; не даромъ горѣли города, села, лѣса, и во многихъ мѣстахъ земля выгорала: не къ добру это все! Бы

(*) Письмо по выходѣ Вечеровъ на ху-
близь Диканьки, А. С. Пушкинъ
къ издателю «Литературныхъ
леній къ Инвалиду» письмо, въ
ихъ высказалъ мнѣніе объ этой
Письмо его тогда же было на-
но въ Литер. Прибав. (1831
7 и 9), при извѣстіи о вы-
Вечеровъ.»